

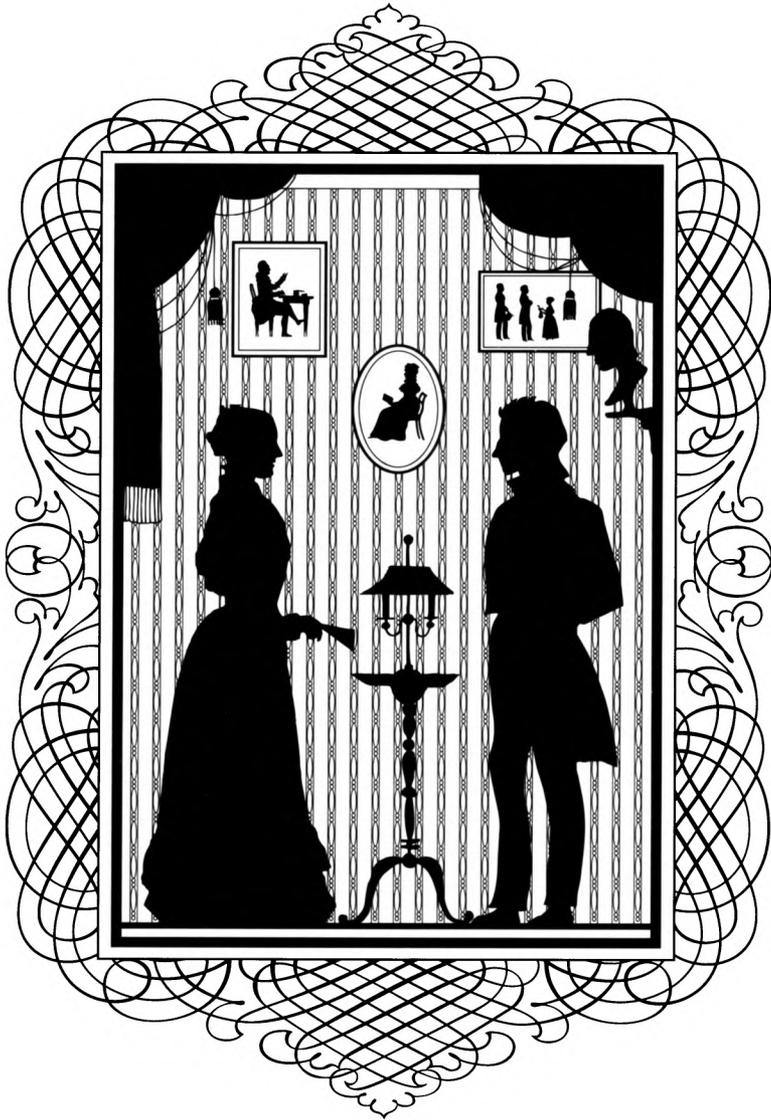
Николай Греч ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Николай Греч
ЧЕРНАЯ
ЖЕНЩИНА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Николай Греч

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Издание подготовила

Е.В. МАРКАСОВА

Научно-издательский центр

«ЛАДОМИР»

«Наука»

Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Серия основана академиком С.И. Вавиловым

М.Л. Андреев, В.Е. Багно (заместитель председателя),
В.И. Васильев, Т.Д. Венедиктова, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Б.Ф. Егоров (заместитель председателя), *Н.Н. Казанский,*
Н.В. Корниенко (заместитель председателя), *А.Б. Куделин* (председатель),
А.В. Лавров, А.Е. Махов, А.М. Молдован, С.И. Николаев, Ю.С. Осипов,
М.А. Островский, Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь),
К.А. Чекалов

Ответственный редактор
А.И. Рейтблат

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ

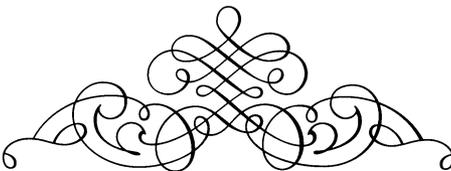
- © В.А. Кошелев. Статья, 2020.
- © Е.В. Маркасова. Статьи, примечания, краткая хроника жизни и деятельности, список иллюстраций, 2020.
- © А.И. Рейтблат. Статья, краткая хроника жизни и деятельности, 2020.
- © Алексей Наумов. Художественное оформление, 2020.
- © Научно-издательский центр «Ладомир», 2020.
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2020.

ISBN 978-5-94451-059-4
ISBN 978-5-86218-593-5

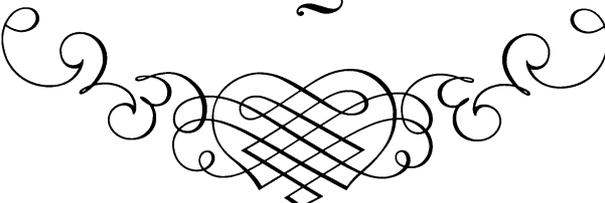
*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством запрещается*

Николай Иванович Греч
1787—1867

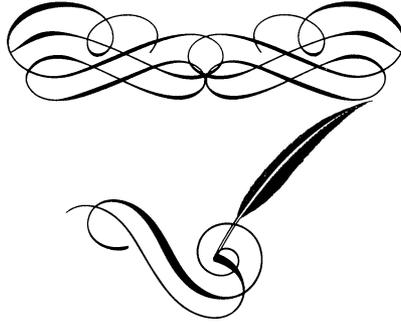

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Любовь и дружба! вот чем должно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не можно,
Но можно – менее страдать.
А кто любил, кто был любимым,
Был другом нежным, свято чтимым,
Тот в мире сем не даром жил,
Не даром землю бременил!

Карамзин¹

Василию Аполлоновичу Сушakovу¹

*Н*аконец могу заплатить Вам долг свой! За два тома, приписанные мне Вашею дружескою благосклонностью, подношу вам четыре. Примите количеством по неимению качества; удовольствуйтесь рассказами о делах обыкновенного, прозаического быта — за свежую, оригинальную, поэтическую повесть сына степей Киргиз-Кайсацких;² за произведение привольного московского досуга возьмите книгу, составленную посреди бесперерывных развлечений, забот, хлопот самых мелочных, ничтожных, убийственных для чувства и воображения! Не знаю, понравится ли Вам моя «Черная женщина»; не знаю, как примет ее публика: знаю только то, что я употребил всё старание, все зависевшие от меня средства, чтоб этот роман был сколько-нибудь достоин внимания любителей русского чтения. Неудачу в целом — припишу отсутствию во мне авторского таланта; недостатки и промахи в частности — неотвратимым моим обстоятельствам.

Журналисту труднее, нежели всякому другому, заниматься сочинением книг: от ценителя чужих трудов читатели требуют гораздо более, нежели от иного; и все хотят быть судьями того, кто принял на себя звание судьи всех других.

Всё кажется в других ошибкой нам,
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже³.

Теперь несколько слов о содержании, или собственной повести, романа. Но если Вы не хотите разочароваться до времени, советую Вам пробежать это объяснение уже по прочтении отрадного для писателя и читателей слова — *конец!*

Лет за двадцать пред сим слышал я в одном приятельском кругу невымышленный рассказ о жизни человека, который в младенчестве своем был испуган одним страшным явлением во время московской чумы⁴. Это явление сделалось его неразлучным спутником, предвещало ему счастье и беду, радость и печаль, успех в деле и неудачу и исчезло только с того времени, как повторилось пред глазами мечтателя в действительности. Главное содержание моего романа основано на этом предании.

Рассказы о видениях, предчувствиях, предвещаниях, помещенные в этом романе эпизодами, равномерно не вымышлены мною⁵. Все они основаны на изустных преданиях. Известие об огненном змее, пролетавшем чрез Петербург в сентябре 1796 года, найдете в книге П.И. Сумарокова о жизни Екатерины Великой⁶. О странном видении шествия из Адмиралтейства в Зимний дворец рассказывал одному моему приятелю очевидец этого случая, корреспондент Академии наук, г. Шрётер, астроном и метеоролог, умерший в 1810 году⁷ в глубокой старости. Рассказ о видении Карла XI заимствован из шведского акта, сообщенного мне П.Г. Бутковым⁸. Анекдот о Густаве III слышал я от И.И. Козлова, которому он сообщен графом Армфельтом⁹.

Вещий сон артиллериста приснился действительно и сбывся в 1821 году, на походе гвардии чрез Витебскую губернию¹⁰.

Предсказание Казотта напечатано в его сочинениях¹¹.

Мне казалось, что эти и подобные рассказы не могут быть неуместными в романе, где главную роль играют вымыслы и причуды воображения.

Николай Греч
С.-Петербург,
25-го мая 1834 [г.]

КНИГА ПЕРВАЯ

I.

С.-Петербург, 1796 [г.]

В первых числах сентября два молодые человека во фраках, но, как заметно было по всем их приемам, военные, сидели на скамье в большой аллее Летнего сада¹. Немногие городские жители пользовались ясностью приятного осеннего дня. Один из молодых людей всматривался в прохожих, перемигивался с приятелями, кланялся знакомым; другой сидел тихо, смотрел в землю и чертил что-то тросточкою на песке².

— Что ты опять задумался, князь? — спросил первый у своего товарища.

Князь не отвечал и, по-видимому, не слышал вопроса.

— Полно размышлять! — повторил первый громче. — Опять ты в своих воздушных чертогах! Очнись. Вспомни хоть о товарище, которого ты оставил на земле.

Князь взглянул на него, как будто припоминая, где он и что с ним делается, и после минутного молчания сказал:

— Виноват, друг мой! Я не знаю... Что бишь такое?

— Ничего! — отвечал друг. — Только пора обедать. Ведь у сестрицы твоей ждать не будут, а если застанем ее за столом, то придется выслушать длинную рацею твоей мачехи³ о разврате рода человеческого, обедающего ныне после полудня.

— Ты прав! — сказал князь, вставая. — Поедем.

Молодые люди, взяв друг друга под руки, вышли из сада и сели в карету.

— К сестрице! — сказал князь.

— К Алевтине Михайловне! — закричал лакей, вскочил на запятки, и карета помчалась к Таврическому саду⁴.

Князь в карете молчал по-прежнему. Приятелю это вскоре наскучило.

— Если б я не знал тебя с младенчества, если б не был свидетелем твоей задумчивости в корпусе⁵, то подумал бы, что ты влюблен, милый князь! Брось, сделай дружбу, этот обычай. Ты часто приводишь в смущение всех друзей и знакомых. Посреди шумного общества, в кругу веселых товарищей ты вдруг умолкнешь, задумаешься, не видишь, не слышишь ничего. В корпусе думали мы, что ты размышляешь о дифференциалах и интегралах⁶. Но вот я воротился после пятилетней разлуки и опять нахожу тебя букою и Философом, как прозвали тебя в детстве товарищи.

— Что делать, Хвальнский, — отвечал князь, — никто не волен в своем нраве, когда нрав этот получил направление с первых дней его жизни. Ты знаешь, что младенчество мое протекало среди ужасных происшествий, что я в детстве был очевидцем таких явлений, каких иной во всю жизнь не встретит. Потом осиротел, остался одинок и изныл бы душою, если б не сохранила меня дружба. Она вспыхнула в наших сердцах в одну секунду, когда нас привезли в корпус, к графу Бальмену⁷, тебя — из Пскова, меня — из Симбирска⁸. Помнишь ли? Мы оба вдруг очутились на чужбине, среди людей неизвестных, и, когда удалились наши проводники, мы бросились друг к другу в объятия и залились горькими слезами.

— Помню, помню! — сказал Хвальнский с чувством. — Как усладительны эти воспоминания! Течением времени они во мне отчасти изгла-

дились, но ты, вижу, памятьнее меня. Когда ты говоришь о временах нашего детства, прошедшее воскресает в душе моей и мне кажется, что я, как прежде, хожу с тобою по корпусному саду в кофейном камзольчике, потом в голубом, а наконец и в мундире⁹. Продолжай, продолжай, любезный князь!

— И мне эти воспоминания несказанно приятны. Ты один привязывал меня к жизни. Казалось бы, что пылкий, ветреный, шумливый Хвальнский не может быть другом угрюмому, молчаливому, подчас и несносному Кемскому, но не так было на деле. Ты был резов, но чувствителен, смел и неугомонен с другими товарищами, со мною уступчив, тих и нежен. Кровати наши стояли рядом. Помнишь ли, как я однажды в испуге от сновидения вскочил с постели и, конечно, больно бы ушибся, если б ты не схватил и не удержал меня?

— Помню! Помню! Ты был бледен, дрожал и, глядя ужасными глазами в угол комнаты, кричал: «Вот она! Вот Черная женщина!» Страшно, как вспомню!

— И мне страшно: в эту самую ночь скончался батюшка.

— Что ты? Вот этого я не помню! Странно! И в эту ночь тебе так причудилось? Поди же, толкуй с философами! А право, я думаю, в человеке есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да вряд ли и впредь разгадают¹⁰.

— Точно, — сказал князь Кемский, сжав руку своего друга, — есть, наверное есть; только не все это видят, не все этому верят.

— А ты веришь? — спросил Хвальнский с любопытством.

— Уверен! — отвечал князь. — Причин не знаю, самых явлений растолковать не умею, но они существуют. Мысль ли это, облеченная воображением в видимые формы, затаившееся ли в душе воспоминание бывшего случая, которое в памяти рассудка исчезло, только есть видения, представляющиеся не внешнему, а внутреннему нашему зрению в виде существ действительных. Есть! Есть!

— И ты говоришь об этом так утвердительно? — сказал Хвальнский в недоумении. — Я почитаю это одною догадкою.

— Догадкою! — отвечал князь, улыбнувшись. — Догадкою! Когда я говорю тебе, что такие видения бывают, что мне представляются они часто, и не без причины!

— Да отчего же именно тебе, и тебе одному? Я, например, никогда не видал ничего подобного; разве, бывало, иногда на походе, в Польше¹¹, после хорошего обеда, причудится какая-нибудь глупость.

— Понимаю, — сказал князь, — эти призраки — дымок виноградного жару. Я говорю о другом: случаются видения наяву, когда человек обладает всем рассудком и всеми чувствами. И эти явления имеют связь с его душевными движениями, прошедшими, настоящими и будущими. Ты говоришь: отчего не всем видятся эти призраки? А я спрошу: отчего не всем нравятся, не всем понятны музыка, живопись и другие выражения наших внутренних ощущений? Образование, обучение для этого не нужны: надобно особенное устройство души и ее органов. Одного учат музыке весь век, а он ничего в ней не слышит и не чувствует, в другом при первом звуке гармонии, родной с его душою, возникают ощущения, дотоле неведомые. Так и с голосом духовного мира: он вытетен только тому, кто одарен способностью его слышать.

Князь умолк и задумался по-прежнему. Лицо его пылало, глаза сверкали. Хвальинский смотрел на него с изумлением: он никогда не видал своего друга в таком иступленном положении, хотел просить подробнейшего объяснения, но в это время карета остановилась у подъезда, отворились дверцы, и оба друга вышли.

II.

Мы знаем, что молодые друзья приехали к сестре одного из них. Алевтина Михайловна, неродная сестра князя Кемского, была дочь храброго генерала Астионова, убитого в первую турецкую войну¹. Матушка ее, Прасковья Андреевна, сочеталась вторым браком с вдовцом, князем Кемским, у которого был один сын, герой нашей

повести, и вскоре, как говорится, схоронила и второго мужа. Дочь ее Алевтина воспитывалась у ней в доме; пасынок, князь Алексей Кемский, — в кадетском корпусе. Он был моложе сведенной сестры двумя годами, и, когда он едва выходил из отрочества, Алевтина блистала уже на всех балах и праздниках.

Генерал Астионов прожил почти всё свое имение на службе, но князь Кемский оставил четыре тысячи душ, назначив попечительницею своего сына его мачеху и объявив падчерицу свою наследницею имения и фамилии князей Кемских, если б сын его умер бездетным². Поэтому князь нежно любил вторую жену свою? Нельзя сказать; разве если прием правило: кого боишься, того и любишь. Она умела овладеть умом и волею слабого старика и заставила его написать завещание в пользу дочери, уверив, что из любви к нему она отказала в руке своей миллионщику, который хотел, женись на ней, записать всё имение Алевтине. Между тем молодые лета, цветущее здоровье и крепкое сложение Алексея Кемского тревожили мачеху.

— Бедное дитя! — говорила она, вздыхая. — Всё мир да мир; выйдет в службу — и отличиться нет случая. Я обещала покойнику, князь Федору, непременно заставить сына пойти в военную службу, а теперь не знаю, впрок ли это ему будет. Ну что за военная служба в мирное время? Бедный мальчик! А он так и рвется, как бы положить живот за государыню и отечество. Подойдет к портрету моего покойника, Михаила Федосейча, да по часам глаз не сводит с Георгиевского креста³ — такая военная натура!

Княгиня Прасковья Андреевна, которой в то время было уже за шестьдесят лет, могла служить живым примером тому, что для проложения себе тропинки в мире не нужно иметь ни блистательного ума, ни отличного воспитания и что эти качества очень хорошо могут быть заменены постоянством в преследовании своей цели, сметливостью, хитростью и лицемерием. Она воспитана была по старине, грамоте знала плохо, ничего в жизни не читала, по-французски говорила только: бон-жур и бон-суар, ан-шанте и дезеспуар⁴, а между тем умела найти себе

двух хороших мужей, воспользоваться в свете блистательным именем одного, княжеством и богатством другого.

Видя очень хорошо, чего недостает ей самой, она старалась заметить эти недостатки воспитанием своей любезной Алевтины, единственной наследницы ее умственных и нравственных качеств. Алевтина получила образование светское: говорила по-французски и по-италиански, как уроженка Орлеана или Флоренции⁵, танцевала как четвертая грация⁶, играла на фортепиано и на арфе, пела как соловей, рисовала без помощи и поправок учителя. Природа украсила ее всеми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, горбатой Прасковьи Андреевны была высока ростом, статна, грациозна, можно сказать, величественна. Большие черные глаза беспрекословно повиновались ее расчетам и, как храбрые воины, в нападении на врага исполняли долг свой. Руки нежные, но не малые; ножки — их никто не видал: Алевтина не любила короткого платья⁷, и хотя во время ее служения в светском легионе мода ровно семнадцать раз выставляла любопытным взглядам ножки милых жриц своих, но Алевтина в этом пункте была непреклонна. Во всё продолжение моды, которую называла *нефличною*, она приметно тосковала и даже спадала с лица, но лишь только, бывало, заметит в модном журнале⁸, что платья начали опускаться, вдруг развеселится и похорошеет. Лицо у ней было правильное, овальное: рот не ротик, но зато зубы белые, ровные, блестящие. Неприятнее всего у ней был голос, звонкий, грубый, повелительный. Ум и нрав, как уже сказано, заимствовала она у своей родительницы, но образовала их по требованиям века и новых обстоятельств.

Столь же постоянная, хитрая и пронырливая в достижении того, что она почитала целью жизни, Алевтина отринула кроткое лицемерие своей матери: начитавшись романов и рассуждений о добродетели и пороке, она составила свою собственную систему нравственности, облекла ее в громкие фразы и всенародно проповедовала. Добродетель, вечность, ничтожество благ земных, святость дружбы и родства, великодушие, забвение самой себя — были у ней беспрерывно на языке. И — странное дело! — люди, ее окружавшие, даже те, которые имели

с нею отношения независимые, неблизкие, были как будто заколдованы этим тоном, повелительным и не допускающим противоречий; знали, что на сердце у ней совсем не то, что на языке; видели ее поступки, нимало не сходные с словами — и молчали, покорялись ей, изредка только позволяя себе заметить кое-что об этом страшилище добродетели.

Под руководством хитрой матери, пользуясь и действуя своими дарами, природными и приобретенными, Алевтина, холодная и бессердая, не могла не сделать хорошей партии. К тому должно прибавить, что княгиня управляла в звании опекуны всем имением своего пасынка и пользовалась его доходами как собственными⁹, называла его деревни и дома своими и провозглашала дочь свою наследницею четырех тысяч душ. Эти прелести, эти добродетели, эти души пленили сердца многих. Алевтина могла выбрать любого. Она долго колебалась, рассчитывала и наконец подала руку пятидесятидвулетнему генерал-поручику¹⁰ Элимову.

Все изумились: девятнадцатилетняя, блистательная, светская девица выходит замуж за старика! Но она знала, что делает. Муж чиновный, в Александровской ленте¹¹, кандидат в генерал-губернаторы¹² представлял великолепную перспективу ее властолюбиво. Элимов же, с своей стороны, рассчитывал, что ей достанется великолепное имение, которым пользуется ее матушка. Красота, ум, таланты Алевтины не умножали ее достоинств в глазах жениха; нрав крутой, повелительный и переменчивый их не уменьшал. Элимов был выведен в люди слепым случаем, прожил небольшое свое имение и решился поправить состояние браком.

Оба ошиблись в своих расчетах: Алевтина, вскоре по вступлении в замужество, увидела, что муж ее человек ничтожный и по уму, и в свете. Его принимали в домах, приглашали на обеды и вечера, но он везде играл самую посредственную роль, и не было никакой надежды, чтоб он когда-либо мог возвыситься службою. Это открытие привело было молодую жену в отчаяние, но она утешилась мыслию, что нет такой вещи в свете, которой нельзя было бы поправить терпением, постоянством и умом, и решилась пользоваться настоящим. Элимов,

с своей стороны, узнал также после свадьбы, что только малая часть имения князя Кемского достается жене его¹³ и что истинный наследник жив и воспитывается в корпусе. Нетрудно понять, что последовало за этими открытиями: объяснения, ссоры, упреки, отуда. Высокопарные фразы Алевтины, возгласы о добродетели и бескорыстии не действовали на жесткую душу Элимова: он насмеялся над ее нравоучением и красноречием, ездил в Английский клуб¹⁴, играл до глубокой ночи в вист¹⁵ — и проигрывал, сколько было возможно.

Одно должно сказать в похвалу ему: узнав, что у Алевтины есть брат, сирота, он поспешил навестить его в корпусе и, нимало не помышляя о том, что этот молодой человек препятствует ему поправить свое состояние, приласкал его, впоследствии полюбил искренно и всегда защищал бесприютного сироту от явных и скрытных нападений своей жены и тещи. Элимов был человек необразованный и не слишком нежный, но в военной службе напитался праводушием и доброжелательством к ближнему: он женился по расчету, но никогда по расчету не обидел бы своего шурина. Шесть лет протекло в этом браке.

Элимов получил приказание ехать к армии, стоявшей тогда в Польше¹⁶. Он охотно поскакал под пули, чтоб отдохнуть от непрерывной домашней перепалки, и чрез месяц пришло известие, что он убит в сражении. Алевтина увидела себя вдовою на двадцать шестом году отроду, с тремя детьми.

Все церемонии, обычные при таких случаях, исполнены были во всей точности: при получении письма, в котором адъютант покойного, капитан фон Драк, с достоподобным чинопочтением извещал ее превосходительство о постигшей ее и отечество потере, она упала в обморок; очнулась при помощи домашнего доктора, чрез четверть часа, велела пустить себе кровь и слегла в постель. Чрез три дня, когда поспел глубокий траур, вышла она из спальни и начала велеречиво толковать о бренности жизни человеческой, о бессмертии души, о награде на том свете, об отечестве, о сладости умереть на поле брани и так далее. Печаль ее прошла скорее траурного года. Она очутилась вновь на свободе еще молодою и красавицею. Многие из прежних вздыхателей броси-

лись искать руки ее. Она слушала их рассказы о сердечных страданиях, глядела на небо и утирала слезу.

— Кто возьмет за себя бедную вдову с тремя сиротами? Не те нынче времена! — говорила она.

III.

В то время, с которого мы начали рассказ, исполнился год по кончине генерала Элимова.

Когда князь Кемский вышел из кареты, очутилось у подъезда несколько человек слуг. Все они с искренним усердием, без низкого раболепства, приветствовали своего доброго барина: они видели в нем истинного наследника господ своих, чувствовали, что, поступив под его законную власть, отдохнут от попечительства добродетельных барынь. Князь Алексей, поздоровавшись с добрыми людьми, порасспросив кое о чем стариков, взошел на лестницу. Хвальинский, поискав лорнетом, нет ли в этой толпе представительниц прекрасного пола, последовал за своим другом.

Молодые люди вошли в гостиную. На канаве, перед круглым столиком, сидела княгиня Прасковья Андреевна, маленькая, сухоощавая старушка в простом белом платье, в старушечьем чепчике с крыльями¹, и вязала сетку на палочке². Подле нее, на вышитых подушках, лежали две гнусные моськи. Над канаве висели два портрета: Михаила Федоровича Астионова, в армейском мундире, и супруги его, в высокой прическе семидесятых годов:³ на портрете она сохранила свою умильную улыбку; в руке у ней был пестрый тюльпан. Вокруг портретов висело около двадцати фамильных силуэтов. Комната убрана была в старинном вкусе: в бортах стенной живописи извивались арабески⁴, в которых гнездились небывалые в природе птицы. Посреди комнаты висела большая люстра с гранеными стеклышками. Мебели простого дерева, выкрашенные белою краскою с синими каемками; на спинках стульев нарисованы цветы. Окна украшены белыми миткалевыми⁵ занавесками.

Под зеркалами в золотых рамах стояли белые мраморные столики на деревянных вызолоченных ножках, на столиках — фарфоровые вазы с душистыми травами. На уступе изразчатого каминя представлялась в лицах эклога Александра Сумарокова: фарфоровый пастушок млеет у ног фарфоровой пастушки⁶. На аркадскую сцену смотрели сбоку два китагйские урода⁷.

У одного окна сидела в креслах Алевтина Михайловна в модном утреннем неглиже⁸ и, думая о чем-то крепкую думу, играла в рулетку⁹. Перед нею стоял в покорном молчании капитан Иван Егорович фон Драк, в мундире, при шпаге, держа пальцы по квартирам¹⁰, смотрел ей в глаза и готовился сказать: «Да, да! Точно так, ваше превосходительство!»

Как очутился здесь адъютант? Предав земле тело своего генерала и не чувствуя в себе охоты последовать его примеру, он выпросился в Петербург под предлогом необходимости его присутствия для сдачи дел генерала по начальству. Главкомандующий не поколебался уволить его и, когда фон Драк пришел к нему, чтоб поблагодарить за отпуск и откланяться, сказал вслух при множестве офицеров: «С Богом, батюшка, с Богом! Помилуй Бог, сколько было дел у покойника! Вам не справиться до окончания кампании. Оставайтесь же в Петербурге сколько угодно: мы и без вас как-нибудь сладим». Все присутствовавшие засмеялись. Фон Драк низко поклонился, вышел из палатки и на вопрос одного товарища, как его принял генерал, отвечал с восторгом: «Как сына родного! Этаким милости я не ожидал. Шел было к нему, как на батарею, ан нет: обласкал и осчастливил! Истинно великий человек!» И вот он приехал в Петербург и поступил в прежнюю должность, не догадываясь, какие великие судьбы его ожидали.

— Ах, милый друг Алеша, — вскрикнула княгиня, приподнимаясь с канапе. Князь Алексей подошел к ней и с учтивостью и ласковым взглядом поцеловал ей руку.

— Каковы вы в своем здоровье, маменька?

Между тем Хвальинский, готовясь в свою очередь подойти к ручке, исподтишка модным востроносым сапогом толкнул спавшую москву. Она завизжала, и другая залаяла.

— Тише, проклятые! — закричала княгиня, замахнувшись на них табакеркою. — Слава Богу, душенька! Вчерашняя дурнота прошла от капель Христиана Карловича; я сегодня у «Всех Скорбящих» всю раннюю обедню отстояла¹¹, так теперь что-то устала. Да это пройдет. А ты, голубчик, здоров ли, ангел мой?

Князь Алексей поклонился и повернулся к сестре. Хвальинский, в свою очередь, поздоровался с княгинею. Зоркая старуха, заметив, что он виною страданий и вопля бедных мосек, отвечала ему на вопросы с явною досадою.

— *Bon jour, mon frere!** — сказала, встав с своего места, Алевтина, как будто пробужденная из какого-то глубокого размышления. Князь поцеловал ее.

— *Qu'avez vous, ma chère?*** — спросил он. — *Vous êtes pensive?****

— *Ce n'est rien, mon cher!*^{4*} — отвечала она, стараясь скрыть волнение душевное.

— Послушай, душа моя, Алешенька, — начала княгиня, — я скажу тебе новость! — Алевтина покраснела, топнула и взглянула на мать свою грозным оком. Княгиня отвечала дочери взглядом же, чтоб она не боялась, и продолжала начатое: — Княгиня Пелагея Васильевна женит сынка на купеческой дочке и берет полтора миллиона чистогану. Вот умная женщина! Покойник-от князь всё спустил в карты, а она, матушка, видишь как поправляется.

— Знаю, ваше сиятельство! — возразил, смеючись, Хвальинский. — Я собираюсь поднести новой княгине самого лучшего парижского порошку, чтоб вычистить зубы. Румян и белил у ней довольно¹².

Княгиня с возрастающею злобою глядела на Хвальинского и искала в уме ответа. В это время фон Драк, не замечая, что поднимается буря, подошел к князю Алексею и сказал с низким поклоном:

* Добрый день, брат! (*фр.*)

** Что у вас, дорогая? (*фр.*)

*** Вы задумчивы? (*фр.*)

^{4*} Ничего, дорогой! (*фр.*)

— Все ли вы в добром здоровье, ваше сиятельство, князь Алексей Федорович?

— Здоров, а вы, Иван Егорович? — спросил князь приветливо.

— Да-с, не могу не быть здоровым! — отвечал он, раболепно поглядывая на Алевтину. — Ее превосходительство... — Алевтина взглянула на него значительно и гневно. — Да, да, да! — дробью пробормотал фон Драк, смешавшись.

Молодые люди замечали, что в доме происходит нечто необыкновенное, что все в каком-то смущении: видно, скрывают и, кажется, хотят открыть. Не знаем, что последовало бы за этим, если б не вошел в комнату низенький, толстый дворецкий в сером фраке с объявлением:

— Кушанье поставлено!

Княгиня поднялась. Алексей подал руку мачехе и повел ее. Хвальнский хотел повести Алевтину, но она, представаясь, будто не замечает его движения, подала руку Ивану Егоровичу, который до принятия этой чести низко поклонился. Молодой ветреник вскоре утешился: в столовой подошел он к миловидной гувернантке, которая привела к обеду детей, и забыл обеих барынь.

За столом господствовало молчание. Хвальнскому казалось, что обе хозяйки задумываются и размышляют о чем-то важном. Князь Алексей был молчалив и задумчив по обыкновению. Фон Драк, занимая всегдашнее свое адъютантское место, насупротив командира, разливал суп, но не с обыкновенными своими форменными приемами: он был также в каком-то смущении. Это безмолвие наскучило Хвальнскому, и он начал экзаменовать заслуженного адъютанта.

— Что, почтеннейший Иван Егорович, сколько сегодня градусов тепла?

— Тринадцать с половиною в тени¹³, — отвечал фон Драк.

— А барометр каков?

— Поднялся на три линии со вчерашнего вечера¹⁴.

— Какой сегодня ветер?

— Юго-восточный тихий.

— Что вода в Неве?

— Убыла против вчерашней на полтора дюйма.

— Исправно! — сказал Хвальнский и, заметив, что этот разговор досаден Алевтине, прибавил: — Удивительно! Как лексикон! Такой адъютант, чудо! Скажите, почтеннейший Иван Егорович, сколько вы клали померанца на бутылку в этот бишоф¹⁵ — прекрасный!

Алевтина вышла из терпения:

— Иван Егорович, — отвечала она в сердцах, — этим не занимается. Он истинный мне друг и руководитель детей моих. Не его вина, что скромные добродетели не находят ценителей в нынешнем мишурном свете. Дети мои...

— Ах, точно, Алевтина Михайловна! Я знаю, как достойный капитан печется о ваших детях. Скажите, почтеннейший Иван Егорович, как спала эту ночь Катенька? Она зубы делает¹⁶, так, я думаю, вам отдыху не дала!

— А почему же так? Да-с? — спросил фон Драк в замешательстве. — Не могу-с этого знать, да-с...

— Так вы уж перестали ее укачивать?

Алевтина вспыхнула:

— Помилуйте, Александр Петрович, с чего вы взяли, что Иван Егорович укачивает моих детей?

Хвальнский смеялся, не отвечая ни слова.

— Это-с оттого-с, ваше превосходительство, — сказал фон Драк, — они-с, то есть Александр Петрович-с... однажды-с, да-с — однажды-с, видели-с, как я укладывал спать Платона Сергеевича, так они-с и за ключили-с, будто-с...

— Истинный друг мой, благодетель моих сирот! — сказала Алевтина торжественным голосом. — Пусть порочный свет судит о тебе по своим превратным понятиям. Я тебя понимаю! — С сими словами протянула она чрез стол руку свою к фон Драку, который схватил ее и с почтительным жаром поцеловал. Князь Алексей смотрел на сестру с изумлением.

— Это что? — спросил Хвальнский в недоумении.

— А это то, — отвечала ему с злобою Алевтина, — что вы своими неуместными шутками заставляете меня при вас, при чужом человеке,

открыть тайну, которую я хотела объявить в тесном кругу своего семейства. Знайте же, сударь...

Князь, видя возрастающий гнев сестры своей, прервал ее с кротостью:

— Полно, сестрица! Не сердись на моего Александра. Он любит пошутиться, но, право, никого обижать не станет. И вы, Иван Егорович, конечно, понимаете дружеские шутки?

— Как не понимать, ваше сиятельство, да-с, точно-с, они шутить изволят-с.

— А я этого не терплю! — сказала Алевтина, вставая из-за стола. — На всё есть время и место! — Она перекрестилась, оборотясь к образу, поспешно подала руку адъютанту и пошла в гостиную впереди всех. Прочие последовали за нею в безмолвии. Князь, посматривая на Хвальнского, качал с упреком головою, Хвальнский отнекивался взглядами, с трудом удерживаясь от смеху, а княгиня шла с пасынком, бормоча что-то сквозь зубы. В гостиной все по заведенному этикету подошли к ручке сначала к княгине, потом к Алевтине Михайловне. После этого уселись на канаве и на близстоявших креслах. Фон Драк также занял место по нетерпеливому приглашению Алевтины. Минут десять продолжалось прежнее молчание. Наконец Алевтина откашлялась громко, по своему обыкновению потерла руки, как будто умываясь, и начала следующую речь:

— Любезный братец! Я хотела было наедине сообщить тебе о предмете весьма для меня важном, но теперь решилась говорить при всех, — взглянув значительно на Хвальнского. — Подкрепляемая правилами религии и добродетели, я не боюсь толков, но, уважая в себе достоинство женщины и матери, должна стараться избегать их. Итак, объявляю тебе, что я решилась вступить в брак. — При этих словах фон Драк встал и почтительно поклонился всей компании. — Пусть свет судит по наружному блеску и минутной славе: я наслаждалась всеми его благами и не нашла в них удовлетворения истинным моим чувствам и мыслям. Есть достоинства, которыми затмеваются все фальшивые блески обратного и недостойного света. Есть люди, которые под скромною на-

ружностью скрывают необыкновенные достоинства и одними добродетелями своими заставляют молчать злобу, клевету и зависть. Есть наслаждения душевные, которые превьще всех тщетных удовольствий в вихре светской жизни. Я нашла себе друга, нашла отца моим детям и решилась соединить с ним навеки судьбу свою. Вот мой жених!

Она произнесла последние слова с напряжением всех сил своих, указала на фон Драка, залилась слезами и закрыла глаза платком.

Все остолбенели. Князь не знал, что делать. Хвальинский также. Фон Драк глядел на всех с вопросительною миною. Старушка-княгиня нюхала табак и смотрела на моську.

Князь прервал утомительное молчание.

— Не могу не одобрить вашего выбора, сестрица, — сказал он в величайшем замешательстве. — Я сам всегда уважал Ивана Егоровича за его честность, исправность по службе, уважение к старшим, за его... — Князь остановился, не зная, чем кончить. — Но маменька, — сказал он, — как маменька думает? Скажите, маменька, что вы думаете?

— Никто как Бог! — отвечала княгиня со вздохом и умильным взглядом в передний угол комнаты.

— А сам Иван Егорович? — спросил князь, более и более смущавшийся.

— Он! — вскричала Алевтина. — Он, эта добродетельная душа, он открыл мне свои чувства, он уже давно...

При этих словах фон Драк бросился пред нею на колени и, подняв руки, вскричал:

— Владычица души моей!

Алевтина, видно боясь дальнейшего объяснения, сильно притиснула его ртом к корсету, то есть прижала к сердцу нежной невесты, но Хвальинский довершил начатое и прошептал на ухо изумленному князю:

— Познай, колико я тобою страстен!
Познай, колико я несчастен,
Став пленник красоты твоей!¹⁷

Засим пошли, как водится, поздравления, лобызания, слезы. Хвальнский восхищался комическою сценою, но князь был очень огорчен странным поступком Алевтины: не знал, чему приписать мгновенное воспаление пламенной страсти в умной женщине к деревянному капитану, и поспешил с другом своим выбраться из дому. Карета еще не приезжала, и они пошли пешком.

IV.

Дорогою Хвальнский дал полную волю смеху, который так долго удерживал в границах.

— Ай да жених! Ай да супруг! И гордая генерал-поручица, покоренная любовною страстью, выходит замуж за капитана! Превосходительство и благородие!¹ О любовь! Любовь! Какие штуки ты творишь на свете!

— Тебе смешно, — сказал князь, — а мне так очень больно! Алевтина, умная, расчетливая, гордая Алевтина выбрала этого болвана! И так скоро, так неожиданно! Непонятно и крайне обидно!

— А тебе что до этого за дело? — спросил Хвальнский. — Ведь она тебе почти совершенно чужая. Твой отец женился на ее матери — что это за родство?

— Конечно, не близкое, — сказал князь, — но у меня другой родни нет. К тому же я свято чту волю покойника батюшки: он назначил Алевтину и детей ее наследниками моего имения, если б я не имел своих. Это утверждено законным порядком. Но я и без его завещания поступил бы не иначе. Покойника ее мужа уважал я искренно. Сергей Борисович был человек простой, необразованный, можно сказать, дикий, но имел доброе сердце, был честен и любил меня, как родного. Я обязан воздать тем же его детям. И поверишь ли, иногда закрадывается в душу мою странная мысль, что я отнюдь не должен жениться — для исполнения воли моего отца?

— Вот это вздор! — сказал Хвальнский. — Покойный Элимов никогда не решился бы на такую жертву для чужих детей.

— А почему знать? Тебе известен поступок его с сыном бывшего его начальника, Ветлина? Узнав о смерти благодетеля своей юности, убитого под Измаилом², он поспешил к его вдове и нашел ее на столе: она умерла в родах. Добрый Элимов взял новорожденного сына, привез к себе в дом и объявил жене, что намерен воспитать сироту наравне с своими детьми. Жена и теща напали на него, называя мотом, врагом своего племени и так далее. Но он устоял, как храбрый воин. Ребенка окрестили. Сам Элимов был его восприемником. По совершении обряда, поцеловав крест, Элимов сказал мне строгим голосом: «Знаешь ли ты, князь Алексей, что значит это крестное целование? Я присягнул пред Богом и людьми быть отцом, наставником и защитником этого несчастного младенца. Но мне недолго остается жить на свете. Вряд ли я дождусь того, чтоб мой крестник вырос. Меня не станет — так ты заплатишь за меня долг моему доброму командиру и благодетелю». При этих словах на грубом, диком лице Элимова проглянуло какое-то необыкновенное чувство; слеза выкатилась из-под густых бровей по израненной щеке. Тогда в первый и в последний раз я видел его плачущего. И я оставляю детей человека, который так благородно пекся о чужих детях? Нет! Я не даю монашеского обета, не отказываюсь вовсе от возможности жениться, но дети Элимова всегда будут близки моему сердцу. Правда, что сестрица Алевтина...

— Сделай милость, перестань называть эту несносную женщину своею сестрою, а хитрую лицемерку, княгиню, — матерью. Меня это всякий раз как ножом в сердце ударит! — вскричал Хвальнский. — Пусть будут дети твоими питомцами — это так. Впрочем, и они не пропадут: старший, Григорий, крестник покойного князя Потёмкина,³ младший, Платон...

— Полно, полно, Хвальнский, судить о детях! Никто не знает, что из них будет.

— Конечно, — сказал Хвальнский насмешливым тоном, — под опекою и руководством Ивана Егоровича фон Драка они сделаются ве-

ликими людьми. Но твоего Сережу надобно куда-нибудь пристроить. Его там заколотят. Он мальчик острый, резвый, ум и способности его быстро развиваются.

— Да, благодаря доброй Наталье Васильевне! Почтенная девица! В таких молодых годах исполняет она свои обязанности с примерным усердием. Я и четверти часа не выдержал бы в этом Содоме.

— Вот умно, князь, что ты обратился к этому предмету! Эта Наташа, признаюсь в слабости, одна и привлекает меня в скучный дом княгинин. Я терпеливо слушаю бесконечные рассказы княгини о старине и длинные речи Алевтины Михайловны о добродетели и бескорыстии в ожидании той счастливой минуты, когда это благородное, милостивое, прелестное существо войдет в комнату. Я никогда в жизни порядочно не влюблялся, но, смотря на черные глаза Наташи, следя ее очаровательную улыбку, частенько хватаюсь за сердце, тут ли еще оно. И при этом какой ум, какое образование!

— Правда, — отвечал Алексей, — она прелезкая девица, каких я мало встречал в свете. Но мне кажется, что ум и красота даны ей природою на счет сердца. Она холодна, нечувствительна, горда. В первые дни пребывания ее в доме сестры мне казалось, что мы с нею подружимся: она разговаривала со мною свободно, непринужденно, доверчиво, но вдруг всё переменилось. Я сделал глупость: подарил ей в именины пару бриллиантовых серег. Если б ты знал, какую беду я на себя накликал! Во-первых, матушка и сестрица прогневались на меня и на нее: у них у самих не было таких серег. Во-вторых, сама Наташа переменяла обращение со мною: она не могла отказаться от подарка, но приняла его как горькую обиду⁴, заплакала и с тех пор перестала говорить со мною. Нестерпимая гордость! Ей стыдно было принять подарок от чужого человека, а я дарил ее за старание о воспитаннике моем, которого она своими попечениями избавила от смерти в кори. Женщина нечувствительная, гордая, по моему мнению, не загладит своих недостатков умом и красотою. Сердце, сердце! Вот источник наших добродетелей, вот причина наших страданий и наслаждений!

— Нет, князь! Ошибаешься! — промолвил Хвальнский с едва приметным вздохом. — Сердце есть и у Наташи, да, видно, не нам с тобою оно весть подает.

— А в самом деле жаль, — продолжал князь, — что она такая гордая! Никогда не встречал я такой милостивой женщины. Иногда, при рассказе о чем-нибудь интересном, о каком-либо подвиге добра, о пожертвовании самим собою, о страданиях человечества, у ней появляется в глазах и на лице такое выражение, что поклялся бы в ее чувствительности, и даже излишней! И всё это маска, жаль! «Всякий человек есть ложь»⁵, — говорят в свете.

— Да, когда он представляется добрым, — сказал Хвальнский, — зато фурии являются во всем своем блеске. Об Алевтине Михайловне не скажут, что она притворяется, когда вспылит на кого-нибудь.

— А я так скажу, что и у Алевтины есть хорошие стороны. Меня она наверное любит, правда, по-своему. И любовь ее нередко доходит до непростительного баловства. Мне, например, давали в ребячестве совершенную волю: денег было у меня довольно, слугам приказано было слушаться меня беспрекословно. Начальников и учителей моих дарили, ласкали, просили их не обходиться со мною слишком строго, не приносить к ученью, боясь, чтоб это не повредило моему здоровью. И я сделался бы, может быть, величайшим негодяем, если б не... — Князь умолк и задумался.

— И ты это называешь любовью! — вскричал Хвальнский. — Да это хуже всякой ненависти! Хорошо, что у тебя такая добрая натура, а не то — был бы я без друга. Но, видно, детством баловство и кончилось. Теперь нередко поглядывает она на тебя, как гремучая змея.

— Перестань меня мучить, Александр! Мы не вольны выбирать себе родню. Провидение лучше нас знает, что каждому нужно и полезно. И заметь, что гораздо меньше бывает раздоров между братьями и сестрами, нежели между супругами. Это оттого, что братьев и сестер дает нам Бог, а жен выбираем мы сами. Что делать, если у сестры моей нрав не самый кроткий? Я знаю и вижу, что она властолюбива, вспылит

чива, иногда показывает непомерную жадность и зависть, но кто без пороков? Она терпит мои слабости, и я должен снисходить к ней. К тому же, как и не быть ей бережливою, как не стараться о приобретении? У ней именье небольшое и трое детей.

— Агнец непорочный! — шептал про себя Хвальнский. — Его стригут без жалости, а он радуется, что ему будет легче!

— Напрасно ты говоришь, — продолжал князь, — что она баловала меня только в детстве. И впоследствии не худо было бы, если б она не давала мне лишней воли. Чтение военных книг⁶, рассказы покойного вотчима, беседы с заслуженными корпусными офицерами — всё это вселило в меня страсть к военной службе действительной, против неприятеля. Я богат, хорошей фамилии, следственно, мог поступить офицером в гвардию, и все советовали мне это сделать, даже покойник Элимов. Только Алевтина и Прасковья Андреевна хвалили мое намерение и советовали пойти по армии⁷. Я так и сделал. Потом, когда судьба привела меня, армейского офицера, оставаться в Петербурге при черчении планов, между тем как гвардия пошла под шведа⁸, обе они крайне совестились и жалели, что позволили мне поставить на своем. Что мне до их слабостей и недостатков? Они мне свои, они меня любят, а впрочем, судья им Бог!

— Но теперь у тебя еще свой человек, зять нумер второй, Иван Егорович фон Драк. Поздравляю!

— Это непостижимо! — сказал с досадою князь. — Гордая, властолюбивая Алевтина выходит за самого ничтожного человека. Впрочем, он человек строгой честности, аккуратен до педантизма, услужлив, вежлив, не спорщик; может стать, будет и хорошим мужем; только что он обещает в будущем для Алевтины и детей ее? Неужели она влюбилась в этого флигельмана?⁹

— И я не могу понять, — сказал Хвальнский, — что она в нем нашла. Только о будущей судьбе его я не беспокоюсь: он протрется далеко — то бочком, то ничком, иногда и ползком. Такие люди сделаны для мест по службе, а места для них. Он будет исполнять беспрекословно и исправно все приказания командира, и самые глупые, не смея думать, что

командир может ошибиться; умничать не станет: для умничанья нужен какой-нибудь ум; секретов не перескажет: у него лексикон начинается словом «да» и оканчивается словами: «точно так-с, слушаю-с». Увидишь, как он пойдет в гору при помощи своей супруги и тещи!

— Дай Бог ему хоть этого! — сказал князь со вздохом.

V.

Станные приключения того дня, неожиданный поступок Алевтины, догадки о будущем — всё это расстроило князя. Хвальнский, нежно любивший своего товарища, который всегда был для него идеалом благородства, ума и образованности, не мог найти средств, чтоб рассеять его задумчивость. Князь никогда не был словоохотен, но в случае какой-нибудь неприятности становился еще молчаливее обыкновенного. Менее всего желал Хвальнский навести его в это время на любимый предмет размышлений и бесед князя: на сверхъестественные влияния и на видения духов бесплотных. Ему, правда, странно было, что человек такого ума и воспитания, как князь Кемский, может верить вещам, предоставленным здравою философиею в удел суеверным старухам и людям непросвещенным, но именно это обстоятельство и подстрекало его любопытство. «В этих предметах должно же быть что-нибудь существенное, — говорил он сам себе, — если мой умный, начитанный, знакомый с историею и физиологиею князь Кемский верит в их действительность! Дам ему поотдохнуть от волнения нынешней досады и потом найду случай напомнить об этом любопытном деле».

Случай этот вскоре представился. Через несколько дней после того друзья наши узнали, что один из корпусных товарищей их, капитан Вышати́н, на пути из Финляндии лежит больной близ Выборгской дороги¹. Неуклюжий чухонский ямщик в двух станциях от Петербурга сбился в темную, бурную ночь с дороги, проехал верст двенадцать в сторону и опрокинул повозку в глубокий овраг. Вышати́н, спавший в это

время, проснулся от испугу и от жестокой боли в правой ноге. Денщик выгашил его из-под повозки. Вышатин ступил несколько шагов и упал на землю: нога его была смята и вывихнута. Что было делать? Кое-как подняли коляску; оказалось, что задняя ось переломилась; подперли коляску оглоблею и положили Вышати́на на подушки. Часа через два рассвело. Вышатин увидел себя в самой живописной долине финляндской Швейцарии. Шагах стах в трех лежала на возвышении чухонская деревня Сярки², под нею простиралась прекрасная долина, орошаемая быстрым ручьем. Но страдальцу было не до картинных видов. Узнав, что в этой деревушке нет никого кроме крестьян и что верстах в осьми находится пасторат, он решился туда отправиться. Досужий денщик из готовил носилки. Вышати́на уложили, и четыре дюжие чухонца, в надежде щедрой платы, понесли его в пасторат, или село Токсово, известное петербургским любителям загородных прогулок³. Там отвели ему на дворе пономаря просторную залу в большом деревянном доме, где обыкновенно останавливаются приезжие из Петербурга.

Тотчас по приглашению Вышати́на явился финский пастор, человек учтивый и образованный, и привел с собою старика лекаря, который проводил у него лето. Повреждение ноги оказалось неопасным, но надлежало в течение нескольких недель соблюдать величайшее спокойствие, не двигаться с места и в точности исполнять предписания хирургии. День-два Вышатин пролежал смирно, но, когда боль стала утихать, когда прекратилось у него головокружение, причиненное быстрым лётom в глубокую яму и нечаянным испугом, он почувствовал смертельную скуку.

— Нет ли у вас каких-нибудь книг? — спросил он у пастора.

— Как не быть, — отвечал пастор, улыбаясь, — только все финские и шведские. Впрочем, у жены моей есть и немецкие.

— Ради бога, дайте хоть немецких! — жалобно сказал Вышатин, причем, не большой охотник до немецкой литературы.

Приносят книги, и что ж это? «Всеобщая повариха»⁴, «Безысходный комплиментер и корреспондент»⁵ и Балгазара Грациана «Придворный

человек»⁶. Вышатин чуть не заплакал с досады. Потерпев еще денек, он вздумал пригласить к себе товарищей и послал своего денщика на чухонской тележке в Петербург с циркуляром:

Вышатин вывихнул дорогою ногу и лежит в Токсове. Кому из кадет досужно, тот приедет навесить товарища, умирающего от скуки среди чухонских лиц, немецких книг и латинских мазей.

Денщик тотчас отыскал князя Кемского и Хвальнского, рассказал им путевые приключения своего барина и отправился с отметкою их на циркуляре:

Читали; едем сами и повестим по всей роте.

Князь Кемский обрадовался случаю отвести душу после горьких и досадных сцен у Алевтины; Хвальнский уже заранее влюблялся в рыженьких и беловолосых чухончечек. Взяли позволение командира поехать на неделю за город и поскакали в Токсово. Дорога туда идет сначала по болотному грунту, поросшему низким кустарником: это дно большого водоема, простиравшегося в старые незапамятные времена между нынешними берегами Финского залива, Дудергофом, Пулковом и возвышениями парголовскими и токсовскими⁷. Верстах в двенадцати от Петербурга земля возвышается, показываются пригорки, появляются и леса; между возвышениями дремлют озера.

Печальный вид этой страны в осеннее время склонял обоих друзей к задумчивости, каждого различным образом: Хвальнский, смотря на желтеющие листья, на блеклую траву, на серое небо, с сожалением вспоминал о промелькнувшем с быстротою молнии красном лете и считал, сколько времени остается до зимних вечеров, когда искусственный свет заменит долгоденственное сияние летнего солнца, когда беседы

и увеселения общественные заставят забыть наслаждения природою. Кемский же глядел на померкающую красу природы как на умирающего друга, пробежал мыслию время, прошедшее с минувшей зимы, исчислял свои наслаждения, успехи, надежды сбывшиеся и несбывшиеся, воображал, как всё это, и окружающий его видимый мир, и мир, наполняющий его душу, покроется белым саваном смерти, и как по истечении урочного времени красное солнце опять оживит природу, и она воскреснет вновь в блеске лучей весенних.

Мысли эти настроили душу Кемского в мечтательном, возвышенном тоне.

— Грустно смотреть на осеннюю природу, — сказал Хвальнский, — точно умирающий человек, в котором жизнь борется еще с холодом смерти. Это зрелище всегда наводит на меня тоску.

— В этом я счастливее тебя, — сказал Кемский, — явления природы, и тихие и грозные, и приятные и ужасные, действуют на меня равно, возбуждая мысль о вечности, о неизменной силе творческой природы, о благодати Провидения, о бесконечной и непостижимой мудрости, с какою устроена Вселенная. Не умирают эти поблекшие листья, эти увядшие травы: они преобразуются в начало, из которого возникнет новая жизнь! Эта мысль утешает меня при взгляде на унылую осенью землю, у одра умирающего друга и при помышлении о собственной моей тленности.

— Рано, братец, нам думать об этом, да и страшно. Я не боюсь смерти в сражении, даже в военном лазарете, а трепещу при мысли о том, что какая-нибудь глупая простудная горячка⁸ может ни за что ни про что положить меня в могилу. Всячески удаляю от себя мысль о возможности этого случая и, благодаря Бога, привык выгонять из головы грустные помыслы, как докучливых мух.

— Напрасно, — сказал Кемский, — нам должно заранее знакомиться с смертью в разных ее видах, должно привыкнуть смотреть на нее не только равнодушно, но и с каким-то утешением душевным. Когда я вижу вокруг себя страждущих и печальных, когда помышляю о трудах, бедствиях и мучениях, приветствующих в каждом человеке свою добычу при утреннем его просыпании, когда сам иногда изнемогаю под бре-

менем томительных мыслей — тогда утешаюсь одною мыслию: ведь это не вечно, всё это сон и мечтание, придет час пробуждения, называющийся у слепых людей часом смерти, и весь этот мир, с своими страданиями и телесными, и душевными, исчезнет как тяжелое сновидение, и душа моя, освобожденная от тяжких оков тела земного, очутится опять посреди своих истинных друзей.

— Так ты уверен, Кемский, что увидишь на том свете друзей, умерших прежде тебя? Да как это возможно?

— Я уверен, что со мною будет то, что быть должно, то, чего лучше я не могу придумать, то, чего слабый мой разум, действующий органами телесными, постигнуть не может, то, о чем иногда в темных видениях только грезит душа моя!

Хвальнский ждал именно этого оборота речи.

— Не постигаю, — сказал он, — как ты дошел до этих видений. Ты, помнится, обещал мне рассказать, что возбудило в тебе эту удивительную уверенность в действии духовного мира еще в здешней жизни.

— Готов, — отвечал Кемский, — но так как это убеждение не может назваться последствием каких-нибудь внешних внушений, чтения или минутного испуга, а есть плод впечатлений, действовавших на меня с самого почти рождения, плод наблюдений и размышлений всей моей жизни, то и должно мне начать рассказ свой издалека. Имей терпение выслушать историю всей моей жизни.

VI.

Я родился в Москве. Об отце моем ты, конечно, слышал: он был человек умный, образованный, благородный и притом чрезвычайно тихий, можно сказать, слабый. Служил недолго, потом поселился в Москве и раз в год объезжал свои поместья в низовых губерниях¹. Матушка моя — я едва ее помню — была ангел красоты и добродетели: скромная, милая, умная, добродушная. Она страстно любила доброго мужа и детей своих, не желая ничего

в жизни, кроме продолжения своего тихого семейственного счастья, но недолго им наслаждалась. Я был первый сын ее, предмет всех ее помыслов и стараний. Она сама кормила меня грудью, сама хотела учить всему и даже наняла себе учителей, чтоб приготовиться к будущему воспитанию сына. Слабая телосложением, чувствительная, раздражительная женщина расстроила свое здоровье беспрестанными заботами и трудами, но в материнском сердце почерпала силы и средства исполнять то, что почитала своим долгом. Я вижу ее, будто сквозь сон, как она, бывало, посадив меня на диване подле себя, учит говорить, поправляет ошибки и, когда достигнет цели своей, радуется как дитя. Первое детство мое протекло среди игр, забав и уроков милой матери.

Вдруг всё вокруг меня покрылось мглою. Батюшка в то время уезжал в Симбирскую губернию, матушка оставалась в Москве одна со мною. Мне было тогда года три от роду. Веселье игры и шутки маменьки прекратились: она непрерывно плакала и, прижимая меня к сердцу, говорила с чувством: «Бедное дитя! Какая участь тебя ожидает!» Дом наш опустел; остались только человека три слуг; сперва заколотили ворота, потом заперли и ставни: свет проходил сквозь небольшие в них отверстия. Каретный стук умолк на улицах, не слышно было ни гулу народного, ни голосу продавцов; иногда только раздавались дикие, жалобные крики посреди общего безмолвия, и какие-то грузные повозки медленно стучали по мостовой. Когда, бывало, застучат эти колеса, матушка побледнеет, заплачет, посадит меня к себе на колени и с трепетом обнимет.

Не постигая того, что происходит вокруг меня, я однажды спросил маменьку, отчего мы теперь непрерывно одни и сидим в потемках, отчего она грустит и плачет. «Это чума, друг мой!² — отвечала матушка. — Множество людей умирает: кто только дотронется до больного, тот сам занеможет и непременно умрет. Вот мы и заперлись, чтоб никто к нам не зашел с чумою. Она ходит по всей Москве, и уж много таких детей, как ты, плачут по отце или по матери. Ведь ты не хочешь, чтоб я умерла?» «Нет, нет, маменька! — закричал я, обняв ее. — Не умирай, не умирай, а если умрешь, то возьми и меня с собою!»

Слезы матери были ответом на этот привет невинной души младенческой. Повторяю, что всё это я помню как сквозь сон, может быть, и вовсе не помню, а только составил в воображении своем эту картину по словам доброй моей няни.

Но вдруг случилось происшествие, которое и теперь так живо в моей памяти, как если бы я видел его вчера. Детское мое любопытство было возбуждено рассказами о чуме: я воображал, что это злая волшебница, что она разъезжает по городу в колеснице и убивает людей. «Мы живем во втором ярусе дома, — думал я, — меня она не достанет, хотя б я и выглянул в окошко. Дай посмотрю, что это за чума». Однажды вечером я сидел один в комнате; вдруг слышу на улице знакомый мне стук колес; казалось, повозка остановилась у нашего дома; взглянув на окна, сквозь щели ставень, вижу необыкновенный свет. Непреодолимое любопытство победило во мне боязнь. Осмотревшись в комнате и удостоверясь, что в ней нет никого, я подошел к окну, вынул засов из железного прута, которым запиралась ставня, и она с шумом отлетела. И что я увидел на улице! У ворот дома, насупротив нашего, стояла большая фура, нагроможденная мертвыми телами. Люди страшного вида, в раздранной одежде, толпились вокруг повозки, освещенные факелами. Растворилось окно во втором ярусе, и оттуда выбросили мертвое тело, закутанное в простыни; оно упало поперек повозки; страшные люди с диким хохотом длинными баграми поворотили тело вдоль повозки; голова повисла назад. В это самое время вновь отворилось окно, и в нем показалась молодая женщина в черном платье, с распущенными по плечам черными волосами, покрытая смертною бледностью. И теперь вижу эти черты, в которых изображались тоска и отчаяние. Она глядела вниз на повозку, на лежавшее сверх других тело. Повозка двинулась, и в это самое мгновение женщина с диким, пронзительным воплем, который поныне раздается в моем слухе, кинулась из окна... После этого я уже ничего не помнил; очнулся в своей постеле. Матушка терла мне виски и горько плакала. Няня лежала у ней в ногах, прося прощения, что оставила меня одного. Опамятование мое произвело общую радость. «Ничего, ничего, нянюшка! Бог простит! — закричала матушка. — Алеша очнулся».

Я пролежал несколько недель в сильной горячке и с полгода не мог оправиться. Наконец телесное здоровье мое возвратилось, но в глубине души затаилась какая-то грустная мысль, какое-то страшное ощущение, облеченное в наружный вид женщины в черном платье, устранившей меня падением из окна. Я не говорил никому, что видел в тот вечер; все думали, что одно зрелище фуры, нагруженной мертвыми телами, меня испугало. Когда, бывало, мне угрожала болезнь, эта женщина являлась мне во сне и смотрела на меня угрюмо. После такого сновидения я ожидал болезни и никогда не ошибался. Не думай, чтоб болезни эти были последствием испуга, произведенного во мне сновидением, нет! Я привык к этому видению, как к старому другу и впоследствии научился предугадывать по выражению лица женщины, что предстоит мне вскоре. Иногда являлась она печальною и смотрела на меня, опустив руки; в другое время манила к себе с приятною на устах улыбкою; случалось, что она была и угрюма: показывала вид недовольный и как будто грозила мне. Воображение мое принаравливало к этим видениям все следовавшие затем случаи жизни, и я мало-помалу привык считать это обстоятельство принадлежностью моей природы.

— То есть эта женщина являлась тебе во сне? — спросил Хвальнский.

— Не всегда во сне! — отвечал Кемский. — В необыкновенных случаях, когда от волнений душевных придет в трепет мое тело, когда наступающая минута ужасным своим потрясением сольет в себе и прошедшее и будущее, она является мне и наяву. Расскажу тебе одно из самых грозных происшествий моего младенчества. Но постой! Уже смеркается, становится холодно. Позволь мне посадить Мишу к нам в карету. Бедный мальчик продрогнет на козлах.

— Помилуй, делай что тебе угодно, но позволь заметить, что ты крепко балуешь своего Мишку. Я думаю, если б карета наша была не четвероместная, ты сам бы в состоянии был сесть на козлы, а камердинера посадить на свое место.

— Может быть, — сказал князь со вздохом, — но этот человек мне дорог по многим отношениям. Он сын моей кормилицы; его мать и по-

ныне грустит о гибели другого вскормленника своего, моего брата, да и Миша мальч — предобрый, могу сказать, благородный. Он любит меня, как...

— Вот еще, не любить такого баловщика! Да я, вышедши в отставку, сам пойду к тебе в камердинеры. Зови же его!

Князь остановил карету и велел Мишке сесть в нее. Мальчик уверял было, что ему не холодно на козлах, но, по настоянию барина, повиновался.

Друзья продолжали прежний разговор по-французски.

— Страшное время чумы, — сказал Кемский, — вскоре миновало. Ставни окон нашего дома раскрылись, на улицах по-прежнему застучали экипажи, раздался шум народный, комнаты наполнились проходящими. Только я, как уже сказал, не мог воротить своей детской беспечности: сказывают, что я пугался всякой безделицы, плакал при малейшем поводе, при радости и при печали. И взрослый я не мог бы спокойно смотреть на несчастные происшествия того времени в нашем семействе. Здоровье матушки ослабевало, и через два года она скончалась после трудных родов. Батюшка, потерявший в ней всё, что ему было дорого в мире, возненавидел Москву, полагая, что ужасные явления тамошней чумы были причиною преждевременной смерти его единственного друга, и отправился со мною и младшим братом моим в симбирскую свою деревню. Там рос я на свежем сельском воздухе, на совершенной свободе, и вскоре, говорят, сделались видимы следы сего переселения: я окреп телом и душою; сделался весел и игрив по летам, и в самом деле я не помню, чтоб в то время грозные видения мучили меня, как прежде. Но это спокойствие было непродолжительно. Возгорелся бунт Пугачёва³. Запылали села, полилась невинная кровь в счастливых до того низовых странах. Страшная лава мятежа и кровопролития направила разрушительный путь свой к нашему уезду.

Батюшка, как самый почетный в округе помещик, по приглашению чиновника, присланного из Петербурга, отправился в город на совет, не воображая, какой опасности подвергает милых своему сердцу. Вдруг одна из злодейских шаек вторглась в наше село, окружила го-

сподский дом и с диким воплем требовала помещика. На ответ, что он уехал в город, разбойники возразили, что в доме, конечно, остался кто-нибудь из его кровных, и требовали у крестьян выдачи жены и детей барских. Добрые наши служители, любившие барина своего как отца, отвечали, что барыня скончалась за полгода, а дети увезены отцом. Кроважадные изверги не поверили этому и кинулись в дом. Старушка, моя няня, видя беду неминуемую, вдруг раздела меня донага и вместо тонкой сорочки и платица надела запачканную крестьянскую рубашонку и опоясала ветхою тесьмою. Я это сносил терпеливо, но, когда она вздумала сажею марать мне лицо и руки, я закричал: «Нянюшка! Нянюшка! Что ты это меня пачкаешь? Я тятеньке пожалуюсь!» Она старалась меня успокоить, умоляла, чтоб я молчал, но я не переставал плакать, срывал с себя грязную одежду и кричал: «Отдайте мне мое платье!»

Комната наполнилась женщинами и детьми, которые вздумали в господском доме искать себе спасения и приюта. Все со слезами просили меня замолчать, но напрасно. Уже слышались шаги буйной толпы, уже раздавались яростные голоса извергов, алкавших господской крови, уже растворилась настежь дверь в переднюю, — вдруг в ней появилась Черная женщина, как я привык называть ее про себя: бледная, с распущенными волосами, в том же платье, как я видел ее во время чумы; она остановилась в дверях, вперила в меня укоряющий взор и погрозила пальцем. Я в то же мгновение умолк и, оборотясь к няне, прижался к ней лицом.

Необычайный шум вскоре заставил меня оглянуться: комната наполнилась неистовыми, пьяными разбойниками. «Где щенята проклятые? — вопили они. — Али утаили их, что ли! Всех перебьем!» Бабы с детьми бросились в ноги злодеям, и я припал подле няни. «Ей-же-ей, их нет здесь, — кричали они, — верьте Богу, отцы родные!» «Смотрите! — ревели разбойники, рассыпаясь по комнатам. — Если хоть одного найдем, всем вам конец! Признайтесь скорее, до беды!» Испуганные женщины повторили свои клятвы. Шумная толпа кинулась в другие комнаты, а старушка няня, схватив меня на руки, выбежала из господского дому в село, принесла меня в дом своего сына и посадила на печь. Она

смертельно боялась, чтоб я не вздумал кричать, упрямитесь и требовать своего платья, но я был тих и нем, к крайнему ее изумлению и удовольствию. Смятение продолжалось во весь день, к вечеру утихло на улицах, но меня не выпускали из избы, не снимали с печи, я заснул от испуга и усталости.

На другой день вступила в село какая-то команда, а бунтовщики по приближении ее разбежались. Вскоре воротился батюшка, и моя спасительница принесла меня домой. Увидев отца моего, она бросилась ему в ноги, восклицая: «Батюшка-князь Федор Петрович! Вот сынок твой, князь Алексей! Прости, отец родной, что мы одели его как крестьянского мальчишку, да, вишь, злодеи грозились всех баричей перебить, так мы и догадались: Бог помог нам, а ты, батюшка, не взъщи!» Отец с радостными слезами обнял меня и усердно благодарил няню, но не одни слезы радости пришлось ему проливать в тот день.

Няня, уstraшенная мыслию об опасности своего питомца, не подумала о младшем брате моем, которому было десять месяцев от роду. Кормилица его, посылав шум, в испуге схватила ребенка, бросилась из дому в село, из села — в лес. На другой день нашли ее в беспомощности, верстах в десяти от дому, на дне глубокого оврага, покрытую ранами и ушибами, в застывшей крови. Очнувшись, она объявила, что бежала без памяти сама не зная куда. Вдруг раздались вокруг нее крики. В недоумении и испуге бросила она дитя в кусты, а сама кинулась в сторону. Ударом в голову ее оглушило; она, лишась чувств, покатила в овраг.

По ее показанию, стали искать в кустах и нашли под одним детскую шапочку, более ничего. Все разыскания, все исследования были напрасны. Бедный младенец пропал. Не скажу: погиб, и вот почему. Батюшка, сильно пораженный этим бедствием, часто ходил со мною на то место, где пропал брат мой; потом выложил туда дорогу и на краю дикого оврага построил домик. Это место было позорищем⁴ забав, игр, мечтаний моего детства.

Через два года после того ужасного происшествия батюшка повез меня в Петербург для отдачи в кадетский корпус.

Накануне отъезда нашего мы пошли проститься с нашим домиком. Это было в августе месяце, после обеда. Батюшка в безмолвном унынии, ведя меня за руку, обошел всю ту сторону, как будто ища своей невозвратимой потери, и, когда начало смеркаться, вошел в домик, где ожидала его няня с чаем, а я остался на краю оврага. Мысль о том, что я оставляю местá, где жила матушка, где погиб брат мой, наполнила грустью мое младенческое сердце. Я пошел к роковому кусту и, глядя на густую зелень его, думал: «Так ты умер, друг мой?» В это время что-то темное приподнялось из-за густой зелени: всматриваюсь — и вижу знакомую мне Черную женщину, но не страшную, не грозящую, как бывало, а с какою-то милою, утешительною улыбкою. Она покачала головою, как будто желая сказать: «Нет, он не умер!», указала на тропинку и разлилась туманом в вечернем сумраке.

Князь замолчал, выглянул с странным выражением испуга и удовольствия из окошка, глядел несколько секунд на густые сосны, черневшиеся недалеко от дороги, и потом улыбнулся со вздохом.

Хвальнский пристально всматривался в ту сторону, ничего не видел и наконец спросил:

— Не причудилось ли тебе опять чего-нибудь?

— Нет, — сказал князь, — что-то налетело на душу странное. Я вот уже несколько дней не могу освободиться от видения, но оно не с того света. — При этих словах он покраснел.

— А, догадываюсь! — вскричал Хвальнский. — Сердце подстрелено. Пора, друг мой, пора! Нельзя ли сделать меня твоим поверенным?

— Как можно? — сказал князь с усмешкою. — Ты мне в этом почти соперник. Но нет! Это пустое, вздор! Это игра воображения.

— Тем легче тебе открыться! — продолжал любопытный Хвальнский.

— Скажу тебе правду, — отвечал князь, как будто принуждая себя, — не знаю отчего, только Наташа беспрерывно мерещится у меня в глазах. Ты знаешь, что я ее уважаю, можно сказать, люблю за благородство ее нрава, за ум, образование, но никогда не думал я чувствовать к ней что-нибудь более, и помнится, не более недели откровенно говорил

тебе, до какой степени ее гордая холодность меня оскорбляет. Вот дня четыре тому назад я сижу у сестрицы в гостиной. Матушка рассказывала что-то о своих женихах елисаветинских времен. Я нечаянно посмотрел в зеркало и увидел, что Наташа, сидевшая тогда в другой комнате, устремила на меня глаза свои с каким-то необыкновенно томным выражением. Когда взоры наши встретились в зеркале, глаза ее засверкали, а лицо подернулось бледностью, и мне показалось, что в нем было выражение лица моей мечты. Я глядел на нее несколько секунд с неизъяснимым наслаждением. Вдруг она, как будто догадавшись, что и я вижу ее, когда она на меня смотрит, отворотилась от зеркала, встала и поспешно удалилась в другую комнату. Через час увидел я ее в гостиной. Лицо ее было нежное, прекрасное, миловидное, правильное, но то небесное выражение исчезло. Она глядела на меня учтиво, строго и холодно, как всегда, а я и малейшим движением лица боялся дать ей почувствовать, что помню, как наши глаза менялись взглядами в зеркале. С тех пор изображение ее в зеркале меня не покидает. Я вижу ее, пью восторг из глаз ее, забываюсь, но эта мечта скорее всего проходит при появлении ее самой: вижу, что это не та!

— Вот друзья! — вскричал Хвальнский с комическим выражением отчаяния. — И эту у меня отбивают! Ну мог ли я думать, чтоб ты когда-нибудь сделался моим соперником? Впрочем, это, может стать, к лучшему. Влюбиться нашему брату в бедную девицу: любовь да любовь, нуль да нуль — нуль! Только в одном отношении мне не так накладно было влюбляться в Наташу, как тебе. Ты князь, старинной капитальной фамилии, человек богатый, цель взглядов и вздохов многих знатных барышень, а она дочь бедного штаб-лекаря⁵, внучка какого-нибудь пономаря, много что сельского священника — что это за пара! Я, бедняк, более к ней под ряд. Род Хвальнских не блеснит в бархатных книгах⁶, и, если б покойный мой отец не служил сорока лет верою и правдою, не бывать бы мне товарищем князей и графов.

— Счастливец, — сказал князь Алексей, — тебя не тяготит полученное от родителей титуло, налагающее на человека тьму цепей и обязанностей в свете. Впрочем, ты более похож на князя, нежели я, задумчивый,

угрюмый, неуклюжий. Дочь штаб-лекаря, следственно, человека благородного во всех отношениях, человека полезного, почтенного, — почему бы ей не быть княгиней Кемскою! Нет, нет! Не потому! Нет, она меня ненавидит! И я хотя влекусь к ней чем-то непонятным, но любить ее так просто, по-человечески, не могу. Еще раз скажу: не знаю, есть ли у нее сердце!

— И всё это к лучшему, поверь мне, — возразил Хвальнский, — твоя так называемая матушка и сестрица хорошо бы приняли такую родственницу. Боже упаси!

В течение этого разговора смерклося. Вдруг влево от дороги блеснул огонек.

— Это Токсово! — сказал Мишка, отпер дверцы, выскочил из кареты и пошел вперед искать дома пономаря.

VII.

Чрез несколько минут Мишка закричал кучеру: «Здесь! Стой!», и друзья, оставив карету, вошли в большой деревянный дом, уже довольно ветхий, но еще не обшитый досками.

— Не здесь ли остановился больной офицер? — спросил Хвальнский.

— *Десь, посалуйте!* — отвечала рыженькая чухончка с кроличьими глазками и ввела приезжих через сени в большую комнату.

В камине пылал огонь и колеблющимся блеском освещал бревенчатые, не оклеенные обоями стены, на которых в исполинском размере рисовались тени собеседников, расположившихся вокруг приятного в осеннее время домовитого огня. Вышати́н, молодой, прекрасный собою, в щегольском халате¹, лежал на черном кожаном канапе;² подле него сидел человек средних лет, степенного вида, белокурый, в черном однобортном сюртуке³, с трубкою во рту; в нем нетрудно было узнать сельского пастора⁴. Подле пастора в ветхих креслах развалился молодой человек, одетый с великою небрежностью, приятной наружности,

с выражением добродушия и детской беспечности на лице, которое по временам озарялось отблесками внутреннего вдохновения: он пристально глядел в камин и, казалось, следил за постепенным разрушением дров, наблюдал каждую вспышку огня.

С другой стороны камина облокотился на столик почтенный старец лет семидесяти — исполинского роста, сухощавый и статный. Густыми черными бровями приосеялись глаза, плававшие пламенем глубокого чувства. Черные с проседью волосы едва покрывали высокое, величественно округленное чело; нос правильный, греческий, на щеках следы румянца юных лет, уста с улыбкою спокойствия, выдавшийся подбородок — всё это составляло физиономию необыкновенную, поражающую всякого невольным почтением при первом на нее взгляде. Одет он был просто: в старомодном коричневом сюртуке и в темном камзоле, но всё на нем было как-то порядочно, как-то согласно с его лицом, умным и спокойным.

Когда приезжие наши вошли в комнату, прервался, как им казалось, интересный разговор. Кемский одним взглядом окинул эту живописную группу и в первую секунду нашел в ней нечто похожее на те нечаянные сборища, которые попадают в гостиницах романов.

— Друзья! — с восторгом закричал Выштин, увидев входящих. — Спасибо вам! Спасибо, Философ, и тебе, Стрекоза, — вы, чай, не забыли еще ваших кадетских прозвищ, — что посетили своего бедного однокашника. Эй, люди, чаю поскорее!

После первых расспросов о здоровье Выштин познакомил князя и Хвальнского с тремя своими собеседниками. Один точно был тамошний пастор; другого он назвал Андреем Федоровичем Берилковым, прибавив, что он художник; при взгляде на третьего произнес с почтением:

— А это Петр Антонович Алимари, облегчитель моих страданий; может быть, и спаситель моей жизни. Эти господа разогнали скуку моего одиночества своею беседою; если вы любите меня, братцы, по-прежнему, по-корпусному, поблагодарите их за ласку и за дружбу к незнакомцу. Этому же почтенному человеку обязаны будете сохранением вашего друга!

Он протянул руку с выражением искреннего чувства; старик, встав с своего места, подошел к нему и отвечал на его пожатие руки приятною улыбкою, выразившею, что он ценит внимание и благодарность, но ни во что ставит свою услугу.

После обыкновенных приветствий Кемский сказал больному:

— Кажется, что мы приездом своим прервали вашу беседу: нельзя ли продолжать?

— Да, — отвечал Вышпатин, смеючись, — мы рассуждали, толковали и спорили о предмете очень занимательном, без которого редко обойдется дружеская беседа, несколько продолжительная. Мы говорили о видениях, о предчувствиях, о предсказаниях и тому подобном. Я, признаюсь, отнюдь не верю ничему в этом роде и никогда не переменно своего образа мыслей.

— Не верите? — возразил старик тихим, но крайне приятным голосом. — Не верите? Отчего же происходит, что вы с любопытством слушаете рассказы о необыкновенных случаях? Отчего сами сообщили нам несколько анекдотов? Вера в чудесное, сверхъестественное основывается не на расчетах и заключениях рассудка, а на каком-то неизъяснимом внутреннем чувстве.

— Так должно верить, почтенный Алимари, — сказал с жаром Вышпатин, — всем сказкам и бредням старых баб? Так вы им верите?

— Отнюдь нет! Мало ли ходит по свету вымыслов, заверенных не только людьми простыми, суеверными, но и умными, учеными; между тем, это вымыслы, и только. Но неосновательность одного частного случая не может заставить нас думать, будто общее чувство, сродное всем людям, нас обманывает. Притом, заметьте, что вера в сверхъестественные случаи и видения опровергается только отрицательно. Говорят: «Это не может быть», да и только. Доктор Джонсон утверждает, что люди, отвергающие действительность привидений *устами*, признаются в ней своею *боязнию*⁵. Не должно верить безусловно всем рассказам, но должно исследовать самые дела и по исследовании отличить истинное от ложного.

Алимари говорил твердо и положительно. Выражения его были чистые русские, но часто сбивались на книжный язык. Произношение его было не иностранное, но и не обыкновенное у нас в разговоре. Выразительное движение уст, пламенное чувство, блиставшее в глазах его, голос гармонический и самая эта необычайность языка придавали речам его неизъяснимую силу и прелесть. Кемский, можно сказать, глазами и слухом *примил* к устам его; сердце его невольно влеклось к незнакомцу, который, с своей стороны, приметив это внимание миловидного, кроткого, умного человека, в речах своих обращался преимущественно к нему.

— Воля ваша! — вскричал Вышатин. — А я никак не соглашусь с вами! Слушаю рассказы о духах и привидениях со вниманием, с любопытством и, могу сказать, с удовольствием, но верить им — нет! Не могу. И вы, Алимари, натуралист, испытатель таинств природы, можете утверждать это?⁶ Не постигаю!

— Именно потому, что я натуралист, эти явления меня и занимают. В природе ничто не делается даром. Каждая травка, каждая песчинка имеет свою причину, свою цель: так и движения, действия и стремления нашей души. Мы не видим причин и целей того, что в нас происходит, но происходящее ощущаем и признаём.

— И никогда не увидим! — прервал Вышатин.

— Почему же так? — спокойно возразил Алимари. — Явления электричества, магнетизма и другие в течение тысячелетий изумляли народ и казались сверхъестественными самым умным и просвещенным людям тех времен. Ныне эти явления разгаданы⁷. Так может, так должно быть и со многими другими явлениями физического и нравственного мира. Повторяю: мы видим действия, но силы, которыми эти действия производятся, еще от нас сокрыты. Пройдут веки, совершатся новые открытия в науке естества, в единственной всеобщей, истинной науке, и то, что казалось неизъяснимым чудом, покажется нам в виде явления или действия природы, понятного и даже в естестве вещей необходимого!

— Так вы не верите чудесам? — с торжеством спросил Вышатин.

— Верю и не верю — смотря по тому, как вы принимаете это слово. Я не верю, чтоб порядок вещей, единожды установленный премудрым Промыслом, мог без особенной воли Всевышнего когда-либо или от чего-нибудь измениться. Но чудеса, то есть действия и явления, непостижимые человеку, неистолкуемые по размеру его ума, временного и слабого, совершаются ежедневно. И самое устройство, самое бытие человека есть чудо, непонятное, недостижимое. Никогда не чувствовал я в такой степени удивления и благоговения пред неисповедимым Промыслом, как в то время, когда разлагал на части тело человеческое, эту ветхую храмину, из которой излетела его жительница. Каждая жилка, каждый нерв есть чудо в глазах и уме человека. И тут ум человеческий догадался о причинах и цели многого, но столь же многое, может быть, и более, является только телесному его взору, а от умственного сокрыто. Так, в органе слуха, например, цель и польза многих частей истолкована и, по возможности, доказана сравнением, но сколько частей сего самого органа нам непонятны! И притом они необходимы, они имеют и причину, и цель, ибо находятся в каждом подобном органе. Отсутствие их, может быть, показало бы, к чему они нужны, а этого отсутствия еще не замечено с самого начала мира или, может быть, с начала науки. И после этого, когда мы не можем растолковать и доказать пользы и действия видимых, осязаемых вещей, оставленных скрывшимся хозяином в прежнем его жилище, мы станем спорить о свойствах и деяниях самого хозяина! Смиримся пред Провидением и признаемся с Шекспиром, что под солнцем много таких вещей, какие философии нашей и во сне не грезились!⁸

— Вот уж и философия! — воскликнул Хвальинский. — Нельзя ли уволить от нее! Да и как вы заговорили об этих предметах? Нельзя ли избрать чего-нибудь попроще, поближе к нашему армейскому разумению?

— И я так-с думаю-с, — сказал художник, — а то в самом деле, начали о домовых-с — вот это дело известное-с, то есть домовые-с — кто их не видал-с?.. А потом занесли-с бог знает куда-с... То есть... впрочем, и не с домовых начали-с, а с огненного змея-с⁹.

— С какого змея? — спросил Хвальнский.

Бериллов хотел отвечать, но Вышатин предупредил его:

— Андрей Федорович рассказывал нам, что в Петербурге случилось необычайное происшествие. Ты знаешь, что вчера граф Самойлов¹⁰ давал праздник в честь гостя нашего, молодого короля шведского¹¹. В то самое время, как государыня подъехала к крыльцу его дома, огненный шар, или, как говорят в народе, змей пролетел чрез этот дом, потом чрез Зимний дворец за Неву и упал за крепостью. Мы стали рассуждать о подобных явлениях и от этого мало-помалу дошли до толков о привидениях, о предчувствиях и тому подобном. Но помнится, вы, Петр Антонович, хотели рассказать нам одно такое происшествие, случившееся в молодые ваши лета? Не угодно ли теперь?

— Охотно, — сказал Алимари. — Это было в тысяча семьсот сороковом году, последнем году царствования императрицы Анны Ивановны¹². Мне был тогда семнадцатый год от роду. Я жил у датского резидента, в доме, где теперь трактир «Париж» на Дворцовой площади¹³, на углу Ледокольного переулка¹⁴. Это было в августе месяце. Ночь была темная, но чрезвычайно теплая. Резидент, по обыкновению своему, занимался музыкою, играл весь вечер на клавикордах, а я пел на память лучшие тогдашние италийские арии¹⁵. Било десять часов; я простился с ним и пошел к себе вверх. Вдруг вижу я: освещаются средние ворота Адмиралтейства, идущие к Гороховой улице¹⁶. Из ворот выходит какая-то процессия с множеством факелов и поворачивает налево, к Дворцовой площади. Дома, лежащие насупротив Адмиралтейства, озаряются ярким светом. И свет этот, наравне с невидимою процессиею, движется ближе и ближе ко дворцу. Смотрю и недоумеваю. Резидент присылает за мною человека. Схожу к нему и вижу, что он со всеми домашними стоит у окна и смотрит на непонятное явление — что за процессия может идти из Адмиралтейства в ночное время? Посылаем смышленного слугу, чтоб посмотреть вблизи и порасспросить. Между тем процессия, обогнув угол Адмиралтейского вала, направилась к средним воротам дворца и вошла в них;¹⁷ факелы, по мере вступления в ворота, исчезали, и чрез несколько минут водворилась прежняя темнота. Слуга воро-

тился и объявил, что он пробежал до угла Адмиралтейства, но по приближении его уже ничего не было видно; между тем поднялся сильный ветер, сорвал с него шляпу и унес ее к набережной¹⁸. Он побежал за нею, поймал уже близ берега Невы и пошел ко дворцу. Зимний дворец тогда был деревянный. Всё было тихо. Часовые расхаживали у ворот. Слуга спросил у них, что́ это было за шествие с факелами и куда оно прошло. Часовые отвечали, что он бредит, что никакого шествия не было и чтоб он убрался поздорову. Тем это и кончилось. Все жившие в нашем доме видели это странное явление, но никто не умел растолковать его. Разумеется, что впоследствии, когда случились необыкновенные политические происшествия, люди вздумали утверждать, что это видение было их предзнаменованием. Этому я не могу верить, но верю, что иногда являются нам призраки и видения наяву, как во сне.

— И точно вы это видели? — спросил Вышатин в недоумении.

— Точно! — отвечал Алимари. — Помню даже, что резидент описал это явление и заставил всех бывших в доме подписаться.

— Вот то-то и беда, — сказал Вышатин, — что эти письменные свидетельства обыкновенно пропадают, а остаются одни изустные предания, искажаемые в течение времени. Назовите мне подобное происшествие, которое было бы подтверждено официальным актом. Так нет!

— Извините, — прервал речь его пастор, — я могу служить вам подобным происшествием, которого действительность подтверждена формальным актом. Если угодно, я теперь расскажу происшествие, а завтра покажу акт, хранящийся у меня в верной копии. Угодно ли послушать?

— Сделайте одолжение! — закричали все в один голос.

— Только мне трудновато объясняться по-русски: позвольте прибегнуть к французскому языку, — сказал пастор, — да и тут извините в ошибках. Если б я мог говорить с вами по-шведски, то рассказ мой был бы живее и естественнее. Слушайте же!

Все придвинулись к рассказчику. Вышатин усмехнулся и снял со свечи, чтоб лучше видеть физиономию повествующего.

VIII.

Карл XI, отец знаменитого Карла XII, был один из самых умных королей шведских¹. Он определил права и обязанности разных сословий шведского народа и дал государству своему многие полезные законы. Притом он был человек просвещенный, храбрый, набожный, твердый, хладнокровный и воображения отнюдь не пылкого. Он лишился супруги своей, Ульрики Элеоноры, и хотя при жизни обращался с нею сурово, но грустил о ее кончине более, нежели как можно было ожидать². С той поры сделался он еще утрюмее и молчаливее прежнего и искал развлечения своей скорби в непрерывных занятиях делами государственными. В один осенний вечер сидел он в халате и туфлях перед камином в кабинете стокгольмского дворца³. При нем были камергер граф Браге⁴, пользовавшийся особенною его милостию, и лейб-медик Баумгартен⁵, человек умный, представлявшийся вольнодумцем: он хотел, чтоб люди не верили ничему, кроме медицины. Король сидел в этот вечер у камина долее обыкновенного и, склонив голову, смотрел в безмолвии на потухающие уголья. Граф Браге несколько раз напоминал королю, что пора ему успокоиться, но король движением руки заставлял его молчать. Врач, в свою очередь, стал было толковать, как вредно для здоровья сидеть за полночь. Король сказал ему вполголоса: «Не уходите; мне еще спать не хочется». Придворные начинали говорить о том, о другом, но разговор не завязывался. Граф Браге, полагая, что король грустит, вспоминая о своей супруге, посмотрел на портрет ее⁶, висевший в кабинете, и сказал:

«Какое сходство! И величие, и кротость души ее видны в этом портрете».

«Вздор! — возразил король с досадою. — Живописец польстил ей: королева отнюдь не была так хороша собою!» Потом, как будто утешаясь своей горячностью, он встал и начал прохаживаться по комнате, чтоб скрыть свое смущение. Вдруг остановился он у окна, идущего на двор. Ночь была самая темная. Луна не показывалась.

Нынешний королевский дворец в то время еще не был кончен, и Карл XI, начавший строение его, жил в старом дворце, на оконечности Риттергольма, вдающейся в Мелар⁷. Огромное это здание расположено в виде подковы. Кабинет короля был в конце одного из флигелей, и почти насупротив его находилась большая зала, в которой собирались государственные чины для принятия предложений королевских.

В это время казалось, что окна этой залы освещены очень ярко. Король изумился и сначала полагал, что там ходит кто-либо из придворных служителей со свечою. Но что ему было делать в зале, которой давно уже не отпирали? Притом по необыкновенной яркости света нельзя было заключить, чтоб он происходил от одной свечи. Может быть, это пожар? Но не видно было дыму, окна не были выбиты; всё было тихо; казалось, зала иллюминирована как для торжества. Карл несколько минут смотрел на освещенные окна, не говоря ни слова. Граф Браге протянул руку к колокольчику, чтоб позвать пажа и чрез него узнать о причине этого странного освещения, но король остановил его. «Я хочу сам пойти в залу», — сказал он. При этих словах он побледнел и на лице его изобразился ужас, смешанный с благоговением. Между тем он твердым шагом вышел из кабинета. Камергер и врач последовали за ним, неся в руке по зажженной свече.

Смотритель дворца, у которого хранились ключи, уже спал в то время. Баумгартен разбудил его и приказал, именем короля, отпереть двери в залу государственных чинов. Изумленный смотритель оделся поспешно и явился к королю с связкою ключей. Сначала отпер он галерею, служившую переднею комнатою, или аванзалю. Король вступил туда и с изумлением увидел, что все стены комнаты покрыты черным.

«Кто приказал обить таким образом эту залу?» — спросил он гневным голосом.

«Не могу доложить, — отвечал испуганный смотритель, — в последний раз, когда я приказал вымести галерею, она, как и всегда, обита была дубом. Эти обои взяты, конечно, не из гардеробной вашего величества».

Король быстрыми шагами миновал уже бóльшую часть залы. Граф и смотритель следовали за ним. Баумгартен поотстал: он боялся остаться один, боялся и следовать за другими.

«Не ходите далее, государь! — закричал смотритель. — Клянусь Богом, тут водятся нечистые духи. В это время... со времени кончины ее величества королевы... Говорят, что она прохаживается по этой галерее. Помилуй нас, Господи!»

«Остановитесь, государь! — сказал граф. — Разве вы не слышите странного шума в этой зале? Кто знает, каким опасностям вы подвергаетесь!»

«Всемиловивейший государь! — прошептал Баумгартен, у которого ветром задуло свечу. — Позвольте мне по крайней мере привести сюда человек двадцать ваших трабантов»⁸.

«Войдем! — сказал король твердым голосом, остановясь у дверей большой залы. — Смотритель! Отопри поскорее эту дверь». Он толкнул в нее ногою, и отголосок, повторенный эхом сводов, раздался в галерее, как пушечный выстрел.

Смотритель дрожал и не мог ключом найти отверстие в замке.

«Старый солдат, а трусишь! — сказал король, пожав плечами. — Ну хоть вы, граф, отоприте эту дверь».

«Государь! — отвечал граф, отступив от двери. — Прикажите мне броситься на пушку датскую или немецкую — я буду повиноваться без замедления, но здесь действуют силы адские»⁹.

Король вырвал ключ из рук смотрителя.

«Вижу, — сказал он с презрением, — что дело касается меня одного!»

И прежде нежели приближенные могли удержать его, он отпер толстую дубовую дверь и вошел в большую залу с словами: «Да поможет мне Бог!» Спутники его, подстрекаемые любопытством, которое превозмогло в них боязнь, а может быть, и стыдясь оставить короля, вошли с ним вместе.

Большая зала освещена была очень ярко. На стенах старинные обои в лицах заменены были черным сукном. Вдоль по стенам стояли,

как и прежде, добытые Густавом Адольфом трофеи, знамена врагов Швеции¹⁰. Посреди их видны были и шведские штандарты, покрытые траурным крепом.

На скамьях сидело многочисленное собрание: четыре сословия государственных — дворяне, духовные, граждане и крестьяне — занимали свои места. Все были в черном одеянии; лица их светились при блеске свеч, но король и его спутники не могли различить в этой толпе ни одного знакомого лица.

На возвышенном троне, с которого король произносит речи к собранию, лежал окровавленный труп в царском одеянии. По правую сторону стоял отрок с короною на голове, по левую — опирался на кресла трона другой человек или призрак в торжественной мантии, какую носили древние правители Швеции до возведения Швеции Вазою на степень королевства¹¹. Перед тронем, за столом, покрытым большими книгами и пергаменными хартиями, сидело несколько человек важного и строгого вида в длинных черных мантиях; они казались судьями. Между тронем и этим столом находилась плаха, покрытая черным сукном; подле нее лежала секира.

Казалось, что никто из собрания не замечал Карла и троих его спутников. При входе в залу слышали они один смешанный ропот, в котором не могли различить ни одного явственного слова. Вдруг самый старший из судей, по-видимому, председатель, встал с своего места и трижды ударил рукою по большой открытой книге, пред ним лежавшей. В то мгновение водворилась глубокая тишина. Растворились двери, противоположные тем, в которые вошел Карл, и несколько молодых людей, в богатой одежде, вступили в залу. Они шли, подняв голову и гордо озираясь. Руки их связаны были назад; концы веревок несдюжий человек в лосинном полукафтанье. Пленник, шедший впереди, как казалось, важнейший из всех, остановился посреди залы перед плахою и посмотрел на нее с выражением гордости и презрения. В это мгновение затрепетал труп и из раны его полилась светлая багровая кровь. Молодой человек стал на колени и протянул голову на плаху. Се-

кира сверкнула в воздухе и со стуком упала. Кровь ручьем пролилась до трона и смешалась с кровью трупа; отсеченная голова покатила по полу до ног Карла и обагрила их кровью.

Доселе он молчал в изумлении, но при этом грозном зрелище выступил вперед и, обратясь к человеку в мантии правителя, смело произнес: «Если ты от Бога, говори; если же не от Бога, оставь нас в мире!»

Привидение отвечало ему медленно, торжественным голосом: «Король Карл! Эта кровь пролита будет не в твоё царствование: но, — это произнесено было не так явственно, — чрез пять царствований. Горе, горе, горе крови Вазы!»¹²

В это время многочисленные лица собрания начали исчезать и вскоре казались одними теньями; мало-помалу они исчезли совершенно, и свет, озарявший залу, потух. Свечами, бывшими в руках Карла и его проводников, освещались старые обои, легко колеблемые ветром¹³. Несколько времени слышался легкий шум, подобный то шелесту листьев, то звуку струны, лопающей при настроивании арфы. Всё это произошло в течение десяти минут.

Черные обои, отсеченная голова, струи крови, обагрившие пол, — всё исчезло с привидениями; только на туфле Карла осталось красное пятно, которое одно могло бы напомнить ему происшествия этой ночи, если б они не врезались глубоко в его памяти.

Возвратясь в кабинет, Карл приказал составить описание всего виденного им, велел своим спутникам подписать эту бумагу и сам скрепил ее своею подписью. Как ни старались скрыть существование этого акта, он вскоре сделался известным, даже еще при жизни Карла. Многие особы видели подлинник, у других есть засвидетельствованные копии.

Теперь вспомните смерть Густава III и суд над Анкарстрёмом, его убийцею¹⁴. Труп представлял Густава III, казненный человек — Анкарстрёма; отрок есть Густав IV, нынешний король, а старец — герцог Зюдерманландский, правитель королевства. Они теперь находятся в Петербурге¹⁵. Не случится ли кому-нибудь увидеться с особами их свиты? Всякой швед подтвердит вам истину этого предания.

IX.

Пастор умолк. Все смотрели друга на друга с недоумением. На лице Алимари появилась улыбка удовольствия.

— Очень обязан вам, почтенный господин пастор, — сказал он, — за сообщение этого анекдота; я слышал об нем в разные времена и от многих особ, но каждый рассказ противоречил другому, противоречил и самому себе. Людям не довольно того непонятого, что в самом деле случается: они стараются изукрасить слышанное и бессовестно искажают. Впрочем, господа шведы богаты такими историями.

Я знавал за несколько лет пред сим в Неаполе шведского посланника, человека прелюбезного, преумного и образованного; он рассказал мне также одно достойное любопытства событие. Он был статс-секретарем при покойном шведском короле Густаве III¹ и пользовался особенною его милостию. Однажды после обеда король призвал его к себе, отдал ему какую-то важную дипломатическую бумагу и приказал изготовить по ней исполнение непременно к докладу следующего утра. Граф отправился домой, написал требуемое, запер обе бумаги в ящик письменного стола и поехал на вечер к приятелю. Возвратясь домой около полуночи, он занялся приведением в порядок бумаг к завтрашнему докладу, но никак не мог найти бумаги, полученной им от короля, и написанного им ответа. Он помнил, что положил их в ящик, но их ни там и нигде не было. Он разбудил жену свою, расспрашивал всех домашних; никто в его отсутствие не входил в кабинет, а бумаги исчезли. Ночь прошла в тщетных поисках.

При наступлении утра граф, утомленный бдением и досадою, бросился в отчаянии в кресла, думая поехать к королю, объявить о несчастном случае и просить прощения в неумышленном проступке. К нему подошел его управитель, помогавший искать бумаги, человек добрый и честный. «Смею ли предложить вашему сиятельству средство к отысканию бумаги, средство несомненное?» — сказал он с робостью. «Какое?» — спросил граф с нетерпением. «Извольте посоветоваться с ворожеею. Я знаю такую женщину; она чухонка и чудесно ворожит на

картах и на кофе»². Граф, ожидавший ответа поумнее этого, хотел было выразить свое негодование на глупое предложение управителя, но в это самое время утренний луч проник сквозь занавесы и осветил стенные часы; стрелка стояла на половине четвертого: в шесть часов надлежало явиться к королю. Утопающий хватается и за соломинку. «Что ж? — подумал граф. — Хуже от этого не будет, бумага пропала, и чем черт не шутит? Может быть, ворожея и выведет из беды». Он объявил жене, что хочет после ночных беспокойств прогуляться на свежем воздухе, зашел к управителю, надел его старый сюртук, поношенную шляпу и сероватый галстук и отправился по данному ему адресу. Вошел в комнату ворожеи, он назвался простым мастеровым и просил ее объявить ему, где можно найти вещь, им затерянную. Старуха посмотрела на него с усмешкою и сказала: «Полноте обманывать меня, ваше сиятельство! Вы граф **** и хотите знать, куда девалась какая-то бумага: она завалилась за ящик вашего стола; выдвиньте ящик и найдете ее». Граф дал ей червонец, возвратился домой, вынул ящик из стола, и обе искомые бумаги упали к его ногам. Можете вообразить себе, как он обрадовался! К назначенному времени явился он к королю и поднес доклад.

Король был очень доволен его работою, но заметил, что граф бледен и кажется нездоровым, будто не спал ночь. Граф признался ему во всем и рассказал странное приключение. Густав III, человек воображения пламенного и поэтического, захотел сам видеть эту ворожею и условился с графом посетить ее того же вечера.

В назначенный час король и граф оделись в простое платье и пошли к Сибилле³. При вступлении короля в комнату она вмиг его узнала и приветствовала с должным почтением. Напрасно уверял он ее, что она ошиблась. По желанию короля, она разложила на столе карты и сказала ему, что он погибнет в большом собрании и что виновником его смерти будет первый человек, который встретится с ним сегодня вечером в красном плаще (тогдашняя мода). Густав щедро одарил ворожею и с любимцем своим отправился домой.

Дорогою встречалось им множество людей, но не было красного плаща. Когда они уже приблизились ко дворцу, вышел из дверей ниж-

него яруса человек в красном плаще. Король и граф взглянули ему в лицо и узнали любимца королевского — камергера графа Л.⁴. Всем известна была его преданность и любовь к государю; все знали, что он по малейшему мановению короля готов жертвовать для него жизнью, не менее того; Густав с той минуты стал его убегать, начал удалять его от себя и, желая сделать ему пребывание у двора неприятным, иногда поступал с ним несправедливо. Это незаслуженное гонение тронуло и огорчило графа. Сначала старался он усугублением своего усердия и ревности к службе короля вернуть его благоволение; но, видя, что все старания его напрасны, пристал к оппозиции и, почитая себя обиженным, сделался явным противником правительства. Известно, что Густав III умерщвлен был в маскарade: убийца его, Анкарстрём, при допросах объявил, что к исполнению этого гнусного замысла преимущественно побудили его жалобы и толки графа Л.

— Любопытно! — сказал пастор.

— Странно! — прошептал Хвальнский.

— Не совсем странно, — сказал Алимари, — ворожея могла наудачу назвать человека в красном плаще; суеверие и боязнь короля сделали остальное.

— Всё же остается нерешенным, как эта ворожея могла предсказать другие обстоятельства, — возразил Выштин. — То есть, — прибавил он с улыбкою, — если правда то, что вам рассказывал граф.

— Не могу сомневаться в истине его слов: он человек честный и правдивый. Ныне он живет в России; вы, может быть, с ним где-нибудь сойдетесь; спросите у него об этом случае, и он охотно повторит вам то, что вы от меня слышали.

— После этого, — вскричал Хвальнский, — не верь ворожеям!

— Вздор! — подхватил Выштин. — Я ничему этому не верю и опять обращаюсь к вам, почтеннейший Петр Антонович! Скажите, не смешно ли верить предсказателям? Как могут эти люди прозирать в будущее, как могут они узнавать то, что еще не свершилось, что таится в душе человека? Да и не безрассудно ли узнавать будущее, которое сокрыто от нас премудрым Провидением, лишать себя надежды и очарований, заранее приготавливать себя к неотвратимым бедствиям?

— Вот это другое дело! — отвечал Алимари. — Не должно давать воли своему любопытству; должно в безмолвии и уповании на благодать Промысла с покорностью и терпением ожидать того, что нам суждено, — это так! Но отвергать то, что некоторые люди имеют способность по чертам и выражению вашего лица, по вашему голосу, даже по тону вашего вопроса и еще по каким-то приметам, в которых, может быть, они и сами отчета себе дать не могут, узнавать, кто вы, что с вами случилось, следственно, отчасти и то, что еще случиться может, — это возможно, это существует. Это какой-то инстинкт, какое-то чутье; в Шотландии оно называется вторым зрением⁵. Позвольте мне в свидетельство этого прочесть вам несколько строк, продиктованных одному моему приятелю знаменитым критиком Лагарпом⁶. Они, по случаю, найдутся в моей записной книжке.

Все изъявили свое согласие. Алимари вынул из записной своей книжки бумагу и прочитал следующее:

— *В* начале тысяча семьсот восемьдесят восьмого года обедал я в Париже у одного умного, любезного вельможи, бывшего в то время членом Французской академии⁷. Обед был сытный, вкусный, роскошный. Многочисленное общество состояло из вельмож, дам, придворных, академиков, литераторов, артистов. Все были веселы и разговорчивы. За десертом отборные вина еще увеличили шумную радость. Шанфор прочел к общему удовольствию одну из своих вольных и безбожных сказок⁸. И знатные дамы слушали его, не закрываясь опахалом. Это подало повод к бесконечным насмешкам над религиею: один читал стихи из Вольтеровой поэмы⁹, другой приводил любимые места из Дидрота¹⁰. Все им рукоплескали. Третий, встав с своего места и подняв полную рюмку, возгласил: «Господа! Я так же уверен

в несуществовании Бога, как в том, что Гомер был дурак!»¹¹

Потом разговор сделался серьезнее. Собеседники стали рассуждать о преобразовании, произведенном творениями Вольтера, и согласились, что он заслужил этим бессмертную славу. Он образовал свой век, он нашел читателей и в гостиных, и в передних. Один из гостей, задыхаясь от смеха, рассказал нам, что парикмахер его, пудря ему голову, объявил: «Извольте видеть, сударь, я бедный ремесленник, но такой же безбожник, как и все умные и благородные люди».

Все заключили, что революция непременно последует, что суеверие и фанатизм должны уступить место философии; рассчитывали, скоро ли это должно случиться и кто из собеседников увидит владычество разума. Старики жаловались, что не доживут до вожделенного времени, молодые восхищались, что для них наступят дни блаженства; все восхваляли Академию за то, что она приготовила великое дело, что была средоточием, главным орудием свободы мыслей.

Один из гостей не принимал участия в общем восторге и даже подшучивал над собеседниками — то был Казотт, человек любезный и умный, но, к сожалению, зараженный мечтаниями иллюминатов¹². Наконец обратился он к собранию и сказал нешуточным тоном: «Радуйтесь, господа! Вы увидите эту великую и знаменитую революцию, которой дожидаться не можете. Вы знаете, что я имею дар предсказания. Поверьте мне, вы ее увидите». Ему отвечали, что на это не надо большой мудрости. «Согласен, — отвечал он, —

но выслушайте меня до конца. Знаете ли, что́ будет во время этой революции, что́ будет со всеми вами, какие неизбежные последствия произойдут от ней?» «Скажите, скажите! — вскричал Кондорсет, с хохотом утрюмым и бессмысленным. — Философ охотно столкнется с пророком». — «Вы, господин Кондорсет, умрете на полу темницы; вы умрете от яда, который примете сами, чтоб избежать рук палача, от яда, который в то счастливое время всегда будете носить с собою»¹³.

Все изумились сначала, но, вспомнив потом, что добрый Казотт иногда бредит наяву, захохотали громче прежнего. «Господин Казотт, — сказал Кондорсет, — эта сказка не так забавна, как ваш “Влюбленный черт”!»¹⁴ Но кой черт всадил вам в голову темницу, яд и палачей! Что тут общего с философией и царством рассудка?» — «Именно так! Вам придется так умереть именем философии, человечества и свободы, во время владычества разума. Тогда разум будет иметь свои храмы, и других храмов во Франции не будет». — «Бьюсь об заклад, — сказал Шанфор с своею язвительною усмешкою, — что вы не будете жрецом в этих храмах!» — «Надеюсь. Но вы, господин Шанфор, вы будете достойным жрецом этого божества: вы нанесете себе двадцать две раны бритвою по жилам и умрете чрез несколько месяцев после того»¹⁵.

Все посмотрели друг на друга и засмеялись пуще прежнего. «Вы, господин Вик д’Азир, не сами отворите себе жилы, но велите пустить себе кровь шесть раз в день в припадке подагры и умрете в следующую ночь»¹⁶. Вы, господин Николай¹⁷, погибнете на эшафоте; вы, господин Бальи¹⁸, на эшафоте; вы, господин

Мальзерб¹⁹, на эшафоте». — «Ну, слава Богу! — воскликнул господин Руше. — Кажется, что господин Казотт хочет только извести Академию, а нас помилует». — «И вы погибнете на эшафоте»²⁰. — «Он побился об заклад, — воскликнули со всех сторон, — он поклялся погубить всех нас». — «Нет! Поклялся не я». — «Так нас покорят турки или татары?» — «Нет! Я уж сказал вам: тогда вы будете управляемы одним разумом, одною философию. Так злодейски поступят с вами философы; палачи ваши будут твердить то самое, что вы твердите теперь; будут повторять ваши правила; будут приводить места из Вольтера, из Дидерота».

«Разве вы не видите, что он с ума спятил?» — говорили гости друг другу на ухо. «Нет! Он шутит, а вы знаете, что он любит приправлять свои шутки чудесным». — «Да, — сказал Шанфор, — только это чудесное отнюдь не забавно». — «А когда всё это случится?» — «Прежде истечения шести лет». — «Довольно чудес, — сказал Лагарп. — А что вы ничего не скажете обо мне?» — «С вами сбудется чудо столь же необычайное: вы тогда сделаетесь христианином»²¹. Все захотали. «Ах! — сказал наконец Шанфор. — Теперь я спокоен: если нам суждено погибнуть не прежде того времени, как Лагарп делается христианином, — мы бессмертны».

«Как же счастливы мы, женщины, — примолвила герцогиня де Граммон²², — что не принимаем участия в революциях. Правда, мы иногда и вмешиваемся в политику, но отвечают другие». — «Ваш пол, сударыня, на этот раз вам не защита, и, хотя б вы ни во что не вмешались, с вами будут поступать точно так, как с мужчинами, без всякого различия». — «Да что вы это нам толкуете, господин Казотт, представле-

ние света, что ли?» — «Не знаю. Знаю только то, что вас, герцогиня, повезут на казнь, так же как и многих других дам, на телеге, связав руки назад». — «Ах! Я надеюсь, что в этом случае будет у меня, по крайней мере, карета, обитая черным сукном». — «Нет, сударыня! Дамы и познатнее вас поедут, как вы, на телеге, со связанными руками». — «Знатнее меня? Кто же это? Принцессы крови?» — «Еще знатнее!» При этих словах гости вздрогнули и хозяин поморщился. Все находили, что шутка выходит из пределов. Госпожа де Граммон, желая разогнать тучу, перестала спрашивать объяснения и сказала самым легким тоном:

«Вы увидите, что он не даст мне и духовника». — «Нет, сударыня! Ни у вас, ни у кого не будет духовника. Последний из казненных, которому по милости дадут духовника, будет...» — он остановился на минуту. «Ну, кто ж счастливец, которому дадут это преимущество?» — «Одно это ему и останется. Счастливец этот — король французский».

Хозяин дома поспешно встал с своего места, а за ним и прочие. Он подошел к господину Казотту и сказал ему с беспокойством: «Любезный Казотт! Прекратите эту страшную шутку. Вы выходите из границ и можете наделать неприятностей всем нам». Казотт не сказал на это ни слова и готовился уйти, но госпожа де Граммон, старавшаяся обратить весь этот разговор в шутку, подошла к нему и сказала: «Господин пророк! Вы предсказали всем нам судьбу нашу. Что ж вы ничего не говорите о самом себе?» Он потупил глаза и, помолчав несколько времени, спросил:

«Читали ль вы, сударыня, Иосифово описание осады Иерусалима?» — «Как не читать! — отвечала

она. — Но положим, что не читала». — «Во время этой осады один человек семь суток ходил по городской стене в виду осаждающих и осажденных и непрерывно возглашал громким и плачевным голосом: “Горе Иерусалиму!” В седьмые сутки он воскликнул: “Горе Иерусалиму, горе и мне!” В это самое мгновение огромный камень, брошенный из стана неприятельского, поразил и размозжил его»²³. После этого ответа Казотт поклонился и вышел.

Прочитав бумагу, Алимари сложил ее и, спрятав в карман, сказал:

— Всё предсказанное Казоттом, к несчастью, сбылось в точности.

— А кто был этот Казотт? — спросил Вышатин. — Я читал некоторые его сочинения, но о нем самом не слышал.

— Он был человек умный, образованный, но при том слишком предавался влечению своего воображения. Так удивительно ли, что он мог предвидеть некоторые события, случившиеся потом в самом деле? Впрочем, может быть, и господин Лагарц, составляя описание *после* происшествий, разукрасил истину в пользу и удовольствие читателей. Но мы говорили с вами о наших обыкновенных колдуньях. Вспомните о том, что все ворожеи, кофейницы и тому подобные чародейки обыкновенно суть женщины, женщины простые, грубые, необразованные. Как же вы хотите, чтоб они могли располагать этою внутреннею силою, употреблять ее к изумлению людей умных и просвещенных?

— Именно потому они и располагают этою силою, — отвечал Алимари. — Способность эта есть не искусственная, не приобретенная, а, как я уже сказал, какое-то врожденное чувство, чутье. Вы согласитесь, что воображение у женщины живее и пламеннее, нежели у мужчины; что образование и общежительность обогащают ум наш познаниями и опытами на счет и ко вреду наших природных способностей. Можем ли, например, мы, европейцы, бегать так быстро, как дикие американцы? За-

то мы танцуем балеты. Так точно Державин пишет вдохновенные стихи, а насупротив его дома, на грязном чердаке, безобразная чухонка или жидовка предсказывает людям судьбу их: вот две поэзии — две натуры человека! Жаль, что нынешние пифии наши большею частию твари корыстолюбивые, безнравственные, а любопытно было бы исследовать в них эту способность. Если кто хочет истинно позабавиться и подивиться, тому советую спросить у такой ворожеи о прошедших случаях своей жизни — он изумится.

— И после этого вы еще объявите нам, что верите астрологам? — спросил насмешливо Вышатин.

— Не астрологам, а астрологии, — отвечал Алимари серьезно. — Согласитесь, что земной шар получает жизнь свою, жизнь всего растущего, живущего, чувствующего на нем, — от Солнца, что расстояние Земли от Солнца, угол падения на нее лучей его, свойство отражения этих лучей — всё это действует на Землю; что Луна подвержена влиянию Земли и в то же время сама действует на нее, хотя и слабее, как грудной младенец действует на свою мать, что Солнце подвержено влиянию на него других солнцев, других солнечных систем; следственно, и Земля подчинена влиянию звезд неподвижных, комет и планет, как человек подчинен влиянию людей, его окружающих. Следственно, есть такая наука, которая показывает действие светил небесных на нашу песчинку; но мы, по ограниченности средств своих, по кратковременности наблюдений, сделанных нами, не знаем еще и азбуки ее. Думаю, что в древние, так сказать, девственные времена мира, когда человек уподоблялся распускающемуся на заре утренней цветку, упивавшемуся небесною росой, людям не чуждо было сознание сих великих таинств природы, но оно исчезло. Из сохранившихся в свете немногих преданий лжемудрецы и обманщики составили безобразную систему, преисполненную мудрований, то есть глупостей человеческих, и эта система называется астрологиею. По моему мнению, есть только три источника познаний наших: откровение Божие, изучение природы и познание нашего сердца. Всё, что не основано на одном из сих начал, есть мечта и обман!

— Воля ваша, — сказал Вышатин, — а я верю только своим глазам и истинам математическим. Вижу, что огонь пылает в этом камине, и говорю: это огонь. Вижу, что тут лежат четыре полена, и знаю, что их не три и не пять. Вот и всё!

— Немногим же вы довольствуетесь, — отвечал с улыбкою Алимари. — В Павии²⁴ был у меня товарищ, молодой, любезный и образованный человек, но так же, как вы, математик, и хотел верить только тому, что видит. Тщетно старались мы убедить его умственными доводами, что есть в мире нечто очевиднее видимого, истиннее истин математических. У него умерла любимая сестра, и эта потеря, ужасная, неожиданная, повергла его в отчаяние. Мы старались успокоить его доводами рассудка, боясь коснуться струн, в существование которых он сам не хотел верить. «Нет! — вскричал он. — Всё это пустые бредни слабого ума! Сердце мое говорит, что есть Бог и бессмертие души; есть святые истины, недостижимые уму и только в сердце нашем находящиеся отголосок. Не прах и тление, оживленные каким-то механическим движением, составляли мою Карлетту — нет, это был дух небесный, скованный плотью и теперь разрешившийся от бранных уз своих. Карлетта! Ты жива, и я тебя увижу!» Не желаю вам, почтенный друг, подобного испытания, но уверен, что вы не долго будете упорствовать за истины математические.

— Да к чему поведет всё это? — спросил Вышатин. — К глупому суеверию!

— Кстати о суеверии, — сказал Алимари, вынимая из записной книжки своей еще одну бумажку, — я выписал из одной французской книги несколько слов об этом предмете. Позвольте прочесть вам их и потом скажите мне ваше мнение.

Мы смотрим в свете на суеверие только с смешной его стороны, но оно пустило глубокие корни в сердце человеческое, и та философия, которая не прини-

мает его в соображение, заслуживает наименование поверхностной и дерзновенной. Природа создала человека не отдельным существом, осужденным единственно на возделание и население земли и имеющим с подобными себе только те сношения неизменные и бездушные, которые рождаются одною необходимостью. Есть важные соотношения и взаимные действия между всеми существами нравственными и физическими. Нет человека, который, блуждая взорами по беспредельному горизонту, или прогуливаясь по берегу моря, омываемому пенистыми волнами, или же поднимая глаза на твердь небесную, усеянную звездами, не чувствовал бы волнения, которое описать или определить невозможно. Кажется, будто некие голоса сходят с высоты небес, низвергаются с вершины утесов, шепчут в шуме водопадов и в шелесте лесов, исходят из глубины пропастей. Есть нечто пророческое в тяжелом полете ворона, в унылом вопле птиц ночных, в отдаленном рыкании диких зверей. Всё, что не образовано искусством, всё то, что не подвержено прихотливому владычеству человека, отвечает его сердцу. Только те вещи, которые он устроил для своего употребления, безмолвны, — безмолвны потому, что они безжизненны. Но эти самые вещи приобретают таинственную жизнь, когда время истребит их полезность. Разрушение, касаясь их могучим перстом своим, восстанавливает соотношение их с природою. Новые здания безмолвствуют; развалины красноречивы. Весь мир говорит человеку языком невыразимым, раздающимся в глубине его сердца, в части его существа, неизвестной ему самому и равномерно действующей и мыслию, и чув-

ством. Не должно ли заключить, что сие стремление видимой природы в недра человечества имеет значение таинственное? Неужели сей внутренний трепет, в котором проявляется скрытое от нас в жизни обыкновенной и вседневной, не имеет ни причины, ни цели! Один разум этого, конечно, объяснить не может. При свете разума это непостижимое существо исчезает. Но поэтому оно и есть достояние поэзии. Расцветенное воображением, оно находит во всех сердцах струны, ему соответствующие. Гадание судьбы по звездам, предсказания, сновидения, предчувствия — эти мрачные тени будущего, витающие вокруг нас, известны всем странам, всем векам, всем верованиям. Кто из людей, предпринимая что-либо великое, не прислушивается к тому, что он почитает гласом судьбы! Всяк в святилище мысли своей толкует сей голос как умеет и как может, но всяк молчит об этом в беседе с другим, ибо нет слов для выражения того другому, что существует только для одного человека.

— Прекрасно, — сказал Выштин, — но откуда это выписано? Это составил какой-нибудь престарелый мечтатель, какой-нибудь автор мелодрамы!

— Ошибаетесь! — отвечал Алимари. — Это выписал я из диссертации одного молодого швейцарца, обучавшегося лет за десять пред сим в Брауншвейгском коллегииуме²⁵. Этот молодой человек после того сделался известным сочинениями своими в другом роде, и если вы о нем не слышали, то, конечно, услышите.

— Имя его?

— Бенжамен Констан де Ребекк!²⁶

X.

Бенжамен Констан! — воскликнул Выштин. — Я недавно читал книжку, написанную им о нынешней политике¹. Видно, что человек умный. И он может иметь такие понятия о суеверии! Впрочем, я придерживаюсь правил совершенной свободы мыслей: пусть другие верят чему хотят, только бы меня оставили в покое. Между тем, прошу вас, господа, не почитать меня вольнодумцем: сохрани Боже! Есть у меня роденька; ты знаешь его, Хвальинский!

— Как не знать!

— Вот детина! Что ваш Вольтер! Как начнет разбирать Библию или Четы-Минеи², так и у меня волос дыбом становится. Я несколько раз пытался его образумить или, по крайней мере, усостить, чтоб он не сбивал с толку молодежи! Куда! Вот этого уж никто в мире не убедит.

— А может быть, и очень вероятно, что он убедится сам, — сказал Алимари, — и со временем делается...

— Истинным христианином? Никогда! — воскликнул Выштин.

— Нет! Не христианином, — возразил Алимари, — а фанатиком, изувером, инквизитором, иступленным гонителем всех иначе мыслящих. Помяните мое слово. Я знавал многих ревностных членов инквизиции в Италии и в Испании и старался получить сведения о прежних их свойствах и образе мыслей. В молодости своей они почти все были вольнодумцами и безбожниками. Вы, конечно, слышали об изверге Лебоне³, этом чудовище из чудовищ Французской революции, превзошедшем своими неистовствами и холодными злодеяниями и Робеспьера⁴, и Фукье-Тенвиля?⁵ Я знавал его в молодости: он учился в семинарии оратористов⁶ и отличался иступленною приверженностью к католицизму.

— Вы знали Лебона? — спросил Выштин с недоумением.

— Знал, — отвечал Алимари, — на пути из Англии во Францию в осьмидесятых годах остановился я в Аррасе⁷, по болезни, и, выздоравливая, познакомился с некоторыми профессорами тамошней семинарии. Они

указали мне Лебона как необыкновенного человека, обещающего много для наук и католицизма. В прошлом году, также по странному стечению обстоятельств, мне случилось быть в Париже и видеть его совершенно в ином положении.

— Вы были в Париже? И недавно? — воскликнули все в один голос.

— Был!

— Ну что, как вы думаете, чем кончатся все эти волнения во Франции, — спросил Выштин, — восстановится ли трон Бурбонов или удержится республика?⁸

— Это решить трудно, — отвечал Алимари, — притом же я прожил в Париже не более четырех дней. Расскажу вам только, что я видел. Я жил в улице неподалеку от Гревской площади⁹. Однажды утром, это было тринадцатого Вандемьера¹⁰ ровно за год пред сим, сидел я за газетами в моей комнате. Вдруг необыкновенный шум на улице заставил меня подойти к окошку. Вижу большое стечение народа, пикеты Национальной гвардии,¹¹ чего-то ждут; взоры всех обращаются в один конец улицы; восстает шепот, возвещающий о приближении ожидаемого, и вот появляется везомая тощими лошадьми тележка: на ней сидят приговоренные к смерти — человек пять. При появлении их раздались громкие, радостные восклицания народа. «Вот он! — кричат со всех сторон. — Вот кровопийца, тигр, дьявол! Вот Лебон! Смерть извергу!»¹² Всмотриваюсь в преступников и в одном из них узнаю Лебона, виденного мною лет за тринадцать пред тем в аррасской семинарии. Он тогда был бледен от постов и напряжения умственных сил; ныне же на синеватом, красными пятнами покрытом лице его изображались адские муки отчаяния. Тележка проехала мимо окна, но я не мог забыть ужасного зрелища. Страшные помыслы волновались в уме моем.

Вдруг слышу пушечные выстрелы. Это что? Вбегает привратница и объявляет мне, что жители многих частей города (les sections) взяли оружие и пошли против Национального конвента¹³, что жестокое сражение происходит близ Пале-Рояля¹⁴. Я оделся наскоро и пошел на позорище битвы.

Главное дело уже кончилось. Важнейший пост граждан, у церкви Святого Рока¹⁵, был сбит. На паперти стоял командовавший войсками

Конвента генерал с своим штабом. Я протеснился до самых ступеней, взглянул на этого генерала, и какой-то неизвестный мне трепет пробежал по всему моему телу: такой физиономии не случалось мне видеть отроду. Нетрудно мне было узнать в нем земляка, италиянца, и еще уроженца того острова, с которого римляне не хотели брать рабов в услугу свою¹⁶. Невысокого роста, довольно нескладный, худощавый, бледный молодой человек, сложив руки, стоял на паперти, в красном генеральском мундире, с висящими по вискам длинными волосами; небольшая шляпа надвинута была на глаза, каких я не видывал и, вероятно, не увижу. Одни глаза эти показывали внутреннее движение; они одни начальствовали, одни управляли всеми движениями; они наводили непостижимое очарование на всякого, кто попадал в их волшебный круг.

Я не мог свести с него взоров. Какое во всём спокойствие! Какая уверенность! И если б не выражение глаз, эта фигура казалась бы неподвижным памятником веков минувших. К нему беспрерывно подъезжали и прибегали за приказаниями; он отвечал отрывисто, но определенно. Все обращались к нему с выражением глубокого почтения; народ, буйный народ парижский, стоял в безмолвии.

Вдруг раздались голоса: «Посторонитесь! Дайте место представителю народа!» Толпа расступилась, и на паперть взошел человек в трехцветном шарфе. Он приблизился к генералу и хотел ему что-то сказать, но этот посмотрел на него с выражением презрения, обратился к своему адъютанту с словами: «Еще пушку на угол Сен-Никеза!»¹⁷, потом вскричал: «Лошадь!», вспрыгнул на нее и с словами «За мною!» умчался по улице Сент-Оноре¹⁸. Все последовали за ним взорами; в толпе раздавались шепотом восклицания, которыми французы изъявляют свое изумление и удовольствие. «Этот или никто, — подумал я, — этот или никто будет властителем Франции, если только какая-нибудь пуля не остановит его на пути».

— Как! — воскликнул Выштин. — Королем французским?! Да это дело невозможное. Все клялись...

— Королем, диктатором, императором — всё равно, только верховным и неограниченным властелином. Присяга французской толпы ничего не значит: сегодня присягнут Петру, а завтра Ивану. Предчувствие

мое сбывается. Кампания нынешнего лета доставила бессмертие моему кандидату. Монтенотте¹⁹, Лоди²⁰, Арколе...²¹

— Так этот генерал... — прервал его Вышатин.

— Наполеон Бонапарте, — отвечал Алимари.

Разговор обратился с мечтательных предметов на существенные, с привидений на полководцев, с грез на политику. Кемский в этой беседе не принимал участия ни словом, ни мыслью. Он носился в обыкновенной своей области мечтаний и воздушных видений. Наконец он нашел человека, и человека образованного, который не отвергал возможности сношений души человеческой с миром, ей сродным, с миром духовным. Он смотрел с уважением и любовью на прекрасного, умного, глубокомысленного, чувствительного старца, в котором представлялся ему идеал мудреца — не исступленного Фауста, насильно ищущего расторгнуть пределы человеческих способностей, но тихого изыскателя вечных истин, преисполненного веры и благоговения к неисповедимому Промыслу.

Подали ужин, незатейный, сельский, приправленный отборными винами, которые сибарит Вышатин успел выписать из Петербурга. Кемский не ужинал, а смотрел на других. Вышатин и Хвальнский ели как молодые здоровяки; пастор — с выражением истинного удовольствия пил вкусное вино; художник ел и пил много, но без разбору и после бургонского потребовал квасу со ржаным хлебом. Алимари съел ломтик белого хлеба и выпил рюмку красного вина. Вышатин поднял бутылку шампанского и хотел напενить его бокал.

— Опять хотите принуждать меня, — сказал, улыбаясь, Алимари, — и я опять принужден буду отнекиваться неучтиво. В мои лета всякое излишество отнимает часть жизни, а мне хотелось бы пожить еще несколько лет — по крайней мере, чтоб увидеть, сбудется ли предсказание мое о молодом французском генерале.

После ужина все раскланялись. Пастор, Алимари и художник отправились к себе, а молодые друзья расположились ночевать в одной комнате.

Кемский долгое время не мог уснуть. Вошла полная луна и томным лучом своим осветила комнату с пиитическим ее беспорядком.

Желтеющие листья лип и берез под окнами дома казались позолоченными; изредка пролетал в ветвях осенний ветерок, и унылый шум их проникал в комнату. Но это были картины только существенного мира: никакой призрак не потревожил нашего юного мечтателя наяву, и вскоре перенесся он в собственный мир фантазий.

XI.

Яркий луч утреннего солнца разбудил Кемского. Друзья его еще спали глубоким сном. Он встал потихоньку, оделся, взял шляпу и вышел из дому. Сам не зная куда, побрел он по двору пономаря, повернул направо к красивому домику, в котором ставни были еще заперты, сделал еще несколько шагов и вдруг очутился посреди самой очаровательной картины, на вершине горы, склоняющейся легкою отлогостью к живописному озеру, окруженному сизыми горами.

Разноцветные деревья в самых прелестных отливах, от темно-зеленой сосны до позлащенной осенью березы, смотрелись в тихой воде, поднимаясь уступами на отлогостях; в других местах берег был крутой и обрывистый. Над горами и деревьями стоял прозрачный туман, над туманом сияло солнце. Ничто не прерывало глубокого молчания. Кемскому казалось, что он стоит над одним из озер дикой Канады¹. Он начал спускаться вниз по дорожке, проложенной к озеру. На каждом шагу виды переменялись. Когда он был на половине горы, раздалась на ее вершине унылые звуки флейты. Трепет пробежал по его жилам. После быстрой прелюдии послышалась какая-то прелестная мелодия, дышавшая сладостью и нежностью стран южных, не искусственная, имевшая характер народной песни, унылой и выразительной. Жалобные тоны, сначала звонкие, стали мало-помалу утихать и замолкли в пустыне; чудилось, что тихий воздух легким навеванием отвечает умиравшим звукам, и совершенная тишина по-прежнему водворилась над озером.

Кемский долго еще стоял на одном месте и прислушивался, не будет ли продолжения. Нет! Всё было тихо. Он медленно пошел далее

и приблизился к краю пустынного озера, гладкого, как поверхность чистого зеркала. Вправо от дороги, на выдавшемся в воду утесе увидел он сидящего человека и вскоре узнал в нем вчерашнего артиста. Кемский подошел к нему и увидел, что он снимает на бумагу вид озера, посматривает на прелестный ландшафт холодно и беспечно, а на работу свою с приметным удовольствием, которое иногда превращалось в порывистые восторги, выражаемые громкими восклицаниями. Вчера был он тих, скромн, молчалив, при каждом слове запинаясь, ни разу не забывал примолвить к ответам «ваше сиятельство», а ныне сделался бодр, смел и, завидев князя, вскричал с радостью:

— Вот умно, что вы встали поранеe и догадались выйти на озеро! Вся Петербургская губерния не стоит этого укромного местечка! Что за переливы цветов! Какие группы дерев!

— А это прекрасное место, конечно, не стоиt вашей картины? — спросил Кемский, ожидая, что художник не примет этой хвалы и скромно отдаст преимущество природе. Не тут-то было².

— Разумеется! — вскричал он. — Ну что здесь важного! Несколько сот бочек стоячей воды, земля, грязь и камень; кое-где сосны, ели и березы — всё это, правда, освещено, но не везде как должно. А картина — это дело другое. В натуре случайное слияние предметов — на картине обдуманное, рассмотренное со всех сторон, отделанное в малейших подробностях целое!³ — Засим полился еще длинный ряд сравнений искусства с природою, ко вреду последней. Кемский, видя, что художник упрямо стоиt в своем мнении и никак не хочет переменить его, перестал спорить. Между тем солнце поднялось выше, туман над водою исчез, и все предметы озарились ярким дневным светом.

— Вот видите, сударь, что значит ваша природа! — сказал Бериллов. — Куда девалась прекрасная картина осеннего утра? Пропала, может быть, надолго. Чего доброго, завтра набегут тучи, польется дождь, а там, не успеешь оглянуться, и зима — озеро это превратится в гладкую степь, между тем как моя картина...

Он посмотрел на свой эскиз с родительским чувством, почти сквозь слезы. Вдруг задумался, бросил взгляд на озеро, потом на бумагу, взял

карандаш и начал поправлять. Кемский долго стоял и смотрел на работу, но живописец не видал и не слышал его, работал присвистывая. Чрез несколько времени опустил он левую руку в карман широкого сюртука, выгасил ломоть черствого хлеба, начал грызть его, не прерывая работы и только по временам сдувая хлебные крошки, съшавшиеся на бумагу. Сам он мог бы служить прекрасным образцом для живописца: в глазах блистало вдохновение, на устах изображалась улыбка; иногда появлялось на них выражение боязни и недоумения, но и эта тень исчезала пред лучом, излетающим из глаз.

Наш мечтатель глядел на него с участием и удовольствием: лицо артиста казалось ему знакомым; он где-то видал эти глаза, этот рот — но давно, очень давно. Наконец живописец произнес громко: «Довольно!», посмотрел еще раз на озеро, потом на свою работу, вздохнул, свернул бумагу и весь прибор, встал и хотел идти. Вдруг увидел он князя:

— Ах, ваше сиятельство! Вы изволили быть здесь — извините-с... ей-богу, не заметил. Виноват, кругом виноват, а я так заработался.

— Пойдемте к нашему больному, — сказал Кемский, — он, чай, уж давно встал.

— Как прикажете-с... в самом деле-с... — отвечал Бериллов, кланяясь, и они пошли обратно на гору, в постоялый дом. Вышатины и Хвальинского застали они за чаем.

Первым предметом разговора их было воспоминание о приятном вечере накануне.

— Скажи, пожалуйста, Вышатины, — спросил князь, — кто этот Петр Антонович Алимари? Этот человек очень меня интересует.

— Право, не знаю, — отвечал Вышатины, — он появился здесь за неделю пред сим, остановился у пономаря, ходил с флейтою в кармане по горам и по болотам, собирал редкие растения; узнав, что я лежу здесь больной, один и скучаю, он посетил меня как соседа. Нога моя в то время жестоко болела. Алимари, случась однажды при перевязке, доказал лекарю, что он не так меня лечит, советовал бросить все его мази; сам нарвал на болоте каких-то трав, сделал из них припарку и приложил к больной ноге. На другой же день я почувствовал облегчение, и с тех пор

нога стала приметно поправляться. Вчера переменял он травы и сказал, что дня через три мне можно будет выйти и отправиться в город.

— Стало, он врач! — сказал Хвальшинский.

— И я то же думал, — отвечал Вышатин, — но он объявил мне, что никогда врачом не был, а занимается исследованием природы из любви к наукам и имеет несколько важных, но простых рецептов, собранных им на путешествиях по всем странам света. По прозвищу своему он италиянец, но, кажется мне, родился в России. Впрочем, мне совестно было допытываться подробнее. Довольно того, что он человек добрый, умный и образованный.

— И знаток в художествах, — прибавил Бериллов, — я видел у него картину, мадонну Карлина Дольче:⁴ он возит ее с собою не в раме, а в деревянном ящичке — редкая вещь! Он глядит на нее по часам и плачет — так сказывала мне служанка пономаря. Конечно, он и сам художник, когда так хорошо понимает и чувствует искусство.

— Может быть, — сказал Вышатин, — но в нем всего для меня приятнее нрав его, кроткий, ровный, любезный. Он иногда бывает в необходимости противоречить другим и делает это с большою пощадою и скромностью. Однажды только в продолжение дней десяти нашего знакомства заметил я необыкновенное в нем волнение. Мы беседовали о здешней северной природе, о чудесных ее гранитах, о прекрасных озерах, о живописных видах. Пастор заметил мимоходом, что, по мнению некоторых геологов, Финляндия получила настоящий свой вид от землетрясения. При этом слове Алимари побледнел и задрожал. Мы испугались, спрашивали, что с ним сделалось, здоров ли он; но он отвечал, что это ничего не значит, и вскоре оправился. С тех пор мы стали в беседах наших избегать этого предмета, и он о том никогда не заговаривал.

В это время вошел в комнату камердинер Вышатины и подал ему записку, полученную от Алимари: он извинялся, что не может прийти по приглашению к обеду, и уведомлял, что должен ехать в город, где присутствие его необходимо; советовал Вышатину продолжать употребление прежних средств и предсказывал скорое исцеление. В заключение записки благодарил он за приятные вечера, проведенные

в дружеской беседе, и просил поклониться друзьям. Эта записка всех привела в уныние, ибо все ждали Алимари, все горели нетерпением насладиться его беседою.

— Жаль, — сказал Вышатин почти сквозь слезы, — жаль! Я так свыкся с этим почтенным старцем, что не знаю, как проведу здесь еще несколько дней моего карантина. Впрочем, мне гораздо легче, и сегодня еще еду в город. Барометр падает, как говорил мне пастор, и мне не хотелось бы погрязнуть в финских болотах. Другое дело, если б здесь был мой почтенный Алимари, мой мудрец, Сократ.

— Только этот Сократ, — примолвил Хвальнский, — слишком легковверен и наполнен предрассудками: верит в домовых, в чертей, в ворожей.

— А настоящий-то Сократ, — прервал с досадою речь его Кемский, — разве не верил своему демону, разве не советовался с ним? Сократ таким же образом жил посреди софистов, отвергавших всё по расчетам своего слабого рассудка, и учил людей тому, что внушало ему сердце и созерцание природы. Сократ не отвергал богов своего отечества, но умел отличить божество от истукана⁵.

— Вот таков и Алимари! — вскричал Вышатин. — Я не думаю, чтоб он верил всем преданиям Римской церкви, но он не сядет за стол, не перекрестясь. Никогда не вырвалось у него ни малейшего замечания насчет святости религии, и когда, бывало, мы с пастором станем посмеиваться над Папою, он нам не противоречит, а молчит, улыбаясь. Нет, друзья! Такие люди, как он, редки в этом свете. И если вы меня любите, то перестанете остриться и делать замечания на его счет. Пусть вы будете и правы, но мне, признаюсь, больно слышать о нем что-либо кроме хорошего. Эй, Федька! Подай шампанского! Выпьем за здоровье моего исцелителя, а потом кое-как поплетемся на зимние квартиры.

Всё исполнено было по диспозиции⁶. Вышатин угостил в последний раз доброго пастора, уселся в карете с художником и отправился в Петербург. Кемский и Хвальнский последовали за ними. Во всю дорогу молчание прерывалось только короткими фразами. Кемский был погружен в глубокую думу.

XII.

Новый мир открылся пред нашим мечтателем. Дотоле не случалось ему найти человека, который мог бы, постигая его, разделять с ним его впечатления и ощущения и, превосходя его умом, познаниями и опытностью, объяснять ему то, что в жизни и в свете казалось ему непонятным. Товарищи не могли удовлетворить беспокойному любопытству Кемского: одни из них его не понимали, другие над ним смеялись. Хвальинский с участием слушал его рассказы, но не разделял его ощущений и мыслей: наслаждаясь настоящим, он забывал будущее и не думал о прошедшем. Вышати́н был человек умный, образованный, но светский и слишком напиганный тем, что в то время называлось философиею. Кемский искал пищи у записных ученых, но и там не находил ничего. Один был просто профессор или, лучше сказать, педант, произведенный из немцев в надворные советники¹ и получавший тысячу рублей в год за то, чтоб два часа в неделю читать кое-что по тетрадке, списанной с печатной книги; другой — на вопросы пламенного юноши отвечал исчислением книг, в которых можно найти удовлетворительное разрешение и которых он сам не читал за недосугом; третий — старался объяснить бытие мира сравнением его с деревянными часами;² четвертый отвечал глубоким вздохом и текстом из Библии. Все прочие единогласно приписывали мечтания и видения обманам чувств или козням шалунов, а предчувствия называли случайностью или последствием неварения желудка.

Явился человек умный, просвещенный, добродушный, способный рассеять сомнения юного искателя истины, готовый его просветить, наставить и успокоить, но он явился и исчез, как мечтание утреннее, как те лица, которые нам представляются иногда в сновидениях: человек нам знакомый, близкий, любезный; мы его помним, знаем, радуемся, что с ним свиделись, но, проснувшись, убеждаемся, что он дотоле существовал только в глубине души нашей; может быть, перенесен был

ею из другого мира, в котором она обитала до переселения в нынешнее свое жилище.

Тщетно искал Кемский нового своего знакомца. Никто из всех приятелей молодого человека не знал его. Все расспросы и поиски были напрасны. Бедный мечтатель походил на странствующего рыцаря, ищущего пропадшей Дульциней³.

Однажды случай польстил ему надеждою, но ненадолго. Он был в италиянском театре. Играли любимую его оперу, «Il matrimonio segreto»⁴. Музыку слушал он внимательно, но при речитативах посматривал в ложу первого яруса, занимаемую его сестрицею. Иван Егорович сидел, вытянувшись в струнку, на второй скамейке, и глядел на театр, не понимая ни слов, ни музыки, и только при звуках барабана скромною улыбкою изъявлял удовольствие. На первой скамейке справа рисовалась Алевтина, а налево сидела Наталья Васильевна. Любя страстно музыку и сама играя прекрасно на фортепиане, она прикована была к сцене глазами, слухом и душою; не видала ненавистного ей Кемского, не знала даже, что он в театре, и в полной мере наслаждалась прелестною гармониею. На прекрасном лице, в выразительных глазах ее отсвечивалось душевное удовольствие. Кемский был в третьем небе:⁵ пред ним оживилась мраморная Галатея⁶.

Кончился акт; все сидевшие в креслах встали, но он сидел, боясь появлением своим смутить и разочаровать строгую Наташу. Лорнет Алевтины производил между тем инспекторский смотр по всей зале. Вот один из соседей его заговорил с кем-то в партере.

— Каково? — спросил он по-итальянски.

— Прелестно! — отвечали ему. — Сегодня я дома.

Кемский вздрогнул: это был голос Алимари. Он привстал, оборотился к партеру, но за толпою не мог его увидеть; бросился опростометью из кресел, пробрался в партер, искал, искал — Алимари не было.

— Не выходил ли из партера высокий, худощавый господин? — спросил он у капельдинера.

— Не могу доложить, — отвечал он, — мало ли кто выходит в антракте!

Кемский воротился на свое место в досаде и печали.

— Позвольте узнать, — спросил он наконец у соседа, разговаривавшего с Алимари, — с кем вы говорили в партере в начале антракта?

— С господином Алимари, — отвечал тот.

— Скажите мне, пожалуйста, коротко ли вы его знаете? Нельзя ли сказать мне, где можно его найти?

— Этим не могу я вам служить, — отвечал незнакомец. — Я служу в конторе банкира барона Ралля;⁷ у нас открыт одним венецианским домом кредит на имя господина Петра Алимари. Он иногда приходит к нам и получает деньги. Мы с ним кланяемся на улицах и разговариваем о погоде.

— В известные ли сроки он к вам приходит? — спросил Кемский.

— Нет, как случится: иногда мы его не видим по полугоду.

— Не можете ли вы мне сделать одолжения, — спросил Кемский, — когда к вам явится Алимари, узнать, где он живет, и сообщить об этом мне? Вот мой адрес. Я имею крайнюю надобность с ним видеться!

— Охотно! — сказал молодой человек, взяв адрес, наскоро написанный карандашом на визитной карточке. Заиграла музыка, и начался второй акт.

Кемский не видал и не слышал ничего, что происходило на сцене: беспрестанно смотрел на прелестную Наташу и размышлял о таинственном Алимари. Вдруг заметил он какое-то беспокойство в чертах лица и в движениях Наташи. Она стала повертываться во все стороны, бросив взгляд на кресла, увидела Кемского и вздрогнула. Сперва бледная, потом алая краска пробежала по лицу ее, но вскоре оно опять приняло обыкновенное свое выражение. Наташа обратилась к сцене и не спускала с нее глаз. Кемский, увидев, что его заметили, перестал смотреть на нее, глубоко вздохнул и обратил глаза в другую сторону залы. При выходе из театра сказал он своему соседу:

— Мне странно и удивительно, что вы не познакомились короче с господином Алимари, имея к тому случай. Он человек необыкновенно интересный: умный, образованный.

— Верю, — отвечал молодой человек, — но нам в банкирских контрактах некогда беседовать с проходящими. Беда, если завидит наш строгий принципал⁸, что мы оставляем работу! Однажды только, когда Алимари пришел за деньгами и кассира не случилось в конторе, сам барон приказал мне занять незнакомца разговором, и я побеседовал с ним несколько времени. Он действительно человек умный, любезный, но — извините — странный. Вообразите, он верит магнетизму, этой дерзкой выдумке шарлатанства и корыстолюбия, ездил во Францию именно для того, чтоб видеть на самом деле явления этой небывалой и невозможной силы, и чуть было не вызвал на дуэль некоторых членов Парижской Академии наук⁹, доказавших лживость и нелепость учения Месмера¹⁰. На возражения и насмешки мои он отвечал скромно и учтиво и предложил мне испытать над самим собою эту силу, которая непреодолимо подчиняет одного человека душевному влиянию и воле другого.

— И вы испытали ее?

— Нет! Мне не до того, да и кто станет заниматься этим вздором!

— Нельзя ли, — продолжал Кемский с выражением возрастающего любопытства, — сообщить это средство мне?

— Охотно, — отвечал молодой человек, — Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для сего должно только смотреть на этого человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно. Не вздор ли это? Ах, извините: вот мои дрожки, прощайте, до свидания!

Молодой человек скрылся из сеней театральных. Кемский вспомнил о нынешнем вечере, вспомнил о Наташе, как она невольно почувствовала действие его одушевленных взоров и принуждена была взглянуть на него. «Если магнетизм действует на эту холодную и равнодушную женщину, — думал он, — чего ж он не произведет в душе пламенной, отверзтой впечатлениям пылких страстей!»

XIII.

Мечтания и сновидения Кемского прервались великими происшествиями в мире существенном. Скончалась Екатерина II, и со вступлением на престол императора Павла Петровича началась новая эра для службы, особенно военной.

Многие товарищи нашего князя жаловались на строгость и взыскательность новых начальников, на трудность и беспокойство строгого порядка, на неприятную им форму новых мундиров и прически¹ и едва не со слезами смотрели на прелестные свои фраки, произведения бессмертного Кроля², с которыми должно было расстаться навеки.

Кемскому эти перемены были не только сносны, но и приятны. Деятельная служба заняла все минуты его жизни: он перестал тосковать, реже мучился мечтаниями и после ученья, продолжавшегося несколько часов, после суточного караула, в котором уже нельзя было по-прежнему спать всю ночь на пуховиках, наслаждался крепким и здоровым сном. Единообразная воинская одежда также была ему по нраву: он не любил наряжаться, не терпел перемен по прихотям моды и был в этом отношении жертвою своего портного, сапожника и камердинера, которые иногда отставали на целый месяц от моды и подвергали светского юношу замечаниям и насмешкам досужих товарищей. Но теперь он имел время и возможность привыкнуть к своей одежде, а она могла прильнуть к нему и сделаться его собственностью; до того же времени ему казалось, что он всегда ходит в чужом платье. Исправность его, прилежание к службе и неутомимость вскоре были замечены начальниками: его перевели в гвардию, к крайнему огорчению Алевтины, излившемуся в высокопарных поздравлениях.

В самый тот день, когда отдано было в приказе о его перемещении, лишь только он успел примерить свой новый мундир, получил он записку о том, что наряжен в ночной караул в Зимнем дворце, при печальной комиссии³. К одиннадцати часам вечера отправился он туда с своим отрядом, под начальством гвардии капитана. Его самого отрядили к телу покойной императрицы. Всё это сделалось так поспешно

и неожиданно, что он опомнился не прежде, как в самой траурной комнате. Там картина торжественная, преисполненная невыразимого величия, представилась глазам его. Посреди огромной залы, обитой черным сукном, увидел он великую императрицу, на парадной постеле, в царском облачении, безгласную и бездыханную. Дым свеч носился над нею, как облако. Дежурные кавалеры и дамы стояли в безмолвии вокруг смертного одра величия земного; тихие звуки утешения небесного слышались из уст протодиакона, читавшего Евангелие.

Кемский, взирая на божественные черты усопшей, погрузился в глубокое уныние. Было двенадцать. Некоторые из дежурных удалились в другие покои; прочие сели на стульях, стоявших вдоль стен траурной залы. Голос чтеца ослабевал. Свечи тускли. Вдруг растворились двери из другой комнаты: человек высокого роста в глубоком трауре в предшествии придворного служителя вошел в залу тихими шагами, приблизился к эстраде, перекрестился по-католически, преклонил колено, тихо произнес: «Екатерина!» — и заплакал. Чрез несколько минут безмолвной молитвы он встал, обернулся; взоры Кемского остановились на нем; это был Алимари. Он узнал князя, подошел к нему и с горестным безмолвным приветствием пожал ему руку.

— И вы пришли проститься с прахом нашей великой Екатерины! — сказал Кемский.

— Вашей? — тихо возразил Алимари. — Вашей? Она принадлежит всему роду человеческому, не одной России. И я, не русский по происхождению, был ее вернейшим подданным: я был свидетелем прибытия государыни в Россию⁴, имел случай видеть ее занятия науками и изучением России, я стоял на крыльце Зимнего дворца в ту минуту, как она вступала в царское жилище; в день восшествия своего на престол⁵ видел ее, потом и на блистательных каруселях⁶, и в торжественных шествиях; неоднократно смотрел издали, как она прогуливалась по царскосельским аллеям в глубоком размышлении о славе и величии своего народа; я слышал в течение тридцати четырех лет и громовые звуки побед ее, и тихие благословения, возносившиеся за нее из мирных хижин к престолу Предвечного. Знаете ли вы, что́ есть государь, и государь великий, добрый, правосудный! Недаром облакаем мы его земным блес-

ком и величием в сей жизни и сами, подданные, восхищаемся и гордимся этим блеском, этим величием! Вообразите себе: миллионы существ, одаренных чувством и душою бессмертною, живут в мире под кровом и защитою одного из земнородных, а этот земнородный есть государь их. Вообразите, что спокойствие, благоденствие, душевное достоинство сих миллионов зиждется волею и трудами государя; вообразите, что из подвигов этого государя истекает счастье или несчастье миллионов людей, еще не родившихся, — и после этого рассудите, с каким благоговением должны мы приближаться к смертному одру тех из сих государей, которые свято исполнили долг свой на земли и теперь, пред троном Вседержителя, дают отчет в своих делах, помыслах и чувствованиях.

— И для чего они не бессмертны? — с унынием сказал Кемский.

— Для того, что должны управлять смертными! — отвечал Алимари. — Неужели вы думаете, что ангел бессмертный и бесплотный мог бы жить и действовать посреди людей, волнуемых страстями и пороками? Сверх того, всякий человек, и самый великий, есть произведение своего века. Век Екатерины миновал, и дух ее оставил земную оболочку. Век новый наступает, век чуждый той, которая была превосходнейшим созданием своего века; но память Екатерины пребудет священной потомкам, и при звуках новой славы раздаваться будут в великих воспоминаниях отголоски дней Кагула и Чесмы⁷, и новые законы будут опираться на премудрые уставы великой законодательницы⁸, и грядущие поэты с умилением будут повторять гимны певцов Екатерины!⁹ Вы молоды и увидите будущее поколение. Великие судьбы ожидают Россию в грозных бурях, которые собираются на западе; блистательная слава озарит ваше отечество, но внуки ваши с жадностью будут внимать повествованиям деда о днях минувших, о днях Екатерины. Скажите им, что вы знали республиканца, который четыре раза искал крова и защиты под скипетром самодержавной императрицы и на хладных берегах гостеприимной Невы проклинал свободу цветущей Венеции.

Алимари вновь подошел к эстраде, преклонил колено, перекрестился, встал и вышел из комнаты. Кемский в сии торжественные минуты не мог думать ни о чем, кроме того что представлялось глазам его. Он

еще раз упустил случай узнать, где можно найти ему Алимари, и в этот раз не мог даже упрекать себя в оплошности. Прежняя тишина водворилась в зале. Ночь прошла для Кемского в глубоких размышлениях...

В первых месяцах следующего года поездка в полуденные губернии¹⁰ по делам службы доставила ему приятное развлечение. Он послан был с какими-то важными бумагами в новороссийский край и встретил весну на берегу Черного моря, в рождавшейся тогда Одессе¹¹. Там нашел он несколько товарищей корпусных, а в начальнике — друга своего покойного отца и провел время самым усладительным для своего сердца образом. Между тем какая-то непонятная сила влекла его домой: он никого в Петербурге не любил, что называется любить, а не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения, не мог остановиться на ней мыслей, не почувствовав в глубине души своей какого-то не постижимого влечения. Неожиданно явился в Одессе и Хвальнский: он ездил с поручением в Херсонскую губернию и завернул в Одессу, чтоб возвратиться в Петербург в обществе милого своего друга. Кемский искренне обрадовался товарищу и сообщил ему, с каким нетерпением ждет минуты отъезда: теплое дыхание полудня сделалось ему несносным; он горел мыслию воротиться на холодный север.

— Что это за магнитный полюс, к которому стрелка твоего сердца неизменно обращается? — с улыбкою спрашивал Хвальнский.

— Сам не знаю, — отвечал Кемский, — но мне здесь скучно, тяжело, душно. Поедем, ради бога, поедем!

Желание его вскоре исполнилось. Друзья оставили Одессу и помчались в Петербург.

В одном жидовском местечке, в Белоруссии, принуждены они были остановиться на ночь в корчме для починки экипажа. Им отвели место за перегородкою. Утомленные продолжительною ездой, они оба заснули на свежей соломе, но около полуночи какое-то страшное сновидение разбудило Кемского. Опамятовавшись совершенно, он слышит за перегородкою разговоры и хохот. Прислушивается: старуха жидовка ворожит солдатам на картах, предсказывает одному генеральский чин, другому отставку, третьему молодую жену. Служивые смеются и шутят друг над другом.

— Полно слушать ее, — говорит один голос, — всё пустяки врет! Ну как ей, старой хрычовке, знать, что нашему брату на роду написано! Пойдем домой! Пусть новобранцев морочит.

— Нет, Спиридонов, — говорит другой голос, — не шути этим. Сам бес у ней под языком! Добро бы она толковала о будущем, а и прошедшее как по пальцам рассчитывает. Мне всё рассказала: как меня в солдаты отдали, как под шведом ранили¹², как в Польше чуть было в полон не взяли — эка притча! Ну-ка, старая ведьма! Вот тебе еще гривняга:¹³ скажи, скоро ли мне достанется в ундера!¹⁴

Водворилось молчание. Потом послышался хриплый шепот и раздался громкий смех. Разговоры, шутки, хохот продолжались несколько времени. Наконец один из солдат напомнил, что пора отправиться по квартирам и схрапнуть до завтрашнего похода. Совет его подействовал. Мало-помалу шум уменьшался, и чрез несколько времени водворилась в корчме совершенная тишина, прерываемая слабым кашлем старухи.

Кемский между тем встал, надел сюртук и вышел из-за перегородки. В большой избе, едва освещаемой сальным огарком, сидела в углу, за столом, грязная старуха в ветхом жидовском костюме и собирала разложенные по столу, салом и пылью налитанные, частым употреблением закругленные по углам карты. Кемский подошел к ней, бросил на стол серебряный рубль и сказал:

— Бабушка! Погадай мне, где ожидает меня счастье!

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять левою рукою, вскрыла пиковую семерку¹⁵ и тихим голосом сказала:

— В гробу!

XIV.

С.-Петербург, 1798 [г.]

Время улетало на крыльях своих, свинцовых для несчастных, воздушных для счастливых. Алевтина сочеталась законным браком с Иваном Егоровичем и в течение нескольких месяцев при помощи друзей, благотворителей, визитов и обедов, успела вывести

его в подполковники¹. Он был определен в смотрители при построении разных казенных зданий². Дóлжно сказать, что сам он не воспользовался ни копейкою: с утра до ночи ходил по лесам, смотрел за сохранностью материалов, за прочностью работ; но архитекторы наживались, подрядчики толпами являлись к торгам и перебивали друг у друга работу. Начальник случайно в это самое время строил дачу: к нему беспрекословно отпускаемы были материалы и работники. По счетам архитекторов и поставщиков плата производилась неукоснительно. А отчеты? А ведомости? Это сводил у него человек опытный, необыкновенный в сих делах искусник. Иван Егорович нашел для себя этот клад по следующему случаю.

В начале службы своей послан он был в Симбирскую губернию для привода рекрутской партии: получил прогонные деньги³, сумму на расходы, инструкцию и шнуровую книгу⁴ и отправился по назначению. Нельзя было действовать исправнее, осторожнее, совестнее Ивана Егоровича: за всякую казенную копейку торговался он до драки; все сбереженные суммы показывал в приходе по чистой совести; при каждой передаче подробно исчислял причины, по каким должен был произвести ее. Таким образом, сберег он в пользу казны с лишком треть данных ему денег и заранее восхищался мыслию, с каким торжеством представит свою экономию начальству. На последнем переходе под Петербургом сошелся он с товарищем, который вел другую партию, из Смоленска. За чаем разговорились они о своих делах по службе.

— Скажи, сделай одолжение, Сайдаков, — спросил фон Драк у товарища, — сколько у тебя осталось из отпущенных тебе денег?

— Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Зверобоев! Сколько бишь у нас в остатке?

— Ничего не осталось, — отвечал сержант, — и своих ваше благородие изволили потратить.

— Придется еще искать на Военной коллегии⁵, — сказал Сайдаков.

— Помилуй, друг мой! — возразил фон Драк с трепетом. — Куда это ты девал все деньги? Покажи мне, пожалуйста, шнуровую книгу.

— Изволь, любезный! Эй, Зверобоев! Подай книгу.

Зверобоев подал. Фон Драк раскрыл ее, перевернул несколько листов и побледнел:

— Несчастный, ты пропал! Книга белая!

— Знаю, — отвечал Сайдаков, смеючись. — Смотри, Зверобоев! Завтра, когда придем в Петербург, приведи ко мне писаря того, разумеешь?

— Слушаю, ваше благородие!

Фон Драк не мог уснуть, помышляя о беде, ожидающей беспечного Сайдакова. На другой день товарищи пришли в город и остановились на одной квартире. Фон Драк встал в пять часов и занялся окончанием счетов; вывел все расходы, поверил итоги, перечел остальные деньги и с торжеством подписал рапорт. Сайдаков проснулся в одиннадцать часов и сел за чай. Денщик докладывает:

— Пришел писарь из Военной коллегии.

— Зови скота! — Вошла гнусная, красноносая фигурка в засаленном фраке и сером галстуке. — Здорово, Тряпицын! Я привел партию; мне еще следует получить сто двадцать пять рублей.

— Слушаю, ваше благородие!

— Вот тебе книга и вот пять рублей; когда кончишь, дам еще сиенькую⁶.

— Покорнейше благодарим, ваше благородие, будет исправлено.

— При этом случае, — сказал Сайдаков, обращаясь к фон Драку, — ты можешь отправить свои счета в Коллегию. Тряпицын их доставит.

— С нашим удовольствием, — пробормотал Тряпицын.

— Нет, Сайдаков! — отвечал Иван Егорович с боязливою важностью. — Я должен сам иметь честь представить отчеты — это долг службы.

— Это пустое, ваше благородие, — возразил Тряпицын. — Поручите нам, всё исправим. Ей-ей, довольны будете!

— Нет, братец! — отвечал фон Драк. — Я знаю долг службы. Сам представлю.

— Как изволите! — сказал Тряпицын с усмешкою и отправился.

Фон Драк представил свои отчеты и остальные деньги и чрез две недели явился за квитанциею. В прихожей коллегии встретил он Сайдакова.

— Ну что, как сошло? — спросил фон Драк с состраданием.

— Прекрасно! Мне доплатили передержку; вот приказ казначею выдать деньги. Приходи завтра обедать. Разговеемся после похода!

Фон Драк поблагодарил и отправился в присутствие.

— Куда изволите идти? — важно спрашивает его Тряпицын, сидящий посреди запачканной братии в канцелярии.

— Куда? В присутствие за квитанцию.

— Извольте погодить, ваше благородие! Есть начетец⁷, есть неисправности, передержки против справочных цен, незаконные выдачи, неверные итоги. Надобно поисправить!

Фон Драк остоленел.

— Помилуй, братец! Я вел самый исправный счет! У меня в остатке значительная сумма.

— Точно так-с; но если б изволили соблюдать казенный интерес по предписанным формам, то осталось бы, конечно, вдвое более.

— Да как это? Сайдакову дали квитанцию, а он передержал сверх денег, выданных ему от казны.

— Точно так-с; да они представили на всё законные объяснения и доказательства. Начальство справедливо: оно выдает и передержку, если таковая учинена не в противность существующим постановлениям. Известно вам премудрое изречение государя императора Петра Великого: «Вотще законы писать, если по ним не исполнять»?⁸

Фон Драк был в отчаянии, отправился с жалобой в присутствие и получил в ответ, что ревизия отчетов поручена столу коллежского регистратора⁹ Тряпицына и что он там должен ждать решения, которое в свое время будет рассмотрено и утверждено или отринуто присутствием. Фон Драк решил выждать окончания дела, являлся каждый день в канцелярию, но каждый день Тряпицын находил в его книге новые неисправности и заготовлял запросы в земские суды уездов, лежащих на пути из Симбирска. Терпение несчастного просителя истощилось: чрез месяц решил он искать *приватно* покровительства Тряпицына и в ужасную осеннюю погоду, в пять часов утра, отправился к нему на квартиру на Козьем Болоте¹⁰. Тряпицын встретил его в раздранном плаще и ввел в освещенную сальным огарком грязную комнату, в кото-

рой пахло и дегтем, и салом, и гнилью. Фон Драк не знал, с чего начать, но Тряпицын сам помог ему.

— Мне жаль, ваше благородие, что вы изволите так часто трудиться ходить в канцелярию: не угодно ли вам поручить мне окончание сего дела, и я ручаюсь вам, что чрез неделю всё улажу к вашему удовольствию и к соблюдению казенного интереса? Изволите видеть, для сего должно мне будет просиживать ночи; так я надеюсь, что ваше благородие за экстренные труды не оставите меня должным вознаграждением. Верьте Богу, жалованья беру в год шестьдесят рублей. — Фон Драк вынул из кармана пятирублевую ассигнацию и положил на стол. — Изволите видеть-с, — продолжал Тряпицын, — для его благородия, Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было в скором времени исправить; его дело было чистое — садись, пиши, да и только; а в этом деле, изволите видеть, должно сперва поправить, а потом сделать должное по законам. Двойная работа, ваше благородие! — Фон Драк вздохнул тяжело, вынул из кармана другую синюю ассигнацию. — Вижу, — сказал Тряпицын, — что вы человек добрый, только жаль, неопытны в службе по счетной части и несведущи в существующих законах. Рад помочь вам от души. Пожалуйте дня через три в канцелярию, и всё найдете в порядке.

— Как чрез три дня? — спросил фон Драк. — Да успеешь ли?

— И! Ваше благородие! Не беспокойтесь, мы люди деловые: всё сладим к вашему удовольствию. Дело ваше у меня на дому — изволите видеть, вот оно-с. Я тотчас им займусь.

Фон Драк откланялся. Тряпицын, провожая его в сени, отпер дверь в кухню и закричал:

— Денисьевна! Растопи-ка сальца горшочек, да поскорее.

«Это что? — подумал фон Драк, вышед на улицу. — Неужели Тряпицын питается салом?» Он остановился у домика, пред окном комнаты дельца, которого очень хорошо видел сквозь дырявую занавеску, и с любопытством смотрел, что будет. Тряпицын действительно *занялся* его делом: взял кипку бумаг, перевернул листочки один за другим; вынул приложенные к рапорту деньги и спрятал их в столик. Хромая Де-

нисьевна принесла горшок с растопленным салом. Тряпицын окунул в него всё дело и, положив засаленные почти доверху листы на пол, сел за стол и начал что-то писать. Фон Драк отправился домой, ломая голову над тем, что значила бы эта операция. Через три дня является он в канцелярию. Тряпицын кланяется ему сухо, как чужому человеку, и через несколько времени обращается к столоначальнику:

— Егор Кузьмич! Сделайте божескую милость, убедите господина экзекутора¹¹ завести кота в канцелярии. От крыс житья нет. Вот еще одно дело съели. — С этими словами выгаскивает он из-под стола заголовки бумаг и счетов фон Драка: вся нижняя часть действительно съедена была крысами по то место, до которого Тряпицын опустил бумагу в сало.

— Неужели? — спросил столоначальник.

— Действительно так-с, извольте сами посмотреть.

Столоначальник подошел.

— В самом деле! Да как они, проклятые, грызут узорчато! Нешто! Надобно завести кота!

— Это напредки-с, — сказал Тряпицын, — а это дело пропало. Следует, за утратою документов, предать оное забвению, а господину поручику выдать квитанцию.

— А остальные деньги, оставшиеся в экономии? — спросил жалобно фон Драк.

— Деньги-с? Какие деньги-с?

— Да те, которые я представил при рапорте!

— Съедены крысами-с. Что делать? И казенный интерес иногда в экстренностях пропадает. Впрочем, если вашему благородию угодно, мы выведем справки, послав запросы в те присутственные места и начальства, с коими вы по помянутому приводу рекрутской партии изволили находиться в сношениях. Это скоро сделаем. Месяцев в восемь.

— Нет, ради бога, нет! — вскричал фон Драк. — Дайте мне только квитанцию.

— Как угодно, — отвечал Тряпицын, — извольте повременить!

Через час квитанция была фон Драку выдана, и он за десять рублей получил урок, каким образом надлежит действовать в делах для сохранения казенного интереса.

Вступив в новую должность по счетной и письменной части, он сначала пришел было в отчаяние: товарищи поздравляли его с *хлебным* местом, а он не знал, как поживиться и на *соль*, и при представлении отчета за первый месяц принужден был дополнить недоимку своими деньгами.

Тогда вспомнил он о Тряпицыне, пригласил его к себе, приласкал и предложил ему место секретаря, бухгалтера и казначея. Догадливый рачитель казенного интереса охотно согласился на это предложение, определился под начальство фон Драка и вскоре освободил его от всех забот: фон Драк поутру подписывал бумаги, заготовленные Тряпицыным, будучи уверен, что не нужно читать их предварительно; потом ходил на строения и занимался механизмом работы, который был ему довольно хорошо известен. Дела пошли своим порядком: сметы, книги, ведомости, отчеты ведены были с величайшею исправностию, и всё происходило на законном основании. Для текущей переписки Тряпицын приискал изгнанного из академии за дурное поведение семинариста:¹² этот сочинял бумаги, а Тряпицын исправлял их по надлежащей форме. Слог и законность бумаг канцелярии фон Драка сделались известными в приказносчетном свете.

Но не одной суетной славы домогался Тряпицын: он любил существенность. Из скудного жалованья своего сберег он, при благоразумной экономии, столько, что построил домик на Новых местах¹³ и стал при торговывать деревеньку; он бы окончательно купил ее, да малый чин не позволял ему совершить крепость на свое имя;¹⁴ сверх того, это скорое благоприобретение могло бы возбудить зависть, толки и клевету людей неблагонамеренных: итак, он решился подождать удобнейшего случая. И медвежья наружность Тряпицына мало-помалу преобразилась.

Алевтина Михайловна ахнула, увидев этого запачканного урода в кабинете своего мужа, и стала было требовать, чтоб его не пускали на двор, но вскоре смирилась доводами и увещаниями фон Драка: он представил ей Тряпицына человеком единственным и необходимым для устройства дел по службе и по фамилии. И сам Тряпицын усмотрел, что бессмертной душе его надлежит на новой планете переселиться в дру-

гое тело. Он стал бриться по два раза в неделю и так же часто переменять косынку и манжеты; пудра и помада сменили сальце с мучкою; пучок его превратился в благообразную косу; насаленные виски свились регулярными пуклями; кафтан и нижнее платье бирюзового цвета, а в праздничные дни губернский мундир с бархатным воротником и обшлагами заменили казавшийся бессмертным сюртук его. Табачная лавочка у Синего мосту¹⁵ лишилась в нем постоянного покупателя: он нюхал табак рульный¹⁶, а потом и настоящий французский, уже не из скромной тавлинки¹⁷ или ветхой бумажной табакерки с изображением турецкого султана¹⁸, а из серебряной, по высоким праздникам из золотой.

Нельзя было переменить гнусной фигуры и подлого лица, но и на это нашлось средство: остались вещи, но возвысились имена, и этого довольно. Грубость его стали называть строгою честностью, дерзость и бесстыдство — откровенностью, каверзы и крючки — усердием к службе, уважением к законам и знанием дела. Одаренный природною сметливостью, сын порховского целовальника¹⁹ не замедлил догадаться, чего ему недоставало: он не вмешивался ни в какие разговоры и суждения, которых предмет превосходил его понятия, а заметив в споре двух других лиц слабую сторону, приставал к сильнейшей и значительную улыбку давал знать, что понимает дело и судит о нем, как люди умные и просвещенные, но по скромности ли своей или же потому, что почитает сей предмет недостойным своего внимания, сам в спор не вступает. В то же время возникла в душе его непримиримая ненависть к людям просвещенным и образованным: всяк, кто уже умел говорить по-французски, был природным врагом его. Он скрывал эту ненависть под личиною скромности и покорности, но при первом удобном случае давал чувствовать ее на деле. Привязанность и доверие к нему фон Драка не знали пределов: они усилились еще от того обстоятельства, что начальник, страшась беспокоить грозную супругу, занимал у подчиненного деньги по заемным письмам, без процентов.

Тряпицын совершенно овладел своим командиром, но не давая ему этого чувствовать и представляясь, будто действует во всё по его приказаниям и распоряжениям. Благоклонность Алевтины была равномерно

должною наградою за его труды и усердие. Но Кемский и друг его, Хвальнский, были предметами ненависти и злобы секретаря: пред ними он не мог укрыться — они знали и презирали его. Кемский молчал, но Хвальнский не мог не позабавиться насчет плута и при всяком случае старался уколоть и унизить его пред другими. Однажды за столом разговаривались о дороговизне, о том, что ныне трудно жить и т. д., как ведется от Адама и будет до преставления света.

— Всему виною худое хозяйство! — сказал Хвальнский. — Вот у меня, например: доходу до трех тысяч рублей, а я с каждым годом наживаю долги, и отчего? Нет порядку, экономии, расчетливости. А вот, например, — указывая на Тряпицына, — Яков Лукич! Вы, кажется, берете жалованья рублей четыреста; экипаж у вас преизрядненький; домик построили хоть куда, и тот, как полная чаша; в бостон играете по четвертце²⁰, и прочее в соразмерности. А всё это оттого, что жить умеете с расчетом, по одежке протягиваете ножки. Наша же братья, так называемые благородные, разоряемся в пух, а живем как нищие. Хоть бы вы меня поучили, почтеннейший, как всё из ничего создается. А домик-от ваш я вмиг узнал: у крыльца толпа подрядчиков, и над нижним ярусом вывеска с надписью «Здесь бреют и кровь отворяют».

Алевтина пылала гневом; фон Драк бледнел; Тряпицын сидел за столом полумертвый. Кемский кашлял, толкал Хвальнского, но тот не унимался. После обеда Алевтина напрямки объявила Кемскому, что не хочет и не может терпеть дерзких людей в своем доме, и поручила ему просить Хвальнского, чтоб он не трудился навещать ее. Кемский хотел было, в сотый раз, защитить и оправдать своего друга, но Алевтина заградила ему уста замечанием, что он, конечно, не захочет в угождение своему приятелю сделать ее несчастною, подвергнув гневу раздраженного мужа.

Несчастною? Гнев мужа? Раздраженный фон Драк? Как сообразить это с обыкновенною кротостью и покорностью Ивана Егоровича? Странно, но действительно так было. Иван Егорович был смирен, кроток, послушен, терпелив, как овца или как знаменитое неутомимостью животное стран полуденных²¹, но только до известной степени. Когда

же его выводили из терпения, он впадал в бешенство, становился диким, свирепым зверем, был готов на всё. Алевтина раза два испытала на себе действие этого ясновидения и извела опытом ту степень, до которой было позволительно томить, мучить и терзать несчастного супруга; но лишь только он побледнеет и задрожит, она переменяла свое обращение, начинала его ласкать, плакала, называла себя неблагодарною, недостойною такого мужа, ангела и праведника. Иван Егорович приходил в себя, и буря пролетала мимо. Так было в этом случае. Фон Драк долгое время сносил замечания, насмешки, колкости Хвальнского; но когда сатирик коснулся Тряпицына, его души и Провидения в этом мире, терпение его лопнуло, и он готов был доказать насмешнику свой гнев самым чувствительным и обидным образом. Алевтина, щадя брата, предупредила эту вспышку и упростила князя освободить ее от Хвальнского.

Молодому ветренику крайне досадно было это происшествие: во-первых, он лишился возможности видеть Наташу, прелестную, умную и любезную; во-вторых, оставлял своего друга в когтях его злодеев. В самом деле, с этого времени родственный триумvirат мог действовать без опасения, и Тряпицын сделался орудием всех козней против Кемского, предвидя, что, в случае устранения его, будет неограниченным управителем всего имения. Он, как уже сказано, питал к молодому князю сильнейшую ненависть за привязанность его к Хвальнскому, за неуважение его к секретарю и советнику своего зятя и, наконец, не мог ему простить знатной породы, образования и богатства. И когда случалось, что Иван Егорович, в редкие минуты совестности и богобоязни, не тотчас соглашался на предложения Тряпицына, клонившиеся ко вреду князя, усердный клевет²² успокаивал сомнения его следующими рассуждениями:

— Помилуйте, ваше высокоблагородие! Что вы это балуете мальчишку! Ведь имение его не благоприобретенное, не стоило ему ни труда, ни забот, и он им владеет без всяких заслуг, не так, как мы, полезные государству люди, каждую копейку приобретаем в поте лица и иногда

с крайнею опасностью. Если не вы, так другой расхитит его имущество. Теперь у него в моде друзья и просвещение. Посмотрите, что он раздарил этим повесам, что накупил книг, ландкарт²³, картин и других бесполезных мелочей! За этим непременно последуют карты, пьянство и тому подобное! Надолго ли тут имение? Оно перейдет в руки ростовщиков, а дети вашей супруги, его племянники, пойдут по миру. Не грешно ли допустить это? Воля ваша, ваше высокоблагородие, а великодушие тут не у места!

Как не согласиться с такими убедительными доводами! Фон Драк с улыбкою отвечал:

— Да, да! Точно так, действительно так! Дока, дока — Тряпицын!

Между тем, по благонамеренному совету секретаря, учтивость, внимание, ласки Алевтины, ее матери и мужа к князю Кемскому еще усилились. Он восхищался их доверенностью, любовью и нежностью и несколько раз думал про себя: «Давно бы Хвальнскому отстать от их дома: они в его отсутствие не имеют никакой причины быть недовольными мною».

XV.

Сметливый секретарь видел, что пылкий, чувствительный и в то же время слабый характером Кемский легко может сделаться добычею первой женщины, которой бы вздумалось приобрести его любовь или только показаться к нему равнодушною и задеть его слабую сторону. Многие девицы посматривали на него с участием и нежностью; матушки обходились с ним предупредительно и учтиво. Тряпицын сообщил эти опасения своим благодетелям и доказал им, что князь, женись без их воли на дочери какого-нибудь неблагонамеренного человека, может забыть, чем обязан своим родственникам, может переменить свои намерения в рассуждении детей Алевтины. Следственно, если уже должно ему жениться, пусть он женится на особе, которая совершенно зависела бы от его семейства.

План был одобрен в фамильном совете; надлежало привести его в исполнение. Алевтина вспомнила об одной своей дальней родственнице по матери, круглой сироте, не имевшей никакой надежды в свете, ни даже приюта, и проживавшей в Москве попеременно у разных родственников. Ее выписали. Явилась недурная собою высокая, худощавая, чахотная фигура лет двадцати пяти, из которых по скромности убавляла двадцать процентов. Татьяна Петровна была довольно хорошо воспитана, говорила по-французски, танцевала и т. д. Наслышась о властолюбивом нраве Алевтины, она предстала пред нею, как пред грозного судью, со страхом и трепетом¹, но прием ласковый, нежный и предупредительный рассеял ее опасения. Алевтина объявила ей, что намерена исполнить давнишнее свое желание, пристроить любезную родственницу в своем доме и, если същется жених, выдать ее замуж, как родную дочь. Старушка Прасковья Андреевна оросила ее слезами родственной любви и нежного участия к судьбе несчастной сироты. Ей отвели хорошенькую комнатку в доме, приставили к ней служанку, обновили ее гардероб. Татьяна пришла сперва в изумление от таких неожиданных и незаслуженных милостей со стороны людей, которые без расчета никому в свете добра не делали, и вскоре догадалась, что ее ласкают неспроста. Недаром была она однофамилицею Алевтины: женская хитрость, упражнявшаяся всю жизнь в изыскании средств к угождению достаточным родственникам, нашла себе теперь достаточную пищу. Татьяна решила повиноваться, молчать и наблюдать; без труда заметила она старания Алевтины сблизить ее с князем, не догадывалась о действительной причине этих замыслов, но с восторгом предалась мысли быть княгиней и богатою и вознамерилась употребить все средства к достижению этой цели.

А что делал между тем Кемский? Беззаботность его была непродолжительна. Попривыкнув к новой службе, не находя прежних споров и неудовольствий в доме сестры своей, он опять начал призадумываться. В нем действительно были две жизни: одна существенная, так сказать, практическая, в которой он занимался вседневными делами, службою, обхождением с людьми, к которым был равнодушен, и, когда эти

дела наполняли все его минуты, когда они его беспокоили, тревожили, он был доволен, не требовал и не искал ничего иного; но лишь только случался в этих обыкновенных занятиях какой-либо промежуток, наполняемый у иных людей скукою, — в Кемском возникала другая жизнь, возвышенная, неземная, мечтательная; он занимался и прежними делами, но в том участвовали только физические его силы и низшие способности души, а ум, воображение, рассудок, чувство носились в мире духовном. В это время одной малой искры достаточно было для воспламенения всей души его. Знакомые и родственники считали его нездоровым, но не беспокоились о следствиях, зная, что эти припадки у него часто случаются и со временем проходят.

Кемский искал человека, с которым мог бы разделять свою не постижимую тоску, свои гадания и надежды. Он душевно любил Хвальшского и всегда находил в нем друга и помощника, но только в делах жизни обыкновенной. Когда Кемский забирался в области надзвездные, друг его сначала старался слушать его со вниманием, употреблял все силы, чтоб ясно представить себе то, о чем князь говорил так положительно, но вскоре утомлялся, начинал зевать и наконец редко мог удержаться от какого-нибудь едкого замечания. Кемский не сердился на него, даже не жаловался, ибо не мог требовать, чтоб другие безусловно принимали его мнения, но мало-помалу перестал говорить с товарищем о любимых своих предметах. С каким искренним чувством помышлял он об Алимари! С каким пламенным восторгом вспоминал он о беседе в Токсове! Но таинственный италиянец скрылся из глаз его, и нигде нельзя было найти его следа. Не было сомнения, что он оставил Петербург. Удивительно ли, что Кемский при этих приятных воспоминаниях с душевным удовольствием помышлял о тех, которые разделяли с ним беседу в тот незабвенный вечер!

Встретившись однажды с Берилковым, он приветствовал его как давнишнего, короткого знакомого. Бериллов обошелся с ним вежливо, застенчиво, неловко и по приглашению князя стал посещать его сначала редко, а потом, узнав добродушие, откровенность, простоту нрава его, чаще и чаще. Кемский полюбил художника, человека с отличным талантом, но странного и причудливого.

Бериллов был скромн, тих, покорен, даже слишком учтив пред людьми знатными и богатыми, доколе речь шла о чем-нибудь, кроме его художества. Когда же он говорил об искусствах, когда пред ним была хорошая картина, особенно собственной его работы, он становился тверд, смел до дерзости, не давал никому выговорить слова, спорил до слез и нередко выходил из пределов приличия. Но, свернув свой рисунок или отворотясь от оригинала Рафаэлева, он становился прежним простачком и всепокорным слугою всякого, кто захотел бы им командовать. Не имея родни в Петербурге, он жил несколько лет один, в грязной комнате, которую часто забывали топить, и страдал от грубостей и плутней наемного слуги, который оставлял его по целым дням одного, вечером приходил домой пьяный и бранился с господином своим всю ночь. Бериллов, занимаясь работою, частенько не обедал и утолял голод хлебом и квасом, случайно оставленными небрежным Емельяном. Такой образ жизни расстроил его здоровье.

Одна добрая соседка, занимавшаяся чужими делами более, нежели своими, увидела бедственное положение Бериллова и, испытав, что убеждения и слова на него не действуют, насильно вторглась в его комнату, при помощи полиции выгнала пьяного слугу и определила в услужение к нему свою золовку, о которой можно было сказать, что говорил покойный А.Е. Измайлов о хорошей дворовой собаке: *предобрая, презлая!*² Настасья Родионовна вымыла, выскребла, вычистила уют гения; одела его самого в благопристойный сюртук, научила пить чай и кофе в надлежащее время, кормила сытным обедом и прятала лишние его деньги. Сначала вздумала она было принять команду и по искусственной части, но, кроткий во всяком другом случае, Бериллов грозно объявил ей, чтоб она отнюдь не смела касаться святых искусств. Старуха догадалась, и мало-помалу водворилась между юным художником и шестидесятилетней боцманшею самая нежная дружба. Он предоставлял ей волю во всё, что не касалось главной цели его жизни, и только удивлялся, что Емельян, истрачивая вдвое более, гораздо хуже кормил и одевал его, нежели Родионовна. Она же привыкла к странностям своего хозяина и бранилась с ним только тогда, когда он на картинах своих изображал не одетых женщин и садился на извозчиков без ряду³.

Странным покажется, что Бериллов, с ограниченными своими познаниями и образованием, бесхарактерный и бестолковый, успел вселить дружбу и доверенность в просвещенного, умного Кемского. Но сколько мы видим в жизни примеров, что человек отличного ума и просвещения всею душою привязывается к необразованному простаку! В этом случае не равенство ума и нрава, а какая-то тайная, неизъяснимая симпатия действует на людей. Эта симпатия влекла Кемского к художнику и привязывала художника к Кемскому.

К этому должно присовокупить еще одно обстоятельство. Князь нашел в Бериллове человека, который слушал его жалобы и терпел причуды с молчанием и покорностью, не требовал, чтоб князь занимался им каждую минуту, не гневался и даже не примечал, когда князь целый день не промолвит с ним слова. Родионовна радовалась, видя, что ее питомец знаком с знатным человеком, с сиятельным князем⁴, и поддерживала в нем уважение и привязанность к новому приятелю, особенно потому, что для этого гостя не нужно было подавать пуншу. В веселые минуты Кемский заводил речь о художествах и радовался восторгам Берилова, шутил над любимыми его образцами, бранил бритые головы древних лиц италийанской школы и мясистые формы Рубенса, смеялся над анахронизмами великих мастеров и выводил артиста из терпения.

Однажды Бериллов, в исступлении от оскорбления, нанесенного памяти Караваджия⁵, вскричал:

— Да какое вы имеете право цыганить⁶ великих людей? Что вы сами? Что вы произвели? Небось, в корпусе рисовать учились, то есть Андрей Петрович Екимов за вас рисовал на экзамен глазки и носики!⁷

— Извините, — отвечал князь с комическою важностью, — я не только любитель, но и сам художник. Не угодно ли посмотреть моей работы? Теперь, конечно, мне некогда заниматься рисованьем, но было время... Миша! Потрудиись, брат, принеси зеленую папку из кабинета!

Бериллов в молчании вытаращил глаза. Принесли рисунки. В числе их было несколько удачных попыток, но ни один рисунок не был кончен. Наш художник разглядывал их с большим вниманием и удоволь-

ствием: он восхищался не самыми рисунками, а мыслию, что князь, уважаемый им во многих отношениях, имеет дарование к художествам.

— Ей-богу, изряднехонько! — говорил он. — Бог накажи меня, если я лучше нарисую вот эту перспективу. А эта головка! Хоть бы в академию ее! Ну кто бы ожидал таких прекрасных вещей от природного князя! Ей-ей, прекрасно. Жаль только, что нет ничего конченного.

— И мне самому жаль, — отвечал князь, — да я, видите, художник недоученный, так и все мои произведения по мне пошли. Более всего мне жаль, что я не мог, или, лучше сказать, не умел кончить вот этого ландшафта: я хотел изобразить одно место, где игрывал в детские лета, где гулял с отцом, матерью, братом...

Слезы прервали речь его.

— Позвольте, князь! — в восторге закричал Берилов. — Я кончу этот ландшафт! Только в большем виде, если не противно! Знаю, знаю, как это обработать. Вот тут побольше тени, а там, вдали, — вижу, понимаю! Вы будете довольны.

— И вы также! — сказал князь, отдавая ему бумагу.

— Что вы под этим понимаете? — спросил оскорбленный Берилов. — Неужели плату? Так знайте, что этого мне не нужно! Если б я брал за свои произведения должную плату, то был бы богаче нашего эконома в академии. Но я гнушаюсь деньгами и не брал бы ни копейки за труды свои, если б не Родионовна и не Андреевский рынок...⁸ Боже! Боже мой! — продолжал он вполголоса. — Творить, созидать, работать для потомства — и брать деньги! Деньги! Что это? Негодные бумажки, на которых и ученической головки не нарисуешь. И за мои картины! За этот ландшафт, который я вижу на бумаге! Вижу, сударь, вижу! — вскричал он, оборотясь к Кемскому. — Вижу его в моей душе, и вы вскоре увидите его на деле! Вскоре, то есть... ну, всё равно! Только увидите!

Кемский радовался, что восторженный артист забыл о его предложении, и отдал ему эскиз. Берилов схватил его с жадностью и побежал домой. Месяца три не говорил он князю ни слова об успехе своей работы, а только посматривал на него торжественно. Наконец, в такое время, когда князя не было дома, он принес к нему свою картину, написан-

ную в самом большом размере, поставил ее в кабинете князя, осветил ее по всем правилам и, уходя, наказал людям, чтоб они при возвращении князя отнюдь не предупреджали его о том, что он найдет в своей комнате. Он хотел поразить друга своего нечаянностью.

XVI.

Кемский, занимаясь попеременно то делами, то мечтами, не замечал бури, которая собиралась над его головою. Алевтина с достойными ее помощниками подвигалась беспрепятственно к своей цели. Надобно было удалить от брата ее всех людей, которые могли бы препятствовать исполнению ее замыслов. Прекращение знакомства с Хвальнским было ей очень благоприятно. Она поручила Тряпицыну добаться, с кем чаще всего видится князь. Тряпицын донес ей, что чаще всякого другого бывает у него какой-то живописец, человек простой и недальновидный, следственно неопасный; что Хвальнский также нередко посещает князя, но только урывками, будучи слишком занят какою-то новою должностью. Более ничего не мог он узнать, ибо главный из слуг князя, камердинер его, Мишка, неохотно вдается в разговоры о своем барине и что-то косо поглядывает на господина секретаря, эконома и казначея, когда он под каким-либо предлогом явится у них в доме.

— Главное дело, ваше превосходительство, — говорил Тряпицын Алевтине (которая перед домашними людьми не слагала прежнего своего титула), — состоит в том, чтоб удалить сего мошенника Мишку. Я знаю от верных людей, что он обкрадывает своего барина, а князь Алексей Федорович так добр и великодушен, что не изволит сего видеть. Надобно как-нибудь удалить этого вредного холопа, услатить его подальше, чтоб он не мог и воротиться.

Чрез несколько дней Алевтина объявила Кемскому, что мать Мишкина, живущая в симбирской деревне, опасно больна и непременно желает видеть сына и что управитель, боясь отказа своего барина, обра-

тился к его сестрице с просьбою о ходатайстве. Князь не колебался ни минуты: отправился домой и объявил Мишке о болезни и о желании его матери, сказал, что охотно отпускает его и позволяет оставаться в деревне, доколе будет нужно. Верный слуга, залившись слезами, бросился в ноги к своему доброму барину и в первые минуты не хотел его оставить, но когда сам князь растолковал ему, что обязанности человека к родителям его суть первые в свете, он скрепя сердце отправился в дом Алевтины и в тот же вечер послан был в деревню с новым винокурором, выписанным из Лифляндии.

Князь грустил по слуге своем, как по верном друге; Мишка не понимал своего барина умом, но постигал его сердцем, берёг его сколько мог, угождал его малым слабостям, не тревожил в часы уныния и честно распорядился его делами. На место Мишки Алевтина пристроила к князю камердинера покойного своего мужа, человека тихого, но глупого до крайней степени. Если б в свете узнали это достоинство Медора¹, то он мог бы сделать блистательную карьеру.

Каждое действие, каждый шаг Кемского были известны Алевтине и ее помощнику. Она перечитывала все письма, которые получал или отправлял Кемский, имела сведения, какие книги он читает, словом, обладала всеми средствами к уловлению брата. Всякая другая на ее месте, короче узнав этого добродетельного человека, почувствовала бы к нему еще бóльшую любовь и искреннейшее уважение: все дела, все помыслы, все чувствования князя основаны были на чистейшей нравственности, на истинном благородстве, и самая мечтательность его была духовная, религиозная. Но это открытие еще более воспламеняло ревность и жадность Алевтины: она видела, что Кемский, вступив в брак по склонности, привяжется к жене всею душою и что судьба детей ее тогда будет зависеть от благорасположения этой жены. Притом же душевное превосходство брата вселяло в нее непримиримую к нему злобу и ненависть. Жестоко, но справедливо замечание, что люди скорее простят ближнему гнусный порок, нежели блистательную добродетель.

Более всего старалась она узнать, нет ли у него какой склонности, не занято ли его сердце. Долгое время не находила она никаких следов, но вдруг поразили ее слова в письме к Выпшатиному, бывшему тогда в Москве:

*В*се мои поиски доньше были тщетны. Алимари нет как нет. Это существо таинственное явилось и исчезло, оставив в уме и сердце моем глубокое впечатление. Но я не унываю: буду искать и надеяться, и, когда найду, никакие силы не разлучат нас.

— Нашла, нашла! — невольно закричала Алевтина и сообщила открытие свое Татьяне Петровне и Тряпищину. У ревности и подозрения глаза велики: они втроем сплели целый роман, уверились, что князь влюблен в иностранку Алимари, что она скрылась, вероятно, по расчетам кокетства, что он твердо намерен на ней жениться и т. д. Открытие ужасное! Алевтина употребила еще один способ, чтоб увериться в этих предположениях. Дня через два, за чаем, когда сидели у нее Кемский и еще несколько человек посторонних, она издали завела речь об италиянском театре и, когда пошли суждения и споры, вмешалась в разговор, будто невзначай:

— Более всех нравится мне певица — как бишь зовут ее — Сапоретти, Гаспарини² — нет! Алимари, кажется?

При этом слове Кемский взглянул на сестру в недоумении, покраснел и ждал продолжения. Для ней было довольно! На замечание одного из гостей, что это должна быть Гаспарини, она согласилась с ним и продолжала разговор равнодушно, как будто не замечая движения в брате. И он думал, что никто не видал его волнения, но оно не укрылось ни от одной из женщин: и старушка Прасковья Андреевна, и Татьяна Петровна, и скромная Наташа заметили, что имя Алимари подействовало на молодого человека с волшебною силою.

— Нечего терять время! — воскликнула Алевтина и объявила Татьяне Петровне, что, любя ее душевно, желает женить на ней брата, осо-

бенно потому, что у него есть интрига с иностранкою, бог знает какую; что эта иностранка скрылась и что должно воспользоваться временем ее отсутствия. Татьяна Петровна совершенно постигла намерение и виды почтенной своей благодетельницы и обещала помогать ей всеми силами, а сама в душе положила действовать для себя и употреблять Алевтину орудием к достижению собственной своей цели.

XVII.

Если б все люди, с немногими исключениями, родились в свет с одним и тем же талантом, если б они поставляли употребление на пользу этого таланта предметом и целью всей своей жизни, если б ежедневно старались в нем упражняться, до какой степени совершенства достигло бы в теории и на деле искусство, требующее сего таланта! Теперь подумайте, что женщины одарены от природы всеми способностями нравиться мужчинам и уловлять их в свои сети, что всё воспитание их состоит в усовершеннии этих способов, а вся жизнь посвящена употреблению природных дарований, изошренным воспитанием, — и не дивитесь после этого, что сие искусство доведено в свете до высшей степени совершенства! Не дивитесь, что люди умные, образованные, опытные легко попадают в сети, расставленные женщинами ограниченного ума, непросвещенными и во всё другом неискусными.

Добрый, благородный, но слишком мягкосердый Кемский не умел остеречься от сетей, расставленных ему прекрасным полом при помощи непрекрасного. Татьяна Петровна, узнав о склонности его к чудесному и сверхъестественному, стала толковать, будто невзначай, об этих предметах и умела обратить на себя его внимание. Она старалась читать те книги, которые он читал в это время, и находила средства занимать его ум и воображение. Где недоставало познаний и рассудка, там употреблялись обыкновенные уловки: молчание, значительная улыбка, будто бы произвольный вздох. Кемский стал привыкать к ее беседе, старался не примечать ее слабостей и недостатков и в скором времени начал находить в Татьяне Петровне достоинства и добродетели. Мачеха

и сестра пели похвальный дуэт в пользу сиротки: то-то сердце, то-то душа, что за хозяйка будет, бедная сирота горя натерпелась, так сбережет мужнину копейку. Наташа не вторила этим хвалам; Кемский приписывал это обыкновенному ее хладнокровию и эгоизму; изредка только чудилось ему в глазах ее выражение какого-то сожаления, какого-то горестного чувства. Мысль, что Татьяна Петровна может сделаться подругою его жизни, что она будет понимать его мысли и разделять чувства, мало-помалу укоренилась в его душе. Он заключал, что эта девица должна иметь необыкновенные достоинства, когда женщины, завистливые и недоброжелательные к своим ближним, каковы Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна, отдают ей должную справедливость. Он долго сбирался открыться в этом, но какая-то непостижимая сила его удерживала.

Однажды, просидев целый вечер у сестры, в беседе с нею и с Татьяною Петровною, он воротился домой в большом расстройстве. Несколько раз порывался он именно в этот вечер объяснить с ними, но никак не смел. Наконец он твердо решился прекратить это недоумение и уже начал обращением к Алевтине, но вдруг послышался из другой комнаты очаровательный голос Наташи — он смешался и умолк. Дома, ложась спать, он взялся, по обыкновению, за книгу, и, когда развернул ее, выпала из нее запечатанная записка, без адреса. Кемский распечатал ее и прочитал на французском языке следующее:

*Б*ерегитесь. Вы стоите на краю пропасти. В последствие времени ради будете отдать жизнь свою, чтоб воротить прошедшее, но уже будет поздно. Вас предостерегает Алимари.

3-го октября 1789

Кемский оцепенел. Читал записку несколько раз, наконец позвал Медора и спрашивал, не присылал ли кто-нибудь записки, не входил ли чужой человек в комнату. Медор клялся, что никого не было, и говорил

правду. Кемский поверил ему и крепко задумался. «Алимари здесь? Алимари нашел меня? Алимари предостерегает меня от какого-то несчастья, а сам не является! Что это за несчастье? Что за опасность? По службе я не знаю никаких огорчений, врагов у меня нет. Обхожусь я коротко только с ближайшими родными». Одна мысль сменяла другую, и все они безостановочно терзали бедного князя. Во всю ночь не мог он заснуть: лишь задремлет, страшные видения начнут терзать его. Он встал утомленный, измученный; отправился к разводу¹, потом к сестре. Там все испугались, увидев, в каком он положении. Все удвоили попечения о нем, и даже холодная, бессердая Наташа, заметив бледность и нездоровье князя, видимо смутилась. Спрашивали о причине его расстройств. Князь отвечал, что накануне читал страшную историю и она снилась ему всю ночь и мешала спать. Алевтина изъясляла самое дружеское соболезнование; мало-помалу обратила речь на скуку одинокой жизни князя, на семейственные радости, которые ожидают доброго человека в счастливом браке, и нечувствительно довела его до того, что он признался ей в желании жениться на Татьяне Петровне. Алевтина крайне обрадовалась этому избранию, но представилась, будто вовсе того не ожидала, и обещала брату поговорить с Танею. Прасковья Андреевна, бывшая при том, заплакала и благословила пасынка, а он, кончив трудное признание, сидел в глубокой думе. Вдруг взглянул в открытую дверь темной залы, побледнел, задрожал и, вскричав:

— Она! Она! — бросился опрометью из комнаты. В передней набросил он на себя шинель, выбежал на крыльцо, кинулся в коляску и закричал: — Домой!

Алевтина, ее мать, Татьяна Петровна, Иван Егорович — все в доме были до крайности изумлены и испуганы этим случаем. Алевтина в ту же минуту поручила Ивану Егоровичу ехать вслед за князем, узнать, если можно, о причине быстрого его удаления, осведомиться, не болен ли он, и, в случае болезни, пригласить его переехать к себе в дом, где удобнее можно будет его пользоваться; фон Драк взглянул на Тряпицына, спрашивая взорами, что делать.

— Поезжайте, поезжайте, ваше высокоблагородие, — сказал Тряпичин, — и постарайтесь непременно убедить его сиятельство к переезду в ваш дом. Здесь он будет, аки на лоне Авраамлем?

Фон Драк поспешил исполнить приказанное. Прискакав в квартиру Кемского, входит он в залу, в гостиную — нет никого, наконец, в кабинет — и видит, что князь лежит в обмороке посреди комнаты, а Медор, горько рыдая, старается привести его в чувство. Кабинет был ярко освещен. Всю заднюю стену его занимала не виданная дотоле фон Драком картина, представлявшая сельский вид. Медор рассказал отрывисто, что барин за четверть часа пред сим приехал домой, бледный, расстроенный, и, когда вошел в кабинет и увидел эту картину, принесенную без него живописцем, закричал: «Что это? Где я?!» — задрожал и лишился чувств.

— Батюшка, Иван Егорович, — примолвил Медор, — скажите, ради бога, что это с ним приключилось?

— Ничего, — отвечал фон Драк, — просто с ума сошел. А всему виною проклятые картины да книги. Ну дворянину ли, князю ли этим заниматься! Но теперь помоги мне, Медор, снести его в карету. Алевтина Михайловна именно приказала мне, в случае болезни, непременно поставить его к ней. Уж она сбережет его!

— Вестимо, батюшка Иван Егорович! До кого другого, а уж до братца ее превосходительство куда как ласкова и милостива. Бережет, как сына родного. Придешь к ней, так опросам конца не бывает: кто-де был у него, куда сам ездил, здоров ли, не грезилось ли ему чего, какие письма он получил, какие отправил, даже какие книги читает — всё ей знать надобно. Уж подлинно мать родная! Только-де, Медор, упаси тебя Боже, если ты хоть словом обмолвишься перед князем. Куда-де, матушка, ваше превосходительство! Стану ли я поступать против вашего господского приказания! Для его же добра обо всем доложу вам. Дело его молодое, сам за собою не присмотрит.

Во время этого монолога князя завернули в шубу, снесли в карету, и фон Драк повез его домой. Он всё это время был в беспамятстве. Алевтина, Прасковья Андреевна и Татьяна Петровна встретили его

с горьким плачем. Его отнесли в особую комнату, раздели и положили в постель. Он очнулся и начал бредить. Алевтина послала за знаменитейшими по чинам и орденам врачами. И в самом деле, что сделалось с Кемским?

В разговоре с Алевтиною он чувствовал какое-то мучительное беспокойство, как будто ему предстояло несчастье, и, когда высказал всё, что хотел давно сказать ей, когда на минуту показалось ему, будто он облегчил свое сердце, — вдруг невольно взглянул на дверь темной залы и там увидел Черную женщину. Она посмотрела на него печально, покачала головою, как будто не одобряя его поступка, и исчезла. Он не мог усидеть на месте и бросился из комнаты, сам не зная для чего, сел в коляску и поспешил домой.

Быстрыми шагами вошел он в кабинет и вдруг увидел пред собою изображение знакомого, драгоценного для него места. Бериллов по какому-то таинственному чутью отгадал характер ландшафта и изобразил его с величайшею точностью, как будто бы снял с натуры. Князь, настроенный уже к необыкновенным явлениям, не догадался, что это давно ожидаемая им картина, вообразил, что действительно перенесен в то незабвенное место: мысли его смутились, чувства взволновались, и он лишился памяти.

XVIII.

В Кемском открылись признаки жесточайшей нервической горячки¹. Для окружающих он был в беспамятстве, сам же сохранил в себе какое-то темное чувство: когда перед его глазами было светло, в слухе его раздавались разные нестройные голоса; ему чудилось, что в него вливают яд и пламя; мучения его усугублялись, становились нестерпимыми и выражались громкими воплями; когда же вокруг него становилось темно, тогда эти мучительные голоса утихали: ему казалось, что он перенесен в другой мир, что руки ангелов поддерживают его разгоряченную голову, что он вкушает небесное целебное питье, и вслед за тем он впадал в сон сладкий и крепительный;

он с нетерпением ждал этих усладительных минут и в часы страданий произносил стонящим голосом: «Ночь! Ночь! Наступи скорее: свет мне несносен!»

Наконец всё это слилось в одно общее чувство оцепенения.

Долго ли он лежал в совершенном беспомыслии, этого он не помнил; только пришед в себя, он почувствовал необыкновенный холод; он лежал на чем-то жестком и колючем; вокруг него слышались голоса. Он хотел открыть глаза — невозможно, приподняться — нет силы, протянуть одну из рук, сложенных на груди, — не двигается, вымолвить слово, испустить вздох — не стаёт дыхания. Мало-помалу приходил он в себя, припоминал прошедшее, старался догадаться, что с ним сделалось, и наконец удостоверился, что лежит в гробу, что с ним случился припадок омертвления или мнимой смерти. Он был в совершенной памяти: чувство слуха, а отчасти и зрение, принимали впечатления извне, но весь прочий состав его был в совершенном оцепенении, и все усилия выйти из этого состояния, подать малейший признак жизни движением или голосом — напрасны. Что происходило в это время в душе его! Он был совершенно покоен, как выздоравливающий от болезни после первого крепительного сна; мысль об опасности, в которой он находился, — быть заживо погребенным, уступала место надежде, что ему непременно удастся в скором времени вывести из заблуждения особ, его окружающих. Он припоминал, что с ним было; помышлял о Хвальнском, о Бериллове, о Татьяне, о Наташе; вспоминал, что во сне, так ему казалось, был перенесен на свою родину.

Движение и шум, вокруг него происходившие, прервали это мечтание. Кто-то стоял у его изголовья и рыдал. Вдруг раздался голос Алевтины:

— Ну, полно же хныкать-то! Мертвого не разбудишь. Медор! Сведи Сережку к Наталье Васильевне да спроси, на что это походит — выпустить этого шалуна из комнаты? Теперь не до него!

— Слушаю, сударыня! Пойдем же, батюшка Сергей Иванович; дяденька уж не встанет. Царство ему небесное!

Ребенок зарыдал громче прежнего и вышел с Медором.

— Не встанет, — повторила Алевтина, — наконец утомился. Я с своей стороны сделала всё, что могла, и теперь чиста духом и сердцем пред Господом Богом. Четыре доктора вдруг лечили его; иногда по восьми раз на день лекарство переменяли. И в аптеку бегал не какой-нибудь холоп, а Эльпифидор Силич, сам лекарь. Уж подлинно как князя лечили, да Богу не угодно было внять нашим молитвам. Да будет воля Его святая! Прошедшего не воротись. Теперь я в доме полная барыня и всему наследница, и сын мой старший вступает во все права покойника. Яков Лукич! Напишите в герольдию² просьбу об утверждении за ним фамилии и герба князей Кемских. Да что это Дёмка не вернулся от портного? Я без траура, как без правой руки. Надобно проучить этих негодяев, а первого злодея Мишку. От его проказ покойник и в землю пошел. Напиши, папенька, Иван Егорович, управителю, чтоб держал его в ежовых рукавицах.

В это время послышался голос вошедшего в залу слуги:

— Графиня Марья Александровна приехать изволила!

— Отказать!

— Нельзя-с, ваше превосходительство: Степан доложил ее сиятельству, что вы дома — графиня изволит идти.

— Ах вы, злодеи! Да я в отчаянии, в спазмах, в обмороке — брат умер! До гостей ли мне!

Атласное фуру³ графини зашумело в дверях. Алевтина бросилась на стул и громко зарыдала. Князь слышал, как старушка-графиня старалась утешить неутешную, как приводила в подкрепление своих увещаний все общие места, употребляемые в таких случаях, но тщетно: рыдания Алевтины усиливались с каждой минутой. Графиня, истощив всё свое красноречие, умолкла; раздался посреди рыданий и всхлипываний звук прощальных поцелуев, и фуру опять зашумело в дверях. Тон Алевтины в минуту переменялся.

— Никого не пускать на двор! — вскричала она. — Эти визиты слишком меня утомляют; я не вытерплю. Слышите ли, Иван Егорович? — По полу шаркнуло и послышалась дробь: «Да, да, да, да!» Опять кто-то вошел в залу. Опять раздался звонкий голос Алевтины: — Это что значит,

сударыня? По ком это изволили в глубокий траур нарядиться? Раненько, матушка!

— Да он был мне нареченный жених, тетушка Алевтина Михайловна! — отвечал голос Татьяны Петровны.

— Вот что еще выдумала! Перекрестись, сударыня! Нареченный жених! Пожалуй, еще вздумаешь требовать седьмой доли из наследства!⁴ Пóлно, пóлно, сударыня, вздор нести. Извольте образумиться.

— Помилуйте, тетушка! — возразила Татьяна Петровна. — Да разве я не вашу волю исполняла, жертвуя собою? Что мне было радости в этом взбалмошном женихе? Того и гляди, бывало, что в желтый дом свезут его!⁵ Я для него, то есть для вас, бросила в Москве жениха, красавца и умного. Вы ублажали меня: выдь за него, Танюшка! Здоровье-де его плохое, сегодня-завтра ножки протянет, так мы по-сестрински поделимся. Вот Бог прибрал его до срока, так я вам и в тягость. Да виновата ли я, что вы не рассчитали? Вообразите, что я для вас рисковала быть женою полоумного человека, который всю жизнь бредил, как в белой горячке!⁶

— Ах ты неблагодарная! — закричала Алевтина. — Да разве я не хотела тебе добра! Вон, сию минуту вон из дому! Поносить покойного братца, этого ангела Божия! Он-де взбалмошный, он сумасшедший! Ах ты московская вертушка! Да как ты смела? Убирайся к своему болвану жениху! Экая красавица! Еще, чай, стреляться за тебя будут! Вон с глаз моих!

Татьяна Петровна громко заплакала и вышла из залы; Алевтина же, обратясь к Тряпищину, сказала:

— Прошу вас, Яков Лукич, постарайтесь отправить эту мамзель как можно скорее обратно в Москву. Вот благодарность за мои попечения! Бог с нею! Я ей зла не желаю. Да поторопите, чтобы скорее изготовили траур для детей. Князь Григорью плерезы⁷ велите нашить пошире. Сережку баловать нечего: и без обновы проживет. Довольно уж на веку своем заел из имения бедных моих детей, да теперь я госпожа в доме! А вы, Иван Егорович, извольте ехать в Лавру да похлопочите, чтоб погребение было приличное нашему званию⁸. Я в важных случаях, вы

знаете, денег не жалею. Где идет дело о родственном долге, о чести фамилии, там экономия не у места.

Алевтина вышла из залы. Все последовали за нею. Настала тишина.

Горестные ощущения волновали бедного Кемского: пред ним спала завеса; он увидел во всей наготу жадность, неблагодарность, коварство и мщение своей сестры и подлость ее помощников; увидел, что Татьяна Петровна играла выученную ею роль, и только удивлялся, как не заметил этого ранее. И в каком гнусном виде являлись сердце и нрав Алевтины: в общественной жизни она умела воздерживаться и в порывах страстей говорила языком женщины благовоспитанной, а ныне, когда не стало надобности притворяться, унизилась до ругательств, каких постыдилась бы ее ключница. Кемский в эти ужасные минуты не думал о своем бедственном положении и даже готов был желать действительной смерти. К тому присоединились и терзания оскорбленного самолюбия: его любили, ласкали, уважали за одно его богатство. Один Сережа плакал по нем, но он еще ребенок: возмужав, и он сделается холодным эгоистом и лицемером. В голове страдальца закружилось: он стал забываться, неясные мечтания затолпились пред его глазами, и он опять впал в беспамятство.

XIX.

Но это забвение не было уже прежним мертвенным оцепенением. Сильным потрясением чувств произведена была в нем благотворная перемена: он погрузился в тихий, крепительный сон. Когда он чрез несколько часов проснулся, вокруг него было темно. Лицо его было покрыто прозрачною дымкою. У изголовья горела тусклая свеча, и слышалось тихое чтение псаломщика. Кемский мало-помалу пришел в себя и вспомнил, что с ним случилось и где он находится. Он ощущал возрождение чувств и сил своих, мог дышать свободнее, слышал биение сердца, думал, что может и двигаться, но боялся подать знак жизни, чтоб не испугать чтеца. В комнате было очень прохладно. Вдруг растворилась дверь и раздался голос ключницы:

— Володимирьгч! Подь-ко сюда, поужинать, да и сосни.

— Нельзя, бабушка, — проворчал псаломщик, — не смею отойти от покойника.

— Полно манериться, родной! Сама генеральша велела накормить и уложить тебя. Что тепер читать? Дело ночное. У нас и лекарей на ночь отпускали, и только с утра начинали давать лекарства. Легкое ли дело тебе завтра до Лавры за покойником тащиться! Покушаешь, отдохнешь, так с силами соберешься. А завтра я ранехонько разбуду тебя. Ступай небось!

— Не что! — сказал псаломщик. — Конец — и Богу слава! — захлопнул книгу и ушел, взяв с собою свечу.

Князь остался один в совершенной темноте. Он не знал, что делать: оставаться в гробу — опасно, холодно; встать — перепутаешь весь дом, да и будет ли силы добраться до жилых покоев? В это время ударил час, послышался шорох легких шагов, и луч света проник сквозь замочную скважину двери, ведущей в общий коридор. Сердце его забилося надеждою. Отмыкают дверь, она отворяется, и входит в залу женщина — в черном платье, с распущенными по плечам черными волосами, неся в руках свечу. Кемский, увидев свою всегдашнюю мечту, вообразил, что это явление возвещает ему о наступлении смертного часа, но она не останавливается вдали, как обыкновенно, а подходит медленно, озираясь во все стороны, ближе и ближе, ставит свечу на столике у изголовья, а сама обращается к гробу. В эту минуту Кемский узнал Наташу, бледную, с покрасневшими от слез глазами. Она подошла к гробу, бросилась на покойника и прижала горячие губы к его руке. Слезы ее, жаркие слезы текли ручьем. Рыдания занимали дух.

— Теперь могу сказать тебе, — промолвила она едва внятным голосом, — как страстно я тебя любила! Могу тебе поклясться, что никого в мире так любить не буду и не могу!

Слезы пресекали ее голос. Кемский был в изумлении; сердце его забилося восторгом; он готов был прижать Наташу к груди своей, но страшился испугать, убить ее; старался не подать ни малейшего знака жиз-

ни, удерживал дыхание, сторожил за каждым биением пульса. Наташа приподнялась, отошла от гроба, села на стул и в молчании вперила томные глаза свои на любезного. Через несколько минут растворилась дверь в залу и вошла другая девица, жившая в доме Алевтины.

— Что вы это делаете, Наталья Васильевна! — спросила она с состраданием. — Вы мучите себя, а мертвого не разбудите. Упаси Боже, если Алевтина Михайловна узнает, что вы и прощаться к нему приходили.

— Оставьте, оставьте меня, Авдотья Семеновна, — сказала Наташа слабым голосом, — дайте на него наглядеться. Завтра, через несколько часов, увезут его навсегда.

— Полноте терзаться, — продолжала девица, — уж вы ли мало для него делали! Вот третья неделя, что глаз не смыкали, сидя у его постели. И батюшка ваш старался об нем как о родном сыне, но, видно, Богу не было угодно, чтоб князь выздоровел. Перестаньте, ради бога, терзаться!

Наташа объявила решительно, что хочет провести сколько можно более времени у тела того, кто ей был всего дороже в жизни. Авдотья Семеновна перестала увещевать ее, но не уходила. Из речей их Кемский узнал, что Наташа с первого дня болезни его увидела, сколь мало будет пользы от леченья, которое производилось с шумом и только для виду, что днем толпилось около его постели множество докторов, лекарей, подлекарей¹, а с наступлением ночи он оставался один, без всякой помощи и призрения. Алевтина именно запретила и людям оставаться на ночь при больном под тем предлогом, что он имеет надобность в отдохновении. Наталья Васильевна воспользовалась этим обстоятельством, бросилась к отцу своему и, рассказав все обстоятельства фамилии, умоляла его помочь несчастному, которого готовы уморить жадные наследники. Василий Григорьевич Павленко, человек истинно добродетельный, врач искусный и совестный, согласился на просьбы дочери, не подозревая, впрочем, чтоб это усердие ее к благу молодого князя было иное что, как любовь к ближнему. При помощи одного старого верного служителя почтенный врач являлся в дом с наступлением ночи, смотрел больного, испытывал предписанные ему лекарства и, ко-

гда не находил их действительными (что случалось почти всегда), давал ему свои. Между тем это одностороннее лечение не могло иметь совершенного успеха: оно только на несколько времени облегчало страдания больного и доставляло ему краткое успокоение, и он непременно сделался бы жертвою двух противоположных систем, если б здоровая, неиспорченная натура его не поддержала.

— Что ж делать! — сказала наконец Авдотья Семеновна. — Ваша совесть может быть покойна: вы сделали всё, что могли, к его спасению. Пусть терзаются те, которые его стубили!

— Нет, Дуняша! — отвечала Наташа голосом тоски и отчаяния. — Совесть моя не может быть покойна. Страшно вздумать, а мне кажется, что и я отчасти виновна в его гибели. Я, я, по внушению любви к нему, отважилась на поступок, который, вероятно, стоил ему жизни. Давно видела я замыслы Алевтины, видела, как эта коварная злодейка опутывает бедного легковверного брата, видела, как она, отчаявшись дожить до его смерти, решилась отравить его жизнь, заставив его вступить в брак с женщиною, его недостойною. Татьяна Петровна не знала, не понимала, не любила князя; могу сказать: она ненавидела его; но любовь к богатству и знатности была в ней сильнее, нежели эта ненависть, и она решилась воспользоваться случаем. Он стоял на краю гибели. Признаюсь, любовь моя к нему, любовь безотрадная и безнадежная, заставляла меня не раз терпеть все мучения ревности; однако, если б я могла быть уверена, что в браке с другою ожидает его счастье, я всё перенесла бы в молчании. Но видеть его несчастье, видеть, что его готовы погубить навеки, связав неразрывными узами с холодною, бессердую и глупую кокеткою, — этого я не могла вытерпеть и решилась его предостеречь. Я написала к нему записку, в которой немногими словами старалась показать ему опасность его положения; записку вложила в книгу, которую Медор приносил на просмотр к Алевтине Михайловне. Князь читал эту книгу каждый вечер и, конечно, прочитал мою записку.

— Так что ж? — спросила Авдотья Семеновна. — Тут греха никакого нет, напротив, вы исполнили долг свой.

— Да! — отвечала Наташа протяжно. — Если б я удовольствовалась этою запискою! Но любовь ввнушила мне это средство, а ревность, признаюсь, к стыду моему, ревность заставила прибавить одно слово, которое, как теперь вижу, поразило несчастного. Я заметила, что одна итальянская фамилия, фамилия какой-то певицы, невзначай произнесенная, заставила его покраснеть, и я подписала эту фамилию под запискою. На другой день он приехал к нам беспокойный, расстроенный, больной, и вдруг сделался с ним припадок. Я уверена, что этим именем растрвила рану его сердца, убила его.

Что чувствовал в это время несчастный счастливец, то легче вообразить, нежели описать возможно. Одну женщину в свете он почитал достойною любви своей, но убегал ее, воображая, что она холодна, нечувствительна, что она его ненавидит, и эта самая женщина любила его пламенно, страстно, жертвовала всем для его спасения!

Слова Наташи прерваны были шорохом шагов в коридоре.

— Это батюшка ваш! — сказала Авдотья Семеновна печально. — Мы не успели уведомить его о несчастье: он приехал навестить больного. Как он, бедный, огорчится!

В это время растворилась дверь, и в залу вошел почтенный старичок невысокого роста в старомодной одежде.

— Батюшка! — вскричала Наташа, бросившись к нему. — Всё напрасно! Он скончался.

— Знаю, знаю! — сказал он тихо. — Я пришел с ним проститься.

Он подошел к гробу и перекрестился. Наташа сняла дымковий покров, и старик приложился к устам покойника. Вдруг он приподнялся и сказал:

— Помилуйте, да он не умер!

— Не умер! — вскричали в один голос и дочь его, и Авдотья Семеновна.

— Тише, тише! — сказал Василий Григорьевич, вынул из кармана стекляночку с спиртом и начал тереть ему виски. Кемский обрадовался, что может подать знаки жизни, не пугая людей: громко вздохнул и приподнял руку.

— Жив! Жив! — закричали женщины.

Авдотья Семеновна побежала за людьми; мнимоумершего подняли из гроба, вынесли из холодной залы в его спальню, положили в теплую постель. Он хотел говорить. Павленко просил его успокоиться. Вскоре благодетельный сон смежил его утомленные вежды.

Уже было светло, когда громкий шум разбудил его. Комната была наполнена людьми. Павленко сидел у его постели и держал его за руку. Наташа стояла в ногах и смотрела ему в лицо. Они не обращали внимания на Алевтину, которая бесновалась посреди безмолвного своего штаба. Иван Егорович вытянулся стрункою в форменной позиции и глядел на нее с раболепством. Тряпицын рассчитывался с псаломщиком. В отдалении стояли Авдотья Семеновна, Медор и несчастный слуга, впускавший Павленка в комнаты князя. Изредка отдергивалась занавеска стеклянной двери, и Татьяна Петровна заглядывала в комнату.

— Кто это осмелился впускать чужих людей в мой дом! Это ты, мошенник Тимошка! В деревню тебя, в пастухи! А ты, Авдотья Семеновна, изволь-ка сегодня же убираться из дому. Кто это тебя выучил черт знает кого принимать у меня в доме? И какой вздор выдумали, будто братец ожил! Сумасшедшие вы, что ли?

— Извольте посмотреть сами, — тихо сказал Василий Григорьевич, — князь приходит в себя.

Алевтина подошла, увидела, что брат ее раскрыл глаза, и в безмолвной злобе побледнела; но вдруг опомнилась и кинулась обнимать его:

— Братец любезный! Ангел мой! Бог возвратил тебя мне.

Кемский удержал ее и произнес слабым голосом:

— Алевтина Михайловна! Оставьте меня в покое. Позвольте — вижу, что вы хотите сказать: я в вашем доме, но я здесь поневоле. Освобожу вас от моего присутствия как можно скорее. Несчастный этот случай дал мне способ узнать истинных друзей моих. Наталья Васильевна! Жизнь моя — есть ваш дар, и вам она принадлежит отныне. Вы и почтенный родитель ваш — мои родные. Ни слова, Алевтина Михайловна! Людей не извольте трогать — они мои. Одному мне обязаны они отчетом в своих поступках.

Алевтина молчала в бешенстве. Иван Егорович дрожал со страху. Тряпицын дерзнул прервать молчание:

— Но, ваше сиятельство, на основании духовного завещания покойного вашего родителя...

— Молчать! — закричал Кемский, приподнявшись в постеле. — Вон отсюда, мерзавец!

— Ради бога, успокойтесь! — сказал ему Павленко и обратился к Ивану Егоровичу: — Вы будете отвечать пред законами, если попрепятствуете его выздоровлению: ему нужен покой. Вы хозяин в доме, прикажите всем вашим домашним выйти отсюда!

Иван Егорович обратился к Алевтине и подал ей знак, что должно повиноваться. Она поспешно вышла из комнаты, и все последовали за нею, кроме врача и его дочери.

XX.

Выздоровление князя шло быстрыми шагами. И есть ли в свете болезнь, которой не исцелила бы любовь и дружба! Он узнал ту, которая могла составить его счастье в жизни. Наталья Васильевна, лишившаяся матери в младенчестве, воспитана была в Малороссии, в одном знатном доме, где отец ее был домашним врачом, и получила блистательное образование. Одаренная от природы сердцем пламенным, но умом основательным, она рано научилась в чужом доме вести себя благоразумно и осторожно, привыкла жертвовать своими склонностями и желаниями обстоятельствам и приличию.

Отец ее получил место в Петербурге и взял ее с собою; по должности своей он не мог находиться беспрестанно в столице и принужден был нередко ездить в разные места. В сих обстоятельствах желалось ему пристроить дочь свою в каком-либо хорошем доме. Алевтина узнала ее случайно и предложила ей место у себя при воспитании детей своих. Наташа, в угождение отцу, согласилась. Вскоре узнала она нрав и правила Алевтины, лицемерие ее матери, но между тем привязалась сердцем к сироте Сереже и к маленькой дочери Алевтины и не решалась их оставить.

К этой склонности присоединилась в скором времени и другая, в которой она долго не хотела самой себе признаться: склонность к Кемскому. Благородный, любезный мечтатель покорила сердце Наташи. Она уважала его характер, его достоинства, его добродетели, но не воображала любить его. Однажды вздумал он сделать ей, как наставнице питомца своего, подарок; это оскорбило ее гордость, пробудило страсть, таившуюся в глубине души ее, и в то же время показало ей всю безнадежность сей любви. Она решилась заглушить в себе страсть, заглушить холодностью, суровостью, гордостью в обращении с тем, чей взгляд доставлял ей отраду и утешение. Несколько раз порывалась она оставить дом Алевтины, но это было превыше сил ее. Она страдала и безмолвствовала. Доколе одна любовь действовала в ее сердце, она могла владеть собою, но когда к этой страсти присоединилась другая — обыкновенная ее спутница — ревность, притворство и молчание сделались ей нестерпимыми. Никто в доме не замечал волнения души ее; одна только Авдотья Семеновна ее понимала: она сама в жизни своей испытала восторги и томления несчастной любви.

Ревность и любовь заставили Наташу отважиться на предостережение Кемского: опасность его жизни вселила в нее геройство. Несколько раз давала она чувствовать Алевтине, что князя лечат нехорошо, и получала в ответ, что это не ее дело, что доктора знают, как поступать. Когда болезнь усилилась, она убедила отца своего подать помощь несчастному, сама проводила ночи у его постели и только при первом появлении утренних лучей со слезами удалялась, оставляя любезного на руках его мучителей и злодеев. Любовь восторжествовала. Кемский был спасен; Кемский знал, кому этим обязан, и в те минуты, когда, с одной стороны, чувство благодарности к давно обожаемой, а с другой — радость о спасении единственного друга устранили всякие другие отношения, признание во взаимной любви и клятва в верности до могилы излетели из уст их в одно мгновение и почти без их воли и ведома.

При первой возможности Кемский переехал обратно к себе. Не ужас и испуг ощутил он, а пролил слезы унылого, сладостного воспоминания,

увидев в этот раз картину, представлявшую место детских игр и мечтаний его. Василий Григорьевич поселился у него в доме, чтоб ближе за ним присматривать. Кемский учтивым, но холодным письмом уведомил Алевтину о своем выздоровлении и о намерении жениться на Наталии Васильевне и просил прислать к нему питомца его, Сережу. Алевтина, желая уколоть Наташу, поручила ей, как гувернантке, свезти ребенка. Она вошла в комнату в ту самую минуту, когда Кемский признался почтенному старцу в любви к его дочери и просил его благословения.

— А что, дочка, — спросил он по-малороссийски (в делах сердца употреблял он это наречие, как в рецептах язык латинский), — неужели правда, что ты готова идти замуж за князя? — и прибавил из любимой своей песни: — Хочешь меня старенького да покинути!¹

— Нет, нет! Никогда не покину вас! — вскричала Наташа, бросаясь к нему на шею.

— Добре! Добре! — сказал он, утирая слезы. — Ступай за него и будь счастлива. Он истинно добрый человек. Люби его всем сердцем, а я буду приходить к тебе на борщ и на вареники. Да, чур, не забывать наших малороссийских песен! Никого у меня не осталось на родине. Жива одна сестра, да и та не в живых: в монастырской келье доплакивает горькие дни. Не увижу я более своей Украйны; так будь же здесь моя родина!..

Восторги юной счастливой любви! Кто вас опишет!

XXI.

Ирошла зима. Наташа была уже несколько месяцев княгиней Кемскою, а муж ее — счастливейшим человеком в мире. Никогда не чувствовал он такого спокойствия, такой свободы духа, как ныне: все мечтания, грезы, видения его исчезли. Он пояснил Наташе, кто был Алимари, возбудивший ее ревность, и, конечно, с удовольствием

встретил бы его, но уже не тосковал по нем. Наташа вступила в роль княгини без усилия и труда. Не придавая никакой цены дороговизне нарядов, она играла бриллиантами и драгоценными шальями, как прежде стеклярусом и простою тафтичкою¹. Благородный тон, образование, привычка к светскому обращению заставляли уважать ее, а скромность и добродушие возбуждали нелицемерную к ней любовь и в тех, которые хотели бы позабавиться насчет новой княгини. Первым ее делом было помирить князя с Алевтиною: это было нетрудно. Князь не умел долго сердиться, ненависти не знал вовсе и охотно делал угодное милой своей подруге. Алевтина рада была, что возобновлением прежних связей может прекратить вредные слухи, носившиеся в городе, насчет обращения ее с братом. Прасковья Андреевна оросила новобрачных дешевыми слезами, когда они приехали к ней с первым визитом. Иван Егорович с достоподобным высокопочтением подошел к ручке княгини и при каждом случае величал ее «сиятельством». Алевтина приняла ее с выражением нежнейшей дружбы и старалась всеми средствами заставить ее забыть прошедшее. Иногда, однако, она при всём лицемерии не имела сил преодолеть внутреннее влечение злобы и ненависти и пользовалась случаем, когда могла, уязвить прежнюю свою наемницу, но стрелы ее отскакивали от твердого щита, который Наташа противопоставляла ей своим праводушием и благородством. Так, однажды в доме ее, в многолюдном обществе, зашла речь о болезни и чудесном исцелении Кемского. Одна старушка, охотница пожить, спросила:

— Скажи, сделай одолжение, матушка Алевтина Михайловна, откуда ты взяла такого колдуна-лекаря, который из гробу людей воскрешает? Кто это, родная, вылечил твоего братца? Да сколько ты ему заплатила? Теперь они страх как дорожатся, проклятые!

Алевтина притворилась смущенною и с сожалением посмотрела на молодую княгиню. Наташа, нимало не смешавшись, сказала старушке:

— Позвольте мне отвечать вам: этот счастливый лекарь был мой отец. Мы оба, и я и муж, обязаны ему жизнью!

С сим словом она вскочила с кресел, подбежала к князю, сидевшему в некотором отдалении, и поцеловала его. Эта сцена, угрожавшая развязкою очень неприятною, тронула всех присутствовавших. И Алевтина утерла глаза.

Дом Кемского сделался приютом любви, дружбы и тихих наслаждений жизнию. Хвальнский приехал к новобрачным с некоторою робостью: он совестился явиться к Наташе, с которою в прежнем ее состоянии иногда обращался довольно смело. Она приняла его учтиво, с выражением дружбы и уважения к давнишнему искреннему приятелю своего мужа и чрез несколько минут рассеяла его смущение и неловкость. Хвальнский, глядя на прелестную, умную, добродетельную женщину, в сердце своем радовался счастию друга и признавал себя недостойным такого сокровища.

— Помнишь ли предсказание жидовки в белорусской корчме? — спросил он однажды с улыбкою Кемского.

— Какое предсказание? — со страхом спросила Наталья Васильевна, боясь, чтоб этот вопрос не возбудил в муже ее прежних мечтаний и беспокойств.

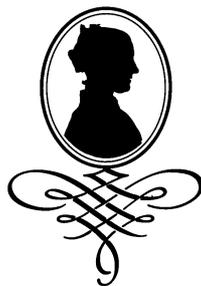
— Ничего, ничего! — сказал Кемский, обнимая ее. — Это предсказание сбылось, и я благословляю Провидение. Мне предсказано было, что я найду счастье в гробу. Только не я нашел его, а оно само нашло меня!

Бериллов, взглянув в первый раз на княгиню, поражен был красотою, благородством и выражением души в лице ее. Он, по обыкновению своему, был неловок, странен, боязлив, но Наташа вскоре навела разговор на искусство и оживила артиста. Он заговорил с жаром и страстью, стал с нею толковать и спорить, восхитился ее умом, познаниями, вкусом и нежною скромностью и в восторге своем раза два назвал ее Натальею Родионовною. Он остался по-прежнему ежедневным гостем и домашним другом князя.

Как обильны, разнообразны и занимательны описания страданий и недугов человека и как проста, суха, незанимательна история его счастья! Преследуемый судьбою, он выходит на состязание со всеми силами

природы и в этой борьбе, падая ли под ударами рока или одерживая над ним победу, представляет для ближних своих зрелище богатое, грозное и умирительное. Но истинное же счастье, обитая в глубине души человека, распространяя на всё существо его спокойствие и тишину, принимающие для других единообразный вид равнодушия, лишают внешнюю жизнь его всякого драматического движения. Но как редки в жизни нашей эти *кануны* небесных праздников, *кануны*, в которые не бывает игрищ для черни здешнего мира!

Кемский был счастлив, как только человек в жизни счастлив быть может. Одно желание было у него: дожить до сентября месяца, взять отставку и ехать с женою в симбирскую свою вотчину, чтоб показать ей в природе то место, которое на картине приводило его в умирительный восторг.

КНИГА ВТОРАЯ

Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!!

XXII.

С.-Петербург, 1799 [г].
Июнь

В одно утро Кемский получил от полкового командира своего записку следующего содержания:

*М*не приказано откомандировать в Гатчину¹ одного из надежнейших офицеров полка. Прошу Вас отправиться туда немедленно и с приложенною у сего бумагою явиться к генерал-адъютанту ****².

Такая командировка была для Кемского не новость, но, по внушению какого-то неизъяснимого предчувствия, он, прочитав записку, вздрогнул и побледнел. Наташа заметила его смятение.

— Что это, любезный? — спросила она с участием и боязнию.

— Ничего, — отвечал он, стараясь скрыть волнение и казаться равнодушным, — наряд по службе. Только для меня пришел он очень не вовремя. Мне не хотелось бы теперь ехать.

— Что ж делать, друг мой! — возразила жена, прочитав поданную им записку. — Поедешь сегодня, а завтра воротись.

— Но нынешний день потеряю! — сказал он печально.

— Когда завтра воротись рано, я скажу тебе тайну, новость, которая, может быть, тебя порадует. Или нет, пусть лучше батюшка тебе это скажет! — прибавила она, закрасневшись, и бросилась к нему на шею.

Умиление проникло в душу Кемского: он понял слова юной стыдливой подруги, понял, что его ожидают радости родительские, и с горячностью прижал Наташу к своему сердцу. Чрез час он уже летел к месту назначения.

В Гатчине явился он к генерал-адъютанту ****.

— Вы, конечно, имеете при дворе сильных покровителей! — сказал ему генерал с досадою.

— Могу уверить ваше превосходительство, что имею только просто знакомых или начальников! — отвечал Кемский.

— Довольно! Оставим это, — продолжал генерал. — Вам готовится поручение важное и приятное. Вы должны отправиться в Италию и свезти к главнокомандующему нашею армиею важные бумаги³. Признаюсь, я представил было для этого поручения моего племянника, но ваши друзья превозмогли меня: уладили дело так, что кажется, будто вы наряжены по случайному выбору полкового командира. Вы тотчас получите депеши и должны отправиться, не теряя ни минуты.

Генерал поклонился и ушел обратно в свой кабинет, а Кемский остался в приемной комнате как громом пораженный. Долг и любовь, честь и привязанность к жене боролись в душе его. Война, слава, Италия, с одной стороны, обещали ему исполнение давнишних его желаний. С другой стороны, мысль о разлуке с тою, которая сделалась его истинною жизнью, убивала его. Он погрузился в глубокую думу. Неясные мечтания, какие-то мрачные тучи носились в его уме и воображе-

нии; ему казалось, что голова его не может вытерпеть движений сердца. Стук экипажа по мостовой прервал его задумчивость.

— Вот ваша тройка! — сказал ему безмолвный до того времени фельдъегерь⁴.

— Так вы едете со мною?

— Точно так, ваше сиятельство. Я имею поручение *поставить* вас в десятый день в главную квартиру. Но, может быть, вам не угодно будет ехать в тележке? Позвольте ли взять вашу коляску? И человеку вашему будет лучше.

— Как хотите! — сказал Кемский.

Фельдъегерь выбежал из залы и, отдав приказание ямщику, воротился. С ним вошел другой фельдъегерь.

— Не угодно ли вашему сиятельству, — спросил первый, — дать товарищу моему поручения? Он сию минуту едет в Петербург!

— Ах! Точно так! Очень хорошо, — сказал Кемский, — мне хотелось бы уведомить жену мою... Не зайдете ли вы со мною в трактир? Там я написал бы письмо.

— Никак нельзя, — отвечал другой фельдъегерь сербским наречием, — я имею приказание вручить вот сии бумаги чрез два часа господину генерал-прокурору⁵, а фельдъегерь Соколович⁶ никогда не опаздывал. Да что тут долго толковать! Вот и чернила, и перо; добудем и бумаги!

С этими словами оторвал он половину лежавшего на столе листа, на котором записывали имена свои посетители низших классов, не имеющие права оставлять визитные карточки⁷. Кемский присел к столу и написал несколько строк к Наташе, не помня сам, что пишет; сложил бумагу, подписал и, не запечатав, отдал доброму сербу, а этот, пожав ему руку, сказал:

— Будьте уверены, что Соколович верно доставит вашу грамотку, и не стыдитесь, что она не запечатана; у нас, в Сербии, всегда так: пишут редко, а не запечатывают никогда — и сургучу в заводе нет. Счастливо оставаться!

— Вы увидите мою жену — поезжайте к ней сами, — сказал Кемский, — скажите ей... — Он залился слезами и упал на стул.

— *Босом теремтете!*⁸ — проворчал Соколович. — Да что вы за сумасшедший! Плачете по бабе, когда царь великий на службу посылает? Полно-те, князь! Перестаньте! Я не скажу вашей княгине, что вам так трудно было расставаться с нею: пусть думает она, что вы храбрый *юнак*⁹, славянская кровь!

Кемский слышал эти слова как сквозь сон. Его позвали в кабинет.

— Вот, — сказал ему генерал, — бумаги на имя графа. Может быть, вы не запаслись деньгами на непредвиденную дорогу. Позвольте мне предложить вам сколько-нибудь. Я получу уплату от вашей супруги, если позволите.

Он подал ему несколько свертков с червонцами. В глазах его видно было сожаление о прежнем разговоре: он удостоверился в истине слов князя — голос искреннего чувства есть голос правды. Кемский с благодарностью принял это предложение и воспользовался сим случаем, чтоб переслать еще поклон своей любезной. Генерал обещал это сделать и умолк в замешательстве. Кемский догадался, что ему как курьеру нельзя медлить долее, откланялся, и чрез несколько минут коляска его простучала мимо колонны на Коннетабле¹⁰. Вильна, Краков, Брюнн¹¹, Вена промелькнули в глазах его. Чрез несколько дней ознакомился он с своим положением: старался уверить себя, что тягостная разлука будет непродолжительна; рассчитывал, сколько времени может пробыть в Италии и когда воротиться, воображал минуту свидания...

Но эти прекрасные, утешительные мечты нередко сменялись горькою печалью: ему казалось, что он впадает в прежнюю задумчивость, что пред ним опять зачернелась та точка, из которой развивались прежние грозные видения. В Вену приехал он в самом мрачном расположении духа, но, когда явился к русскому послу¹², когда увидел, с каким уважением принимают его, офицера русской гвардии, с каким почтением смотрят на героев, подвизающихся под русскими знаменами, благородная гордость и патриотическое честолюбие сменили чувство горести и уныния. Из Вены написал он первое порядочное письмо к своей Наташе: дотоле посылал он отрывки, наполненные восклицаниями. В этом письме он открыл ей желание свое непременно воспользоваться насто-

ящими обстоятельствами и послужить против неприятеля; писал, как приятно и восхитительно ему будет свидеться с нею по исполнении долга гражданина и воина. В лучах блистательного светила славы затмилась тихая лампада сердечных чувств — затмилась, но не потухла: пламенные мечты славобобия в минуты тишины и уединения сменялись помышлениями о прежних и будущих наслаждениях чистой любви супружеской.

XXIII.

Ломбардия¹

Италиянское утро в исходе июля озаряло прекраснейший сельский вид на берегах Адды². Воздух прозрачный и легкий дышал еще свежестью ночи. Лазурное небо расстилось над горизонтом, ограниченным темно-зелеными рощами. На скате горы, простиравшейся к ложу реки, белелся крестьянский дом; вдоль стен его взвивались виноградные лозы. Кемский, прислонясь к полуопрокинутой своей коляске, у которой сломилась передняя ось, услаждал глаза прелестною картиною и пил ароматное дыхание полуденной земли. В воздухе носился тихий, невыразимый гул утра, слышалось это непонятное движение воскресающего дня.

— Наташа! — тихо пролепетал минутный счастливец: звук этого имени сделался для него выражением всего, что наполняло его душу, что извлекало у него слезы и умиления, и горести.

Вдруг он вздрогнул, выпрямился и начал прислушиваться. Внизу, на самом берегу реки, раздались звуки флейты, сначала тихие, потом громче и громче. Звуки очаровательные, знакомые отозвались в душе Кемского: он где-то слышал их прежде. Где? Флейта умолкла, и последние звуки ее вторились еще между крутыми берегами; тогда Кемский вспомнил баркаролу³, которая таилась в его памяти с осеннего утра, проведенного им на высотах токовских: та же музыка, та же игра, то же выражение. Прошедшее при этом напоминовении затолпилось в его

сердце и уме. Он удивлялся странной игре случая, что одна и та же музыка оглашала для него и пустынное озеро Карелии, и живописное ложе роскошной Адды.

В правой стороне от него послышались шаги: кто-то по крутому берегу взбирался наверх. Кемский взглянул в ту сторону, и взорам его предстал Алимари. Бедный наш странник изумился, побледнел и, с выражением душевного восторга кинувшись в объятия пришельца, закричал по-русски:

— Ах! Это вы, Петр Антонович!

Алимари в тот же миг узнал молодого князя, который заинтересовал его при первом свидании и врезался глубокими чертами в его памяти. По курьерскому наряду Кемского Алимари догадался, каким образом с ним здесь сошелся, но Кемский не думал спрашивать его, как очутились они вместе под прелестным небом Ломбардии; он радовался, что нашел человека, который его знает и понимает; странно: радовался еще, что нашел человека, с которым может поговорить по-русски. Фельдгегерь его, Ярльков, правда, говорил с ним по-русски, да не умел говорить по-человечески. Вся сфера его познаний обращалась вокруг дегтя, сала, осей, колес, подков, подпруг, шлей и недоузdkов. Цель жизни его была *поставить* такого-то как можно исправнее туда-то. Впрочем, это самое ограничение, тесное, определенное, было по душе Кемскому: Ярльков молчал в продолжение всего пути; красноречие его начинало действовать только с той минуты, как повозка останавливалась у почтовой станции, и вновь прекращалось с первым ее движением. Можно себе вообразить, как тягостно было бы его сотоварищество, если б он вздумал рассуждать, говорить, утешать, советовать!

В начале разговора отрывистые вопросы, ответы, восклицания попеременно сменялись, и старые знакомцы не могли надивиться случаю, сведшему их на берегу Адды. Мало-помалу улеглось первое волнение, и Кемский рассказал всё, что с ним случилось в продолжение времени, истекшего после их разлуки. Он говорил обо всём с величайшею доверчивостью, в полноте чувств и не прежде, как по окончании своего рассказа, вдруг вспомнил, что Алимари никогда не был с ним короток, что

они виделись друг с другом раза два в жизни, и то мельком, а тут он обошелся с ним как с искренним приятелем, с близким родственником! Он умолк, засмеялся и сообщил это замечание своему собеседнику. Алимари отвечал с чувством:

— Неужели вы не верите в созвучие душ, подобное созвучию тел неодушевленных? Известен ли вам опыт физики, в котором от разбития одного стеклянного сосуда другой, настроенный в одном с ним тоне, разлетается вдребезги⁴ без малейшего к нему прикосновения? В самый первый вечер свидания нашего в Токсове я почувствовал непреодолимое к вам влечение, хотел искать вашего знакомства, заслужить вашу дружбу, но на другой день обстоятельства нас разлучили, и я никак не мог свидеться с вами впоследствии.

— Но вы жили в Петербурге?

— Близ Петербурга, и редко бывал в городе. Но теперь не станем терять кратких мгновений нашего свидания. Я увидел в деревне фельдъегеря, заботившегося о починке вашего экипажа, и, узнав, что едет русский курьер, отыскал вас. Вы не можете выехать отсюда ранее полудня — воспользуемся этим временем. Жар в скором времени сделается несносен. Войдем в этот домик. Я знаю хозяев.

Кемский пошел за другом своим. Они вошли в сельский домик, жилище бедности, трудолюбия и добродетели. Их встретила миловидная хозяйка, смугловатая, черноглазая, пламенная, с амурчиком на руках. Алимари заговорил с нею тамошним народным наречием⁵, вовсе непонятным для иностранца, хотя бы он в совершенстве знал язык Метастазия и Альфиери⁶. Италиянка отвечала что-то, улыбаясь с выражением добродушия, и ввела странника в комнату, чрезвычайно чистую в сравнении с обыкновенными жилищами бедных итальянцев. Кемский поражен был каким-то невольным, как бы инстинктивным изяществом всех форм в этой обители убожества и простоты. Дотоле ехал он сломя голову и едва успевал вздохнуть и перехватить кое-чего на станциях; здесь в первый раз осмотрелся в итальянском быту. Он сообщил замечание свое товарищу.

— Подлинно, — сказал Алимари, — в Италии и Греции чувство прекрасного преобладает в народе. Слава, просвещение, богатство наше исчезли в веках, но и в развалинах, поросших мхом бедности и невежества, являются великолепные формы, возрожденные любимцам древнего мира. Здесь и посреди Греции можно перенестись умом в первобытный мир и в необразованной поселянке вообразить себе древнюю гречанку или этруску⁷, в простой кружке, подносимой вам гостеприимством, видеть вазу, которой недостает только тысячелетней давности, чтоб красоваться в богатом музее.

Друзья расположились у окна, из которого вид простирался на обворожительную сельскую картину. Свесившиеся над окном виноградные лозы защищали их от палящих лучей солнца. Кемский ожил душою: в первый раз с той минуты, как оставил Наташу, почувствовал он, что жив еще, что может мыслить и передавать мысли, что есть существо, умеющее понимать его. Алимари разделял его искреннюю радость. В усадительной беседе улетали быстрые часы.

— Друг мой, — сказал Кемский, — не считите моих вопросов пустым любопытством, не поскучайте отвечать мне. Скажите, кто вы, каким образом произошло, что вы и италиянец, и русский, что вы дома и в Финляндии, и на берегах Адды? Где ваша родина? Где ваше семейство? Кто открыл вам те познания, те соображения, которыми вы изумляли не одного меня? Поведайте мне тайну вашей жизни; я буду хранить ее свято, если она действительно тайна, но во всяком случае узнаю вас ближе и теснее заключу союз, невидимо возникший между нами в то самое мгновение, когда звук вашего голоса коснулся моего слуха.

— Вы знаете, князь, — сказал Алимари, улыбаясь, — что отвечал один член голландских Генеральных штатов, когда его разбудили в собрании и спросили, согласен ли он сдать город французскому королю: «Да разве король требовал сдачи?»⁸ Так и я скажу: вы полагаете, что я скрываю от вас, кто я, но разве вы меня о том когда-либо спрашивали? А навязывать историю моей жизни я никому не хотел: не всяк охотно слушает чужие похождения, и кому своя жизнь не дороже чужой, хотя бы Кировой или Александровой!⁹ Вам угодно — извольте, я сообщу вам

некоторые обстоятельства моей жизни; *некоторые*, говорю, ибо в жизни моей были такие случаи, которых я не только пересказать другому, но и сам вспомнить едва ли в состоянии. — При этих словах твердый голос Алимари задрожал, слезы выступили на глазах его, но он вскоре оправился и продолжал:

XXIV.

Отец мой был родом из Венеции¹, мать морлачка², оба люди не важные и небогатые благами земными. Отец мой был искусный шлюзовый и фонтанный мастер: в обильной водою и скудной землею Венеции находил он довольно работы и пропитания. Однажды (это было около тысяча семьсот пятнадцатого года, ему от роду было лет двадцать) чинил он в Венеции дождевую трубу у одного богатого дворца. Примостясь к краю канала, он работал прилежно, поглядывая изредка на миловидную девушку, в славянском наряде, продававшую прохожим вкусные горячие пирожки. Голубые глаза пирожницы встречались с пламенными взглядами молодого работника, и уже рождалась та невидимая нить, которая соединяет сердца лучами глаз. Эти безмолвные переговоры длились несколько дней. Антонио с унынием видел, что работа его приближается к концу, что вскоре должно будет оставить это место и пригужую торговку, основавшую тут свою подвижную лавочку. Он замедлял окончанием своего дела, чтоб продлить еще минуты наслаждения. Ему казалось, что и славянка с прискорбием глядит на приготовления его к оставлению места, сделавшегося им драгоценным. Вдруг выходит из дворца молодой человек в богатой одежде; в походке, во всех его движениях и в чертах лица, прекрасного от природы, изображались гордость, дерзость и бесстыдство. Он приближается к торговке, левою рукою берет за один пирожок, а правую треплет ее по щеке, спрашивает о цене пирожка и в то же время производит что-то вполголоса. Она краснеет и уклоняется от его ласк, молодой человек становится смелее, схватывает ее обеими руками, она вскрикивает... Не прошло двух секунд, как дерзкий юноша летел стремглав

в канал, за ним съпались горячие пирожки с лотка девушки. Антонио бежал с нею на первой гондоле. Они вышли на берег в Местре³ и наняли извозчика до Тревизы⁴. Там был у Антонио брат, каноник⁵, человек добрый и сострадательный. Беглецы явились к нему и со слезами объяснили причину своего поступка. В Тревизе уже было известно, что племянник дожа⁶ кем-то был столкнут в канал и выгашен в беспамятстве. Искали виновников этого несчастного случая; заметили, что работавший у берега мастер скрылся, и послали погоню в разные стороны. Каноник советовал Антонио бежать за границу венецианских владений, а морлачке воротиться в Венецию, ибо никто не подозревал ее в соучастии. Они было согласились и со вздохом потушили глаза, но, когда подняли их, чтоб проститься, не могли удержать влечения сердец, бросились в объятия друг другу и объявили брату, что никогда в жизни не разлучатся. Каноник, избравший духовное звание с отчаяния о потере любезной, понял их: чрез час служитель Церкви освятил союз их в скромной часовне, и только при венчании Антонио узнал имя своей подруги: ее звали Еленю. Каноник отдал им всё, что мог отдать, сам проводил за город по дороге в Швейцарию, простился с ними и дал им напутственное благословение. Вскоре перешли они границу, перебрались чрез грозные Альпы и очутились во Франции. Антонио решился идти в Париж: в малых городах он не мог снискивать пропитания ремеслом своим. Они добрались до Парижа и отправились в Версаль, где требовались искусные мастера для поддержания тамошних великолепных фонтанов. Антонио поселился с женою в селении Пор-Марли, неподалеку от машины марлийской⁷. Работал прилежно и успешно и, утомленный дневными трудами, в объятиях доброй жены находил отраду и отдохновение. Музыка была главною их забавою: Антонио играл на флейте и на гитаре венецианские баркароль; Елена пела по внушению природы и верного вкуса прекрасные песни морлацкие. Время текло для них неприметно. Иногда Елена горевала, что вскоре забудет свой славянский язык, и Антонио в угождение ей выучил несколько морлацких слов.

Однажды (это было летом тысяча семьсот семнадцатого года) Антонио работал на большой марлийской машине. К нему подходят ка-

кие-то иностранцы. Один из них, одетый простее прочих, отличался сановитостью и благородным видом. Он входил во все подробности устройства машины, любопытствовал узнать в точности законы, по которым она составлена, рассматривал все орудия. Он говорил чрез переводчика, но Антонию понимал бóльшую часть слов его — они были славянские — и предупреждал ответами перевод вопросов. «Откуда ты родом?» — спросил его с приятною улыбкою иностранец. «Я венецианец, синиор», — отвечал он. «Как же ты понимаешь мои слова?» — «Не диво, — отвечал отец мой, — вы говорите наречием славянским, похожим на язык жены моей; она морлачка, славянка, и поймет вас еще лучше моего». «Хотелось бы мне увидеть землячку, славянку, — сказал иностранец с возрастающим участием. — Где твоя жена?» — «Мы живем недалеко отсюда, и если синиор не погнушается нашим простым обедом, мы угостим его славянскими пирожками, каких, конечно, нет на столе регента Франции»⁸. — «Хорошо, — сказал иностранец, — ударил адмиральский час⁹, и я охотно принимаю твое приглашение. Пойдем!» «Нет! — сказал Антонию. — Ваш час ударил, а наш еще не пробил. Я не смею до звонка отлучиться от работы». Один из провожатых незнакомца сказал Антонию по-французски, что он может отлучиться до срока в угождение почтенному посетителю, но иностранец никак не хотел этого дозволить, похвалил прилежание мастера и для сокращения времени сам занялся его работою. Ударил обеденный колокол; отец мой сложил инструменты и пригласил своего гостя пойти за ним. Провожатые хотели идти туда же, но он велел им дожидаться его возвращения и пошел в жилище бедности, довольства и благополучия. На пороге встретила их Елена, бросилась в объятия мужа, не обращая внимания на пришельца, стала целовать его и отирать пот с его лица. «Вот, Елена! — сказал отец мой. — Я привел к тебе гостя, твоего земляка: он хочет пообедать с нами». «Вы славянин? Морлак?» — спросила Елена с радостным трепетом. «Славянин, хоть и не морлак, — отвечал иностранец, поцеловав ее в лоб, — я русский, москвич, и тебе не чужой! Слыхала ли ты о русских?» «Как не слышать! — воскликнула Елена. — Говорят, они народ добрый и ласковый и хотят освободить всех наших земляков от ига турецкого»¹⁰. А царь у них, сказыв-

вают, куда смъшленный и умный человек. Добро пожаловать, господин москвич! Прошу не погневаться на нашу простую славянскую пищу, мы подносим ее вам с любовью и уважением». Сели за стол. Иностранец кушал и пил охотно и не мог нахвалиться пирожками изделия хозяйки. «Послушай, — сказал он Антонио, — наш царь берет в службу хороших и трудолюбивых мастеров: не хочешь ли ты к нам определиться? Тебе на Руси будет житье привольное, и Елена твоя заживет там как дома. Вам здесь оставлять и терять нечего. Подумайте, и если найдете, что это вам выгодно, то приходите завтра в квартиру царя в Париже, подле Арсенала¹¹, да спросите Петра Михайлова¹², а я между тем поговорю о вас царю и уверен, что он вам не откажет». Супруги не могли еще образумиться, как незнакомец, простясь с ними, вышел из их дому.

Чего тут было долго размышлять? На другой день отправились они в Париж, добрались до Арсенала и узнали жилище царя по множеству карет, которые стояли в готовности для его разъездов. Они спросили Петра Михайлова и были введены в богатую комнату, где увидели вчерашнего своего гостя посреди русских и французских царедворцев. Им нетрудно было узнать, кого принимали вчера. Петр обнял их ласково и, не теряя времени, дал им письмо к Меншикову¹³, велел выдать паспорт и отпустить денег на дорогу. Через месяц были они в Петербурге. Отец мой и еще один земляк его употреблены были при постройке шлюзов на реках Ижоре и Увере¹⁴.

Государь по возвращении в Россию посетил мастеров в новом их жилище, осведомился, довольны ли они содержанием, покушал пирожков печенья Елены, шутил над нею, что у ней нет детей, и взял слово, что она позовет его в кумовья, когда родится у ней сын. Это было и пламенное желание моих родителей, но оно сбылось не скоро: я родился в исходе тысяча семьсот двадцать четвертого года. Отец привез меня в Петербург, и великий государь за два месяца до своей кончины был моим воспитанником. Он надел на меня вот этот золотой крест, который пойдет со мною в могилу.

Алимари вынул крест, висевший у него на шее, поцеловал его со вздохом и продолжал:

XXV.

Итак, вы видите, что я, хотя италиянец по происхождению, католик по исповеданию, но славянин по матери и русский по месту рождения. Вскоре после моего рождения скончался наш великий благодетель. Родители мои росили слезами искренней скорби хладные его останки и неоднократно на гробнице восприемника моего пламенно молились Богу, почерпали новые силы для перенесения бедствий и тягостей житейских.

Отец мой умер, когда мне было от роду семь лет. Брат его, возвысившийся между тем на степень епископа тревизского¹, упросил мою мать отправить меня на родину отца. Она согласилась, но сама не могла за мною следовать, не могла оставить того места, где погребен был ее любезный Антонио. Я был привезен к дяде, который осыпал меня ласками и милостями. Сначала жил я у него в доме, потом отдан был в иезуитское училище. Дяде хотелось, чтоб я вступил в духовное звание; я же сам не знал, чего хочу, только учился прилежно и успешно. Когда мне минуло пятнадцать лет, получил я от матушки известие, что она занемогла, тоскует по мне, предчувствует близкую свою кончину и хочет меня благословить. Почтенный епископ ни минуты не колебался, отправил меня в Петербург с позволением жить там, сколько времени пожелаю. Я увиделся с моею матерью, о которой в душе моей оставалось одно темное воспоминание, украшенное чувством любви и благодарности детской. Она была очень слаба и умоляла меня не оставлять ее. И я не мог бы решиться на вторичную разлуку с нею. Мы уведомили об этом намерении дядю; он охотно на сие согласился, прислал мне денег и советовал искать в Петербурге случая продолжать начатое учение. Я искал недолго. Однажды, по обьжновению, проводил я матушку на могилу отца, за Невою, у церкви Самсония, и, между тем как она молилась над прахом ей любезным, я бродил по кладбищу и читал надгробные надписи — италиянские, французские, латинские². Вскоре заметил я, что по следам моим ходит какой-то человек, высокий ростом, бледный, с унылым взглядом

и прислушивается к моему чтению. Детское мое тщеславие возбудилось этим вниманием; нашед на одном камне эпиграфю в латинских стихах, я прочитал ее громко, с точным наблюдением меры стихов. На лице незнакомца изобразилось удовольствие. Он подошел ко мне, взял меня за руку и ласково спросил по-латыни, кто я. Я объявил ему мое имя и звание и указал на матушку.

— Горсть ее священна, — сказал он с участием, — не надобно нарушать ее. Ты мне нравишься, юноша! Мне желалось бы познакомиться с тобою покороче. Когда можешь, приходи в Невскую лавру и спроси там Селлия, учителя семинарии³.

Он пожал мне руку и удалился. Я всегда имел большую склонность к таинственному и необыкновенному: это знакомство, начавшееся на кладбище объяснением на мертвом языке, казалось мне привлекательным.

Дня через два явился я по адресу и нашел Селлия в укромной келье, окруженной рукописями и книгами. Он не был монах и, удивительно, был протестант, но по любви к России, к греческой вере, к наукам поселился в русском монастыре. Он сделался моим учителем, руководителем, другом. Мне легко было вспомнить русский язык, который я было совершенно забыл в Италии, но никогда не мог я выучиться говорить на нем как на природном. Селлий выучил меня языку немецкому, усовершенствовал в познании языков древних, посвятил в таинства науки естества, познакомил с русскою историею и вселил в меня отвращение к монашеству католическому, хотя никогда не говорил со мною о моей вере, никогда не позволял себе ни малейшего замечания на католические обряды и предания. Так провел я жизнь свою до осьмнадцати лет в беседе с доброю матерью, в строгих, но усладительных занятиях науками. Тогда постиг меня первый удар судьбы: матушка скончалась.

Алимари умолк на минуту и отер слезу.

— Селлий знал положение моего семейства. С кончиною матушки прекращался пенсион, который производили ей по указу царскому. Я оставался один, без надежды, без помощи в России. Он советовал мне

последовать приглашению дяди, призывавшего меня к себе. Оросив искренними слезами могилы моих родителей, обняв в последний раз почтенного моего наставника, я уехал в Италию. Епископ принял меня с прежнею любовью, обрадовался моим успехам, написал собственноручное благодарственное письмо к моему наставнику, хотел послать ему и подарок, но я, зная моего друга, удержал его: Селлий отослал бы этот подарок назад, к огорчению дяди. Меня отправили в Павийский университет⁴. Я страстно занялся науками. Исследование чудес природы, свойств человека и судеб его, изучение древности были главными предметами моих занятий. Тщетно старался дядя обратить внимание мое на духовные науки, тщетно представлял мне в отдалении тиару и ключи святого Петра⁵. Я был послушен ему во всё, только в этом остался непреклонен: почтительно, но безусловно объявил ему, что хочу остаться мирянином. Он был огорчен и раздражен моим отказом и в минуту гнева объявил мне, что за непокорность лишает меня наследства. Я не горевал о потере богатства, ибо в тот самый день другая, бо́льшая печаль преисполнила мое сердце: я получил известие о кончине Селлия. Это было в тысяча семьсот сорок шестом году. Тогда...

Алимари встал с своего места, прошелся несколько раз по комнате и, как будто вновь собравшись с силами, продолжал:

— Чрез десять лет после этого получил я в Бадахосе⁶ известие о кончине моего дяди. Угроза его ограничилась словами: я наследовал значительный капитал, отданный им навсегда в венецианский банк, с тем чтоб при малейшей опасности, которая бы угрожала Венецианской республике, этот капитал был переведен в Голландию или в Англию; это сделано по его завещанию года за четыре пред сим, когда французская армия приблизилась к границам Венеции⁷.

С того времени, вот уж этому с лишком сорок лет, я живу в мире один, занимаюсь науками и искусствами, езжу из одной страны в другую, люблю жить в Италии, но иногда непреодолимою силою влекусь на север, посещаю Россию, любезную, гостеприимную, спокойную, величественную; и признаюсь вам: желал бы быть погребенным подле отца

и матери, ибо других могил, для меня священных, нет в мире. Теперь я странствую по Италии, служу переводчиком для русских, французов и италийцев; помогаю, сколько могу, тем и другим. И здесь, любезный князь, судьба нас опять соединила. И в какое время! Повсюду льется кровь; повсюду борются между собою адские страсти! Французы и италийцы, приверженцы нового и старого порядка вещей, терзают друг друга, как кровожадные тигры. Вы, добрые русские, пришли сюда для того, чтоб рассечь этот гордиев узел. Намерения вашего государя бескорыстны и великодушны. Ваш предводитель понимает свой долг и исполняет во всей точности. Но они имеют дело с ужаснейшими страстями, изуверством и мщением. Впрочем, каков бы ни был успех этой войны, на чьей бы стороне ни остался перевес, русские стяжали в ней славу бессмертную не одною храбростью — и благородством.

Мне привелось быть очным тому свидетелем. За несколько дней пред сим был я на одном из венецианских островов, отнятых у французов соединенными силами россиян и турок⁸. Любопытное было зрелище видеть русских и вечных врагов их, мусульман, сражающихся в одних рядах, за одно дело! Но любопытнее всего была взаимная борьба этих новых союзников. Турки не могут покинуть древнего своего обычая отсекаать головы у пленных неприятелей, а русские не могут вразумить их, что это противно правилам войны⁹. Что ж делают ваши соотчичи? Они покупают пленников у турок и тем спасают им жизнь. Я сам был свидетелем, как майор морских полков Соколов удержал саблю, поднятую турецким солдатом над головою одного французского офицера. «Что тебе дадут за его голову?» — спросил он у него через переводчика. «Червонец». — «Вот тебе два — отпусти его». И не одни офицеры — солдаты спасали многих несчастных. Да сохранит Бог в вашем народе эту кротость к побежденным, эту преданность государю и Отечеству — и Россия вознесется над всеми царствами Европы, погрязшими ныне в бедствиях и преступлениях, порожденных забвением законов Божиих! Я в России родился, надеюсь умереть в России: ее слава и благоденствие мне драгоценны.

XXVI.

||| последние слова произнес Алимари с выражением глубокого чувства. Кемский дружески пожал ему руку, но молчал, как будто дожидаясь продолжения рассказа. Алимари понял его.

— Вижу, — сказал он, — что повествование мое не удовлетворило вашему ожиданию. Не знаю, с чего многие взяли, что я должен быть человек необыкновенный, загадочный. Не оттого ли, что я то появляюсь, то исчезаю в одном месте, как Аполлоний Тианский?¹

— Признаюсь, — возразил ему Кемский, — и я полагал, что вы не принадлежите к нашему кругу, к числу людей обыкновенных. Думаю так и теперь: какая-то непонятная сила влечет меня к вам, и я уверен, что беседа с вами, приятельства ваша, не смею сказать: дружба — меня бы осчастливила. Притом ваши познания, особенный взгляд на мир вещественный и духовный — всё это влекло и влечет меня к вам с непреодолимою силою. И теперь, после вашего простого рассказа, я остаюсь в том уверенности, что не много найду таких людей, как вы.

— Как легко, — сказал с улыбкою Алимари, — прослыть в свете человеком необыкновенным! Меня видят лет тридцать в одной поре, то есть волосы мои уже не седеют с того времени, тело не сохнет, ибо нечему ни поседеть, ни высохнуть; никто не видал меня больным; многих я излечил простыми средствами — вот и прославили меня неувязимым, бесстрадальным, едва ли не бессмертным. Я ни у кого не занимал денег, иному и помогал безделицею — от этого прослыл миллионщиком, алхимистом. Я занимаюсь изучением природы — говорят, что я чародей, духовидец, колдун.

— И я, — возразил Кемский, — принадлежу к числу людей, которых вы изумили своими мнениями. Ни от кого не слышал я столько любопытного о важных и грозных явлениях жизни, как от вас, — а беседовал с вами всего часа два. Вы изумили меня особенно тем, что проникли в мир духовный не только с верою, но и с знанием. И вы хотите оставаться в рядах обыкновенных?

— Это было и есть, — продолжал Алимари, — следствие усердного изучения природы, следствие того, что я отбросил школьные вериги, презрел насмешки вольнодумства и дерзости осьмнадцатого века и изучал природу не в книгах, а в ее действиях и в своей душе. Не думайте, чтоб я один обладал этими знаниями и средствами к их приобретению. Посреди грозных бурь войны и революции зреет школа натуралистов-философов, которые начали изучение природы с познания Бога, источника всего видимого и невидимого. Теперь они сами еще в школе, еще рассматривают, еще обдумывают предмет своей науки, но вскоре свет увидит плоды трудов их. Начав исследование природы с источника всех сил, мы при окончании сего исследования естественно обратимся опять к этому источнику и таким образом соорудим систему, основанную на законах вечных и непреложных. Исчезнут гнусные, богопротивные положения материалистов; дух всеобщий, дух человечества займет свое место в природе, и все люди вновь обратятся с чистым сердцем к Всевышнему строителю миров, как поклонялись Ему в дни светлого своего младенчества; тогдашнее поклонение было детское, невольное; нынешнее — будет вечное, неизменное!

При сих словах глаза Алимари блистали огнем необыкновенным; звуки голоса его были звучнее, разительнее, нежели когда-либо; слезы умиления лились по морщинам лица. Кемский был поражен его словами.

— И вследствие этого учения, — сказал он чрез несколько минут торжественного молчания, — вы верите существованию духов?

— Неужели, — спросил Алимари, — вы как философ и христианин могли отвергать существование духовного мира? Но вы не то, вероятно, сказать хотели. Вы хотели спросить, верю ли я духовидению, появлению духов в земном, вещественном мире. Так ли? На это отвечаю вам вопросом: верите ли вы существованию фигур, ясно представляемых вам волшебным фонарем на белой стене?² Неужели это призрак воображения? Нет! Это есть искусственное преломление лучей, произведенное по законам нашего зрения. Слепой ничего на гладкой стене не ощупает. Так и с видениями. Их нет в существе, в осязаемости, как нет

цветов, лучом света производимых, нет звуков флейты, потрясающих фибры нашего слуха, но эти видения существуют в глубине души нашей, суть представления внутренних ее движений, изображают прошедшее, затаившееся в душе нашей темным воспоминанием, иногда и будущее, по особенному, таинственному сочетанию действий духовного мира, — как в вещественном, например, птицы предчувствуют непогоду. Душа наша, по словам великого вашего Державина, есть гостья мира,³ заключенная в темнице своей, теле, она играет и действует своими цепями, не может перенестись за стены тесной и темной храмины, но в ней есть свои силы, дремлющие в этом заключении и проявляющиеся во всем блеске, когда она наконец исторгнется на свободу.

— Но всё это одни догадки, — сказал Кемский с возрастающим любопытством. — Кто видел душу вне этой темницы? Кто видел действия неведущих ее органов?

— Она дремлет в сей темнице, но иногда и просыпается, — отвечал Алимари. — Бывают состояния души, в которых она действует не внешними органами, и это случается во сне естественном и магнетическом. Размышляли ль вы когда-либо о сновидениях? Старались ли вы постигнуть эту силу, которая бодрствует в нас, когда спят все прочие силы? Старались ли вы постигнуть этот мир поэзии и чар, который пробуждается в нас, когда мир вещественный покроеся мглою? Это сон естественный. Заметьте, что мы помним только те сновидения, которые грезились нам пред просыплением; но если б могли вспомнить и сообщить то, что видится душе нашей, когда она погружена в полноту этого забвения внешнего мира! А лунатизм? А сон магнетический? А ясновидение?

При этих словах Кемский не мог удержаться от вопроса:

— Как! И вы верите существованию и силе магнетизма? И вы убеждены, что магнетизм не есть ложь и шарлатанство?

— Убежден, — отвечал твердым голосом Алимари, — как в существовании света дневного.

— А помните ли решение Парижской академии наук?

— Помню и знаю лучше всякого другого, ибо я в то самое время был в Париже и следил за ее изысканиями. Но что значит решение Академии? Академия ли открыла Коперникову систему⁴, Ньютоново учение о притяжении⁵, Кеплеровы законы небесной механики⁶, порох, книгопечатание, зрительные трубы, громовые отводы?⁷ Академия ли сочинила «Илиаду», «Энеиду», «Филиппики»⁸, «Короля Лиры», «Освобожденный Иерусалим»⁹, «Сида»¹⁰, «Аталию»?¹¹ Я признаю и уважаю труды многих людей, заседающих в академиях на досуге, но академия природы для меня выше всех. Знайте же, любезный князь, что недалеко то время, в которое живой магнетизм, эта чудесная сила существа нашего, открывающая нам многие таинства души, займет принадлежащее ему место в ряду познаний и опытов человеческого рода, как сила электрическая, магнитная и другие, бывшие неизвестными древним. И в какое время академия Парижская исследовала эту силу? Когда открытие ее было еще во младенчестве, когда не было ни опытов достаточных, ни свидетельства заслуживающих вероятия людей в подкрепление учения Месмера, который, впрочем, напрасно облек свое великое открытие ребяческим шарлатанством. Вот в чем состоят мои исследования и изучения. Я не ищу средств к обнародованию их, но от людей умных и добросовестных не скрываю того, что мне узнать случилось. Пусть ученая недоверчивость в борьбе с гнусным шарлатанством несколько времени густым облаком скрывает от взоров людских эту выпретенную силу: наступит время, и лучи истины разгонят мрак страстей и предрассудков! И обратите внимание еще на одно обстоятельство: в истекающем ныне столетии, когда дерзкие умы посягнули на всё священное для человека, когда хотели отнять у него и душу бессмертную, и надежду на вечную жизнь, превратив его в машину, действующую механически по воле одного скотского инстинкта, когда отринули они и существование Бога, утешителя и хранителя мира, — тогда душа человеческая, изгнанная с лица земли, затаилась в глубине самой себя и там, в сновидениях, вновь обрела то, что у ней отнимали наяву, — обрела веру в свое существование, в свое бессмертие. Когда молчат люди, тогда красноречивы камни;¹² когда заблуждается бодрствующий, тогда истина проявляется

спящему; когда не дают свидетельства живые, раздается пророческий голос мертвых!

Алимари умолк. Кемский молчал также, с умилением глядя на лицо своего друга, пылавшее пламенем внутреннего восторга.

— Желал бы я, — сказал он наконец, — увериться собственными глазами, собственным слухом в истине того, что вы мне говорите и чему я, впрочем уважая вас, охотно верю.

— Для этого должно ждать случая, — отвечал Алимари. — Случай магнетического сна мог бы я доставить вам без труда, ибо это зависит от воли нашей, но вещей сон естественный есть дело редкое. Показать вам не могу, но могу рассказать случай, которому я был свидетелем и который подтвердят вам земляки ваши, офицеры двух полков. И это было очень недавно, не в далеком отсюда расстоянии.

XXVII.

— **Н**а странствиях моих по театру войны провел я вечер в Вероне¹. Проходя мимо одного трактира, услышал я хохот, прерываемый звоном рюмок и русскими восклицаниями. «Это наши!» — подумал я с удовольствием и, не утерпев свидеться с земляками, вошел в трактир: человек шесть артиллерийских офицеров ужинали по-русски, то есть с шумом и смехом. Я подсел к ним и вскоре с ними познакомился. «Веселитесь, забавляйтесь, молодые люди! — сказал я им, когда один из них стал извиняться предо мною в излишней шумливости их беседы. — Вы моложе меня, но я далее вас стою от опасностей и смерти. Что будет завтра — не знаем; поживем весело сегодня». «И не станем говорить об опасностях, — сказал один миловидный белокурый офицер, — они незваные пожалуют к нам на встречу; лучше потолкуем о родной земле, о друзьях и родных, оставленных нами в России...» «А тебе не худо бы, Александр, подумать и о вечности», — сказал другой, черноглазый остряк с значительною улыбкою. «Мне? — спросил первый. — Почему ж именно мне, а не другому?» — «Потому что потому, что

мне это приснилось». — «Вот прекрасно! — закричали все. — Ему приснилось! Двинскому приснилось! Вот пророк!» Все хохотали, и Двинский вместе с прочими. «В самом деле, — сказал он, — я видел эту ночь странный сон. Я было совершенно забыл о нем, но теперь, глядя на Ладина, припомнил все обстоятельства. Выслушайте, что мне пригрезилось. Вы помните место прогулки нашей в Виченце² за городом?» «Как не помнить! — вскричал другой. — По прекрасной каштановой аллее, к древнему монастырю, где мы не раз восхищались и унылым звоном колоколов, и вечернею зарею». «И где всем, кроме Ладина, бывало страшно!» — сказал третий. «Точно, — продолжал Двинский. — Вот мне снится, что я прогуливаюсь по этой аллее, подхожу к монастырю, вижу: открыты ворота и в ограде множество народу, вступаю в ограду; двери церковные открыты, во мгле древнего храма теплятся свечи. Вхожу туда: среди церкви стоит на амвоне гроб лилового цвету». «Лилового! — закричал один офицер. — Новая мода!» — «Вокруг гроба стоят незнакомые мне кирасирские офицеры³ и только один наш полковник Ельцов. Подхожу к гробу, смотрю на покойника — это Ладин, бледный, ужасный. Я испугался и проснулся. Но это так ясно, так отчетливо представилось глазам моим, что я теперь мог бы нарисовать всё. Как я обрадовался, уверившись, что это мечта!» Все молчали. Ладин призадумался. «Что за вздор! — сказал один офицер, старше прочих. — Этому ветренику пригрезилась какая-то дичь, и он всех нас опечалил. Полноте, господа! Выпьем за здоровье нашего главнокомандующего и пожелаем, чтоб наши ядра скорее зажужжали в ушах неприятельских! В животе и смерти Бог волен, а пока живы мы, грустить не о чем, менее всего о том, что приснится сытому или голодному!» Разговоры о других предметах вскоре изгладили это минутное впечатление грусти и грозных предчувствий. Ужин кончился весело. Я простился с офицерами и пошел в свою квартиру. На другой день я еще спал, как барабанный бой и стук колес по мостовой возвестили мне об отходе к армии этих минутных, но искренних моих приятелей. Через две недели после того был я в Виченце. В одно утро вышел я за город и заметил, что иду по той самой аллее, о которой говорил Двинский. Воспоминание о том вечере и о сновидении

возобновилось в душе моей; иду далее — вот черные стены монастыря, ворота открыты, народ толпится в ограде и на паперти церкви. Вхожу в монастырь, в церковь — посреди ее стоит на возвышении лиловый гроб. Вокруг него русские кирасирские офицеры и один артиллерийский. Я приблизился к покойнику, взглянул — это был Ладин. Ужас объедал меня. Я удалился в угол церкви, боясь видимым волнением чувств моих нарушить священное безмолвие. Обряд погребения, по неимению русского священника, совершали монахи католические. Пособравшись с мыслями, я подошел к артиллеристу и спросил у него, кого хоронят и не от ран ли умер этот офицер. «Нет, — отвечал он, — бедный мой товарищ умер от болезни, от недостатка врачебного пособия. Он шел с ротою к армии. Миновав Верону, он был отправлен обратно с приказаниями ко мне навстречу (я иду из Вены с запасными орудиями); не доезжая двух станций отсюда, занемог бог знает отчего и умер чрез два дня. Вот я принужден хоронить его, хоронить не по обряду Православной церкви, и даже должен был обить гроб лиловым атласом: здесь, в городе, не нашлось малинового». Обряд кончился; мы снесли гроб юноши в юдоль вечного покоя. Потом рассказал я полковнику Ельцову (это был он сам) о встрече моей с офицерами в Вероне, о вещем сновидении Двинского. Мы оба не могли надивиться этому случаю и согласились только в одном...

В это время послышался на улице шум, и раздался голос Ярлыкова: — Всё готово, ваше сиятельство! Извольте садиться.

Друзья вышли из дому. Кемский был в глубоком размышлении. Коляска подъехала к крыльцу.

— Простите, друг мой, — вскричал Кемский, — может быть, навсегда!

— Не может быть! — отвечал Алимари. — Мы непременно увидимся, и еще в этом мире. Теперь, — продолжал он по-французски, — сделайте мне одолжение: примите от меня на память вещь, которая, в случае нужды, может послужить вам. — С сими словами вынул он из записной книжки своей лоскут бумаги, написал на нем несколько слов карандашом, свернул его и подал Кемскому. — Возьмите! Вы будете в сражениях...

— Не думаю, — прервал его Кемский, — я еду с депешами и, вероятно, с тем же и ворочусь.

— Но может статья! Кто знает будущее? Берегите эту бумажку. В случае крайней опасности прочтите слова, на ней написанные. Это вам не повредит, а, вероятно, поможет. Теперь мне некогда толковать вам, что это такое; прошу только верить, что я не чародей, а истинный друг ваш!

Алимари улыбнулся сквозь слезы. Кемский прослезился также. Они обнялись в безмолвии. Кемский бросился в коляску, и она помчалась по косогору.

XXVIII.

С.-Петербург

В то время когда Кемский быстро летел к месту своего назначения, верная его Наташа испытала все мучения, какие только могут столпиться над головою человека. Неожиданный, внезапный отъезд мужа сразил ее жестоко. Она была близка к отчаянию; будущее рисовалось в ее воображении самыми ужасными чертами: она видела друга своего раненого, убитого, взятого в плен; ей слышались звуки какого-то тайного голоса, который нашептывал ей в минуту уныния и тоски: «Ты его не увидишь!» В этих жестоких терзаниях не раз помышляла она о смерти, не раз безмолвно молила Бога отозвать ее от здешнего мира до совершения грозивших ей ударов. И надежда, вечная утешительница и обманщица смертных, не могла бы подкрепить ее, если б другое чувство — возвышеннейшее, священнейшее — не придавало ей силы: она ощущала уже обязанности матери.

Если, с одной стороны, это неизъяснимое в женщине ощущение придавало ей силы переносить настоящие горести, с другой — жестокий удар судьбы, поразивший ее в то самое время, мог показаться ей вестником новых страданий в будущем. Неожиданно скоропостижно лишилась она доброго своего родителя. Она сидела однажды поутру у письменного столика, поверенного ее страданий и утешений, и выражениями

пламенной любви покрывала лист, готовившийся лететь к другу ее сердца. Вдруг вбежала в кабинет ее горничная и прерывающимся голосом объявила, что от Василья Григорьевича прислан человек, что Наталью Васильевну просят немедленно пожаловать к батюшке, что он опасно заболел. Испуганная Наташа бросилась к отцу. С ним приключился удар¹. Он лежал без языка, дышал с трудом и только рукою манил кого-то к себе. Увидев дочь свою, он несколько пришел в себя и едва внятным голосом произнес:

— Наташа! Прости!.. Ты... Муж твой... сестра моя... монастырь... Наташа, прости! — Он простер к ней руки — это было последнее усилие отлетавшей жизни. Через несколько минут спокойствие смерти водворилось на кротком челе честного человека и доброго христианина.

Казалось бы, что этот новый удар усугубит ее страдания, доведет ее до отчаяния — но нет! Природа так устроила сердце человеческое, что в нем есть место для всякой печали, что новая горесть, присоединяясь к прежней, не усугубляет, а как будто утоляет ее. Наташа горько рыдала над прахом доброго отца, и эти слезы о потере невозвратной чудесным образом дали ей отраду и утешение в воспоминании об отсутствовавшем.

— Алексея здесь нет, но он жив: он помнит, он любит меня! — говорила она, перечитывая страстные его письма.

Алевтина Михайловна принимала живейшее участие в судьбе Наташи, навещала ее ежедневно, осведомлялась с нежностью о ее здоровье, с восторгом читала письма брата и орошала их слезами. «Это слезы искреннего раскаяния, — думала добрая Наташа, — ей совестно, что она, по извинительным, впрочем, побуждениям материнской любви, слишком неосторожно порадовалась мнимому наследству. Слава богу, что это так кончилось! Время исправит ее еще более, и она оставит все свои интриги и замыслы, когда удостоверится, что они излишни и вредны ей самой».

Один нечаянный случай открыл глаза простодушной. Через несколько дней по погребении отца Наташа сидела вечером у Алевтины, которая самым нежным вниманием старалась доказать ей свое участие,

с чувством уважения говорила о покойном и рассыпалась в похвалах отсутствующему брату. Наташа слушала ее в молчании. Алевтина, окончив заученный молебен, умолкла. Иван Егорович счел обязанностью своею воспользоваться этою перемежкой и подтвердить слова жены.

— Вы не поверите, княгиня Наталья Васильевна, как мы любим вашего супруга, как о нем стараемся. Теперь он на пути к счастью, теперь исполнились давнишние его желания отличиться на войне. Долго ждал он этого случая! Да и трудненько было выхлопотать для него такое лестное поручение. Сколько охотников из самых случайных фамилий набивались на отправление в Италию! Нам Бог помог уладить.

Наташа изменилась в лице и уронила из рук своих работу. Алевтина Михайловна, разговаривавшая между тем с матерью, не слыхала начала речи, но вдруг догадалась и закашляла, поглядывая на своего мужа с выражением изумления и злобы. Он смутился и затвердил: «Да! Да! Да!» Испуганная Наташа спросила трепещущим голосом:

— Скажите, ради бога, что это значит? Так это был не случайный наряд? Так эта разлука... так это вы? Несчастный! Он погиб, и я также! — вскричала она с выражением отчаяния и кинулась в двери.

Все бросились к ней. Алевтина стала клясться и божиться, что ничего не знает, что не понимает, с чего Иван Егорович взял это, плакала, рыдала. Прасковья Андреевна готовилась снять образ со стены. Иван Егорович, бледный, испуганный, говорил заикаясь:

— Ей-ей-с, да-с, ничего не знаем-с. Ваше сиятельство... это я так... хотел пошутить, утешить вас.

— Молчите, сударь! — закричала Алевтина. — Вы своим хвастовством меня губите: выдумали о каких-то связях моих с случайными людьми! Что вы! С ума, что ли, сошли? Извольте выйти вон, а то еще бог знает чего нагородите.

Наташа поуспокоилась, но не говорила ни слова с Алевтиной и ее матерью, приказала подать карету и, отдав им холодный поклон, уехала домой. Тоска безотрадная ждала ее в одиночестве. Она кинулась на колени пред образом, подаренным ей теткою, и усердною молитвою тщилась подкрепить себя в борьбе с отчаянием.

Итак, Алевтина действительно была причиною отправления Кемского? Итак, она не отказалась еще от своих коварных замыслов? Возможно ли, чтоб умиленное счастье брата и жены его не могло ее тронуть? К несчастью, возможно. Невозможно было бы противное. Солнце идет неизменным путем своим; луна в урочное время переменяет свой облик; лев упивается кровью; горлица умирает за птенцов своих; злой человек нижезет одно злодеяние к другому и каждое препятствие на пути к исполнению своих желаний считает только новою ступенью лестницы, ведущей к желаемой цели. Таков закон природы!

XXIX.

Лагерь при Нови¹

Солнце катилось за Боккету², когда Кемский в глубоком раздумье приблизился к месту своего назначения. Дорога шла ложиною и вдруг поднялась на крутой холм. С высоты этого холма открылась пространная равнина, живописная, величественная, прелестная. Белые шатры рисовались вдали на темно-зеленом ковре по сторонам светлой речки, сребрившейся изгибами в крутых берегах. Необычайная тишина господствовала в этом временном жилище многих тысяч. Изредка приносились к страннику отголоски русских заунывных песен, как звуки арфы эоловой³, и приводили в движение все жилки его сердца. Слезы выступили на глазах Кемского, слезы сладкого уныния, неизъяснимой тоски, небесного утешения. Русский читатель! Бывал ли ты на чужбине, среди людей, тебе незнакомых, тебя не понимающих? И там случалось ли, что перелетный ветерок приносил как бы невзначай к слуху твоему звук родной стороны? Ты поймешь слезы моего героя.

Ночь уже наступила, когда Кемский прибыл к главной квартире. Адьютанты главнокомандующего, объявив ему, что граф лег спать и что должно представиться ему утром в пять часов, повели новопреезжего в свои палатки. Долго ли знакомиться землякам, молодым военным? Через полчаса князь сидел в кругу искренних приятелей, расска-

зывал им о Петербурге, о вестях московских; слушал о новых подвигах наших храбрых воинов и не видал, как летело время. Когда новые знакомцы готовились разойтись, вошел в комнату молодой солдат, вестовой, и подал пакет хозяину.

— От дивизионного генерала к вашему благородию! — примолвил он тоном учтивым, но вовсе не солдатским.

Кемский, пораженный звуком его голоса, подошел, чтобы всмотреться в него, и узнал в молодом солдате своего доброго, верного слугу!

— Миша! — вскричал он с изумлением.

Солдат взглянул на него, залился слезами и, бросаясь в ноги, закричал:

— Ах, ваше сиятельство! Вас ли я вижу!

Князь поднял его и заключил в свои объятия.

Когда прошли первые минуты радостного забвения, Кемский объявил удивленным этою странною сценою офицерам, что этот солдат — сын его кормилицы, друг и товарищ его детства.

— Каким же ты образом попал в солдаты? — спросил Кемский с недоумением и состраданием.

— По вашему господскому приказанию, — отвечал Миша печально.

Кемский побледнел.

— Помилуй! Как ты можешь это думать? Что это тебе на ум взбрело, чтоб я, я отдал тебя в солдаты?

— Точно так, ваше сиятельство! Вы изволили меня послать с винокуром на свиданье с матушкою, но, не доезжая до села, в первой из деревень ваших, сотский⁴ остановил нас; винокура отправил далее, а меня заковал и послал с другими рекрутами в уездный город. Я бился, плакал, спрашивал, молил растолковать, что это значит. Мне отвечали, что уже до приезда моего получено ваше приказание — немедленно по приезде в вотчину забрить мне лоб за дерзкие поступки с вами, за обманы, за — не могу выговорить, ваше сиятельство, — за воровство. Приказ исполнили в точности. Оправдания мои были напрасны. Я ссылался на ваши милости, на ваши ласки. «Видно, брат, порядком накудесил, — отвечал мне сотский, — когда такой добрый барин, как князь Алексей Федорович, отдает тебя в солдаты. По делам вору и мука».

— Да где же был мой приказ? — спросил князь. — Показали ль тебе его?

— Показывали, ваше сиятельство! Приказ был от имени вашего и сестрицы вашей, Алевтины Михайловны, и подписан Яковом Лукичом.

— Злодеи! — прошептал огорченный князь.

— Меня отправили с партией к границе, на Вольнь⁵.

— И ты не написал ко мне? — спросил Кемский с укоризненным взглядом.

— Не посмел, ваше сиятельство!

— И ты думал, что я мог быть виною твоего несчастья?

— Несчастье было для меня одно, ваше сиятельство, что я разлучен с вами да не видался с старухой матерью, а она, впрочем, слава богу, здорова и больна не бывала — это выдумали. В службе же царской быть что за несчастье? Только неразумный мужик может называть это бедою, да разве еще семьянину больно расставаться с родными. А мне что? Рад служить царю, как служил вашему сиятельству. Только вы... — Слезы прервали слова его.

Князь уверил Мишу, что никогда не думал отчуждать его от себя, и убедил его, что всё это сделано коварным управителем: ему совестно было обвинять не Тряпицына. Миша ожил душою, видя, что добрый его барин на него не гневен, и просил князя взять его к себе на вести, на всё время войны.

— Это очень легко сделать! — сказал один из адъютантов. — Стоит написать к полковому командиру.

Кемский отправился в отведенную ему палатку, волнуемый попеременно то радостными, то грустными чувствами. Душа Алевтины открылась пред ним во всей черноте своей. «И Наташа в ее руках?» — подумал он с трепетом.

В пять часов утра явился он у палатки главнокомандующего. Там был уже полдень, по шуму и движению. Вчерашние друзья окружили его с нежным участием. Вечерняя сцена с Мишею привела всех в умиление: молодые люди пленились кротостью, нежностью души Кемского.

Они были еще в тех годах, когда подвиги благородства, великодушия, самоотвержения восхищают нас, когда не закралось еще в душу, не закаленную жестоким опытом, исключительное уважение к холодности, благоразумию и эгоизму. Тут же случился и Мишин полковник; он охотно согласился прикомандировать Силантьева (так окрестили Мишу в полку) к поручику князю Кемскому на время пребывания его в главной квартире.

— Пожалуйте к графу! — сказал Кемскому офицер, вышедший из палатки.

Кемский с невольным трепетом вступил в палатку. В ней расхаживал седой, низенький, сухощавый старичок в солдатской куртке. Увидев Кемского, он подошел к нему, взял из рук его бумаги, не говоря ни слова, распечатал и начал пробегать глазами. Кемский боялся, что граф, по обыкновению, станет шутить с ним, говорить вздор, расспрашивать о пустяках. Ничуть. Просмотрев бумаги, граф кликнул камердинера своего Прошку и, велел ему позвать *сухощавого бригадира*⁶, обратил пронизательные глаза свои на Кемского и сделал ему несколько вопросов о Петербурге, о Вене и вообще о делах того времени. Кемский, имевший время собраться с духом, отвечал твердо, решительно. Это понравилось графу. Он стал расспрашивать молодого человека о его родственниках, хотел знать, не служил ли кто-нибудь из его родных в армии.

— Зять мой, генерал-поручик Элимов, имел счастье служить под вашим начальством в Польше и положил там голову.

— Знаю, помню! — поспешно отвечал Суворов. — Он был храбрый человек, рассуждал не много, говорил не красно, а где надобно было постоять за матушку-государыню, там другого не спрашивай, Царство ему Небесное! — В это время вошел в палатку высокий, худощавый человек в гражданском мундире. — Возьми, мой дипломат, эти бумаги, поразбери их, а потом мы прочитаем их вместе. Вот родственник нашего храброго Элимова. Поди, любезный, отдохни с дороги! Бог с тобою! — С этими словами он перекрестил Кемского и поцеловал его.

Кемский вышел из палатки с радостным сердцем: ему удалось видеть русского героя, на которого обращены были взоры всего мира, ви-

деть его с глазу на глаз, наедине, когда он не прикрывался плащом диогеновским⁷. Весь тот день прошел для Кемского как быстрое сновидение: жизнь, движение, шум военного стана занимали его каждую минуту. Он ходил из полка в полк, отыскивал и находил корпусных товарищей и в беседе с ними услаждал душу.

Вечером стоял он в кругу офицеров неподалеку от палатки фельдмаршала. Когда забили зорю, граф вышел в сопровождении русских, австрийских и пленных французских генералов. Завидев Кемского, он подошел к нему скорыми шагами и спросил насмешливо:

— Сколько у вас в Петербурге тетушек, храбрый князь?

— Ни одной, — отвечал князь, принимая это за шутку.

— Быть не может, — вскричал фельдмаршал, — у вас их тьма-тьмущая! А если нет тетушек, так есть бабушки, двоюродные сестрицы, братцы-камергеры. Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит! Далеко ли ему до генеральства! — Кемский смутился. — А вот был адъютант у вашего зятя, не помню, как звали его... нихтбешпимтзагер⁸, унтеркунфтцик⁹ — тот и без бабушек успел улизнуть из армии. Храбрый офицер, миролюбивый офицер! — С сим словом он отвернулся, заговорил с одним из генералов и пошел далее.

Кемский был в неопisanном волнении: такое приветствие, совершенно противное утреннему приему, изумило и испугало его. В это время подошел к нему секретарь, которого он видел поутру в палатке. Заметив замешательство Кемского и зная тому причину, он сказал ему с участием:

— Мне жаль, что вы ошиблись, князь! На что вам было такое множество рекомендательных писем? Чрез час после вашей явки граф получил ординарную почту и удивился множеству ваших заступников. Неужели его еще не знают? Он враг всякой протекции и назло делает противное тому, о чем его просят. Теперь вообразил он, что ваши покровители желают побережь вас, надеются, что граф при первом случае отправит вас обратно в Петербург с реляциею о победе.

— Могу вас уверить честью, — отвечал Кемский с досадою, — что я вовсе не знал об этих рекомендациях и не понимаю, как это могло слу-

читься. Меня послали в армию без моего ведома и почти против желания, когда я не успел даже проститься с женою... — Голос его задрожал.

— Верю, охотно верю вам, — с чувством отвечал ему секретарь, убежденный тоном истины. — Но письма эти в моих руках, и так как в них нет секретов, то вы сами можете удостовериться. Между тем это дело надо поправить. Я попрошу князя Петра Ивановича Багратиона¹⁰, чтоб он употребил вас в первом деле, и тогда фельдмаршал увидит, дорожите ли вы рекомендациями.

В это время скомандовали на молитву. Князь, снимая шляпу, пожал руку доброму своему ходатаю.

После зари пошли они в палатку секретаря, и там Кемский увидел действительно, что в пяти или шести письмах знакомые и родственники Суворова рекомендовали ему назначенного к посылке в Италию гвардии офицера князя Кемского. Иные просили его побережь молодого человека, слабого здоровьем, последнюю отрасль знаменитой фамилии, единственную отраду сестры и племянников. Кемский остолбенел: в числе просителей видел он некоторых знакомцев Алевтины, других не знал вовсе.

— Несносная страсть вмешиваться в чужие дела, — вскричал он, — навязывать свои услуги тому, кто их не просит и не хочет! Ради бога, помогите мне изгладить это неприятное впечатление в уме графа! Я жизнью пожертвую, чтобы этот великий человек не имел обо мне ложного понятия.

Секретарь успокоил его честным словом. Он пошел в раздумье в свою палатку, где ожидал его добрый Силантьев. Князь рассказал ему случившееся и объявил, что непременно хочет кровью смыть с себя это постыдное пятно.

— Поверьте мне, ваше сиятельство, — сказал ему Силантьев, — не любовь и не усердие к вам заставили Алевтину Михайловну искать вам покровителей. Это...

— Молчи, Миша, — вскричал Кемский с жаром, — не договаривай того, о чем я сам страшусь подумать! О, люди, люди!

XXX.

Это происходило в последние дни июля. Суворов, поразив на Треббии Макдональда¹, готовился, как разъяренный (тенётами гофкригсрата) лев², броситься на Жубера³, который в обаянии славы, любви и надежды юных лет спускался с Пеннинских Альпов на северного Аннибала⁴. Обе армии кипели нетерпением. Сначала полагали, что французы произведут первое нападение, но мнение благоразумного Моро⁵ одержало верх в военном совете: решено было занять неприступную позицию на скате гор и ждать подкреплений. Суворов взглянул орлиным оком на положение врагов и решился двинуться на них грудью. Начальник авангарда князь Багратион на другой день получил приказание: лишь только услышит пальбу австрийского генерала барона Края⁶ на правом фланге, открыть неприятеля на левом и завязать с ним дело. До отбытия своего он пригласил к себе Кемского и объявил ему, что, узнав о случившейся с ним неприятности, берет его с собою за адъютанта.

— Позвольте мне вступить во фронт, ваше сиятельство, — возразил Кемский, — позвольте сражаться в рядах храброго вашего авангарда. Не довольно *быть* в деле: непременно хочу и *действовать*.

— Извольте, — сказал генерал с приветливою улыбкою, — ваше желание будет исполнено.

Через час объявили Кемскому, что он прикомандирован к егерскому князя Багратиона полку⁷ и имеет немедленно явиться к своей должности. Он не мешкал в главной квартире, посетил только доброго секретаря графского и отправился вперед с своим Силантьевым, кипя ревностью загладить вчерашний позор. Ему казалось, что все офицеры, все солдаты знают, какое дурное мнение имеет о нем Суворов, казалось, что над ним издеваются, указывают на него пальцами.

Авангард выстроился впереди деревни. Генерал в раздумье разъезжал пред фронтом. Кемский явился к нему и получил приказание стать в шефской роте⁸. Все хранили глубокое молчание. Вот летит казак к генералу с донесением, что на передовых пикетах слышна пальба. Через

несколько минут пушечные выстрелы справа сделались явственнее. Потом стал перекапываться и батальный огонь из ружей.

— Теперь пора, — сказал генерал, — охотники вперед!

Надлежало послать отряд для открытия неприятеля. Надобно было тридцать человек, а охотников высыпало вдесятеро более. В минуту кинули жеребий, и счастливы с радостною улыбкою выступили вперед. Кемский обратился к батальонному командиру с убедительною просьбою поручить *ему* эту команду.

— Невозможно, — отвечал командир. — Штабс-капитан⁹ Леонов, ваша очередь! — сказал он, оборотясь к фронту.

Вышел молодой человек. Кемский узнал в нем корпусного товарища.

— Леонов! — вскричал он. — Уступи мне свое место!

— Так это ты, Кемский! — воскликнул с радостным изумлением Леонов. — Так ты тот гвардейский офицер, о котором я сегодня слышал! Сердце мое говорило, что этот упрямый храбрец должен быть наш кадет. Радуюсь, что вижу тебя, но места своего не уступаю ни за что в мире. Я две недели ждал очереди. Прости!

Он стал впереди отряда, отдал честь генералу и скомандовал: «Марш, марш!» Через несколько минут храбрая дружина исчезла за кустами. Авангард медленно двигался вперед.

Не прошло получаса, как впереди послышались ружейные выстрелы. Авангард прибавил шаг; пред ним открылась лощина, в которой передовой отряд наткнулся на неприятеля. Французы скакали назад, в лес; наши отступали в свою сторону. Из тридцати осталось человек двенадцать. Впереди вели троих пленных и несли убитого: это был Леонов. Старший унтер-офицер донес генералу, что по вступлении в эту лощину высыпала на них французская кавалерия. Наши стали было отстреливаться и отступать, но, когда пали несколько человек, ярость заглушила голос благоразумия. Защита превратилась в атаку. Один французский генерал, один полковник и еще человек двадцать пали от русских штыков. Но роковая пуля сразила Леонова, и весь отряд увидел себя обреченным на неизбежную смерть, когда звук русских барабанов в подступающем авангарде заставил французов отступить. Невольный трепет пробежал по всему телу Кемского, когда он взглянул на бледное,

недавно цветшее здоровьем и юностью лицо Леонова. Мысль о Наташе мелькнула в душе его, но вскоре гром боя, чувство мщенья, голос чести заглушили легкий шепот любви.

Авангард двинулся вперед. Вскоре открылись пред ним ряды неприятельские, и завязалось жестокое дело. Кемский послан был с застрельщиками¹⁰. Одушевленный какою-то высшею силою, он подавал своим товарищам и подчиненным пример блистательнейшей храбрости. Его линия беспрерывно подвигалась вперед. Французская отступала, сражаясь неустрашимо. Вдруг почувствовал он, что его чем-то ударило в левую руку выше локтя. Он оборотился в ту сторону и увидел подле себя Мишу.

— Ваше сиятельство! Вы ранены! — закричал Миша.

— Нет, братец! Тебе так кажется!

— Ей-богу, ранены, ваше сиятельство! Посмотрите на левую вашу руку.

Кемский взглянул, увидел, что весь рукав его покрыт кровью, и в ту минуту почувствовал боль.

— Нужды нет, — сказал он хладнокровно, — эта рана не важная; не для чего оставлять сражение.

— Правда, — сказал ему командир его в цепи, старый армейский капитан, восхищавшийся во всё время мужеством молодого воина, — она, может быть, не опасна, но я вижу: вы потеряете много крови и ослабеете. Велите себя перевязать и потом можете воротиться.

— Ей-так, ваше сиятельство! — примолвил Миша умоляющим голосом.

Кемский согласился и в сопровождении верного слуги своего отправился к отряду.

— Поздравляю, — закричал ему генерал, — вот вам и обнова! Теперь, кажется, довольно?

— Нет, генерал, — отвечал ему Кемский, — только в позорном поединке достаточно первой крови, а здесь присягали мы драться до последней капли. Велите перевязать меня, а потом отпустите опять в цепь.

Явился лекарь, осмотрел рану, объявил ее неопасною и начал перевязывать. Вдруг раздались громкие, единогласные восклицания во фронте и заглушили на минуту звуки ружейной пальбы.

— Это что значит? — спросил Кемский у лекаря.

— Ничего, — отвечал лекарь, разматывая бинты, — это, видно, старик фельдмаршал едет.

И в самом деле, появился Суворов верхом, в каске австрийского гренадера, без мундира, с голубою лентою по рубахе.

— Славно, помилуй Бог, славно! — кричал он войску. — Вперед, чудо-богатыри! Чего жалеть супостатов: перекрестясь, да и в штыки!¹¹

Новые усердные клики были ему ответом. Генерал подъехал к фельдмаршалу и стал докладывать об успехах дня. Суворов слушал его со вниманием, потом с улыбкою удовольствия обратился в ту сторону, где в интервале взводов перевязывали Кемского. Проницательный взгляд седого героя осчастливил, воскресил юного воина: он видел, что прежнее неприятное впечатление уже изглажено. Фельдмаршал поскакал по линии далее. Кемский возвратился на свое место.

Бой крепчал. Ужасная канонада, повторяемая эхом соседних гор, превратилась в непрерывный гул, пересекаемый ружейными выстрелами. Земля в точном смысле стонала под ногами сражающихся. Неприятель усиливался. Генерал хотел послать за подкреплением, но не успел. Из-за кустарников показалась сильная колонна французов; скомандовали: вперед, в штыки! Русские бросились, рассекали густой строй неприятелей и довершали их поражение, но вдруг наскочили на них два французских эскадрона, отрезали сражавшихся спереди, и за конницую появилась сильная пехота. Русские видели себя на краю гибели.

Тут подоспела к ним помощь. Корпус Дерфельдена¹² показался на высотах, и передовой отряд под начальством храброго Милорадовича¹³ вскоре примкнул к ослабевшим батальонам Багратиона¹⁴. Неприятель открыл огонь из двадцати орудий, но все его усилия были тщетны. Натиск свежих войск решил дело. Французы поколебались, начали отступать и потом обратились в совершенное бегство. Ночь прекратила убий-

ство и прикрыла бегущих крылом своим. Наши остановились, утомленные дневным жаром, усилием боя, жаждою мести, избытком славы. Взводы поредели. Стали считать уцелевших. С горестным чувством увидели, что Кемского не было в числе их. В один день успел он приобрести общее уважение, общую доверенность. Покрытые пылью, не слишком видные и опрятные армейцы вначале с недоверчивостью и досадою смотрели на молодого гвардейца, отличавшегося осанкою, светским обращением, щегольским мундиром, полагали, что его выслали в армию за какую-нибудь шалость, но когда он вышел вперед и выдержал жестокий огонь в передовой цепи, когда объявил, что не хочет воспользоваться предложением раны, и воротился в сражение, — искреннее почтение и усердная любовь заменили прежние чувства в груди честных воинов. Товарищи положили непременно отыскать его тело и отдать ему особо последнюю воинскую почесть, но никак не могли доискаться. После многих расспросов нашли одного раненого егеря, который был в отряде князя. Егерь объявил, что офицер был впереди со стрелками, когда появилась неприятельская конница, что он хотел было отступить и примкнуть к своим, но не успел: его отрезали. Французские драгуны окружили горсть храбрых егерей и с диким воплем изрубили всех. Этот егерь видел, как пал князь Кемский; сам же он, быв ранен прежде, притаился в кустарнике и, не ведая как, один из всего отряда очутился посреди своих.

Искренний вздох братского сожаления и краткая солдатская молитва к Богу за упокой души храброго товарища были панихидою по Кемском.

XXXI.

Кемский не погиб. Атака неприятельской конницы изумила, но не испугала его. Видя себя отрезанным от своих, он выстроил всю свою команду в каре¹ и начал отстреливаться. Французы нападали на него с зверским ожесточением.

— Нет пощады! Нет вам помилования! — кричали они. — Австрийцы убили Жубера, а вы — нашего Гаро!² Вы! Вы! Мы узнаём ваши мундир! Смерть! Смерть вам!

Наши, в безмолвии отчаяния, не понимая кликов неприятельских, сражались и умирали. Силантьев пал из первых, придержавшись рукою за полу своего господина. Кемский, видя, что нет спасения, решил умереть. Он чувствовал, что ранен несколько раз; уже близко блистали вражеские сабли; уже падали последние из храбрых егерей. Вдруг пуля ударила ему в грудь и придавила медалион с портретом Наташи в его записной книжке. Мысль о жене возвратила ему чувство и любовь к жизни. Он схватился за книжку, вынул ее из-за пазухи, чтоб еще раз взглянуть на милые черты, развернул ее; из нее выпала бумажка, и он увидел слова, начертанные другом Алимари при последнем прощании. Не зная сам, что делает, он громко произнес эти слова — не помнил, какие именно, но они были французские. В то же мгновение почувствовал он удар сабли в плече, и вдруг в ряду неприятельском раздался голос:

— Остановитесь! Не рубите его! Именем республики, он мой пленник!

Сабли опустились, выстрелы умолкли, драгуны расступились. Французский полковник приблизился к Кемскому, взял его за руку и повел с собою, прежде нежели он мог опомниться.

— Берите пленника, — бормотали драгуны, — но деньги и вещи его принадлежат нам.

— Молчать! — воскликнул полковник грозно. — И он, и его вещи принадлежат мне.

— Они правы, — возразил Кемский, — я отдам всё, что у меня есть!

— Нет, брат мой, — отвечал ему полковник дружеским тоном, — вы изранены, вы в плену.

— В плену! — с горестью повторил Кемский.

— Что делать? Такова участь войны! — возразил полковник. — Вам теперь деньги нужны, но, если б их не стало, располагайте моими.

— Великодушный человек! — сказал тронутый Кемский. — Не деньги мне нужны, но если уже вы хотите довершить доброе дело...

— Говорите! Говорите! — воскликнул полковник. — Минуты дороги. Я должен воротиться на свое место.

— В моем отряде был один человек, дорогой моему сердцу. Он пал, но, может быть, он жив. Умоляю вас, отыщите его на месте сражения.

— Охотно, но как его узнать? Он, конечно, офицер?

— Нет, — отвечал Кемский, — он простой солдат; скажу более: он был у меня тем, что вы называете невольником, но он вырос со мною, он мне друг! Узнать же вы его легко можете. Все мои егери были в мундирах с зелеными воротниками; он один с красным³.

— Извольте! — отвечал полковник. — Непременно его отыщем.

В первом жару Кемский не чувствовал ран своих, но вскоре природа взяла свое. Едва пришли они к первой французской перевязке, он почувствовал ослабление сил. В глазах его затуманилось. Он помнил только, что полковник сдал его на руки военному лекарю, старичку приятной наружности; его ввели в полуразрушенную хижину, положили на скамью — и всё пред ним исчезло.

Через несколько часов он очнулся. Вокруг него было темно. Кто-то охал подле его скамьи, на полу.

— Кто тут? — спросил он по-французски. Ответа не было. Он повторил этот вопрос по-русски.

— Я, сударь! — отвечал слабый голос.

— Да кто ты?

— Силантьев, рядовой мушкетерского барановского полку⁴. Левую руку отняли, ваше благородие!

— Миша! — закричал в радости Кемский.

— Ваше сиятельство! Это вы! — воскликнул Силантьев. — Слава Богу, что он привел меня к вам. Встать не могу.

— Да как ты здесь очутился?

— Сам не знаю, ваше сиятельство! Когда меня ранили, я упал подле вас и вскоре обеспамятел. Вдруг слышу, шарят вокруг меня. Открываю глаза и вижу французов. Ну, думал я, последний час мой наступил, и уже

хотел сотворить молитву. Они, увидев меня, будто обрадовались, подняли на ноги, посадили на лошадь и привезли сюда. Здесь, на дворе, лекарь посмотрел на мою руку, сорвал с меня мундир, засучил себе рукава да и давай резать; я было не давался, да двое драгун меня держали. Он как ни в чем не бывало отпилил мне руку, перевязал и положил меня на травку. К ночи меня внесли сюда. Ах, больно, ваше сиятельство! Одна отрада, что я с вами.

Послышался шум у дверей; показались огни; двери растворились, и в избу внесли двух раненых французских офицеров.

— Посторонитесь! — вскричал провожавший их унтер-офицер. — Дайте место республиканским офицерам!

Кемский хотел привстать, но не мог.

— Долой с кровати, проклятый казак! — закричал унтер-офицер еще громче и готовился стащить раненого. В это время вбежал в комнату лекарь.

— Что ты делаешь, гражданин! — закричал он унтер-офицеру. — Эти пленные находятся под покровительством законов!⁵

— Вздор! — отвечал тот. — Это неприятели: безоружных не обижу, но и не уступлю им места, которое принадлежит французам. Долой!

— Удержись, гражданин! — воскликнул лекарь. — Знаешь ли, кто отдал их мне на руки?

— А кто? Хоть бы все пять директоров⁶, чтоб их черт побрал!

— Нет! Полковник Уде!⁷

— Полковник Уде? — повторил, понизив голос, унтер-офицер. — Что ж ты мне не сказал этого ранее, гражданин лекарь? Нешто! Только полковник, конечно, не захочет, чтоб и наши раненые валялись как собаки. Позволь положить их здесь в комнате, хоть на полу.

В это время раздались издали ружейные выстрелы и озарили блеском своим темноту ночи; послышались крики на улице: «Неприятели! Русские! Казаки! Спасайся кто может!»

— Вот те черт! — закричал унтер-офицер. — Ну, ребята! Скорей поднимайте раненых; поплетемся как-нибудь, чтоб они не достались неприятелю. — С этими словами подняли безмолвных страдальцев и поспешно вынесли из комнаты.

— И нам надобно убираться! — торопливо сказал лекарь. — Вставайте, господин офицер!

— Оставьте меня, — сказал Кемский, — и спасайтесь одни: я не боюсь ваших неприятелей; напротив, рад их видеть.

— Помилуйте! — воскликнул лекарь жалобно. — Неужели вы хотите меня погубить? Когда я дам вам уйти, меня расстреляют. Вы не знаете полковника Уде!

Звуки выстрелов приближались. Лекарь, не дожидаясь ответа, выбежал из комнаты и воротился с солдатами. Они подняли раненых, вынесли на улицу и положили на телегу, покрытую соломой. Лекарь взмолился, как говорится по-французски, *краликом* (en larin)⁸ подле фурлейта⁹, ударили по лошадям и поскакали. Ружейные выстрелы вскоре затихли вдали, и, по просьбе Кемского, телега пошла шагом.

— Скажите, пожалуйста, — сказал он лекарю, — кто этот полковник Уде, которому я обязан жизнью?

— Как? Вы его не знаете и не слышали о нем? Да этакой сорвиголовы у нас нет в целой армии. Храбр как шпага, умен как черт, упрям как бретонец¹⁰. И что за взгляд! На кого посмотрит, тот так и съежится. Это один человек во Франции, пред которым и сам Бонапарте не устоит. Что за голова! Однажды заспорил он (это было в Милане) с нашим главным доктором об одной ране, утверждая, что она не была смертельна. Доктор заставил его молчать двумя анатомическими терминами. На другой день полковник возобновил спор и сбил доктора с поля доводами, основанными на самом глубоком познании анатомии. «Что ж вы не отвечали ему вчера?» — спросил я потом у полковника. «Да вчера, — отвечал он с простодушной улыбкою, — я сам не знал того, о чем говорил сегодня». Вообразите: он после первого спора купил руководство к анатомии и в ночь выучил. Суший чародей! Да ему несдобровать у нас. Таких людей в свободных землях не любят. Бонапарте и одному тесно было во Франции, так отправился в Египет¹¹, а вдвоем с полковником они и на целой планете простора не найдут.

Лекарь продолжал свои рассуждения без умолку. Кемский и Силантьев, качаемые на повозке, заснули.

XXXII.

Проворный лекарь спешил с своими пленными в безопасное место, боясь погони русских и взгляда полковникова. Через несколько дней привез он их благополучно в Ниццу и сдал на руки старшему врачу тамошнего госпиталя. Кемский, не чувствовавший в первые минуты никакой боли, дорогою разнемогся и привезен был в Ниццу почти в беспамятстве. Между тем Миша, страдавший только телом, выздоравливал со дня на день. Недели через три левая рука его почти совершенно зажила, он вскоре выучился действовать одною правою и жалел о потере своей левой только потому, что не мог так ловко и проворно услуживать своему господину, как прежде. Понимая по-французски, он выучился говорить с тамошними жителями и в короткое время снискал знакомых и приятелей. К счастью пленников наших, они снабжены были средством купить в свете всё, разумеется, кроме счастья, которое не покупается. Миша честно и бережливо распоряжал казною: нашел для князя покойную квартиру в доме одной семидесятилетней старушки, платил врачу за визиты, строго наблюдал все его предписания и берёг своего барина, как нежный сын отца.

Кроткий благорастворенный воздух Ниццы, тишина и спокойствие оказали ощутительное влияние на здоровье страдальца. Раны его стали закрываться, лихорадка уменьшилась. Он вскоре начал ходить, прихрамывая, по комнате: пуля, пролетевшая сквозь пятку левой ноги, оставила на всю жизнь его воспоминание о битве при Нови.

Но с возвращением сил и здоровья возникало страдание в душе его: он видел себя в стране чуждой, далекой от отечества, вражеской, в плену, не постыдном, но убийственном для благородного русского воина. А она? А Наташа? За этою мыслию возникал в душе его ряд горестных ощущений, одно другого мучительнее, одно другого ужаснее. Он искал средств дать весть о себе на родину, но не было никакой возможности: все сношения Франции и Италии с Россиею были в то время совершенно прерваны. Между тем на авось пересылал он ежедневно по письму через Париж, Лондон, Стокгольм в Санкт-Петербург.

Наступил ноябрь месяц — не наш ноябрь, угрюмый, дождливый, снежный, морозный, а время прохладное, приятное, живительное после зноя летнего. Прогулка по возвышенной аллее на берегу морском сделалась ежедневным времяпровождением Кемского. В глубокой задумчивости глядел он на темные волны, рассыпавшиеся жемчужною пеною, на быстрый бег судов, являвших зрелище свободы на непокоренной стихии, зрелище мучительное для унылого пленника. Из глубины растерзанной души его стали возникать те видения, которые исчезли было при полуденном свете счастья и довольства судьбою. Часто сумерки заставляли его на этих прогулках. Тогда, в полусвете, в борьбе тьмы с владычеством солнца, чудился ему давно знакомый призрак: в конце аллеи появляется белая точка, развивается, развивается и наконец принимает вид Черной женщины, которой воображение духовидца придавало любезные ему черты Наташи. Она, казалось ему, поглядывала на него печально и покачивала головою, как будто к словам: «Нет, не верь!» — садилась на скамью и в задумчивости облакачивалась на ручку. Он быстро подходил к скамье, но призрака уже не было. Обманутый мечтою, сидел он на то место, где видел незримую, и таинственный шелест листьев, колеблемых вечерним ветром, нашептывал в слух его что-то знакомое, что-то родное.

Люди переменяются по временам и странам — природа везде одна и всегда неизменна. Везде говорит она человеку языком, ему понятным: и сибирский кедр, и итальянский каштан говором листьев своих ему знакомы.

К тоске о милой жене присоединилась питаемая неизвестностью скорбь об участи соотечественников, о судьбе русского оружия. Бедный пленник не знал, что в точности случилось с русскою армиею. Лживые бюллетени, издаваемые тогдашним слабым и презренным правительством Франции¹, смешивали его мысли и догадки и не могли сообщить ему правды. Из всего, однако ж, мог он заключить, что наши войска, потерпев урон, вышли из Италии и из Швейцарии; но мысль, что Суворов мог быть побежден, не находила места в голове его. «Нет! Суворов не может быть разбит никем в мире!» — повторял он громко, в порывах бла-

городного патриотизма. Он не ошибался: северный лев, брошенный завистью и недоброжелательством в непроходимые дебри, проложил себе кровавый путь к свободе и дорого заставил заплатить тех, кои дерзнули мыслить, что могут его остановить, стеснить, уничтожить².

Редко случается, чтоб истинная горесть, истинное несчастье не нашли себе отголоска в сердце ближнего. Старушка, хозяйка того домика, в котором остановился Кемский, сначала не хотела пускать к себе на квартиру варвара, казака, людоеда, а согласившись на убеждения и посулы врача, прятала от постояльца осьмилетнюю свою внучку. Кротость Кемского, его томный взгляд, которым выражались страдание, добродушие и терпеливость, учтивость его со всеми вскоре переменяли мнение старушки: из неприятельницы сделалась она усердным его другом и защитницею москвитянина от злобных наветов ее соседок. Правда, она испугалась и побледнела, когда однажды Кемский, встретив на крыльце прекрасную Лоретту, стал ее ласкать, хвалить ее прелестные глаза, играть каштановыми ее кудрями, стал просить, чтоб милое дитя иногда посещало его в грустном уединении. Мало-помалу нелепые опасения суеверной старушки рассеялись: она позволила Лоретте ходить к доброму казаку. Кемский находил развлечение своему горю в беседе с Лореттою, учился у ней тамошнему наречию, сам учил ее читать и писать и после уроков строил для нее карточные домики, вырезывал игрушки из бумаги. Детский возраст чувствителен к добру и благодарен: девочка душою привязалась к Кемскому, который в невинном взгляде, в доверчивой улыбке ее находил облегчение своим страданиям. «И я, может быть, теперь отец!» — думал он, глядя на ее детские игры с чувством горести и отрады, мучения и утешения.

Однажды у этих новых друзей не стало материала на постройку бумажного домика.

— Я тотчас принесу еще бумаги, — сказала Лоретта, — у соседки нашей, Симони, есть пребольшой запас. Я побегу к ней и возьму охапку; она не поскупится. — Лоретта побежала и чрез несколько минут воротилась, неся в переднике множество бумаги. — Посмотрите сколько! — вскричала она, вошед в комнату. — Мы можем выстроить целый город.

— Хорошо! — сказал ее архитектор. — Начнем!

С сими словами стал он разбирать принесенные от соседки бумаги, но в какое пришел удивление, когда в числе их нашел множество писем на русском языке!

— Это что? Откуда это? — спросил он вошедшую в комнату его хозяйку, с радостным взглядом, как будто отыскал старых друзей.

— Это из того глупого чемодана, который сосед наш, Симони, раненый где-то далеко за горами, кажется в Швейцарии, привез сюда, думая, что захватил бог знает какую добычу. Видно, какой-нибудь курьер обронил этот чемодан. Ни денег, ни вещей в нем не было, одни письма, в которых толку не добьешься. Соседка Симони вытопила с этих писем сургучу фунта два — вот и вся прибыль.

Между тем Кемский с жадностью читал разбросанные пред ним письма — то была почта из Петербурга в армию. Видно, курьер был убит или ограблен на дороге...

XXXIII.

Алимари остановился пред домом, в котором, как ему сказывали, живет раненый русский офицер, и готовился постучаться в двери. Вдруг они распахнулись, и из дому выбежал опрометью человек.

— Батюшки! Помогите! Помогите! — кричал он по-русски. — Князь умирает!

Слезы градом катились по бледному лицу; он дрожал, как в сильнейшей лихорадке.

— Кто умирает? Какой князь? — спросил у него Алимари.

— Мой барин, то есть мой начальник, князь Алексей Федорович Кемский! — отвечал Силантьев, протягивая оставшуюся правую руку свою к Алимари и как бы прося о помощи.

— Боже мой! — вскричал Алимари. — Так это он точно! И умирает! Веди меня к нему!

— Извольте! — отвечал Силантьев, в отчаянии своем не удивившийся и тому, что услышал в Нище звуки русского языка.

Они вошли в комнату Кемского.

Какое печальное зрелище представилось им! Кемский в беспмятстве, бледный, бездыханный, лежал на диване. Перевязки ран его были сорваны; из некоторых выступила кровь. Перед ним на столе разбросаны были бумаги. Одна бумага сжата была в левой его руке.

Алимари поспешил помочь своему другу и вскоре привел его в чувство, но рассудок несчастного был расстроен. Он не узнавал окружавших его и только повторял: «Несчастный случай — предмет разговоров!»

Явился врач, употребил некоторые средства, и больной поуспокоился, но всё еще был очень слаб, горел и бредил.

Алимари взял бумагу, бывшую в руке князя, и нашел, что это письмо из Петербурга, неизвестно к кому писанное. Между прочим нашел он в нем следующее:

*Н*есчастный случай составляет здесь предмет разговоров во всех обществах. Ты знал, я думаю, князя Алексея Кемского. Он послан был отсюда курьером к вам, в армию, оставив беременную жену свою в тоске и горе. За месяц пред сим получен здесь и обнародован список убитым, князь был первым в числе их. Эту бумагу по неосторожности показали княгине. Она до того испугалась, что родила преждевременно. Дочь ее не прожила часу. Сама она недели через три, воспользовавшись небрежностью ходивших за нею, в припадке отчаяния и сумасшествия ночью убежала из дому и утопилась в Неве.

Засим следовали обыкновенные при таких случаях рассуждения.

Ужасная тайна открылась изумленному Алимари. Он не знал, чего желать своему другу для его счастья — исцеления ли, для того чтоб вла-

чить жизнь в одиночестве и горести, или смерти, которая соединит его с любезными для него существами. Между тем прилагал он самое нежное, самое усердное старание к облегчению его мучений, к возвращению ему рассудка. Долгое время все его труды, все пособия врача были тщетны; наконец удалось переломить горячку, с которою прекратился бред, и раны его стали заживать снова. Кемский как будто проснулся от глубокого сна, ни с кем не говорил ни слова; узнал Алимари, но не изъясил ни удивления, ни радости, что видит его у себя. Казалось, он припоминал прошедшее и шарил у себя в постеле, будто ища чего-то. Пыл и бред горячки превратились в тихую задумчивость и почти совершенное безмолвие.

Окружавшим больного часто казалось, что он хочет обмануть их притворным спокойствием, что он высматривает удобное время и случай для того, чтоб освободиться от их надзора. Они усугубили свою бдительность, и все покушения несчастного к прекращению ненавистой ему жизни были тщетны.

XXXIV.

Кемский лежал в безмолвии на диване и смотрел пристально на потолок комнаты. Алимари стоял у окна и глядел на улицу. Вдруг раздался глухой бой барабанов, и вслед за тем послышались унылые звуки погребальной музыки.

— Хоронят французского генерала, — сказал Алимари, как будто желая успокоить Кемского, который мог быть изумлен и испуган этими необыкновенными звуками; но Кемский не обратил внимания на эти слова, казалось, и вовсе не слышал их. Печальное шествие проходило мимо окон.

— Почий с миром, храбрый, благородный воин! — говорил Алимари вполголоса. — Ты совершил свое земное поприще как честный человек и усердный гражданин! Облагренная кровию врагов твоего отечества шпага лежит, как должное украшение, на гробе твоём, но в самом гробе по-

кой, мир и отдохновение во трудах. Ты храбро и мужественно сражался с врагами явными и скрытными; враги чтили и уважали тебя, соотечественники преследовали; но ты не совратился с пути, предначертанного честью, долгом, присягою. Ты не уныл, не упал духом под ударами судьбы, преследующей человека в земной жизни. Ты имел в виду цель высшую, благороднейшую и теперь достиг ее: претерпел до конца и положил страннический посох свой лишь там, где Провидение назначило предел твоей жизни. Теперь ты освобожден, успокоен, награжден. Блаженство там, благословения здесь!

Кемский начал прислушиваться. Алимари, заметив это, умолк. Кемский спросил:

— Какого генерала хоронят?

— Шампюнета¹, — отвечал Алимари сухо.

— Как, Шампюнета? — спросил Кемский с горестным изумлением. — Покорителя Неаполя и Рима, победителя Мака?²

— Того самого, — отвечал Алимари, — того самого, которого уважал и чтит Суворов. За подвиги и услуги отечеству был он награжден гнусною неблагодарностью, и, когда отечество на краю гибели воззвало к нему, он вновь взялся за оставленный меч и стал на страже. В несчастии, в гонениях он не унижился, не возненавидел жизни, ибо знал, что человек сам в ней не властен. Настала его черда — и он успокоился.

— Преследование, гонение, тюрьма, — возразил Кемский, — всё это ничто, когда в сердце хранится еще надежда, когда мы знаем, что есть в мире люди, которые одним словом, одною улыбкою наградят нас за претерпенное нами.

Алимари обрадовался этому ответу: кто спорит, кто доказывает, тот уж не в отчаянии.

— В этом мире, говорите вы? Жалко утешение, которое ограничивается *этими* ничтожным, временным миром рабства и тления! Жалок человек, который от обыкновенных неизбежных всякому бедствий в жизни может впасть в отчаяние, презреть Провидение, восстать противу своего Творца! Он не знает, чего лишается в вечности.

— Но неужели, — возразил Кемский с видом оскорбленного самолюбия, — нет случаев, нет горестей в жизни, которые не могли бы преодолеть слабого человека?

— Слабого — конечно, но человек слабый не есть человек истинный, царь земного творения.

— Нет, — сказал Кемский, — часто случается, что долг и совесть, честь и правила веры приходят в борение между собою, и человек, в прочем сильный характером и твердый духом, падает от ударов высшей силы.

— Вы говорите о тех случаях, в которых долг гражданина и сына отечества находится в борении с правилами человека и христианина. Не вам, русским, упоминать об этих случаях: у вас один Бог, один царь, одно отечество! Живите и умирайте за них: вы исполните все свои обязанности, и они никогда одна другой противоречить не будут. Чтоб доказать вам, до какой степени можно из любви к своему долгу заглушить в сердце глас природы, приведу я еще пример: я должен взять его в рядах ваших неприятелей. Пример этот представляет вам генерал Моро. В то время, когда он, сражаясь за Францию, оборонял ее от натиска сильных врагов, неистовые изверги, называвшиеся правителями его отечества, казнили родного его отца³. Человек слабодушный, хотя б и добрейший сердцем, бросил бы службу неблагодарному отечеству, но Моро умел отличить Францию от ее притеснителей: проливая слезы о невозвратной потере, он не забывал обязанностей гражданина, не унывал душою, не ослабевал в усердии к родине жестокой, но всегда любезной!

— Так! — сказал Кемский сквозь слезы. — Моро поступил в этом случае как истинно великий человек; но вы не знаете, как жестоки могут быть иногда удары судьбы, как неисцелимы раны сердца! Вы не знаете...

— Не знаю? — вскричал Алимари с жаром и в некотором исступлении. — Не знаю? Нет, друг мой! Я знаю, слишком хорошо знаю эти потери, эти страдания, которым предел только во гробе!

Сказав эти слова, он громко зарыдал.

Кемский изумился: он никогда не видал своего друга в таком положении. Твердый, благоразумный, убежденный сединами, охлажденный ле-

тами, Алимари рыдал как дитя, как юноша, лишившийся подруги своего сердца.

Через несколько минут Алимари обратил наполненные слез глаза свои на Кемского.

— Молодой человек, — сказал он ему, — это невольное изливание чувств старика, стоящего уже одною ногою в гробу, вас изумило. Но я не в состоянии был удержаться от слез при воспоминании об одном ужасном случае моей жизни. Я никому не говорил о нем, потому что не надеялся найти человека, который мог бы постигнуть и оценить всю жестокость моих страданий. С вами же разделю воспоминание, которое с лишком сорок лет тяготит мое сердце.

Кемский при этих словах друга забыл на минуту собственное горе и страдание, не отвечал ни слова, но любопытным взглядом дал знать, что готов слушать.

XXXV.

Я не буду много распространяться, не буду искать, выбирать выражений. И простой рассказ этого периода моей жизни едва ли не истощит сил моих. Слушайте! Вы помните, думаю, что я, сообщая вам историю свою, умолчал о десяти годах моей жизни; вы помните, что я вам говорил о нежелании моем вступить в духовное звание. Я умолчал тогда об истинной причине моего отказа: причина эта была любовь.

Любовь — чувство благороднейшее, святейшее из вложенных Творцом в сердце человеческое, чувство, которое, как по всему видно, становится реже и реже в свете, которое вскоре будет пылать в сердце только немногих избранных, а прочим известно будет лишь по сказаниям минувшего века. Предания и развалины священной старины, заветы родительские, игры детских лет, мечтания юношеские — всё это истребляется тлетворным дыханием эгоизма, властолюбия и алчности к золоту, всё поглощается так называемою политикою, равенством, свободою, как

цветущие города и поля покрываются истребительною лавою, составляющею на них, по охлаждении, ровную поверхность. Мы мечтали, мы любили, мы блаженствовали! Вы еще видите закат того светила, которое лучами своими живило мир пиитический, волшебный. Близкие наши потомки станут читать в книгах повесть о бывшем, незнакомом им веке Астреи:¹ одни не будут верить, чтоб он когда-либо существовал; другие станут осыпать его насмешками и презрением. Едва ли немногие избранные будут питать в сердцах огонь священный. Но, может быть, всё клонится к лучшему, только не для нас, запоздалых в мире гостей из прошлого века!

Вы знаете, что я учился в Павийском университете. Я учился прилежно, неутомимо, страстно. Особенно занимала меня древняя литература, преимущественно греческая, занимала не столько важностью своих произведений, сколько священным благоговением, возбуждаемым во мне мыслями о юных днях мира, о свежей жизни эллинов. Мне не довольно было книг печатных: я списывал их на свитках, стараясь поддельваться под самую древнюю скоропись; стихи Гомера писал уставом² по образцам, оставшимся на памятниках и медалях. Профессор мой полюбил и отличил меня за это предпочтение его предмета, но не мог заняться мною исключительно. Он познакомил меня с своим бывшим учителем, осьмидесятилетним иезуитом, который, отслужив в профессорской должности пятьдесят лет, посвящал остальные годы жизни своей изучению любимого предмета. Он жил уединенно в предместьи города. Я приходил, когда мог удосужиться, к почтенному старцу и читал с ним авторов, поэтов греческих. Вскоре увидел я, что нашел клад в этом старике: он любил древнюю Грецию до иступления и, как я слышал, за это страстное обожание языческого времени и народа был в самой молодости притесняем начальниками своего Ордена. Его употребляли как знающего и искусного профессора, приносившего честь Обществу святого Игнатия³, но не давали ему ходу в иерархии: он всегда оставался простым монахом. Это стеснение отнюдь его не огорчало; напротив, он радовался, что занятия духовные не мешали его любимым упражнениям. Жизнь отшельническая и непрерывное занятие ума одним и тем же

предметом неминуемо должны были действовать на его душевные силы: он действительно помешался на греческом языке, утверждал, что нашел истинное греческое произношение и открыл настоящую мелодию древнего напева эллинов⁴. Можно вообразить, как он обрадовался, нашед во мне ученика прилежного и страстного. Я проводил у него целые утра. Старик с восторгом сообщал мне свои правила, наблюдения и открытия, но иногда в середине речи останавливался и, пристально посмотрев на меня, говорил: «Жаль!» Потом обращался опять к любимому предмету.

Я был бы еще вдвое прилежнее, если б одна мечта не отвлекала меня от древней Эллады. Я заметил в одно воскресенье в иезуитской церкви молодую, небогато одетую девицу, молившуюся с выражением глубокого чувства. Она стояла на коленях, обратясь к главному алтарю. Сначала не мог я видеть ее в лицо: гибкий стан, лебединая шея, херувимская головка — всё обличало в ней красавицу. Я протеснился к ней сбоку и ждал окончания молитвы. Незнакомка приподнялась и обратилась к образу, висевшему на той стороне, где я стоял. Облик ангела, взгляд праведницы, слезы христианского умиления поразили меня. Я едва не закричал, чуть не упал, удержавшись за перила ограды. Легкое дымчатое покрывало спустилось на прелестное лицо. Девица, преклонив еще раз колени пред алтарем, пошла из церкви, сопровождаемая другою женщиною. Я не смел следовать за нею. Незвестная дотоле новая жизнь возникла в душе моей: все предметы облеклись в глазах моих радужными цветами; на лицах женщин искал я, чего и сам не знал, искал выражения лица неизвестной. Я искал и ее самой, но напрасно. В церкви она не являлась. Впрочем, как ни желал я увидеть ее еще раз, как ни горел нетерпением узнать, кто она, — душа моя довольствовалась воспоминанием: она питалась лицом божественным, явившимся на минуту и заронившим в нее искру вечного огня. И рассудок говорил мне, что я не должен доискиваться того, что благодетельное Провидение, может быть с умыслом, от меня скрывает: пусть одна душа наслаждается тем, что для души создано!

Мечтания юных лет! Но стоит ли вся остальная существенная жизнь наша этих мгновенных мечтаний? Мысль о неизвестной наполня-

ла меня всего: я учился и занимался прилежно по-прежнему, но только механически. Все греческие буквы старинных манускриптов казались мне обведенными красною каемкою; только те места классиков занимали меня, где говорилось о женщинах. Этих жен, этих дев юной Элады, думал я, давно уже нет в мире: так и моя мечта существует для меня только в воображении. Мой наставник стал замечать мою рассеянность, невнимательность, забывчивость и, видимо, огорчился этим. Он начал сперва стороною, а потом и прямо упрекать меня в небрежении, в холодности к великому предмету изучения древности. Я пытался было возобновить в себе прежнее рвение к любимой науке, но оно улетело невозвратно. Наконец решился я сказать почтенному старцу, что сухость предмета наших занятий убила во мне всю охоту к учению и что молодому человеку нет возможности долго заниматься исследованием мертвого языка. «Мертвого! — вскричал оскорбленный старец. — Мертвого! Сын мой! Что ты сказал? Мертвы только те языки, которыми человек выражает свои земные нужды и страсти. Но язык Греции, язык Платона и Демосфена, Гомера и Софокла, язык Божественного Откровения — ты называешь мертвым! Он жив, как живо солнце Адама!»⁵

Я извинился в неосторожном выражении, но присовокупил, что подробное изучение столь великого предмета превосходит мои силы. «Твои силы! — воскликнул он. — Твои силы! У тебя силы атлета, у тебя память железная, у тебя... довольно! Я докажу тебе, что не нужно исплинских сил, не нужно продолжительного занятия для постижения предмета, если только мы обнимем его душою. Приходи ко мне сегодня вечером, когда смеркнется. Теперь ступай, подумай на свободе о неразумии слов своих и принеси чистое покаяние! Неужели я в тебе ошибся! Неужели одна... Ступай с Богом, сын мой!» Последние слова произнес он дрожащим от душевного волнения голосом. Мне жаль стало почтенного старца. Я повиновался: вечером, лишь только смерклось, отправился я к нему, нетерпеливо желая знать, чем он докажет обязанность мою учиться греческому языку. Он встретил меня на пороге дома, ввел в приемную комнату, в которой не было свеч, велел мне сесть в углу и молчать, а сам вошел в кабинет, не запирая за собою дверей, и только

задернул их занавесью. «Продолжай, Антигона!»⁶ — сказал он кому-то. Женский голос начал читать Софоклова «Эдипа в Колоне», именно приветствие хора несчастному слепцу⁷. Невидимая читала смело, чисто, с строгим наблюдением размера. Когда она начала вторую антистрофу⁸, старик потребовал объяснения некоторых мест. Тот же голос отвечал ему. Засим началось пение: приятнейший женский голос, какой когда-либо раздавался под сводами неба Италии, запел прочитанные строфы на мелодию, вымышленную стариком: он сам дрожащим, но верным голосом стал вторить — и я перенесся мыслию в глубокую древность, в то судилище, которое, выслушав эти стихи Софокла, отринуло донос неблагодарных детей, обвинявших его в безумии⁹. Когда утихло пение стихов Эдипа, началось чтение прозы Демосфеновой¹⁰. Старик останавливался на каждом периоде, на каждом сомнительном слове, требовал объяснения и получал его. После такого подробного разбора тот же голос женский прочитал разобранные периоды по правилам декламации моего учителя. Голос был так же чист и приятен, как прежде, но нежность и мягкость его уступили место величию и твердости. По окончании чтения раздался звук одобрения: старик поцеловал эллинистку. Свет в кабинете исчез. Он вышел ко мне, взял меня за руку, подвел к двери на улицу и сказал торжественным голосом: «Ты слышал, чего может достигнуть слабая женщина. Стыдись. Теперь ступай с Богом!»

Голос невидимки проник глубоко в мою душу и сначала едва не изгладил из нее прежнего впечатления, произведенного зрением. Но потом слились обе мечты, и я начал воображать себе, что невидимая Антигона была действительно слышанная мною девица. Эта мысль возбудила во мне прежнее рвение к эллинской древности. Старик видел чудесное действие примера и восхищался своею стратагемою¹¹. Так неопытный поэт радуется успеху актрисы, читающей его стихи, и приписывает произведению своей фантазии действие прекрасных глаз! Но для меня оба мои идеала оставались идеалами: незнакомки я по-прежнему не встречал нигде; невидимки не слышал, ибо старик принимал меня лишь по утрам в своем отдельном кабинете, сообщавшемся с сенями посредством приемной залы: я никогда не видал у него никого постороннего. Иногда

слышались шорох и невнятные отдаленные голоса из жилых покоев. По вечерам дом его был неприступен. Однажды я с умыслом забыл у него книгу и вечером пришел за нею, но не мог достучаться. Утром, видно, мой старик жил в кабинете ученого, вечером запирался в келье монаха.

Через несколько месяцев после того единообразные занятия мои прерваны были поездкою к дяде, в Виченцу. Пробыв там недели две, я воротился в Павию и тотчас по приезде пошел навестить почтенного моего наставника. Двери его дома были заперты, по обыкновению, но в этот раз я не мог достучаться. «Странно! — подумал я. — Неужели никого в доме не осталось?» — и опять начал стучать. В соседнем доме высунулась в окошко старуха и с недовольным видом спросила, кого мне надобно. «Отца Валентина!» — отвечал я. «Он умер, — отвечала она, — сегодня хоронят его в иезуитской церкви».

Эта весть поразила меня: я был молод и не привык еще к тратам; теперь, если умрет кто из приятелей моих, мне кажется, что мы с ним были в гостях и он только ранее меня пошел домой, где я вскоре найду его.

Я побежал в иезуитскую церковь. Там, в одном скромном приделе, стоял гроб, освещаемый тусклыми лампадами. Хор иноков окружал почившего брата и пел хвалебные гимны Неисповедимому. Поодаль у стены стояло несколько женщин в траурной одежде и покрывалах. Они тихими голосами вторили пению; иногда казалось мне, что я в этих унылых звуках слышу что-то знакомое. По окончании обряда братия подняли гроб и понесли на близлежащее кладбище. Женщины последовали за ними. Я шел подле. «Не вы ли сениор Алимари?» — спросила одна из них дрожащим от старости голосом. «Я Алимари», — отвечал я. «Покойный брат мой искренно вас любил и, чувствуя приближение кончины, хотел видеть. Но вас не было в Павии. Это его огорчило. Он скончался, твердя ваше имя». — «Так вы сестра моего почтенного наставника! А это?» — сказал я, указывая на женщину, которая шла подле нас, тихо рыдая. «Это дочь моя, его крестница и ученица, теперь совершенная сирота: я ей не подпора!» Мы подошли между тем к могиле, опустили гроб при молитве священника, при пении монахов и при общих рыданиях. Покрыв хладною землею останки друга, мы воротились в город.

Я шел за сестрою покойного, сам не зная для чего. Она остановилась с дочерью у одного бедного дома и спросила, не хочу ли я посетить ее на минуту. Я согласился; мы вошли в комнаты, убранные не богато, но чисто и со вкусом. «Антигона! — сказала старушка дочери. — Помогите мне принять нового гостя». «Антигона? — подумал я. — Это она — невидимка». В эту минуту они сняли с себя покрывала. В матери увидел я женщину почтенного вида, как казалось, кроткую и добродушную, когда же обратил глаза на дочь, узнал мою незнакомку. Мечта моя осуществилась: Антигона была действительно та самая девица, которая красотою своею поразила меня в церкви. Я смутился. Хозяйки мои приписали это застенчивости, стали говорить со мною, старались ободрить. Я оправился, вслушался в их речи, стал отвечать и чрез час познакомился с ними, как будто знал их несколько лет.

Вскоре узнал я все подробности их состояния и жизни. Мать была вдова художника, умершего, когда Антигона едва начала себя помнить. Дядя взялся за воспитание племянницы и, преподавая ей уроки в первоначальных знаниях, заметил в ней необыкновенные дарования и способности. Это родило в нем желание воспитать племянницу как бы племянника, познакомить ее с высшими науками, с языками и литературою древности. Антигона училась охотно и прилежно, радовалась своим успехам, ибо они восхищали ее благодетеля, но не догадывалась, что познания ее редки и необыкновенны в женщине, и потому сохранила скромность, смирение, кротость своего пола; твердя стихи Гомера и Софокла, готовила умеренный обед своего семейства и пела строфы Анакреона¹² как обыкновенные народные песни. Старик дядя жил в одной с ними квартире, имевшей выходы на две улицы. Приходившие к нему поутру не догадывались, что он живет в семействе. Вечером уходил он в другую половину дома и занимался обучением Антигоны.

Чрез два года я сочетался браком с Антигоною. Не стану говорить вам, как я был счастлив, счастлив несколько лет: на это не станет у меня слов. Дядя не соглашался на брак мой, готовя меня в духовное звание, и, когда узнал, что я женился, написал ко мне, чтоб я не ожидал от него никакого пособия, что он предоставляет меня судьбе моей... судь-

бе моей! Мать моей жены в том же году скончалась. Нам нечего было делать в Павии. Один университетский товарищ, родом португалец, пригласил меня к себе, в Лиссабон, обещая доставить мне хорошее место. Мы туда отправились. Я поступил в службу под начальство министра Помбаля¹³, одного из величайших государственных мужей истекающего столетия. Досужие часы проводил я в беседе моей Антигоны, в занятиях науками. Бог даровал нам двоих детей. И ныне, по истечении полувека с того времени, каждый день, отходя ко сну, я молю Неисповедимого Подателя благ душевных воскресить для меня в мечте дни молодых лет: иногда молитва моя бывает услышана, и это случается только тогда, когда в течение дня мне удалось сделать что-либо доброе, укротить в сердце чувство самолюбия или нетерпения, помочь ближнему. Тогда переношусь я во сне в Лиссабон; сижу в саду моем, под тению каштанов; подле меня сидит Антигона. Антонио трехлетний играет у ног наших. Елена у ней на руках.

Алимари при сих словах затрепетал всем телом, слезы навернулись у него на глазах, голос его пресекался. Кемский взял его за руку с выражением сердечного участия — и сам заплакал.

— Что ж с ними сделалось? Где они? — спросил он.

— Первого ноября пятьдесят пятого года¹⁴, — продолжал Алимари, — я был счастливейшим человеком в мире, но какое-то мучительное волнение, как бы предчувствие несчастья волновало грудь мою. Воздух в тот день был необыкновенно тяжел. Густые тучи носились над Лиссабоном. Зловещие птицы хриплым криком предвещали жестокую бурю. Я лег спать в ожидании какого-то неизвестного бедствия. Страшные мечты вскоре разбудили меня. Проснувшись, вижу Антигону: она стоит на коленях пред распятием и, заливаясь слезами, усердно молится.

«Что с тобою, друг мой?» — спросил я в беспокойстве.

«Мне страшно! — сказала она. — Хочу подкрепить и успокоить себя молитвою!»

Я хотел было отвечать ей, но вдруг ужасный грохот и треск на улице изумил и ужаснул меня.

«Что это?» — закричала с трепетом Антигона и кинулась к спящим детям.

Я набросил на себя платье и поспешил выйти из дому. На улице, полной уstraшенного народа, раздавались вопли ужаса и отчаяния. Земля колебалась под моими ногами, стены огромных зданий падали, как карточные домики, и давили людей под собою. Ночь была темная. Гром небесный вторил подземному грохоту. Молнии ежесекундно освещали картину опустошения. Сделав несколько шагов по улице, я обратился назад к своему жилищу, но уже бездонная пропасть отделяла меня от моих. Я стоял в двадцати шагах от своего дома, в мертвенном оцепенении, сам не зная, где я и что со мною делается. Вдруг сверкнула молния: Антигона стояла у окна, держа на руках детей; увидев меня, она закричала: «Прости навеки!» Еще молния — и я видел, как дом мой рухнул в бездну. Я чувствовал, что на меня посыпались камни, и больше ничего не помнил. На другой день, рассказывают, меня выгнали из-под груды камней. Не знаю, что происходило со мною с того времени. Я очнулся, как говорил вам, чрез год после того, в Бадахосе — на руках добрых монахов, одинокий сирота, забвенный в мире. Я пошел в Лиссабон; на том месте, где был дом мой, лежали груды камней. Всё исчезло навеки.

— И вы остались живы? — спросил Кемский.

— Живу, ибо так угодно Создавшему меня; живу и жизнью стараюсь заслужить место подле жены и детей моих.

— И вы не находите в этом случае, что судьба жестоко поступила с вами, что она с адским злорадством погубила невинных, а вас пощадила, вам дала долголетие, чтоб ежедневно возобновлялись в вашем сердце мучительные воспоминания! И вы не клянете часа своего рождения?

— Нет, — отвечал Алимари тихо и протяжно, — ежедневно благословляю и благодарю Провидение: оно знает, что делает. И чем долее живу, тем тверже, усладительнее, утешительнее становится во мне мысль о премудрости, правосудии и благодати Божиих и в самых грозных для человека явлениях. Признаюсь, иногда возникал в душе моей ропот на непостижимость судеб человеческих, но он утихал при первом взгляде моем на этот свет, при помышлении о таинственности духовного мира.

В ту ночь, которая разрушила всё мое земное счастье, одна великая государыня, великая в женах, Мария Терезия, дала жизнь принцессе, рожденной со всеми правами и надеждами на счастье в мире¹⁵. Я был свидетелем торжественного въезда Марии Антонии в Францию¹⁶, неоднократно видал ее и посреди великолепного двора, и в простом одеянии помещицы трианонской,¹⁷ и при взгляде на нее не мог удержаться от тайного трепета, от тайного негодования на судьбу, в одно и то же мгновение отнимающую у одного человека всё — и всё дающую другому. Но потом, когда душевные страдания, все жесточайшие удары судьбы посыпались на эту несчастную принцессу, когда она сведена была с трона в темницу, лишилась супруга, разлучена была с детьми, когда в одну ночь поседел ее волосы и на другой день она взошла на эшафот, — тогда в растерзанной страданиями ближних душе своей я принес покаяние Господу, что дерзал роптать на Него, видя счастье, возникшее в один день с моими страданиями, и благословил невидимую десницу, меня покаравшую.

— Удивляюсь вашей твердости, вашей покорности судьбе, — сказал Кемский, — но не постигаю, как можно пережить тех, для кого мы жили в мире. Для меня, в нынешнем моем положении, смерть, и самая мучительная, была бы благодеянием. Что мне осталось в мире?

— И русский спрашивает об этом? — сказал с жаром Алимари. — У вас осталось отечество, и в отечестве вашем люди, достойные вашей любви, вашего попечения.

— Отечество! — возразил Кемский. — Где оно? Я пленник, на чужбине, может быть, осужден несколько лет томиться в неволе. И что отечеству во мне! Я отжил век свой!

Алимари хотел возразить, радуясь, что Кемский начал спорить, — знак, что раны сердца его заживают.

В это время постучались у дверей, и на отзыв Кемского вошел французский офицер, держа в руках шпагу с русским темляком.

— Вы ли поручик князь Кемский? — спросил он учтиво.

— Я, сударь. Что вам угодно?

— Республика Французская заключила мир с империей Российской. Первый консул, чтя вашего императора, уважая храбрость русских, возвращает всем пленным свободу¹⁸. Я прислан сюда для извещения об этом пребывающих здесь офицеров. Вот ваша шпага; примите ее из рук недавних врагов ваших, умеющих чтить воинские доблести. Всё приготовлено к вашему отъезду. Вы можете ехать в свое отечество когда угодно.

Изумленный Кемский, взяв в безмолвии шпагу, не знал, что отвечать. Офицер поклонился и вышел.

— Верите ли теперь, что есть Провидение, которое посреди жестоких испытаний указывает нам путь долга и чести? — сказал Алимари.

— Верю! — воскликнул

Кемский
и бросился
в объятия друга.

КНИГА ТРЕТЬЯ

XXXVI.

С.-Петербург,
1816 [г.], июль

Запыленная дорожная бричка остановилась у Московской заставы¹. С козел соскочил безрукий денщик и отправился в караульню с подорожною. Через несколько минут он вышел, вскочил опять на козлы, и унтер-офицер закричал часовому: «Подвысь!»² Бричка влетела в Петербург и застучала по мостовой. У Обухова моста³ повернула она направо по Фонтанке, и, когда доехала до Аничкова моста⁴, сидевший в ней приказал остановиться. Денщик сошел с козел, отпер дверцы и помог выйти из брички человеку лет под пятьдесят, в мундирном сюртуке и фуражке. На лице его начертаны были страдания многих лет; глаза светились темным огнем безотрадной старости; левая, израненная рука была подвязана; на левую же ногу он прихрамывал. Вышед из брички, он снял фуражку и перекрестился. Ветер поднимал редкие черные с проседью волосы на челе его.

— Ступай с экипажем в трактир «Лондон»⁵, — сказал он денщику, — а я прибреду туда кое-как пешком.

— Да не устанете ли, ваше сиятельство? — спросил денщик, с участием поглядывая на его хроющую ногу.

— Так возьму извозчика, — отвечал кротко князь Кемский. — Да здесь и не устанешь: посмотри, какую аллею насадили для меня, увечно-го, посереде проспекта⁶.

— Как изволите! — сказал Силантьев, взобрался на козлы и закричал: — Пошел прямо!

Князь не последовал за экипажем, а пошел по левой стороне проспекта, от моста к Литейной улице, считая дома: первый — старый знакомец времен Петра Великого, второй, вот и третий⁷. Но третий дом был уже не тот, которого искал наш странник. За двадцать лет пред сим стоял тут небольшой зеленый деревянный домик, принадлежавший русскому серебрянику; теперь на месте его возвышались огромные палаты⁸. Князь вздохнул тяжело. «И следу не осталось тех мест, где я был так счастлив!» — сказал он про себя и опять обратился к мосту.

Разнообразие и новость предметов, казалось, развлекали и облегчали его тяжкие думы и горестные воспоминания. «Вот Аничковский дворец, — говорил он про себя, — как он теперь чист, красив, великолепен: за семнадцать лет оставил я его почти в совершенном запустении. А сад!⁹ Какое это странное, широкое здание посреди двора? Это должен быть театр¹⁰. На полуразрушенной стене уцелела еще колоннада, написанная Гонзагою¹¹, а вот и маленький храмик правосудия, с греческою надписью! Гостиный двор — старый знакомец, но исчезли низенькие, безобразные шляпные лавки, теперь на их месте великолепный портик¹². На месте Казанского собора, здания простого и ветхого, возвышается новый храм с величественным куполом и колоннадою». Но каким образом странник наш очутился у Казанского собора, не переходив чрез Казанский мост, крутой, тесный, грязный? Мост исчез или, лучше, превратился в широкий проезд над Екатерининским каналом¹³, едва приметною выпуклостью изменяющий своду над водою. Прекрасный старинный дом графа Строганова¹⁴ на том же месте, но за Полицейским мос-

том, который из зеленого деревянного превратился в чугунный с прекрасною балюстрадаю¹⁵, между Большою и Малою Морскими, где были деревянные заборы, возвышаются великолепные дома в пять этажей¹⁶. А Адмиралтейство? Вот оно. Уцелел только прекрасный шпиль его, главное же строение, низкое, небеленое, похожее на фабрику, преобразилось в здание величественное, оригинальное¹⁷. Валы исчезли; рвы засыпаны, и на месте их красуются тенистые аллеи.

Не одни улицы, не одни дома сделались чужды бедному пришельцу! Ему казалось, что он перенесен на край света: везде раздаются звуки родного языка, но выражение встречающихся ему лиц иное, чуждое, незнакомое. Семнадцать лет — половина поколения! Бывало, не мог он пройти двадцати шагов, не встретив знакомого, приятеля, сослуживца. Теперь он прошел вдоль всего проспекта, не увидев приветного лица. В раздумье воротился он опять на аллею за Полицейским мостом и сел на скамью. Мимо его мелькали пешеходы. По улице мчались экипажи. Шум оглушал непривычного к городскому волнению. Он встал и хотел отправиться домой; вдруг ватага молодых, хорошо одетых людей его окружила.

— Забавен! — сказал один из них, смотря на него в лорнет.

— Что за костюм! — вскричал другой. — Позвольте спросить, — оборотясь к Кемскому, — кто шьет на вас? Буту, Люйлье, Фромм, Зеленков?¹⁸ Mais il est délicieux!*

— Оставьте меня в покое, — сказал Кемский с досадою.

— Сперва отвечайте на мой вопрос! — закричал молодой человек.

— Ответы бывают различные, — сказал Кемский равнодушно по-французски, поглядывая на свою трость с костыльком.

Французская фраза, произнесенная чисто, правильно и решительно, подействовала на негодаев. Один из них, военный, как казалось, посоветовал прочим оставить утрюмого старика в покое. Они засмеялись, чтоб скрыть свое замешательство, и пошли. Кемский поплелся вслед за ними и вскоре потерял их из виду. «Я, по крайней мере, этого не за-

* Но он восхитителен! (*фр.*)

служил, — думал он про себя, — в молодости моей я всегда уважал старших, а смеяться над изувеченным воином — это уж никак не простительно!»

При восходе на Полицейский мост он, заглядевшись в сторону, столкнулся было с двумя молодыми генералами, шедшими к нему навстречу. Помня недавнее приключение, он спешил отойти в сторону, но каково было его удивление, когда молодые люди, с внимательным и ласковым на него взглядом, посторонились сами и, дав ему пройти, на воинское его приветствие отвечали учтиво, как будто старшему по службе. Кемский заметил, что они пристально смотрели и на Георгиевский крест его, и на следы тяжелых ран. Он остановился и глядел вслед за ними. Народ пред ними расступался; прохожие останавливались и снимали шляпы. Кемский догадался, с кем встретился случайно¹⁹, и усладительное чувство проникло в его осиротелую душу. Волнуемый различными ощущениями и помыслами, он добрел до трактира, где Силантьев, привычный к дорожной жизни, уже нанял для него квартиру и сделал все приготовления к его принятию.

XXXVII.

После обеда Силантьев отправился разведать, где живет Алевтина Михайловна, и узнать, когда можно ее видеть. Он воротился с ответом, что ее превосходительство, госпожа действительная статская советница баронесса фон Драк изволит квартировать в Большой Садовой улице¹, но ныне, по летнему времени, имеет пребывание на даче, на Аптекарском острове². Его же превосходительство, барон Иван Егорович, ежедневно по утрам, с десяти до двенадцати часов, изволит приезжать в городской дом для приема просителей. «Баронесса? Барон? — думал про себя Кемский. — Откуда эти титла? Фон Драк — не помнящий родства немец, и фон приклеен к его прозвищу по ошибке³ пьяного полкового писаря при определении его на службу. А теперь он и барон! Вероятно, опять какая-нибудь ошибка. Славятся же некото-

рые книги одними печатками: так почему же и словесной твари не почерпнуть славы из того же источника?»

На другой день Кемский поплелся пешком, в сюртуке, к новому барону. На вопрос его, приехал ли его превосходительство, швейцар отвечал грубо:

— Ступайте вверх.

Первый признак худого приема! Привратник бывает обыкновенно представителем обхождения и нрава господского: Кемский замечал неоднократно, что швейцары вельмож благородных, кротких и учтивых отличаются вежливостью, предупредительностью; привратники надутых, спесивых и грубых сатрапов только барину своему уступают в дерзости и нахальстве. Он поднялся по великолепному крыльцу и вошел в большую приемную залу.

Человек пятьдесят просителей, в том числе и несколько женщин, ждали восхода ясного солнышка. Один сидел на стуле, устремив неподвижные глаза в паркет, другой смотрел на потолок, третий разглядывал картинки на стенах, заимствованные из басен Езоповых: здесь волк душил овцу; тут лисица лакомится осиротевшими птенцами; там осел лягает больного льва⁴. Иные зевали, расхаживая по зале и переминая в руках прошения и записки. Кемский обратился было к слуге с просьбою доложить барину.

— Извольте подождать, сударь! — отвечал холоп с сердцем. — У нас и генералы в звездах по часам дожидаются.

«Что делать, — подумал Кемский, — подожду и я».

Он сел в углу комнаты на порожний стул и сделался невольным слушателем разговора двух просителей.

— Вот уже четыре недели, — сказал один, вздыхая, — что я дежурю здесь по два раза в неделю, а не могу добиться толку. Генерал принимает просьбы, обещается исполнить и только передает бумаги своему правителю дел, а у этого всё пропадает.

Другой. Нельзя понять, как господин барон мог ввериться такому негодяю, как этот гнусный Тряпицын. Невежда, безграмотный, взяточник, обманщик, а начальник этого не видит.

Первый. Эх, батюшка! Видно, вы не знаете в подробности здешних обрядов. Тряпицын держится милостью генеральши. Грешно сказать, чтоб Иван Егорович сам взял с кого-либо копейку, а между тем дом его как полная чаша. Барыня его дает обеды и балы; один сынок метит в камер-юнкеръ⁵, другой офицером в гвардии; дочке приданое, сказывают, припасли изрядненькое. Тряпицын дерет с живого и с мертвого и платит ее превосходительству кварту с аренды⁶. С некоторого времени казалось было, что он приутомился. «Слава богу! — заговорили все. — Видно, вдоволь насосался». Да не прошло полугода, как он опять начал давить челобитчиков без милосердия. Причина тому, говорят, вот какая. У генеральши брат, человек богатый, уже несколько лет обретається в походах. С год тому назад пришла весть, что он взят в плен и убит черкесами на Кавказской линии⁷. Сестрица и бух просьбу в суды о введении ее во владение. С кредитом Ивана Егоровича и умом Якова Лукича нетрудно уладить и не такое дельцо. Справили и отказали за нею. Вдруг чрез несколько месяцев получили известие, что братец ее был в плену, да освобожден. А между тем она, в надежде будущих благ, начала было жить и кутить не в свою голову, позадолжалась. Что делать! Вот и предписали Тряпицыну усугубить усердие к службе, а для поощрения представили к награде. Я было сладил с ним одно дело, и довольно сходно, а на другой день он заломил такую сумму, что мне невольно пришлось, и я решился прожить здесь долее, чтоб обождать время: авось-либо спустит. А вы, сударь, также за делом извольте сюда ходить?

Другой. За делом, но не за тяжбыным. Я служил под начальством барона в Вятской губернии, вызван был сюда для перемещения в другую должность — и вдруг нечаянно лишился места.

Первый. Как же это, батюшка?

Второй. А вот как. Однажды прихожу я к Тряпицыну в канцелярию и, не застав его, дожидаюсь. В это время собрался у барона какой-то комитет, в котором он председателем. Прибегает от него в канцелярию дежурный за правителем дел. Отвечают: нет его! Прибегает вторично и спрашивает, нет ли в канцелярии кого из чиновников. Нет, кроме писцов и такого-то приезжего, то есть меня. Прибегает в третий раз:

пожалуйте хоть вы, генерал просит! Я пошел. Барон вертелся на председательском месте в отчаянии. «Сделайте одолжение, — сказал он мне жалобным голосом, — помогите нам в беде. Мы сегодня же должны представить начальству донесение о важном деле. Донесение и написано, но оно у правителя дел, а его отыскать не могут. Потрудитесь написать. Вот все материалы». Он вручил мне кипу бумаг. Члены посторонились за столом. Я посмотрел в дело, оно было мне знакомо. Я сел и набело написал требуемое донесение. Прочитал, и все были довольны. В это время явился и Тряпицын, держа в руке своей проект донесения. «Уж не нужно», — сказал один из членов. «Как не нужно?» — спросил Тряпицын, грозно взглянув на барона. «В самом деле, господа, — сказал фон Драк, — я думаю, лучше будет подписать донесение, сочиненное Яковом Лукичом: он и дело это знает основательнее, и притом он отличный стилист». «Как изволите, — сказал член, — послушаем». Тряпицын начал чтение. «Не то! Не то!» — закричали члены. «Выслушайте же до конца», — возразил барон. Выслушали и громче прежнего возопили: «Не то! Не то! Это сущий вздор и бессмыслица. Подпишем прежнее: оно коротко и дельно». «Очень хорошо!» — сказал фон Драк и наклоном головы дал мне знать, что я могу выйти. Не знаю, что за этим происходило, только на третий день я получил уведомление, что уволен из-под начальства барона с самым сухим аттестатом. Я решился искать правосудия, и во что бы то ни стало...

— Ст! ст! — раздалось в зале.

Все сидевшие просители привстали, ходившие остановились. Растворились двери из передней, и появился Тряпицын. Он прошел важно, пыхтя и кряхтя, в кабинет барона и не отвечал на поклоны и умильные взгляды челобитчиков. Кемский едва узнал его: он растолстел до невероятности; широкий подбородок покоился на узеньком галстухе; красный нос свис на губы, безвласое чело лоснилось; ноги едва передвигались. Жадность, бессовестность, шампанское и подагра наложили на него тяжелую печать свою. Шествие его по зале, подобно течению грозной планеты, расстроило прежний порядок. Толпы расступились, разго-

варивавшие умолкли: взоры всех устремились на таинственные двери кабинета.

Ожидание было не слишком продолжительно: вскоре двери распахнулись, и оттуда вышел размеренными, важными шагами барон Иван Егорович фон Драк, напудренный, во фраке со звездой. Кемский с трудом узнал его: казалось, что он в течение семнадцати лет вырос, лоб его лоснился, подбородок и нижняя губа высунулись вперед; один зуб, оставшийся в нижней челюсти, как Лотова жена в пустыне⁸, подпирал верхнюю губу; неопределенные в прежнее время черты лица преобразовались в решительные морщины, видимо напечатлевавшие на лице клеймо: «Дурак». Он важно поклонился собранию и начал принимать просьбы.

Всякому безмолвному просителю он улыбался довольно приветливо, брал бумаги, развертывал, представлялся, будто читает, хотя по большей части держал их низом вверх, и потом отдавал провожавшему его дежурному. Не так милостиво поступал он с теми челобитчиками, которые дерзали сопровождать подание бумаги словесным объяснением или являлись с изустными просьбами. Подбородок его задрожит, удивленный зуб забьет в верхнюю губу, нос покраснеет, и нетерпение изольется из уст в самых неучтивых выражениях. Проситель, обыкновенно, поклонится и замолчит. Но не все были так скромны: некоторые непременно домогались, чтоб барон их выслушал и понял. В такой крайней беде фон Драк останавливался и, обратясь к дверям кабинета, жалобно вопил: «Тряпицын!» Тряпицын, стоявший дотол в дверях и разговаривавший с раболепными чиновниками и важнейшими просителями, иногда явно насмехаясь над своим начальником, подходил к нему медленно и принимал объяснение на себя, а освобожденный барон подвигался далее.

Кемский, боясь своим неожиданным появлением расстроить аудиенцию и тем причинить неудовольствие многим беднякам, дожидавшимся с самого раннего утра, отступал далее и далее и старался не слушать речей своего зятя, но наконец невольно принужден был сделаться зрителем свидетелем и слушателем.

Одна женщина, подав бумагу, присовокупила изустно, что она и семейство ее разорены пожаром, что муж ее болен и пр.

— Пожарный случай? — сказал фон Драк. — Что ж я могу для вас сделать? Всё это произошло на основании законов и по распоряжению местного начальства.

— Да у нас нет насущного хлеба! — продолжала она жалобно.

— Я вам повторяю, — сказал он с досадою, — что я не вижу в сем обстоятельстве никакого нарушения существующих постановлений и помочь вам не могу. А вы что опять? — вскричал он, обратясь к молодому человеку. — Чего вы еще хотите?

— Прошу ваше превосходительство возвратить мне мое место, которое я с честью занимал пять лет.

— Какое место?

— Я был контролером при департаменте, могу еще служить — и вдруг меня перечислили в архив⁹. За что это?

— За неповиновение начальству, — сказал фон Драк важным голосом, — вы явно противоречили коллежскому советнику¹⁰ Тряпицыну. Я не терплю своевольства: повинуйтесь начальникам или ступайте куда угодно.

— Генерал прав, — пробормотал второй из прежних собеседников.

— Да знаете ли, в чем состояло неповиновение этого чиновника? — спросил шепотом первый. — Он не хотел жениться на падчерице Тряпицына, бывшей за три года пред сим у отца его прачкою.

Фон Драк мало-помалу дошел до Кемского и, взглянув на его подвязанную руку, на Георгиевский крест, закричал с гневом:

— Оставьте меня в покое! У меня нет для вас места. На то учрежден Комитет восемнадцатого августа!¹¹

Кемский, не ожидавший такого родственного приветствия, несколько времени не мог опомниться и, когда зять его подошел уже к другому просителю, сказал ему тихо:

— Иван Егорович! Вы меня не узнаете?

Фон Драк, послышав знакомый голос, остановился как громом пораженный, пристально поглядел на князя и, побледнев, закричал:

— Тряпицын! Тряпицын! Это он!

Тряпицын, услышав трепещущий голос своего покровителя и питомца, подбежал и, взглянув на Кемского, остолбенел.

— Я не к Тряпицыну пришел, — возразил Кемский. — Иван Егорович! Извольте кончить прием, а потом, прошу вас, свезите меня к сестре!

Тряпицын отретировался в кабинет, а Иван Егорович, ни живой ни мертвый, продолжал начатое дело.

XXXVIII.

Никакая кисть не изобразит того смешения изумления, испуга, злобы и лицемерия, которое мгновенно овладело Алевтиною, когда князь в сопровождении фон Драка вступил в гостиную ее загородного дома. Чтобы скрыть душевное волнение, яркими чертами изразившееся на лице ее, она кинулась обнимать и целовать его.

— Братец, голубчик, ангел мой! Наконец услышал Бог мои молитвы: ты жив и невредим, после таких трудов и страданий! — кричала она, рыдая; потом, воскликнув: — Умираю! — бросилась навзничь в кресла и в самом деле побледнела как мертвая. Явились прислужницы, стали спрыскивать, оттирать ее, и она чрез несколько минут очнулась. Кемский хотел быть равнодушным, хладнокровным, но искусные маневры Алевтины сбили его с толку: он невольно принял участие в ее положении и старался помочь ей, утишить ее волнение. И она, заметив успех своей роли, мало-помалу пришла в обыкновенное положение, усадила брата на софу, стала расспрашивать о его житье-бытье, рассказывать ему о своих детях, о кончине незабвенной матери и т. п. Слабый и чувствительный Кемский разжалобился ее повестью, слушал ее внимательно и с участием и почти забыл, что сидит подле злодейки всего своего рода и племени. Иван Егорович сидел в той же комнате, молчал и удивлялся уму, ловкости и присутствию духа жены своей. «И Яков Лукич струсил, — думал он про себя, — а она — как ни в чем не бывало — дока! Дока!»

Алевтина не умолкала в похвалах своим детям и только жалела, что не может тотчас представить их дражайшему дядюшке: Гриша в канцелярии министра, Платоша на разводе.

— Позовите же Китти! — сказала она вошедшему в комнату человеку. — Я думаю, уроки уже кончились.

«Что это за Китти?» — подумал Кемский.

— Не поверите, милый братец, — продолжала Алевтина, — как меня радует моя Китти! Скромная, благородная, страстная к занятиям, наукам, ненавидит шумные общества...

Растворились двери, и вошла Китти, то есть Катерина Сергеевна Элимова, в загородном неглиже на английский манер: талья низкая и плотная, юбки короткие, на ногах ботинки, на голове пуховая шляпа, в правой руке хлыстик. Вместе с нею вбежала с ужасным лаем английская охотничья собака¹. Алевтина встала и с замешательством пошла к ней навстречу:

— Наконец дождались мы, милая Китти, дорогого нашего друга, твоего дядюшки. Вот он! Вот любимец моего сердца! И если ты любишь мать, то будешь любить и того, кто ей дороже всего в жизни!

Кемский подошел к племяннице и дружески ее приветствовал. Она поморщилась и пробормотала что-то сквозь зубы по-английски.

— Извини, милая Катерина Сергеевна, — сказал он. — Я не говорю и не понимаю по-английски.

Она улыбнулась насмешливо и сказала:

— Я говорю, что имею большое удовольствие видеть почтенного дядюшку! — и небрежно кинулась на диван.

Алевтина и Кемский сели на прежние места и тщетно искали предметов для разговора. Он между тем рассматривал племянницу: стройная, ловкая, слишком ловкая, резкая в движениях, без всякой грации; лицо правильное, бледное, с выражением гордости, суровости и насмешки. Она повертывала хлыстиком, хлестала им слегка собаку, приговаривая по-английски: «Oh! You pretty creature!»*

* Ах! Что за прелестное создание! (англ.)

Алевтина была в крайнем смущении и старалась как-нибудь завести разговор.

— Где сир Горс? — спросила она наконец.

— Вы меня выводите из терпения! — закричала дочь с гневом. — Тысячу раз я говорила вам, что у нас так не говорят: слово «сэр», а не «сир», присоединяется к имени, а не к фамилии: сэр Уиллиам, а не сир Горс².

— На старости трудно привыкать к новым языкам и манерам, — отвечала Алевтина, краснея от стыда и досады³.

Кемскому стало жаль сестры, но он вспомнил, как дерзко она сама в молодые лета насмеялась над своею матерью, которая не умела говорить по-французски. «Правосудие небесное! — думал он. — Свет перемениет мундир, а в существе остается тот же. В молодости мы чванились пред стариками французским болтовством; теперь наши дети вымещают это языком английским, а их чем накажут внуки? Пожалуй, еще персидским или арабским!» Разговор томился. Все глядели друг на друга с недоумением и робостью.

— Надеюсь, вы будете сегодня у нас обедать? — сказала Алевтина. — Мне хотелось бы представить вам сыновей моих.

— С удовольствием, — отвечал Кемский, — а теперь позвольте мне прогулять у вас за городом. Я лет двадцать не видал здешних мест.

Хозяева его не удерживали. Он вышел из дому, теснимый тяжелым чувством, и в раздумье шел, сам не зная куда. «И вот те люди, которым я должен оставить отцовское свое наследие! — думал он. — Алевтина не стоила моей дружбы. Она... — Тут мелькнула в уме его черная полоса. — Но я надеялся найти что-нибудь в ее детях; надеялся, хоть на старости, увидеть людей, близких мне по родству, близкими и по сердцу. Посмотрим, что будет далее. Но я не предвижу ничего хорошего...»

Стук каретный прервал его размышления. Он поднял глаза и увидел, что находится на Большом Каменноостровском проспекте⁴. Широкая мощеная дорога пролегает между великолепными дачами и милыми сельскими домиками. Этого не было здесь в его время. Но где та роща, березовая и сосновая, в которой он иногда прогуливался

с приятелями? Исчезла. Место ее — большая равнина, на которой изредка поднимаются отдельные деревья, — обнесено красивым забором. «И то было хорошо — в свое время!» — подумал он. Вышед на берег Невы, он очутился на прекраснейшем мосту, какой только случалось ему видеть⁵. Легкая филаграмовая⁶ арка перегибается линией красоты чрез быструю Неву. Он взошел на мост — пред ним открылась очаровательная картина: с одной стороны дачи по обоим берегам Невы, и в числе их старый знакомец, алый дом барона Колокольцева с резным бельведером;⁷ вдали Крестовский остров⁸. С другой стороны влево — прекрасный Каменноостровский дворец⁹, пред ним две яхты и фрегат; направо — чья-то прелестная дача на островку — белый дом, опушенный густою зеленью;¹⁰ прямо — сад Строганова¹¹ и знакомые желтью каменные ворота. Наглядевшись на эту очаровательную панораму, Кемский сошел с мосту и повернул направо мимо дворца.

Вокруг дома государева господствовала тишина. Всё дышало порядком, чистотою, спокойствием. Простота жилища усугубляла уважение к хозяину. За воротами сада, идущими к Неве, Кемский увидел мост, перешел — и очутился в Строгановом саду, где бывал *с нею*. Поднялся ветерок. Листья деревьев зашумели: в густом кустарнике что-то зашевелилось и опять умолкло. В саду было тихо и уединенно. Дом графский заперт, но всё в прежнем виде: Геркулес и Флора по сторонам крыльца, Нептун посреди пруда¹², ветхий мостик с березовыми перилами, моховая пещера, Гомерова гробница¹³. Вот и Черная речка¹⁴. На другом берегу ее жизнь и движение. Рядом красуются чистенькие домики. Группы гуляют по берегу. Дети резвятся...

XXXIX.

В час обеда Кемский воротился на дачу фон Драка. В гостиной были Алевтина, муж ее, дочь, Тряпицын и несколько человек, ему неизвестных. Алевтина между тем успела собраться с духом и приняла брата еще с большею твердостью, нежели утром.

— Grégoire, Platon!* — громко сказала она сыновьям своим. — Présentez donc vos respects à votre oncle!**

Два молодые человека, один статский, другой военный, отделились от толпы и подошли к Кемскому. Он хотел пойти к ним навстречу и вдруг остановился, узнав в них тех самых молодых людей, которые вчера атаковали его на бульваре. И они его узнали. Старший, Григорий, более другого виноватый, побледнел было, но скоро оправился, улыбнулся насмешливо, закусил губу и небрежно поклонился. Младший, Платон, тот самый, который удерживал своих товарищей от шалости, бросился на шею Кемскому и с жаром обнял его.

— Наконец дождались мы счастья вас видеть! — вскричал он и залился слезами.

«Добрая душа, — подумал Кемский, — он один мне обрадовался». Минута смущения пролетела. Никто того не заметил.

Пошли к столу. Алевтина подала руку Кемскому и посадила его подле себя. Подле него села Китти, а к ней подсел рябой, бледный, рыжий англичанин, ньюмаркетская конская физиономия¹. С левой стороны сидели сыновья Алевтины и другие молодые люди. Иван Егорович с своим причтом расположился на противоположном конце стола. По правую руку от него сидел Тряпицын, по левую — домашний доктор, род коновала. Всего сидело за столом человек четырнадцать. Кушанье и вина были отборные, сервированы со вкусом и великолепием. Разговор сначала тянулся медленно, но после третьего блюда пошел быстрее.

— Что нового в свете? — спросила Алевтина чрез стол у Тряпицына.

— Важного нет ничего, ваше превосходительство, — отвечал Тряпицын, — только получено известие о кончине бывшего министра юстиции, действительного тайного советника Гаврила Романовича Державина².

— И Державин умер! — с унынием сказал Кемский.

— Так точно, ваше сиятельство! Его высокопревосходительство изволил скончаться в поместье своем, в Новгородской губернии.

* Григорий, Платон! (*фр.*)

** Передайте свое уважение своему дяде! (*фр.*)

— Великая, невозвратная потеря! — прибавил Кемский.

— Так вы знали его, князь? — спросил фон Драк, выпучив глаза.

— Я русский, и мне не знать Державина! — отвечал Кемский. — Кто из нас, — обратясь к Григорию Сергеевичу, — не знает наизусть его стихотворений? Не правда ли?

— Меня из того числа исключите, — отвечал Григорий с презрительною насмешкою, — стихи Державина могли нравиться за тридцать, за сорок лет пред сим, но теперь!

— Помилуй, Григорий Сергеевич! Побойся Бога! Много ли таких поэтов в мире, не скажу в России! — примолвил Кемский.

— Точно, точно! — подхватил Платон. — И наш штабс-капитан...

— Так вот из чего биться изволите, — сказал с презрительною усмешкою Тряпицын, — дело идет о стихах! А главное вы забыли: он был действительный тайный советник, александровский кавалер³. Покойная императрица пожаловала ему несколько сот душ, и уж верно не за стихи⁴.

— Он соединял в себе свойства двух лиц: и государственного человека, и писателя. Награждали за одно, чтили за то и за другое.

— Ой уж мне эти господа сочинители! — сказал Тряпицын. — Вот, например, есть у нас в канцелярии...

Кемский прервал его с нетерпением:

— Если вы не понимаете, что значит великий писатель, так извольте молчать.

Все смутились: Алевтина покраснела, фон Драк побледнел, Тряпицын посинел: такого позора не бывало ему давно, и еще в доме его покровителя! Молодые люди не могли удержать смеха, и бесчувственный Григорий улыбнулся.

— Впрочем, — сказал фон Драк, — Яков Лукич прав: господ писателей балуют непомерно. Не знаю, известно ли вам, князь, что одного из них недавно, вопреки указу шестого августа тысяча восемьсот девятого года⁵, произвели без экзамена в статские советники и дали ему Анненскую ленту⁶. Ленту — новопроизведенному статскому советнику, к которому еще накануне того дня надписывали: его высокоблагородию!⁷ — Тряпицын что-то подсказал ему на ухо. — Да, и еще шестьдесят

тысяч рублей чистогану. А что он сделал? Вот наш брат, — поглядывая на Тряпицына, — трудится весь век с крайним опасением, а на старости того и смотри что с голоду по миру пойдет.

Кемский удивлялся красноречию фон Драка: видно было, что его задели за живое.

— Да кто этот писатель? — спросил он.

— Право, запомнил имя, — сказал фон Драк. Тряпицын что-то пробормотал про себя. — Да, да, да! Это тот самый, который написал сказку о Бедной Лизе⁸.

— Карамзин! — воскликнул Кемский с восторгом. — Карамзин, который уже несколько лет занимается сочинением русской истории. Так, видно, он ее кончил?

— Написал и представил государю восемь томов⁹, — отвечал Платон.

— Так это он награжден государем с истинно царскою щедростью! В этом я узнаю нашего императора! Дай Бог ему многие лета!

— Против высочайшего повеления, — продолжал фон Драк, которому Тряпицын служил суфлером, — ни толковать, ни спорить не смею-с, но удивительно, как можно было дать такую награду за восемь томов! Да наш годовой отчет будет и толще, и дельнее!

Кемский не отвечал.

— Однако согласитесь, дядюшка, — возразил Платон учтиво, — что Карамзин испортил русский язык¹⁰. Наш штабс-капитан...

— ...может быть, очень хороший человек, но если он утверждает эту нелепицу, то достоин сожаления! — отвечал Кемский. — Знаете ли вы, в каком детском состоянии был русский язык, как бесцветна была русская литература до Карамзина? Он первый заговорил чистым русским народным языком, и все сердца русские отозвались на его голос. Слог времен предшествовавших был какою-то безобразною смесью условных, чуждых нам оборотов. Нелепая мысль, будто латинский язык есть корень, основание и образец всех прочих, убивала дух языка русского¹¹. Правда, что некоторые писатели и прежде Карамзина пыгались писать по-русски, но решительно начал он первый.

Платон возразил:

— Но штабс-капитан Залетаев утверждает, что Ломоносов...

— ...был гений, оратор и поэт, но не прозаик. Впрочем, это не служит к его унижению: и Лейбниц в свое время не знал, что существует планета Уран¹². Если б вы были свидетелями того радостного изумления, в которое мы, тогдашние молодые люди, следственно, готовы к принятию всех впечатлений, приведены были первыми книжками «Московского журнала»!¹³ Это волнение душевное можно сравнить только с ощущением человека, которому вдруг возвратили зрение или развязали язык! — Кемский, воспламененный предметом разговора, долго не замечал, что проповедует в пустыне¹⁴. Все занимались своим делом: кто ел, кто разговаривал с соседом — никто не слушал. Платон устремил глаза в тарелку, как будто отрекаясь от того, что слышит. Кемский обратил вопросительный взгляд на Григорья; тот посмотрел на него равнодушно, выпил залпом бокал шампанского и, отворотясь, спросил кого-то громко чрез стол:

— Pourquoi avez-vous *quitté* hier de si bonne heure la comtesse, Basile?*

Кемский увидел, что у его сестры обедают как в стойлах: едят, пьют, иногда ржут, но не беседуют, не рассуждают, не думают, и решил следовать домашнему обычаю. Он молчал во всё продолжение стола, размышляя о том, как человек общественный и образованный возвышает и облагораживает душою вседневные, телесные, можно сказать животные свои действия. Чувственное сближение полов становится благородною любовью, союзом священным и угодным небу; темное чувство самки животных, побуждающее ее жертвовать своею жизнью для сохранения жизни детенышей своих, превращается в нежную, попечительную, благотворную любовь родительскую, а ежедневное утоление голода становится трапезою дружбы, семейной и общественной. За обедом и ужином собирается семейство, разделенное в течение дня трудами общественными и домашними: отец в дружеской беседе сообщает семейству свои наблюдения, мнения, уроки; дети дают ему отчет в своих за-

* Почему вы вчера так рано *ушли* от графини, Василий? (*фр.*)

нятиях и намерениях; он слушает их рассказы, поправляет их мнения и толки, указывает на хорошую и слабую сторону их дел, помыслов и чувствований; веселость, возбуждаемая досугом, отдохновением и взаимными шутками, услаждает и сокращает время стола, и душа питается за благоустроенною трапезою не менее тела. Древние язычники только ели и пили. Трапезы любви и дружбы установлены религиею христианскою, и величайшее из таинств ее получило начало свое за вечерею...

Разговор за столом продолжался прежний, бессвязный, отрывистый. Только Китти без умолку толковала по-английски с своим соседом и частенько чокалась с ним рюмкою. Григорий иногда вмешивался в их беседу, и несколько раз у них поднимался спор, в котором большая часть бывших за столом, по незнанию английского языка, не могла принять участия. Наконец встали из-за стола. Кемскому подали трубку; он совестился приняться за нее, но увидел, что почти все молодые люди, в том числе безбородые недоросли, взялись курить;¹⁵ между тем он никак не решался нарушить правила учтивости своего времени и, по указанию Платона, отправился на балкон светелки его во втором этаже. Там, смотря на прекрасную Неву, опущенную густою зеленью, он с горестью размышлял о виденном и слышанном...

Когда он часа через два сошел вниз, гостиная наполнена была множеством разнокалиберного народу. Шесть карточных столов заняты были ревностными игроками, между которыми отличалась Алевтина жаром и бранчивостью. В числе игроков было человек шесть пожилых людей, все прочие — люди молодые, но эти последние были самыми усердными и страстными игроками. Молодые дамы и девицы сидели в отдельной диванной и перешептывались между собою. Из мужчин были при них рыжий сир Уиллиам Горс, какой-то французик лет в семьдесят и два юнкера. Кемскому стало и жалко, и смешно: он не думал найти такую перемену в нравах и обычаях столицы. В его время молодые люди искали общества дам, старались быть любезными, иногда и чресчур; в карты играли только старики и пожилые люди, а табак курили одни немцы-ремесленники.

— Не составить ли вам партии, братец? — умильно спросила Алевтина.

— Покорнейше благодарю. Вы знаете, я никогда не играл в карты и со времени разлуки нашей не успел выучиться.

— Что ж прикажете делать со скуки? — спросила она.

— Что делать — летом, на даче? — возразил он с изумлением.

— Именно, — отвечала она, — ведь не всё же гулять да гулять. Надобно и поотдохнуть.

— Но что за отдых за картами, — спросил он, — особенно молодым людям? По мне, я бы отучил их корпеть за карточными столами.

— И, братец! Как вы строги. Они играют в коммерческую. Эта игра не разорит имения.

— Да иссушит ум и сердце! Уж по мне, если играть, то лучше в банк:¹⁶ направо, налево! Там будто подобие войны: сердце приходит в движение, кровь кипит, а тут сделаешься карточной машиною, без ума, без толку, без чувства! — Один старик со звездой поглядел на него грозно. — Я говорю о молодых людях, — продолжал Кемский, — люди пожилые пусть отдыхают за вистом.

— Брюзга несносный! — проворчала Алевтина. — Вечно умничал не в свою голову, а теперь сделался еще нестерпимее, нежели когда-нибудь.

Кемский недолго оставался в этом обществе. Ему там было чуждо, неловко, можно сказать, страшно. И хозяева, и гости казались ему если не врагами друг друга, то, по крайней мере, чужими, незнакомыми, неприязненными между собою. Свет и в его время был не слишком откровенен, доверчив и дружелюбен в своих связях, но тогда это взаимное недоверие прикрывалось лоском вежливости и предупредительности. Теперь же, казалось, люди умышленно выказывали презрение ко всем и ко всему. При входе каждого нового лица князь вставал и кланялся, но на его приветствие не отвечали: обыкновенно представлялись, что не видят поклона, иногда пристально смотрели ему в глаза с улыбкою жалости и презрения. Старомодная учтивость его возбуждала в гостях насмешливый шепот, а на лице хозяйки — досаду и смущение. Сначала казалось ему, что его простой, неловкий наряд возбуждает это изъятие высо-

комерия и грубости, но впоследствии заметил он, что и с людьми светскими знакомые их обходятся точно так, что в этом высшем по чинам и богатству обществе учтивость не только не нужна, но и нетерпима!

«Где я? Что я здесь?» — повторял он несколько раз в уме и с стесненным сердцем прокрался до своей фуражки, а там и до дверей. На дворе стояли тесными рядами экипажи. Новоприезжие кучера здоровались с товарищами своими, снимая шляпы, кланяясь и называя друг друга по имени и отчеству.

XI.

Кемский на другой день сидел у растворенного окна своей квартиры и, пуская голубые кольца табачного дыму, наслаждался тихой картиною летнего утра. Солнце поднималось на горизонте, легкие пары редели. На Неве свежий ветерок развевал вымпелы судов, коих мачты поднимались из-за Адмиралтейства. На улицах еще было тихо; изредка слышались клики ранних разносчиков; большой свет еще дремал от вчерашней усталости. Вдруг раздались громкие звуки военной музыки. Кемский выглянул в окно и увидел баталион Измайловского полка¹, идущий к Дворцовой площади. При взгляде на этот баталион, при звуках знакомого марша воспоминания прошедшего затеснились в голове его с той самой точки, в которую он за семнадцать лет пред сим оставил гвардейскую службу.

Он воспоминал, как в такое же прекрасное утро он пустился в Гатчину, чтоб уже не возвращаться под родимый кров. Италия, война, раны тела и души — всё это попеременно воскресало в его памяти.

Он принужден был оставаться за раною в Ницце до самого лета. По возвращении в Россию Кемский, по просьбе своей, был переведен в армейский полк, расположенный на Кавказской линии: он не имел духу возвратиться в Петербург. Там решил он совершенно посвятить себя службе тяжелой, беспрерывной, опасной. Чрез несколько месяцев поручено было ему командование полком, и он в исполнении обязанностей своего звания начал находить себе отраду и облегчение.

Он познакомился в точности с образом войны кавказской, с характером тамошних наших неприятелей, с свойствами русского солдата, переселенного в те воинственные и грозные страны. Изучение это происходило на самом деле. Полк его всегда находился впереди, всегда там, где грозила ему бóльшая опасность. Кемский не страшился смерти, напротив — видел в ней конец своим страданиям. При первом выстреле перекрестится, помолится, вздохнет — и готов умереть. Но меткие пули неприятельские в него не попадали, а если которая, бывало, сдуру и заденет, то не смертельно, не опасно. Офицеры и солдаты с благоговением глядели на своего мужественного предводителя и все наперерыв старались не отставать от него. Вскоре полк Кемского снискал общую славу в войсках Кавказской линии, и, где грозила опасность, где свирепствовала смерть, туда начальники посылали отряды княжего полку — так его называли. Отряды не всегда возвращались из своих экспедиций, но если возвращались, то всегда с победою.

Кемский отказывался лично для себя от всех наград, но ревностно ходатайствовал за подчиненных. Достаточное состояние при ограниченности собственных его нужд давало ему средства помогать своим сослуживцам. Уверенные во внимании и правосудии своего начальника, обеспеченные в жизни, они усердно ему содействовали. И он не ограничивался одним денежным и вещественным пособием: он был их другом и отцом.

Каждого новопоступившего в полк офицера принимал он к себе, стараясь узнать его характер, воспитание, наклонности; укреплял в добре, предостерегал от ошибок, с отеческою нежностью упрекал в слабостях, строго наказывал за умышленные нравственные проступки; строжайшим у него наказанием считался перевод в другой полк. Не довольствуясь образованием и наставлением молодых офицеров, поступавших в полк его прямо из кадет и юнкеров, он возложил на себя обязанность несравненно труднейшую — перевоспитывать молодых и немолодых людей, переводимых к нему в полк за проступки; сколько душ он спас таким образом от гибели, сколько! Сколько возвратил отечеству полезных слуг, которые при жестоком с ними обхождении сделались бы, может

быть, преступниками и злодеями! Пример благородного начальника и достойных товарищей, обращение учтивое и кроткое, совершенное забвение прошедшего, внимание ко всякому доброму делу, ко всякому честному помыслу и человеколюбивому движению — снимало кору с глаз и сердца заблудшего; он становился иным человеком, начинал новую жизнь, иногда и сам не догадываясь, кому этим обязан.

В дикой и пустынной стране, посреди племен иноверческих и враждебных, полк князя Кемского был кочующею колониею людей просвещенных и благородных: он непременно требовал, чтоб все наличные офицеры всегда обедали у него, за столом усаживал подле себя самых неистовых; поддерживал общую беседу и, давая всякому полную свободу говорить что угодно, возражал на мнения ошибочные, изобличал софизмы — иногда шуткою, иногда и нешуточными замечаниями.

Собственным примером, а не запрещением изгнал он из полку карты, невоздержание, разврат. Он завел при полку библиотеку отборных русских книг², заставляя молодых офицеров переводить лучшие места из иностранных историков и военных писателей. Эти переводы, читаемые в кругу офицеров, распространяли их познания, изоцряли рассудок, короче знакомили с военным делом. Плоды сих благородных трудов вскоре оказались: офицеры княжеского полка служили примером всем своим сослуживцам — и храбростью, и образованием, и поведением. Добрые дела Кемского и слава его полка не ограничились пределом русских владений: нередко являлись к нему независимые владельцы ближайших горских племен и представляли на разрешение свои споры. Приговоры его честно исполнялись и правым и виноватым.

Таким образом протекли двенадцать лет. Новый, 1813 год отпраздновал он на штурме Ленкорана³ и был тяжело ранен в левую руку. Едва оправившись от продолжительной болезни, бывшей последствием этой раны, он впал в другое несчастье, еще чувствительнейшее для благородного воина.

В числе офицеров, переведенных в его полк за проступки, находился один молодой италиянец Вестри, прекрасный собою, умный, образованный, ловкий и вкрадчивый. Причиною перевода его в войска завказские была, как он утверждал, несправедливость полкового коман-

дира. Кемский с первого взгляда привязался к этому офицеру: в произношении его было нечто италиянское, напоминавшее ему друга Али-мари.

Осторожный и проницательный в обращении с новичками, Кемский, казалось, в этот раз хотел сделать исключение из своих правил. Вестри сделался постояльцем, поверенным, другом полкового командира и, должно сказать, несколько времени действительно заслуживал доверенность князя, хотя беспрестанное его пребывание у начальника видимо удаляло прежних ежедневных гостей: Вестри не имел дара нравиться всем одинаково и очень искусно умел устранять тех, которые не нравились ему самому. Князь был добр, ласков, снисходителен, гостеприимен ко всем по-прежнему, но это казалось только наружным продолжением старой жизни: дух ее переменялся по водворении у него италиянца, который нечувствительно прибрал в свои руки всю власть в доме. Но заблуждение Кемского не могло быть продолжительным.

Слабодушие поручика Вестри впервые обнаружилось на поле сражения. Долгое время он очень искусно уклонялся от военных действий: умел всегда уладить так, что его накануне, за час и менее пред делом, ушли куда-нибудь с поручением. Однажды был он так несчастлив, что не нашел никакого средства освободиться от дела. Неприятель нечаянно напал на отряд, в котором находился Вестри под начальством батальонного командира.

— Застрельщики, вперед! — закричал подполковник. — Поручик! Ведите их!

Поручик побледнел, как мертвец, сделал было с солдатами несколько шагов вперед, но лишь только завидел пред собою горских наездников, повернул налево кругом и ударился бежать за фронт⁴ при громком смехе солдат. Между тем благоприятный момент был потерян: подполковник принужден был сам идти вперед, с трудом поправил дело и воротился раненый. Не желая огорчить Кемского, он смолчал пред ним о трусости его любимца и запретил прочим офицерам говорить о том.

Вестри не умел ценить великодушия благородных товарищей. Чтoб лучше скрыть свое малодушие, он начал обходиться с ними гордо и дерзко, начал обижать и чернить их пред начальником. Дерзость его дошла

до такой степени, что и доверчивый Кемский стал замечать перемену в его обращении и тоне. Товарищи долго сносили его грубость, но наконец терпение их лопнуло, и однажды за столом у князя подполковник, выведенный из себя одною дерзкою насмешкою наглеца, открыл начальнику в присутствии всех офицеров и храбрый подвиг Вестри, и благородные средства, которыми он старается прикрасить свою трусость.

— Что вы на это скажете? — спросил Кемский у Вестри.

— Это гнусный заговор! — вскричал Вестри, побледнев от злости. — Ваши офицеры согласились погубить меня!

— Докажите! — сказал князь с кротостью.

Доказывать было нечего. После нескольких уверток, оправданий и тщетного отнекивания Вестри должен был признаться, что бежал с поля сражения, но прибавил, что можно быть весьма благородным человеком — и бояться пуль.

— Хотя это и не доказано, — сказал Кемский строгим голосом, — однако положим, что так. Но можно ли быть воином и в то же время трусом? Можно ли носить почетнейшее в государстве титло защитника его и не исполнять своей обязанности! Господин Вестри! Знайте, что в русской армии трусов нет и быть не может. Советую, предлагаю, приказываю вам выйти из военной службы. Я предложил бы вам место у себя по гражданской части, но средства, которыми вы старались оправдаться, и туда заграждают вам путь. Советую вам оставить наш круг как можно скорее.

Вестри не ожидал этого от своего начальника, кроткого и терпеливого. Встав из-за стола, он ударился бежать и чрез несколько часов прислал просьбу об увольнении от службы за болезнию, а между тем сказался больным. Кемский исполнил всё, что требовали от него долг службы и обязанности справедливого начальника, но жестокий урок, который должно было дать при всех офицерах прежнему товарищу и другу, сильно взволновал и огорчил его. Несколько раз порывался он послать за Вестри и просить его, чтоб он оправдался; к счастью, голос строгого рассудка на этот раз заглушил вопль слабого сердца. Но Вестри, Вестри не мог забыть и простить оскорбления и поклялся отомстить бывшему своему благодетелю.

От товарищей своих не ожидал он лучшего обращения и потому не злобствовал на них, но скорая и решительная к нему перемена Кемско-го заронила в пылкой душе его искру смертельной мести. Через несколько недель он отпросился в отпуск, и его уволили охотно. С удалением интриганта очистился воздух: все начали дышать свободнее, прежняя дружественная доверчивость возродилась между начальником и товарищами. Кемский, по удалении духа злобы, увидел все его успехи, увидел терпение, любовь и покорность своих добрых сослуживцев и собственную свою слабость. Он усугубил внимание, ласку, откровенность свою, и в скором времени всё вошло в прежний порядок. Но мщение злодея не дремало.

Через месяц после происшествия с Вестри полк Кемского был послан в экспедицию в горы, где возмутился один князек, бывший дотоле приверженцем России и недавно приставший к стороне врагов ее. Приблизясь к логовищу неприятелей, русский отряд расположился с обыкновенною в таких случаях осторожностью. Все позиции были осмотрены и заняты, в надлежащих местах расставлены пикеты. Ждали нападения. Вдруг, вовсе неожиданно, появился Вестри и объявил командиру в присутствии всех офицеров, что желает загладить прежнюю вину свою и просил дать ему какое-либо поручение. Офицеры не радовались этому быстрому переходу к храбрости. Кемский был приведен в смущение: внезапное прибытие Вестри казалось ему как бы появлением зловещей птицы. Но делать было нечего: Вестри всё еще считался в полку, и нельзя было не принять его; но особой команды ему не дали, а велели стать во фронте.

В ту самую ночь сделалась тревога. Горцы высъпали со всех сторон, нашли офицера на передовом посту спящего глубоким сном, вырезали его отряд и кинулись на главные силы. Воины наши встrepенулись, бросились к оружию и после упорного сопротивления отразили нападающих, но с чувствительною потерей. Несколько человек из самых храбрых было убито и ранено, несколько пропало без вести, и в том числе князь Кемский и Вестри. Через два дня узнали, что князь был схвачен горцами, которые, как бы ведóмые чутьем, пробрались до самой его палатки. Куда девался Вестри, не могли доискаться.

Князь действительно был взят горскими наездниками в ту самую минуту, как он, выбежав при звуке ружейных выстрелов из палатки, готовился сесть на коня, чтоб встретить нападающих. В темноте, в суматохе, при громких кликах и выстрелах ничего нельзя было ни видеть, ни расслышать. Лихой всадник с добычею своею пустился, как из лука стрела, и на рассвете прискакал в аул своего князя. Чеченец встретил своего пленника с восторгом, и Кемский узнал в нем одного из узденей⁵, приезжавших к нему для разбора тяжбы: этот оказался виноватым и должен был подвергнуться решению посредника.

— Теперь я твой судья, князь Алексей! — закричал уздень. — Ты в моих руках.

— Неужели станешь мстить безоружному? — спросил Кемский.

— Да сохранил меня от этого Аллах! — возразил уздень. — Я доволен, что поймал тебя. Теперь твой полк без начальника; теперь нам легче с ним управиться, а то от тебя житья не было. Да и в том признайся: ты напрасно оправдал моего соперника; он был кругом виноват.

— Мой полк, — отвечал Кемский, — и без меня будет храбр и страшен неприятелю. У нашего государя много офицеров и лучше меня. Но оправдать тебя я не мог: ты не представил никаких доводов в своем деле.

— Хорошо, это дело прошлое, но теперь я докажу тебе, что я человек честный и справедливый. Приведите изменника! — Через несколько минут привели связанного Вестри. — Князь Алексей! Знаешь ли ты этого человека?

— Знаю. Это офицер моего полка, теперь в плену у тебя.

— Нет, князь Алексей! Он здесь не в плену, а по доброй воле. За неделю пред сим он прокрался в мой аул и сказал мне: «Хан! Полковник князь Алексей тебя обидел?» — «Крепко обидел». — «Хочешь ли, я предам его в твои руки?» — «Как не хотеть!» Вот он вчера напоил сонным зелием караульного офицера и проводил моих удальцов до твоей палатки. В награду требует он, чтоб я отправил его к князю Аббас-Мирзе⁶, обещаюсь служить ему верою и правдою. Но как можно верить словам предателя? Он жил с тобою под одним кровом, ел с одного с тобою блюда, пил из одной чаши — и предал тебя. Чего нам ждать от него? Злое зелье

вырывают с корнем. Вот тебе награда, изменник! — воскликнул он и острым кинжалом поразил предателя. Вестри пал мертв на землю.

Наказание постигло злодея, но не спасло невинного... Кемский был увлечен в горы и содержан в тяжелой неволе.

Тщетны были все старания, все покушения начальника, товарищей и подчиненных освободить его из плена. Упрямый уздень отвечал, что мстит князю за личную обиду и, пока жив, не выпустит его из когтей своих. По истечении двух с лишком лет совместник узденя, обязанный князю благодарностью, напал на врага своего, разбил, умертвил его, освободил всех бывших у него русских пленников и нашего страдальца привез в его полк.

Кемский был освобожден на Страстной неделе и прибыл к своим товарищам в самую заутреню светлого Христова воскресенья. Кто может изобразить, кто может хотя мысленно представить себе, что он почувствовал, когда звуки православной службы Божией, восхитительное пение «Христос воскрес!» коснулись его слуха! В немотствующей благодарности, изливавшейся потоком жарких слез, пал он пред алтарем Бога Хранителя и Спасителя!

Товарищи приняли его с искренним, нелицемерным участием. Полком командовал бывший помощник его, храбрый подполковник. Кемский, долгое время не подававший о себе вести и, по слухам, считавшийся умершим, был уже исключен из списков; но все обходились с ним как с начальником. Подполковник подал ему рапорт на разводе, и общество офицеров пригласило его к обеду, где он должен был занять первое место. Сняв с тарелки салфетку, нашел он Георгиевский крест за двадцатипятилетнюю службу с грамотою, подписанною государем. Крест был прислан за месяц до того; подполковник готовился за смертью князя отправить его обратно в Думу⁷, но в то самое время пришло известие, что он жив и вскоре будет свободен. Князь не гонялся за почестями и отличиями, не раз отказывался от них в пользу своих подчиненных, но этот крест принял с чувством искреннего умиления и с восторгом поцеловал подпись на грамоте. День сей заключен был веселым пиршеством.

Между тем Кемский объявил, что не в состоянии продолжать службу. Долговременный плен довершил расстройство его здоровья. Уздень обходился с ним не жестоко, но от непривычной пищи, от худых жилищ, от недостатка движения и помощи врачебной раны его не могли закрыться совершенно и приняли характер болезни хронической. Просьба его была уважена: его уволили от службы. Он собирался ехать в свои поместья, которыми управлял в отсутствие его друг и корпусный товарищ Хвальнский, теперь женатый, степенный и рассудительный.

Но одно обстоятельство расстроило его планы: молодой офицер, стоявший в карауле в тот день, когда Вестри повел горцев на отряд Кемского, обвиненный в оплошности и даже в том, что после дела нашли его в совершенном опьянении, был предан суду и при тяжких обвинительных обстоятельствах приговорен к строгому наказанию. Дело его находилось на ревизии в Петербурге, а сам он, в ожидании окончательного приговора, содержался в одной из кавказских крепостей. Кемский не поколебался ни минуты: поспешил в Петербург, чтоб лично объяснить дело начальству и, если можно, спасти невинного, сделавшегося жертвою своей оплошности и доверчивости. Притом же Кемский не мог простить самому себе легковерия, с каким предался хитрому Вестри, и хотя по мягкосердечию своему мог опять сделаться жертвою первого лицемера, но твердо решился загладить прежнюю вину свою.

XLI.

Воспоминания и размышления Кемского были прерваны приходом обоих его племянников. Они явились с почтением, но каждый выражал это почтение по-своему. Григорий дал знать, что он случайно ехал мимо и, вспомнив невзначай, что дядя остановился в «Лондоне», зашел к нему. При этих словах он без всяких околичностей взял со стола сигарку, добыл огня и закурил, глядя на улицу. Платон, напротив того, уверял, что он во всю ночь не мог сомкнуть глаз, ожидая минуты свидания с почтенным своим дядюшкою. Лицо его принимало

на себя выражение усердия, и даже слезинки выдавливались из глаз. Кемский старался найти тон, которым мог бы говорить с племянниками, но тщетно: оба они были эгоисты и бездушники, но старший примешивал к этому самую отвратительную спесь, безусловное презрение ко всему роду человеческому и бесстыдную грубость. Второй приправлял душевные свои качества низостью, подлостью и лестью. Он старался угадывать мнения Кемского, боялся отвечать ему, и если говорил что свое, то всегда подкреплял ссылкой на штабс-капитана Залетаева.

Кемский несколько раз переменял предмет разговора и между прочим спросил, почему не видать крестного их брата Сергея Ветлина. Платон смешался и не знал, что отвечать; но Григорий с выражением злобы и ненависти сказал:

— Помилуйте, князь! Освободите нас от отчета об этом негодяе. Кажется, матушка довольно подробно описывала вам его поведение, его гнусные поступки в ребяческих летах. Вы утверждали, что это шалости детства, что от них можно отвыкнуть в общественном заведении. Его отдали в Морской корпус:¹ там держали на привязи, но, лишь только выпустили, он впал в совершенное распутство. Хотели было разжаловать его в матросы, но, по ходатайству матушки, сослали в дальний вояж с приказанием по возвращении в Россию откомандировать как можно дальше.

— Точно по ходатайству матушки, — прибавил Платон, — она упала в обморок в приемной зале морского министра².

— Да что он именно сделал? — спросил Кемский.

— Увольте меня, повторяю вам, — продолжал Григорий, — от исчисления его гнусных поступков. Он пьяница, картежник, забияка.

— Грубиян и нахал, — подхватил Платон. — Вообразите: я хотел свести его с порядочными людьми, а он разругал их при первом знакомстве. Штабс-капитану Залетаеву сказал в лицо, что он враль, хвостун и негодный стихотворец. А штабс-капитан...

— Довольно, — сказал в свою очередь Кемский.

«Жестокая судьба! — прибавил он про себя. — Души живой для меня на свете не осталось!»

Григорий, выкурив третью сигарку, бросил огарок в чайное блюдечко князя, взял шляпу, едва поклонился ему, затянул вполголоса арию из «Жоконда»³ и вышел. Платон истощал все силы, чтоб обратить на себя внимание дяди, старался вовлечь его в какой-нибудь разговор, но тщетно: растерзанный новыми своими открытиями, Кемский молчал или отвечал отрывисто с выражением неудовольствия. И Платон оставил его, но с учтивыми поклонами и с уверениями в почтении, преданности и любви.

И одни ли эти открытия должны стеснить, истомить душу бедного пришельца с того света! Он принужден был по делу несчастного офицера ездить к знатым и незнатым, к сильным и слабым, должен был каждый день повторять уроки наблюдательной психологии. К этим заботам присоединились еще другие. Имение его было в совершенном расстройстве.

В то время, когда пронесся слух о его смерти в Италии, требования, прихоти и нужды Алевтины и детей ее были не так велики, как впоследствии: она довольствовалась только доходами, и князь, возвратясь в Россию, нашел почти всё в целости. Но при взятии его в плен горцами Алевтина, наученная опытом и опасавшаяся возвращения брата, приняла все возможные средства к переводению недвижимого имущества в движимость: некоторые участки продала, а всё прочее заложила в банк и, для довершения начатого, поручила управление деревнями родственнику и приятелю Тряпицына. Хвальнский, живший по соседству, знал и видел всё это и, получив известие о том, что Кемский жив и освобожден, поспешил его о том уведомить. По просьбе князя взял он поместья его в свое управление, но пришел в отчаяние, осмотрев их и увидев, в каком они состоянии: всё было разорено, распродано, раскрадено. Только искренняя дружба к Кемскому и уверенность, что сам князь не умеет заняться управлением, побудили Хвальнского обременить себя этим делом.

Что говорила при этом Алевтина? Ничего. Она обходилась с братом учтиво, предупредительно, иногда и слишком раболепно, но ни словом не упоминала о делах, которыми его обременила, не думала давать ни малейшего в том отчета. Князь не имел духу потребовать у ней объяснения. Хвальнский терпел, терпел, наконец обратился письмом прямо

к фон Драку и грозил ему взысканием и уголовным судом, если друг его не получит удовлетворения, по крайней мере, для поправления состояния вконец разоренных крестьян. Фон Драк отвечал, что занимается составлением подробного расчета и в непродолжительном времени уплатит всё причитающееся князю.

Заботы не ограничились денежными делами: Тряпицын в короткое время своего управления притеснил и разорил несколько бедных соседей: пошли тяжбы, иски — и всё это легло на Кемского. Он сделался стряпчим против собственного своего имени и узнал на деле все неудобства, затруднения и терзания, обременяющие несчастных челобитчиков. Дни его проходили в визитах по передним, гостинным и присутственным местам.

XLII.

Многие из должностных людей, с которыми он принужден был вступить в сношения, были ему знакомы по прежней службе; некоторые были его товарищами в корпусе. Первый, к которому надлежало съездить, был генерал-майор Лютнин. Кемский знал его прапорщиком. Он был в девяностых годах модником, ходил в темно-коричневом фраке, в шитом розами белом атласном жилете, в претолстом галстуке, в востроносых сапогах с желтыми отворотами, читал «Новую Элоизу»¹, Геснера², Флориана³ и «Бедную Лизу», глядел на небо и плакал. Чувствительный прапорщик влюбился в то время в какую-то Полину, которая слыла чудом красоты, ума и воспитания. Она уехала с родителями из Петербурга в провинцию; он вышел в отставку и, как Дон-Кихот, полетел за нею. Наконец услышали в Петербурге, что верная любовь его увенчалась браком в сентилеевском селе⁴ его тестя. С того времени протекло двадцать лет.

Лютнин занимал ныне важное место в том управлении, от которого зависело решение судьбы подсудимого офицера. Кемский, не доверяя прочности прежних связей, явился к нему не на дом, а в департамент, тотчас был допущен и принят с изъявлением искренней приязни.

— Что привело тебя, любезнейший князь, в наш департамент? — Князь назвал дело, по которому хлопочет. — Мне совестно, — сказал Лютнин, — что ты посетил меня в департаменте. Позволь пригласить тебя ко мне на дом. Моя Пелагея Степановна будет рада старому моему товарищу.

«Пелагея Степановна? — подумал Кемский. — И он, несчастный, лишился жены! Полины нет». Он не имел духу сообщить свое замечание Лютнину, дал слово обедать у него на другой день и уехал, полный надежды на помощь приятеля. В назначенный час явился он к обеду. Лютнин встретил его с радушием, но притом с какою-то робостью.

— Пойдем, — сказал он, — я отрекомендую тебя жене моей! — Взял его за руку и повел чрез ряд великолепных комнат к кабинету, отделявшемуся от большой залы деревянною перегородкою. — *Pauline, ma chère!** — сказал он смиренным голосом, не входя в кабинет. — Позволь мне рекомендовать тебе друга и товарища моего детства, князя...

— Убирайся с своими князьями! — закричали густым басом из кабинета. — Твой экзекутор наделал мне столько хлопот, что я до завтра не справлюсь со счетами об одних канцелярских расходах.

Лютнин, смешавшись и покраснев до ушей, повел князя назад и в третьей комнате, оглянувшись, не идет ли за ним кто-нибудь, сказал вполголоса:

— Моя добрая Пелагея Степановна — мне правая рука. Она служит мне самым усердным помощником, и я, признаюсь, без ее пособия не успел бы справиться с моим хлопотливым местом. Детей у нас нет, так она всё время, остающееся у ней от домашних занятий и сельского хозяйства, посвящает службе. Не поверишь, как я счастлив!

В это время что-то грохнуло в кабинете, и Лютнин вздрогнул, как при громовом ударе, только что не перекрестился. Хозяин всячески старался занимать гостя, который и сам предупреждал его в этом, заводил разговоры о прежнем житье-бытье, о корпусных товарищах и пр. Наконец чрез полтора часа после времени, назначенного для обеда, по

* Полина, дорогая моя! (*фр.*)

явилась в гостиной Пелагея Степановна, или Полина, высокая, дородная, черноокая, краснолицая дама. На поклоны и рекомендации мужа не обращала она внимания, а у Кемского, после первых приветствий, спросила:

— А что, батюшка, конечно, у вас есть дельцо? Какое, смею спросить?

— Есть, — отвечал Кемский, — я объясню его Максиму Фомичу.

— И, батюшка! Он всё забудет и перепутает. Чиновники его — плуты и взяточники; потрудитесь лучше объясниться со мною. И если дело ваше правое...

— Кушанье поставлено! — возгласил дворецкий.

Князь повел Пелагею Степановну. Максим Фомич поплелся за ними. В столовой ожидали их экзекутор и дежурный; они, дрожа и бледнея, также сели за стол.

— Ну, что вы, умные люди, — сказала Пелагея Степановна мужу своему, — изволили делать сегодня? Чай, всё заседание толковали о висте и о погоде? Вы не поверите, князь, что за люди эти мужчины! Настольный реестр⁵ для них чума: в дела и не заглянут. Секретари мошенничают, а они и ухом не ведут. Сколько по нынешнее число входящих? — спросила она у дежурного.

Тот выгасил из-за пазухи бумажку и прочел:

— «Две тысячи семьсот восемьдесят четыре».

— А сенатских указов сколько не исполнено?

— Не могу знать, ваше превосходительство, — отвечал он, запинаясь.

— Вот порядок! — вскричала она. — Что это у тебя за уроды, Максим Фомич?

— Канцелярские служители, — отвечал он, также заикаясь, — канцелярские служители не могут и не должны знать о течении дел.

— Да вы и сами того не знаете: ай да государственные люди! Того и смотри, что в министры махнет, а теперь и с дрянным департаментом не справится. Что подряд на курьерских лошадей? — спросила она у экзекутора.

— Никто не берет ниже цены, объявленной Лысовым.

— Мошенники, плуты, злодеи! Берут деньги безбожные, а ставят лошадей прескверных. Вчера мой курьер проездил за шляпкою к мадам Мегрон⁶ два часа с половиною. Слыхано ли это?

Таким образом продолжалось во весь обед. Кемский рад был, что генеральша при текущих делах забыла о его иске. Лишь только встали из-за стола, князь улучил минуту, когда Полина толковала дежурному о неподкабливании бумаг в титуле⁷, и поспешил выйти из этого канцелярского аду.

Другого чиновника, не менее важного по этой части, князь также знал в молодости. Волочков был, что называется в свете, *добрый малый*: весельчак, забавник, любил попить, поиграть в карты, волочился за всякою хорошенькою женщиною, представлялся или был в самом деле вольнодумцем и безбожником, но в обхождении с сверстниками и приятелями был учтив, услужлив, снисходителен к слабостям ближнего, и когда имел время от непрерывных развлечений, то делал и добро, не разбирая, впрочем, кому и за что. Ныне, слышал он, Волочков *остепенился*. Кемский отправился к нему рано утром. В передней встретил его бледный, сухощавый лакей в разодранной ливрее и, на требование князя доложить о нем, объявил, что Капитон Кузьмич теперь молится Богу.

— Хорошо, — сказал Кемский, — я подожду его. — И вошел в залу, уставленную простыми мебелью. На стенах не было зеркал, а висели раскрашенные картинки с странными изображениями пронзенного стрелами сердца и т. п. На столе лежали сочинения Эккартсгаузена⁸. Через полчаса Волочков вышел из внутренних комнат. Князь едва узнал его: статный, ловкий гвардейский офицер превратился в длинную, бледную мумию. Глаза его, в молодости сверкавшие огнем жизни и ума, потускли и выкатились; лицо высохло и обложилось морщинами. На устах видно было выражение принужденности и лицемерия. Кемский хотел было поспешно подойти к нему и поздороваться с ним как с старым приятелем, но грозный и в то же время печальный вид Волочкова остановил его. Волочков подошел к нему шага на три, низко поклонился и, не переменив выражения лица своего, произнес глухим, торжественным тоном:

— Всё ли вы в добром здоровье, князь Алексей Федорович?

— Здоров, слава Богу, — сказал Кемский, запинаясь, — а вы, Капитон Кузьмич?

— Грешное мое тело, — отвечивал тем же тоном Волочков, — преисполнилось новою силою с тех пор, как прозрела душа моя, с тех пор, как луч света озарил темную храмину ветхого человека⁹.

Вслед за тем понес он такой великолепный и непостижимый вздор, что Кемский стал сомневаться в целостности его мозга. Не прерывая нити разговора, Волочков ввел князя в гостиную и посадил на жесткую софу. При первой точке князь объяснил ему причину своего посещения и предмет своей просьбы. Услышав, что дело идет о спасении человека, провинившегося по службе, Волочков побледнел, задрожал, и слезы навернулись у него на глазах:

— И вы ходатайствуете за изверга, за изменника, за подлеца, поправшего ногами присягу и заповедь Божию!

— Нет! — сказал Кемский твердо и спокойно. — За неопытного, неосторожного человека, вовлеченного в преступление злодеем; ищущего правосудия и снисхождения в судьях; не найду у них — обращусь к верховному судье нашему, государю, и уверен, что он вникнет в это дело.

— Но во всяком деле непременно кто-нибудь должен же быть *виноватым*? — возразил Волочков.

— Так пусть же буду виноват я, что поручил важный пост молодому, ненадежному офицеру. Я сам себе этого век не прощу.

— Это в вашей воле, — сказал Волочков, — но во всяком уголовном деле по точному, буквальному смыслу законов кто-нибудь должен быть наказан. И в этом состоит обязанность всякого судьи. К несчастью, — прибавил он со вздохом, — по внушению ложной филантропии восемнадцатого века, ныне слишком часто прощают виновных под тем предлогом, что они впали в преступление неумышленно. С умыслом или без умысла — не наше дело, а преступление совершено, следственно, и наказание должно последовать. Если б и случилось, что накажут невинного, то пострадавший отнюдь не потеряет: Бог вознаградит его.

Таким образом продолжал он толковать о необходимости наказаний, потом перешел к толкам о наказаниях на том свете, о внутреннем человеке и тому подобных предметах. Первая фраза каждого из его рассуждений была ясная, правильная, иногда блистательная и красноречиво сказанная, но следствия, выводимые из этого начала, отнюдь из него не проистекали, иногда прямо ему противоречили и часто заключали в себе совершенную бессмыслицу. Волочков говорил как попугай, затвердивший несколько человеческих фраз и сопровождавший их своими скотскими вариациями. Кемский высидел у Волочкова два часа, выслушал тома четыре нелепостей с великолепными заголовками и отправился от него без надежды на спасение своего клиента этим путем, без надежды на выздоровление Волочкова. Последним, решительным ответом Волочкова было:

— Не хочу знать и имени изверга, за которого вы просите: я должен сохранить в сем деле величайшее беспристрастие.

Когда князь вышел из гостиной, куча грязных ребятишек окружила его в зале и в передней с кривляньем и криками.

— Что это за дети? — спросил он у слуги, подававшего ему шинель.

— Это, сударь, *наши* дети! — отвечал слуга, улыбаясь. — А вот и маменьки их! — прибавил он, указывая в окно на двор, где несколько прачек работали за лоханью.

Потом Кемский узнал, что Волочков славится в свете милосердием своим к сиротам, берет их неизвестно откуда, пристраивает в учебные заведения, а потом под самодельными прозвищами, при пособии друзей своих, определяет в службу. Впоследствии задача о преобразовании Волочкова решилась очень легко. Рожденный без характера, не приучившийся рассуждать сам с собою, Волочков всю жизнь свою провел, так сказать, *на буксире*. В молодости своей подражал он модному в то время вольнодумству и составил себе невыгодную впоследствии репутацию. Неудачи всякого рода заставили его переменить не образ мыслей, ибо он их не имел никогда, но образ речей и рассуждений. Он втерся в знакомство к одному человеку, известному своею набожностью и строгостью правил, умел к нему подделаться и перенял у него несколько

фраз, которые передавал и разукрашал по-своему. Нравственность его осталась прежняя, но нашлись люди, которые, не понимая разглагольствий Волочкава, провозглашали его человеком глубокомысленным и благочестивым. Хор этих статистов громогласно вознес достоинства плохого актера; сокровищница мест, почестей и наград отверзлась пустому человеку, который не умел даже быть и порядочным лицемером.

Кемский, посещая дельцов и значительных людей, слушал, скрепив сердце, нелепые толки, странные правила, кривые суждения, но не приобрел новых понятий о людях: они были всё те же. В свете господствовали по-прежнему четыре темперамента, о которых за тридцать лет толковал ему профессор философии в корпусе: сангвиников, холериков, флегматиков и меланхоликов¹⁰. По-прежнему три *любия* разделяли людей на классы: *сребролюбия*, *честолубия*, *сластолубия*¹¹. Вера его в человечество не поколебалась: он видел, что в толпе людей вседневных, дюжинных, сотенных проскакивают ревнители добра, чести и правды; уверялся более и более, что в редком человеке нет каких-нибудь хороших качеств и что всякой платит дань слабой или испорченной натуре. Так, например, он слышал о Досканцове как о бессовестном взяточнике; познакомился с ним поневоле и нашел, что Досканцов, конечно, не отказывается от гостинца, но поступает с просителями вежливо, не позволяет себе несправедливости, обходится ласково и почтительно с своими подчиненными и в семействе своем любим и уважаем. После того обратился он к Сушилину, который слыл в мире другом правды и чести, Катонем и Сократом¹². Но каков был этот Сократ вблизи? Жестокосердый счетчик, неумолимый обвинитель и гонитель всех и каждого, не умевший и не хотевший отличать слабости от порока, ошибки от преступления. «Возьми пятьсот рублей, — думал Кемский, слушая его толки о честности, бескорыстии и правосудии, — да будь человеком!»

Прискорбнее всего было слышать Кемскому толки о Выпшатине. Он служил с отличием, занимал важное место, славился своим умом, деятельностью и благородством, но слыл несносным гордецом. Кемский несколько раз порывался посетить старого друга, но не мог на то решиться, не хотел расстроить в воображении своем того милого лика,

в котором с самой нежной юности являлся ему Вышатин, добрый, любезный, благородный. Воротясь однажды домой, измученный странствиями по передним и приемным комнатам, он нашел на столе своем записку следующего содержания:

*Т*ы, бессовестный человек, забываешь своих товарищей. Вот я четвертый раз приезжаю к тебе и не застаю. Приходи, душа моя, к твоему верному другу,
Вышатику.

Кемский обрадовался этому приглашению, как голосу с того света, и на другой день утром отправился к прежнему товарищу. Вышатин жил баринком в просторном великолепном доме. Прислуга опрятная, учтивая; комнаты, убранные со вкусом. Швейцар вежливо спросил у Кемского, не он ли князь Алексей Федорович; получив ответ, позвонил и отправил слугу вверх. Кемский едва успел взойти на лестницу, как очутился в объятиях Вышатины. Дружелюбный прием тронул князя до глубины души: никто ему в Петербурге так искренно не радовался. Вышатин с беспрестанными отрывистыми вопросами, упреками и восклицаниями привел Кемского в свой кабинет, где царствовали порядок, чистота, роскошь и удобство. На одной софе лежал какой-то человек в синем сюртуке, подняв ноги вверх и разглядывая живопись на потолке кабинета. Послышав стук отворяющихся дверей, он обернулся и, увидев Кемского, вскочил, выпялил глаза, закричал: «Князь!» — и бросился к нему на шею. Кемский узнал Берилова. Слезы их смешались. Они не говорили о былом, глядели друг на друга и утирали глаза. Вышатин был не лишним и не чуждым в этой сцене.

Кемский провел у старого друга своего несколько часов и, уходя, дал ему слово видаться с ним как можно чаще. Берилов нимало не переменялся: на нем, казалось, был прежний его сюртук, он постарел немного, но не остепенился, говорил что на ум взбредет, приходил в восторг от каждой картинки и теперь не мог налюбоваться новорасписанным пла-

фоном в кабинете: ложился то на софу, то на пол, разглядывал живопись и в художническом исступлении размахивал руками и ногами.

Не прежде как в карете Кемский вспомнил о репутации Вышатины в свете. «Как несправедливы люди в своих толках и суждениях! — подумал он. — Этого благородного, прямого, простодушного человека прославили гордецом и высокомерным. Положим, что в обхождении со мною ему нельзя было важничать, а как он принимает Берилова!»

Кемский стал посещать Вышатины очень часто, всегда находил удовольствие в его беседе, всегда услаждал свою душу его искреннею дружбой и только у него отдыхал от мучительных сцен, которые на каждом шагу поражали его в свете. Вскоре, однако, заметил он, что дурная слава о Вышатине не вовсе была незаслуженная. Однажды, когда друзья сидели с Бериловым в кабинете, доложили Вышатины, что пришел какой-то чиновник. «Зови!» — сказал он слуге. Через несколько минут вошел в комнату человек немолодых лет, в орденах, с портфелем под мышкою и, низко поклонившись, подошел к письменному столу, за которым сидел Вышатины. Не отвечая на поклон, Вышатины стал принимать бумаги из рук чиновника: рассматривал их и подписывал или, отметив карандашом, отдавал докладчику с словами: «Не то: толку нет; переделать; гадко, скверно; чтоб было переделано к завтрашнему утру». Чиновник, стоя подле стула Вышатины, после каждой подписи засыпал ее песком¹³ и откладывал бумагу в сторону, а подвергшуюся критике брал обратно в портфель, примолвив: «Слушаю, ваше превосходительство!»

Окончив рассмотрение всех бумаг, Вышатины отворотился, закурил трубку и начал разговаривать с Кемским, а чиновник собрал между тем бумаги, поклонился своему начальнику *заочно* и вышел из кабинета на цыпочках. Через несколько времени явился другой чиновник, был принят и выпровожден так же грубо. Кемский не мог скрыть своего изумления.

— Помилуй, Вышатины, — сказал он тихо, — можно ли так обращаться с людьми? Этак я и слуги своего трактовать не стану. Теперь меня не удивляет, что я слышал о твоей гордости.

Вышатины улыбнулся.

— Знаю, — сказал он, — что обо мне толкуют в свете. Но люди, с которыми я должен иметь дело, лучшего обхождения не сто́ят. Это пресмыкающиеся гадины; терпят всё и подличают пред сильными и знатными. Я не могу уважать их, не могу скрывать моего к ним презрения.

— Может быть, ты ошибаешься, — сказал Кемский. — Подчиненность, уважение, чувство расстояния, в котором они от тебя находятся, — одно это виною мнимого их унижения.

— То-то мне и противно! — вскричал Выпштин. — Года за два пред сим был я в размовке с министром; все полагали, что я выйду в отставку; многие воображали, что я дорого поплачусь за свое упрямство. Что ж ты думаешь? Все эти низкопоклонники, старавшиеся до того по глазам угадать мои мысли и желания, вдруг оборотились ко мне спиною, перестали меня слушаться, встречаясь со мною на улицах, отворачивались; иные и не отворачивались, а глядели мне насмешливо в глаза, как будто желая сказать: теперь, лих, не боюсь тебя! Признаюсь, что это обстоятельство отчасти заставило меня покориться воле министра. Мы с ним помирились; он отобедал у меня, и на другой день вся эта мелкая канцелярская сволочь явилась у меня в передней с поклонами, поздравлениями и доносами. Суди, могу ли я уважать таких людей!

— Но прежде этой истории, — кротко сказал Кемский, — как ты обращался с ними? Как и теперь: недружелюбно, гордо, жестоко? Удивительно ли, что они тебя не любили, повиновались тебе из одной необходимости и при первом случае изъявили радость, что от тебя освободились? Извини мою откровенность, Выпштин! Люди не так худы, как ты воображаешь, и в толпе этих приказных, конечно, найдутся люди истинно благородные, может быть, и герои добродетели. Мы обвиняем их, судим о них по себе, но какие правила внушены *нам* и как воспитаны *они*? Мне кажется, долг наш есть ободрять, облагороживать, возвышать этих людей.

— Ты вечно носишься в своем мечтательном мире, — улыбаясь, отвечал Выпштин, — поживи с этими праведниками на земле, так запоешь иную песню. Ну, скажи правду, Андрей Федорович, — примолвил он, обращаясь к Бериллову, — горд ли я? Спасив ли я?

— Помилуйте, Владимир Павлович! — сказал Берилов. — Да я простее вас человека не видал. Ваш камердинер Федька гораздо вас спесивее!

Оба друга рассмеялись, но Вышатаин не от чистого сердца: он почувствовал невинную и неумьшленную эпиграмму простодушного артиста.

XLIII.

Старания и труды князя не имели успеха: дело бедного его офицера длилось и тянулось. Затруднения и хлопоты по имению возрастали ежедневно, и он отказался бы от всего своего имущества, если б оно состояло в движимости или в вещах бездушных, но обязанность доброго помещика, наследовавшего своих крестьян от предков, не позволяла ему легкомысленно передавать их в другие руки, играть судьбою себе подобных, вверенных ему Провидением. К тому же в главном из имений его, селе Воскресенском, погребены были его отец и мать. Хвальинский писал ему, что отчаивается разделаться со всеми требованиями, которыми обременено имение, советовал продать и наконец, после долговременной переписки, объявил, что есть еще надежда спасти недвижимость, если князь лет на пять откажется от доходов. Князь согласился и на это, решился жить одним своим пенсионом, лишь бы не изменять тому, что почитал своим долгом. Пришлось отпустить экипаж, оставить приятную и удобную квартиру в Большой Морской и переселиться в какое-нибудь предместье.

В одно ясное зимнее утро князь пошел отыскивать себе квартиру: останавливался везде, где видел прибитые к воротам билеты¹, осматривал, приторговывался, но всё, что он видел, казалось ему слишком дорогим. Между тем цена, по мере удаления его от центра города, уменьшалась. Он прошел уже далеко в Коломну и, может быть, в двадцатый раз с утра, взобрался на лестницу дома, где был прибит билет с надписью:

Здесь отдаются в наем пакои с кухнею.

Дворник показал ему в четвертом ярусе, в конце темного коридора, три комнаты, низкие, грязные, в которых пахло чем-то очень неприятным после прежних жильцов.

— Нет, друг мой, — сказал князь, — эта квартира для меня не годится.

— Так извольте повременить денек, — отвечал дворник, сходя с крыльца, — у нас опростается другая в третьем этаже: та и просторнее, и чище. Там живет теперь маляр, да он, вишь, худо платит, так хозяин его сегодня выгоняет. И квартального позвали². Слышите ль, как спорят?

В самом деле раздавался громкий крик разных голосов из-за дверей, с которыми князь поравнялся. Вдруг дверь распахнулась, кто-то выскочил и чуть не сбил его с ног.

— Тише, тише! — сказал князь, останавливая беснующегося, и узнал в нем Берилова. — Помилуйте, это вы, Андрей Федорович!

— Князь! Князь! — закричал Берилов. — Это вы! Сам Бог послал вас ко мне. Помогите мне, ради Создателя! Меня губят, режут!

С сими словами схватил он его за руку и втащил в комнату. Столы, стулья, шкафы, посуда, картины, вазы, бюсты, модели были складены в одну кучу посреди комнаты. На ветхом канаве сидел какой-то красноносый толстяк с нависшими на глаза бровями, с отвисшею нижнею губою. Подле него стояли полицейский офицер и несколько человек в русских кафтанах.

— Что, бешеный, воротился? — спросил толстяк с улыбкою, в которой соединялись спесь, презрение к человечеству, жестокосердие и глупость. — Пóлно противиться правительству!

— Спасите меня, князь, от этих душегубцев! — кричал иступленный Берилов. — Они давят, режут меня.

— Скажите мне, в чем дело? — спросил Кемский.

— Дело, сударь, очень простое, — отвечал толстяк холодно. — Андрей Федорович не хочет платить за квартиру, и я принужден был прибегнуть к помощи правительства.

— Не хочет платить? Ах ты, разбойник, барышник, то есть лавочник, гнусное, продажное создание! Я не хочу платить! Врешь, жид проклятый! Вот в чем дело, ваше сиятельство! Я нанимаю квартиру у этого варвара по пятнадцати рублей в месяц. Срок прошел тому назад недели три.

Я забыл, что наступило первое число, и живу себе да живу. Он — что бы напомнить, так нет. Вдруг сегодня — шасьт ко мне Гаврила Григорьевич, то есть наш надзиратель, да и с оценщиком. «Ба, ба, ба, Гаврила Григорьевич! Откуда?» — «Со съезжего двора³, — отвечал он, — пришел описать ваше имение». — «Мое имение — за что?» — «Вот предписание: вы не платите за квартиру, несмотря ни на какие понуждения». — «Да разве уже наступило первое число ноября?» — «Сегодня двадцать девятое ноября». — «Помилуйте, Гаврила Григорьевич! Дайте день сроку». — «Не смею, Андрей Федорович! Частный пристав⁴ съест». — «Так дайте, я схожу сам к частному приставу». — «Извольте, повременю». Я — к приставу, а того нет дома. Я опять домой, а хозяин уж нагрязнул со всею своею сволочью, то есть с приказчиками, сидельцами⁵, мальчиками⁶. Дураки, невежды, злодеи вздумали оценивать произведения художеств. Вообразите — этот ландшафт, помните, тот, что я написал наобум и который так любила... то есть вы так любили, оценен в два рубля с полтиною! А сестрица ваша, Алевтина Михайловна, продала его, то есть велела продать, на толкучем рынке и взяла четыре рубля. Я купил его за шесть, а Владимир Павлович давал мне шестьсот рублей — он с ума сошел, то есть его превосходительство. Да одна ли только эта картина! Хозяин мой не дурак: начал торговать битыми бутылками⁷ да наторговал, то есть наплутовал, четыре каменные дома. Хотел взять за бесценок мои картины, а меня выпнать. — Слезы и рыдания прервали речь Берилова.

— Ах ты, маляр поганый! — закричал хозяин. — Как ты смеешь обижать первостатейного...

— ...плута! — прервал Берилов.

— Да знаешь ли, что меня чуть в головы не выбрали?⁸ Я было уж и комнаты расписал — не тебе чета у меня работали.

— Потише, сударь, — сказал Кемский, — вы вправе требовать своих денег, вправе наложить запрещение на движимость жильца, но это сущий разбой забирать и оценивать имение без самого хозяина. И вы, сударь, господин полицейский офицер, допускаете такое самоуправство?

— Помилуйте, ваше сиятельство! — возопил квартальный. — Мы люди маленькие, нам ли идти против начальства, когда и сам частный

пристав не сладит с этими господами обывателями? Мне велено было — и я явился. Плачешь, сударь, иногда, а волю начальства исполняешь.

— Нет, князь, — вскричал Бериллов, — не обижайте Гаврилы Григорьевича: это Рафаэль между полицейскими, честная и добрая душа, а оттого и есть нечего, а как есть нечего, так и повинешься тому, кто кормит.

— Перед Богом так, Андрей Федорович! — сказал квартальный, утирая слезу синим клетчатým платком.

— А сколько вам должен господин Бериллов? — спросил Кемский у хозяина.

— Да теперь, с завтрашним числом, за два месяца, — отвечал хозяин, усмиренный титулом князя, — всего тридцать рублей. Истинно скажу вашему сиятельству, что сам крайне нуждаюсь.

Князь вынул деньги из бумажника и отдал квартальному.

— Вон отсюда! — закричал Бериллов хозяину. — Убирайся, пока не бит! До завтрашнего вечера я здесь хозяин: всё заплачено.

Купец убрался, худо скрывая досаду, что ему не удалось пожитья скарбом живописца. За ним поплелись его клеветы, и шествие заключил добрый Гаврило Григорьевич.

— Ура! То есть наша взяла! — закричал Бериллов, и не думая благодарить князя.

В это время появилась из кухни высокая, худоцавая старуха.

— Вот что вы нажили своєю беспечностью и чванством! — закричала она. — Чуть было не пришлось ночевать мне на улице, а я благородная чиновница, не то что покойница, хваленая ваша Настасья Родионовна. Да чего и ожидать от беспутного человека? Когда не пожалел родного детища...

— Тише, тише, матушка, Акулина Никитична! — сказал смущенный Бериллов. — Ради бога, перестань! Вот князь, то есть друг мой, помог мне, и, когда кончу большую мою картину...

— Да когда кончите, — продолжала Акулина Никитична, изменяя грозный тон на жалобный, — а до того чем проживем? Завтра вы именинник, а мне и пирога не из чего испечь; о кофе и не думай. Житье мое вдовье, сиротское!

Берилов, храбрый пред хозяином-миллионщиком и пред полициею, не знал, что отвечать старухе. Князь вступился за артиста, успокоил старуху уверением, что будет и на пирог, и на кофе, и, выпроводив ее обратно в кухню, стал расспрашивать Берилова о его средствах, о его надеждах, о плане будущей жизни. Живописец смотрел на него вытаращив глаза: он никогда не думал о завтрашнем дне, никогда не помнил вчерашнего и жил, как Бог пошлет. Князь предложил ему нанять квартиру вместе. Берилов долго не мог этого понять; потом понял и не соглашался. Князь позвал на помощь Акулину Никитичну, и она вразумила артиста.

При помощи Акулины Никитичны, коротко знакомой со всеми петербургскими предместьями, отыскали удобную квартиру на Выборгской стороне, на месте старинного Самсоньевского кладбища⁹, в доме, построенном посреди сада, разведенного на древних могилах. Дом этот имел два выхода и в верхнем ярусе большую светлую комнату, как будто нарочно построенную для помещения в ней мастерской живописца. Князь уступил большую часть нижнего жилья Берилову, а себе предоставил две комнатки с каморкою для Силантьева. Берилов, постигнув наконец все удобства и пособия, ожидающие его при этом новом образе жизни, пришел в иступление от радости и просил позволения князя украсить его кабинет лучшими произведениями своей кисти.

XLIV.

Времена образа жизни Кемского и причины, побудившие его ограничиться в своих расходах, вскоре сделались известными его родственникам, виновникам всех его бедствий и потерь. Нельзя было и ожидать, чтоб это гласное объявление князя о расстройстве его имения могло возбудить в них малейшие чувства сожаления, самый легкий упрек совести: вся эта семья принадлежала к числу людей, которым чувствительны одни физические страдания, для которых сожаление, сострадание, голос совести суть вымыслы и предрассудки теат-

ральные. Алевтина, побаиваясь иногда, что, может быть, брат вздумает потребовать у ней отчета в разорении имения, скрывала свои чувства и представлялась, будто не замечает, что брат перестал ездить четверткою¹, что он переселяется в предместье. Иван Егорович трюсил еще более и надеялся на одного Якова Лукича, а между тем не переменил, по наружности, обращения своего с шурином; но пасынки его не хотели и не думали скрывать своих чувствований и мыслей. Григорий вовсе перестал говорить с дядею, впрочем, эта перемена не слишком была заметна, потому что он и прежде не соблюдал большой учтивости, но Платон сделался в такой же степени груб и дерзок, как прежде был угодлив и раболепен. Он старался при всяком случае намекать на безрассудство и бессовестность родственников, которые плохим хозяйством, нерасчетливым усердием к службе и доверчивостью к чужим расстраивают имение и уничтожают справедливые и законные надежды своих наследников; он противоречил всем мнениям и словам князя, насмехался над суждениями умников XVIII века и в этом перестал даже ссылаться на штабс-капитана Залетаева. Китти вовсе не говорила с дядею, вовсе на него не глядела, обратив всё свое внимание, всю нежность на собаку и на англичанина.

Кемский ходил к ним редко, но в день переезда на новую квартиру счел за нужное уведомить их, чтоб они знали, где найти его в случае надобности. Отобедав в последний раз в «Лондоне», он пошел пешком к сестре своей. У ней было несколько человек гостей: все занимались, как обыкновенно, — вистом. Его приняли холодно, сухо, почти грубо. Алевтина, игравшая с какими-то толстыми матадорами², едва приподнялась с дивана и прошептала нечто похожее на «bon soir»*. Григорий кивнул головою, не оставляя небрежно-живописного положения своего в креслах, а Платон отворотился от дяди, лишь только вошедшего в двери, отыграл карту и сказал что-то забавное своим товарищам; они засмеялись и обратили глаза на Кемского. Бывают дни, в которые человек настроен не так, как обыкновенно, в которые он всё видит, всё замечает, всё принимает к сердцу. Дерзкое и непристойное обращение племянников

* добрый вечер (*фр.*).

давно оскорбляло чувствительного Кемского, но никогда не поражало его так сильно, как в этот вечер. Он не присидел и получаса в этом обществе: ему казалось, что он окружен какими-то дүхами злобы, что стоит в преддверии ада, где ожидают его муки и терзания; казалось, что сатанинские лица в дыме свеч кружатся вокруг несчастной, обреченной им жертвы и с свирепую улыбкою фурий готовы терзать ее.

Кемский встал со стула, отыскал глазами фон Драка, подошел к нему и, отдавая записку, сказал:

— Если вам случится во мне надобность, вот мой адрес. Помните обещание ваше об отчете.

Видно, в глазах его выражалось что-то страшное. Фон Драк испугался, смутился и едва проговорил:

— В самом непродолжительном времени!

Кемский поклонился ему, повернулся и вышел. Захлопнув дверь за собою, он услышал, что в гостиной раздался громкий хохот.

XLV.

н вышел на улицу и отправился в новое свое жилище. Освободившись от ненавистных лиц, не терзаясь более шепотом, криком и хохотом бездушных тварей, он погрузился в крепкую думу, шел куда должно, но сам того не зная.

Раны сердца его раскрылись. Чаша страданий его исполнилась — последнею малою каплею. «Наташа! Наташа!» — лепетал он, вызывая облегчительные слезы на потускневшие глаза, но и слезы отказывались ему повиноваться. Стесненный настоящим страданием, дух его перенесся в даль темную, минувшую, невозвратную. Ему почудилось, что он находится еще на корабле, перенесшем его из Ниццы в Триест¹. Его провожал верный друг, Алимари, дважды спасший ему жизнь: в первый раз сообщив условное восклицание, по которому всякой масон (а их было очень много во французской армии) должен был непременно подать ему помощь; в другой раз — исторгнув его из бездны отчаяния... Море волно-

валось. Солнце скрывалось за горизонтом, золотя последними лучами верхи волн морских и исчезая с ними в бездне. Он сидел на скамье, прислонясь к мачте. Алимари стоял подле него и, держась рукою за канат, глядел молча в даль, исчезавшую на западе. Вдруг послышались вопли из каюты. Из нее выбежал спутник их, старичок, ливорнский² купец, и бросился к Алимари. «Спасите, избавьте ее», — сказал он ему, задыхаясь. «Кого? Как?» — спросил изумленный Алимари. «Вы медик и человек сострадательный — не откажите в пособии моей бедной Джульетте. Умоляю вас всем, что свято!» «Он ошибается, приняв меня за медика, — сказал Алимари Кемскому по-русски, — но бессовестно было бы отказать в пособии. Пойдемте со мною, князь!»

Они пошли вслед за трепещущим стариком в женское отделение каюты. Там, на койке, спущенной к самому полу, лежала в беспмятстве молодая женщина; смертная бледность покрывала лицо ее, глаза были закрыты, губы шевелились и произносили невнятные звуки, руки сложены были на груди, сильно волновавшейся. Иногда вся она приходила в движение, поднимала руки, как будто прося помощи, и испускала жалобные вопли. Алимари подошел к ней, вперил свои взоры в закрытые глаза ее — она вздрогнула, и вскоре потом улыбка пролетела по ее устам. «Паоло!» — сказала она тихим голосом. «Паоло! — произнес с горестью старик отец ее. — Это имя жениха ее, убитого французами». «Паоло! — повторила она. — Наконец ты воротился. И как ты здоров, как весел, а я!..» На лице ее изобразилось внутреннее движение тоски. Алимари наклонился к ней, разогнул ее руки, опустил их вдоль тела и начал водить своими руками по лицу ее, потом, расширяя мало-помалу круги, делаемые руками, опускал их к предсердию. Страдалица поутихла. На лице ее водворилось спокойствие, и она через несколько секунд спросила: «Кто ты, светлый утешитель? Лицо твое мне знакомо. Благодарю тебя, но ты не Паоло. Он скрылся опять. Его увели — увели на смерть!» На лице опять появились признаки страдания и тоски. Алимари повторил прежние движения руками, и она вновь затихла.

«Это чудесные действия ясновидения! — сказал он тихо Кемскому по-русски. — Подойдите сюда». Не отнимая левой руки от предсердия боль-

ной, он правую взял за руку князя. «И это не он! — сказала больная. — Но этот печален, грустен; утешься, друг мой! Видишь ли — там, там, откуда восходит солнце, откуда веет прохладный ветер, там она, видишь, вот она — в черной мантии, на коленях. Не плачь, сестра моя! Он жив, а мой Паоло! Видишь ли, друг мой: вот она! Она молится Богу — счастливая! Пред нею — не распятие, нет! — лик Пречистой Девы, одетый золотом и блестящими камнями. Вижу, вижу: Утешительница Небесная лучом отрады проникает в грустное, томное сердце. Она увидела ее, увидела своего ангела небесного: вот летит на крыльях серафима. “Не плачь, маменька!” Но нет! Нет! — вскричала она вдруг диким голосом. — Нет, Паоло! Они его ведут, они убьют его!»

Жестокие судороги исказили прекрасное лицо. Алимари, опустив руку Кемского, начал опять водить по лицу и по груди несчастной. Она умолкла, успокоилась и, как казалось, крепко заснула. Ее оставили. Явление это произвело сильное впечатление в Кемском. Незнакомка угадала сон, который преследовал его несколько ночей сряду, с тех пор как он сел на корабль. Ему грезились и Черная женщина, и в то же время Наташа. И прежде того казалось ему, что он в чертах Наташи находит какое-то сходство с чертами лица видения, и это сходство влекло его к ней непонятною силою. Но теперь, по утрате любезной, лишь только он стал приходить в себя после долговременного оцепенения — эти два лика слились в один. С тех пор и во сне и наяву чудилась ему всегдашняя мечта его, принявшая лицо и выражение Наташи — выражение тоски, уныния, изредка сменяемых мимолетною улыбкою, проблеском поднятых к небу глаз, в которых выражалось: люби, верь и надейся! Прежде того, в лета молодости и выпретенных порывов, эта мечта его тревожила, наводила на него уныние, но потом, по утрате всего, что ему было дорого и мило в этом свете, сделалась неотлучною любезною его спутницею, всегдашнею подругою и утешительницею. Закрывал ли он глаза для отдохновения после тягостных трудов — первым видением его была Наташа, в черном платье, с печальною на устах улыбкою. Просьпался ли — мечта сновидения та же, всё та же, улетала, и впрямь казалось ему, будто действительная Наташа подходит к его постеле, неж-

ною рукою приподнимает его голову, другою отгоняет мрачные думы от его чела. «Наташа!» — проговорит он тихо и сим словом, как воззванием к Заступнице своей у Небесного Престола, начнет утреннюю молитву. Но эта светлая тень, эта посланница с того света чуждалась душной атмосферы людских пороков, улетала от ядовитого дыхания злобы, коварства и нечестия. Так, во время пребывания его на Кавказе неразлучная подруга стала являться к нему реже, с тех пор как Вестри познакомился с князем, и перестала посещать его вовсе, когда коварный предатель поселился в доме. Она явилась к нему, лишь только он, измученный, растерзанный, отчаянный, смежил глаза в ауле чеченском, и с тех пор его не оставляла. По мере приближения к Петербургу она показывалась ему реже и реже, а по прибытии в столицу вовсе его покинула.

— Наташа! — призывал он ее слабым голосом, идя домой из мрачного вертепа, гнездилища его злодеев. — Наташа! И ты меня оставила! Или уже мне пора переселиться к тебе... туда!

Он не помнил сам, как пришел в новое свое жилище. Верный Силантьев ожидал его в зале. Кемский, погруженный в глубокую, тяжелую думу, не замечал, что зала была убрана чисто, опрятно, что на стенах висели картины и эстампы в симметрическом порядке. Силантьев, привыкший в течение многих лет к странностям своего господина, не тревожил его ни докладами, ни вопросами: ему были известны те дни, те часы, в которые князь ходил как мертвый между живыми; встревожить, испугать его в это время значило положить на несколько дней в постель.

Кемский вошел в спальню и, обратив глаза к образу, пред которым теплилась тусклая лампада, повторил мысленно молитву, перекрестился и лег в постель. Не сон, а какое-то болезненное забвение смежило его вежды: он чувствовал, что не спит, а между тем видел пред собою мечты небывалые и несбыточные. Чрез несколько времени и эти легкие сновидения отлетели; он открыл глаза.

Лампада пред образом пылала ярче обыкновенного. В одном углу комнаты сидела Наташа во всегдашнем своем черном платье, облокотясь на стол, и томными глазами, в которых выражались и нежность, и грусть, и воспоминание, и надежда, смотрела в другой угол, темный, не-

досягаемый свету лампы. Вдруг и эта сторона стала проясняться: мало-помалу явился там лик младенца, в белой сорочке, опоясанной голубою лентою. Младенец, прекрасный, миловидный, сидел на подушке и с детскою улыбкою нетерпения протягивал руки к Наташе, как бы говоря ей: возьми меня! Кемский обратил глаза к ней — ее уж не было; посмотрел опять на младенца — лик его тонул в мраке. Лампада тухла, тухла — и вдруг погасла. Колокол прогудел три часа.

Это видение долго носилось в воображении Кемского: он не знал, наяву ли это было или во сне, только последнее явление — явление младенца, померкновение лампы и звон колокола, казалось ему, были не сонными мечтаниями. Милые образы кружились во мраке вокруг страдальца и под утро навевали на него сон тихий и крепительный.

Он проснулся поздно. Зимние лучи солнца проникали сквозь алые занавески и обливали нежным цветом белые стены комнаты. Припоминая мечты протекшей ночи, стараясь оживить их в своем воображении, Кемский открыл глаза — и что ж?

На белой стене, игравшей розовыми отливами, представился ему лик младенца, виденный им ночью. Он протирал глаза; нет, это не мечта, это представляется наяву. Рассмотрев внимательно, он увидел, что это было живописное изображение прекрасного дитяти, в естественную величину, без рамы, висевшее на стене над письменным его столиком, растолковал себе причину ночного видения и догадался, что эта прекрасная картина повешена Берилowym. Другую противоположную сторону стены занимал ландшафт его родины. Такое нежное внимание простодушного Берилова глубоко врезалось в душу князя. Артист был тот же, что и за двадцать лет пред сим: беспечный, равнодушный, даже бестолковый в делах жизни обыкновенной, прозаической, он чуял самые тихие звуки струн сердца человеческого и находил им отзыв в своем сердце — и этот путь шел в сердце его прямо, а не головою. Под сельским видом повесил он собственный свой портрет с подписью своего же сочинения:

*К*нязю из людей, человеку из князей,
благодарный до гроба *Андрей Берилов*.

Кемский с слезами умиления бросился на шею Берилову, вошедшему в его комнату. Артист был вне себя от восхищения, что угодил своему другу.

— Но что это за прелестное лицо, это не смертная — это ангел! — сказал Кемский, указывая на изображение младенца. — Скажите, где подлинник этой картины? Или она родилась в вашем воображении?

— Нет-с, ваше сиятельство, — пробормотал Бериллов в смущении, — это так, ничего-с, то есть это не выдумка, это дочь моя.

— Дочь ваша! — спросил Кемский. — Дочь ваша!

Бериллов покраснел, замялся, потупил глаза и не отвечал. Кемский, догадываясь, что в этом скрывается какая-нибудь тайна, заставляющая краснеть Берилова, перестал спрашивать, но не мог растолковать себе этой странности. Сколько было ему известно, Бериллов никогда не был женат. Но поэтому-то и должен он был щадить его вопросами о дочери. Минута недоумения бегло пролетела.

Кемский жил тихо и спокойно, ходил утром по делам и, пришед домой после скромного обеда, занимался книгами, приведением в порядок своих записок и мечтами. Берилова видел он редко. Вначале обедали они вместе, но это продолжалось не более недели. Бериллов никогда не приходил к обеду вовремя: иногда являлся часу в одиннадцатом утра и спрашивал: «Вы еще не кушали, князь?» Но чаще всего пропускал надлежащее время и приходил обедать, когда другие собирались ужинать или спать. Кемский сносил это терпеливо: он не был педантски привязан к маятнику и циферблату, но Бериллов сам догадался, что такое расстройство должно быть неприятно человеку немолодому и нездоровому, да и он, опаздывая приходом домой, беспокоя князя, крайне совестился, сердился на себя, божился, что с завтрашнего числа делается порядочным, и завтра отлагал исправление до послезавтра. Однажды он со слезами просил князя уволить его от своего стола, просил дать ему прежнюю свободу, позволить ему есть и спать где, как и когда захочется. Князь без всякого противоречия согласился на это, и Бериллов начал бродить куда глаза глядят, начал пропадать на несколько недель. И как это ему сделалось легко! Дом его стерегут, комнату чистят

и метут. Воротится к своим пенатам, и всё пойдет по-прежнему. Первым вестником его возвращения был обыкновенно крик Акулины Никитичны, сначала бранный, а потом ласковый, пробивавшийся сквозь заколоченную дверь. Затем Берилов являлся к князю.

— Здравствуй, Андрей Федорович! Где побывал?

— В Нарве, в Гатчине, в Кронштадте, в Выборге, в Новгороде, — отвечал артист и вынимал из портфеля свои этюды.

Князь разглядывал, критиковал, спорил. Берилов принимался исполнять эскизы — и чрез несколько дней исчезал опять. Потом опять являлся и начинал городскую жизнь бранью с Акулиною Никитичною; но эти побранки, в которых Кемский невольно участвовал слухом, были майским днем в сравнении с сентябрьскими бурями света, от которых князь укрылся.

Он был привязан к живописцу какою-то непостижимой силой. Увидев его в первый раз после разлуки у Вышатины, он почувствовал неизъяснимую в сердце отраду: ему казалось, что встретился с давно потерянным другом, с пришельцем с того света. «И это не удивительно, — думал он, перебирая в мыслях свои впечатления, — никто не знал ее так коротко, как Берилов; никто из тех, кого вижу ныне, не помнит ее ангельского взгляда, ее божественной души! И с какою пощадою он упоминает о ней в беседах со мною! Если б мне должно было из всех известных мне людей избрать в друзья одного, я избрал бы этого простодушного сына природы, в котором чувство изящного, истинного, великого и бессмертного таится, как неоцененный алмаз, искра луча солнечного в дикой оболочке!»

XLVI.

Великолепный бал разгорался. Тысячи свеч озаряли огромные залы, убранные зеркалами, завесами, фестонами. Легкие нимфы, как весенние мотыльки, летали, едва касаясь зеркального пола; вокруг их толпились искатели наслаждений с готовыми похвалами на устах, с насмешкою на лице, с эпиграммами в уме. Громкая му-

зыка едва покрывала шепот волнуемой толпы. Любители танцев еще не утомились и считали предстоящие им часы удовольствий. Прелестные наряды красавиц еще не увяли от жару, пыли и копоти. Еще было просторно в комнатах, и новоприбывающие находили место по выбору.

Кемский вошел в залу. Лет осмнадцать не бывал он в больших светских собраниях. Бесперывное движение, шум, блеск произвели в нем странное действие. Напоминая о давно минувших днях молодости и счастья, эта картина удовольствия и великолепия возбудила в сердце его чувство грустное, томительное: в уме его при громких звуках веселия возникла мысль о непрочности всего земного, о смерти, о тленности. Он вспоминал о прежних днях, о бывалых увеселениях, об отшедших собеседниках. Дни те улетели, звуки того веселия умолкли, те собеседники истлели под гробовым покровом. Теснимый, волнуемый грустными помыслами, он, сделав несколько шагов в зал, остановился и хотел бежать в свое уединение, но, вспомнив о причине, заставившей его втесниться в эту шумную толпу, заглушил в душе своей волнение воспоминаний и сравнений и пошел отыскивать хозяина или, лучше сказать, хозяйку.

Бал этот давал Лютнин в день рождения Пелагеи Степановны. Увидевшись с Кемским накануне, он пригласил старого товарища к себе на вечер. Князь с первого слова отказался, но Лютнин не принимал извинений, уверял, что он посещением своим обрадует добрую Полину, которая его истинно уважает, дал знать, что он отказом огорчит друзей своих, что повредит тем делу своего клиента. Одна эта мысль могла заставить Кемского отважиться на всё. Он дал слово — и явился, как на дежурство, как на искупление, в твердом намерении оставить общество как можно скорее. Грустное впечатление, произведенное в нем шумным веселием и ослепительным блеском, еще более укрепило его в этом. Он нашел хозяев, поздоровался с Лютниным, который в суетах праздничных рассеянно отвечал ему пожатием руки, поздравил Пелагею Степановну, а она едва удостоила его взглядом. «Может быть, однако, — подумал он, — хватятся меня; пройдуся раза два по комнатам».

Миновав ряд освещенных зал, он вошел в бильярдную. Два офицера, один гвардеец, другой флотский, играли на бильярде. Человека три неважных гостей сидели на скамьях и безмолвно смотрели на игру. Здесь было не так шумно, не так душно, как в парадных апартаментах; по отдалении сей комнаты от других, слышен был в ней и запах табаку. Кемский взмогился на высокую скамью. Слуга в богатой ливрее поднес ему сигарку. Он с удовольствием взял ее, закурил и обратил внимание на игру офицеров. Флотский сделал блистательный удар, и гвардеец сказал:

— Лихо! Хоть бы Ветлину так сыграть!

— Не сыграть ему так! — отвечал моряк и сделал еще одну мастерскую билию¹.

— Но согласитесь, что он играет прекрасно!

— Играл — *tempri passati*^{*}, — возразил моряк. — Теперь он у нас в ластовых² — лодки мажет да деготь крадет.

— Быть не может! Ветлин вышел из флоту?

— Нет! Мундир на нем тот же, да душа зачерствела. Промах!

— Ветлин — этот образец удалыца на берегу, отрада в кают-компани, герой в битве, неустрашимый в жесточайшей буре, стал теперь слабее, хилее, глупее — Бог знает чего! И всего страннее, что эта перемена сделалась с ним в продолжение кампании: безбородые гардемаринь³ воротились молодцами, а он каким-то монахом. Всех бегаёт, всего боится — как мокрая курица. Не поверите, как я удивился, увидев его сегодня здесь, на бале. Сергей Ветлин на бале! В былые времена он бегал парадных компаний, боясь принуждения. Теперь чуждается прежних товарищей, а на бал явился. Подите растолкуйте человеческие причуды! Партия. Не угодно ли *quitte à double*?^{**}

Кемский не проронил ни слова из этого разговора. «Ветлин! — думал он. — Сергей Ветлин! Крестник Элимова, этот негодяй, здесь, на бале». Ему совестно было обратиться с вопросом к незнакомцам, да сверх того

* [во] времена минувшие (*ut.*).

** не угодно ли повторить? (*фр.*)

нежное и почтительное обхождение племянников так его напугало, что он страшился вступать в разговор с молодыми людьми.

Он решился кое-как сам отыскать Ветлина и, выкурив сигарку, отправился в другие комнаты. Они были наполнены бесчисленною пестрою толпою, которая едва давала место танцующим. Кемский посматривал на все *якорные* воротники⁴. Вот флотский офицер танцует в кадрили. Нет, это не Ветлин: у того волосы темно-русые, а этот и белокур, и глядит каким-то телянком. Вот другой. Нет, этот уж слишком стар. Осьмнадцати кампаний Ветлин не сделал⁵. Еще несколько; по приметам — всё не Ветлин. Но вот играют в экарте⁶. За стулом одного пожилго, опытного корифея Английского клуба стоит молодой флотский офицер, темноволосый, статный. Может быть, это Ветлин. Он пристально следит игру. На лице его можно видеть, как в зеркале, весь ход карточного поединка. Лицо его правильное, благообразное. Глаза, глаза выразительные, но на устах играет — улыбка не улыбка, гримаса не гримаса — смешанное выражение и ласки, и презрения, и удовольствия, и досады. От нижней губы идет какая-то странная полоса, как борозда, проведенная страстями. И эта полоса по временам, когда душу подернет какое-нибудь чувство досады или нетерпения, становится глубже, явственнее, начинает безобразить лицо, но чрез несколько минут сверкнет в черных, пламенных глазах какой-то яркий луч — и эта полоса исчезнет мгновенно, и на устах пролетит другая улыбка, не прежняя, а отрадная и милая. «Если б это был Ветлин!» — подумал Кемский, подсел к игрокам и под видом наблюдения игры следил незнакомца. Интерес игры увеличивался ежеминутно. С ним наравне возрастало внимание офицера.

В антрактах между танцами дамы и девицы, по обыкновению взявшись за руки, прохаживались по залам. Офицер не глядел на них: дамы карточные занимали его более. Вдруг в перелетном шепоте раздалось слово: «*Ecoutez**, Надинька! Надежда Андреевна! *Ecoutez done!*»**

* Послушайте (*фр.*).

** Послушайте же! (*фр.*)

Офицер при сих словах вздрогнул, пламенная краска пронеслась по лицу его, он быстро обратился к мимоидущим дамам, отыскал глазами ту, которую звали, посмотрел на нее внимательно, потом испустил глубокий вздох, как бы обманувшись в своих ожиданиях, и опять обратился к картам, но спокойствие и внимание его исчезли. Видно было, что Надежка, или Надежда Андреевна, бродила у него в уме. Он постоял еще несколько минут, потом отошел от стола, удалился в другую комнату, опять воротился и стал на прежнее место.

Хозяин подошел к играющим.

— Ты не играешь, Кемский? — спросил он.

— Нет, любезный! — отвечал Кемский. — Только смотрю и учусь.

При произнесении имени Кемского молодой человек изменился в лице и уставил глаза в Кемского. Видно было, что в его душе происходило сильное волнение. «Это Ветлин!» — подумал Кемский, но не знал, как вступить с ним в разговор. И Ветлин был в крайнем замешательстве. В это время прежний офицер, проходя из бильярдной, потрепал его по плечу и, сказав: «Что, брат Ветлин, не разбирает ли тебя опять охотка отведать счастья на зеленом поле? Берегись, помни ревельские штуки!» — скрылся в толпе. Ветлин смешался еще более. Тогда Кемский встал, подошел к нему и спросил ласково:

— Вы Ветлин? Сергей Иванович? Конечно, помните Кемского?

— Помню ли! — с жаром сказал офицер, удерживая порыв, неприличный в большом обществе. — И вы здесь, в Петербурге, почтенный благодетель и хранитель моего детства!

— Уже несколько месяцев, — отвечал Кемский. — А вы?

— За неделю воротился из вояжа и третьего дня приехал в Петербург.

— Рад, что вижу вас, — сказал Кемский, истинно обрадованный тоном молодого человека, — но здесь нам не место толковать. Посетите меня! Вот мой адрес! — прибавил он, отдавая ему обертку письма, случайно бывшую у него в кармане. — До свидания!

Офицер взял адрес и с чувством пожал ему руку. Кемский вышел из комнаты и уехал домой.

XLVII.

На другой день вечером Сергей Ветлин явился к Кемскому. Он вошел в дом с каким-то страхом, раза три спрашивал у Силантьева, точно ли тут живет князь Алексей Федорович, и, вступив в комнату, поздоровавшись с князем, в недоумении осматривался во все стороны. Кемский заметил его любопытство и догадался о причине.

— Вам странно, Сергей Иванович, — сказал Кемский чрез несколько времени, — что я живу так уединенно, так просто?

— Признаюсь, — отвечал Ветлин, запинаясь, — что я думал найти вас если не в великолепном, то по крайней мере в удобном помещении.

— Почему ж это неудобно? — спросил Кемский с улыбкою. — Кто несколько лет провел в землянках да на биваках, тому это помещение должно казаться царским дворцом. Квартира сухая, теплая, для меня довольно просторная. Гостей у меня не бывает.

— Никого? — спросил Ветлин с испытующим взглядом.

— Почти никого, — отвечал Кемский, — иногда зайдет сосед и друг мой, живописец.

— А родственники? А сестрица? А племянники ваши?

— Видно, им некогда, — сказал Кемский и взглянул на картину, как будто желая прекратить или переменить разговор.

— Но я знаю, — продолжал Ветлин, — что Платон Сергеевич радовался вашему возвращению, он писал к одному своему приятелю, моему товарищу, что осчастливлен вашим приездом, что надеется от вас...

— Надежды обманчивы! — сказал Кемский, вздохнув. — Бог с ними. Дело в том, любезный Сергей Иванович, — прибавил он поспешно, как будто желая скорее высказать, — что во время моих походов имение мое расстроилось; из четырех тысяч душ отцовского имения вряд ли мне что останется по окончании дел; я должен жить скромно, чтоб на старости не быть в тягость другим; и вот почему не могу принимать родни, привыкшей к богатству и роскоши.

Слова эти произвели глубокое впечатление в молодом офицере: на лице его выразилось чувство уважения к кротости и великодушию, с ка-

кими Кемский отзывался о гнусных своих родственниках. Это выражение не ускользнуло от Кемского. «Вот, — думал он, — тот шалун, негодяй, изверг, о котором Алевтина мне писала! У него есть ум, чувство, совесть...» Разговор согрелся мало-помалу. Кемский расспрашивал Ветлина о его походах и вояжах. Молодой человек отвечал умно, живо, выказывал отличные сведения. Вечер пролетел неприметно.

Таких вечеров было еще несколько. Ветлин был всегда тот же. Иногда только проскакивало в его обращении, в его речах какое-то нетерпение, иногда срывались с уст выражения жесткие, неупотребительные в кругу хорошего общества. Но лишь только случится ему сделать или сказать что-нибудь неловкое, неприличное, он спохватится, с досады покраснеет и потом всячески старается загладить свою ошибку. Кемский не понимал его совершенно. Он нашел случай поговорить о нем с бывшими его начальниками в Морском корпусе. Все единогласно утверждали, что Ветлин одарен от природы отличными способностями, но скрытен, коварен, зол, мстителен, рад всякой беде ближнего и чужд всякого чувства любви и дружбы. На деле казалось Кемскому иное: бывали случаи, в коих Ветлин показывал ребяческую слабость и чувствительность, в которых, казалось, он готов был отдать душу за страждущего. «Загадка!» — думал Кемский.

Между тем проблески благородных побуждений и возвышенных мыслей в душе Ветлина, его бескорыстное уважение к благодетелю своего младенчества, его скромность в отзывах о недостойных детях Элимова мало-помалу зарождали в сердце Кемского сначала внимание, потом участие, уважение, а там и любовь. Он застал себя однажды готовым броситься в объятия молодого человека, предложить ему свою дружбу и просить взаимности, но мысль о том, что всё обращение, вся наружная жизнь Ветлина могут быть притворством, лицемерием, обманом, воспоминание о тех обманах и заблуждениях, в которые впадал он в течение всей бурной жизни своей, удерживали его. И Ветлин, казалось, замечал эту недоверчивость; казалось, иногда оскорблялся ею, но после мгновенного размышления опять становился прежним.

Когда, бывало, они в беседах своих столкнутся на чувстве, на каком-либо душевном признании, Кемский всегда умел обратить разговор на другое, обыкновенно на искусства, словесность, науки. И здесь Ветлин был действительно приятным собеседником. Он много читал, размышлял, видел много хорошего и любопытного в своих путешествиях, понимал музыку, знал толк и в других изящных искусствах¹, страстно любил словесность. Эти разговоры между им и Кемским были для них обоим самые приятные и занимательные: они высказывали друг другу свои впечатления, чувствования, мнения, без запинки, без умолчания. Лишь только же, бывало, речь коснется состояния их души, взаимных отношений, князь задумывался, а Ветлин приходил в замешательство. Казалось, у каждого была тайная мысль, которую один боялся открыть другому. В Кемском это, как сказано, была боязнь разочарования. В Ветлине замешательство проистекало из другого источника.

Однажды под вечер толковали они о преимуществе изящных искусств. Ветлин говорил, что для него дороже, приятнее, восхитительнее всего музыка и поэзия, что поэзия есть целый мир, повторение существенного в высшем, идеальном характере, а музыка — перевод поэзии на язык небесный.

— А пластические искусства?² — спросил Кемский. — Неужели живопись не может также быть поэзией, быть музыкою?

— Нет, не думаю! — сказал Ветлин. — Живопись — искусство слишком материальное: она представляет нам природу украшенную, не высшую, силится постигнуть и изобразить существующее, а до идеала не может возвыситься.

Кемский на это не соглашался. Ветлин оставался при своем мнении.

— Нет, — говорил он. — Живопись, изображение изящной, но мертвой природы никогда не тронет, не поразит меня так, как стихотворение Жуковского, как менуэт в «Дон-Жуане»;³ она оставляет в душе формы чувственные, постигаемые зрением и толкуемые рассудком.

В это время внесли в комнату свечи. Кемский прервал речь Ветлина.

— А это, например! — сказал он и снял покрывало с изображения небесного своего младенца.

Ветлин остановился, побледнел, потом пламенная краска пробежала по лицу его и слезы выступили на глазах.

— Это... это что? — спросил он, запинаясь, и поднял руки, как бы желая поддержать подавшегося вперед младенца.

— Это живопись! — отвечал Кемский, улыбаясь, и хотел закрыть картину.

— Пойдите! — воскликнул Ветлин. — Дайте мне еще посмотреть на этого ангела! — И он вперил взоры в картину, глаза его горели огнем необыкновенным и наполнялись слезами. — Чей это портрет? Откуда вы его достали? — спрашивал он, не сводя глаз с картины.

— Право, не знаю, чей, — отвечал Кемский, щадя тайну Берилова, — мне подарил его приятель.

Ветлин наконец заметил, что его жадное внимание может наскучить, со вздохом отвернулся от картины, сел в кресла и задумался.

Кемский, довольный силою своего довода, опустил покрывало, сел подле Ветлина и старался возобновить разговор. Мало-помалу беседа вошла в прежнюю колею. Ветлин разговорился о диких красотах Норвегии. Кемский, слушая его внимательно, заметил, что Север обижен путешественниками, что дикие и грозные красоты Скандинавии еще не находили достойного живописца, что Норвегия, Швеция, Финляндия ждут наблюдателей. При сих словах ему показалось, что в уме Ветлина блеснула какая-то счастливая мысль.

— Если б я знал, что искреннее желание и тщательный труд могут заменить талант творческий и живописный, — сказал он, — то попросил бы вас прочесть несколько очерков, набросанных мною в путешествиях. — Он произнес эти слова с усилием и покраснел.

Кемский просил его не слишком скромничать и доставить ему это удовольствие. Они расстались в этот день гораздо знакомее прежнего. Ветлин, уходя, взял князя за руку и посмотрел ему в глаза с неизъяснимым выражением, в котором смешивались боязнь и любовь, недоумение и надежда.

Несколько дней Ветлин не являлся. В одно утро Кемский получил тяжелый пакет с почты со штемпелем «Кронштадт». Это были литератур-

ные опыты Ветлина: описание некоторых морских путешествий, картина шторма у Шетландских островов;⁴ наблюдения в Норвегии, Швеции, Голландии и северной Франции. Но всего любопытнее была для Кемского одна тетрадка, в которой заключалась какая-то повесть: эта тетрадка была переписана с тщанием, на почтовой бумаге, переплетена, как казалось, самоучкою, но опрятно и красиво. Первые строки повести возбудили внимание Кемского в высочайшей степени. Он прежде всего принялся за эту тетрадку и прочитал ее, не вставая с места. Вот ее содержание.

XLVIII.

Жизнь сироты

*Н*е судите, не осуждайте людей с первого взгляда! Не судите! Храните первое о них *впечатление*: оно иногда бывает решительно и справедливо; но *суд* произносите по внимательном исследовании чувствований, мыслей, дел человека, а более всего по рассмотрении обстоятельств его жизни, воспитания и положения в свете. Люди! Люди! Как часто вы бываете неосторожны, несправедливы, жестоки в своих приговорах! Как часто осуждаете на казнь общего мнения того человека, которого сами своею холодностью, строгостью, недружелюбием столкнули с пути добродетели и правды! Счастлив он, когда над ним сжалится Небо, когда пошлет ему помощь, отраду, надежду и утешение!

Натуралисты говорят, что человек рождается на свет слабее, беспомощнее всех животных, и самых ничтожных. Они говорят это в отношении физическом, а во сколько крат эта истина истиннее в мире нравственном! Пусть всяк из нас вспомнит, чем он обязан первым ласкам, первым урокам, первым предостережениям матери! Как глубоко врезалось в его сердце каждое слово отца, и невзначай им произнесенное! Пусть вспомнит он наставления, замечания, поправки своего воспитателя, своего брата,

друга, старшего из своих товарищей — и потом исчислит, чем обязан он руководителям своего детства и что останется на долю собственной его деятельности и любви к добру! Теперь отнимите эти пособия, эти уроки, эти поощрения у возрастающего человека: на привет любви младенческой отвечайте холодностью, порыв добродетели наказывайте как шалость, благородную откровенность называйте дерзостью, любовь к правде — нескромностью, благотворительность — мотовством; давите, истребляйте все зародыши добра, превращайте ближних его в совместников и врагов... что выйдет из такого человека? Нелюдим или злодей, смотря по его темпераменту. И потом вооружитесь всею силою *печатной* морали и жестоким приговором карайте произведение собственного вашего бездушия, несправедливости и ненависти к добру! Вот ваша людская справедливость! К счастью, она и в этом мире не верховное судилище. Но кто дерзнет искать и, менее того, требовать правосудия против большинства голосов?.. К тебе, Небесное Провидение, пославшее человека в мир на испытание, обращается вся его надежда и вера! Ниспошли ему твоего ангела, спаси его на пути жизни и приведи в тихое пристанище... достойным твоего бессмертия!

Я не помню самых первых лет своей жизни. Знаю только, что в самый час моего рождения отец мой пал на штурме Измаила, а мать умерла на девятый день. Я был взят на воспитание крестным отцом, добрым человеком, который когда-то служил под начальством моего отца. Мне было лет пять от роду, когда не стало моего воспитателя, но он сдал меня на руки одному своему родственнику. Воспоминание об этом родственнике его есть одно из самых ранних и приятных в моей жизни. Он был человек молодой, добрый, ласковый, приветливый. Я жил в доме его сестры с племянниками его, и он навещал нас очень часто. Прихода его ждал я с нетерпением, по уходе его тосковал и грустил несколько часов. Еще одна особа услаждала годы моего младенчества — девица, воспитательница детей моего воспитателя.

Я помню лицо ее, прекрасное, одушевленное, божественное. Когда я, лишась ее, в тоске и отчаянии призывал моего ангела-хранителя, он являлся моему воображению в чертах лица незабвенной хранительницы моего детства. Счастье мое достигло крайней точки, когда мой благодетель на ней женился. Я перешел в их дом, стал называть их отцом и матерью. Эти дни, немногие, представляются в моей памяти белою светящеюся чертою на темном поприще моей жизни.

Но счастье мое было непродолжительно. Благодетель мой уехал на войну и не возвращался. Жена его умерла с горя. Меня опять взяли в дом сестры его — и как? Не дали даже проститься с прахом моей доброй маменьки. Это было первое горестное ощущение в моей жизни, ужасное, жестокое. Мне казалось, что я переселен в другой мир, что надо мною осуществилось священное сказание, которое читал я под руководством моей воспитательницы: об изгнании человека из земного рая. И это произошло в то самое время, в ту самую минуту, могу сказать, когда душа моя прозрела, когда началось умственное мое бытие: дотоле я неведомо носился в жизни, как мотылек в аромате цветов весенних, чувствовал, а не мыслил, видел, а не знал.

Пробуждение моего ума, помню я, последовало, когда мы сидели за столом: сестра моего благодетеля, второй муж ее, два сына, дочь, учитель, гувернантка и я. Поводом к тому было детское дело, но оно оставило впечатление на всю мою жизнь и имело важное влияние на всю мою судьбу. В то время был обычаем ставить на стол все блюда вдруг, а не вносить одно за другим, как ныне. В числе этих блюд заметил я одно, которое часто бывало на столе у моих воспитателей; им моя благодетельница обыкновенно потчевала своего отца, старичка доброго и почтенного. Это были малороссийские вареники. Я обрадовался им как старым знакомым. Но причиною этой радости было отнюдь не лакомство: мне почудилось при взгляде на это блюдо, что я сижу в прежнем кругу, между папенькою и маменькою, что под-

ле нее с другой стороны сидит ее отец, что она меня ласкает, что папенька глядит на меня приветливо. Я забыл о еде и проснулся только, когда гувернантка подала мне вареников. Я схватился за тарелку с жадностью, но в то же время почувствовал сильный удар по щеке, и надо мною разразились слова хозяйки: «Обжора ненасытный! Мерзкий лакомка! Ничего не ел, всё глаза пялил на вареники! И ты еще смеешь выбирать? Ешь что дадут, нищий! И так чуть было не заел всего добра моих бедных детей!»

Я не мог опомниться, не знал, что делается со мною. Меня ударили по щеке еще раз, и раздались слова: «Вон, побродяга! Прочь от моего стола! Тебе ли обедать с благородными людьми, с князьями! Кормить его вперед с девками! Вон отсюда, ненасытная тварь!»

Меня столкнули со стула и увели в девичью. Я не плакал. Я не знал, что со мною делается. Мне почудилось, что свет в глазах моих подернулся какою-то темною завесою. Но с этого часа я стал всё помнить, стал рассуждать, сравнивать, и первым моим детским заключением было, что сестра моего благодетеля — злая волшебница, что она извела моих родителей и воспитателей, что она из мира людей праведных и добродетельных перенесла меня в какой-то ад, где я окружен одними злодеями и врагами. Мучительница моя выпнала меня из-за своего стола не на один только этот обед. Я остался навсегда с служанками и слугами. Меня одели как крепостного мальчика, на ночь отвели мне место в темном чулане, на грязной, жесткой постеле. Слуги в этом доме были развратные, дерзкие и порочные наглецы. Их держали очень дурно, не давали им наедаться досыта, бранили и били виноватого и невинного, а слуги за то поносили, обманывали, обкрадывали господ. И я всё это видел! Меня приняли в эту гнусную компанию с досадою и бранью: должно было кормить меня из общего людского харча; порции для меня не отпускалось. Я никогда не мог читать без слез истории младенца,

дофина французского, которого из великолепных палат версальских бросили в смрадный вертеп, из рук попечительных наставников отдали во власть пьяного сапожника:¹ я был предан на жертву целой ватаге.

Наконец одно существо сжалилось надо мною — это была старая ключница, которая за что-то помнила моего благодетеля. Она защищала меня от нападений других слуг, кормила остатками с барского стола, мыла, чесала, одевала меня. Но, мне кажется, лучше б было для моей нравственности, если б я испил всю чашу горя, без всякой помощи. Старуха употребляла для облегчения моего положения не самые позволительные средства: крада у господ хлеб, которым меня кормила, надевала на меня белье своих баричей и каждое благодеяние свое сопровождала проклятиями и бранью на «злодейку», как она величала свою барыню, на глупого ее мужа и на всё ненавистное их племя. Однажды, когда она истощила все возможные проклятия на своих господ, я спросил у нее: «Что ты, Егоровна, так сердиться на барыню? Мне кажется, она все-таки лучше обходится с тобою, чем с другими своими людьми. Тебя не тревожат, не мучат работою, не бьют». «Ах, родимый! — отвечала на это старуха, залившись слезами. — Она душу мою сгубила! Нет мне спасения ни здесь, ни там, на том свете!» Я стал допытываться, что значит «душу сгубить». Егоровна растолковала мне, что госпожа принудила ее взять на душу тяжкий грех, которому нет прощения ни у людей, ни у Бога. «Зачем же ты послушалась?» — спросил я простодушно. «Будь я одна, никакая сила не заставила бы меня сделать то, что она велела. Да у меня дети: Федьку грозилась она отдать в солдаты, а Дуняшку продать в Шлюшин на фабрику»². Рыдания и слезы прервали речь несчастной. Эти признания смущили меня до крайности: я не допытывался далее, но в душе моей поселилась глубочайшая ненависть к волшебнице, и я старался мстить ей всевозможными средствами. Не было шалости или дерзости, на которую бы я не отваживался. Меня жестоко

наказывали. Я терпел. Старуха поощряла меня к новым подвигам против моих злодеев, уверяя, что, делая зло дурным людям, угождаешь Господу Богу. Вдруг положение мое неожиданно переменилось. Меня одели по-прежнему, начали сажать за стол с господами; люди стали служить мне. Злость и ненависть волшебницы выражались только грозными взглядами и отрывистыми словами. Впрочем, должно признаться, что теперь я лучшего обращения и не заслуживал. В передних, лакейских и людских забыл я скромность, учтивость и послушание и, заметив, что меня приняли в прежнее общество по какой-то необходимости, не старался заслуживать внимание и похвалу. Старуха моя открыла мне причину возвращения моего в господские покои: получено было известие, что мой благодетель жив, что он воротится в Петербург. «Приедет он, родимый, — говорила она в отчаянии, — я сниму с себя грех! Он меня помирует!» А я думал: «Приедет он, так я расскажу ему все злодеяния волшебницы, и мы заодно с ним станем от ней обороняться». Но он не приезжал. Однажды поутру толстый управитель, один из самых жестоких мучителей в доме, велел мне одеться, посадил меня в сани и повез на Васильевский остров. Я обрадовался катанью, которым давно не наслаждался. Меня привезли в какой-то большой дом: ввели в комнату, где были незнакомые офицеры и за письменными столами сидело еще несколько человек. Меня раздели. Я закричал, думая, что будут сечь по-домашнему. Но нет! Какой-то толстый господин в мундире оцупал меня всего, заставил показать язык и зубы и объявил одному офицеру: «Можно принять». Меня опять одели; явился какой-то сторож и снял с меня мерку. Управитель поклонился офицеру, а этот взял меня за руку и, сказав: «Ну, душенька! Ты теперь кадет Морского корпуса», — повел из комнаты. Разными коридорами вошли мы в предлинную залу, где сидело за столом множество детей в мундирах. Я обрадовался. «И мне сошьете такой же мундир?» — спросил я у офицера. «Точно такой!» — отвечал он и посадил на

порожнее место. Кадеты осматривали меня с головы до ног. Я с жадностью стал есть: за столом волшебницы мне никогда не давали наесться досыта, так что я не раз сожалел о лакейском обеде. По окончании обеда, возвещенном, к великому моему удовольствию, барабанным боем, новые товарищи повели меня с собою в другую залу. Там начали подтрунивать надо мною, начали вызывать меня на спор и на драку. Воспитанный в обществе жокеев и фореиторов, я принял вызов и начал бить всякого, кто ко мне подступал. Раздались крики; в залу вошел офицер и спросил о причине шума. «Новенький дерется», — отвечали ему кадеты, показывая растрепанные свои волосы, оторванные пуговицы, подбитые глаза. «А, друг, — сказал он, — тебя на новоселье надо проучить. Розог!» Я не успел опамятоваться, как уже лежал на скамейке под жестокими ударами. Взбешенный, озлобленный, я решил мстить всем и каждому. Вечером подрался я еще с несколькими товарищами; они хотели на меня жаловаться, но вдруг явился мне покровитель. Один двадцатилетний кадет Хлыстов за меня вступился. «Не трогать его! Он лихой мальчи!» — сказал он громким голосом, и все от меня отлетели.

Хлыстов был, что называлось тогда в Морском корпусе, *сбика*: первый негодяй, тщеславившийся своею ленью в классах, грубостью в обращении с учителями и офицерами, забиячеством с товарищами. Он был одиннадцать лет кадетом³ и всё это время сидел на ленивой скамье⁴ одного из низших классов, окруженный своими подражателями. И наружность такого одичалого кадета была необыкновенная: он насаливал вгладь свои волосы, носил крутой пучок, голенищи на сапогах были у него не гладкие, а состояли из множества мелких складок, ходил он разваливаясь и посвистывая, задевал и бил всех, кто только очутится у него под руками. Одно спасение было — признать его власть и подражать ему во всём: я этим воспользовался и, быв несколько раз наказан за лень, получил место подле своего на-

ставника и образца. Вся жизнь наша проходила в выдумке и исполнении новых шалостей. Воспитатели и учителя наши перестали заниматься нами как самыми безнадежными. Между тем я подрост, и дикие, грубые шалости Хлыстова начали мне надоедать: я искал благороднейших средств к тому, чтоб досаждал своим товарищам, и вскоре нашел. Это были так называемые математические *пешки*: выдумать несбыточную теорему, доказать ее фальшивыми формулами и тем одурачить товарищей, иногда и учителей. Хлыстов сначала косился, видя, что я берусь за книгу и грифель; но когда я растолковал ему, для чего я занимаюсь наукою, когда он сам увидел, что я пристыдил нескольких из первых наших *выскочек* (так называли мы умных и прилежных кадет: это то же, что у взрослых негодяев, в свете, называется *беспокойным человеком*), то позволил мне продолжать начатое. Я начал шалостью, а кончил делом. Изыскивая и придумывая пешки, я постиг силу математики и пристрастился к ней. Учителя заметили эту перемену и стали одобрять меня. Хлыстов начал догадываться. «Э! Брат Ветлин, — сказал он однажды, — да это не по уговору: тебя всё зовут к доске. Так-то ты держишься друзей?» «Помилуй, Хлыстов! — отвечал я. — Это всё *пешки*. Разве ты не видел вчера, как я спорил с учителем? Наконец я поставил на своем, а он замолчал; между тем всё, что я говорил, суший вздор». «Коли так, то изволь тепшиться! — отвечал Хлыстов. — Только, чур, не изменять. Лишь только съедешь с ленивой скамьи, места тебе в корпусе не будет».

Надобно было приискивать новые средства к шалостям, чтоб не лишиться покровительства грозного Хлыстова: он иногда оставлял в покое товарищей, которые всегда вели себя благородно, но отступникам, ренегатам не было пощады. Я вздумал писать стихи на товарищей и на офицеров. Первые опыты мои были так плохи и бестолковы, что и безграмотный Хлыстов не одобрил их. Как быть! Надобно поучиться. Мой меценат позволил мне заняться русскою словесностью с тем условием, чтоб я

написал длинную сатиру на весь корпус, от директора до привратника. Языкоучение имело на меня то же влияние, что и математика: занявшись прилежно в классе словесности русской, я забыл свое обещание. «Что ж сатира?» — спрашивал Хлыстов угрюмо. «Дай еще поучиться; очень трудно». — «Вестимо дело! — отвечал он. — И в чехарду не сразу выучишься. Только смотри: напишешь сатиру — и баста. Полно заниматься пустяками».

Хлыстов не дождался моей сатиры. За одну громкую шалость был он отослан из Корпуса в Адмиралтейств-Коллегию⁵ и разжалован в матросы. Его не стало вдруг. Решение корпусного начальства и исполнение последовали во время обеда. В двенадцать часов я с ним расстался при выходе из класса: его потребовали к директору. В два часа мы воротились в классы. Место Хлыстова было не занято, и чрез несколько минут разнесся слух, что его уже увезли. Потеря товарища сильно меня поразила: не то чтоб меня испугал пример его: мы, негодяи, считали такие наказания делом случайным, несчастием, бедою, а не справедливым возмездием за дурные поступки. Но я лишился в Хлыстове единственного человека, с которым делился мыслями и чувствами, который любил и защищал меня. Я плакал, горько плакал. И за этими горькими слезами последовало не умиление, не раскаяние, а чувство злобы, ненависти и презрения к людям, которые отняли у меня друга. По удалении Хлыстова я сделался старшим из удальцов, но мне уже никто не мешал учиться. И я кинулся в занятия, чтоб заглушить свое безотрадное одиночество. Во многом я не мог догнать товарищей моих; только в математике и в русском языке был из числа первых. Меня пересадили с ленивой скамейки, но я не попал в число благонаравных. Успехи мои в классах, превосходство мое над некоторыми товарищами, унижение пред другими — всё это более и более ожесточало мое сердце, заставляло ненавидеть и гнать людей: в каждом из них видел я своего смертельного врага и непримиримого совместника. По экзамену мне доста-

лось в гардемарины. Мы отправились в кампанию на учебном фрегате⁶. Товарищи меня не любили. Я мстил за эту нелюбовь и в то же время возненавидел жизнь.

Сколько раз, стоя у трапа, смотрел я на пенящиеся волны морские и думал: «Не прекратить ли ненавистного моего бытия? Капитан будет за это наказан, но нет! Товарищи будут радоваться, что от меня освободились. Не дам им этого удовольствия: буду жить, буду их дразнить и мучить». Три кампании кончились. Мне досталось в офицеры⁷.

По наукам математическим я был из числа первых, но по нравственности и поведению отмечен минусом. Директор грозил выпустить меня в армию, может быть, и унтер-офицером. Но вдруг отдали в приказе, что я наравне с другими флотский мичман⁸. Как это сделалось, точно не знаю. Я слышал впоследствии, что моя гонительница, узнав о предстоящей мне участи, испугалась того, что скажут в свете, и убедила начальство не лишать меня чина.

Я вышел на свободу. В Кронштадте свел я знакомство и дружбу с первыми шалунами, выучился играть, пить. Главною страстью моею была игра в карты, в кости, на бильярде — только бы играть; главным предметом ненависти и презрения — всякая порядочная, благородная женщина, всякая честная девица. Я не верил ни чести, ни добродетели; всякую женщину неразвратного поведения почитал лицемеркою и обманщицею и полагал не только позволительным, но даже и должным преследовать и обижать ее всеми возможными средствами. Меня отправили в Ревель, тогдашнее место ссылки флотских удалцов⁹. Я очутился в своей сфере: сделался грозою и ужасом мирных биргеров, их жен и дочерей, прославился даже между дерптскими реномистами¹⁰, приезжавшими в Ревель на праздники. «Ein gräulicher Kerl!»* — говорили обо мне кандидаты философии.

* Мерзкий юнец! (нем.)

Не знаю, чем кончилась бы эта жизнь — разжалованием, поединком или самоубийством, если б не последовало перемены во всём существе моем. Первым к тому побуждением было морское сражение. Я был на корабле «Рогволоде», составлявшем часть Балтийской эскадры. Нам пришлось выдержать жестокий и неравный бой с англичанами и со шведами. Как удивился я тут поведению моих задушевных друзей и товарищей! Храбрейшие сопостаты ревельской полиции, грубые в обращении с порядочными женщинами, дерзкие пред начальниками, побледили при первом выстреле. Откуда взялось человеколюбие: все они спешили вниз на кубрик, к раненым, для подания помощи. Но те офицеры, которые на берегу вели себя благородно, не проигрывали в карты последней копейки, не утопляли в пунше последней искры рассудка, были спокойны, неустрашимы, храбры. Артиллерийский лейтенант, над которым все мы, молодые шалуны, трунили, который смешил нас своею медлительной исправностью на службе, строгою подчиненностью начальникам, вдесятеро его глупейшим, явился в сражении истинным героем.

Англичане отрезали нас от эскадры; один их корабль бил нас с боку, другой зашел вперед и очищал палубы продольными выстрелами. Почти все наши люди были убиты или ранены. Капитан был вправе, по морскому уставу, спустить флаг. Он подошел к флагштоку, но тут стоял артиллерийский лейтенант с обнаженною в руках саблею и грозился изрубить всякого, кто только слово вымолвит о сдаче. Я смотрел на него с изумлением. Лицо его пылало, глаза сверкали огнем неестественным, но во всём его положении, во всех приемах было какое-то величественное спокойствие; такими воображал я себе потом христианских мучеников, шедших с улыбкою и пением на верную смерть. Вдруг одно неприятельское ядро разорвало пополам лейтенанта и переломило флагшток. Флаг упал сам собою, и пальба неприятелей в ту же секунду прекратилась¹¹. «Рогволод» сдался. Нас, офицеров, свезли на неприятельский флагманский ко-

рабль. Имея о праве войны самые дикие понятия, я воображал, что с нами будет невесть что. Английский адмирал принял нас с величайшей вежливостью, посадил, угостил завтраком, уверял, что никогда не имел дела с такими храбрыми людьми, возвратил нам шпаги и отправил нас к нашему главнокомандующему с учтивым письмом, в котором засвидетельствовал ему, что мы исполнили долг свой как честные моряки. Всё это сбило, перемешало мои темные дотоле понятия. Мы жестоко дрались с англичанами, нанесли им много вреда — и они нас за это уважают. Мы пользуемся славою и честью, а тот, которому мы более всего обязаны, расторгнутый на части, тонет в пучине морской. С одной стороны, великодушные людей, с другой — непостижимость Провидения. Я начал сравнивать, размышлять и наконец добился до того, что есть в мире что-то выше обыкновенного, человеческого, что я сам стою гораздо ниже этого обыкновенного, что по всем законам падший в исполнении долга своего лейтенант не умер совершенно. И так далее — до первой шумной беседы на берегу. Тут прежние буйные потехи, карты, насмешки, кощунства развеяли эти начатки размышления, но не совершенно; семя было брошено и силилось прозябнуть.

Прошло еще несколько времени. Человек пять флотских офицеров, в том числе и я, были откомандированы в Гапсаль¹². Война с шведами и с англичанами кончилась¹³. Было тихо и спокойно. Наши больные опять отваживались купаться в море. Для этого съехалось в Гапсаль несколько семейств. Однажды в шумной офицерской беседе стали смеяться над дамами, которые купаются в открытом море, и положено было когда-нибудь испугать такую лебединую компанию. Я взялся за исполнение этой низкой шалости и в одно утро, когда от берега отвалило несколько шлюпок, наполненных купальницами, из-за одного мыска пустился с своим денщиком в лодке вслед за ними. Я сам не знал, как и что сделаю, но твердо положил перепугать их насмерть. Передние шлюпки далеко ушли в море, я греб всею силою, чтоб догнать их. Одна из оставших шлюпок поравнялась со мною.

Ко мне неслись французские слова. «Вот я вас посажу на бонжуре!» — бормотал я про себя. Вдруг раздался со шляпки звонкий женский голос. «Куда вы едете, господин офицер?» Я хотел было отвечать: «А вам какое дело?» — поднял глаза и не мог разинуть рта. На краю шляпки стояла девица лет четырнадцати, в белом платье, в соломенной шляпке. Лицо, глаза, голос ее — всё смутило меня. «Куда изволите ехать?» — спросила она твердым голосом. «Рыбу удить!» — отвечал я, едва переводя дух. «Так сделайте милость, выберите другое место!» Я не отвечал ни слова, загреб веслом, поворотил назад и не смел поднять глаз. Неведомый трепет пробежал по моим жилам. Сердце мое стеснилось. Дыхание сперлось в горле. Я работал веслом, как будто бы за нами гнались корсеры.

Через несколько минут злой дух во мне очнулся. «Что ты это, Ветлин? — шептал мне тайный голос. — Подлец! Испугался женщины, девчонки! Назад! Будь молодцом! Ай, Ветлин! Струсил». Ветлин действительно струсил. Во мгле черной души моей зажглась какая-то звездочка, к которой невольно обращались мои внутренние взоры. Я не мог дать себе отчета в том, что ощущал в это время. В глазах у меня что-то мелькало, в ушах звенело, сердце сильно билось, дыхание останавливалось, руки дрожали, весло едва мне повиновалось. И всё это произошло в течение нескольких секунд; мне же казалось, что с того времени, как в ушах моих раздался ее голос, как взгляд ее сверкнул предо мною, прошло долгое, долгое время. Вдруг пронзительный женский крик вывел меня из забвения. Я оглянулся в ту сторону, откуда он посылшался, и увидел в нескольких шагах от себя простую крестьянскую лодку, в которой сидело несколько человек. Одна молодая эстонка рвалась броситься из лодки в воду, другие ее удерживали. Я поглядел на воду и увидел тонущего ребенка. Тут было не глубже аршина. Не зная сам, что делаю, я выскочил из челнока, схватил ребенка и подал его матери. На меня посыпались эстонские благословения. Я не понимал их, но

мысль о добром деле, о благодеянии, оказанном мною ближнему, привела меня в умиление. В сердце ощутил я какую-то приятную теплоту. Душа моя проснулась. Звездочка, зажженная в ней незнакомою девицею, окружилась каким-то радужным венцом.

«Что ж, Ветлин! Уж воротился!» — закричали мне с берегу товарищи. «Мне дурно!» — сказал я, с трудом выбравшись из лодки и бросившись на траву. Они мне поверили: с меня лил холодный пот, лицо горело, лихорадка била меня жестоко. Платье мое было мокро. Я рассказал им приключение с крестьянским ребенком. «Так этих лебедек спас их ангел-хранитель!» — сказал один из моих товарищей. «Точно ангел!» — подумал я. Я переоделся, напился теплого; наружная болезнь моя тем и кончилась. Но внутренний жар не простывал.

Дело наше в Гапсале было кончено. На другой день рано утром отправились мы обратно в Ревель. Неведомый дотоле небесный образ юной красавицы занимал меня таким сверхчувственным образом, что я не думал спросить, кто она такова. Но она должна быть русская, думал я: эстляндки¹⁴ не говорят по-русски, и так чисто, так решительно. По возвращении в Ревель я почувствовал во всём своем составе непостижимую для меня перемену. Шумные беседы, пиршества — всё это мне надоедало, и я не мог понять, каким образом когда-нибудь находил в них удовольствие. Все предметы являлись мне в новом свете, как будто покрытые лоском, которого я дотоле не замечал. Всего страннее для меня было то, что я начал смотреть на женщин со вниманием, участием, уважением. «Что бы это было такое? — думал я, припоминая с досадою и стыдом историю всей своей жизни. — Где я был доньше? Что чувствовал, что мыслил, что делал?»

При этой перемене моего существа я еще более отделился от людей. Порядочные, степенные люди бегали меня как шалуна и негодяя; прежние товарищи бросили как труса и предателя. В одном, признаюсь, я не мог переменить прежних своих привычек — в картах. Прежде я играл из шалости, так, по примеру

других: теперь пристрастился к игре с каким-то ребяческим суеверием, заметив, что дама редко мне изменяла и почти никогда, если поставлена была червонная. Когда же, случалось, убьют и эту, я приискивал в уме своем какую-нибудь вину и уверял себя, что за это именно наказан дамою. Между тем я не знал сам, что со мною происходит. Но однажды как-то вздумал я читать (это было в карауле). Смененный мною офицер оставил на гауптвахте какой-то засаленный употреблением роман. Не помню ни содержания его, ни титула, знаю только, что в нем молодой человек описывал рождение и усиление своей любви.

«Да это я! Это любовь!» — воскликнул я невольно и продолжал чтение с жадностью. Роман этот скоро был прочтен. Я за другой — и там то же; за третий — еще то же. «Так вот любовь? — думал я про себя. — А я, несчастный, называл любовью...» Вскоре прочитал я все романы, какие только были на эскадре и в порте, но жажда к чтению возрастала во мне по мере мнимого утоления. Однажды жаловался я одному из моих товарищей, человеку образованному и знающему, на недостаток книг. «Русских, конечно, мало, — возразил он, — но кто мешает вам читать французские, немецкие?» «Кто? — подумал я. — Ненавистный Хлыстов! Он пустил меня на весь век глупцом и невеждою. Но мне двадцать третий год от роду. Неужели прошло время учиться? А как приступить к этому? Где найти учителя? Кому признаться в моем постыдном невежестве и еще в постыднейшем (в глазах некоторых людей) желании учиться?»

Наконец я решился пойти к директору гимназии и просил его рекомендовать мне хорошего учителя немецкого и французского языка для племянника моего, гардемарина. Он обещал исполнить мое требование. На другой день явился ко мне почтенный старичок в напудренном парике, в кафтане старинного покроя и учтиво объявил, что он по фамилии Дюмон, нацией алзатец¹⁵ и рекомендован мне директором гимназии для моего племянника. Я не знал, как объяснить ему, что не племянник,

а сам дядя имеет надобность в его уроках: языка французского или немецкого у меня бы стало, но признание было жестоко. И в эту минуту вдруг явились ко мне два прежние приятеля, выгнанные из службы уланы: пришли поквитаться. Я был в чрезвычайном смущении. Пред ученым стыдился общества игроков, пред игроками краснел за ученого. Старичок догадался и, сказав: «Вам теперь недосуг, вот мой адрес!» — вышел из комнаты.

У меня отлегло на сердце, когда один из негодяев сказал мне: «Так вот у кого ты занимаешь деньги! О, французы молодцы на аферы! Нельзя ли и нас порекомендовать ему на случай нужды? Такие знакомства в свете не лишние!» Я отвечал шуткою, и мы сели за зеленый стол. Я чувствовал всё ничтожество, всю низость прежних моих связей, видел, что они не поведут меня к добру, но не имел духу вовсе от них отказаться.

Бесперывное, продолжительное обращение с развратными и порочными людьми рождает вокруг человека какую-то душную, тяжелую атмосферу. Задыхаешься в ней, а выйти на свободу нет сил.

На другой день отправился я к Дюмону. Он жил на Доме, или в так называемом Вышгороде¹⁶, в одном из домов, которые, как птичьи гнезда, прилеплены к горе. Я позвонил у дверей: вышла чистенькая старушка эстонка, объявила мне ломаным русским языком, что хозяин ее скоро воротится, и просила подождать. Я вошел в его комнату, небольшую, в два окна, но чистую и уютную. Над софю висели портреты Лудовика XVI и Марии Антонии¹⁷. На окне стояли горшки с пышными розами, висела канарейка. В углу серебряное распятие. В шкапу около ста книг латинских и французских, в старинном переплете. Я подошел к открытому окну. Вид простирался под гору, на море, тихое и гладкое как зеркало. Через четверть часа старичок воротился домой и ласково меня приветствовал. Я дал ему знать, что я сам тот молодой человек, которого он должен образовать. Это его отнюдь не изумило. Мы тотчас принялись за дело.

Сначала было мне неловко и трудновато слушаться его наставлений, несколько раз повторять за ним слова и фразы, писать под диктовкою и т. д.; но мало-помалу я к этому привык и стал находить в этих уроках неизвестное мне дотоле удовольствие. Не одним языкам учился я у почтенного старца: его жизнь, его образ мыслей, его правила — всё действовало на меня благотворно. Я никогда не видал его угрюмым, нетерпеливым, праздным. Приходя поутру, часов в шесть, заставлял я его занимающегося своими книгами, цветами, птичкою. Завтрак, обед его были умеренные. Учтивость в обращении, даже со служанкою, удивительная. Он называл ее не иначе, как «вы» и «madame Marguerite»*.

Иногда случалось, что я приходил к нему из беседы моих прежних товарищей — какая разница! Мне чудилось, что я из смрадной пещеры, серными парами напитанной, выступал на свежий воздух. Мы с ним знакомились короче и короче. Я остерегался выказывать пред ним мои прежние мысли и правила, удерживался от порывов неукротимого дотоле нрава, но не всегда успевал в этом. Умный старик вскоре проник меня насквозь, узнал мои склонности, мой образ мыслей, мою ненависть к людям, злорадство и мстительность. Другой стал бы меня чуждаться, презирать, ненавидеть. Дюмон этого не сделал! Кроткою беседою, родительскими наставлениями он смягчал нрав мой, исторгал плевелы, насажденные дурным примером и обществом и посеял в сердце семена добра, благородства, человеколюбия, великодушия.

Я узнал жизнь его. В пылу революции, в царствование ужаса всё его семейство истреблено было страсбургским Робеспьером, расстригою Эвлогием Шнейдером;¹⁸ сам он насильно исторгнут был из челюстей смерти другом юности своей. И этот друг был русский, сотоварищ его в Страсбургском универси-

* госпожа Маргарита (*фр.*).

тете. Дюмон приехал с ним в Россию, занял место учителя в доме одного эстляндского помещика, воспитал там в течение пятнадцати лет всё семейство и, получив в награду небольшой капитал, поселился навсегда в Ревеле. Он продолжал заниматься преподаванием французского языка, но жил совершенно как отшельник. Только две мысли наполняли его душу, могли привести его в восторг и в исступление: первая — что во Франции кончится владычество революции и Бонапарта и законная династия взойдет на престол. И этими надеждами питался он в то время, когда Наполеон был на верхней точке своей славы и могущества. Тогда начиналась война его с Россией. «Видите ли? — говорил Дюмон. — Это первый шаг к его падению!» Вторая мысль была о друге-спасителе. Этот друг жил в Петербурге и изредка навещал товарища своей юности. Дюмон ждал его приезда, как дети светлого праздника. «Вы увидите его, — говорил он мне со слезами умиления, — увидите моего Michel Iwan Petroff!* Вот человек! Может быть, есть в свете другие такие же люди, но я их не знаю».

В одно утро, являсь к моему наставнику для занятий, я нашел его в необыкновенном движении. В глазах его блистал восторг. «Тише! Тише! — сказал он мне, когда я вошел в комнату. — Он спит; он устал с дороги; не разбудить бы его». «Кто спит?» — спросил я. «Кто! — возразил он с нетерпением. — Мой друг, Michel Iwan! Он приехал вчера и теперь еще отдыхает». Мы тихохонько сели за работу. Куда девались старание, внимательность, педанство моего учителя! Он всё делал наобум; пошлышится ли малейший шорох, вскакивал и прислушивался, не встал ли друг его. Я не хотел мешать им моим присутствием и, лишь только прошел час урока, поспешил его оставить, обещая навестить в тот же день.

Я сдержал слово: пришел к нему после обеда и наслаждался зрелищем, о каком дотоле не имел понятия. Оба старика сиде-

* Михаила Ивановича Петрова (*фр.*).

ли за столиком один насупротив другого, смотрели в лицо друг другу и плакали. Михайло Иванович Петров был человек старинного покроя, но умный, образованный, вежливый. Между тем беседа этих умных людей была вовсе не поучительна для третьего: они вели себя как влюбленные, которые никогда умны не бывают. «Что это такое? — думал я, уходя от Дюмона. — Какая тайная, непостижимая связь соединяет эти души? Благодарность — она со стороны Дюмона. А Петров что в нем нашел?» «Это дружба! — прошептал мне неизвестный голос. — Дружба, любовь старцев, любовь, искушенная временем и пространством. Слава, знатность, богатство, наслаждения мира — всё исчезает перед нею».

Петров провел в Ревеле неделю, в продолжение которой я не мог ни разу заняться уроками. Он уехал, и еще неделя прошла у Дюмона в тоске по единственном друге. Эти явления добродетели, бескорыстия, истинной дружбы действовали на черствую, дикую душу мою, но не проникли ее насквозь. Для этого нужна была сила сверхъестественная. С тех пор как я узнал гнусность порочной жизни и рачительно занялся делом, я начал еще более чуждаться прежних своих забав и избегать прежних обществ. Кто узнал бы меня ныне, тот почел бы человеком порядочным, благородным, но гнусная репутация была сделана, и в душе всё еще таилась искра зла, готовая вспыхнуть при первом случае.

Наступили 1812 и 1813 годы. Многие товарищи мои были откомандированы, кто в Ригу, кто далее, в Пиллаву¹⁹, Данциг²⁰. Я оставался неупотребленным; мне давали тягостные, скучные, сопряженные с большою ответственностью комиссии на берегу. Я не смел жаловаться, не смел просить и ждать лучшего.

Наступила решительная минута моей жизни. Это было зимою, в какой-то большой праздник. Назначен был большой бал у тогдашнего военного губернатора, принца Ольденбургского²¹. Мы, офицеры, явились туда по наряду. Как приятно мне было по-

нимать всё, что вокруг меня говорили! Мне казалось, что я переродился, что перенесен в другой мир, но люди в отношении ко мне не переменились. Мужчины на приветствия мои отделялись сухими поклонами. Молодые дамы и девицы убегали моего взгляда. Матушки и тетушки их следили меня, как дикого зверя. Многие, не догадываясь, что я ныне их понимаю, называли меня вполголоса шалуном, повесою, негодяем. Удовольствие, которое я ощутил вначале, вскоре исчезло, ненависть к людям, жажда мщения вспыхнули в моем сердце, и я искал только случая придрататься к кому-нибудь из гостей, чтоб наделать неприятностей моим вечным злодеям. Случай этот не замедлил представиться.

Один белобрый деревенский недоросль вздумал смеяться надо мною, разговаривая с своими затянутыми кузинами. Они, вероятно, спросили, не знает ли он меня, а он, в двух шагах от меня, выпучив свои серые, стеклянные глаза мне в лицо, отвечал им: «Es ist ein gemeiner Matrose, ein wahrer Zwiebel-Russe»*.

Я закипел, двинулся было к нему, но в это самое время кто-то сильно схватил меня за руку выше локтя. Это был мой капитан Магерманов, детина сильный и решительный. Он слышал суждения обо мне, заметил мое движение и удержал меня от глупости. «Кто из наших сегодня в карауле?» — спросил он, будто невзначай. Я стал припоминать, вспомнил, отвечал. «А, этот! — сказал он. — Я было вовсе забыл». С этими словами он выпустил мою руку. Я глядь в прежнюю сторону, а мой недоросль уже исчез. От капитана не скрылось и это движение. Он взял меня за руку и пошел прогуливаться по зале, разговаривая чрезвычайно ласково и дружелюбно о вещах самых обыкновенных. Я видел моего вражонка, порхающего между разноцветными танцовщицами, и не мог до него добраться. Адское мучение! Часа чрез полтора Магерманов меня выпустил, видно, надеясь, что мой

* Это бесстыжий матрос, настоящая русская луковица (нем.).

жар простыл. Я кинулся искать моего сопостата и нашел его в одном кадриле.

Забыв, где я и что делаю, я занес уже руку, чтоб схватить его за воротник, как мимо меня мелькнуло что-то знакомое, и страшное, и приятное, и ужасное, и восхитительное. Я остановился в недоумении. Вот опять летит! Это она! Это гапсальская незнакомка! Она танцует в том же кадриле с одним из наших офицеров... Дерзкий недоросль, Магерманов, бал, люди, свечи, говор гостей, звук музыки, предметы и слуха, и зрения — всё это смешалось в голове моей, всё завертелось в хаосе, точно так, как в то мгновение, когда я, упав в детских летах с фрегата в воду, почувствовал общее сотрясение во всём моем составе.

Не знаю, как я очутился в холодных сенях, с меня лил пот, мне было то жарко, то холодно. Подле меня стоял один товарищ и тер мне льдом виски. Я узнал от него, что со мною сделался обморок в танцевальной зале. Он стоял в толпе зрителей недалеко от меня; увидев, что я побледнел и зашатался, он подбежал ко мне и вывел меня в сени. «Ступай домой и ляг!» — говорил он. «Нет! — отвечал я. — Это... так... ничего... это пройдет! Пустите меня назад в залу... ради бога, пусти!..» «Как хочешь, — отвечал товарищ, — но, если не побережешься, с тобою худо будет».

Я воротился в залу. Прежний танец прекратился. Новый еще не начинался. В толпе, в шуме никто и не приметил моего припадка. Мой недоросль порхал предо мною, но мне было уже не до него. Я пошел искать ее. Вот она! Вот! В розовом платье, с белыми на голове цветами; на шее нитка жемчугу, сомкнутая богатым бриллиантовым фермуаром²². Она разговаривает с другою девицею. Разглядев по-военному позицию, я отыскал себе местечко позади собеседниц, между колоннами и стеною, принес стул, сел к ним как можно ближе и притаил дыхание.

Они говорили по-французски (я мысленно благословил Дюмона). Собеседница ее говорила эстляндским наречием; она же выражалась по-французски твердо, чисто, с небольшою примесью русского акцента. Мог ли я вообразить, что будет пред-

метом их разговора! «Как вы могли решиться пойти танцевать с офицером?» — спросила эстляндка. «А почему же нет? — возразила она. — И вы танцевали с военным же». «Это дело другое, — говорит прежняя, — это кирасир, кузен и жених моей подруги, Мальхен Биркез. А ваш танцор русский, флотский офицер! Это ужасные люди. Может быть, они хороши, когда должно драться со шведами и с французами, но в обществе с ними быть нельзя». «Извините, — отвечала *она* решительно, — во-первых, они русские, следственно, мои земляки, и уж поэтому ближе всех других к моему сердцу. Во-вторых, вы, не зная ни нравов русских, ни языка, крайне ошибаетесь в своих суждениях о наших офицерах. Они привыкли в Петербурге к обращению, которое здесь кажется вольным. Притом же вы окружены одними родственниками, и приближение всякого чужого человека кажется вам дерзостью». «Как же вы горячо вступаетесь за своих земляков!» — сказала, смеясь, эстляндка. «Это долг мой, — отвечала она, — вы не знаете русских, судите о них по предубеждению». «Нимало, — продолжала первая, — я только повторяю то, что каждому известно, и долгом почитаю предупредить вас. Здесь особенно один молодой офицер отличается всеми возможными шалостями и самым дерзким поведением. От него никому житья нет, он ни своим, ни чужим проходу не дает. Ограбить в картах товарища, нагрубить почтенному старику, приколотить мирного гражданина, обмануть купца, оскорбить женщину — для него забава и невинное препровождение времени. Он несколько месяцев сидел под арестом на флоте, и Ревель был спокоен, а сегодня, к общему ужасу, появился здесь. Только, говорят, его уж вывели; видно, успел напраказничать. Вот каковы эти господа русские!» «Вы хотели сказать, — прервала она, — вот каков этот офицер. Один человек в сотнях составляет исключение, а не правило. И вы сами говорите, что в его отсутствие Ревель был спокоен: следственно, все прочие ведут себя тихо и благородно. Если б я следовала вашим правилам, то могла бы так же справедливо

сказать: все русские флотские офицеры герои благородства и великодушия, потому что я была свидетельницей подвига самоотвержения одного из них. В Галсале один морской офицер в моих глазах кинулся в море для спасения крестьянского ребенка».

Что́ я почувствовал в эту минуту! Она, она меня помнит, уважает, хвалит! Слезы, дотоле неизвестная отрада, полились по моему лицу. Нашлась в свете одна душа, в которой дан уют мысли, чувству обо мне! Я не один в мире! Я жил не даром! Пришед в себя чрез несколько времени, я устремил глаза на то место, где они сидели, но их уж не было. Я встал и решился отыскать ее. Долго ходил я без успеха между густыми толпами. Вдруг стеснили меня в одной двери; я не мог ни отступить, ни податься вперед, и в двух шагах от меня очутились собеседницы. «Вот он!» — сказали они друг другу в одно мгновение, взглянув на меня. Она посмотрела на меня, покраснела, потом вдруг побледнела — и обе они исчезли в толпе... Я уже не видал ее в этот вечер.

Этот бал составил в жизни моей резкую черту, которою прежняя жизнь моя решительно отделилась от настоящей. Не знаю, стал ли я лучше или хуже, но только я стал не тем, чем был прежде. И свет дневной, и сумрак ночи, и пыл огня, и волнение моря, и рев бури, и пение ранних птиц — всё переменилось в моих чувствах. Я начал во всём находить радость, утешение, предмет к размышлению, повод к умилению душевному и к тоске сердца. Дюмон не узнавал меня. Теперь я на лету схватывал то, что прежде вбивал в зачерствелую память свою насильно...

Кто же была *она*? Трудно было узнать это, но невозможно нет для влюбленных; это состояние лунатика, который в глубококом сне порхает как ласточка, там, где бодрствующий на каждом шагу может сто раз сломить себе шею. Я узнал, что она круглая сирота, воспитанница одной графини, которая любит ее, как дочь родную; узнал, что ее зовут Надеждою Андреевною; что она умна, образованна, имеет доброе сердце и твердый характер — знал я и прежде.

Разумеется, что я искал ее везде и раза два успел видеть ее мельком. Однажды завидел я ее в театре. Она сидела в ложе нижнего яруса с двумя молоденькими дамами и одним пожилым бароном. Я был в креслах и, забыв, что происходит на сцене и вокруг меня, не сводил глаз с прелестного существа: она и для невлюбленного истинная красавица. Она, казалось, меня не примечала. Спектакль кончился; я вышел в сени и глядел на нее издали, пока она, с подругами своими, дожидалась кареты. Только здесь она меня заметила, и на лице ее проглянуло выражение тоски и досады, насильно подавляемое принужденною улыбкою равнодушия. Я увидел, что взгляд на меня возбуждает в ней чувство неприятное... Я в глазах ее злодей и изверг человечества! Она скрылась у меня из виду, как в глазах утопающего исчезает рука, простертая для подания ему помощи и спасения.

Я впал в безотрадное уныние. Дюмон заметил мои страдания и с отеческою заботливостью стал допытываться о причине. Я не решался ему открыться и говорил, что мысль о судьбе моей, о горьком одиночестве — причина моей печали. Старик представился, что поверил мне, или, может быть, поверил и в самом деле. Только в одно утро я застал и его задумчивым, печальным, угрюмым. На вопрос мой, что с ним сделалось, он отвечал, что одна из прежних его учениц, любимица его, утром уехала из Ревеля. «У меня было их много, — говорил он, — и некоторых я никогда не забуду, но эта мне дороже всех». «А кто она?» — спросил я рассеянно. «Воспитанница графини Лезгиновой, *mademoiselle Nadéje* *, сущий ангел!» — отвечал он с чувством, какое только могло вырваться из семидесятилетней груди. «Вы знаете Надежду?» — спросил я, как громом пораженный. «Знаю ли? Восемь лет сряду, по четыре раза в неделю учил ее и только за год пред сим перестал, когда они поехали в Гапсаль. Воротясь

* мадемуазель Надежда (*фр.*).

сюда, она хотела вновь приняться за уроки, в которых, признаюсь, более не имела надобности, но не могла за недосугами; только сообщила мне два-три свои сочинения». Он продолжал говорить о ней: рассказывал о ее уме, образованности, о ее добродушии, кротости, любви к добру... Я слушал в оцепенении: мне казалось, что голос старика доходил до меня из-за тридцати земель. Он знал ее, и мне это было неизвестно! Дюмон умолк от усталости, а не от истощения предмета. «А кто она такова? Как зовут ее по прозвищу!» — спросил я, задыхаясь. «Я сказал вам: она приемьш графини. Зовут ее Nadèje; по-русски прибавляют André*. А о фамилии ее ma foi**, я не заботился. Je sais seulement qu'il y a du Berry là-dedans***, и поэтому, я думаю, она еще более мне нравилась»²³. Я проклинал французское легкомыслие, которое заткало и прекрасную душу Дюмона, как паутина драгоценную картину.

С тех пор этот добрый старик стал мне еще дороже, еще милее. Мне казалось, что я в него влюбился. Я воображал, что он раз сто говорил с нею, что она его слушала, глядела ему в лицо, здоровалась с ним, прощалась, благодарила его... Когда только представлялась возможность, я обращал разговор на Надежду. Старик думал, что я хочу угодить ему, заводя речь о его любимице, и не умолкал. Однажды, превознося похвалами ее слог, он вспомнил, что у него осталась тетрадка ее упражнений во французском языке, и отыскал ее в своем комодe посреди тысячи истертых, измятых, полинявших бумаг. Я смотрел на эту тетрадку, как на святыню; она была сшита из простой бумаги, но с каким-то изяществом. На обертке надпись: «Compositions 1811—1814. Nadèje Beriloff»^{4*}. Почерк ровный, приятный, не старатель-

* Андреевна (*фр.*).

** право же (*фр.*).

*** Знаю только, что она похожа на Берри (*пер. с фр. Н.И. Греча*).

^{4*} Сочинения 1811—1814. Надежда Берилова (*фр.*).

ный и не педантский. Дюмон начал с восторгом читать изливания души своей питомицы, прибавляя после каждого периода: «Какие чувствования! Какие мысли! Какой слог! Это Севинне!»²⁴
Вот первое из этих сочинений.

Сирота

Знаете ли вы, что́ есть сирота? Это цветок, сорванный порывом бурного ветра с родного стебля и рукою сострадания погруженный в воду для продолжения его жизни несколькими часами. Он питается чистою водою, красуется в драгоценном сосуде, защищен от пчел и бабочек, слышит похвалы и изливания восторга, возбуждаемые его цветом и запахом. Но головка его томится, унывает, гнется на сторону, склоняется к сырой земле, где скрыты родные его ветви. И он стремится мыслию из позлащенных палат, из драгоценного сосуда, из кристальной воды на ту укромную грядку, где возник и развернулся на черной земле в дыхании весеннего ветра, где кропили его и утренняя роса, и дождь небесный, где спокойно и радостно цвели подле него младшие братия, где родные ему, другие дети природы, трудолюбивые пчелы и беззаботные мотыльки, с веселым жужжанием порхали вокруг него на солнце полуденном!

Чувствую всю цену милостей моей благодетельницы. Я готова отдать ей и за нее жизнь мою, только в ее присутствии бываю спокойна и весела, только о ее жизни и здравии и денно и ночью молю моего Создателя, но невольно из блистательного, великолепного круга стремлюсь в бедную хижину, где жили мои родители. Маменька! Ты жила, ты слышала мой младенческий лепет, ты любила меня! Ты звала

меня: «Наденька!» Умирая, ты думала обо мне и меня благословляла!.. А я не знаю и того, как тебя звали! Отец мой, обремененный заботами житейскими и грустию душевною, отдал меня на руки великодушной моей благодетельнице и сам чрез несколько времени слег в могилу. Я одна, одна в этом пространном мире, иду, стремлюсь, не зная куда. Но я к нему не привязана; не боюсь ни страданий, ни смерти. Страдания мои не могут сравниться с страданиями матери, покидавшей меня в этом мире, а смерть соединит меня с теми, кто дорог моему сердцу! Маменька! Я тебя узнаю из тысячи блаженных теней!

Старик плакал, читая эти строки. Я был в каком-то исступлении. «Это была чувствительность! — сказал он наконец. — Теперь послушайте философии. Вот другая статья».

Как легко можно ошибиться
Два случая

22-го августа. Мы жили в Гапсале беззаботно и весело, ездили ежедневно гулять по окрестностям города, купались в море. Мама* была спокойна и довольна и чувствовала облегчение в своей жестокой болезни. Под конец курса случилось с нами странное происшествие. Мы ездили в море большою компаниею. Вместо гребцов сидели в веслах дюжие эст-

* Мама (фр.).

ляндки. Однажды на таком странствии вмешался в наше общество незваный гость. Посреди мирной нашей флотилии появилась лодочка и в ней морской офицер. Все мы перепугались и не знали, что делать. Матап была в крайней досаде и хотела вернуться к берегу. У меня, не знаю откуда, взялась смелость. Я встала в лодке и, когда офицер поравнялся с нами, громко спросила у него, куда он едет. Решительность моего вопроса изумила молодого человека. Он смотрел на меня, не зная, что отвечать. Я повторила вопрос. Он смешался и отвечал, что едет удить рыбу. А мы думали, что он ехал с умыслом мешать нам! Я объяснила ему, что его присутствие нам неприятно, и он, не говоря ни слова, поворотил лодку и отправился назад к берегу. Это понравилось моей матап. «Видишь, Наденька, — сказала она, — как можно ошибиться! Этот молодой человек, верно, обиделся нашим безрассудным подозрением». И в самом деле, он удвоил с своим гребцом силы, чтоб скорее выйти у нас из виду. Я смотрела вслед за ним. Вдруг вижу: он бросается из лодки в море. Я вскрикнула, но не успела опомниться, как увидела, что он выгашил из воды ребенка, упавшего с плавшей за нами лодки, и подал его матери. «Великодушный молодой человек, — думала я, — прости, прости мне, что я тебя было обвинила. Мог ли *ты* иметь намерение пугать и обижать бедных женщин, когда жизни не пожалел, чтоб спасти бедное дитя!» Как легко можно ошибиться! Мне и то еще было приятно, что таким великодушным подвигом отличился мой земляк, русский. Здешние девицы премилые и прелюбезные, только насчет русских и России имеют самые странные и превратные понятия. Они не верят, чтоб

в России знали благородство, великодушие, нежность чувствований. «Видите ли, — говорила я им с гордостью, — каковы русские!» «Для чего я сирота? — думала я. — Для чего у меня нет хоть брата? Если б у меня был такой брат, как бы я была счастлива! Как бы любила его! Я любила бы его так нежно, так горячо, что он и не подумал бы жениться!»

13-го декабря. Зачем поехала я вчера на бал? Зачем не послушалась татап, когда она, рассказав мне страшный сон, советовала остаться дома! Ей снилось, что я ласкаю собачку; вдруг эта собачка превратилась в змею и кинулась на меня, высунув ядовитое жало. Матап в ужасе проснулась и утверждала, что меня ожидает бедствие, что мне должно оставаться дома. Я шутила над ее сном, над ее предчувствием, уверяла, что если быть со мною беде неминуемой, то она постигнет меня дома, точно так, как и на бале. Она развеселилась, стала смеяться над грезами своими и отпустила меня.

Сначала было мне очень весело: на бале было много хороших учтивых танцоров. Я не пропускала ни одного танца и охотнее всего шла танцевать с флотскими офицерами. После одного продолжительного кадрили села я отдохнуть с болливую баронессою Юлиею. Она стала выговаривать мне за предпочтение моих земляков, а более флотских, и на возражения мои описала их самыми черными красками; особенно же на одного из них излила она всю свою злость: называла его извергом, чудовищем, злодеем. Желая остеречься от этого ужасного человека, я просила показать мне его. Мы пошли с нею по залам. Вдруг встретился мне *он*, тот офицер, который

спас ребенка, и в ту же минуту баронесса объявила мне, что это тот самый злодей, которого она мне описала. Я была поражена этой вестью, как молнией. Офицер исчез из глаз моих, а баронесса, в пылу своего усердного злословия, не заметила моего замешательства, не слыхала даже, что и я, в одно время с нею, воскликнула: «Это он!» У меня страшно разболелась голова. С трудом осталась я до окончания бала.

Этот волшебный дворец удовольствий превратился в глазах моих в адский вертеп: мне казалось, что вокруг меня кружатся фурии и сатанинским хохотом смеются над моим легковерием. Я лишилась брата. Исчезла прекрасная мечта, лелеявшая мою душу! И подвиг человеколюбия был минутным порывом, а не следствием благородных чувствований и помыслов; может быть, и тщеславие заставило его броситься на явную опасность: мы могли видеть его доброе дело. Но он на нас и не оглянулся. Нет! Не тщеславие! Что ж такое? Ах, как счастлива я была вчера! Теперь я вновь осиротела. Я лишилась друга, потеряла и сладостнейшее чувство — веры в добродетель человека. Осталось холодное замечание эгоизма: *как легко можно ошибиться!*

«Это, конечно, вымысел! — сказал Дюмон, кончив чтение. — Но... какие чувства, мысли, изложение! Nadèje! Nadèje! У меня не было и не будет такой ученицы!»

Что я в это время чувствовал, не помню, не знаю, не постигаю. Я вышел от Дюмона, прибред домой и с горьким плачем бросился на диван. Слезы облегчили тягость, лежавшую на моем

сердце, но не умилили его. Злые духи, отравившие мое младенчество, юность мою, представились моему воображению во всей своей гнусности. Волшебница и Хлыстов в этих страшных мечтаниях зияли на меня гнусными своими личинами. «Исчадия ада и греха! — вопил я в отчаянии. — Чем вы заплатите за погубление моей души, моего счастья!»

Я был уже не тот, что прежде. Не говорю о делах мрака, и самые помышления о них, и самые легкие искушения меня оставили. Но в то время, когда я ни делом, ни словом, ни мыслию не заслуживал внимания, пощады, даже забвения людей, я жил беззаботно, что говорится, счастливо; теперь я чувствовал, что желанием, усердием, волею достоин быть менее несчастливym, и все бедствия разразились над моею головою. Таков порок: он подобен бурной комете, влекущей за собою длинный хвост, вину гибели и разрушения в мирах светлых и покойных...

Отчаяние грозило овладеть моею душою, и я действительно не знаю, что случилось бы со мною, если б внешние, не зависящие от меня обстоятельства не развлекли моего уныния деятельностью.

Меня отправили еще по зимнему пути в Свеаборг²⁵. Там наряжен я был в члены одной военно-судной комиссии²⁶. Сначала я очень на это досадовал, считая недостойным воина и моряка заниматься письменными и судебными делами. Между тем я занялся делом и вскоре увидел, что имею случай, сделав добро несчастным, искупить у грозной судьбы хотя улыбку сожаления. Несколько нижних чинов и крестьян обвинены были в провозе контрабанды и в продаже казенного имущества в частные руки. Подсудимые в продолжение года томились в заключении; семейства их терпели крайность, с трепетом ожидая решения своей участи. Дело было запутанное: улики казались ясными; напротив, беспорочная жизнь подсудимых, решительные ответы пред обвинителями, следователями и судьями, спокойные их лица и прямые взгляды говорили в их пользу. Презусом²⁷ комиссии был старый капитан, считавшийся в этих делах опыт-

ным, потому что он решал их скоро и усердно населял Нерчинские рудники²⁸. И в этом деле хотел он поступить по своей методе. Я этому воспротивился и грозил, в случае малейшего упущения, донести высшему начальству. Он принужден был согласиться. Я переследовал дело и нашел, что все подсудимые были совершенно невинны, открыл, что они были жертвами гнусного замысла личных врагов своих, надеявшихся получить награду за открытые злоупотреблений, которых сами были главнейшими виновниками. Я представил мое мнение суду. Все члены со мною согласились, только презус противился. Наконец успел я победить и его упрямство. Невинных оправдали, освободили; виновных предали заслуженному наказанию.

Я случайно был в карауле в тюремном замке, когда подсудимым объявили приговор и исполнили. Жены, дети, отцы, матери дожидались их у ворот. Вдруг заскрипели ржавые петли; человек шесть бледных, изможденных, но с блистающими радостью и благоговением к Богу глазами вышли оттуда колеблющимися стопами и очутились в объятиях родных и друзей своих! Слезы их смешались. Благословения, русские и финские, в невяжном слиянии звуков поднимались к небесам. Я сам был погружен в неизъяснимо усладительное чувство, вырывавшееся из груди звуками: «Надежда!»

Весною воротился я в Ревель. Издали приметил я большое движение в порте и на берегу. Получено было известие о взятии Парижа и о падении Наполеона. Корабли расцветены были флагами. Веселый народ толпился на улицах. В церквах пели благодарственные молебны. Я поспешил к Дюмону, чтоб поздравить его с этою радостною вестью, но как я огорчился, узнав от его прислужницы, что он опасно болен, уже шесть недель не встает с постели и ежечасно ждет своей кончины! Я вошел в его спальню. Он лежал в постеле, исхудалый, бледный, закрыв глаза; улыбка играла на устах его.

Послышав шорох, он открыл глаза, узнал меня, с радостным выражением подал мне руку и сказал: «Друг мой! Я умираю, но

умираю счастлив и покоен. Франция возвращена Европе и Христовой Церкви. Потомок святого Лудовика на прародительском престоле²⁹. Я дожил до этой сладостной минуты, которой ждал двадцать лет. Радость возвратила бы мне жизнь, если б в лампаде была еще капля ея. Кланяйтесь Михаилу Ивановичу, вы его увидите, он мой наследник. Может быть, увидите вы и Надежду. Скажите ей, как сладостно я умирал. За четверть часа я было заснул. Мне почудилось, что я уж умер, что Надежда ввела меня в сад, похожий на Версальский, что там я нашел короля, королеву; вдруг что-то зашумело; я проснулся и увидел вас». Старик умолк от усталости: он проговорил всё это с большим напряжением, с необыкновенною скоростью, как бы боясь, что не успеет высказать. Я обещал ему исполнить его требование и просил его успокоиться. В это мгновение раздались пушечные выстрелы. Старик вздрогнул, но, догадавшись, что это пальба радостная, сказал: «С торжеством оставляю этот мир! Простите, Мишель, Надежда!»³⁰

Глаза его закрылись, по лицу пробежал трепет, улыбка на устах появилась и уже не исчезала. Правая рука поднялась, видно, чтоб перекреститься, но опять упала на одеяло. Дюмон умер. Я послал за полицеймейстером. Кабинет его запечатали. Подле смертного одра его, под молитвенником, лежала какая-то бумага. Я взял ее. Это была тетрадка Надежды. С суеверным благоговением прижал я к устам драгоценные строки и унес с собою, как завещание почтенного старца, как вещественную память об ангеле, который блеснул в глазах моих и скрылся навеки.

Михайло Иванович приехал в тот же вечер: он спешил заставить в живых друга и не успел. Мы предали земле тело Дюмона с чувством благоговения к Промыслу, который немногими сладостными минутами на краю гроба заплатил в сей жизни добродетельному человеку за годы страданий.

Таким образом, явление веры, добра, правды и чести малопомалу очистили мою душу, вселили в меня теплую веру в Про-

видение, любовь к ближним, уважение к добродетели, а началом всему была она!..

Через месяц отправился я на фрегате в поход, в Англию. Деятельная жизнь освежала и укрепляла меня. Кончив данное нам поручение в Лондоне, мы спустились в Грев-сенд³¹, чтобы при первом попутном ветре плыть в Голландию. Несколько русских семейств воспользовались сим случаем, чтоб воротиться на твердую землю. Вечером, накануне отъезда, нахлынуло к нам на катере человек десять сиятельств и превосходительств, с женами, детьми, гувернантками, чемоданами и картонами. Я стоял у трапа и помогал дамам всходить на борт.

Вдруг смертельная дрожь пробежала по всему моему телу: при блеске фонаря узнал я в числе пассажирок — Надежду. Она взошла на корабль вслед за одною пожилую дамою, и они обе прямо отправились к капитанской каюте. Она не заметила меня, но я ее видел! Мы очутились на одном корабле! Я принужден ее видеть, сам не могу избежать ее взоров... и как смею явиться ей на глаза! Она считает меня злодеем, извергом человечества. Я не знал, что делать. Случай помог мне от нее укрыться. За ужином между молодежью зашла речь о прекрасных пассажирках. Все радовались любезным спутницам и убеждали друг друга вести себя пред ними как можно скромнее и особенно удерживаться от нескромных восклицаний, вырываемых у моряка нетерпением и досадою. Подшучивали над товарищами, припоминали прежние приключения. «Теперь раздолье Ветлину, — сказал лихой лейтенант Плащев, истинный моряк, который в течение шести лет не был на берегу и шести дней, — есть около кого увиваться. Я чаю, ты, брат, в целые сутки со шканцев³² не сойдешь. «Тара-бара, бонжур мадам, коман ву порте ву»* — это веселее, чем кричать в рупор на рулевых да марсовых»³³. «Почему так, Петр Иванович? — спросил я, будто обидевшись. — Ты и сам не можешь забыть какой-то кронштадтской констапельши³⁴, а службу не

* Здравствуйте, мадам, как вы поживаете? (*фр.*)

сешь своим чередом, как храброму и неторопливому офицеру надлежит». — «Это совсем иное, Сергей Иванович! Констаншельца делу не помеха, а ваши французские перепелки душу, как старьей канат, расщипывают». — «Так я же докажу и тебе, и всем, что женщины меня вовсе не привлекают. Выпрошусь у капитана на все ночные вахты, а день весь буду проводить на кубрике, то есть во всё время ни свету божьего, ни лица женского не увижу». — «Изволь, побьемся! Две бутылки шампанского в первом трактире на берегу», — сказал Плащев, протянув руку, и мы ударились. Все офицеры утверждали, что я не выдержу испытания.

На рассвете мы снялись с якоря. Лишь только склянка пробилась восемь часов, я, сменясь с вахты, отправился на кубрик. Что я чувствовал, того описать не умею: мне было и приятно, и досадно, и радостно, и страшно. «Вижу, брат Сергей, — сказал Плащев, принимая рупор, — что тебе трудно расставаться с божьим светом и с бабьими глазами. Заклад в сторону. Оставайся с нами». «Нет! Нет! — вскричал я. — Дело не в том, я хочу доказать, что умею держать слово!» — и поспешил по трапу в царство мрака. Я хотел читать — невозможно; думать о чем-нибудь постороннем — и того менее. Наконец лег в койку и устремил глаза свои в потолок, воображая, что гляжу на свод небесный, над которым витают духи бессмертные, наши ангелы-хранители. День прошел в мечтаниях, в порывах нарушить обет и в раскаянии о моем малодушии. Пробила полночь. Мне объявили, что моя вахта наступила; я вышел наверх. «Ну, брат Ветлин! — сказал мне Плащев, подавая рупор. — Если б ты знал, какие хорошенькие у нас гости, то, конечно, ни за миллионы не стал бы биться об заклад. А пуще всех одна. Злодейка! Родятся же на берегу такие женщины! Прости! Желаю приятной ночи».

Я остался один на фрегате. Ночь была тихая, безлунная. Сине небо, испещренное яркими звездами, отражалось на поверхности гладкого моря. Фрегат несся тихо, как лебедь по спокойному озеру. Командовать было нечего.

Я присел к дверям капитанской каюты и в ночной тиши, изредка прерываемой откликом рулевых, прислушивался к тому, что делается в этом святилище. Женский голос читал книгу, голос приятный, нежный, мелодический. Сначала не мог я расслушать, потом различил звуки французские, умеренные русскими устами: это Надежда; наконец стал понимать и слова. Она читала историю о каком-то падшем духе, умоляющем светлого ангела, брата своего, принять его вновь в райскую обитель. Голос читающей становился тише, тише и наконец умолк совершенно. Водворилось безмолвие. Я носился мыслями не помню где. Телесного моего состава вовсе я не ощущал, а чувствовал, видел, мыслил какими-то иными, дотоле неизвестными мне орудиями: это были струны без скрипки, тоны без воздуха. И время, и пространство, казалось, утратили надо мною свои вечные права: фрегат исчез в глазах моих. Я носился среди безбрежного моря, под огромным наметом вселенной; тишина ночи превратилась в какой-то бесперывный единообразный гул; время текло, и я его не чувствовал.

Что-то грохнуло подле меня. Я открыл глаза, которых, кажется, не закрывал дотоле. Восходящее солнце обливало пламенным пурпуром и фрегат, и море, и края неба. Свежий ветерок дул мне в лицо. Предо мною стоял один из моих товарищей: забыв о моем закладе, он пришел сменить меня по истечении первой ночной вахты. Я напомнил ему об условии нашем, и он с удовольствием отретировался в койку. Мечты мои исчезли. Я стоял на шканцах, в десяти шагах от того, что мне дороже и священнее всего в мире, но нас разделяли стены непроницаемые. Вскоре, на рассвете, небо помрачилось.

Капитан вышел из каюты и объявил, что барометр быстро понижается. Дóлжно ждать шквала. Я обрадовался тревоге. Вся команда вышла наверх. При крепком норд-весте мы закрепили паруса и быстро неслись к голландским берегам. В восемь часов закричали с салинга:³⁵ «Берег!» Склянка пробила, и я вновь спустился в свою подпольную темницу, радуясь, что Надежде при

непогоде не вздумалось выйти из каюты ранее этого срока. Не долго пробыл я в своем заточении.

В десять часов прибыли мы к Текселю³⁶, якорь рухнул в море, гребные суда повалили к берегу. Я вышел на нижнюю палубу и смотрел в порты. Вот спускаются по трапу наши спутницы. Старушку сносят на руках. За нею идет спутница ее. Завистливая мантия скрывает стан, только ножка, маленькая, прекрасно образованная, в черных башмачках, над которыми белеется узенькая полоска нежного чулка, переступает по ступеням трапа. Вы знаете, что с трапов сходят лицом к кораблю. Вдруг милый лик ее мелькнул на полсекунды пред моими глазами. «Ай да Ветлин! — раздался голос моих товарищей, спустившихся в палубу. — Лихо выиграл заклад! Плащев именно для того поехал на берег, чтоб купить проигранное шампанское». Не говоря ни слова, вышел я наверх. Шестерка наша, качаемая игривыми волнами, неслась на парусах к берегу. Ветер развевал зеленый вуаль на белой шляпке, но она на нас не смотрела, все старания ее обращены были на графиню, которая, видно, боялась качки. Счастливец Плащев правил рулем. Они пристали к берегу, раскланялись с Плащевым, сели в заготовленную карету и поехали. Я едва не закричал...

Фрегат остался на зимовку в Голландии. Нам, офицерам, позволено было жить на берегу. Меня употребляли на разные посылки: я ездил в Амстердам, в Кобленц³⁷, в Париж. Я был в этом последнем городе, когда пришла туда весть о появлении Бонапарта с острова Эльбы. Наше посольство предписало мне немедленно отправиться к фрегату с секретными предписаниями.

Всё бежало из Парижа³⁸. Я никак не мог получить почтовых, купил верховую лошадь и поскакал по дороге в Брюссель. Я проехал с утра верст пятьдесят благополучно. Вдруг лошадь моя стала. Вероятно, я, непривычный к сухопутной езде, надсадил ее. Нейдет, да и только. Я кое-как довел ее до деревни и бросил. Тщетно старался я в деревне купить другую лошадь. Все были забраны проезжими. На меня косо посматривали французские

мужики, принимая за шпиона неприятельского или за члена разбойничьих шаек, составившихся на границе из мародеров всех наций. Нечего было делать. При проливном дожде по вязкой дороге пошел я пешком и к ночи пришел на станцию Ла-Капелль³⁹. Устав до полусмерти, я вошел в постоялый дом и кинулся на пол пред пылавшим очагом. Какая-то добрая старушка попотчевала меня теплым супом. Я ненавижу французский бульон, сгущенный размоченным в нем хлебом, но в эту минуту он показался мне амброзией. Лишь только я кончил скромный свой ужин, послышался стук остановившейся у ворот кареты, и чрез несколько минут вошел в комнату, с бранью и ругательствами, мокрый кондуктор дилижанса.

«Толкуй поди с женщинами! — закричал он. — Боятся разбойников. Нет, сударыни, я вас поставлю в Монс⁴⁰, живых или мертвых. “Если бы с нами был хоть один мужчина”. А я-то что? Старый сержан-мажор Самбр-Мёзской армии⁴¹, mille tonnerres!* Так нет! Давай другого!» Я спросил его, откуда и куда он едет. «Из Парижа, сударь, везу целую стаю маркиз и виконтесс, которые перепугались маленького капрала. А чего его бояться? Он малый добрый, правда, не жалует этих волтижеров⁴² Лудовика Пятнадцатого, да и любить-то их не за что». Дав ему наговориться, я спросил, нет ли у него места в дилижансе. «Есть одно, — сказал он, — внутри кареты: из Парижа ехал с нами аббат, да вышел на станции и заболтался, видно. Я не мог ждать его. Не угодно ли вам сесть вместо его? Вы не забудете старого солдата, да и красавицы мои перестанут трусить». Я с благодарностью согласился. Мы вышли к воротам. Лошади уже были впряжены. «Mesdames**», — сказал кондуктор, отворяя дверцы, — извольте потесниться: к вам сядет защитник и хранитель». В карете что-то проворботали спросонья, и потом раздалось: «Entrez, s’il vous plait»***.

* черт побери (букв.: тысяча громов)! (фр.)

** Дамы (фр.).

*** Заходите, пожалуйста (фр.).

Я с трудом вскарабкался и сел на передней скамье подле чего-то мягкого и теплого. Дверцы захлопнулись, и дилижанс двинулся с места. Путешественницы дремали, и я скоро заснул. Сильный толчок экипажа разбудил меня. Светало. Дождь перестал. Солнце вставало без туч. Нас в карете было пятеро. Подле меня, на передней скамье, сидела дородная женщина, по-видимому служанка; подле нее сухощавая старушка в старомодном чепчике. На задней скамье справа, в первом месте дилижанса, покоилась немолодая почтенного вида женщина; в чертах лица ее выразалось страдание; она часто пугалась во сне и стонала. Подле нее, прямо против меня, сидела четвертая женщина, судя по ее стану, нежному и тонкому, по прекрасной руке ее, выкатившейся из-под шали, молодая и прелестная. На голове у ней повязан был свех легкого чепчика клетчатый платок, из-под платка спускался зеленый креповый вуаль и скрывал черты лица ее. Она спала крепким сном юности и здоровья. Вскоре после меня проснулись мои соседки на скамье и стали меня разглядывать. Они не могли догадаться, кто я таков. На мне был обыкновенный синий сюртук, опоясанный кожаным кушаком, на голове черный картуз. Я молчал, боясь разбудить спящих, но они начали о чем-то перешептываться.

Солнце вставало выше и выше. Вот и сидящая насупротив меня просыпается: протянулась, зевнула и — вообразите мое удивление — перекрестилась по-русски. Что-то завертелось у меня в голове, что-то застучало в сердце. Я не успел еще дать себе отчета в этом волнении, как она подняла вуаль — и Надежда, Надежда Берилова представилась моим глазам.

Не могу описать, что случилось со мною: мне было страшно, тяжело, мучительно. Я старался всеми силами удерживать движения своего лица, заглушать вздохи, которые теснились в груди и заняли мое дыхание. Труд этот был напрасный. Она меня не замечала. Первые ее взгляды обращены были с любовью и состраданием на спящую подле нее старушку; она смотрела на нее с детским участием, поправила на ней косынку, прикрыла ее са-

лопом, который скатился было с колен. Я имел время прийти в себя. Потом поглядела она на прочих женщин, поздоровалась с ними взглядами и обратила глаза на меня. Она глядывалась в меня, казалось, хотела что-то припомнить себе, но видно, что я успел собраться с духом и твердо играл роль равнодушного, постороннего, чужого человека; она меня не узнавала. Сначала это меня огорчило, но, раздумав порядочно, я утешился в ее забывчивости: что сказала, что сделала бы она, увидев себя подле человека, которого почитала извергом человечества?

Я приветствовал ее легким наклонением головы, приподняв картуз; она отвечала учтивым, но безмолвным приветствием. Я имел время рассмотреть лицо ее. Мне казалось, что прелестнее, очаровательнее ее нет женщины в свете; поэзия любви расцветчала прекрасный от природы лик небесными красками. Наконец зашевелилась и старушка — это была графиня Лезгинова. Надежда обратилась к ней с детскою нежностью, поцеловала ей руку, поправила под нею подушку, спросила ее по-русски, как она спала, не хочется ли ей чего-нибудь. Графиня, дав ответ на ее вопросы, посмотрела на меня утрюмо и сказала ей с досадою, по-русски же: «Вот удовольствие путешествовать в дилижансе: посадят к тебе в карету какого-нибудь сорванца. Проклятый Бонапарте!» Я не смигнул при этих комплиментах, но также ужимкою, похожею на поклон, пожелал и старушке доброго утра. Она сердито кивнула головою, как бы хотела сказать: не нужно мне твоего поклона. Женщины мало-помалу разговорились между собою.

Я узнал из их беседы, что сидевшая подле меня француженка служит камер-юнгферою у графини, а другая, незнакомая им спутница — какая-то бедная маркиза. Графиня пустилась бежать из Парижа по приближении Наполеона и, не достав другого экипажа, при помощи какого-то аббата успела взять четыре места в дилижансе; остальные два заняты были маркизою и самим аббатом, которого неумолимый кондуктор бросил за неявкою на второй станции. Я не разевал рта и притворялся спящим. «Стран-

ный француз, — сказала графиня, — молчит как стена. Уж не шпион ли он какой, помилуй Господи!» «Ах, нет, *таман!* — сказала Надежда. — Он очень учтив и скромен. Мне помнится даже, что я его где-то видала. Только не в Париже. Лицо такое знакомое». «Забыла, — думал я, — забыла! Слава Богу. Теперь лицо мое останется у ней в памяти с отметкою: тихий, учтивый человек».

Мы приехали на станцию. Дамы вышли освежиться и позавтракать. Я отправился в трактир и позавтракал так, чтоб не нужно было обедать. Я боялся проговориться за столом. Паспорта у меня не спрашивали: кондуктор взял с меня деньги себе, а в списке показан был предместник мой, аббат. Прежним порядком проехали мы еще две станции. Я молчал как статуя. Графиня раза два спрашивала меня кое о чем. Я отвечал: «*Oui, madame; non, madame*»*, стараясь всячески подделаться под французское произношение. «Сущий медведь этот француз! — сказала графиня. — Толку не добьешься». «Не троньте его, *таман!* — возразила Надежда. — У него что-то на сердце. Он часто вздыхает и как будто боится смотреть нам в лицо. Он, конечно, несчастлив. Бог знает, что он оставил в Париже и зачем едет». «Ошибаешься, — думал я, — он теперь счастливейший из людей, в Париже ничего не оставил, но с трепетом ожидает и страшится минуты, в которую расстанется с тобою».

Привал. Дамы вышли, и я также. Они отправились в постоялый дом; я пошел прогуливаться по аллее. По окончании их обеда опять безмолвно сели в дилижанс и потянулись прежним порядком. Стало смеркаться. Мы въехали в лес. Небо затянулось. Стал накрапывать дождик. По временам раздавался по лесу свист, будто разбойничий сигнал. Женщины вздрагивали и крестились. Я, признаться, сам был не очень спокоен. После войны дороги сделались крайне опасными. В лесах на голландской границе бродили мародеры и не раз останавливали экипажи,

* Да, госпожа; нет, госпожа (*фр.*).

ехавшие из Франции, в надежде поживиться богатством, вывозимым бегущими за границу эмигрантами. У меня за поясом были два маленькие пистолета, незаряженные, кондуктор храбрился только словами, в карете сидели четыре женщины, на империяле и в кабриолетах⁴³ — какие-то ободранные мужики и бабы.

Мрак стусился; дилижанс ехал тихо. Вдруг раздались громкие голоса, и он остановился. Дамы перепугались. В темноте засверкали огни фонарей, и при их свете мы увидели, что окружены толпою самого подозрительного народа. В ужасе, который овладел мною, я забыл все предосторожности и, сказав по-французски: «Успокойтесь, сударьни; это, вероятно, ничего не значит!» — готовился отворить дверцы кареты, но меня предупредили снаружи. Какой-то высокий широкоплечий мужик в синем балахоне отворил их и закричал: «Вылезайте, мошенники! Подавайте всё, что у вас есть». «Что вы за люди?» — спросил я. «Вот еще выискался какой таможенный! Не в том дело! Выходите!» — «Не выйдем!» — отвечал я твердым голосом, надеясь испугать их. — В двухстах шагах за нами едет разъезд, он освободит меня из ваших рук». «Не выходите?» — сказал мужик. — Так стойте, я вас отдам на руки капитану. *Руски-муски!* — закричал он. — Не хотят выходить! Грозят разъездом! Что тут делать?» К карете подскочил человек ужасного вида с рыжею бородою и закричал дурным французским языком: «Выходите, каналы! Не то я вас всех перебью!» Он навел пистолет в карету, раздался крик, фонарь блеснул ему в лицо — и я узнал в нем Хлыстова! «Помилуй!» — закричал я по-русски. — Хлыстов? Это ты? Что это значит?» Он опустил пистолет и спросил: «А ты кто?» «Всмотрись!» — отвечал я. Он поднял фонарь, посмотрел мне в лицо, закричал: «Ветлин!» — пошатнулся и зарыдал.

Все были в оцепенении. Разбойники остановились и с изумлением глядели на плачущего атамана. Женщины с нетерпением ждали развязки. «В какую пропасть ты низвергся!» — сказал я ему. «Молчи!» — вскричал он, опомнившись. — Не растравляй ран моих. Я злодей, я изверг, бежал из полку, был схвачен, приговорен

к смерти, успел опять уйти, и — ты видишь! Ступай с Богом! И, если услышишь, что повесили русского мародера, вздохни и помолись за него. Кондуктор, почтальон!⁴⁴ — прибавил он разбойничьим французским наречием. — Садитесь и погоняйте, а вы, ребята, назад за мною. Прости, Ветлин! Вот до чего доводит разврат в молодых годах!» — Он захлопнул дверцы. Дилижанс покатился. Через час мы приехали в Монс.

Далее не могу описывать. На земле есть краски для изображения мрака, для подражания всем постепенностям отражения солнца, но самые лучи небесные неуловимы, неизобразимы. Я узнал Надежду, она узнала меня, узнала мою страсть, пламенную, чистую, безотрадную, узнала мое сиротство, страдания моего детства, заблуждения юных лет и возвращение на стезю добра — ее рукою, ее мыслию. Графиня поселилась в Схевелингене⁴⁵ для употребления тамошних морских бань; я был у них ежедневно.

При наступлении осени нам сказан был поход... Я простился с Надеждою. Взаимная клятва — не принадлежать никому другому — была нашим последним словом. Мы переписываемся очень редко, только в самых важных случаях, и то языком холодности, равнодушия и светских приличий. Повторение, подтверждение моей любви заключается в условленном *парафе*⁴⁶, которым я оканчиваю подпись своего имени. Думают, что *якорь* означает мое звание — нет! — он значит Надежду.

Вот уже полтора года, что мы расстались. Графиня собиралась приехать в Петербург по своему процессу. Она жила врозь с своим мужем и пользовалась своим участком в общем имении, не заботясь о формах. Теперь муж ее умер, и его родственники отнимают у нее родовое ее имущество. Я жду ее, жду Надежды, как отсрочки смертного часа. Уверен, что она даст мне знать о своем приезде, однако везде ищу ее: когда бываю в Петербурге, езжу в театры, на балы: авось-либо! Гадаю на картах, но моя дама никак не хочет пасть на мою сторону. Я проиграл на нее в уме це-

лые миллионы. С нелепою мыслию отыскать Надежду отправился я и на бал к Лютнину и нашел там Вас! Я слышал о предстоящем Вашем возвращении, думал, что Вы уже в Петербурге, но не смел отыскивать. Прежняя жизнь набросила темную тень на всё мое существование. Меня чуждаются, бегают, смешав историю Хлыстова с моею, говорят, что я разбойничал в Голландии на больших дорогах и ограбил одну русскую графиню. Дайте злословию малую точку — люди распространят ее на целый круг солнечный. Одна Надежда меня знает: теперь, вероятно, знаете и Вы. Благодетель моего детства! Не отриньте меня. Постараюсь быть Вас достойным.

Случай наделил Вас сокровищем, за которое я отдал бы жизнь свою, если б она еще мне принадлежала. Это изображение младенца-ангела. Поверите ли, что это портрет моей Надежды? Такова она была, конечно, в своем младенчестве; такую преобразится, когда придет ей время улететь в свою небесную отчизну... Простите хитрость, употребленную мною для того, чтоб высказать Вам, что у меня лежало на сердце. Изустно я не мог бы передать Вам всего этого: при некоторых обстоятельствах моей жизни — я не мог бы взглянуть на Вас; при других — не нашел бы слов, чтоб их выразить.

Сергей Ветлин

XLIX.

Чтение этой искренней исповеди произвело в Кемском глубокое впечатление. Он долго глядел на подпись, желая удостовериться, точно ли это тот Ветлин, о котором гремит в свете такая дурная слава, подошел к портрету дочери Берилова, поднял покрывало и долго всматривался в черты лица ее, повторяя в уме прочитанное. Ему теперь этот лик казался знакомым, своим, родным: в улыбке ангельской чудился ему привет давнишнего друга. Он опустил покрывало в раздумье. «Но отец Надежды умер — это точные слова Ветлина,

а этот Бериллов... может быть, иной! Нет! Статься не может: ее зовут Надеждою Андреевною».

Он горел нетерпением разгадать эту непостижимую тайну. Берилова не было дома уже недели четыре. Кемский велел позвать Акулину Никитичну и стал расспрашивать ее о семейственных отношениях живописца. Никитична разлилась широким и быстрым потоком слов, но в них нельзя было ни до чего добраться. Она поселилась у Берилова за десять лет пред тем, чрез полгода по кончине Настасьи Родионовны, и только от соседок слышала, что у Берилова была дочь, сирота без матери; что Родионовна оставляла ее без всякого призора, что Бериллов наконец отдал ее в чужие руки и потом получил известие о ее смерти. Никитична не раз допытывалась у самого хозяина своего о семейных его делах, но, как и во всём ином, не могла добиться толку, знала только, что он бросил свое дитя и никогда о нем не вспоминал. Кемский отпустил Акулину Никитичну: ее слова еще более смешали все его понятия. Бериллов нерассудителен, неосторожен, забывчив, бестолков, но сердце у него доброе: мог ли он бросить, забыть свое дитя? «Всякий человек есть загадка! — думал Кемский. — Мало ли людей, достойных уважения во всех отношениях, платят дань слабости своей природы в одном каком-нибудь пункте!»

Душевное участие в горестной судьбе Ветлина, недоумение и безотрадное чувство невозможности удовлетворить влечению своего сердца — всё это подернуло душу Кемского мрачным покровом. Грудь его стеснилась, дыхание сжалось... Весеннее солнце, играя в окнах, манило его на чистый воздух. Он вышел на крыльцо. Это было в один из тех неизъяснимо приятных дней петербургского апреля, когда солнце как будто невзначай лучами благодатными согревает атмосферу и дает предчувствовать наслаждения лета. Воздух был тих, свеж, но тепел. Птицы пели. Деревья стояли еще обнаженные, но травка на лугах уже пробивалась. Кемский прошел в сад. Подле оранжерей и парников выставлены были цветочные горшки. Заключенные дотоле в душной искусственной атмосфере, нежные растения пили в себя живительное дыхание весны.

Он шел далее и далее, к одному заветному месту, которого не смели касаться ни топор, ни заступ садовника. Один этот уголок из всего об-

ширного сада, посреди которого построен был дом, занимаемый Кемским, оставался в первобытном своем состоянии; два вросшие в землю надгробные камня уцелели на бывшем кладбище. Вокруг них росли густые рябины, посаженные с незапамятных времен. Ветхая деревянная скамья прислонялась к дереву. При уничтожении бывшего тут кладбища новый владелец этого места получил от неизвестного лица записку, в которой просили его не тревожить покойников, лежащих в этих двух могилах. Он свято исполнил требование родственной любви: огородил это место, расчищал, окладывал дерном, осыпал песком и, продавая дом другому, включил в купчую условие о хранении двух могил в прежнем их виде. Между тем никто не приходил на эти могилы, никто о них не осведомлялся. Кемский услышал эту историю зимою, когда переехал в новую квартиру; с горестным чувством смотрел он в окно на опущенные инеем деревья, осенявшие этот укромный угол. Не прошло полувека с тех пор, как оставлено это кладбище, а уже все следы его изгладились. Вздохи и стоны сетовавших над свежими могилами исчезли в воздухе, слезы плакавших иссыхали на сырой земле, приявшей в себя останки друзей и родных. Только две могилы из тысяч охраняются от общего уравниния, и они исчезнут с памяти тех, которые нашли в них приют и успокоение.

Земля еще не совершенно обсохла, и на тропинке видны были свежие следы. Кемский машинально шел по этим следам и очутился под рябинами. Кто-то сидел на скамье, опершись на трость и вперив глаза в надгробные камни. Кемский, увидев человека, хотел воротиться, но шелест шагов изменил ему. Сидевший на скамье оборотился в его сторону; серебристые седины сверкнули из-под шляпы.

— Извините, — сказал Кемский, — я думал, что здесь нет никого.

— Ничего-с! — отвечал незнакомец, приподнялся с трудом, и Кемский увидел в нем Алимари.

— Алимари, друг мой! — вскричал он в испуге и кинулся к нему на шею. — Вы здесь! Узнаёте ли вы меня? Узнаёте ли Кемского?

— Князь! — воскликнул Алимари, и они обнялись в безмолвном восторге.

Когда миновали первые секунды радостного исступления, Кемский всмотрелся в Алимари, которого не видал с лишком семнадцать лет. Казалось, он не устарел с того времени, только высох и сгорбился; глаза его сверкали прежним пламенем, голос его раздавался в слухе и душе собеседника прежнюю гармонию. Князь не мог не изъяснить своей радости, что видит его бодрого и здорового.

— Да, — отвечал Алимари. — Девяностотрехлетняя хижина разрушается, но жительство ее не ветшает. Скажу более: теперь душе моей легче и свободнее: оковы тления не тяготят ее так, как в бывалые годы. Куда не достигнет глаз телесный, туда проникают взоры духа. А вы, князь?

— Я не одинок с некоторого времени и только теперь начинаю благодарить вас за сохранение моей жизни: еще есть люди, которым мое существование в мире может быть полезно и благодетельно.

— Живите для дружбы и добра! — возразил Алимари. — Они усладят ваше существование. Я же, по обету моему, пришел сюда, на север, сложить мои кости подле драгоценного мне праха. Зимой был я в Лиссабоне; теперь я здесь — вот могилы отца моего и матери. Я не плачу. Слезы у меня иссякли; они претворились во внутреннее ощущение тоски, надежды и умиления.

Друзья вошли в дом. Кемский предложил новому своему гостю у него поселиться. Алимари охотно на то согласился. С ближнего постоялого двора принесли его небольшой скарб, чемодан и сундучок, и он чрез час сидел уже дома, на диване, с старинным другом и слушал повесть жизни его со времени разлуки в Триесте.

— Вот, друг мой, — сказал Кемский наконец, — что ожидало меня в этом свете, где вы заставили меня скитаться. Если б я истек кровию в Нишце, то не испытал бы многого горя. Ужаснейшее из терзаний есть одиночество и разочарование в людях. Племянники мои, племянница — люди, не достойные моей любви и уважения, и им я никогда не оставлю своего имени. Если б вы знали, как они терзали моих бедных крестьян! О собственном имении, о доходах, о деньгах я не думаю. Понуждаюсь, потерплю несколько времени, чтоб выручить имение из залога, а там — что Бог даст! Дети Элимова не заслуживают моей любви; крестник его,

Ветлин, один мне друг, родственник... Употреблю все свои силы, чтоб сделать счастливым хоть его. Злодеи не довольствовались тем, что лишили его всякой помощи, они развратили было его душу!

Никогда еще Кемский не отзывался о своих родственниках так решительно, никогда не дерзал называть их злодеями. Но в прежнее время они действовали против него одного: теперь он вооружался за другого. Он рассказал другу своему о судьбе Ветлина и сообщил недоумения свои о дочери живописца Берилова.

— Вот она! Вот этот ангельский лик, который улаживает меня в минуты страданий и тоски душевной! — сказал он, отдернув покрывало.

Алимари смотрел на нее со вниманием.

— Портрет должен быть похож, — сказал он наконец, — такая выразительность не может быть вымыслом. А это вы? — спросил он, обращаясь к портрету Берилова.

— Видно, зрение ваше притупляется, — сказал Кемский, улыбаясь, — это портрет моего жильца и друга, добрейшего человека в мире, Андрея Федоровича Берилова, с которым я познакомился в Токсове в тот самый вечер, как в первый раз увиделся с вами. Помните ли? Это было на другой день после странного видения на петербургском небе.

Алимари, вооружась увеличительным стеклом, посматривал на изображение дитяти, на портрет Берилова, на князя и размышлял о чем-то в недоумении...

Свидание с почтенным Алимари преисполнило душу Кемского благоговейною признательностью к Провидению: оно позволило ему увидеть в здешней жизни человека, к которому он был привязан всею душою. Теперь он еще с большим нетерпением ожидал Берилова, чтоб разделить с ним радость этой неожиданной встречи, воображал, как усадительно втроем будут жить во временах прошедших... Алимари душою действительно был прежний, но телом склонялся к земле. Можно было сказать, что он жил с солнцем: доколе благотворные лучи дневного светила озаряли горизонт, он ходил, говорил, действовал как всегда или еще с большею ясностью, твердостью и силою, но при наступлении сумерек впадал в тихую дремоту и пробуждался не ранее

восхода солнечного, тогда мало-помалу просыпалась душа его, и, когда солнце появлялось всё на горизонте, исчезала и дремота его совершенно. Душа обновлялась. Все воспоминания в нем воскресали: он жил поспешно, быстро, жадно до нового наступления ночи.

Беседа друзей дня чрез два склонилась на предмет, который задолго до того занимал их мысли. Кемский поведал другу своему, что прежняя мечта его живет с ним доньне, что она не оставляет его ни в шуме светской жизни, ни в тиши уединения.

— Я уже перестал называть ее Черною женщиною, — сказал он. — Это моя Наташа! И прежде, в первые дни знакомства моего с покойною женою моею, я находил в ней поразительное сходство с моею мечтою; теперь обе они слились в одно, теперь появление милого призрака есть для меня награда, утешение, отрада. В зимние вечера она сидит подле меня, склоняясь на плечо мое, она закрывает нежною рукою усталые мои вежды, когда я кончаю дневные труды свои, она отходит от одра моего, когда я поутру открываю глаза. И в эту самую минуту, Наташа, я вижу тебя!

— Вы увидите ее, — сказал Алимари, — не в мечте! И я с священным трепетом помышляю каждый вечер об ожидающем меня блаженстве, думаю: не наступил ли уже час свидания с Антигоною и детьми моими? И погружаюсь в забвение земного существа моего, но воображение мое совершенно истощилось: никакое видение, никакой призрак не нарушает, не улаживает моего покоя. При восходе солнечном возникаю вновь из ничтожества и думаю: еще день! Боже мой! Чем долее Ты меня испытываешь в здешнем мире, тем вернее моей душе залог благости Твоей в будущем!

Кемский спросил у него, занимается ли он по-прежнему изучением природы.

— Это мое всегдашнее занятие, — отвечал Алимари, — хотя последствие всех моих наблюдений и умозрений одно и то же: знаю, что я ничего не знаю. Многие явления и случаи в жизни и в свете, кажущиеся нам теперь непостижимыми и чудесными, сделаются ясны и понятны со временем, но общие законы, по которым мир и всё в нем сущее рожда-

ется, живет и преходит, останутся тайною. Успехи наши в течение тысячелетий — это десять шагов человеческих, пройденных муравьем на странствии вокруг земного шара. Но если бранными глазами, слабыми орудиями чувств, не могу проникнуть в глубину земного и небесного творения, мысль моя, не знающая вериг пространства и времени, возлетает к невидимому, но познаваемому средоточию. К сознанию собственного нашего ничтожества необходимо присоединяется сознание верховного Разума, в котором теряется и мысль моя, и вся огромная видимая вселенная. Изучение природы ныне облеклось для меня светлым лучом духовного мира. Прежде сего удивлялся я, с одной стороны, огромности небесных светил, неизмеримости безвоздушного пространства, с другой — мелкости животных и растений микроскопических, старался истолковать себе восхождение существ от грубого безжизненного камня к совершеннейшему земнородному — человеку. Теперь, наоборот, мыслию низвожу на землю могущество и благодать Бога, духом Его проникаю всё бывшее, сущее и будущее в мире, и дыханием Его оживляю как гранитные утесы, так и мысли человеческие. Я удостоверился теперь, более нежели когда-нибудь, что смерти нет в природе, что видимые нами предметы, исчезая в вещественном мире, только принимают другой вид, и дух наш, оставляя бранный организм, стремится неведомыми путями к началу, недоступному в здешнем мире.

— Так вы принимаете общую жизнь во всей природе, вечное круговращение, непрерывное самоизменение форм ее? — спросил Кемский.

— Принимаю это, — отвечал Алимари, — но причину существования и жизни природы нахожу вне ее, в существе высочайшем, премудрейшем. Нам невозможно вообразить себе в мире что-либо сущее без причины и без последствий. И самые злейшие безбожники согласны в том, что окружающий человека мир разнородных сил, являющийся в своих действиях на него, должен иметь свою начальную причину. Они говорят, что эта причина всех явлений в мире заключается в таинственных, согласных между собою действиях сил природы, которых существа мы познать не можем. Природа, толкуют они, существует так от века, действовала

так всегда, производила явления и перемены, сама того не зная. Следственно, по этому учению, самое совершенное существо в мире есть человек, ибо он сознаёт свое существование? Следственно, природа произвела существа, которые совершеннее, выше, превосходнее ее самой? Следственно, Вселенная есть мертвая машина, которая сама себя не знает, а производит существа, достойные, в сравнении с нею, быть божествами? Нелепость этой мысли очевидна. Если, по законам моего разума, должна быть всему общая, начальная причина, то она не может быть несовершеннее меня. Эта чудесная гармония в мироздании, эти рассчитанные, измеренные, взвешенные законы тайных сил природы, движущих вселенною, суть мысль столь великая, какой ни я, ни другой смертный никогда из себя родить не может. И из этой мысли вывожу я существование произведшей ее, соразмерной с нею силы, самодеятельной и познающей, как душа моя, только в высшей, недостижимой, невообразимой степени. Во сколько крат дела рук и ума человеческого слабее, ничтожнее устройства вселенной, во столько крат мудрость и сила человека ниже мудрости и силы всевысочайшего существа. Не разрушая законов разума, не можем изгнать из мира сего всеустроющей, владычествующей, всеоживляющей силы. Человек, по самопознанию души своей, по отличным своим качествам, стоит на высшей ступени в земном порядке вещей. И важнейшее доказательство превосходства его есть то, что он разумом своим принужден верить в Бога: он видит в Боге источник своего существа и в душе своей созерцает отблеск вечного, святого виновника всего сущего в мире. Пусть своекорыстный лжеумудрец не для убеждения других, а для удовлетворения своему тщеславию сбивает понятия, ниже сомнения и мечтает быть великим, доказав, что нет Бога! Глас всей природы заглушает его дерзкие слова! И этот глас громче всего раздаётся в глубине нашей души, которая есть отблеск, искра того духовного светила, вокруг которого вращаются мириады миров видимых. Есть Бог всемогущий, всемилосердый — не мертвая природа, без воли, без самопознания! Я — создание этого высочайшего, святейшего существа; я духом с ним один. Смерть меня не устрашает: она есть не уничтожение существа моего, а разрешение духа от уз, называемых у нас телом.

Дух, исходящий от Бога, знает свою родину: он стремится туда, из конечного в бесконечное, из временного в вечное. И в здешней жизни человек начинает воспитание свое для будущей, освобождением себя от чувственного, земного, растительного, животного, пробуждением в себе жизни духовной. Чистота телесная есть охранение нашего тела от прикосновения безжизненной природы; чистота духовная — освобождение души от наростов грубых, телесных. Добрые дела, заглушение самолюбия, своекорыстия, зависти, гнева суть слабые подражания благодати вышней, мерцающие отблески солнечного луча, преломленного тучами и туманами земной атмосферы. Изучение окружающей нас природы предшествует исследованию способностей и сил нашей души, и, познав свойство души своей, возносимся мы к вечному ее источнику. И здесь благодать небесная не оставляет нас, слабых и близоруких. Там, где земные наблюдения, сбивчивые умозаключения человека теряют нить в темном лабиринте, — возникает искра Божественного Откровения и ведет нас к началу света. Религия христианская есть окончание, довершение, освящение наших благоговейных наблюдений, и в ее учении разрешаются все вопросы, какие только могут возникнуть в уме человека о причине и конечной цели существования мира и души его!

L.

Слова Алимари были прерваны шумом и криком в сенях. Кемский поспешил узнать о причине этого нарушения тишины в укромном его приюте и увидел в передней комнате Берилова, но в каком положении! Он был бледен, расстроен, глаза его сомкнуты; два человека ввели его в комнату под руки и посадили в кресла. Он открыл глаза, томные, мутные, и, увидев князя, сказал прерывающимся голосом:

— Слава Богу, что еще вас вижу! Я думал, что живой не доеду. Отпустите этих добрых людей и дайте мне опомниться. Дайте пожить, чтоб я мог рассказать вам всё-всё!

Он впал в беспамятство от истощения сил этим продолжительным разговором. Его раздели, положили в постель, привели в чувство, напоили теплым чаем. Он заснул, но во сне вздрагивал, как будто от испуга, стонал и произносил невнятные слова.

Князь спросил у провожатых, кто они и откуда привезли Берилова. Один из них отвечал, что они служители живущего на Петергофской дороге коллежского асессора¹ Лемешова, у которого Берилов провел несколько дней, занимаясь работою; дня за четыре он занемог, но сего дня утром болезнь его усилилась; он начал бредить и требовал, чтоб его немедленно отвезли домой. Желание его исполнили: дорогою он тосковал и жаловался, что живой до дому не доедет. Более люди ничего сказать не могли. Их отпустили.

Берилов проснулся чрез несколько времени. Призвали врача. Он нашел, что больной страдает нервами, что болезнь его усилена, вероятно, испугом или каким-либо другим потрясением, что она может сделаться опасною. Это было сказано не в присутствии Берилова, но он сам догадывался, что находится в сомнительном положении, и, лишь только собрался с мыслями, потребовал, чтоб князь непременно его выслушал. Какая-то сверхъестественная сила оживляла его душу; мысли его были связнее, выражения короче и яснее обыкновенного.

Кемский и Алимари с нетерпением и страхом сели подле его постели и узнали причину страданий и испуга доброго артиста.

Он жил около месяца в Нарве у одного тамошнего помещика, человека доброго и зажиточного, и перерисовывал старинный альбом, в котором хозяин его на странствиях своих по разным землям Европы и Азии изображал предметы, казавшиеся ему достойными внимания. Работа кончилась. Помещик, привыкший в деревне рассчитывать всякую наличную копейку, впрочем тороватый на хлеб-соль, заплатил Бериллову очень скудно.

Художник принял плату без возражения, но на прощанье заметил, что едва ли за эти деньги доедет до Петербурга. Тогда помещик взялся доставить ему случай проехать даром и в тот же день нашел попутчика, который согласился довезти Берилова без платы, с тем чтоб он по

приезде снял с него портрет. Что могло быть лучше этого? Простодушный Бериллов искренно поблагодарил своего хозяина за угощение и печение и пустился в путь с новым своим знакомцем в покойном дормезе² со всеми дорожными удобствами. Этот новый знакомец был Лемешов, один из самых искусных, бессовестных и опасных ябедников во всей Российской империи. Он приезжал в Нарву на юридическое совещание к сосланному туда на жительство взяточнику, имевшему надобность в его пособии для того, чтоб низложить и уничтожить врагов своих и доказать правительству и свету свою честность, бескорыстие и усердие к службе.

На первых верстах пути Бериллов, при всей недалекости своей, догадался, с кем едет. Коварный, зверский нрав Лемешова, гнусный образ мыслей, самые мошеннические правила, прикрываемые ссылками на законы и набожными возгласами, устроили боязливого художника. Он прижался к углу кареты, рассматривал лицо Лемешова, на котором изображалась яркими чертами черная его душа, и старался затвердить в памяти эту редкую физиономию, чтобы в случае надобности воспользоваться ею для изображения нечистого духа. Он не мог дожидаться приезда в Петербург, считал версты с нетерпением. Оставалось до города семь верст. Бериллов рассчитывал, что чрез час времени будет он в своем приюте, увидит своего ненаглядного князя, закаивался впредь отлучаться так далеко и ездить с чужими людьми. Вдруг карета своротила с большой дороги направо. «Что это значит? — спросил Бериллов в испуге. — Разве нет прямой дороги?» «Я живу на даче», — холодно отвечал Лемешов. «На даче, в апреле месяце? — подумал Бериллов. — Странный вкус!» Лемешов действительно жил на даче, но не по вкусу: ему воспрещен был за ябедничество въезд в столицу, и он основал свой разбойничий вертеп в семи верстах от Петербурга. Туда являлись к нему челобитчики за советами и пособием, помощники и поверенные его, практические ходатаи по судам — за наставлениями и приказаниями...

Карета остановилась в версте от большой дороги у подъезда огромной дачи, окруженной рощею. Бериллов, вышедши из экипажа, поблагодарил Лемешова за одолжение и объявил, что дойдет до города пеш-

ком. «А условие написать мой портрет?» — спросил Лемешов. «Не премину исполнить, Степан Назарьевич, — отвечал Бериллов, — куплю новых красок, да и кисточки мои поистерлись. Не позже недели явлюсь к вам и всё исправлю». «Те, те, те! — захрюкал Лемешов. — Обманешь да в лес уйдешь. Знаю я вас, художников: вы все плуты, лентяи и пьяницы. Нет, братец! Уговор лучше денег: оставайся у меня да исполни условие. До окончания портрета тебя не выпущу, а за красками да пензелями³ сам пошлю в город. Ты еще черт знает какой счет подашь за эту дрянь!»

Бериллов ужаснулся, догадавшись, в какие руки попал, но делать было нечего: он обязан был оставаться. В самом доме ожидали его картины и сцены еще неприятнейшие. У Лемешова была хозяйка, матросская жена, развратная, грубая, пьяная тварь, которой он во всем повиновался, и от этой четы произошли достойные ее исчадия: человек шесть уродов физических и нравственных. Лемешов нянчился с младшими, как орангутан, и с наслаждением слушал рассказы старших о том, как они убивают собак и кошек, разоряют птичьи гнезда и крадут огурцы в соседних огородах.

Бериллов прилежно занялся работою, и она шла с рук очень скоро, потому что вообще зверей писать легче, нежели людей, да и сам художник горел нетерпением вырваться из этой преисподней. Отвратительные явления, которых он был свидетелем, расстроили его нервы: он чувствовал головокружение и дурноту. Сидя за жирным обедом и ужином Лемешова, который к прочим нравственным качествам своим присокуплял обжорство и пьянство, он не мог ни есть, ни пить: всякая пища казалась ему там отравленною. В один вечер пьяный Лемешов подрался с нетрезвою своею Венерою и чуть было не прибил гостя, который хотел укрыть детей от его бешенства.

На другой день Бериллов проснулся с зарею и, раздумав о своем положении, чувствуя беспрерывно возрастающее изнеможение, решился собрать все силы и в этот же день кончить портрет, чтобы еще до вечера выбраться домой. Он оделся, сошел из светелки, в которой была отведена ему квартира, в нижний этаж, пробрался в залу, где обыкно-

венно работал, и тихохонько занялся своим делом. В ближней комнате, отделявшейся от залы дощатою стеною, раздавались голоса, в которых он с отвращением различил хриплый орган своего хозяина.

Он продолжал работу, стараясь не слушать, что там говорится, но вдруг был поражен следующими словами, громко прочитанными Лемешовым: «А вследствие сего и просят, дабы благоволено было помянутого дядю их, отставного полковника князя Алексея, княж Федорова сына Кемского, яко находящегося в сумасшествии, в силу высочайшего указа июля восьмого одна тысяча восемьсот пятнадцатого года, посадить в дом умалишенных». «Браво! Лихо!» — закричал другой голос, и кто-то захолопал в ладоши. «Не бывал ли дядюшка ваш в Италии?» — спросил Лемешов. «Был, во время Суворова, — отвечал другой голос, — ранен, отдался в плен и под разными предложениями шатался там несколько лет; от чего и началось расстройство нашего имения». «Весьма хорошо и прилично, — возразил Лемешов. — К доказательствам его сумасшествия прибавим, что он находится без ума и памяти, в какое беспамятное состояние люди легко приводятся в Италии, как то известно по статистике». «Благодетель, спаситель мой! — закричал второй голос. — Позвольте выпить еще за ваше здоровье!» Хлопнула пробка, зашипело шампанское, и бокалы чокнулись.

Берилов, ни живой ни мертвый, подошел к стене, отделявшей его от разговаривавших, сел на стул, пригаил дыхание и, прилежно вслушиваясь, узнал о гнуснейшем заговоре против его друга. У Лемешова сидел Платон Сергеевич Элимов, который за несколько времени до того принужден был выйти из военной службы по поводу пощечины (данной им или полученной — об этом показания разногласят) и теперь занялся устройением фамильных дел.

Он объявил матери, что намерен спасти родовое свое имение, доказав, что князь помешался в уме и даже для общественной безопасности должен быть посажен на цепь. Алевтина изумилась, испугалась и умоляла сына бросить это намерение. Даже Тряпицын советовал оставить сии экстренные меры, обнадеживая Платона, что дядя его и без того скоро отправится на тот свет от своих *сумасбродных воображений*. Платон раз-

брания свою мать, едва не прибил вотчима и его наставника и обратился с своим иском к Лемешову, которого ему рекомендовали как человека, весьма искусного в ведении тяжёлых дел. Платон производил это дело с согласия брата и сестры, которые дали ему совершенное полномочие, и, приезжая к Лемешову по вечерам, просиживал ночи с этим достойным помощником. Не было гнусности, которой бы они не впили в свое прошение: Ветлина объявили они побочным сыном князя, а Хвальинского, управлявшего его имением, обвинили в подлогах, краже и грабежах, вследствие которых князь приведен в совершенную нищету, от чего расстроенный его рассудок еще более повредился.

Берилов слышал всё это, потому что нынешнее совещание было окончательное: бумаги были изготовлены, только переписать на гербовой и подать. Когда пробило шесть часов, Лемешов и Элимов расстались с неоднократными лобызаниями и уверениями, с одной стороны, в усердном старании и неминуемом успехе дела, с другой — в чувствительнейшей благодарности.

Берилов видел из окна, как Платон Элимов в партикулярной шинели⁴, но еще в военной фуражке, сел на парные дрожки, и они полетели со двора. Испуганный, встревоженный артист с трудом взобрался в свою светелку и там, в ужасе и лихорадке, бросился на постель. Его долго дожидались внизу, но, видя, что он не сходит, послали за ним слугу. Живописец велел сказать, что он болен, что портрет кончен и что он непременно хочет воротиться в город. Лемешов не поверил слуге, отправился сам к своему гостю и действительно нашел его в величайшем расстройстве. Опасаясь следствий и посещения земского суда в случае скоропостижной смерти человека, забредшего к нему в глушь, он отправил его в Петербург с двумя слугами...

Кончив рассказ с напряжением всех сил своих, Берилов обнял князя и, вскричав: «Спасайтесь, спасайтесь от этих злодеев!» — опять лишился чувств.

— Вот вам, — сказал Кемский другу своему, — свидетельство образа мыслей и дел моих племянников.

— Ради бога, — возразил Алимари, — воспользуйтесь этим случайным открытием и предупредите если не несчастья, то большие неприятности. И одно свидетельство вас со стороны правительства будет для вас тягостнее самого тяжелого процесса. Поезжайте куда должно. Я присмотрю за больным.

Кемский обещал последовать этому совету, но не прежде того, как удостоверится, что Бериллов пришел в себя и успокоился.

LI.

Но каким образом предупредить, отклонить исполнение адского замысла? Кемский решился обратиться к Алевтине, обратиться, усовестить ее. Он поехал к ней.

— Генеральши нет дома, — сказал ему швейцар, — изволили уехать в благотворительный комитет в пользу разорившихся в России французов¹, а генерал дома-с.

Кемский пошел к зятю. В передней не было никого; в других комнатах также. Князь дошел до кабинета, долго ждал кого-нибудь, чтоб о нем сказали, но, потеряв терпение, отворил двери кабинета и вошел.

Фон Драк сидел за столом, подперши руками голову, в глубоком размышлении: он не слышал и не видал вошедшего.

— Иван Егорович, — сказал ему князь тихим голосом, — скажите, ради бога, что вы со мною сделали!

Фон Драк вздрогнул, пошлышав звуки его голоса, вскочил и бросился в его объятия.

— Так вы всё знаете, князь! Простите ли вы меня! — вскричал он голосом отчаяния.

— Знаю многое, — отвечал князь, — но всё ли, не могу сказать.

— Так я вам открою! — возразил фон Драк. — Садитесь, выслушайте меня! Я несчастнейший человек в свете. Вся жизнь моя прошла в трудах, заботах, горе и страхе. Долее не могу терпеть мучений моей совести и обхождения со мною детей Алевтины Михайловны. Если б вы не по-

жаловали ко мне, я сам отыскал бы вас — избавьте меня от адских мучений. Ведь и у меня есть совесть — да-с, есть вера-с.

Он был действительно в исступлении. Глаза налились у него кровью, подбородок дрожал, все мускулы лица были в движении. Он задыхался и едва мог говорить. Чтó с ним сделалось? Отчего это раскаяние, эти порывы великодушия?

Фон Драк не был зол и коварен от природы. Лишась в детстве своем отца и матери, заезжих из Баварии в полуденную Россию, он был воспитан чужими людьми, строго и глупо, вступил четырнадцати лет унтер-офицером в армейский полк, вырос посреди безграмотных рапортичек², палок и горелки, никогда не видал ничего далее своей команды, никогда не рассуждал, не смел противоречить другим, считая себя набитым дураком, и плыл в жизни по течению обстоятельств.

В нем были начатки добра: трезвость, трудолюбие, бескорыстие, старание исполнять долг свой, вести себя честно и добропорядочно, угождать начальникам и повиноваться их воле, но всё это было заглушено чувством своего ничтожества и боязнию, в случае умничанья, быть предоставленным самому себе и вследствие этого умереть с голоду. Иногда, измученный, растерзанный своими приближенными, он выходил из себя, но ненадолго: после бурного излияния внутреннего негодования он впадал в прежнюю бесчувственность и вновь переминал в себе убийственную мысль: «Чтó я значу в свете? Если меня бросят — я пропал навеки».

По мере приближения старости эти мгновенные вспышки становились реже и реже, но тем тягостнее, томительнее было для него влачить свою безотрадную жизнь. Он мог еще повиноваться Алевтине, считая ее своею благодетельницею, мог слушаться Тряпицына, помня, что этот человек не раз спасал его от беды, впрочем обыкновенно им самим накликаемой, но обращение пасынков и падчерицы преисполняло дни его горечью и страданиями. Григорий обращался с ним холодно, гордо, грубо. Платон смеялся ему в глаза, дурачил его при всяком случае и не раз при нем спрашивал мать, как она могла выбрать себе в мужа такого болвана. Китти вторила обоим братьям. Англичанин, конюх, взятый в дом

для обучения ее верховой езде, к которой она имела страстную охоту, и сделавшийся потом ее задушевым приятелем, обходился с ним как с старою негодною клячею и, что всего более оскорбляло бедного старика, называл его при всех не иначе, как «господин Дрек»³.

Главною виною безотрадности фон Драка было в нем отсутствие всякого возвышенного, духовного, религиозного чувства. Он рожден был в католическом исповедании и находился в детстве своем несколько времени на руках одного ксендза, который, вместо всякого наставления в учении и правилах Церкви, заставил его вытвердить наизусть несколько латинских молитв без перевода и пояснения. В полку он не мог усовершенствовать своего духовного воспитания, говел ежегодно, если случалась в месте стоянки полка католическая церковь, но исполнял это как служебную обязанность: ежедневно должно быть на разводе, а ежегодно — говеть. Вступив в брак с Алевтиной, он часто принужден был слушать насмешки над Папою, над католическими обрядами и более и более отчуждался своего исповедания, впрочем, не приставая и к другому, ибо воспитатель успел внушить в него мысль, что римская вера одна в мире истинная.

Накануне того дня, в который явился к нему князь, бедный старик был свидетелем и жертвою ужаснейшей сцены между Алевтиною и ее детьми, требовавшими принятия крайних мер для возвращения имения, отнятого, как они говорили, у них князем Кемским. Фон Драк не мог выгперпеть неистовства своих пасынков, не имел и духу удержать их: он выбрался потихоньку из комнаты, надел сюртук, нахлобучил шляпу и вышел со двора. Сердце его было сжато, слезы столпились в глазах, но не могли выступить, дыхание занималось. К счастью, на дворе уже смеркалось, в противном случае его могли бы почесть за сумасшедшего. Он шел по Невскому проспекту, сам не зная куда.

Вдруг удары звонкого колокола возбудили его внимание: он посмотрел в ту сторону, откуда несся звон, и увидел себя подле паперти католической церкви⁴. Двери церковные были отперты. Он машинально вошел в церковь. В ней господствовал мрак; вдали, в одном приделе теплилась лампада, и при ее мерцающем свете можно было видеть, что

посреди церкви, на катафалке⁵, стоит гроб. Фон Драк сел на скамью. Вдруг раздались тихие, унылые звуки органа и проникли в душу, непривычную к этим впечатлениям, но жестокою горестью к ним приготовленную. Слезы, неведомые дотоле слезы, потекли по иссохшему лицу старца: он сам не знал, что с ним делается, что он слышит, видит, чувствует. Влево от него, на перилах кафедры, зажглась свечка, другая. Несколько человек подошли к кафедре, он за ними. На кафедре появился монах, человек немолодой, с кротким, страдальческим лицом, с выражением чувства и ума в томных глазах. Он начал говорить проповедь на немецком языке. Фон Драк слушал со вниманием. Проповедник говорил о ничтожестве благ земных, о сокровище, уготовляемом добрыми делами на Небесах, о том, что никогда не поздно приносить Богу покаяние в грехах своих, что всегда есть время человеку исправить свои проступки, но что надобно спешить, не страшась наветов и гонений света: лучше погубить тело, нежели душу свою.

— Кто из вас, любезные слушатели, — сказал он наконец, — может быть уверен, что завтра в эту пору он не будет мертв, подобно этому усопшему брату? — И указал на гроб. Фон Драк взглянул в ту сторону и вздрогнул. Мысль о смерти, о Страшном Суде возникла в первый раз в его уме и озарила пустыню его воображения. Проповедь кончилась. Он пошел вслед за монахом, заговорил с ним, проводил его до кельи и просидел с ним до глубокой ночи. Он открыл свою душу достойному пастырю, просил у него совета и утешения и оставил его, перерожденный и обновленный. Ума у него не было, но было сердце — и это сердце лежало шестьдесят лет под гнетом безверия, людской злобы и ничтожных земных и светских привычек.

Проснувшись на другой день, он с душевною отрадою припоминал вчерашний случай, повторяя слова: «Лучше погубить тело, нежели душу свою» — и сбирался непременно отыскать князя, открыть ему всё и испросить у него прощение. Но Алевтина, но дети ее, но Тряпицын? Что скажут они? Эта мысль его остановила и повергла в жестокую борьбу с самим собою. Он велел сказать Алевтине и всем домашним, что он болен, что имеет надобность в отдохновении, и остался весь день в своем

кабинете. Никто о нем не заботился. Между тем страдания его дошли до высшей степени; и он сбирался отправиться к вчерашнему проповеднику и просить у него совета, помощи, подкрепления: вдруг вошел в его комнату Кемский. Фон Драк обрадовался ему, как ангелу-избавителю, и уверился, что сам Бог послал к нему шурина его для разрешения мучительных сомнений.

Кемский сообщил ему о намерении Платона посадить дядю своего в сумасшедший дом.

— Знаю-с, знаю-с, — отвечал фон Драк.

— Знаете и позволяете, Иван Егорович! На что это похоже?

— Да как бы я осмелился? — спросил фон Драк жалобно.

— Как бы вы осмелились быть честным человеком! Подумайте, что вы допускали; вы, глава семейства, человек почтенных лет, одною ногою стоите в гробу.

— Знаю-с, знаю-с, — отвечал фон Драк, — да-с, точно-с, одною ногою.

— Я никогда не имел намерения обижать вашу жену и пасынков: воля отца для меня священна.

— Какая воля-с?

— Вы знаете, Иван Егорович, что покойный мой отец завещал всё свое имение, в случае моей смерти, своей падчерице. Если б он знал, каким страданиям и бедствиям меня подвергает!

— Знаю-с, знаю-с, — отвечал фон Драк, — знаю и более-с. Батюшка ваш никогда не составлял этого завещания: оно подложное.

— Подложное? Помилуйте...

— Точно подложное-с. Вы его никогда не видали — не так ли-с?

— Никогда!

— Так извольте знать, что всё это обман и фальшь-с.

Кемский с изумлением выслушал покаяние фон Драка.

Отец его, больной, преследуемый настояниями, жалобами и слезами второй жены своей, написал было проект завещания в пользу падчерицы на случай смерти сына, но не подписывал его, не мог решиться на совершение действительного акта. Он умер, и чрез несколько времени появилось его завещание, составленное подложным образом, утвержен-

ное неизвестно где и кем. Некому было оспаривать акт, некому было исследовать его подлинность. Княгиня Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна успокаивали свою совесть тем, что такова была воля покойника, написанная собственною его рукою, а форма-де — вещь посторонняя и излишняя. Элимов женился на Алевтине в той уверенности, что всё имение ее вотчима принадлежит ей по закону. После брака стал он требовать крепостных актов, но старуха княгиня не хотела их выдать. Элимов, наскучив ее отговорками, воспользовался однажды ее отсутствием, вошел в ее спальню, как, бывало, в Туретчине — в неприятельский город, выломал замок в комодке и вынул бумаги. Ничтожность этих актов узнал он по первому взгляду и в исступлении гнева хотел было всё обнаружить пред правительством. Теща и жена с трудом убедили его не губить их; он обещал молчать с твердым намерением объявить об этом Кемскому, лишь только он выйдет в офицеры. Между тем он по привычке к роскошной жизни и со дня на день отлагал очищение своей совести. Однажды, раздраженный женою, он хотел было описать князю всё дело, но в ту самую минуту получил извещение, что пришли свежие устрицы. «Устрицы! Подождем отказываться от имения!» — пробормотал он и поехал на биржу.

При всём том мысль об этом гнусном обмане его не оставляла и превратилась в самое мучительное чувство, когда он, тяжело раненный, увидел необходимость освободить душу от греха на этом свете. Он призвал к себе адъютанта и приказал ему, в случае его смерти, непременно отправиться в Петербург и объявить жене и теще, чтоб они побоялись Бога и уничтожили воровской акт; в случае же отказа — принудить их к тому сначала угрозою, а потом и доносом правительству. Можно себе представить, каково было их смятение, когда фон Драк явился к ним с этим поручением. Они ужаснулись, увидев, что чужой человек обладает их тайною, уверили фон Драка, что Элимов, вероятно, в бреду выдумал эту историю, показали ему собственноручное завещание покойного князя. Но этого было мало. Фон Драк мог по глупости своей рассказать тайну другим — надлежало связать его неразрывными узами, и Алевтина решилась выйти за него замуж.

Впоследствии принуждены были открыть историю завещания Тряпищину, и от этого происходило, с одной стороны, что Алевтина ужасалась порывов гнева в своем муже, а с другой — что Тряпищин сделался властелином их судьбы: он мог одним словом осрамить, погубить их. Как при этом не вспомнить изречения одного писателя, ныне вышедшего из моды: «Только добрый человек свободен. Злые томятся в цепях, которые они сами на себя сковали!»⁶

Дети Алевтины не знали этих обстоятельств и полагали, что имение Кемского принадлежит им по всем правам, тем более что он, вероятно, умрет бездетным. Они поддельвались к нему, чтоб выманить себе кое-что заживо, но когда эти маневры не удались, когда они увидели, по образу жизни князя, что дела его приходят в расстройство, то решились искать своего достояния, как они говорили, путем законов.

Фон Драк, кончив свою исповедь, прибавил:

— Теперь я всё открыл вам, князь Алексей Федорович! Душе моей стало легче, но что будет со мною, когда о моей откровенности узнают Алевтина Михайловна, ее дети, Яков Лукич! Мне и так житья в доме нет-с. Ради бога, защитите несчастного от крайней погибели!

Кемский старался уверить его, что приложит всё усердие к ограждению его от преследований, и сам в свою очередь просил, чтоб фон Драк подал ему средства к прекращению этого неприятного дела.

— Извольте, ваше сиятельство! — вскричал фон Драк. — Я отдам вам все ваши фамильные бумаги, все-с! Покойный Сергей Борисович наказывал мне, в случае нужды, обратиться к правительству, давал полную волю: теперь я этим воспользуюсь. Ради бога, снимите с меня грех пред Богом, а там, — прибавил он с трепетом, смотря на портрет Алевтины, висевший над его письменным столиком, — да будет воля Божья! Да-с! Лучше погубить тело, нежели душу! Вот-с, — сказал он Кемскому, подавая кипу бумаг, — отчеты по управлению вашим имением. Я составлял их сам, по документам Якова Лукича. Уверяю вас честью, что в них всё записано. Ей-богу-с! И они давно готовы, да-с, готовы-с.

— Так что ж вы мне их не доставляли? — спросил князь.

— Не посмел-с, ваше сиятельство! Я человек военный, не законник, не знаю всех счетных форм — так я просил Якова Лукича просмотреть

да поисправить-с. Он начал было приводить их в порядок и около половины поочистил, потом же, как вы изволили съехать на Выборгскую сторону-с, так с тех пор ему недосужно было-с. Следовало бы, по надлежащем исправлении, переписать на основании узаконений по счетной части, да, ей-богу-с, не могли удосужиться. Извините великодушно-с. Постарайтесь посмотреть, так увидите-с, а я между тем пойду в спальню-с и принесу всё прочее-с. Ей-богу, так-с!

Кемский, оставшись один, начал перебирать счета, не думая, впрочем, поверять их. Перевертывая листы, он в самом начале остановился на расходах, причиненных роди́нами Наташи, смертью дочери, погибелью матери. С тяжелым вздохом прочитал он имена первейших петербургских врачей, которых, как видно было из счетов, осыпали деньгами для облегчения страданий и сохранения жизни княгини. Бледными чернилами фон Драка поставлены были суммы довольно значительные, дегтем Тряпицына выправлено вдвое. С трепетом сердечным князь следил на безмолвных листах различные эпохи своего бедствия и вовсе не думал огорчаться явным плутовством. Он хотел узнать, когда окрестили дочь его, когда схоронили. Первое он нашел: священнику, дьякону, дьячку и пр. в день разрешения от бремени столько-то, столько-то, но далее след исчезал совершенно. Только осталось черновое письмо Алевтины в ответ Хвальнскому на вопрос о обстоятельствах погибели княгини. Она извещала его, что княгиня, испуганная по неосторожности своей собеседницы, разрешилась от бремени дочерью; что дочь эта скончалась чрез два часа после рождения, а княгиня впала в сумасшествие и по прошествии двух недель, обманув окружавших ее людей, вышла из дому и утопилась в Неве. На другой день полиция нашла на берегу, подле Литейного двора⁷, бывший на ней платок. Тела не могли отыскать. Это письмо было известно Кемскому: Хвальнский сообщил ему подлинник, но ему и страшно, и любопытно было видеть черновое: оно было написано Алевтиною, несколько раз выправлено разными руками и сохранилось в бумагах потому, вероятно, что на нем отмечены были некоторые выдачи. Кемский не проронил ни буквы: вдруг поразили его следующие слова руки фон Драка, написанные карандашом:

Октября 23-го (это был день разрешения Наташи) на отвозение младенца в Воспитательный дом 50 копеек; за труды при сем случае Пеллагее — 2 рубля⁸.

— Это что? — спросил он грозным голосом у фон Драка, вошедшего в ту минуту в кабинет с кипюю бумаг под мышкою.

— Что такое-с?..

— Какого младенца отсылали вы в Воспитательный дом? — повторил он, задыхаясь от гнева.

— Ей-богу, не помню-с, — отвечал фон Драк с трепетом.

— Как не помните? Чья же это рука? — вскричал он в испуге, взяв его одною рукою за скюртук и другою показывая ему бумагу.

— Ах, Боже мой-с! Откуда вы взяли эту бумагу-с? Бедовое дело-с!

— Откуда взял? Вы сами мне отдали. Скажите, что это значит, или я за себя не отвечаю.

Фон Драк просил князя поуспокоиться и обещал всё рассказать. Кемский усмирив в себе на время порыв отчаяния и выслушал его.

Фон Драк признался ему, что дитя, свезенное в Воспитательный дом, было дочь его.

— Вас считали убитым-с, — говорил он, — княгиня лежала в беспмятстве-с, и мы ежеминутно ждали ее кончины. Так Алевтина Михайловна и Яков Лукич рассудили отдать младенца на воспитание-с. Что-де он, то есть ребенок, знает-с? Как прожить ему в свете круглою сиротою-с? Заменят ли чужие люди отца и мать-с! А опекуны и попечители — все плуты-с. К тому же в то время конфирмованы были новые штаты для Воспитательного дома-с⁹, заведены были покойные кареты для кормилиц — так и решились, как ни жалко было-с, новорожденного младенца, окрестив, отправить на попечение правительства-с. А я, впрочем, ни в чем не виноват-с. Даже не могу сказать, какое было дано имя при крещении-с. Ей-богу-с!

Кемский сидел в забытьи, переминая в руке бумагу. Он не отвечал своему зятю ни слова, вдруг вскочил, схватил шляпу и бросился из дому; сел на дрожки и велел гнать к Воспитательному дому.

Фон Драк изумился: князь перенес равнодушно потерю своего имени, спокойно выслушал историю фальшивого завещания, а от такой безделицы, от того, что новорожденного, бессмысленного ребенка отдали в Воспитательный дом, пришел в бешенство. «Чуть ли не прав Платон Сергеевич!» — думал он, качая головою.

Кемский приехал к начальнику Воспитательного дома и просил его справиться по книгам, что случилось с младенцем женского пола, принесенным в дом такого-то числа, месяца и года¹⁰. Желание его исполнили без замедления, но по справке с книгою оказалось, что в тот день не было принесено ни одной девочки. На другой, на третий день принесено было несколько.

— Что значат нули против имен в другой графе? — спросил Кемский.

— Сии дети умерли, — отвечали ему.

Он мял безмолвный лист книги, глядел пристально на имена принесенных около того времени детей и не знал, что делать. В каком он был положении — сказать невозможно. Это было какое-то мертвенное оцепенение: ему казалось, что весь мир вокруг него превратился в ничто, что он носится в беспредельном пустом пространстве, ищет чего-то глазами, слухом и осязанием и ничего найти не может. В наружности это не было заметно, только необыкновенная бледность лица, неподвижность глаз и редкие вздрагивания изменяли внутреннему борению.

Уверившись в бесполезности своих розысков, он вновь отправился к зятю. Фон Драк сидел в кабинете и приводил в порядок бумаги, разкиданные неистовым князем. Кемский объявил ему, что ребенка в Воспитательный дом не приносили, и требовал подробнейшего объяснения.

— Да не утратились ли книги-с? — спросил фон Драк. — В гражданской службе и в канцелярском порядке это иногда случается-с!

— Нет! Нет! — вскричал князь. — Книги целы, но в них нет того, чего я искал. Объясните мне это дело, или я поступлю с вами и со всеми вашими как с злодеями и смертоубийцами.

— Успокойтесь, ваше сиятельство, — отвечал фон Драк, — мы в скорейшем времени объясним этот казус. Женщина, отвозившая новорожденную княжну в благотворительное заведение, жива и находится у нас в доме-с. Она покажет вам по всей справедливости-с.

— Где она? Позовите ее, ради бога!

Фон Драк отправился и чрез несколько минут воротился с старухою Егоровною, покровительницею Ветлина. Узнав, в чем дело, она бросилась князю в ноги и молила простить ее. Князь умолял ее рассказать, когда и как она отдала ребенка в Воспитательный дом.

— Виновата, батюшка, виновата! Не отдавала.

— Где ж он?

— А бог знает!

Старуха рассказала, что по разрешении княгини от бремени Алевтина призвала ее в свою комнату и, осыпав, против обыкновения своего, ласками, поручила ей снести новорожденную в Воспитательный дом, обещала, в случае исполнения этого дела, отпустить на волю и ее, и детей ее, а если она не согласится или не сделает, отдать сына ее в солдаты, а дочь в работу на фабрику. Егоровна слезно просила избавить ее от такого тяжкого греха, но слово было вымолвлено, и Алевтина поклялась ей пред образом, что непременно исполнит свои угрозы. Егоровна согласилась. Алевтина сама вынесла ей ребенка, закутанного в одеяло. Яков Лукич достал неизвестно откуда мертвое тельце, и его свезли на кладбище. Егоровна, заглушая в себе вопль совести и веры, отправилась с ребенком к Красному мосту¹¹ и искала в обширном здании Воспитательного дома того места, где принимают детей. Нечаянно набрела она на толпу воспитанниц, шедших попарно по двору. На бледных лицах их начертаны были тоска сиротства и одиночества, отсутствие любви родительской и благодарности, которых ничем заменить не можно. Они шли медленно, без всякого выражения детской веселости; одна девочка прихрамывала, другая горько плакала. Егоровна взглянула на них и ужаснулась. Она в эту минуту вообразила, что несчастный младенец, который теперь покоится на руках ее, обречен этой же безотрадной судьбе, что дочь князя Алексея Федоровича и княгини Натальи Васильевны, добрых, кротких, великодушных, вырастет посреди сих несчастных существ, от которых родители отказались в час их рождения. Она решилась не отдавать ребенка, принести его обратно домой и объявить барыне, что не принимает на себя этого греха. Действительно, она вороти-

лась домой, но, лишь только вошла во двор, услышала голос Алевтины Михайловны:

— Федька! Дуняшка! Где это запропастилась Пелагея! Всех пересеку, да этого еще мало!

Несчастливая мать опрометью бросилась со двора назад, но в страхе побежала не в ту улицу, не знала, где очутилась, боялась спросить, куда идти: ей казалось, что с одной стороны преследует ее полиция, с другой — Алевтина. Начало смеркаться: пора явиться домой. В этом недоумении увидела она дрожки, от которых отошел кучер. На дрожках стояла большая корзина, прикрытая холстиною; глядь под холстину — там лежат какие-то свертки, но есть еще место. Егоровна положила туда спавшего ребенка, а сама опрометью побежала в сторону. Раздался стук дрожек; сердце у ней сжалось; она очутилась пред церковью Спаса на Сенной,¹² шла вечерня. Бедная в отчаянии кинулась в церковь, пала ниц пред алтарем и молила Бога сохранить и призреть несчастного младенца.

Дома ожидала ее Алевтина Михайловна с величайшим нетерпением и допытывалась о причинах замедления. Егоровна отвечала, что долго не могла найти дороги, и тем дело кончилось. Ей дали два рубля. Сына ее отдали, по желанию его, в учение к парикмахеру, а дочь — в модный магазин, и вообще с тех пор начали обходиться с нею человеколюбиво. Егоровна не могла утешиться, проклинала злодейку, виновницу своего греха, но, боясь гнева князя Алексея Федоровича за потерю дитяти, не дерзала ему открыться, как прежде намеревалась...

Кемский был в оцепенении: он не слышал, не видел ничего, что после того вокруг него происходило.

— Этого еще не доставало! — произнес он наконец, поводя себя руками по лбу и как будто сомневаясь еще в своем существовании. Фон Драк отдавал ему отчеты и бумаги. — На что это? — спросил князь.

— Не прикажете ли доставить их вам после? — молвил фон Драк.

— Очень хорошо, как угодно! — отвечал князь, взял шляпу и, не простившись с хозяином, вышел из комнаты.

Фон Драк, оставшись один, почувствовал всю неосторожность своих поступков. Он сам не знал, как случилось, что он открыл князю все зло-

деяния жены своей. Старуха Егоровна стояла еще в его кабинете и плакала. Вдруг раздался под воротами стук Алевтиминой кареты.

— Барыня приехала! — вскричала старуха с ужасом и бросилась из комнаты.

— Приехала! — повторил трепещущий фон Драк. — Что будет со мною!

ЛП.

Князь воротился домой поздно. Все спали. Он не спрашивал ни о больном, ни об Алимари. Отдав Мише фуражку и шинель, он вошел в спальню, сел в кресла и сказал:

— Поди! Я позову тебя, когда надобно будет.

Миша повиновался, вышел в залу и присел в ожидании зову. Но князь не подавал никакого знака. Несколько раз уstraшенный слуга подходил к двери и смотрел в замочную скважину. Князь неподвижно сидел в креслах, уставив глаза на портрет дочери Берилова. В глазах его выражалось внутреннее борение, мускулы лица иногда приходили в движение, но дыхание его было свободно и ни один вздох не вырвался из груди. Видно было, что тело его здорово и спокойно, а страждет одна душа, и страждет жестоко. Миша долгое время бодрствовал, но наконец должен был уступить природе — уснул.

Проснувшись от действия ярких лучей восходящего солнца, он испугался при мысли, что барин, может быть, его не докликался: подошел бережно к дверям и увидел, что князь, всё еще сидя в креслах, покоится тихим сном. На лице спящего изображалось спокойствие, даже удовольствие: казалось, сладостные мечтания утешали во сне его утомленную наяву душу.

В самом деле, изнеможенный сильными впечатлениями того дня, он долго сидел в каком-то тягостном забытии, но, когда силы телесные отказались ему повиноваться, он впал в дремоту, и сон на легких крыльях своих перенес его в отрадней для страдальца мир таинственных мечтаний. И там сначала носился он над бездонными, темными пропастьями

ми, во мгле и тумане, разрезаемых молниями, посреди страшных чудовищ, зиявших на него кровавыми глазами, но мало-помалу это брожение стихии и враждебных духов улеглось и стихло; воздух очистился; солнечные лучи осветили его на луку, подле оврага, где он играл во младенчестве. Наташа, в черном платье, шла подле него, взяв его под руку, и вела за руку прекрасное дитя лет трех. Вдали, за оврагом, стояли Алимари и Бериллов и, казалось, звали их к себе. Это усладительное сновидение не прекратилось вдруг испугом или внезапным потрясением, а разлилось туманными видениями в глазах мечтателя. Сначала исчезли отдаленные лица друзей его, но тогда Наташа и дитя прижались к нему ближе, ближе, — он давно уже не спал, когда милые лики теснились еще к его сердцу. Опамятававшись, он встал, подошел к окну, взглянул на землю, оживленную вечным солнцем после временного ночного сна, обратился к портрету дитяти, приподнял покрывало.

— Надежда! — сказал он протяжно. — Не обмани меня!

Искренняя молитва к Богу довершила оживление души и подкрепление сил его. Когда Алимари вошел к нему в кабинет, князь был тверд и спокоен.

— Что наш больной? — спросил он с участием.

— Не очень хорош, — отвечал Алимари, — испуг подействовал на его тело и на душу сильным образом, но — странное дело! — действие этого потрясения является в душе совсем не так, как в теле. Физический состав его ослаблен, расстроен, раздражен до чрезвычайности, но душа его, нежная и прекрасная, теперь является во всей чистоте своей — и это заставляет меня опасаться дурных последствий для его здоровья и для самой жизни. Вчера, после обеда, он заговорил со мною так доверчиво, откровенно, и притом так ясно, так отчетливо, что я усомнился, тот ли это Бериллов, о котором вы мне рассказывали. Он как будто спешит открыть свою душу, боится умереть, не кончив расчета с здешним миром. Я спросил, нет ли у него родственников. «Нет!» — отвечал он. — Я вырос в свете круглым сиротою. Меня отдали в Академию на седьмом году:¹ как это было, что происходило прежде того, не знаю. Помню только, что чувство сиротства терзало меня с самых нежных лет. Наступало вос-

кресенье, праздник, к товарищам моим являлись родители, родственники, друзья, знакомые. Я был один. Мне дали по экзамену золотую медаль. Как охотно поменялся бы я этою медалью с моим товарищем: он получил серебряную, но показал ее своей матери; она в радости заплакала и обняла сына своего с горячностью. Когда наступило время выпуска и мне следовало получить свидетельство, я справился в списках воспитанников и увидел отметку подле моего имени: “Неизвестного происхождения, принят по приказанию высшего начальства”. Старик швейцар Академии сказывал мне, что меня привез туда старичок-священник — и только. Эта неизвестность моего рождения, моего звания очень меня огорчала: не зная почему, я стыдился своей безродности и бог знает что бы дал, если б мне можно было назвать своим отцом первого раба или нищего. Только в те минуты, которые я посвящал занятию художеством, был я свободен от преследования этой тягостной мысли. Я не имел духу сообщить ее никому, даже благодетелю моему, князю, и бегал по свету, чтоб уйти от нее». «Так у вас нет и не было никого родни?» — спросил я. «Было одно существо, — отвечал он, — которое меня привязывало к себе, но его уж нет на свете. Дайте мне взглянуть на нее! — примолвил он. — Велите принести ко мне портрет ее. — Я снял со стены портрет дитяти и подал ему. — Наденька! — сказал он с глубоким вздохом. — Бог дал мне, Бог и взял тебя!» «Так она умерла?» — спросил я. «Умерла — и не на моих руках. Где мне было усмотреть за ребенком! Настасья Родионова, правду сказать, не очень хорошо и опрятно ее держала. Однажды приехала ко мне для заказа работы графиня Елисавета Дмитриевна Лезгинова, увидела Наденьку и влюбилась в нее. Ребенок в самом деле был прекрасный, умный, ласковый. “Что это, — говорит она, — держите вы дочку так неопрятно?” — “Как мне присмотреть за нею, ваше сиятельство? Работаю весь день, а иногда и по целым дням дома не бываю”. — “У меня нет детей, уступите мне дочь вашу. Я буду воспитывать ее как родную. Давно искала я такого дитяти. Даю вам честное слово, что не упущу ничего для ее воспитания, для ее счастья”. Что мне было делать? Я взглянул на Наденьку, подумал: “Ты не вправе мешать ее счастью”, — и согласился. Мы ее обмыли, вычесали, принарядили, и на другой день

я свез ее к графине. Там ее мигом переодели в тонкое белье, в новое щегольское платье, надавали ей сластей, игрушек и всего, что только вообразить можно. Я радовался счастью бедной сироты и плакал.

Графиня оставила меня у себя обедать. В гостях у ней было множество знатных людей. Трудно и неловко было мне в этой компании, но я надеялся как-нибудь высидеть. Только, на беду мою, один какой-то барон, недавно приехавший из Италии, вздумал толковать о художествах и понес такой вздор, что у меня уши завяли. Однако я скрепился, молчу. “Что ж вы ничего об этом не скажете, Андрей Федорович?” — спросила графиня. Я почел долгом сказать правду и отвечал, что барон судит, как сторож в Академии. Барон рассердился, начал спорить, грубить; я — вдвое, и кончилось тем, что нас с трудом розняли. Графиня крайне прогневалась на меня за эту дерзость: барон был ей племянник. И если б она при всех не объявила, что берет к себе дочь мою, то непременно отослала бы ее назад. Я пошел домой, проклиная глупую мою запальчивость.

На другой день получил я уведомление, что графиня уехала в Ревель и увезла Наденьку с собою. Признаюсь в слабости: расставшись с бедным ребенком, я мало о нем заботился.

Через год места, получил я от графини письмо, в котором она просила меня, чтоб я отказался от Наденьки, чтоб никогда не предъявлял на нее своих отеческих прав и предоставил ее в полную волю графини. Я, может быть, на это бы и согласился, да к этому предложению она прибавила обещание дать мне, в случае моего согласия, тысячу рублей. Что ж это значит? Я должен был продать ее, продать этого ангела! Нет, нет, ваше сиятельство! Я написал к ней письмо, то есть написал его, по моим словам, один мой друг, человек умный и ученый. Письмо было написано, вложено в конверт, но не запечатано; я ждал почтового дня. Вдруг получаю от нее, то есть от графини, письмо с черною печатью. Что б это было такое? Она уведомила меня, что Наденька скончалась. Жаль мне ее было, да делать нечего. Письмо мое к графине осталось неотправленным. Таким образом, лишился я и одного существа, которое Бог даровал мне в этой жизни. Портрет этот, написанный мною очень счастливо, — вот всё, что осталось у меня после Наденьки. Этот портрет отдал я тому,

кто мне всех дороже, князю Алексею Федоровичу. Так! Он дороже мне всех людей в свете, и если мне придется умирать, то с ним одним мне тяжело будет расставаться. Благодетель, утешитель мой!»

Вдруг раздался крик Акулины Никитичны в другой комнате:

— Помогите! Помогите! Кончается.

Алимари и князь бросились к Бериллову. Он лежал в постеле, на высоком изголовье, почти сидя. Руки его были сложены крестом. На бледном лице вспыхивала краска. Глаза выкатились и на что-то глядели пристально.

— Вижу, — говорил он протяжно, — вижу берег, конец. Вижу эту картину, не я писал ее, но я ее помню. Вот они — бегут за нами, злодеи! Нянюшка, спаси меня! Не бросай — ах! Страшно, страшно! Падаю, лечу! — Он умолк, зажмурил глаза. Через минуту открыл их, увидел, узнал князя и сказал тихо: — Ах! Это ты, друг мой! Приди ко мне в последний раз! — Он протянул к нему руки. Князь обнял его. — Как я рад, что еще раз тебя увидел, — слабым голосом произнес Бериллов, — теперь всё кончено! Прости!

Он покатился на изголовье. Послышалась хрипота предсмертная. Бледность покрыла его лицо. Князь закрыл ему глаза со слезами искреннего огорчения. Алимари вывел его в другую комнату. Князь, выплавав первое горе, непременно хотел еще раз взглянуть на лицо доброго Берилова, пока перст тления еще его не коснулся. Он вошел к нему. Алимари провожал его. Покойник лежал еще в постеле. На лице его изобразались спокойствие и удовольствие. Уста сжаты были с улыбкою: казалось, он глядит на прекрасную картину. Князь смотрел на него с умилением и припоминал жизнь свою, проведенную со времени знакомства с добрым артистом. Крупные слезы катились по его щекам.

— Видите ли, узнаете ли вы его, князь? — спросил Алимари.

— Кого?

— Вашего брата!

— Брата? Вы полагаете...

— Не полагаю, а точно знаю. И при жизни его замечал я необыкновенное сходство с вами, возраставшее с течением лет, а теперь, когда

смерть совлекла с лица его случайную кору обстоятельств, воспитания, привычек, — оно приняло свой истинный, первоначальный вид. Если бы вы могли сами это видеть!

Князь бросился на мертвое тело и облобызал охладевшие уста.

— И я любил его как брата! — сказал он. — Но для чего судьба не позволила нам при жизни узнать истину?

— Вы знали, вы любили друг друга! — сказал Алимари. — Благодарите Провидение.

ЛIII.

дно из этих сильных потрясений могло бы взволновать, поколебать, истерзать Кемского, но стечение всех их в одно время произвело в нем какую-то сверхъестественную твердость, усилило в душе его веру во всеблагое, неисповедимое Провидение и дало ему силы перенести испытания еще сильнейшие.

Мысль о дочери наполняла всю его душу, но в душе его был простор и для любви братской, для дружбы и благодарности. Он положил похоронить брата своего на том месте, где его лишился, и над прахом любезным и драгоценным построить храм для принесения Богу молитв благодарственных.

По миновании первых минут оцепенения, производимого неожиданным жестоким ударом, друзья отправились в комнату Берилова, чтоб привести в порядок его имущество, принадлежащее отныне дочери, которую он почитал умершею.

Это имущество состояло из множества рисунков, конченных и неконченных, которые во всех своих видах запечатлены были гением творческим и пламенным воображением. Душа Берилова жила именно в этих творениях, произведенных им не по заказу других, не по влечению нужды, но по свободному вдохновению, в часы видений божественных.

— Как вы думаете, князь, — спросил Алимари, перебирая прекрасные рисунки с наслаждением знатока, — обрадовало ли бы артиста открытие его породы? В молодые лета — не спору. Но ныне, когда он свыкся с сво-

им благородным званием, оно было бы ему в тягость и преогорчило бы последние дни его жизни. Он был бы выдвинут из своей сферы, насильно перенесен в другой, чуждый мир, а вы говорите, что он боялся и нового сюртука. Одно утешило бы его — открытие, что вы брат ему, но это открытие сделал он теперь и так!

— Это что? — спросил князь, подняв из кучи рисунков, которыми был наполнен ветхий сундук, два пакета: один, большого размера, запечатанный и надписанный на имя Берилова. Весь он покрыт был глазками, головками, цветками, арабесками руки покойника, набросанными карандашом и, как видно было, в разные времена. Кемский распечатал этот пакет и нашел в нем похвальные листы воспитаннику Академии Берилу, свидетельство на золотую медаль и еще несколько других бумаг при следующем письме:

Любезный друг, Андрей Федорович! При выпуске нашем из Академии ты, взяв свидетельство из рук президента, вышел в открытые двери на свободу. По окончании акта начали тебя искать, чтоб отдать тебе аттестаты и другие бумаги, может быть, для тебя важные, но не могли доискаться. Я взялся доставить тебе эти бумаги, но вот прошло пять лет, что я не могу найти тебя дома и залучить к себе. Отправляясь завтра в Италию, считаю обязанностью препроводить их к тебе. Остаюсь верный товарищ и друг твой,

*Василий Лифеев,
18-го мая 1796 года*

— Узнаю моего друга! — воскликнул Кемский. — Он забыл в Академии свои аттестаты, получил их чрез пять лет и в двадцать лет не мог удосужиться, чтоб распечатать пакет!

В числе бумаг была копия с прошения священника села Берилова, Вятской губернии, о принятии сироты в Академию. Священник говорил, что в 1772 году, спасаясь на пути из Астраханской губернии в Вятку от преследований разбойничьих шаек Пугачёва, он где-то, в какой губернии, не помнит, услышал крик младенца, остановился и нашел на дне глубокого оврага мальчика, как казалось, от роду менее году, поднял его, и в ту минуту раздались вопли, крики, выстрелы. Он бросился на повозку и поспешил далее. По прибытии в дом свой он решился воспитать найденщца наравне с своими детьми и действительно содержал его пять лет, но ныне, не имея средств дать ему приличное воспитание, просит о принятии его в Академию художеств, потому особенно, что ребенок большой охотник рисовать и исписал дома углем и мелом все стены. Ребенок этот должен быть не из простого звания: на нем было тонкое белье, помеченное словами «Анд. Фед.», и на шее золотой крест. Его назвали поэтому Андреем Федоровичем, а прозвище дано ему от села, в котором он воспитан. На просьбе была и резолюция И.И. Бецкого: «Принять»¹.

— Теперь нет никакого сомнения, — сказал Кемский, — брата моего звали Андреем, и странно, когда я называл Берилова по имени, мне иногда чудилось, что брат мне откликается.

Алимари развернул другой пакет, незапечатанный и надписанный: «Ее сиятельству графине Елисавете Дмитриевне Лезгиновой» — и начал читать его вслух:

— *М*илостивая государыня! Я получил почтеннейшее письмо Ваше, которым Вы, описывая чувства любви и привязанности к моей Надежде, изъявляете желание взять ее на место родной своей дочери. Что могло б быть для меня лестнее и приятнее! Я не в состоянии не только дать ей порядочное воспитание, но и присмотреть за нею. И я, конечно, без всякого отлагательства согласился бы на Ваше милости-

вое предложение, если б Вы не присовокупили к тому обещания выдать мне тысячу рублей в случае моего согласия отречься от моей дочери, не называться отцом ее, уступить Вам все права, никогда не видаться с нею. Милостивая государыня! Подумали ль Вы, что Вы делаете? Можно ли было предлагать сие отцу? Можно ли было вообразить, что найдется человек, который в состоянии взять деньги за уступку своего детища? И Вы сделали это предложение художнику, человеку, обрекшему себя на служение, благороднейшее в мире? Если б Вы знали, как этим меня огорчили, то, конечно, почувствовали бы в сердце своем жесточайшие угрызения совести! Оставьте при себе свои деньги! Ради бога, забудьте, что вздумали предлагать их мне! После этого Вы, конечно, ожидаете, что я стану требовать у Вас возвращения Надежды, что возьму назад слово, которым отдал ее Вам на воспитание! Нет, Ваше сиятельство! Пусть она останется у Вас, пусть пользуется Вашими милостями, Вашею любовию. Я не имею права лишать ее счастья, которое дано ей Провидением, приведшим Вас в дом мой и внушившим в Вас с первого взгляда сострадание и любовь к несчастной сироте.

Я должен открыть Вам тайну, которую хотел было сохранить до могилы. Надежда не дочь мне. Важное обстоятельство принуждало меня скрывать это, и только крайность, только мысль о том, что дальнейшее умолчание может быть вредно ей самой, заставляет меня сказать истину. Вообразите мое положение. Когда ей минуло два года, я, в одну из тех счастливых минут вдохновения, которые и у великих артистов не часто случаются, вздумал написать ее портрет — вы-

шло одно из лучших произведений моей кисти, и я выставил это произведение при открытии Академии.

Президент наш, осматривая выставку предварительно, остановился пред этим портретом², восхитился им и сказал: «Прелестно, несравненно! Это не может быть вымыслом. Конечно, это портрет вашей дочери?» Я был осчастливлен, восторжен приветом этого почтенного любителя художеств и в то же время сердился на одного из его спутников, который, став между картиною и окошком, загородил свет и тем лишил ее половины достоинства. «Это, конечно, дочь ваша?» — повторил президент. «Точно так-с, ваше сиятельство!» — отвечал я, запинаясь. «Прекрасный ребенок, — сказал он, — но вряд ли в натуре он может быть так мил, как на картине».

Я хотел прибавить, что граф ошибается, что именно в этот раз, в первый раз в жизни моей, я не успел поравняться с природою; но он пошел далее и уже не мог бы слышать слов моих. Дня чрез два государь изволил быть на выставке, отличил мою работу, любовался ею, и чрез неделю я получил бриллиантовый перстень при записке, в которой сказано было, что я награжден за написанный мною портрет моей дочери. Я душевно обрадовался царской милости: такого внимания я не надеялся заслужить. Правда, перстень у меня украли из кармана тут же на выставке, но бумага с подписью начальника, за номером, осталась у меня. В ней Надежда именно названа была моею дочерью, названа так от имени государя. Что мне было делать: объявить, что я обманул, оболгал начальство, или молчать? Я решился на последнее. Никто не знал в сем деле истины, кроме покойной

моей хозяйки, Настасьи Родионовны, и одного друга моего, который пишет это письмо по моим словам. Теперь, когда нашелся случай дать Надежде приличное воспитание, устроить ее судьбу в будущем, я не смею долее скрывать истины, но прошу Вас убедительнейше сохранить тайну мою между нами. Прошло несколько лет с того времени, как я получил хвалу и награду за портрет моей дочери. Если узнают правду, я погиб навсегда в мнении моего почтенного начальника и благодетеля.

Вы теперь захотите знать, чья дочь Надежда: я сам этого не знаю. Года четыре тому назад, осенью, я закупал краски и другие для себя снадобья в одной лавке близ Гостиного двора и все свои закупки сложил в большой корзине. Приехавши домой и отпустив извозчика, я внес корзину в комнату, и, лишь только хотел вынуть оттуда мои покупки, раздался крик младенца. Я перепугался до смерти. Глядь в корзину, а там между свертками лежит спеленатый ребенок. Я призвал на помощь Настасью Родионовну; мы вынули его из корзинки: в свивальнике торчала бумажка, на которой было написано: «Младенец незаконнорожденный, крещен, имя ему Надежда». Видно, ребенка положили в корзинку, когда я был в лавке и извозчик отошел от дрожек. Мы с Настасьею Родионовною...

Что-то грохнуло об пол. Алимари, прервав чтение, оглянулся. Кемский лежал в обмороке. Алимари бросился к своему другу. В это время вошел в комнату Выштин и помог ему привести князя в чувство.

— Где я? Что со мною? — спросил Кемский, открыв глаза. — Сон это или в самом деле? Скажите, ради бога, Петр Антонович... и ты, Выштин, точно ли?

— Что такое? — спросил испуганный Алимари. — Я читал письмо Берилова о его дочери, а вы вдруг...

— Так это точно! — вскричал Кемский. — Так это не мечта? Берилов не отец Надежды? Он воспитал дитя, нечаянно найденное?

— Да! Он это писал к графине. Но дайте кончить...

— Нет-нет! — воскликнул Кемский. — Довольно! Надежда — дочь Наташи... дочь моя!

LIV.

Прошло три недели. Выштин, приехавший по первому известию о болезни Берилова и не нашедший его уже в живых, сделался свидетелем открытия, которое возвратило Кемскому жизнь и любовь к жизни.

В то же время узнал он и все прочие обстоятельства своего друга, бо-
льшего дотоле обременять его своим горем: увидел, что большая часть этих неприятностей произошла от излишней кротости, терпеливости и нежности князя, и почел обязанностью вступить за него, быть его помощником и руководителем. Он без труда растолковал и себе, и другу своему действия и поступки графини Лезгиновой: муж ее был Выштину дальний родственник, и двоюродная сестра его, Мария Петровна Василькова, имела право на большую часть наследства, оставшегося после покойного графа.

Графиня была женщина добрая, умная, благородная, но в то же время гордая, своенравная, повелительная: уважая внутреннее достоинство человека, она, однако, еще более обращала внимания на внешность. С мужем своим, человеком добрым и почтенным, она разошлась за то, что он дурно говорил по-французски и нюхал зеленый табак¹. Чтоб не встречаться с ним никогда, хотела она удалиться в чужие края, но, не имея возможности исполнить это предположение, удовольствовалась тем, что жила в Эстляндии. Сердце ее искало пищи, искало существа, с которым могло бы жить, — и нашло его в Надежде. Дитя, прекрасное

собою, приветливое, благодарное, вселило в нее, можно сказать, страстную к себе любовь. Неловкое обращение Берилова, грубая его откровенность раздражали строгую читательницу этикета, вежливости и приличий, она непременно хотела освободиться от посещений артиста, порывалась было возвратить ему дитя, но не могла на то решиться: Надежда овладела ее сердцем. Это обстоятельство усилило в ней желание выехать из Петербурга, но и в Ревеле она беспрерывно страшилась, чтоб артист не вздумал как-нибудь навесить дочь свою.

Привыкнув судить о людях и о вещах по наружности, она не могла вообразить, чтоб человек, небрежно одетый, небритый и нечесаный, не умевший войти в комнату и управиться за столом с серебряною вилкою, засовывавший салфетку за галстук и плевавший на паркет и на ковры, мог быть благороден и нежен в душе своей. Она решилась предложить ему, чтоб он отрекся от своей дочери за хорошее вознаграждение. Он долго не отвечал. Графиня приписала это молчание какому-нибудь с его стороны замыслу: боялась, что он явится сам и, в надежде получить большую плату, станет требовать возвращения ребенка. Что было делать! Графиня употребила последнее средство — написала к нему, что дочь его умерла. Берилов не отвечал и на это: тем дело кончилось.

Между тем графиня тревожилась мыслию, что отец Надежды как-нибудь узнает о существовании своей дочери, но лет чрез пять нашла она в петербургских газетах известие о продаже имения без вести пропавшего живописца Андрея Берилова и успокоилась. Это случилось после одной слишком долговременной отлучки Берилова, в продолжение которой скончалась Настасья Родионовна. Его имение описали и назначили было в продажу. В день аукциона он явился из-за тридцати земель и вступил в свои права. Надежда выросла в той мысли, что она круглая сирота, а у Берилова остались портрет ее и темное о ней воспоминание. Родственники графа Лезгинова знали, что жена его воспитывает бедную сироту, но имя и порода ее были им неизвестны. Тщеславная барыня подавала вид, что Надежда — дочь дворянина, офицера, убитого на войне.

Выпштин взялся уведомить графиню об открытии Кемского и просить ее о возвращении Надежды истинному ее отцу. Кемский хотел известить об этом Ветлина, но не мог написать ничего связного: несколько

раз начинал он письмо, и, лишь только доходил до описания счастливо-го своего открытия, голова, глаза и рука ему изменяли. Между тем получил он от Ветлина уведомление, что его отправляют на эскадре, идущей во Францию. Бедный молодой человек, не получая ответа на свои признания, был в самом мучительном недоумении. Кемский наконец собрался с силами, написал к нему, но уже было поздно: эскадра снялась с якоря накануне прихода письма в Кронштадт.

В это время кончилось, к душевному удовольствию Кемского, дело офицера, за которого он хлопотал с лишком год. Подсудимый получил прощение в уважение прежней его службы и ходатайства начальства; ему зачли в наказание долговременный арест.

— И знаешь ли, князь, — спросил Выпштин, привезший Кемскому эту радостную весть, — кому ты обязан счастливою развязкою? Никогда не отгадаешь! Волочкову. Жалкий этот лицемер запутался в собственных своих сетях. В сумасбродном исступлении беспристрастия он хотел сдержать данное тебе слово — судить виновного, не спрашивая о его имени. Что ж вышло? Все члены суда полагали простить офицера, тем более что после его проступка объявлен был милостивый манифест. Только Волочков и Лютнин стояли на том, что измена в поле против неприятеля не подходит под всепрощение.

— И Лютнин? — спросил Кемский в изумлении.

— Да, Лютнин, то есть Пелагея Сергеевна. Она, не знаю за что, сердится на тебя и никак не позволяла мужу пристать к большинству. Волочков дал свое мнение, но, когда поднесли ему чистое определение для подписания и он прочитал имя подсудимого, с ним сделался ужаснейший припадок. Вообрази: он стубил было своего родного сына! Бедный офицер этот был плод древних любовных связей лицемера, воспитан в провинции под чужим именем и отдан в военную службу.

Надобно было видеть испуг, ужас и отчаяние Волочкова: он никак не хотел признаться в близком родстве с подсудимым и уверял, что только по прочтении определения вник в точное существо дела. Прочие члены порадовались образумлению Волочкова, но Пелагея Сергеевна стояла на своем, и он принужден был подарить ей прекрасную картину,

которая висела у него в кабинете, но, по соблазнительности изображенных на ней предметов, всегда завешена была покрывалом. Она жалилась, и Максим Фомич подписал определение вместе с другими.

LV.

Ревель

Иадежда сидела в своей комнате и с унылым чувством смотрела на письмо Ветлина, прочитанное ею уже несколько раз. Он уведомлял ее, что нашел друга и благодетеля своего младенчества, описывал ей князя Кемского самыми нежными, самыми приятными красками: говорил о его уме и образовании, о его сердце и правилах, о безотрадной, одинокой его старости, услаждаемой утешениями чистой совести и пламенной веры.

*К*нязь Алексей Федорович, — писал он, — осуществил предо мною идеал благородного, великодушного, истинного человека. Основательность суждений и поэтическая мечтательность, равнодушие к благам земным и уважение ко всему духовному, сверхчужденному, строгость к самому себе, кротость к другим, безропотное перенесение всех страданий и искренняя признательность к Провидению за малейший дар — всё это составляет самое благородное существо, какое только я мог бы себе вообразить. И наружность его являет уже человека необыкновенного: высокое чело, покрытое редкими седыми волосами, глаза томные, но выразительные, остаток юношеской свежести на щеках, свидетельствующий о свежести души его; уста, окруженные каким-то неизобразимым проявлением добродушия, кротости и любви

к ближнему; осанка благородная, воинская, не изменившаяся от изнурительных трудов и тяжких ран; всегдашнее спокойствие, пристойность, вежливость прошлого века. Ах, Надежда Андреевна! Есть еще в свете люди истинно благородные, и человечество не переродилось. Увидев моего благодетеля, Вы со мною согласитесь.

Далее Ветлин сообщал ей, что решился открыть князю свое положение, свои надежды и ожидания; что послал к нему длинное письмо, но прошло уже десять дней, а нет еще ответа. В заключение письма он писал, что наряжен в поход, что теперь отправляется неохотно, что будет считать дни и часы до свидания с своим благодетелем. В этих равнодушных, холодных выражениях Надежда видела совсем не то, что другие: любовь по-своему читала эти шифры, в которых никакой посторонний дипломат не мог бы доискаться истинного смысла.

— Пожалуйте поскорее к графине, — сказала ей поспешно вошедшая в кабинет горничная.

— Что это значит? Не сделалось ли с нею чего? — спросила Надежда в испуге: графиня несколько дней была очень нездорова.

— Ничего-с, — отвечала девушка, — только они-с получили какое-то письмо из Петербурга, прочитали и приказали просить вас как можно скорее.

Надежда полетела. Графиня, завидев ее, хотела встать с кресел, но не могла, упала на спинку и залилась слезами. Письмо выпало из рук ее.

— Что это с вами, татап! — вскричала Надежда. — Верно, худые вести из Петербурга?

— Нет, душа моя! Нет, друг мой! Не худые — отрадные, утешительные... Ты не сирота!.. Вот письмо... прочитай, что пишут мне о твоей участи... прежней и будущей. Наденька! Бог наградил тебя за любовь твою ко мне.

Надежда, не зная, что́ это значит, что́ с нею делается, взяла письмо и начала читать. Выпштин описывал в нем всю историю своего друга, брак его, несчастную кончину жены, судьбу дитяти, обстоятельства, за-

ставившие Берилова назвать Надежду своею дочерью и не позволившие ему открыться графине, наконец, открытие Кемского, что Надежда есть дочь его, дочь, оплакиваемая с минуты рождения. Прочитав письмо в первый раз, Надежда не поняла его, стала читать вновь — и за веса спала с глаз ее. Она побледнела, задрожала и с громким рыданием пала ниц пред образом.

Чрез несколько часов пришла она в себя: стала припоминать, размышлять, сравнивать, терла себе глаза, думая, что всё это происходит во сне, спрашивала графиню, что с нею делается, потом бралась за письмо и повторяла то, что уже знала. Свет в глазах ее переменился; ей казалось, что она сама переродилась. Исчезло томительное чувство сиротства, одиночества, зависимости от людей. Она принадлежит отныне семейству, у ней есть свои, родные, у ней есть отец, и этот отец — человек благородный во всех отношениях.

— А маменька? — повторяла она с чувством тоски и умиления. — Маменька! Ты была жертвою любви к моему отцу, ты не хотела пережить меня! Маменька! Теперь я тебя знаю! Я горжусь тобою! Маменька моя была такова, какою я ее себе воображала... нет, какою я не в состоянии была вообразить ее себе. Если б я была на нее похожа! Если б мой отец... — Все эти разнообразные чувствования, помыслы, страсти волновали попеременно и ум ее, и сердце: она была в неопisanном исступлении.

Графиня понимала ее восторги, но не могла удержаться от легкой укоризны.

— Теперь я не нужна тебе, Наденька! Теперь у тебя есть отец, есть имя, есть состояние.

— Мaman! — закричала Надежда с выражением отчаяния. — Не говорите мне этого! Вы, вы дали мне жизнь, вы ее облагородили, усладили! Вам обязана я всем своим счастьем, и, если теперь мой отец найдет меня не недостойною своего имени, своей любви, кому я этим обязана? Вы будете всегда первою, первою в моем сердце, вы моя мать! — Она бросилась на колени пред графинию, взяла ее руки, осыпала их поцелуями, обливала слезами.

Надежда в тот же день написала к отцу своему: самыми нежными и благородными выражениями описывала она ему свое сиротство, которого не могли усладить никакие блага этого мира, изображала сладостное чувство детской любви, возникшее в душе ее не постепенно, а вдруг, во всём своем объеме, как прекрасный цветок, долго таившийся в своей оболочке, разверзается в мгновение от первого луча живительного солнца.

Она горела нетерпением увидеть своего отца, которого давно уважала и любила, по сказаниям Ветлина, считала минуты до того блаженного мгновения, в которое заплатит этому благородному человеку за целые годы страданий в одиночестве, но не смела показать того своей благодетельнице, и от этого борения священных чувств природы с гласом обязанности и благодарности в ней возникла дотоле неизвестная ей жизнь, восторженная, напряженная; она иногда воображала себе, что лишается рассудка от столкновения разнородных ощущений. «Ах, если б Ветлин был здесь! — думала она. — Он помог бы мне растолковать самой себе это бурное волнение всех моих чувствований и мыслей; он вывел бы меня на чистый, небесный воздух из этой душливой атмосферы недоумения и борьбы душевной!»

Графиня заметила беспокойство, тоску, принужденность Надежды и сама освободила ее из затруднительного положения. Не имея сил ехать в Петербург с своею питомицею, она решилась отправить ее без себя и объявила ей о том. Надежда отвечала слезами: и совестилась показать свою радость, и не умела скрыть ее. Напутствуемая благословением хранительницы своего детства, она поехала в сопровождении графининой домоправительницы.

В продолжение дороги она ничего не видала и не слыхала: не заметила даже, как переехала из Эстляндии на русскую землю, только считала станции и версты. На третий день въехала она в Петербург и остановилась в Ревельской гостинице¹. С пятилетнего возраста провела она всю жизнь свою в Эстляндии и за границею. Огромность, великолепие, блеск и шум столицы ослепили, оглушили ее, но не изумили, не восхитили; в ее

душе была одна мысль: «Я приближаюсь к моему отцу». Отдохнув и переодевшись в гостинице, она бросилась с проводницею своею в наемную карету и полетела на Выборгскую сторону. Ей казалось, что она никогда не доедет.

— Скоро ли? Близко ли? — спрашивала она у старушки.

— Скоро, скоро, барышня! — отвечала та. — Вот Троицкий мост², Петербургская сторона³, Самсониевский мост, а тут и есть!

LVI.

С.-Петербург

Кемский также терзался сладостным нетерпением: порывался сам ехать в Ревель, но боялся разехаться с Надеждою, не смел просить графиню, чтоб она привезла или прислала к нему дочь, и желал, чтоб она догадалась сама. Он написал Надежде ответ, в котором отражалась вся душа его, но этот ответ уже не застал ее. В ожидании ее приезда он устроил для ней комнаты, в которых жил Бериллов; над письменною конторкою повесил портрет Наташи, смятый французскою пулею. Графиня предупредила Кемского, что отправляет к нему дочь его, но детская любовь опередила почту.

Алимари сидел в саду на скамье, подле любезных своих могил, и питался живительными лучами солнца. Кемский в раздумье расхаживал по комнате. Раздался на улице звук едущего экипажа. Сердце его сильно забилося. Звук утих, когда карета въехала на немощный двор. Слышится — отворяют дверцы, опускают ступеньки. Он остановился с трепетом. Растворяется дверь комнаты. В ней появляется женщина в шляпке и вуале; она останавливается, поднимает вуаль, вглядывается в него.

— Наташа! — восклицает Кемский и заключает дочь в свои объятия.

Годы страданий, жестокие утраты, тяжкие раны сердца — всё было забыто в это блаженное мгновение, всё заглажено, вознаграждено одним взглядом! Молитва, усердная, общая молитва счастливого отца,

счастливой дочери — не красноречивая, но доступная и приятная вечной благодати, заключила торжество отрадного свидания.

Надежда с любовью и благоговением смотрела на отца своего. «Это мой отец, это мой друг, это благодетель, хранитель Ветлина», — повторяла она в уме, не сводя глаз с прекрасного, обновленного радостью мужа. Князь глядел на нее с чувством, которому нет ни имени, ни описания. Он искал в лице, в глазах, в осанке, в поступи ее сходства с Наташею — и находил при каждом взгляде. Только Надежда казалась ему вообще живее, быстрее, пламеннее своей матери. Когда же слезы оставались в ее глазах, они принимали в точности выражение небесного взгляда Наташи.

Кемский познакомил ее с другом своим, Алимари, открыл ей, что ему одному она обязана сохранением отца своего, потом повел ее в комнату, для нее назначенную, указал ей портрет ее матери, бывший неразлучным его спутником, и портрет Берилова, который, действуя во всем по внушению неизвестного ему тайного чувства, сохранил сироту, дочь своего брата.

Радостные порывы скоро уступили место тихому наслаждению счастьем отцовской и детской любви, дням спокойным, богатым воспоминаниями и надеждами. Отец и дочь в один день свыклись, как будто всю жизнь провели вместе. Князь вздумает сказать, сообщить, предложить что-нибудь своей дочери — она об этом уже думала, уже предупредила его. Веселый нрав ее, остроумие и прямота душевная восхищали старика.

— Ты Наташа, — говорил он, — но Наташа девятнадцатого века, беспокойного, торопливого. Мы в старину жили тише, едва успевали за временем, а вы его опережаете. Так, милая Наденька, ты мне сообщила свои сердечные склонности, прежде нежели я тебя увидел.

— Как это? Какие склонности? — спросила она, смутившись.

— Знаю, знаю! Будь спокойна! — отвечал он улыбаясь. — Сердце твое найдет отголосок в моем — ты будешь счастлива!

LVII.

Вышатаин разделял блаженство своего друга, но не носился с ним в пространствах надзвездных: теперь, более нежели когда-нибудь, был нужен Кемскому твердый защитник и ходатай; сам он, предавшись сладостному чувству своего нового существования, не заботился ни о чем земном, ничего не помнил, ничего не видел. Вышатаин взялся привести в порядок дела его.

Сначала отправился он к Алевтине Михайловне. Там успели уже оправиться от первого испуга, причиненного болтливостью Ивана Егоровича. «Показания, признания его были сделаны не при свидетелях, — толковал Тряпицын, — следственно, никакого законного действия иметь не могут. Свидетельство крепостной женщины равномерно силы не имеет». Вышатаин приехал к Алевтине в то время, когда она была окружена всеми своими домашними: мужем, детьми, Тряпицыным и Горсом. Он был принят учтиво и холодно.

На извещение его, что князь нашел дочь свою, отвечали улыбкою недоверчивости и жалости, а на воспоминание об отсылке дитяти в Воспитательный дом — гордым взглядом оскорбленной добродетели. «Постойте же, — думал он, — вас должно образумить геройскими средствами: нежность здесь не у места».

— Вы, как дама, — сказал он Алевтине, — вероятно, не знаете ни степени преступлений, ни положенных им по законам наказаний. Но вам, Иван Егорович, конечно, известно, что за подделку акта законы определяют ссылку в Сибирь.¹

Все побледнели.

— Но земская давность, — произнес вполголоса Тряпицын².

— А за продажу и залог чужого имения, за составление фальшивых свидетельств о смерти человека, помнится, положено законами то же наказание³. Не так ли, господин Тряпицын?

— Ей-ей, запямятовал, ваше превосходительство! — сказал Тряпицын трепещущим голосом.

— Вы все в моих руках, — произнес Вышати́н твердо и равнодушно. — Князь Алексей Федорович имеет, может быть, побуждения щадить вас, но у меня их нет. Пора кончить ваши злодейские подвиги. Даю вам неделю сроку. Извольте внести всё, что вы у него заграбили, как это видно из бумаг, полученных князем от Ивана Егоровича, и тогда я даю вам честное слово, если хотите и письменно, что вас оставят в покое. Но малейшее противоречие или замедление повлечет за собою уголовный суд и наказание.

Тряпицы́н разинул рот:

— Ваше...

— Ни слова! Кончите добром или ступайте в Сибирь! — сказал Вышати́н, вышел и хлопнул за собой дверью.

Все были в оцепенении.

— Это что такое? — спросил Горс.

— Сибирь! Ссы́лка! — закричала Китти. — Ужасно! Вот что вы наде-
лали, маме́нька!

— Для кого ж я это делала, как не для вас! — произнесла Алевтина с выражением отчаяния.

— Слуга покорный! — сказал Григорий. — Осрамить всю фамилию, испортить всем нам карьеру! А вы что, Яков Лукич?

— Смею уверить вас, Григорий Сергеевич, — отвечал Тряпицы́н, — что во всех сих действиях соблюдены законная форма и указный порядок. И если б не откровенность Ивана Егоровича...

Платон расхохотался:

— Нашли виноватого! Это бык, на которого теперь все взваливают свои грехи. Но толковать и медлить нечего. Дóлжно всё отдать, чтоб кончить эту неприятную историю. Мне ничего не нужно. Я никого не знаю и знать не хочу: кто плутовал и мошенничал, тот пусть и отвечает.

Он вышел из комнаты. Григорий за ним последовал.

Оставшиеся молчали, глядя друг на друга в недоумении.

Горс прервал это безмолвие вопросом Ивану Егоровичу:

— Господин Дрек! Скажите мне, это всё равно в России: Сибирь или кнют?²⁴

— Ужасно! — возопила Алевтина и кинулась в свою комнату.

Еще до истечения недели Тряпицын явился к Вышпату с настоящим расчетом и банковыми билетами. Вышпату принял его своим манером: взял бумаги, деньги, дал расписку и, позвав слугу, сказал:

— Выпроводить этого господина со двора и впредь не пускать ко мне.

Но от чего произошло такое благородное равнодушие Платона к семейственному достоянию? Видя запутанность дел своей фамилии и невозможность ограбить дядю, он взялся за крайнее средство — решился жениться на богатой купеческой дочери, на которой давно его сватали. Глупые родители пожертвовали счастьем своего детища пустому тщеславию выдать ее за благородного. Авдотья Кузьминична, девица миловидная и неглупая, была воспитана в модном пансионе, то есть выучена всему, чему можно выучить за деньги. Ее взяли оттуда накануне сговора и объявили ей, что она выходит замуж.

Явился Платон Сергеевич, обошелся гордо и дерзко с тестем, грубо с тещею; но старики воображали, что благородный иначе с ними обращаться не может, и когда, по отъезде Платона Сергеевича, бедная Дуняша со слезами объявила, что не в состоянии выйти замуж за такого ужасного человека, нравоучительная пощечина, отвешенная рукою нежной матери, заградила ей уста. На другой день был сговор; чрез неделю сыграли свадьбу. Платон взял триста тысяч рублей наличными деньгами и два дома. Тестю и теще объявил он, чтоб они не дерзали являться у него в доме, а жене запретил не только видеться с своими родителями, но и упоминать об них. Не было унижения и оскорбления, которым бы не подвергалась несчастная жертва тщеславия родителей и жадности мужа.

LVIII.

Кемский предался всем наслаждениям любви родительской и, как ребенок, радовался поправлению дел своих стараниями Вышпатина, имея теперь возможность окружить милую дочь свою всеми удовольствиями света. Явились великолепный экипаж, бли-

стательная прислуга, отборный гардероб, все те разнометальные звенья, из которых составляется электрический столб, приводящий в трепет женское сердце.

Надежда плавала в океане развлечений и удовольствий и не так уже часто, как прежде, помышляла о друге своего сердца, плавающем по морю действительности. Кемский примирился с светом, с его забавами, причудами и предрассудками. При помощи Вышатины свел он знакомство с домами, в которых дочь его могла проводить время приятным образом. Из новых знакомых более всех была ему по сердцу Мария Петровна Василькова, главная участница в процессе с графиней. Надежда воспользовалась этим знакомством, чтоб примирить свою благотворительницу с родственниками ее мужа, и успела в этом лучше всякого мирного судьи, потому что поводом к раздорам и требованиям были не столько жадность к приобретению, сколько гордость и упрямство, не позволявшие уступить имения в чужой род. Надежда подружилась с Мариєю Петровною, познакомила ее заочно с противницею ее, которой она не знала и никогда не видала, успела уверить, что графиня желает сохранить только законно причитающуюся ей часть имения, а остальное отдает беспрекословно родне своего мужа.

Мария Петровна, полюбив Надежду, убедилась ее доводами и склонила прочих участников к миру и к уступке более против того, что графине причиталось действительно. Надежда, восхищенная мыслию, что успела отчасти возблагодарить своей благотворительнице, привязалась к Марии Петровне, женщине умной, образованной и добродетельной, бывала у ней ежедневно, ездила с нею в общества, проводила с нею и часы уединения. Кемский радовался этому знакомству и с удовольствием душевным следил дочь свою во всех ее делах, помыслах и чувствованиях: во всём проявлялись чистая душа, светлый ум, доброе сердце!

Но эти удовольствия были непродолжительны: посещая светские собрания, князь не мог не встретиться с своими злодеями-родственниками, которые, как дракон Лаокоона, обвили змеиными головами своими его и всё его семейство¹ и смертоносным жалом дощупывались сердца, чтоб излить в него весь яд свой. Мучительное свидание произошло

в одном большом собрании, на даче, куда Кемский поехал с дочерью в сопровождении Вышатины и Марии Петровны.

Погода сделалась ненастной, холодною; молодые люди затеяли танцы, старики расположились за картами. Кемский беседовал с Вышатиным и еще некоторыми приятелями в отдаленной комнате и, слыша веселые звуки фортепиано, порывался отправиться в танцевальную залу, чтоб взглянуть на веселящуюся Надежду. При первом перерыве разговора он исполнил свое желание: вошел в залу, отыскал Надежду, прыгавшую в кадриле, и провожал ее глазами и сердцем. Кончив тур, она села на стул и, оглянувшись назад, с улыбкою отвечала одной даме, которая с нею заговорила. Кемский всмотрелся в эту даму и обмер: это была Алевтина Михайловна. Она давно искала случая видеть Надежду и невзначай нашла ее в этом доме, умела завлечь ее в разговор, заинтересовать ее, не давая знать, кто она сама. Надежде понравились ее тон, образованность, ум, приветливость: она влеклась к ней, как птичка в пасть удава². Князь, избегая гласной сцены, отыскал Марию Петровну и просил ее, ради бога, увезти Надежду домой; но это было невозможно: надлежало оставаться несколько времени. Кемский, терзаемый самыми мучительными чувствами, стал за стеклянною дверью и наблюдал, что происходит в зале. Алевтина рассказывала Надежде что-то забавное и приятное. Простодушная княжна, слушая ее внимательно, смеялась от души.

В противоположном конце залы сидела Китти и с выражением злобы и бешенства на лице смотрела в лорнет на Надежду. Подле нее сидела жена Платона, погруженная в грустную думу, а сам Платон стоял позади стула сестры, посматривал на Надежду, наклонялся и говорил что-то сестре на ухо: его замечания производили на устах Китти ядовитую улыбку.

Надежда была словно жертва, привязанная очарованием к столбу и служившая целию тупым стрелам свирепых дикарей. При первой возможности Мария Петровна подошла к Надежде и сказала ей, что отец ее хочет ехать домой. Кемский видел, как Алевтина уговаривала их остаться еще несколько времени, как Надежда извинялась; наконец Алевтина, видя ее непреклонность, простилась с нею, обняла ее; они поцелова-

лись. Удар кинжала в сердце не мог бы поразить Кемского так, как это лобызание невинности, добродетели и простодушия с пороком, злобою и коварством. Надежда вышла из залы и подала руку отцу с словами:

— Как мила эта дама, с которою я познакомилась! Жаль, что я не знаю, кто она!

— Узнаешь! — сказал Кемский голосом, который привел ее в трепет.

Она взглянула на отца, увидела, что он бледен, смущен, расстроен, вообразила, что он нездоров, и спешила отправиться домой. В другой комнате должно было дожидаться Марии Петровны, которая заговорила между тем с хозяйкою. Кемский горел нетерпением бежать из этого дома, как будто за ним гнались неприятели. Надежда молчала, робко поглядывая на отца. Вдруг раздался за ними громкий голос Платона Элимова:

— Не дивитесь, что он, увидев вас, бежит отсюда! Вообразите, он имел дерзость привести в порядочный, благородный дом свою побочную дочь! И после этого вы спрашиваете, почему мы с ним расстались? Вот добродетели вольтеровского века!

Терпение Кемского лопнуло; он оборотился, чтоб дать ответ, но, к счастью, увидел пред собою Вышатины с сестрою.

— Владимир Павлович! — сказал он с выражением сильнейшего негодования. — Вы знаете меня, знаете, с кем я сюда приезжал и почему бегу из этого дому. Вам предоставляю оправдать меня перед хозяевами! — Сказав эти слова, он поспешил с Надеждою и Мариєю Петровною из дверей, сел в карету и велел гнать что есть силы. Дорогою открыл он Надежде, что она сидела подле виновницы ее сиротства и всех бедствий ее родителей. Надежда узнала в эти минуты все подробности страданий своего отца и злобы его родственников, узнала, что на щеках ее горели поцелуи губительницы ее матери!

Ночь была ненастная и бурная, ветер выл, дождь и град били в стекла кареты. Князь завез домой Марию Петровну и отправился на Выборгскую сторону, но Воскресенский мост был разведен³, и он должен был дожидаться в карете. Надежда, испуганная и встревоженная неожиданным случаем, не говорила ни слова, прижалась в угол кареты и уснула

от утомления. Кемский долго не мог прийти в себя. В тумане, окружавшем его, долго чудились ему страшные видения, они рассеялись при первом свете утренней зари, и ангельский лик Наташи с улыбкою утешения на устах затрепетал пред усталыми его веждами.

— Готово! — закричал мостовой унтер-офицер;⁴ карета полетела по мосту, и мечты исчезли.

По удалении Кемского Вышатиц, огорченный и раздраженный до крайней степени, пошел за Платоном Элимовым, но этот гнусный человек, по благому обычаю всех дерзких подлецов и трусов, искал спасения в бегстве. Вышатиц не нашел в зале ни Платона, ни родных его: они выбрались из дому по заднему крыльцу. Вышатиц громогласно объявил хозяину и хозяйке о причине удаления князя и поспешного бегства Платона, рассказал в коротких словах историю своего друга и просил всех и каждого из присутствующих стараться о разглашении истины для оправдания добродетели и обличения порока.

Все слушали его со вниманием, как обыкновенно слушают всякую историю; но действие его пламенной речи не соответствовало его намерению и ожиданию: половина присутствующих не поняла его, другая нашла, что рассказ Платона Элимова вероятнее и интереснее, и на другой день неприятная для Кемского сцена разошлась по городу в тысяче разных изданий, с переменами, опущениями и прибавлениями. Вышатиц, выведенный из терпения, изменил в сем случае всегдашнему своему благо разумию и осторожности и наделал другу своему более вреда, нежели сколько мог сделать пользы.

Платон не унялся этим уроком: напротив того, хотел оправдаться дерзостью и бесстыдством, старался везде встречаться с Кемским и его дочерью, смотрел на нее с гордостью и презрением, смеялся в глаза дяде. К довершению своих преследований вздумал он поселиться подле них, чтоб измучить, истерзать их своим непрерывным присутствием. Вышатиц, узнав об этом, поклялся, что проучит негодяя, хотя б это стоило ему собственной его жизни.

Кемский увидел себя в самом неприятном, в самом тягостном положении. Дочь его, жившая сиротою в довольстве и спокойствии, сдела-

лась ныне предметом клеветы и жертвы злодеев. Друг его, Вышатин, подвергался самым жестоким неприятностям. А Ветлин! Счастье, что его нет в Петербурге: он не кончил бы добром с Элимовым. Алимари видел недоумение и страдания своего друга и старался ободрить, успокоить его своим участием, но не успел в том. Наконец подал он ему совет уклониться от своих врагов, оставить Петербург на несколько времени, и если нужно ему жить здесь, то воротиться не прежде замужества своей дочери.

Эта мысль понравилась и князю, и Вышатину, и Надежде, которая терзалась страданиями отца своего более, нежели он сам. Кемский решился исполнить давнишнее свое желание — отправиться в симбирскую свою вотчину и провести там лето. Ветлина ждали с часу на час. Кемский оставил письмо к нему у Вышатина: извещал его о своем отъезде, просил взять отпуск и ехать к нему; говорил, что в ожидании его останется несколько времени в Москве... Всего труднее была для Кемского разлука с любезным ему Алимари.

— Увижу ли вас еще в этой жизни? — говорил он, прижимая старца к своему сердцу.

— Это известно Богу, — отвечал Алимари, — с радостью увиделся бы я с вами еще раз, но, если этого не случится, утешьтесь мыслию, что в то время, когда вы вздохнете о разлуке со мною, я буду у Антигоны и детей моих. Там мы увидимся наверное!

ЛIX.

Москва

Надежда в этих обстоятельствах охотно оставила Петербург; жаль ей было только, что свидание с графиней Лезгиною отлагается на долгое время, и еще, что разлука с Ветлиным продолжится сверх обыкновенного, но все эти сожаления заглушались мыслию, что спокойствие отца ее зависит от ее доброй воли.

Чрез неделю после неприятной сцены с Элимовым были они уже в Москве. Надежда нашла там еще более пищи своему сердцу и вообра-

жению, нежели на берегах Невы. Переселение ее в Петербург произошло так внезапно, посреди таких сильных душевных волнений, что она не могла ни подивиться северной столице, ни насладиться ею.

В Москве было иное: она приехала туда довольная, спокойная, счастливая. Видеть Москву было давнишнее ее желание. Воспитанная на чужбине, далеко от родной стороны, пламенная патриотка¹ не знала ничего выше, любезнее, святее Руси православной и не понимала, как можно говорить равнодушно о Кремле, об Успенском и Архангельском соборах², о Новодевичьем монастыре³, даже о большой московской пушке⁴. Летнее время благоприятствовало ее поэтическим наблюдениям и мечтаниям: никакие собрания, вечеринки, спектакли не развлекали ее наслаждений.

С одною знакомою Марьи Петровны, всегдашнею жительницею Москвы, она ездила по городу и его окрестностям и осматривала все их достопамятности. Отец радовался ее развлечениям, но сам не мог разделять их: он хлопотал в московских присутственных местах по запутанным делам своим. Надежда, набожная и благочестивая, начинала все свои прогулки и поездки слушанием обедни в котором-либо из монастырей московских или загородных. Служба в монастырях женских, которых она дотоле не видала, преисполняла ее душу неизъяснимою сладостью.

Когда она была в первый раз у обедни в Вознесенском монастыре, в Кремле⁵, ей казалось, что она перенесена в другой, лучший мир. Тихое пение монахинь настроило душу ее к благоговению; строгие, но спокойные лица стариц, осеняемые флером, выход их пред священником со свечами в руках, падение их ниц пред алтарем в безмолвной молитве — всё это возносило ее чувства к Небесам и переселяло воображение в давно минувшие времена: в отшельницах от здешнего мира чудилась ей царица София Алексеевна⁶, царица Евдокия Федоровна⁷ или иная из древних россиянок, испытавших тщету земного величия и в тиши уединения нашедших отраду своим страданиям. Сердце ее трепетало при взгляде на сих жилищ иного мира.

Она остерегалась близко знакомиться с монахинями, чтоб не разрушить своего набожного очарования, избегала случаев говорить с ними о предметах жизни обыкновенной и только немногих стариц посещала в их кельях; к двум, к трем питала она душевное уважение и искреннюю дружбу. Но нигде ум, воображение и сердце ее не были так очарованы и восхищены, как в одном загородном монастыре, верстах в сорока от Москвы. Посреди густого леса возвышается древнее здание, посвященное уединению и молитве; с одной стороны простирается прекрасный вид на несколько верст, внизу, под горою, течет река. Церковь монастырская, сооруженная в средние веки, мрачная и угрюмая, едва освещается скудными лампадами. Кельи инокинь устроены в стене, служившей в средние веки оградой монастырю и ныне во многих местах обвалившейся.

Игуменя монастыря, почтенная и умная старушка, приняла княжну и ее спутницу ласково и радушно. Пение в церкви было необыкновенно приятное и гармоническое. Надежда не могла удержать слез своих при сих звуках, которыми отшельницы от мира среди глухой пустыни воссылали хвалы и молитвы к Богу-сердцеведу. Умиление ее не укрылось от монахинь. Одна из них, стоявшая подле клироса, поглядывала на нее с особенным участием, радуясь, как видно, излианию благоговейных чувств в молодой светской девице. Надежда, заметив это внимание, взглядела пристально в лицо ее.

Монахиня была женщина не молодая, но прекрасная собою; не безусловное обречение себя вечному одиночеству, а глубокое благоговение изображалось в правильных чертах лица ее, в томных глазах, изменявших скрытой повести долголетних страданий. Благородная осанка, величественный взгляд, нежная рука, все приемы и движения обличали женщину светскую, образованную.

Обедня кончилась. Монахиня, выходя с сестрами из церкви, взглянула еще раз на княжну с ласкою и любовью. Игуменя пригласила посетительниц в свою келью, где ожидала их трапеза скудная, приправленная искренним гостеприимством и простительным в самых отшель-

ницах любопытством узнать, что делается в свете. Гости удовлетворили этому желанию хозяйки своей и, в свою очередь, стали расспрашивать ее о житье-бытье монастырском. Игуменья подробно описала им многие достопамятности своей обители, собственную свою жизнь в свете и в монастыре, свойства и обычаи своих старец и белиц, жаловалась на некоторых, хвалила других. Надежда полюбопытствовала узнать, кто та прекрасная, почтенная монахиня, которая стояла подле нее в церкви.

— Это, к сожалению моему, — отвечала игуменья, — не из моих, гостя. Она приехала издалека в Москву за семейными делами; привыкнув к тишине, не могла оставаться в шумном городе и переехала к нам. Вот уже две недели, что она живет у меня, и с каждым днем я привязываюсь к ней более и более: набожная, добродетельная, скромная, умница. Зовут ее Еленой, более я о ней ничего не знаю. Несколько раз пыталась я расспросить ее, кто она такова, откуда и зачем приехала, но не могла собраться с духом: она внушает мне такое почтение ко всему существу своему, что я не могу обращаться с нею запросто, как с другою. По всему видно, что она воспитана в знатности и в богатстве, что жестокие потери и страдания заставили ее покинуть свет, но, кажется, какая-то надежда на примирение с судьбою еще не совершенно ее оставила.

Словоохотная старушка, осыпая хвалами сестру Елену, нечувствительно перешла к прежним рассказам о своих монахинях, которые составляли для нее весь мир.

После обеда повела она посетительниц своих в кельи, входила к монахиням; они разговаривали с Надеждою и ее спутницею, но молодая княжна, без ведома своего, стремилась мыслию к сестре Елене.

— Вот ее келья, — сказала вполголоса игуменья, проходя мимо двери, — но я не смею ее беспокоить.

В эту самую минуту дверь растворилась. Сестра Елена, послышав голос игуменьи, вышла к ним и пригласила их к себе. Надежда с каким-то неизъяснимым трепетом вошла в укромное жилище благочестия и добродетели. Елена приветствовала гостью свою голосом, который проник до глубины ее сердца — так он был нежен, приятен, выразителен.

— Я не думала принимать в этой уединенной обители таких милых гостей, — сказала она.

— Ах! Если б вы знали, — с живостью отвечала Надежда, — как меня восхищает это уединение! Я выросла на чужбине, посреди людей добрых и почтенных, но не русских. Русское отечество, русская вера, Москва, Волга — с детских лет были предметом всех моих мыслей, могу сказать, моего обожания. И теперь я увидела всё это на самом деле. Теперь узнала в отечестве моем людей, с которыми желала бы породниться, если б родилась англичанкою или италиянкою. А они мне свои, родные!

Она бросилась в объятия Елены и с детскою нежностью поцеловала ей руку.

— Там, где я воспитана, — прибавила она, — это назвали бы предрассудком, суеверием; но я чувствую, знаю, уверена, что так быть должно.

— Так быть должно! — сказала Елена своим очаровательным голосом. — Читайте эти предрассудки, храните это суеверие! Берегитесь привязываться к тому, что в свете называется существенным. Всего для нас святее религия, отечество, любовь к отцу и матери.

— К матери! — воскликнула Надежда. — У меня нет матери! Я ее не видала, но нет — я ее знаю! Я ношу образ ее в моем сердце; в толпе людей ищу той, которую желала бы иметь матью, с которою она, невиданная, незабвенная, имела сходство душевное.

— И, конечно, не находите? — сказала Елена.

— Не находила до нынешнего дня! — воскликнула Надежда, припала к монахине и покрыла руки ее жаркими поцелуями.

Сестра Елена прижала ее с нежностью к груди своей.

— Милое, милое дитя! — повторяла она, лобзя ее щеки, горевшие пламенем искреннего чувства и орошенные слезами душевного восторга. — Да утешит тебя Бог в твоём сиротстве!

И игуменья, и спутница княжны были тронуты этою умилительною сценою. Они пробыли у Елены несколько времени в кроткой усладительной беседе. Наконец спутница напомнила Надежде, что пора ехать

в город, что отец ее может потревожиться продолжительным ее отсутствием.

— Ах, точно! — сказала Надежда, испугавшись. — Он не знает, где я. Сохрани меня Бог быть причиною его беспокойства!

Елена смотрела на нее с выражением искренней любви.

— Счастлив отец такой дочери! — произнесла она протяжно.

Надежда простилась с нею, обещаясь посещать ее как можно чаще, и поспешила в город. Во всю дорогу она то говорила о сестре Елене, то задумывалась и мечтала о ней: «И эта почтенная, прекрасная женщина обречена на вечное затворничество! И свет не знает, каким сокровищем обладал в ней!» Спутница заметила, что Елена не пострижена, что она еще не вовсе отрелась от мира.

Приехав домой, Надежда с радостью узнала, что отец ее еще не возвращался домой, следственно, не мог беспокоиться ее продолжительным отсутствием. Он к вечеру приехал и был встречен приветом милой дочери. Кемский сел у окна, посадил дочь свою к себе на колени и с сердечным наслаждением слушал ее рассказы о сестре Елене.

— Ах! Какое прекрасное существо! — сказала Надежда с восторгом. — Такою я воображаю свою маменьку!

Князь поцеловал дочь свою, обратил взоры в окно и вдруг задумался. Что-то грустное, страшное мелькало у него в глазах. Надежда испугалась, смотрела на него пристально, не смея спросить о причине внезапной его задумчивости. Он встал; не говоря ни слова, вышел из комнаты в сени, с крыльца на улицу... Надежда последовала за ним с трепетом и остановилась в воротах.

Что сделалось с князем? В ту минуту, как Надежда с беспечною юных лет тронула самую нежную струну его сердца и звук ее глубоко отозвался в душе его, он выглянул в окно на улицу. Что-то знакомое, давно виданное проснулось в душе его. Он стал всматриваться и увидел, что находится в прежнем жилище своих родителей, что сидит у окна, которое с младенческим любопытством отворил в страшное время чумы, что насупротив этого окна дом с балконом, с которого бросилась на мертвое тело Черная женщина. Он встал в раздумье и, сам не зная зачем, по-

шел на улицу, подошел к дому с балконом и смотрел вверх; только балкон, в младенчестве казавшийся ему высоким, теперь представился гораздо ниже. Балюстрада была снята...

Вдруг растворились двери на балконе. В них появилась женщина в черном платье, взглянула на Кемского и бросилась к нему с громким криком.

Он подхватил ее, взглянул ей в лицо.

В его объятиях лежала Наташа!

LX.

С.-Петербург,
октябрь 1799 [г.]

Несколько недель не получали в Петербурге никаких известий из армии нашей: оставив Италию, она двинулась в ущелия Альпийских гор и там боролась с враждебными людьми и стихиями. В это время обнародован был список офицеров, раненых и убитых в разных сражениях этой знаменитой кампании. В числе последних был князь Кемский. Иван Егорович фон Драк, прочитав список в газетах, приказал навязать флер на шляпу, на ефес шпаги и на левый рукав своего мундира и в траурной форме явился к Алевтине Михайловне за приказаниями.

— Это что? — вскричала она в радостном изумлении.

— К общему сожалению, — начал Иван Егорович, — в цвете лет, храбрый защитник отечества... — На этом слове риторика его споткнулась. — То есть отечества-с, — мямлил он в замешательстве.

— Договаривай! — кричала Алевтина. — Братец, что ли?

— Точно так-с! Жребий войны-с...

— Убит?

— Именно-с! — произнес он протяжно.

— Счастливец! — тихо прошептала Алевтина, опустив взоры и выдавливая из глаз слезы. — Желание его свершилось: он пал на поле брани! Мир его праху!

— Еду к княгине-с, — продолжал фон Драк, — к ее сиятельству-с, известить ее-с, что отечество-с...

— Что ты! Что ты! — закричала Алевтина. — Да ты убьешь ее, бедную! Такое ли время, чтоб пугать ее. Несчастливая! Предоставь это мне! Ее должно побережь, приготовить. А то и Бог знает что злые люди скажут.

Иван Егорович должен был снять траур и предоставить своей почтенной супруге исполнение печального родственного долга. Алевтина приняла все средства, чтоб жестокий удар нанесен был со всею силою и тяжестью. Княгиню, несколько недель не получавшую писем, известила она о приятной новости: один знакомый ей человек получил из армии письмо от своего сына, и в этом письме сказано, что князь Алексей Федорович, слава Богу, жив и здоров, что он представлен к Мальтийскому кресту¹ и не пишет, вероятно, по той причине, что его посылали в командировку. Это письмо было отправлено вечером, а на другой день утром Алевтина послала записку, в которой просила у нее позволения приехать к ней за важным делом.

Наташа, восхищенная радостною вестию с вечера, провела ночь в тихом сне, расцветенном усладительными мечтами, и встала поутру счастливая, оживленная любовью и надеждою. Прочитав записку Алевтины, она вообразила, что ее ожидает еще какое-нибудь приятное известие, что, может быть, хотяг ее уведомить о скором приезде мужа; поспешно оделась и отправилась к ней сама. Пошли доложить о ее приезде; она вошла в гостиную и, увидев на столе разложенные в порядке газеты, бросилась к ним, схватила первый лист, начала читать, вдруг закричала и лишилась чувств.

Расчет Алевтины был верен: быстрый переход от радости к печали, от надежды к отчаянию сильно поразил Наташу, но злодейка не рассчитала, что в жизни женщины есть минуты, в которые природа бережет ее непостижимым образом на зло всем ударам судьбы: Наташе наступило время сделаться матерью, и убийственная весть только несколькими часами ускорила ее разрешение. Она была в беспамятстве: ее снесли в спальню Алевтины. Крик дитяти разбудил ее.

— Что это? — спросила она. — Где я? Что со мною?

— Вы дома, у себя, — сказала ей незнакомая женщина, — а вот дитя, вот дочь ваша!

— Моя дочь! Его дочь! — воскликнула она. — Подайте мне ее. — Она взглянула на дитя томным взором, в котором изображались и страх, и любовь, и вера, и отчаяние.

— Здесь и священник, чтоб дать молитву новорожденной, — сказала женщина, — как прикажете назвать ее?

— Надеждою! — произнесла Наташа слабым голосом.

С нею сделалась жесточайшая горячка. В течение девяти дней она была без памяти, бредила безостановочно, звала отца, мужа, дитя... На десятый день она очнулась.

— Где дочь моя? — были первые слова ее.

— Успокойтесь, — отвечал ей печальным голосом врач, сидевший у постели, — она спит.

— Нет, не спит! Не обманывайте меня! А если спит, подайте спящую.

— Не тревожьтесь, — примолвила Алевтина Михайловна, — да будет воля Божия!

— Так ее нет в живых? — вскричала Наташа, поднявшись в постеле.

— Точно так, — отвечал врач, — ради бога, успокойтесь.

Наташа, почувствовав весь ужас своего одиночества, предалась жесточайшему отчаянию, но это отчаяние вскоре превратилось в тихое уныние: она не жаловалась, не тосковала, не плакала, не говорила ни слова. Силы ее возвращались.

На пятые сутки, когда уже перестали бдительно присматривать за нею, она встала ночью с постели, оделась кое-как, набросила на себя сапог, повесила себе на шею портрет князя, взяла бумажник с деньгами и тихонько прокралась из дому. С необычайною твердостью дошла она до заставы города: увидела часовых, вообразила, что ее остановят, отведут домой как сумасшедшую, и воротилась, но не домой, а прошла по всей Литейной улице к берегу Невы. Ночь была темная и бурная; река волновалась, ветер выл.

— Не свезти ли куда, барыня? — спросил гребец маленького ялика.

— На Шлиссельбургскую дорогу², к Фарфоровым заводам!³ — сказала Наташа, оглядываясь. — Вот тебе рубль.

— Извольте садиться! — отвечал гребец.

В эту минуту ей почудилось, что за нею гонятся; она поспешно бросилась в ялик и уронила платок на пристани.

Какое было ее намерение? Что побудило ее к бегству и куда хотела она бежать? В первые часы после открытия всех своих утрат она решила было лишиться себя жизни, умереть с голоду, броситься в воду — только бы не жить одинокою в этом свете. С этою мыслию встала она в одну ночь и молитвою начала готовиться к смерти, но молитва не шла ей на ум, не согревала сердца пред совершением тяжкого греха. И слезы ее остановились, и отрадная надежда, что она свидится на том свете с любезными ее сердцу, ее оставила.

В ней возникла мысль: «Они в райской обители, мой великодушный, благородный, добродетельный друг, моя невинная дочь — а я, самоубийца, отлучена буду навеки от их светлого лика!» Она обратила вопрошающий взгляд на иконы, освещаемые слабым светом лампы, и увидела маленький эмалевый образ, подаренный ей теткою ее, монахиней; вспомнила последние слова отца своего, упоминавшего в час смерти о сестре, и решила удалиться к ней, решила бежать тайком, чтоб никто не мог догадаться, куда она скрылась, чтоб ее сочли погибшею.

Не теряя ни минуты, исполнила она свое намерение. И тело и душа ее были в необыкновенном, сверхъестественном напряжении: она едва себя помнила, но твердо стремилась к своей цели. Разными неведомыми ей путями посреди тысячи опасностей и лишений она достигла конца своего странствия. Монастырь, в который удалась тетка ее, лежал далеко от больших дорог и жилых мест, посреди густых лесов и непроходимых дебрей, на границе Курской губернии⁴. Чрез три недели по выходе ее из дому Алевтины сверкнула перед нею из-за густого бора золотая маковка монастырской церкви. Она удвоила шаги и вскоре очутилась в келье старицы Екатерины, бросилась к ногам ее и воскликнула:

— Тетушка, примите меня под свой покров! Спасите меня от отчаяния и самоубийства!

Екатерина с любовью и состраданием встретила, призрела и утешила страдальицу. Кроткая беседа, истинное соучастие, тихая общая молитва мало-помалу возвратили Наталию к жизни и рассудку. Она сообщила тетке повесть своего счастья и своих утрат и молила ее о позволении обречь себя монашеству. Екатерина выслушала ее с терпением, но на просьбу ее отвечала:

— Еще не время, дочь моя! Богу не угодны обеты отчаяния и бурных страстей, возмущенных светскою жизнью.

Наталия повиновалась, жила у Екатерины, исполняя все обязанности иночества, и ждала только ее позволения, чтоб постричься. Волнение отчаяния утихло в ее сердце; осталось кроткое, усладительное воспоминание о предшедших друзьях и благоговейное чувство благодарения Богу: Он даровал ей в жизни несколько счастливых дней, недель, месяцев, озаривших своим отрадным светом остальные темные часы ее существования. Прошло три года. Она повторила просьбу свою и получила прежний ответ:

— Рано, дочь моя!

Еще протекло несколько лет. Наталия возобновила вопрос: ответ был тот же.

— Когда ж наступит эта пора? — спросила она.

Екатерина поглядела на нее с горестною улыбкою и отвечала:

— Не знаю. Но доколе сердце твое привязано не только к благам, но и к воспоминаниям о благах здешнего мира, тебе нельзя, по совести, произнести вечного обета. Бог требует сердца чистого, горящего одною любовью к Нему, а твое сердце трепещет при мысли о твоём друге, шлет отраду в воспоминании о прошедших днях любви — может ли оно исключительно принадлежать Богу? Не осуждаю твоих чувств и помышлений: помни, люби друзей своих, живи их памятью, наслаждайся мыслию о свидании с ними на том свете — но притом не постригайся.

— Так неужели вы, тетушка, забыли свет, забыли друзей своих, забыли блага, которыми Провидение наградило вас в жизни, забыли с той

минуты, как обрекли себя на служение Богу? Нет! Ваше сердце бьется еще для ближних, для прежних друзей!

— Так, друг мой! — отвечала Екатерина с глубоким вздохом. — Сердце мое еще привязано к свету, и по этой самой причине, по собственному опыту я не советую тебе спешить обречением себя на вечное затворничество. Годы иссушили мое тело, волосы мои побелели, глаза померкли, сердце бьется тихо-тихо; но есть воспоминания, которые приводят его в волнение, возмущают душу мою, переселяют в мир былой и невозвратный и прерывают нить моих иноческих помышлений и занятий. Тебе скажу я, друг мой: я любила; я лишилась того, кто был мне дороже жизни; заключилась в стенах монастырских, но не ушла от своего одиночества, от своих мучений, и в то время, когда окружающие меня славят мою набожность, мое смирение, ставят меня в пример моим сестрам, я в душе своей чувствую, что не достойна их хвалы. И в эту минуту, когда я говорю с тобою, лик милый и незабвенный, давно истлевший под гробовым покровом, живет в сердце, носится в глазах моих. Знай, Наташа: я любила пламенно, страстно, любила человека, который был достоин моего сердца. Мы были обручены. Совершение брака отложено было на три месяца, до окончания траура по одной моей дальней родственнице. Вдруг открылась в Москве чума. Мой жених, пламенный и усердный к общему благу, сострадательный к бедствующему человечеству, бросился помогать зараженным и сделался жертвою своего великодушия. Ужасная болезнь открылась в нем, когда он сидел у меня, отдыхая от тягостных трудов своих, — и в несколько часов прекрасный юноша превратился в безобразный труп. При самом начале его болезни все домашние меня оставили, дом наш оцепили, и, лишь только он испустил дыхание, вломились в двери страшные люди, мне дотеле незнакомые, исторгли бездушное тело из моих пламенных объятий и бросили на улицу. Я кинулась за ним с балкона на груды мертвых. Бесчувственную, свезли меня в чумный лазарет. Я не заразилась. По миновании опасности меня выпустили. Я скрылась в монастыре и чрез год постриглась. Но страшный обет пред алтарем Божиим не исторг из мо-

его сердца любви к жениху моему. Тридцать восемь лет плачу я по нем в келье моей, откуда должны возноситься к Богу молитвы чистые и бесстрастные! Наташа! Не бери на душу свою этого греха! Только тогда, когда угаснет в твоём сердце и воображении последняя искра любви земной, посвяти себя служению Неба. А это время еще далеко!

Наталия повиновалась страдалице. Не давая вечного обета, она облеклась в одежду монашескую, чтоб забыть имя свое, которое так сладостно для ее сердца умел произносить друг ее, приняла имя Елены (так называлась тетка ее в свете) и проводила дни свои в трудах, посте и молитве. Душа ее укрепилась, тело не ветшало, сердце билось тихо, но билось еще для Кемского: она не постригалась.

Протекли семнадцать лет жизни в этой обители. Елена не знала и не хотела знать ничего, что происходит в свете. В двенадцатом году, едва явственный отголосок бури, опустошавшей Россию, коснулся слуха отшельниц в пустынной обители — и уже молебствие благодарственное раздавалось в стенах церкви монастырской⁵. Екатерина скончалась. Пред смертью своею повторила она Елене свои увещания и просила ее поехать в Москву, отыскать дом, в котором умер жених ее, и там, в день смерти его, отслужить по нем панихиду.

Елена, закрыв ей глаза, исполнила ее желание: отправилась в Москву, долго искала этого дома в разрушенной и обновленной столице. Наконец нашла его, нашла там дальних родственников, наследовавших этот дом по пострижении ее тетки. В ожидании наступления заветного дня Елена, отвыкшая от городского шума, удалилась в загородный монастырь, где дочь нашла ее.

Приветливость, любезность, милая откровенность Надежды восхитили Елену; она влеклась к ней непостижимым сочувствием, с непонятною любовью прижимала ее к сердцу, с восторгом слушала наименование матери из уст ее. По отъезде Надежды она спросила у игуменьи, кто была эта милая прекрасная девица. Игуменья, знавшая Надежду из бесед с ее спутницею, отвечала, что эта девица долгое время не знала своих родителей, что, лишась матери при самом рождении, была брошена

жестокосердыми и жадными родственниками, что отец, давно ее оплакавший, случайно нашел ее.

— А кто она такая? — спросила Елена, не догадываясь об истине.

— Княжна Надежда Алексеевна Кемская! — отвечала игуменья.

Наташа бросилась в Москву, остановилась в доме своих родственников, подошла к дверям балкона...

LXI.

С.-Петербург,
октябрь 1817 [г.]

Срок отпуска Ветлина кончился: он возвратился в Петербург с молодой своею женою.

Надежда, по приказанию отца, поспешила к другу его, Алимари, но уже не застала его в живых: он заснул тихо, за пять дней до ее приезда, и был погребен по своему желанию на кладбище за самсониевскою оградю.

На письменном его столике Надежда нашла неконченное письмо его к Кемскому:

*Б*ог еще в здешнем мире вознаградил Вас, друг любезный и единственный! Для человека добродетельного сделалось исключение в обыкновенном порядке дел человеческих. Но истинная, нетленная, достойная награда не здесь нас ожидает...

Чувствую приближение моего пробуждения. Когда Вы будете читать эти строки, знайте, что я увидел своих. Отец мой, мать моя, Антигона, дети...

Там найду я конечное решение моих здешних недоумений. Но их не много. И здесь уверился я, что духовное, божественное начало преобладает в мире.

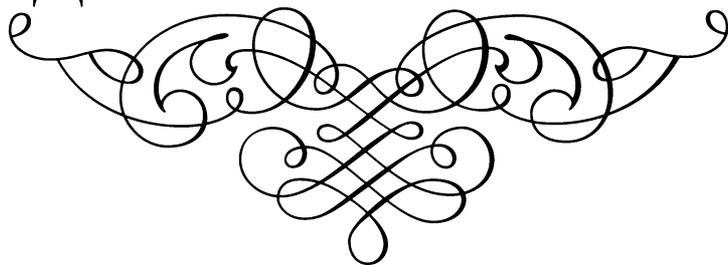
Растения привязаны к земле неподвижно и темными корнями пьют жизнь из неведомых недр ее. Одушевленные творения питаются произведениями земли, движутся по ней, но подняться, отторгнуться от ней не могут. Души людей живут пищею небесною, невидимыми узами совокуплены с вечным источником жизни; здесь кажутся они в отдельных телах особыми, разными существами, но незримые нити от родных, близких душ сходятся там, в таинственном вертограде, ветвями и древами. Ищите здесь родных своих, ищите и подле себя, ищите и отдаленных горами, морями, океанами; любите их здесь любовью неземною — там Вы с ними увидите вблизи; там по пробуждении скажете: «Какой мне снился страшный, тягостный сон! Слава Богу — это была мечта! Вы здесь, вы со мною, милые моего сердца!

Теперь мы никогда не расстанемся».

ДОПОЛНЕНИЯ

ОСИП
СЕНКОВСКИЙ

**ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА
И ЖИВОТНЫЙ
МАГНЕТИЗМ**

По поводу романа
«Черная женщина»
Н. Греча (1834)

Роман г. Греча есть явление совсем необыкновенное в нашей словесности: это не сказка и не повесть, не страничка, вырванная из истории и разведенная выдумками и разговорами на четыре тома, даже не философическая картина частной и семейной жизни — автор избрал себе цель гораздо величественнее, стремление его несравненно выше и смелее. Это — роман метафизический. Одна сильная и лучезарная идея господствует, подобно огненному облаку, над всем пространством богатого разнообразием и происшествиями рассказа и заключается в том, что в вещественном мире очевидно преобладает духовное начало. Цель автора — передать это убеж-

дение. Что всё в мире движется духом, что его могущество проявляется во всём созданном — это несомненно, но мы крайне сомневаемся, можно ли это доказать романом, то есть поэтическим вымыслом.

Чем более точные науки приближаются к настоящим их началам, тем яснее становится для них и для ума человеческого существование единого всемогущего Бога: оно теперь может быть доказано, так сказать, математическими вычислениями, и самая математика, составляющая общее основание форм нашего разума и силы, управляющей Вселенною, есть только одна из точек, самых ясных точек соприкосновения нашей души с существом всеобщего разума мира. Астрономия на небе, на земле анатомия, геология, естественная история, физика и химия каждый день доставляют новые и убедительные доводы в пользу великой и непреложной истины. Как скоро происхождение души нашей от Божества, как скоро тождество их духа и вечная их связь между собою однажды приведены в ясность неопровержимыми выводами точных познаний человека, откровение и вера делаются необходимым следствием этого наведения: всяк одним здравым рассудком постигает их неизбежность.

Автор мог употребить для своей цели все данные точных наук, подобно ученым и красноречивым писателям, разделившим между собою Бриджватерскую премию¹, хотя это выходило бы из пределов изящного сочинения. Он мог призвать в помощь истины нравственной философии науку практической жизни и помощью ее факела вывести нас из темени предполагаемого сомнения на великий путь своего начала. Но он предпочел всем этим мощным и великолепным средствам, уже самим собою облагораживающим человека и приближающим его к Божеству, одну из самых сомнительных отраслей положительного знания, еще не очистившуюся от заслуженного упрека в шарлатанстве, еще не доказавшую ничего ясного: он предпочел животный магнетизм. При выборе его в главные пружины убеждения в литературной повести первая и весьма важная ошибка состоит в том, что писатель вдруг и добровольно лишается согласия с его мнениями всех тех, которые не имеют достаточных поводов верить действительности чудес этой пружины. Алимари, кото-

рый есть род осуществления личных понятий автора, говорит, что он твердо верит животному магнетизму: нам довольно заметить, что в опытном изучении природы это уже очень бедная истина, в которую нужно только верить. Еще несвойственнее употреблять животный магнетизм во всём его пространстве в подкрепление предложенной истины преобладания в мире духовного начала, тогда как теория этого магнетизма в конечном своем итоге низводит душу человеческую на степень вещественного деятеля. Правда, духовный мистицизм несколько уже раз пытался воспользоваться таинственными его чудесами для своих созерцаний и даже основывал на них свои учения, но, вникнув короче в дело, он всегда кончал тем, что вдруг стал избегать столь опасного союзника и оставял в недоумении своих восторженных последователей. Отсюда многие смешивают явления магнетизма с явлениями духовного мира, чему отчасти причиною и самое название существовавшей между магнетистами школы спиритуалистов, которые, не имея ничего общего с духом, отличались от других только средством производства магнетизма через напряжение воли и самую волю превращали в вещество.

Большая часть действующих лиц «Черной женщины» — духовидцы, обитают среди призраков, имеют вещие сны, предсказывают будущность. Мы не думаем, чтобы, наполнив видимый мир призраками и привидениями, можно было доказать преобладание в нем духовного начала: они существуют — это правда, но существуют только как оптические обманы; они — тень, бросаема в воздух нашими мыслями, нашим воображением; в крайнем случае они доказывают только, что есть люди с расстроенными нервами. Кому из нас, в сильном напряжении мысли, особенно при легкой лихорадке и позыве на сон, не случилось вдруг увидеть перед собою образ человеческий, иногда и свой собственный? Но это еще не духи: все мы знаем, и почтенный автор «Черной женщины» без труда на то согласится, что этот кажущийся образ был во мне, а не вне меня, и что это было только случайное продолжение фокуса моего воображения. Оттого никто, кроме меня, и не видел этого образа. Само собою разумеется, что, если б я был Карлом IX или Густавом III², тот или другой из моих льстецов увидел бы то же, и еще яснее меня, как скоро я спросил бы его об этом, но протокола нашего общего видения еще

не следовало бы употреблять в доказательство существования ни домовых, ни леших. Жаль, что приятель, сообщивший автору один подобный протокол, который, впрочем, мы сами читали в каком-то повременном издании³, не сообщил ему вместе статьи того ученого шведа, который так явно обнаружил подлог этого странного акта⁴.

Автор простит нам великодушно, если мы скажем, что живое, огненное, удивительное изложение его известного анекдота о Казотге⁵ стоит тысячу раз более, нежели самый анекдот, который столь же мало заслуживал его внимания, как виденное г. астрономом и метеорологом Шрёгером⁶ ночное шествие из Адмиралтейства в Зимний дворец⁷ или вещей сон артиллериста⁸. Раскрыв любой том Барония⁹, автор нашел бы сотни случаев, еще удивительнейших и подкрепленных такими важными свидетельствами, что они могут поколебать самого заклятого скептика. По-нашему, все подобные рассказы и поддержание их мнимыми доказательствами не приносят никакой пользы религии, напротив, создают новый род суеверия, и подле чистого учения Церкви, которое должно одно обладать всем нашим верованием, устанавливают особое верование в сны и призраки, ни к чему не ведущие в будущей жизни, а в настоящей помрачающие только свет разума и развитие точных наук, могущественнейшей и вернейшей опоры религии. Одна страница астрономии более представляет доводов в пользу Провидения и премудрости Божией, нежели вся «Символика снов» почтенного Шуберта¹⁰ и все магнетические журналы Вольфарта и Кизера¹¹.

Вопрос, так красноречиво защищаемый автором «Черной женщины», о пользе животного магнетизма для укрепления в человечестве утешительных истин, вопрос, который мы, конечно, оставили бы без ответа, если б он не был предложен таким известным и достойным уважения писателем, этот именно вопрос побуждает нас предпринять подробный разбор предмета, даже с опасением подвергнуться головной боли, которою некогда страдали мы так жестоко в руках одного великого магнетизера. Non ignarus mali!^{*},¹² Мы тоже были в магнетизме по уши.

* Познав несчастье (*лат.*).

Тонкая, летучая жидкость, которую можно назвать нервным соком нашей планеты, кружит, очевидно, в целом ее составе и во всех ее членах. Один образ проявления этой жидкости известен нам под именем электричества; многие новейшие наблюдения позволяют заключать, что магнитность есть только другой образ, под которым она обнаруживается нашим чувствам в известном ряду случаев, другое свойство одного и того же вещества. Это свойство оказывается особенно в слитках медно-железной руды, находимых обыкновенно подле природного железа и называемых *магнитом*: оно состоит из четырех примечательных явлений:

- (1) притягательной силы, действующей на железо;
- (2) добровольного обращения одним определенным концом — когда магниту будут даны вид иглы или стрелки и свобода ворочаться на одной точке — к одному из четырех известных пунктов земного шара, оказывающих самое сильное действие на эту стрелку, и именно к самому ближайшему из них;
- (3) поляризации, то есть притяжения одним концом и оттолкновения другим, когда попеременно приближаешь концы, или полюсы, магнита к одному из концов стрелки;
- (4) наконец, атмосферы, или дара оказывать свое действие даже в некотором удалении, явно удостоверяющего, что летучая жидкость, которая производит в магните все эти явления, разлита и вокруг него до известного расстояния.

Два последние феномена поляризации действующей в магните силы и ее атмосферы, общей с электричеством; два первые исключительно ей принадлежат и даже уничтожаются последним. Впрочем, не один магнит оказывает это свойство, которое будем мы вперед называть магнитностью: кобальт и колчедан также одарены им в различных степенях. Полоскам простого чистого железа и стали можно сообщить его посредством сближения их с природным магнитом или натирания магнитною полоскою в определенном направлении; можно даже возбудить в них собственную их магнитность без всякого участия природного

магнита, просто сильными ударами молота, или держа их отвесно в руке и слегка ударяя ключом по остальной длине вниз, или вода повторительно палочкою от середины этих полосок сперва к одному концу, потом, оборотив палочку, от середины же к другому. Пропускаем разные другие способы делать искусственный магнит и только заметим, что та же самая манипуляция, вождение данным телом в известных направлениях, служит к возбуждению магнитности и в кобальте, и в человеке и проч.

В природном магните есть еще одно весьма любопытное свойство, о котором должны мы упомянуть, потому что оно бросает свет на важную тайну животной магнитности: кусок этого минерала, одаренный силою притяжения, способною поднимать известный вес железа, теряет ее совершенно, если остается долгое время без употребления; напротив, упражняя его в этом занятии, можно чрезвычайно, хотя всегда до известной степени, увеличить в нем эту силу. Вот естественное объяснение того удивительного магнетического могущества, которое приобретают многие магнетизеры: утверждают, что Месмер в старости своей усыплял добрых людей одним прикосновением руки; мы знаем в Петербурге одного весьма почтенного мужа, которому приписывают тот самый дар, не считая принадлежащих к школе кавалера Барбарена¹³ и посредством упражнений в этом ремесле достигших искусства изливать из себя магнитность помощью напряжения взора и воли. Мы не хотим спорить с приверженцами и обожателями магнетизма о подлинности всех чудес этого дара, приводящего их в такое удивление, и желали только показать, во-первых, что не отвергаем его возможности до известной степени, во-вторых, что, какая бы ни была его обширность, в нем нет ничего духовного, ни сверхъестественного.

Теперь перейдем к теории самого магнетизма. Краткое изображение нервной системы животного тела необходимо для ее понятия.

Белые тонкие волокна распространяются вдоль всего нашего тела в разных направлениях в виде каём, облеченных плевами, которые, заключая в себе известное число таких волокон, образуют отдельные нервы, упирающиеся в оконечности тела и в различные места под кожей.

Они состоят из того же вещества, как мозг, который находится в голове и продолжается в позвоночной кости. Плевры, окружающие их, одного и того же качества с плевою, облекающею мозг, чрезвычайно богаты кровными сосудами, которые проникают в самую массу нервов и в ней оканчиваются. Посредством этих сосудов нервы вытягивают из крови и всасывают в себя тонкую, летучую, эфирную, быть может даже светотворную, жидкость, которая их питает и обновляет их силы. Искусное по целому животному зданию разветвление, которое сообщила им природа, называется «нервною системою»: она тесно связана с мозгом, главным ее центром и правителем. Нисходя оттуда и проникая во все части тела, нервы в разных его местах сближаются между собою, пересекаются, свертываются друг с другом и образуют род узлов, или клубков, составляющих новые центры усиленной их деятельности и, так сказать, отдельные мозги тех частей тела, в которых они находятся. Главнейшие из этих узлов расположены в нижней части тела, за желудком, близ сердцевой полости, так, что из их сближения возникает особая, полная система мозгообразных узлов, известных под названием ганглий, которые можно почитать вторым большим мозгом человеческого тела, тем более что ему присвоены, кажется, некоторые умственные отправления: здесь именно пребывают инстинкт, попечение о развитии и укреплении тела, познание здоровья, голода, жажды, врожденные склонности и всё то, что мы в обыкновенном языке называем голосом сердца. Эти нервы носят название возрождательных, или репродуктивных, и, предшествуя физической жизни тела, образуют в нервной системе особое отделение, отчужденное ганглиями от отделения церебральных, или мозговых, нервов, которым вверены чувства зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, которые принимают впечатления, переносят их в мозг и содействуют всем отправлениям ума, на которых, наконец, опирается воля и движение. Но оба эти отделения связаны и сообщаются между собою разветвлениями, так что образуют одну целую сеть.

Чувствительность нашего тела имеет пребывание свое в нервах, и нервы, взятые все вместе, в целой своей системе, в целом распределении своих ветвей и узлов, производят в нас так называемое общее чувство,

sensus communis*, то есть совокупное ощущение себя, своей особы — чувство, которого главный пункт опирается на ганглиях, этом внутреннем мозге, где оно превращается в понятие «Я» и в склонность эгоизма. Таким образом, человек или животное собственно есть та дивная сеть белых снурков с их узлами, клубками и ветвями, которым мы даем имя нервов, мозгов и сладкого мяса, — это настоящее одушевленное, собственною жизнью, ядро нашего тела, которое все прочие части только окружают, хранят и питают, уподобляясь мякоти в плодах: при небольшом искусстве, можно выдернуть человека из человека. Если б мы умели сделать это в живом лице, не причиняя ему смерти, остальная часть его представила бы нам массу тяжелую, бесчувственную, неподвижную, тогда как вынутая из него плетеница, с ее узлами, могла бы и вне тела совершать все отправления чувствительности и умственной жизни: стоило б только доставить ей ту пищу, какую получает она от тела — и эта-то безделица будет, кажется, всегда препятствовать отделению внутреннего человека от его плоти. Чувствительность состоит в двойком свойстве нервов — раздражительности, то есть способности с большею или меньшею скоростью принимать впечатление, и крепости, то есть даре удерживать их в себе долее или короче, и нервное содержание этих двух свойств одного к другому производит неравность темпераментов.

Главное орудие чувствительности нервов есть тот живительный их сок, та летучая эфирная жидкость, по-видимому содержащая в себе даже начало света, которую они вытягивают из крови посредством окружающих их сосудов. Эта жидкость, уподобляющаяся и электричеству, и магнитности, одарена явлениями поляризации и атмосферы. В существовании ее атмосферы можно удостовериться во всякое время: все пункты какого-нибудь мускула способны ощущать, хотя нерв проходит через него только в одном месте, следственно, летучее вещество, текущее в нерве, разливается также и вокруг него, действуя не только внутри, но и вне на известное расстояние. Поляризация этого вещества обнаруживается тогда, когда оно бывает взволновано посредством вождения ру-

* общее чувство (*лат.*).

кою или чем другим в известных направлениях, подобно тому, как помощью трения или вождения возбуждается магнитность, таящаяся в железе или кобальте, что в обоих случаях называется магнетизированием; тогда лицо, в нервах которого эта эфирная жидкость потеряла свое равновесие, действием подобной манипуляции представляет два полюса, как в магнитной стрелке или в наэлектризованной полоске металла: оно оказывает явное притяжение или склонность к лицу, причинившему в нем это расстройство, и отталкивает от себя признаками отращения тех, кто не состоит в соприкосновении с магнетизером. Эту-то летучую жидкость, которую можете вы назвать животным электричеством, животным магнетизмом или высоким нервным соком, именно это тонкое, эфирное вещество, добываемое нервами из грубого вещества яств, превращенных в кровь, общее телам животным и ископаемым, разлитое во всей земной природе и обнаруживающееся в ней под разными видами, магнетисты называют истинным началом жизни, *Lebensfluidum*^{*}, *fluide vital*^{**}, и приписывают ему все свойства духа. Коротко сказать, это бесконечно тонкое или, как они выражаются, «сродное с духом» вещество есть, по их учению, самая душа, и хотя им случается употреблять это последнее слово, но они всегда подразумевают в нем свое любимое вещество — магнетизм. В желании подкрепить эту теорию фактами заключается вся тайна магнетических степеней и их чудес, из которых одна часть, конечно, действительна и согласна с физической возможностью, другая же существует только в разгоряченном уме самих магнетистов, состоит из произвольных предположений, преувеличений, толков и, будучи просто выводом из первой части, простертым до последней логической крайности, даже не чужда известного шарлатанства, которое всегда делает вещь яснейшею и разительнейшею.

Но положим, что все явления, приводимые ими с надлежащим раскрашением, справедливы и не подлежат никакому спору: что ж они доказывают? Они доказывали б только то, что мы открыли удивительные

* током жизни (*нем.*).

** ток жизни (*лат.*).

свойства летучего вещества, текущего в наших нервах, что мы, так сказать, поймали *животную душу* человека и убедились, что значительная часть умственных отправлений, обыкновенно приписываемых духу, совершается этою вещественною, животною душою. Всё еще остается нетронутым вопрос о душе духовной, управляющей этою животною душою и употребляющей ее как орудие для других, высших целей, о душе бессмертной, об этом таинственном выражении воли Божества в бренном теле, силою которого человек есть. Эта духовная душа, которую мы сознаём в себе только посредством отвлеченных выводов, которую узнали только помощью откровения, которая есть отражение в нас великой мысли миров, эта таинственная душа ускользает от всех наблюдений и опытов: мы нигде не видим ее в личном действии и логически нигде видеть не можем, потому что она дух. В магнетическом сне мы видим только действия животной души, волшебную игру той летучей жидкости, которая кружит в магните, кобальте, некоторых камнях и в наших нервах и которая, будучи взволнована, то образует полюсы, то возгорается и наполняет яркою молниею всю внутренность тела, то, наконец, отражает в себе ту же внутренность и даже внешние предметы, но поставленные непременно в потоке той самой жидкости, который, как уверяют страстные магнетисты, можно распространить на огромное расстояние, а как мы готовы верить, на довольно значительное. Конечно, это уже весьма важное и любопытное открытие, но дух не имеет тут никакого участия в деле: здесь всё механизм, всё происходит физически, по правилам опытной науки, посредством разного рода проводников и искусственного прилива в тело эфирного электромагнитного вещества. Каким же образом животный магнетизм может служить к доказанию преобладания в мире духовного начала и в чем полезен он религиозному верованию? По счастью для нас, верование проистекает из высших, светлейших источников, и оно превосходно может обойтись без его услуг — иначе он привел бы его прямо к материальной душе.

Чтоб поставить занимающий нас вопрос в настоящем его свете и показать осязательно, что в целом производстве магнетического раздражения проявляется только душа животная, которой присутствие в нашем

теле было уже известно древней философии, а ныне подтверждается и опытною наукою, мы пробежим ряд чудесных явлений магнетизма: простое их изложение удостоверит читателей, что духовная, настоящая душа человека не мешается в эти дела, и это уж слишком, если она безмолвно позволяет своей животной служанке щеголять собственным своим умением. Они увидят, что прославленный дар прорицания, замеченный у лиц, объятых магнетическим сном, дар, в котором обожатели магнетизма, склонные к мистицизму, невесть что усматривают, есть только искусственное развитие самого простого, скотского инстинкта.

Мы сказали выше, что внутренний мозг человеческого тела — это сцепление нервных узлов, расположенных за желудком близ сердцевой полости; эти так называемые ганглии получили в удел некоторые умственные отправления, как то: инстинкт, или предчувствие, попечение о физическом развитии и благосостоянии тела, сознание здоровья, голода, жажды и склонностей, общее чувство и проч. Здесь также помещаются фантазия и воображение, или сила облекать внутри себя образами понятия, почерпнутые мозговым отделением нервов из внешнего мира и перелитые в эти узлы посредством нервов симпатических, сила живописная, которую мы, быть может, неправильно приписываем голове. Здесь пребывает особенная способность воспоминания, независимая от памяти, и дальновидность, различаемая многими от инстинкта, но которая, по-видимому, есть только его усиление. Словом, ганглии можно назвать фонарем, повешенным внутри тела и освещающим тайные его работы: это центр внутреннего мира человека, как голова — центр его внешнего мира, это собственная голова желудка, действующая независимо от настоящей головы, поставленной на страже снаружи, только от времени до времени сообщающая ей о своих потребностях и прихотях, и, по уверению неукротимых магнетистов, гораздо умнее ее, так что, если б желудок с ганглиями был у человека на плечах, а голова его там, где теперь желудок, человек был бы мудрец хоть куда. Как бы то ни было, но сравнительная анатомия поставила вне сомнения ту истину, что это узловатое отделение нервов действительно одарено разными умственными способностями, и именно теми, которые проявляются в без-

разумных животных и которые без содействия духовной, бессмертной души поставляют их в возможность ощущать свое бытие, пещись о своем пропитании и здоровье, воображать, распознавать свои склонности и т. д. Многие насекомые не имеют другого мозга, кроме этого: ум пчелы и муравья весь у них в желудке, под сердцем. В человеке, благодетельствованном, сверх всего, разумною, невещественною душою, сила этого нижнего мозга, столицы животной души и его животного ума, значительно поглощается напряженною деятельностью верхнего, головного, мозга, который втягивает в себя непомерное количество нервного сока для оживления производящихся в нем работ духовного ума и осушает ганглии; но у людей слабоумных или мало трудящихся головою, у дикарей и особенно у женщин, этот животный ум получает иногда удивительное развитие, и воображение, предчувствие, прихоти — словом, все способности, сопряженные с ганглиями, действуют чрезвычайно живо: есть люди, которые в этом отношении могли бы поспорить с животными.

Отправления органической жизни основаны на перемежке занятия и отдыха — бодрствования и сна. Во время сна верхний, головной, мозг со всеми своими нервами находится в совершенном успокоении: действия чувств и деятельность духовного ума прекращаются, и душа бессмертная, этот высокий нравственный разум, которым Бог связал нас с Собою и который поставил Он в нас с обязанностью наблюдать за движением животности в нашем теле и руководствовать ее своими советами, кажется погруженным в священную тишину сродной ему вечности; напротив, нижний мозг тогда бодрствует, и животная душа, которую по-русски прекрасно можно назвать *животом*, усугубляет свои попечения о теле: кровь течет быстрее, дыхание становится чаще, варение, отделение, питание происходят с дивною поспешностью, воспоминание, воображение, фантазия получают полную волю, облекают понятия наружными формами предметов и производят сновидения, общее чувство усиливается и делается раздражительнее, и нередко инстинкт, соединяясь с фантазиею, особенно когда опасность угрожает здоровью или самому лицу, пугают вас страшными видениями, которые, если угодно, назовем и вещами. Все эти явления примечаются и у безразумных тварей, и мы не

видим, каким бы образом можно применить их к религиозному верованию, хотя допускаем здесь теорию животного магнетизма со всеми ее основаниями. Сны и видения святых угодников суть следствие особенной благодати Божией, суть влияние духа, происходят извне, не имеют никакой связи с магнетизмом, ни с изучением природы, и они-то принадлежат к духовному миру, но вещи сновидения бедных грешников — просто явление материального мира и результат животной организации. Будь у нас менее мыслей в голове, мы бы гораздо более имели их в желудке, мы сильнее жили бы животом и сны этого рода сделались бы вещью совсем обыкновенною.

Но это сон естественный, посмотрим теперь на искусственный, или магнетический. Замеченная возможность перевести действующую летучую жидкость из магнита в сродное ему тело, железо, и возбудить в нем способности, дотоле усыпленные, подала мысль к тому, чтоб такое же эфирное вещество, существование которого в животном теле давно уже было известно, перевести из одного человека в другого. Успех превзошел ожидания. Сначала употреблены были для этого те же средства, какими магнитизируют железо, потом опыт открыл и другие способы, которые, однако ж, все опираются на теориях электричества и минеральной магнитности и следуют их правилам: сюда принадлежат трение, вождение рукою или другим телом, хорошие и дурные проводники, отделение (*isolatio**), субституты, влияние металлов и, наконец, самое электричество, иногда служащее вспомогательным средством. Один из простейших способов перелития нервной эфирной жидкости (магнетизма) из себя в другого человека состоит в дыхании на него по известным правилам и в вонжании в него в то же время своего взора и своей воли: мы уже объяснили, что одно упражнение доводит до этого искусства, но сверх того искусник должен быть сам чрезвычайно исполнен этого вещества или, яснее, должен быть полнокровен и обилен электричеством, а тот, на которого он действует, слаб нервами, раздражителен или болен. Каким бы образом передача ни совершалась, прилив излишнего количества маг-

* отделение (*лат.*).

нетизма в нервы пациента возвышает их чувствительность и, скопаясь в центре животной жизни, ганглиях, приводит их в бодрствование; в то же время мозг и все органы головы по необходимости повергаются в насильственное усыпление, почти каменеют: душа разумная останавливает все свои занятия, как в сильном угаре, в нижней части тела наступает удивительная деятельность: жизненная материя, или животная душа, усиленная искусственным приливом в нее того же вещества, из которого сама она составлена, кипит в узлах, выступает из берегов и образует около тела обширную атмосферу. Мы не станем говорить о первых степенях магнетического сна, потому что, кроме судорог, в них нет ничего такого, чего бы нельзя было найти и в обыкновенном сне. Высшие степени приобретаются не иначе, как тоже помощью упражнения: это показывает, что и животную душу можно выучить многому, тем более что от ее хозяина требуется непременно твердая вера в действительность магнетизма и твердое желание, чтоб он произвел свое действие, а с этими двумя началами и гомеопатия делает чудеса. Ментор «Черной женщины», Алимари, сказать мимоходом, виноват в ужасной ереси: он в один присест возводит больную женщину на корабле в сон седьмой степени, в восторжение, или так называемую дезорганизацию, тогда как в животном магнетизме это коренное, непреложное правило, что нельзя достигнуть высшей степени, не перешедши через все низшие, что требует довольно времени и повторительных опытов.

При содействии навыка к делу и постепенного прибавления магнетизма в ганглии, наконец этот нижний мозг начинает свои представления, сопровождаемые нервическими припадками и даже признаками горячки. В зрительном нерве пациента мелькают молнии — явление электрическое или, по крайней мере, доказывающее, что в летучем веществе нервов есть светотворное начало. Он узнаёт предметы тем именно местом своего тела, около которого образуется самая сильная магнетическая атмосфера, — местом, соответствующим главным узлам ганглий, именуемым «солнечными», только эти предметы не должны быть отделены от него худыми проводниками электричества, — мы просим тех, которые приписывают магнетическим ясновидениям нечто духовное, хорошо вникнуть в это обстоятельство.

По мере умножения в пациенте количества приливного магнетизма он более и более отчуждается от внешнего мира и погружается в свой личный животный мир, внутренность его освещается проблесками и вспышками той же летучей материи, он видит свою внутренность, то есть его общее чувство сильно распознаёт их, а внешние предметы, находящиеся в пределах магнетической его атмосферы, мерещатся ему, как во сне. Оба эти явления показывают только то, что всё действие происходит в средоточии животной материальной жизни и что магнитная жидкость одарена удивительным свойством отражать в себе предметы еще в высшей степени, чем воздух, и, по своей чрезвычайной тонкости, переносить их образы в один из своих полюсов, даже сквозь поры тела. Это свойство магнитной жидкости, магнитности или магнетизма, сходное со свойством воды и воздуха, которые тоже не только просвечивают находящиеся в них предметы, но еще их отражают и переносят их наружный вид на известное расстояние, объясняет все дальнейшие явления. В нем находится и причина того микроскопического зрения, которым отличается желудок усыпленных высоким магнетическим сном: они, например, видят, как электричество вытекает из волос и глаз их магнетизера тонкими огненными лучами и направляется в их сторону, — если это правда, теория зрения более не была бы загадкой. Исполняя магнетизмом еще более, они уже видят внешние предметы не одним определенным местом, но целым телом, лишь бы тут опять не было дурных проводников. Они тесно сливаются общим чувством с лицом, из которого магнетизм в них переходит, слышат и осязают только его чувствами. Металлы производят на них самое опасное действие. Поляризация летучей жидкости устанавливается, и прикосновение лиц, не стоящих в связи (*en rapport**) с магнетизером, исторгает у них мгновенные и страшные признаки отвращения.

Далее, помощью новых упражнений и еще сильнеешего наития магнетизмом, они становятся ясновидящими, то есть разглядывают насквозь не только свое тело, но и тело своего магнетизера и тела особ, состоящих с ними в прикосновении, даже отдаленных на несколько десят-

* в связи (*фр.*).

ков верст, коль скоро магнетизер соединит их с собою посредством какого-нибудь хорошего проводника, — заметьте всюду этого проводника: для духа проводников не нужно; другое дело, если б то были явления духовные, не физические, если б душа разумная, бессмертная, принимала хоть малейшее участие в этих напряжениях материального жизненного начала! Заметьте еще, что ясновидящие видят только то, что относится к здоровью тех лиц, а сознание здоровья есть именно одна из главных способностей центра животной жизни, возродительных нервов, ганглий, живота. Наконец, поработав еще немного, они впадают во «всеобщее ясновидение», восхищение или дезорганизацию: тут уже пациент видит и помнит всё независимо от времени и от места, в прошедшем, в будущем, далеко, близко, вдоль и поперек, и всегда видит удивительно чисто, за исключением лишь того, что ему кажется туманным или что отчуждено дурными проводниками. Но для учреждения магнетической связи между ним и отдаленными лицами вещественные хорошие проводники здесь уже не нужны: довольно, чтобы его магнетизер умственно соединил с собою отдаленного, даже незнакомого пациенту больного — но только больного, а не здорового, — чтоб он коснулся его мыслию. Сверх того, пациент выражается высоким слогом, то есть непонятным, как большая часть высоких слогов, и видит даже мысли своего магнетизера, который, наоборот, управляет им единою волею своей. Только и тут не разделяйте их между собою дурными проводниками, потому что чудо вдруг исчезнет. И всё это означает, что счастливый страдалец почти превратился целиком в летучее жизненное начало и, так сказать, растаял в магнетизме, что животная душа, пролитая в его нервах, приобрела неизмеримую атмосферу, которая приходит в соприкосновение с целою природою и проникает все предметы, что сквозь это посредство чувствительности его общий смысл, его нервная система обнимает огромный удел творения и ощущает его точно так же, как в здоровом человеке этот смысл ощущает себя, свою особу.

Это состояние называется у магнетистов психическим: мы, кажется, довольно ясно обнаружили, на какую душу намекает здесь слово *психи*. Но и в этом состоянии нет ничего странного: оно лишь развитие предьдущих, довольно преувеличенных, очень подозрительных фактов —

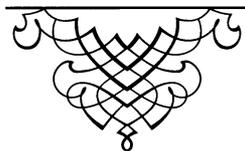
загнанное, правда, ужасно далеко, но которое можно, в духе теории, загнать еще далее, совершенно с тою же вероятностью: почему бы эта атмосфера животной чувствительности, раздувшись хорошенько, не могла коснуться, например, луны, солнца, даже и Сириуса, принести нам известия из тамошних госпиталей! Странно только то, что люди весьма умные и ученые были в состоянии, вне магнетического сна и лихорадки, нанизать столько призраков своего воображения, чтоб обманывать ими себя и других. Но всяк волен верить во что ему угодно; быть может, и мы со временем поверим всем чудесам животного магнетизма.

Вооружаясь против основной идеи романа, опирающей несомненную метафизическую истину преобладания в мире духовного начала на деятельности животного магнетизма — феномена в целом своем пространстве совершенно животного, материального, и на сбивчивом свидетельстве вещей снов, призраков и привидений — другого физического явления, происходящего собственно внутри нас, в нашем желудке; отвергая эту идею как предосудительную для самого предмета, который она старается привести в ясность, мы с восхищением поддаемся прелестям самой книги как изящного творения. Несбыточная ученая цель автора — в сторону, а в литературном отношении мысль употребить магнетические чудеса в виде пружины повести чрезвычайно оригинальна, и искусство сочинителя открыло в ней для себя источник сильной занимательности.

Мы неоднократно изъявляли мнение, что самый несвойственный предмет для повести или романа — это анекдот или отдельный частный случай, один из тех случаев, которые называются истинными, и чем он истиннее, тем хуже для изящного сочинения, потому что он тогда относится только к одному лицу и не доказывает ничего общего в порядке дел человеческих. Наш автор избрал тоже один из таких случаев: повторительное видение кем-то черного призрака, но мы, по совести, не можем обратить на него никакого за то упрека. Его роман совсем особенного рода, сочинение по существу своему выше романа. Предписав себе стремление метафизическое, решаясь защищать событиями истину, выходящую из круга гражданского и политического быта, он должен был основать повесть на частном случае и обставить ее другими происше-

ствиями, имеющими вид личной действительности. Он сделал, что должен был сделать, и даже относительно к предначертанной цели употребил свои данные с большим искусством.

Обязанность, в которую автор поставил себя подтверждать всеми событиями своей повести постоянное влияние Провидения на наши действия, вовлекла его в важную литературную погрешность. Дивные встречи, как бы *ex machina**, так часты, что уже отзываются некоторою однообразностью. Но этот недостаток слишком поверхностен, чтоб привязываться к нему в сочинении, изобилующем столь многими и разнообразными красотами.

* из машины (*лат.*).

**ВИДѢНІЕ КАРЛА XI,
КОРОЛЯ
ШВЕДСКОГО**

There are more things in heav'n
und earth, Horatio
Than are dreamt of in your philosophy.

Schakspeare, «Hamlet»¹

быкновенно смеются над всеми сверхъестественными явлениями и привидениями; однако ж истина некоторых из них основана на таких свидетельствах, что если бы не захотели им верить, то должно бы было отвергнуть вообще все исторические доказательства.

Протокол, составленный с соблюдением всех форм и утвержденный подписью четырех достойных вероятия свидетелей, ручается за истину описываемого здесь случая. Прибавлю к сему, что предсказание, заключающееся в сем

протоколе, было известно и нередко обращало на себя внимание задолго перед тем, как события нашего времени, по-видимому, оправдали оно.

Карл XI, отец воинственного *Карла XII*, был один из числа самых самовластных, но вместе и мудрейших государей Швеции. Он ограничил несоразмерные преимущества дворянства, уничтожил власть Сената, выдавал законы без участия народных сословий; одним словом, переменил совершенно образ правления, который до него был олигархическим; он принудил государственных чинов вручить себе неограниченную власть. Впрочем, он был человек просвещенный, храбрый, преданный лютеранской вере, характера непреклонного, хладнокровный, постоянный, совершенно чуждый фанатизма и мистицизма.

Он лишился супруги своей *Ульрики Елеоноры*. Хотя холодность его к сей принцессе ускорила, как говорили, кончину ее, при всём том он уважал ее и, казалось, был тронут ее потерей гораздо более, чем ожидали от такого бесчувственного человека. С сего времени он сделался еще мрачнее и молчаливее и предался государственным делам с необыкновенною деятельностью. Казалось, что сим он хотел рассеять мысли, его тревожившие.

Поздно, осенним вечером, сидел он в халате и в туфлях перед камином, в кабинете своего Штокгольмского дворца. У него находился камергер его граф *Браге*, к коему он весьма благоволил, и доктор *Баумгартен*, который — мимоходом сказать — выдавал себя за безбожника и хотел, чтобы не верили ничему, кроме медицины. В этот вечер король призвал его, чтобы посоветоваться о своей болезни.

Время шло, а король, против обыкновения, еще не прощался с ними и не приказывал им удалиться. С поникшею головою и устремив взор на пылающие дрова, он сохранял глубокое молчание, наскучив своим обществом и боясь, сам не зная почему, остаться один. Граф *Браге* замечал, что присутствие его было не слишком приятно, и неоднократно изъясляя свое беспокойство о том, что его величеству, может быть, угодно уже отдохнуть; но король движением руки приказывал ему остаться. С своей стороны, доктор говорил о вредном влиянии излишнего бдения на здоровье; но король отвечал ему сквозь зубы:

— Оставайтесь, мне еще не хочется спать.

Старались завести разговор о различных предметах, но он рвался при первых словах. Видно было, что его величество находился в мрачном расположении духа, а в подобных случаях положение придворного весьма щекотливо. Граф *Браге*, полагая, что король грустил о потере супруги, устремил глаза на портрет королевы, висевший в кабинете, и потом произнес с глубоким вздохом:

— Как похож этот портрет! Как верно изображены то величие и та кротость...

— Ба! — произнес грубым тоном король, которому в имени королевы всегда слышался какой-то упрек. — В этом портрете слишком много лести! Королева была совсем нехороша.

Потом, сам негодуя на свою суровость, он встал и прошел по комнате, дабы скрыть свое смущение. Он остановился перед окном, обращенным на двор. Ночь была темная и луна в первой четверти.

Дворец, местопребывание нынешних шведских королей, не был тогда окончен, и *Карл XI*, начавший строить его, жил в древнем замке, стоящем на вершине Риттергольма, близ озера Мелара. Сие огромное здание имеет вид подковы; кабинет короля был на одном конце, а почти насупротив его находилась большая зала, в которой происходили заседания государственных чинов.

Окна сей залы были тогда ярко освещены. Королю показалось это странным. Сначала подумал он, что свет происходил от свечи какого-нибудь прислужника. Но зачем ему идти в такое время в залу, которая уже давно не отворялась? Да и освещение было слишком сильно. Можно бы было подумать, что пожар, но нигде не видно было дыма, стекла были целы и не слышно никакого шума; всего более это походило на иллюминацию.

Карл, не говоря ни слова, глядел на освещенные окна. Между тем граф *Браге* протянул уже руку к шнурку — в намерении позвонить и послать пажа разведать о причине столь странного освещения, но король остановил его.

— Я сам пойду в эту залу, — сказал он.

Произнесши сие, он побледнел, и физиономия его выразила какой-то благоговейный страх. Он пошел твердым шагом; камергер и доктор следовали за ним, держа по зажженной свече.

Сторож, у которого были ключи, спал уже. *Баумгартен* разбудил его и именем короля приказал тотчас отпереть залу Чинов. Он чрезвычайно удивился этому неожиданному приказанию, оделся наскоро и побежал к королю со связкою ключей. Сперва он отпер двери галереи, служившей переднею, или выходом, для залы Чинов. Король вошел — и как-то было изумление его, когда он увидел, что все стены обтянуты были черным!

— Кто велел обить черным сукном эту залу? — спросил он с гневом.

— Никто, сколько мне известно, — отвечал смущенный сторож. — В последний раз как мели, она была всё по-прежнему, стены столярной дубовой работы... Эта обивка, кажется, не из кладовой вашего величества.

Король, идучи скорым шагом, прошел уже почти две трети галереи. Граф и сторож шли за ним по пятам; доктор *Баумгартен* несколько отстал, боясь и остаться один, и подвергнуться опасности столь чудного происшествия.

— Нейдите далее, государь, — закричал сторож. — Клянусь вам, тут что-то недоброе... В эту пору... по кончине королевы, почтеннейшей супруги вашей... говорят, что она изволит прогуливаться по этой галерее... Бог да сохранит нас!

— Остановитесь, государь, — воскликнул также граф. — Слышите, какой страшный шум выходит из залы? Какой опасности, быть может, подвергается ваше величество!

— Государь, — сказал *Баумгартен*, у которого ветер вдруг задул свечу, — позвольте, по крайней мере, я позову человек двадцать ваших драбантов.

— Войдем, — сказал король твердым голосом, остановившись перед дверьми большей залы. — А ты, сторож, отопри нам скорей.

Он толкнул в дверь ногою — звук сего удара, отразившись в сводах, раздался по галерее пушечным выстрелом.

Сторож трясся так, что никак не мог попасть ключом в замочную скважину.

— Стыдно трусить старому служивому! — сказал король, приподняв плечи. — Ну, граф, отойдите нам эту дверь.

— Государь, — сказал граф, сделавши шаг назад, — пусть ваше величество прикажет мне лезть прямо в жерло датской или немецкой пушки, я пойду не раздумывая; но здесь ведь надо сражаться с адом.

Король выхватил ключ из рук сторожа.

— Вижу, — сказал он с негодованием, — что здесь дело касается до меня одного!

И, прежде чем могли б удержать его, он отворил уже толстую дубовую дверь и вошел в большую залу, произнеся: «С Божиею помощью!» Три спутника его, каждый со свечою, побуждаемые любопытством, которое было в них сильнее страха, и стыдясь, может быть, оставить короля одного, вошли вместе с ним.

Зала освещена была множеством свеч и, вместо старинных обоев, обтянута траурным сукном. По стенам висели по-прежнему немецкие, датские и московские знамена, трофеи *Густава Адольфа*, а посреди их знамена шведские, обвитые черным крепом.

Многочисленное собрание сидело на скамьях. Четыре народные словия* занимали свои места. Лица сих людей, коим черный цвет комнаты придавал необыкновенный блеск, так поражали зрение, что из четырех свидетелей сего странного зрелища ни один не мог никого узнать. Так актер, стоя перед многочисленною публикою, видит только один хаос лиц и не может отличить ни одного человека.

На возвышенном троне, с которого король произносил во время заседаний речи, лежал окровавленный труп в королевском одеянии. Направо стоял дитя в короне и со скипетром в руке, а налево — пожилой человек или, лучше сказать, другое привидение, опираясь на трон. На нем была торжественная мантия, в какую облакались древние администраторы Швеции, до времен *Вазы*, который усилил власть королевскую. Напротив трона — несколько человек важного вида в длинных черных одеяниях; они походили на судей и сидели перед столом, на котором лежало несколько огромных фолиантов и пергаментных грамот. Между

* Дворянство, духовенство, граждане и крестьяне.

троном и скамьями лежала плаха, обвитая черным крепом, и подле нее топор.

Никто в сем чудном собрании не заметил, казалось, короля и его спутников. При входе в залу им послышался какой-то глухой шепот, в котором нельзя было отличить ни одного слова; потом старейший из судей, занимавший, по-видимому, должность председателя, встал и ударил три раза рукою по раскрытой перед ним книге. Тотчас воцарилась глубокая тишина. Несколько юношей приятной наружности и богато одетые, со связанными за спиной руками, вошли в двери, противоположные тем, кои отпер *Карл*. Они шли с возвышенным челом и спокойным взором. За ними следовал какой-то дюжий человек в коричневом сюртуке, держа в руке концы веревок, коими связаны были их руки. Тот из арестантов, который шел первый и был, по-видимому, важнее других, остановился посреди залы перед плахою и взглянул на нее с презрением.

В это время труп пришел в судорожное движение и затрясся, и алая кровь потекла из раны. Юноша стал на колени, протянул голову — топор сверкнул в воздухе и упал с шумом. Кровь брызнула на трон и смешалась с кровию лежавшего на нем трупа, а голова, отскочнув несколько раз от окровавленного пола, докатилась к ногам *Карла* и оставила на них кровавое пятно.

До сего мгновения он был нем от изумления, но при таком ужасном зрелище язык его разрешился: он сделал несколько шагов к трону и, обратившись к привидению в администраторской мантии, произнес твердым голосом:

— Если ты от Бога, то отвечай; если ж не от Бога, то оставь нас в мире.

Привидение отвечало ему медленно и торжественным тоном:

— Король *Карл!* Эта кровь прольется не в твое царствование... — здесь голос стал невнятен, — но через пять царствований. Горе, горе, горе потомству *Вазы!*

Тогда лица особ, составлявших сие странное собрание, начали тускнеть и стали похожи на раскрашенные тени, а вскоре и совсем исчезли; чудесные свечи потухли, а бывшие в руках у *Карла* и у спутников его освещали одни старинные обои, шевелившиеся от ветра. Слышен был еще несколько времени довольно мелодический шум, который один из

свидетелей уподоблял шепоту ветра между густых листьев, а другой — звуку струн арфы, лопнувших в то время, как ее настраивают. Все они утверждали, что явление сие продолжалось около десяти минут.

Черные обои, отрубленная голова, кровь на полу — всё исчезло вместе с привидениями; только на туфле *Карла* осталось небольшое красное пятно, которое одно достаточно бы припоминало ему всё случившееся в сию ночь, если б оно и без того не запечатлелось крепко в его памяти.

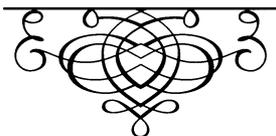
Воротившись в кабинет, король велел составить записку о всем виденном, приказал ее подписать своим спутникам, а потом подписал и сам. Сколько ни старались сохранить ее в тайне от публики, но о ней узнали еще при жизни самого *Карла XI*; она и теперь существует, и доньне никто не сомневался в ее подлинности. Замечательно окончание: «Если описанное здесь, — говорит король, — не есть сущая правда, то я отказываюсь от всякой надежды на блаженную жизнь, которой, может быть, я буду достоин за некоторые добрые дела мои и особливо за искреннее желание сделать счастье моим подданным и охранить неприкосновенность религии моих предков».

Теперь, если припомним себе кончину *Густава III* и суд над *Анкарштремом*, его убийцею, то найдем большое сходство между сим происшествием и обстоятельствами сего чудного предсказания.

Юноша, обезглавленный в присутствии чинов, должен быть *Анкарштрем*.

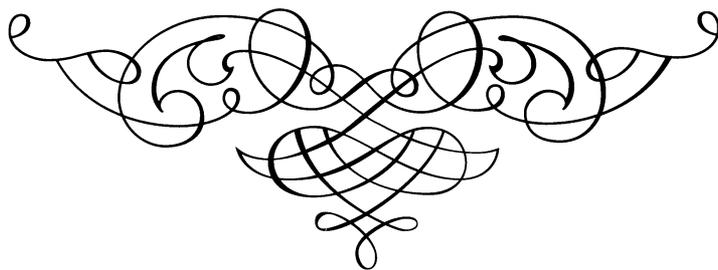
Венчаный труп есть труп *Густава III*. Дитя — сын и наследник его, *Густав Адольф IV*.

Наконец, старец должен быть герцог *Зюдерманландский*, дядя *Густава IV*, бывший регентом королевства и наконец королем, — по свержении своего племянника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.И. Рейтблат, Е.В. Маркасова, В.А. Кошелев

ЖУРНАЛИСТ, ФИЛОЛОГ, ПЕДАГОГ НИКОЛАЙ ГРЕЧ И ЕГО РОМАН «ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»¹

I

Николаю Ивановичу Гречу (1787–1867) не повезло. Известный журналист, издатель, писатель, филолог и педагог, без имени которого не могут обойтись обзорные монографии по истории отечественных литературы, журналистики и языкознания, до сих пор не удостоился ни одной книги, посвященной специально ему, хотя даже о его друге и соиздателе «Северной пчелы» Ф.В. Булгарине, обладателе одиозной репутации во второй половине XIX – XX веке, за последние два десятилетия таковых вышло не менее десятка. Справочная литература о Грече невелика (см.: Карпов 1992; Грин 1995; Корнеев 1996; Ельницкий 1997), а единственная посвященная его жизни и творчеству работа (см.: Соловьёв 1916–1917) носила компилятивный характер, содержала ряд ошибок да к тому же давно устарела по своему фактическому материалу.

Поэтому, хотя в настоящем издании публикуется лишь один роман, целесообразно дать характеристику жизни и деятельности его автора, основанную на документальном (в том числе архивном) материале. Важно это и потому, что, как показано далее, написанные им романы содержат немало автобиографических сюжетов и мотивов.

¹ Первый раздел написан А.И. Рейтблатом (при участии Е.В. Маркасовой, которой принадлежит характеристика языковедческих трудов Греча), второй – В.А. Кошелевым.

Греч по линии отца происходил из семьи чешских лютеран, переселившихся в XVII веке из Богемии в Германию. Дед его в 1736—1760 годах был преподавателем и инспектором классов в Сухопутном кадетском корпусе (по 1743 год он назывался Рьцарской академией), отец служил обер-секретарем Апелляционного департамента Сената. По характеристике Греча,

он был человек умный, по тогдашнему времени весьма образованный, светский, притом честный и добродушный, но рьяность и неровность его характера и самые странные капризы причиняли несчастье и его, и тех [sic!], кто его окружали. Сердце имел он самое доброе, но буйная голова одолевала благие его внушения, и к тому присоединялось упрямство.

Греч 1930: 53

В отличие от отца, которого Греч побаивался, мать (немку по происхождению) он очень любил и считал, что обязан ей «своим умственным и нравственным образованием» (Там же: 54), поскольку она имела «ум светлый, пылкое воображение, любовь к изящным искусствам, добрейшее сердце, самый кроткий нрав и неподдельное благочестие» (Там же: 66—67).

Вначале Греч учился дома, а с 1801 года в юридической Юнкерской школе (с 1803 года — институт) при Сенате, которой управлял А.Н. Оленин, впоследствии покровительствовавший Гречу. Окончив Юнкерский институт в 1804 году, Греч стал преподавать русский язык в Главном немецком училище евангелической церкви Святого Петра и посещать (по 1805 год) в качестве вольнослушателя Педагогический институт. Кроме того, он с 1806 года служил в Петербургском цензурном комитете: вначале канцелярским служителем (с 1806 года — титулярный советник), а в 1813—1815 годах — секретарем комитета.

С детства Греча влекло к литературе. Его дед по отцу издал книгу «Политическая география» (СПб., 1758), дядя Х. Безак также был автором ряда книг («Краткое введение в бытописание Всероссийской империи» (СПб., 1785) и др.), двоюродный брат П.Х. Безак перевел ряд книг с французского и немецкого. Греч вспоминал:

Я не имел склонности ни к военной, ни к гражданской службе. Какая-то непонятная сила влекла меня к грамоте и литературе. На блистательных генералов и офицеров смотрел я равнодушно. <...> Зато с каким благоговением глядел я на первого виденного мною в жизни писателя: это был Федор Осипович Туманский <...>.

«Вот писатель, сочинитель, — думал я, — что он вымыслит, напишет, напечатает, то читает вся Россия. Умрет он, и его имя будут с благодарностью вспоминать поздние потомки».

Там же: 168–169

Помимо литературы его тянуло к издательской и типографской деятельности. В воспоминаниях он пишет, что родители подарили ему ручную типографию, и он с увлечением набирал и печатал тексты (см.: Там же: 169–170). Впоследствии он с успехом реализовал детские мечты.

Выбранные Гречем профессии — педагогика и журналистика — позволяли выдвинуться. При отсутствии родовитости, поместья, серьезных связей и при нерусском происхождении сделать чиновную карьеру ему было бы очень трудно, а писательский труд тогда не давал ни положения, ни денег.

Уже в молодые годы Греч приобщился к журналистике. В 1805 году он дебютировал в «Журнале российской словесности» статьей «Синонимы. Чувства и чувство» (1805. № 5). Вскоре он выпустил переводы двух публицистических книг о современной политической ситуации (см.: Шрёдер 1806; Иелин 1807). Одна из них была написана публицистом и журналистом Ф.А. Шрёдером, который занимал должность библиотекаря у великого князя Константина Павловича и в Первом кадетском корпусе, где был также директором типографии. С ним Греч в 1808–1809 годах издавал политический журнал либеральной направленности (выходил два раза в неделю; по сути, это была газета) «Гений времен», включавший статьи по экономическим и военным вопросам, статистике и истории, биографии политических деятелей, в основном переведенные из зарубежных изданий. Шрёдер помещал там и свои статьи, но подписи Греча в издании нет — видимо, он печатал только переводы. В сентябре 1809 года журнал пришлось прекратить (судя по всему, по цензурным причинам), и вместо него Греч и Шрёдер стали выпускать ежемесячный «Журнал новейших путешествий», состоявший из переводов с немецкого и французского языков, но и он просуществовал недолго — только по сентябрь 1810 года. Они же издавали и еженедельный журнал «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов» (1810), который перестал выходить тоже в сентябре, но Греч покинул этот журнал еще в марте. В эти годы он нередко выступал в печати в качестве переводчика с немецкого (см.: Коцебу 1808; Гаспари 1809; Коцебу 1809). В результате он получил некоторую литературную известность и в 1810 году был принят в Вольное

общество любителей словесности, наук и художеств, в органе которого «Санкт-Петербургский вестник» (1812) поместил большое число рецензий.

Кроме того, Греч печатался как филолог и педагог. Он издал «Опыт о русских спряжениях» (СПб., 1811) и книгу «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе» (СПб., 1812), содержащую и биографические справки о представленных в этом издании писателях.

С 1811 года, не оставляя Главного немецкого училища, он по 1814 год занимал еще должность смотрителя уездных и приходских училищ Петербурга. В 1813 году он покинул училище и в 1814–1817 годах преподавал российскую словесность в Петербургской гимназии.

В 1812 году в кружке статс-секретаря Государственной канцелярии и директора Публичной библиотеки А.Н. Оленина зародилась мысль о создании частного издания, посвященного начавшейся войне и интерпретирующего события с правительственной точки зрения. В качестве редактора-издателя был выбран хорошо знакомый Оленину Греч, уже имевший опыт издания и редактирования журналов политического содержания. Идея была поддержана властями, и журналу позволили помещать материалы на политические темы. Император выдал в качестве субсидии тысячу рублей ассигнациями, а бумажный фабрикант А.А. Заветный отпустил в долг бумагу на первые номера. Журнал Греч назвал «Сыном Отечества», использовав выражение брата Александра, который писал ему из действующей армии, что если ему придется умереть за родину, то он умрет как истинный сын отечества. В еженедельно выходящих номерах вначале печатались только материалы о войне: информация о военных действиях, публицистические статьи, переводы, публикации о подвигах военных и гражданских, стихотворения и исторические материалы патриотического характера. Журнал был очень цельный, своим патриотическим содержанием он импонировал публике и быстро приобрел популярность. «Сын Отечества» приносил издателю немалый доход, о размере которого можно судить по тому факту, что Греч пожертвовал 4,5 тыс. рублей для составления капитала на воспитание в Петербургской гимназии сына какого-нибудь офицера, погибшего или умершего от ран в 1812–1814 годах (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Л. 1–2; см. также: Дубровин 1900). Последнее было мотивировано, по-видимому, тем, что упоминавшийся его брат Александр погиб в Бородинском сражении.

После войны надобность в таком издании отпала, и Греч превратил журнал в литературный, оставив, впрочем, политический отдел (который

в основном состоял из переводов информационных материалов из иностранных газет). В журнале печатались исторические и географические статьи, описания путешествий, стихи (Жуковского, Батюшкова, Крылова, Вяземского, Пушкина, Баратынского, Грибоедова и др.), проза (произведения малого объема, преимущественно переводные), статьи по литературе, рецензии на книги и спектакли. Греч первым в русской журналистике с 1815 года стал писать и публиковать годичные обзоры отечественной литературы², получившие впоследствии широкое распространение. Кроме того, он вел в журнале отдел библиографии (очень полный, что было впервые в российской журнальной практике), нередко давая краткие, но меткие и остроумные характеристики книг, а также помещал полемические статьи и статьи о театре.

В 1817 году он купил типографию (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 244), в которой печатал «Сын Отечества» (впоследствии и «Северную пчелу»), свои книги и частные заказы, что давало ему существенный дополнительный доход.

Греч стал широко известен в литературных кругах и приобрел прочную литературную репутацию. В 1818 году он был принят в Вольное общество любителей российской словесности. И.Н. Лобойко вспоминал, что

журнал Греча «Сын Отечества» со времени [начала] его издания в октябре в 1812 году до 1825 года³ был первенствующим русским журналом. Сочинитель, которого статья была в нем напечатана, мог уже считать на авторскую известность и внимание книгопродавцев. <...> Каждое сочинение находило в сем журнале свой приговор. Овладев критикой, Греч присвоил себе суд и расправу над всеми писателями и сделался их грозным судьей. Он никогда не боялся возражений и антикритик и всегда торжествовал над ними силою своей остроумной и насмешливой диалектики. <...> Всё, что только было нового в современной жизни России, в ее предприятиях и успехах, в мореплавании, географических открытиях, тем более в литературе, появлялось в то же время в «Сыне Отечества». И потому журнал этот пребудет самым обильным и самым достоверным источником для истории просвещения и словесности русской в достопамятнейшем ее периоде с 1812 по 1825 год. Журнал этот отличался не только новостию, но и смелостию. То, чего

² См.: Обзорение русской литературы 1814 года // Сын Отечества. 1815. № 1–4; Обзорение русской литературы 1815 и 1816 годов // Сын Отечества. 1817. № 1–2; О произведениях русской словесности в 1817 году // Сын Отечества. 1818. № 1.

³ В 1825 г. возник быстро завоевавший популярность журнал «Московский телеграф», а в следующем году были репрессированы многие декабристы, печатавшиеся в «Сыне Отечества».

бы нигде печатать не посмели, находило в «Сыне Отечества» радушный прием. <...> Я никого не знал в Петербурге, кто бы мог пленять и забавлять умом и характером, как Греч. <...> Его острословия расходились по всему городу, и беда тому, на кого они устремлялись⁴.

Лобойко 2013: 144–145

В 1815 году Греч вступил в масонскую ложу «Избранного Михаила», среди членов которой были художник Ф.П. Толстой, художественный критик В.И. Григорович, военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и немало литераторов (Н.А. Бестужев, Ф.Н. Глинка, А.А. Дельвиг, М.Н. Загоскин, Р.М. Зотов, А.Е. Измайлов, П.А. Корсаков, В.К. Кюхельбекер), которые впоследствии печатались в изданиях Греча. Он постепенно делал карьеру и там: первый надзиратель с 1816 года, наместный мастер в 1817–1819 годах, член ложи 3-й степени в 1820–1821 годах (см.: Серков 2001: 1065).

В 1817 году Греч был определен почетным библиотекарем в Императорскую Публичную библиотеку (по 1854 год; с 1854-го – почетный член библиотеки). В том же году он был послан в Европу изучать постановку там библиотечного дела. Находясь в Париже, он познакомился с приобретшей тогда известность ланкастерской системой обучения. Этот метод преподавания, получивший в Европе (а вскоре и в России) популярность, заключался в том, что под руководством педагога старшие и более успевающие ученики обучали младших, причем без учебников, а с помощью таблиц, развешанных на стенах. Школы эти были предназначены для социальных низов, и учили там письму, чтению религиозных книг и счету.

По возвращении в Россию Греч всячески пропагандировал школы взаимного обучения и готовил учебные пособия (см.: Греч 1818; Греч 1819). В сентябре 1818 года он выступил одним из инициаторов создания ланкастерской школы (идея была выдвинута в масонской ложе «Избранного Михаила»). Он же был одним из создателей Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения, среди членов которого были И.А. Крылов, В.А. Жуковский, Д.И. Хвостов, В.К. Кюхельбекер, А.Г. Венецианов и др. После того, как в январе 1819 года Александр I утвердил устав⁵, председателем общества был избран Ф.П. Толстой, а помощниками его – Ф.Н. Глинка и Н.И. Греч (см.: Толстой 2001: 182–184). Была создана примерная школа. Кро-

⁴ Об остроумии Греча см. также: Терпигорев 1870; Голицын 1890: 706–707.

⁵ Публикацию устава см. в изд.: Сын Отечества. 1819. № 7. С. 3–9.

ме того, в 1818—1819 годах Греч был членом комитета, высочайше утвержденного для составления учебных пособий кантонистам поселяемых войск.

В конце 1818 года он организовал центральную школу для обучения нижних чинов Гвардейского корпуса и потом стал заведовать ею. В июле 1819-го школу посетил Александр I, который остался очень доволен, дал указание создать такие же заведения в каждом полку, поблагодарил Греча и наградил его бриллиантовым перстнем стоимостью в 3 тыс. рублей. В итоге Греч был назначен в 1820 году директором всех полковых училищ Гвардейского корпуса. Кроме того, в 1819 году ему было поручено устройство и управление классов взаимного обучения под высочайшим ведением императрицы Марии Федоровны в императорских Санкт-Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и в училищах солдатских дочерей лейб-гвардии Семёновского, Егерского и Московского полков⁶.

В период царствования Александра I Греч был известен своим вольномыслием; он вспоминал: «Я был в то время отъявленным либералом, напитавшись этого духа в краткое время пребывания моего во Франции (в 1817 г.)» (Греч 1930: 687). Точнее будет определить его широко употреблявшимся тогда словом «либералист». Либерал должен разделять определенные политические и экономические принципы либерализма (незыблемость экономических и политических прав личности, предполагающих ее свободу в этих сферах; представительное правление и т. п.), сформулированные в Западной Европе, где возникло и само это слово, и отнюдь не стоявшие на первом месте у русских либералистов. Так называли людей, которые стояли за просвещение, законность, правосудие, борьбу со взяточничеством и протекционизмом, экономическое развитие страны, то есть за прогресс и реформы, но отнюдь не выступали против самодержавия и не придавали особого значения правам личности.

Тесно общался Греч и с будущими декабристами, многие из которых (А.А. и Н.А. Бестужевы, Рылеев, Кюхельбекер, Корнилович) печатались в его изданиях. Впрочем, при этом к нему относились настороженно. Слуга К.Ф. Рылеева рассказывал впоследствии, что Греч, который часто бывал у Рылеева, «имел привычку заглядывать в работы. Поэтому, при входе его в комнаты, писанные бумаги всегда перевертывались белой стороной» (цит. по: Рылеев 1954: 255). Д.Н. Свербеев вспоминал о событиях 1818 года:

⁶ См. письмо Г.И. Вилламову от 14 августа 1824 г. (РНБ. Ф. 143. № 38. Л. 4—5).

Узнав потом Греча довольно коротко по неблагоприятным о нем отзывам всего петербургского общества, я скоро уверился, что он, служа и нашим, и вашим, т. е. будучи либералом в кругу литературном и тайным агентом тайной полиции, не преминул сообщить кому следует о существовании вывезенной мной из Москвы тетрадки [товарища с рассуждениями об освобождении крестьян].

Свербеев 2014: 148

В 1820 году Греч был на пике карьеры. В тридцать три года он имел довольно высокий чин коллежского советника, занимал несколько важных постов, по которым получал весьма солидное содержание, был лично известен императору, императрице Марии Федоровне, Аракчееву и ряду других высокопоставленных лиц. Однако неожиданно всё резко изменилось.

В середине октября 1820 года произошел бунт Семёновского полка, для солдат которого Греч устраивал классы взаимного обучения, и Александр I заподозрил, что Греч причастен к выступлению солдат. 10 ноября он писал из Тропшау командиру Гвардейского корпуса генералу И.Г. Васильчикову: «Наблюдайте бдительно за Гречем и всеми бывшими в его школе солдатами или маленькими девочками. Признаюсь, я на них смотрю с большим недоверием. <...> Я уверен, что найду настоящих виновников, вне полка, в таких людях, как Греч и Каразин»⁷ (Русский архив. 1875. Кн. 1. С. 354–355. *Пер. с фр.*). За Гречем была учреждена слежка, и вскоре он был уволен с должности директора полковых училищ (см.: Рыбаков 1925: 84–85).

Но на этом неприятности Греча не кончились. В том же 1820 году приехал в Россию немецкий католический священник-мистик Иоганн Госнер, тяготивший к пиетизму, и занялся тут проповеднической деятельностью. Он был избран в число директоров петербургского комитета Библейского общества. В 1823 году цензура дозволила к печати (в переводе с немецкого) его сочинение «Дух жизни и учения Иисус Христов в Новом Завете», однако по поводу отпечатанной, но еще не вышедшей в свет книги в 1824 году было начато следствие, завершившееся заседанием Комитета министров, на котором было «признано единогласно, что толкования пастора Госнера, кроме что противны правилам всех исповеданий христианской религии, оскорбительны для господствующей в государстве нашем греко-русской веры и

⁷ Каразин Василий Назарович (1773–1842) – просветитель и ученый, который в начале правления Александра I сблизился с ним, но через несколько лет попал в опалу; 26 ноября 1820 г. был арестован, посажен в Шлиссельбург, где провел полгода, а затем выслан в свое имение.

содержат в себе мнения, клонящиеся к разрушению общественного благоустройства» (цит. по: Греч 1930: 815). В результате Госнер был выслан из России, а его книга сожжена⁸. Переводчик ее, цензор и Греч (владелец типографии, в которой печаталась книга) были отданы под суд. После этого Греч лишился должности преподавателя и в течение четырех лет жил только на литературные доходы.

Известностью в литературном мире пользовались еженедельные вечера у Греча, проходившие по четвергам с начала 1820-х по конец 1830-х годов, на которых бывали многие столичные литераторы и блистал своим остроумием их хозяин.

В 1820 году Греч познакомился с Булгариным⁹, и они сразу же подружились. Булгарин стал часто печататься в «Сыне Отечества», нередко помещал панегирические отзывы о книгах Греча, и Греч отвечал ему тем же. С 1822 года Булгарин издавал исторический журнал «Северный архив», а с 1823 года приложение к нему — «Литературные листки». Несколько позднее он и Греч предприняли попытку основать газету. Чтобы облегчить получение разрешения, они в письме в Петербургский цензурный комитет от 29 мая 1824 года не ставили вопрос о создании новой газеты, а лишь просили о позволении преобразовать издаваемые ими «Северный архив», «Литературные листки», «Сын Отечества» и «Литературные прибавления к «Сыну Отечества»» в три издания: выходящие два раза в месяц «Сын Отечества» и «Северный архив» и выходящую три раза в неделю «Северную пчелу», несколько изменив их программу, с тем чтобы в «Северной пчеле» печатались «легкие статьи» по тем же предметам, что и в «Сыне Отечества» и «Северном архиве». Поскольку в давно уже разрешенную программу «Сына Отечества» входила политика, это означало, что в случае положительного ответа и «Северной пчеле» было бы позволено печатать материалы на политические темы. Император разрешил произвести просимые изменения.

С самого появления газета привлекла читателей разнообразной информацией и богатым литературным отделом. Своей оперативностью, хорошим литературным языком, живостью содержания она резко выделялась на фоне сухих, состоящих в основном из официальных актов и объявлений, арха-

⁸ О деле Госнера см.: Остроглазов 1892; Пыпин 1916—1918/1: 132—136, 197—198, 202—222; Греч 1930: 575—591, 809—822.

⁹ Об их знакомстве см.: Булгарин 1838: XII.

ичных по слогу и методам подачи материала «Московских ведомостей» и «С.-Петербургских ведомостей», что было отмечено современниками. В 1831 году Н. Полевой признавал, что

«Северная пчела», бесспорно, занимает первое место между всеми русскими газетами. <...> Исправность редакции ее не оставляет ничего желать. Язык чистый, точный, переводы иностранных статей вразумительные, известия свежие, не запоздалые, множество мелких объявлений, часто написанных остро и умно, некоторые статьи литературные и ученые, отличающиеся занимательностью, — вот достоинства «Северной пчелы»!

Полевой 1990: 64–65

В результате «Северная пчела» быстро обрела популярность, через несколько лет у нее было несколько тысяч подписчиков.

Греч в газете отвечал за политические новости, читал корректуру номера и при этом правил слог. Л.В. Брандт, который много лет был сотрудником «Северной пчелы», вспоминал, что

официальною и политическою частию газеты и вообще главною ее редакциею заведывал Греч; отдел литературный принадлежал Булгарину. <...> Занятия Н.И. Греча по «Северной пчеле», менее заметные, менее видные публике, всегда были существенны и значительны; систематическое ведение внутренних известий и заграничного отдела, общее распоряжение составом газеты, корректура ее — и следствие того, правильность и чистота изложения, какие только возможны в быстро-срочной работе, — всё это, требующее непрерывного внимания, тяжелого терпения, относится к заслуге главного редактора.

Брандт 1853: 7

В литературном отделе в первый год существования газеты можно было найти басни И.А. Крылова, стихи К.Ф. Рылеева, А.С. Пушкина, Н.М. Языкова, Ф.Н. Глинки и др., прозу В.А. Ушакова, Ф.Н. Глинки, О.М. Сомова и самого Булгарина. В дальнейшем поэтические сочинения такого уровня в газете появлялись очень редко, но проза была достаточно богата и разнообразна. Здесь печатались беллетристические произведения О.И. Сенковского, И.Т. Калашникова, П.П. Свиньина, В.А. Ушакова и др., но главное место принадлежало запискам о путешествиях по России и другим странам (особенно следует отметить «Путевые письма» Греча о Германии и Франции, которые он регулярно печатал с 1837 года), а также присланным из различных регионов России описаниям местной жизни. Нередко появлялись ценные научные статьи, этнографические публикации, статьи и материалы по

истории. В газете был также богатый рецензионный отдел, где регулярно помещались отклики на театральные спектакли и книги.

Оригинальные статьи политического характера были очень редки, как, впрочем, и публицистика на исторические темы. Греч обладал умением писать об императорской семье в нужном стиле и тоне, поэтому в случае необходимости в публикации таких материалов создавать их поручали ему, причем печатались они анонимно¹⁰.

Преодолевая сопротивление цензуры, а нередко и влиятельных сановников, редакция «Северной пчелы» в меру своих скромных возможностей способствовала европеизации России и развитию в ней общественного мнения. Элитные культурные группы информацию, да и трактовку происходящих в мире событий черпали из зарубежных газет, но для широких читательских кругов «среднего уровня» (чиновничество, провинциальное дворянство, купечество и т. п.) источником сведений и оценок происходящих событий служила «Северная пчела».

В 1829 году издаваемые Гречем и Булгариным журналы были объединены в один — «Сын отечества и Северный архив» (в 1838 году он был продан А.Ф. Смирдину, но по 1839 год Греч формально числился его редактором).

Несмотря на время от времени возникавшие между Гречем и Булгариным конфликты (особенно в 1840-х годах), вызванные главным образом причинами денежного характера, до 1853 года они поддерживали дружеское общение и вели активную переписку (см.: Греч, Булгарин 2016). Однако с 1853 года отношения между ними резко ухудшились, а в 1855 году они вообще прервали всяческое общение, восстановив его лишь осенью 1856-го, да и то лишь на чисто деловом, официальном уровне¹¹. В 1859 году они продали «Северную пчелу».

Стремясь защититься от возможных обвинений (поскольку он тесно общался с некоторыми декабристами и печатал их в «Сыне Отечества»), после восстания Греч стал всячески демонстрировать свою лояльность. По его призна-

¹⁰ См. некрологи императору Александру Павловичу, императрицам Елизавете Алексеевне и Марии Федоровне, а также сообщения о праздновании совершеннолетия великого князя Александра Николаевича и об открытии Александрійского столпа: Северная пчела. 1825. № 144; 1826. № 57; 1828. № 129; 1834. № 92, 197.

¹¹ Об их взаимоотношениях см. также письмо Булгарина к И.П. Липранди от 23 марта 1855 г. (Русский архив. 1869. № 9. Стб. 1554–1559), воспоминания Греча (см.: Греч 1930: 665–724) и П.С. Усова (см.: Усов 1883).

нию, он уже «на другой день после петербургской вспышки (то есть после 14 декабря 1825 г. — *А.Р.*) написал <...> записку о причинах этого возмущения и между прочим сказал, что тому способствовало удаление многих способных людей, в том числе М.Я. фон Фока» (Греч 1930: 711–712) (с Фоком Греч был знаком с 1812 года, когда тот возглавил Особенную канцелярию Министерства полиции). Записку эту Греч подал военному генерал-губернатору П.В. Кутузову для поднесения царю, но так как вскоре было создано III отделение, то записка поступила туда. Как писал Греч,

таким образом она попала в руки фон Фоку, который узнал из нее мою искреннюю дружбу и уважение к нему, бывшему тогда в немилости и всеми оставленному. Это сблизило нас еще более и доставило мне случай делать, при посредстве фон Фока, много добра и еще более предупреждать зла.

Там же: 712

Записку эту в архивном фонде III отделения в ГАРФ отыскать не удалось, но там есть другая записка Греча на ту же тему, написанная 7 июня 1826 года, после публикации доклада следственной комиссии по делу декабристов и за месяц до издания указа (3 июля) о создании III отделения. В ней Греч писал, что «несчастливая <...> шайка нынешних заговорщиков составляла скопище, неизвестное народу, чуждое ему и ненавистное» и что главные их черты — «невежество и распаленное воображение» (цит. по: ЗДСЛ 1925: 47). Греч предлагал

невежеству противопоставить просвещение, основательное, обширное. Если б заговорщики читали с пользою историю, то видели бы, что средства, избранные ими, сколь преступны, столь же и недостаточны; они видели бы, что при помощи горсти обманутых солдат (обманутых именно потому, что они боялись изменить присяге) нельзя произвести мятежи, против воли и желания целого народа; что начинщики всех мятежей сами становились первою жертвою народной ярости; что за всяким ниспровержением общественного порядка следовало безначалие, а за безначалием — деспотизм ужаснейший <...>.

Цит. по: Там же: 47–48.

Греч утверждал, что «основательное, строгое, сообразное с целию народное воспитание может на будущее время отвратить повторение подобных заблуждений» (цит. по: Там же: 48). Мысль эта оказалась важной и актуальной для Николая I: во время своего правления он уделял обучению и воспитанию большое внимание (тут можно упомянуть и заказанные Пушкину и Булгарину записки о воспитании, и многочисленные созданные по его указанию учеб-

ные заведения, дающие, как правило, прикладное, профессиональное образование, и комплекс мер по контролю за преподаванием истории, философии и литературы).

Что касается «распаленного воображения», то Греч предлагал успокаивать его развлечениями и указывал на необходимость дать выход социальной активности в литературе и театре. По поводу декабристов-литераторов он писал, что «не стихи и статьи виноваты в их заблуждении, а невозможность, при стеснительных мерах цензуры, заниматься литературою невинною, невозможность пользоваться удовольствиями театральных зрелищ» (цит. по: Там же).

Лучшее же средство к ликвидации предпосылок создания тайных союзов Греч видел в укреплении авторитета правительства на основе кодификации законодательства, гласности судопроизводства, контроля над губернаторами, уменьшения налогового бремени и т. д. Особо отметим, что Греч приветствовал «великодушную гласность» в процессе над декабристами (цит. по: Там же: 50)¹². Сформулированное Гречем в этой записке кредо во многом созвучно взглядам Булгарина¹³.

Более подробно свои мысли о необходимости гласности для «направления общественного мнения» Греч изложил в другой записке, поданной властям 31 марта 1826 года, где писал о необходимости противодействовать вредным слухам и толкам, дав возможность издателям частных периодических изданий

судить и писать о предметах общего в публице разговора: правительство должно только смотреть, чтоб автор подобных статей не преступал предписываемых ему границ, но внутри оных надлежит ему позволить действовать свободно и произвольно. Каждая такая статья должна быть подписана сочинителем, чтоб публица видела, что она сочинена не в каком-либо департаменте.

ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1881

Услуги Греча были оценены. После того, как в 1828 году были оправданы два других человека, которые находились под следствием по делу Госнера, Греч в марте 1828 года написал прошение императору, в котором ходатайствовал о приеме на службу в Министерство народного просвещения членом Глав-

¹² О принадлежности этой записки Гречу см.: Порох 1975.

¹³ Подробнее об этом см.: Видок Фиглярин 1998: 47–49, 110–111; Рейтблат 2016: 57–91.

ного правления училищ и присвоении давно положенного ему по выслуге лет чина статского советника. Одновременно и Бенкендорф, который знал Греча по Гвардейскому корпусу (когда Бенкендорф был там начальником штаба, Греч занимал, как уже упоминалось, должность директора полковых училищ), ходатайствовал у министра народного просвещения А.С. Шишкова о приеме Греча на службу (см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 490. Л. 2–4 об.; см. также: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1826. Ед. хр. 118. Л. 3). Шишков доложил об этом императору, но тот дал указание подождать, пока с Греча не будут сняты обвинения. Поэтому Бенкендорф в апреле отправил ходатайство князю А.А. Долгорукову с просьбой ускорить внесение в Комитет министров доклада о «реабилитации» лиц, пострадавших из-за дела Госнера (см.: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1828. Ед. хр. 180. Л. 4).

В результате в июле Греч был оправдан¹⁴ и в ноябре вновь обратился с прошением к царю, прося дать следующий чин и принять на службу во Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которое занималось кодификацией законодательства. Туда его не приняли, но в феврале 1829 года Гречу был наконец присвоен чин статского советника. Тогда он вновь подал просьбу министру народного просвещения, теперь уже К.А. Ливену, сменившему на этом посту Шишкова. Ливен, никак не выражая свое мнение, переадресовал это прошение императору, а товарищ министра народного просвещения Д.Н. Блудов в сопроводительной записке от 31 марта счел своим долгом написать, что Греч «имеет ум, сведения и мог бы, как и министр народного просвещения полагает, быть с пользою употреблен в комитет, коему поручено рассмотрение и приготовление классных книг и других учебных пособий», но при этом присовокупил письмо Н.Н. Новосильцова к А.А. Аракчееву от 28 декабря 1824 года (переданное Блудову начальником Главного штаба в 1828 г. по повелению императора) (см.: Русская старина. 1896. № 6. С. 557). Новосильцов, главный делегат при Правительственном совете Царства Польского, правая рука фактического правителя Польши великого князя Константина Павловича, обвинял в этом письме ряд поляков, живущих в Петербурге, в пропольской, враждебной России деятельности¹⁵. О Булгарине и Грече он сообщал, в частности, что они «принадлежали здесь к весьма вредному обществу, существовавшему долгое время под именем “шубравцев” <...>». В 1827 году письмо это «всплыло»

¹⁴ См. воспоминания самого Греча об этом событии: Греч 1930: 575–591.

¹⁵ Текст письма см. в изд.: Русская старина. 1903. № 11. С. 334–337.

и 14 января было направлено из Главного штаба в III отделение с целью проверки содержащихся в нем сведений. Булгарину там в феврале было поручено подготовить официальный ответ¹⁶. Внешне письмо никаких последствий для Греча и Булгарина не имело, но усилило настороженное отношение к ним, и Греч искомого места не получил.

В 1828 году, с началом Русско-турецкой войны, Николай I в конце апреля отправился на театр боевых действий, а Бенкендорф сопровождал его. III отделение с мая еженедельно посылало им рукописную «Секретную газету» со сведениями о событиях и слухах в Петербурге, состоявшую в значительной своей части из текстов Ф.В. Булгарина, переписанных (а иногда и отредактированных) Фоком (см.: Видок Фиглярин 1998: 272–340). Когда в июле Булгарин уехал из Петербурга в Прибалтику, в «Секретной газете» стали регулярно помещаться «Письма Наблюдателя к другу», написанные Гречем. Мы полагаем, что «Письма...» с высокой степенью уверенности можно атрибутировать Гречу (см.: Рейтблат 2018).

Греч оказывал III отделению и другие услуги. В 1830 году он подготовил проект воззвания к народу по случаю холеры (см.: ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Ед. хр. 1097). В «Северной пчеле» он время от времени печатал статьи, которые передавались ему из III отделения, постоянно консультировался с ним в сложных случаях и нередко получал там поддержку. Как писал он сам в мемуарах, при Николае I «при каком-нибудь доносе, промахе или недоразумении идешь к фон Фоку, или к Дубельту, или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание; тем и кончится» (Греч 1930: 588).

В литературной среде было, по-видимому, известно о тесной связи Греча (как и его друга Булгарина) с III отделением. По крайней мере Пушкин, узнав о смерти директора канцелярии III отделения, иронически писал П.А. Вяземскому 3 сентября 1831 года: «Ф<он> Фок умер, того и гляди поступит на его место Н.И. Греч» (Пушкин 1937–1959/14: 220). (Это не помешало ему, впрочем, в конце того же года обратиться к Гречу с предложением стать редактором в проектируемой им политической газете¹⁷.)

В 1829–1836 годах Греч служил в Министерстве внутренних дел (чиновник особых поручений по хозяйственному департаменту, был в 1829–1830 го-

¹⁶ Опубликован нами в изд.: Русская литература. 1993. № 3. С. 89–91.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Пиксанов 1907: 52–59; Греч, Булгарин 2016: 340–352. Этот проект Пушкина так и не был реализован.

дах первым редактором созданного в 1829 году «Журнала Министерства внутренних дел»; в 1831 году причислен к канцелярии с назначением состоять при министре внутренних дел; с 1836 года — в Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, вначале членом общего присутствия департамента (без жалованья), а потом, по 1843 год, чиновником, состоящим при министре финансов¹⁸.

Рутинная жизнь (подбор материалов для газеты, чтение корректур, преподавание) и бюрократическая атмосфера Петербурга угнетали Греча, и он стремился вырваться оттуда (в 1844 году, обыгрывая слова из пушкинских «Братьев-разбойников», он писал Булгарину: «Мне душно здесь: *в Париж* хочу!» — Греч, Булгарин 2016: 396). Кроме того, свободно владея французским и немецким языками, Греч чувствовал себя за рубежом как дома. Поэтому он часто ездил туда, публикуя в «Северной пчеле» свои путевые письма (потом они выходили отдельными изданиями) о нравах и обычаях, о быте, политической жизни, литературе и театре, о встречах с известными людьми и т. д. (см.: Греч 1837; Греч 1839в; Греч 1843в; Греч 1847). В 1837 году он по поручению министра финансов Е.Ф. Канкринина совершил поездку по Англии, Франции и Германии для изучения технических и ремесленных школ и за успешное выполнение этого поручения получил в 1838 году чин действительного статского советника. В 1841 году он посетил Германию, Италию, Швейцарию, а в 1843-м — Голландию и Бельгию. Несколько раз ездил он за рубеж и позднее. Вполне вероятно, что во время этих поездок он выполнял правительственные поручения, собирая разного рода информацию.

С конца 1830-х годов основной формой сотрудничества Греча с III отделением стала контрпропаганда за рубежом, отпор критическим отзывам иностранцев о русском правительстве и русских порядках. В частности, 30 августа 1840 года он обратился к Бенкендорфу с предложением опровергать в аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung» с указанием своего имени «нелепые лжи и клеветы, вымышленные злодеями России и спокойствия рода человеческого», предварительно посылая статьи на рассмотрение в III отделение (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Ед. хр. 195. Л. 26–28). Предложение было принято. От Бенкендорфа эти статьи поступали к царю, осуществлявшему их редактуру.

¹⁸ Сведения о службе Греча почерпнуты из его формулярных списков 1836 г. и 1843 г. (РГИА. Ф. 18. Оп. 9. Ед. хр. 195; Ф. 560. Оп. 8. Ед. хр. 512).

В 1843 году, после выхода книги маркиза де Кюстина «La Russie en 1839» Греч с санкции III отделения опубликовал на французском и немецком языках брошюру с ее опровержением¹⁹, чем сильно подорвал свою репутацию. Характерно в этом плане следующее высказывание А.И. Тургенева в письме П.А. Вяземскому 5 (17) сентября 1843 г. из Парижа:

На улице встретил Греча. Сперва не вспомнил, кто он, и оттого подал руку. Он успел сказать мне, что собирался из Гейдельберга в Италию, но что детям вздумалось предпочесть Париж, и он привез их сюда. Русские думают, что это не совсем так, а что он здесь по *особым поручениям* для русских же; впрочем, о ком этого не думают!

Цит. по: ОА 1899–1913/4: 268.

В 1844 году в Париже, во время пребывания там Греча, кто-то разнес по разным лицам его визитные карточки с надписью на французском языке «Mr Gretch, premier espion de sa majeste empereur de la Russie» («Г-н Греч, первый шпион его величества императора России») ²⁰.

Но в III отделения были довольны его деятельностью. Глава III отделения князь А.Ф. Орлов писал в 1855 году управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу, что «Северная пчела» «постоянно имела направление самое благонамеренное и все статьи его (Н.И. Греча. — *А.Р.*) составляемы были всегда в видах правительства и с целью общей пользы» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Ед. хр. 446. Ч. VI. Л. 220).

* * *

Наряду с упомянутыми периодическими изданиями Греч был причастен еще к ряду издательских проектов. Он был главным редактором Энциклопедического лексикона А.А. Плюшара (1833–1836 гг.), соредактором журнала «Библиотека для чтения» (1834–1835 гг.), создателем (с генералом Л.И. Зед-

¹⁹ Подробнее об опровержении Гречем книги Кюстина см.: Греч, Дубельт 1878; Греч, Дубельт 1922; Темпест 1989; Лемке 2014: 143–152. См. также дело III отделения «По письму Греча о сочинении маркиза де Кюстина о России» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1843. Ед. хр. 162) и письмо Л.В. Дубельта к Н.И. Гречу от 26 августа 1843 г. (ИРЛИ. Ф. 590. Ед. хр. 75. Л. 4–5).

²⁰ См. об этом также: Бурнашев 1871: 28; Бутурлин 1901: 443; Темпест 1989: 210; Мильчина, Осповат 2000: 443–444; см. также намеки на связи Греча с полицией в изд.: König 1840.

делером) и редактором Военного энциклопедического лексикона (1835–1840 гг.), издателем и (совместно с Н. Полевым и Н. Кукольниковом) редактором «Русского вестника» (1841–1844 гг.).

Помимо этого, Греч проявил себя еще в нескольких сферах. Он выпустил «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822), значительная часть которого состояла из биографических справок о писателях, но тем не менее это была первая история отечественной литературы, к тому же в ней была четко проведена историческая точка зрения, причем развитие литературы увязывалось с развитием общества и развитием образования. Историки отечественного литературоведения считают, что «Опыт...», «несмотря на все недостатки <...>, для своего времени был очень важным явлением <...>» (Архангельский 1916: 226; см. также: Перетц 1924).

Наконец, с 1849 года Греч работал над книгой мемуаров. Хотя несколько мемуарных очерков, написанных ранее, были опубликованы при жизни (см.: Греч 1833а; Греч 1839а; Греч 1839б и др.), но основной корпус его воспоминаний был напечатан лишь после его кончины (см.: Греч 1886; Греч 1930). Они представляют собой ценный источник сведений о русской жизни и литературе первой половины XIX века. По-видимому, толчком к работе над ними стала мемуарная книга Булгарина, который первым в России опубликовал при жизни воспоминания о себе (см.: Булгарин 1846–1849). Любопытно, что, как и Булгарин, описав свои детство и юность, Греч остановился на самом начале литературной и журналистской деятельности (у него было еще несколько очерков, посвященных отдельным эпизодам его деятельности или конкретным персонажам), но, даже несмотря на это, к публикации «Записок о моей жизни» он не приступил.

* * *

Н.И. Греч сыграл важную роль в развитии русского языкознания: грамматики, орфоэпии, орфографии, лексикографии. Кроме того, он преподавал и на протяжении всей жизни составлял учебники, учебные и методические пособия, становившиеся то объектом безудержного восхваления, то поводом для резких рецензий. Причины такого разнообразия оценок объясняются историей преподавания русского языка и историей лингвистических учений в России.

Русский язык как учебный предмет довольно долго не имел устойчивого положения в системе российского образования. Преподавание его началось

только в последней четверти XVIII века. Однако в 1804 году был принят новый Устав народных училищ, в соответствии с которым русский язык исключался из учебных планов средних учебных заведений, а отводимые на него часы перераспределялись в пользу всеобщей грамматики, логики и риторики. Изменилась цель преподавания языка. Если раньше целью было обучение грамотному письму, то теперь преподавание превращалось в анализ общих закономерностей, что означало отказ от нормативистско-стилистического (ломоносовского) подхода.

В гимназиях предмет «отечественный язык» временно сохранился благодаря деятельности С.С. Уварова (решение об этом было принято в 1811 году), но в 1819 году его всё же исключили и из гимназических программ. Наступила «эпоха классического образования», предполагавшего знание латыни, греческого и новых европейских языков. Преподавание русского языка сохранилось только в уездных училищах и пансионах.

Положение стало меняться, когда в 1824 году министром народного просвещения стал А.С. Шишков, возвративший преподавание русского языка. В этой ситуации изданные Гречем в 1827 году «Пространная русская грамматика» и «Практическая русская грамматика» оказались востребованы и вызвали немалый интерес. В связи с публикацией «Практической грамматики» автор был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук.

Грамматика Греча отличалась от существовавших ранее тем, что автор смог придать философской грамматике «практическую направленность, т. е. приспособить к целям и задачам школьного преподавания» (Бранднер 2000: 150). Он ушел от обсуждения общих вопросов, на которых было сфокусировано внимание Л.Г. Якоба (чей учебник с 1804 года был основным в практике преподавания). Греч, применив логико-семантический подход, описал словоизменение и словообразование в русском языке, создал концепцию главных и второстепенных членов предложения, простого и сложного предложения, охарактеризовал функциональное сходство типов придаточных с второстепенными членами простого предложения, логические связи предложений в контексте (см.: Виноградов 1958: 158; Бранднер 2000; Николина 2013). Благодаря Гречу синтаксис стал полноценной частью курса русского языка.

В следующем году Греч выпустил «Начальные правила русской грамматики», выдержавшие множество изданий и с 10-го переименованные в «Краткую русскую грамматику». Популярность учебников Греча была во многом обусловлена его постоянной методической деятельностью: изданные им «про-

странная» и «практическая» грамматики приспособлялись к практике преподавания²¹.

В.В. Виноградов писал:

Сам Греч в «Чтениях о русском языке» хвастался, что сорок тысяч экземпляров его грамматики разошлись по всей России. В этих «Чтениях», между прочим, еще раз было дано и общее, схематическое изложение Гречевой грамматики. Под влиянием грамматики Греча и по ее предписаниям составлялись другие школьные учебники русского языка (напр., В. Половцева).

Виноградов 1958: 139

Граматики Греча просуществовали в системе образования довольно долго: их переиздавали до 1867 года. Отказ от них был обусловлен, во-первых, развитием сравнительно-исторического языкознания, во-вторых, изменениями в восприятии возрастной психологии, и наконец, изменениями литературных вкусов в 1850–1860 годы.

Постоянным объектом критических высказываний языковедов XIX века являлся сам логико-грамматический подход к языку: Греч пытался соединить логические основания с грамматическими характеристиками языковых единиц, исходя из того, что элементы содержания (смысла) должны находить выражение в грамматических показателях. Этот подход казался современникам искусственным. Особенно их задевал тот факт, что для Греча являлась авторитетом «Грамматика Пор-Рояля» и используемый ею «принцип подразумевания» (см.: Галахов 1856). Для того времени подобное отношение к рациональным грамматикам было объяснимо: лишь в 1960-е годы «Грамматика Пор-Рояля» получила достойную оценку в качестве предшественницы теории порождающей грамматики, а также текста, оказавшего серьезное влияние на развитие типологического и логического направлений в языкознании.

Неприятие современников вызывал библиографический список иностранных грамматик во введении к «Пространной грамматике». Гречу даже пришлось доказывать, что он создал самостоятельный труд (см.: Греч 1828). Позднее исследователи отмечали, что Греч был знатоком работ европейских лингвистов и его труды способствовали сохранению связей между русской

²¹ См. подготовленные им издания: Греч 1832а; Греч 1832б; Греч 1840; Греч 1843а; Греч 1843б; Греч 1846; Греч 1851а; Греч 1851б; Греч 1852а; Греч 1852б; Греч 1859б.

и европейской лингвистикой (см.: Грунский 1910/1: 71–75; Виноградов 1958: 136–137; Лукин 2018).

Критиковали также и строго синхронический подход Греча к преподаванию русского языка. В 1831 году вышла «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» А.Х. Востокова, после чего Востокова как представителя сравнительно-исторического языкознания, знатока истории языка стали противопоставлять Гречу как стороннику строго нормативистского подхода. Однако Греч никогда не отрицал достоинств сравнительно-исторического языкознания, просто он не считал возможным вводить историческую грамматику в практику преподавания языка²², о чем говорится в предисловии к «Пространной грамматике».

Школьная и научная грамматика в первой половине XIX века еще не размежевались, поэтому и стиль изложения материала в учебниках еще не сформировался. Но на протяжении почти тридцати лет Греча критиковали за тяжеловесность стиля, излишний академизм, неумение учитывать психологию учащихся. Ф.И. Буслаев писал:

<...> для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматик Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося <...>. Русский с малых лет умеет уж и склонять, и спрягать правильно, не ошибется в согласовании и управления — за исключением весьма немногих частных случаев, которые одни и должны быть замечены в учебнике. Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова.

Буслаев 1844: 6–7

К этим обвинениям добавлялись высказывания о том, что Греч выступает против живой народной речи.

После выхода в 1834 году исправленного переиздания практической грамматики Галахов поставил под сомнение необходимость изучения рус-

²² В этом его антиподом был Ф.И. Буслаев, который предлагал даже ввести в качестве упражнений для гимназистов письменный перевод с церковнославянского на русский и обратно.

ской грамматики во всех подробностях, предлагаемых Гречем, на том основании, что дети и так знают, как пользоваться родным языком, а орфография и пунктуация очень условны (см.: Галахов 1836а; Галахов 1836б). В 1856–1857 годах конфликт между Гречем и его противниками по вопросам преподавания грамматики обострился. Содержание статей Галахова того времени (см.: Галахов 1856; Галахов 1857) созвучно критике Греча на страницах упомянутой книги Ф.И. Буслаева, но аргументы, которые он пытался приводить, показывают, что сам он читал грамматику Греча очень невнимательно. Например, он предлагал Гречу ясно и четко сформулировать правила написания буквы «ѣ», хотя в «Грамматике» эти правила есть; обвинял Греча в невнимании к разговорному языку и диалектам – при том, что именно Греч с 1832 года поддерживал Даля в его работе и, уже будучи стариком, в 1860-е годы продолжал читать корректуру словаря (см.: Клейменова 2002).

Полемика прекратилась после утверждения в Министерстве народного просвещения новых учебных программ, подготовленных Галаховым. Любопытно, что он в 1867 году опубликовал (без подписи) некролог Гречу, в котором признал его заслуги:

Грамматика Греча принадлежит к тому роду руководств для изучения родного языка, которые брали себе в образец филологическую грамматику языков древних, почему все существенные отличия последней перешли и на труд нашего филолога. Он ограничивается только *правилами*, а не излагает *законов языка*. <...>

Достоинства же ее заключаются в лучшей, сравнительно с прежде изданными грамматиками, системе спряжений, в отчетливом изложении словоупотребления, в обильных и весьма полезных замечках касательно правописания и строения речи <...>

Н.И. Греч имел право учить других русскому языку, потому что сам изучил его основательно и владел им как знаток.

Галахов 1867: 243–244

Греча нередко упрекали в чрезмерной детализации и любви к исключениям из правил; так, вызывали насмешки многочисленные таблицы с образцами словоизменения (около 90 образцов для глагола). Однако в наше время отношение к этой дотошности Греча существенно изменилось. Наибольший интерес у современных исследователей вызывают рассуждения Греча о виде русского глагола и способе глагольного действия, его интерпретация разрядов местоимений, описание особенностей склонения числительных, анализ меж-

дометий как части речи, противопоставленной и знаменательным, и служебным частям речи. Именно описанные Гречем «мелочи» интересны сейчас специалистам по истории русской грамматики, орфоэпии, орфографии.

К таким «мелочам», например, относятся описанные Гречем варианты адаптации заимствованных слов. Гречу принадлежит обоснование типов написания иноязычных слов в зависимости от того, из какого языка слово пришло в русский язык (напрямую или через язык-посредник)²³. В конце 1830-х годов Греч вместе с сыном Алексеем издает алфавитные списки слов, в произношении, употреблении и правописании которых возможны колебания (см.: Греч 1839г; Греч 1843г). Эта работа удостоилась высокой оценки специалистов по истории русской орфографии уже в конце XX — начале XXI века: благодаря описаниям колебаний нормы мы получаем достоверную информацию о живых языковых процессах середины XIX века (см.: Булахов 1976—1978/1: 79; Тростенцова 1997: 56—57; Никитин 2017: 63).

В русской методической литературе постоянно звучит тезис о том, что возникновение методики преподавания русского языка нужно датировать 1844 годом, когда вышла в свет книга Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (см.: Лапатухин 1963: 109; Дейкина 1998). На наш взгляд, эта идея несправедлива по отношению ко всем авторам учебников первой трети XIX века. Становление исторического языкознания в России и искания «народного духа» хронологически совпали с кампанией против «чуждого» немецкого педагогического влияния на русскую систему образования. Буслаев не был врагом Греча и не очернял его заслуги как грамматиста. Он выдвинул свою концепцию преподавания русского языка, у которой появилось много сторонников. Фальсификация взглядов Греча вкупе с насмешками демократических журналов над «обруселым немцем» сформировала общее отношение к грамматикам Греча, вышедшим из употребления в связи со сменой учебных программ.

В наше время отношение к грамматическим трудам Н.И. Греча меняется: его называют одним из основателей отечественной ономастологии (см.: Даниленко 2009: 247), представителем функционального и полевого подходов к анализу частей речи (см.: Соколова 2008; Соколова 2009: 14—15).

²³ Размышления Греча об орфографии отразились в вариантах написания заимствований, а также наречий (слитно—раздельно), существительных (прописная и строчная) и окончаний глаголов, в «ЧЖ».

* * *

Выступал Греч и в качестве прозаика, опубликовав помимо нескольких книг путевых записок романы «Поездка в Германию» (СПб., 1831) и «Черная женщина» (СПб., 1834). Воображения, необходимого для создания художественных произведений, ему не хватало. Он признавался: «Всё, что я ни делаю, о чем ни помышляю, сбивается у меня в воспоминание. Самые романы, которые писал я, состоят из сколков, сохраненных памятью и только наружной рамкою соединенных в одно целое» (Греч 1930: 248). Во многом это действительно так. В «Поездке в Германию» родители и дядя главного героя списаны с родителей самого писателя и его дяди А.Я. Фрейгольда, в чем легко убедиться, сравнив их описания с тем, что сообщает Греч о своих близких в «Записках о моей жизни»; а эпизод встречи в Царскосельском саду с императрицей Екатериной II и великими князьями в романе и воспоминаниях переданы почти одними и теми же словами (ср.: Греч 1838в/3: 21–22; Греч 1886: 100²⁴). В мемуарах и переписке Греч сам указывает ряд персонажей и эпизодов этого романа, которые написаны им по воспоминаниям (см.: Греч 1930: 70, 187, 226; см. также: Рейтблат 2016: 342–343). Судя по тексту, и у многих других персонажей романа были прототипы. По крайней мере А.А. Бестужев, которому роман очень понравился, писал знакомому: «В толпе лиц, автором описанных, я встретил и знакомцев <...>» (Бестужев 1991: 194).

«Поездка в Германию» представляет собой роман в письмах о нравах и обычаях петербургских немцев, сочетающий в себе любовную историю и путевые записки. Роман создан на основе автобиографических воспоминаний (у главного героя, чиновника Мстиславцева, как и у Греча, мать — немка; о прототипах его родителей и дяди уже сказано; он тоже совершает в тридцатилетнем возрасте поездку в Германию и причастен к литературе) и впечатлений от путешествия 1817 года. Роман написан довольно хорошим слогом и посвящен не встречавшейся ранее в литературе теме. Речь немцев в книге индивидуализирована, одни говорят по-русски с ошибками, другие вставляют в русскую речь немецкие слова и т. д. (см.: Третьякова 2011: 235–236). Отметим одну интересную формальную новацию Греча. Ряд одних и тех же событий романа описан дважды: с точки зрения героя и героини. Нам в русской литературе известен только еще один такой случай — роман Н.Д. Ахшарумова «Концы в воду» (1872).

²⁴ В изд. 1930 г. этот эпизод исключен.

Критика оценила роман довольно высоко. Анонимный рецензент «Телескопа» отмечал, что книга «написана слогом правильным, чистым, хорошим <...>. Многие места можно прочитать с удовольствием; есть и такие, которые заставляют от души улыбнуться» (Телескоп. 1831. № 1. С. 127; ср.: Северный Меркурий. 1830. № 146. С. 271–272). Белинский счел, что «просто-та происшествия, простота и, вместе с нею, одушевление, игривость рассказа, верность, естественность в картинах, в изображении характеров, прекрасный, образцовый язык – всё это делает “Поездку в Германию” одним из примечательных явлений русской литературы» (Белинский 1953–1959/2: 537).

II

«Необыкновенный успех этого романа опередил нашу критику: ей приходится теперь бежать в толпе за торжественною его колесницею, глотая густую пыль общих похвал, и выступить на поприще, чтоб подтвердить восхищение читателей, а не чтоб предсказать его» (Сенковский 1834а: 17). Так начиналась статья О.И. Сенковского о новом романе Н.И. Греча «Черная женщина». Констатируя «восторг», который возбудил этот роман «в огромном большинстве читающей публики», критик указал его особенные красоты:

Приятный, светлый слог, теплое чувство и утешительное верование, разлитые в целом сочинении, многие прелестные картины, многие прекрасные мысли, выраженные с очаровательною простотою и вместе с тем сильно, повесть ясная и занимательная, по времени умный и меткий сарказм совершенно оправдывают лестное впечатление, производимое этим новым романом, которому, без сомнения, суждено жить долго в нашей литературе.

Там же: 19–20

И роман Греча, и статья о нем вышли в свет в 1834 году. Именно в этом году в русской жизни явилась наконец беллетристика (от *фр.* belles-lettres – то же, что изящная словесность в прозе). Вместе с «Черной женщиной» публика получила возможность познакомиться с повестью А.С. Пушкина «Пиковая дама» и с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя; но кроме этих шедевров – много чего, менее заметного, но не менее значимого!

За несколько месяцев до романа Греча вышли повести «Чин-Чун, или Авторская слава», «Вся женская жизнь в нескольких часах», «Похождения одной ревижской души» – сочинения, открывшие О.И. Сенковского-беллетриста,

умника, выступившего под «дурашливой» литературной маской Барона Брамбеуса.

В 1834 году увидела свет на шумевшая «светская повесть» В.Ф. Одоевского «Княжна Мими». И несколько исторических романов «в духе Вальтера Скотта» («Мазепа» Ф.В. Булгарина, «Лунатик» А.Ф. Вельтмана). И повесть Марлинского (А.А. Бестужева) о морских приключениях «Мореход Никитин». Тогда же Антоний Погорельский (А.А. Перовский) наконец завершил свой «роман нравов» под названием «Монастырка».

Так что читателю-современнику в этом богатом на литературные открытия 1834 году было что почитать и кроме нового романа Греча. Но продолжем знакомиться со статьей Сенковского:

Роман г. Греча есть явление совсем необыкновенное в нашей словесности: это *не сказка и не повесть; не страничка, вырванная из истории и разведенная выдумками и разговорами на четыре тома; даже не философическая картина частной и семейной жизни*: автор избрал себе цель гораздо величественнее; стремление его несравненно выше и смелее. Это — роман метафизический. Одна сильная и лучезарная идея господствует, подобно огненному облаку, над всем пространством богатого разнообразием и происшествиями рассказа и заключается в том, что в вещественном мире очевидно преобладает духовное начало.

Сенковский 1834а: 20–21
курсив наш. — В.К.

В этой характеристике нового романа Греча «от противного» перечислены четыре основных жанра, сразу же распространившиеся в художественной прозе:

1. «Сказка», то есть прозаическое повествование, основанное на фантастическом сюжете, воплотившее какие-то значимые идеи (напр., «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, «Русские сказки» В.И. Даля, «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» О.И. Сенковского).
2. «Повесть», то есть пересказ «анекдота, или отдельного частного случая», который «относится только к одному лицу и не доказывает ничего общего в порядке дел человеческих»: произведения А.А. Марлинского, М.П. Погодина, Н.Ф. Павлова, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.».
3. «Страничка, вырванная из истории и разведенная выдумками и разговорами на четыре тома», то есть исторический («вальтер-скоттовский») роман в тех модификациях, в которых он представлен в образцах

М.Н. Загоскина, Ф.В. Булгарина, И.И. Лажечникова и ряда других авторов.

4. «Философическая картина частной и семейной жизни» — жанровое образование, близкое к тому, что Пушкин называл «романом на старьй лад»: «Семейство Холмских» Д.Н. Бегичева, «Княжна Мими» В.Ф. Одоевского, «Монастырка» А. Погорельского и т. д.

Границы того «романа метафизического», в котором «одна сильная и лучезарная идея господствует», так и остаются непроясненными. Сенковский-критик указывает, что этот «роман совсем особенного рода, сочинение по существу своему *выше* романа» (Там же: 47; курсив наш. — В.К.). Но конкретные черты этого «сочинения» все-таки остаются туманны:

Предписав себе стремление метафизическое, решаясь защищать событиями истину, выходящую из круга гражданского и политического быта, он должен был основать повесть на частном случае и обставить ее другими происшествиями, имеющими вид личной действительности.

Там же

Итак, следуя рассуждениям Сенковского, в этом «метафизическом» романе Н.И. Греча фактически соединились *все четыре* противопоставленные ему жанра. Это *сказка*, ибо в основе сюжета — «повторительное видение кем-то черного призрака» (Там же), сопряженное с фантастикой. Это *повесть*, представляющая «один из тех случаев, которые называются истинными» (Там же). Это *исторический роман*, ибо его герои живут в интереснейшее время конца 18-го — начала 19-го столетия, а рядом с выдуманными персонажами выведены Суворов, Багратион, Наполеон. Это, наконец, «картина частной и семейной жизни», доказывающая «несомненную метафизическую истину преобладания в мире духовного начала» (Там же: 20, 43).

Сам же этот роман, ориентированный на достижения литературных «новинок», как будто соединил в себе элементы популярных жанров: исторический роман, «светскую повесть», «очерк нравов». Нравственно-сатирическая линия сопрягалась с историей, а элементы «чудесного» были призваны свидетельствовать о загадках человеческого существа и подкреплять философию непостижимого. Наконец, всё это оказалось объединено многочисленными примерами предчувствий, предсказаний, «предзнания» будущего. Именно эта эзотерическая составляющая — то есть особый, имеющий тайное

содержание способ восприятия реальности — и оказалась в центре причудливой романной конструкции.

В основе сюжета «Черной женщины» — жизнь и судьба князя Алексея Федоровича Кемского, образованного, тонко чувствующего человека, исполненного благородных и высоких помыслов и становящегося образцом добросердечия, непосредственности в отношении к людям, внутренней сосредоточенности. Кемский — сирота, о котором некому позаботиться, но на долю которого выпадают невероятные страдания и приключения. Он очень чувствителен: эмоциональные потрясения способны вызвать у него видения, обмороки и даже продолжительную болезнь. На всю его жизнь наложили глубокий отпечаток впечатления раннего детства.

По указанию Греча, главное содержание его романа основано на «невывышенном рассказе» о жизни человека, который «в младенчестве своем был испуган одним страшным явлением во время московской чумы» 1770—1772 годов. Описание этого события дается в стилистике «страшного рассказа», который ведется от имени главного героя, маленького мальчика:

«И что я увидел на улице! У ворот дома, насупротив нашего, стояла большая фура, нагроможденная мертвыми телами. Люди страшного вида, в раздранной одежде, толпились вокруг повозки, освещенные факелами. Растворилось окно во втором ярусе, и оттуда выбросили мертвое тело, закутанное в простыни <...>. В это самое время вновь отворилось окно, и в нем показалась молодая женщина в черном платье, с распущенными по плечам черными волосами, покрытая смертнью бледностью. И теперь вижу эти черты, в которых изображались тоска и отчаяние. Она глядела вниз на повозку, на лежавшее сверх других тело. Повозка двинулась, и в это самое мгновение женщина с диким, пронзительным воплем, который поныне раздается в моем слухе, кинулась из окна...»

С. 37 наст. изд.

Событие это потрясло мальчика — и с тех пор образ *Черной женщины* является князю Кемскому во сне и наяву. Явление это стало «неразлучным спутником» героя, «предвещало ему счастье и беду, радость и печаль, успех в деле и неудачу и исчезло только с того времени, как повторилось пред глазами мечтателя в действительности» (с. 10 наст. изд.).

«Как обильны, разнообразны и занимательны описания страданий и недугов человека и как проста, суха, незанимательна история его счастья!» (с. 123 наст. изд.) — восклицает автор. Его герой, добродетельный князь Кемский, не очень разбирается в жизни и не может даже вообразить, как далеко мо-

гут зайти козни окружающих его людей. Но всякий раз, когда несчастье, горькое разочарование или обман ожидают его, — вдруг является ему *Черная женщина*, как видение, предвещающее мрачное событие или предостерегающее героя от рокового поступка.

Цепь загадочных и невероятных злоключений инициирована злой волей сводной сестры Кемского Алевтины Михайловны, желающей сжить брата со свету и стать наследницей княжеского имения. Являясь полной противоположностью князю, алчная, завистливая, необразованная Алевтина скрывает свои намерения, плетет бесконечные интриги, которые составляют основу авантюрно-приключенческого сюжета: то пытается женить брата на недостойной женщине (и доводит его до смертельной болезни), то прилагает все усилия, чтобы тот не поправился, то распускает сплетни о его смерти, то, вместе с детьми, пытается объявить князя сумасшедшим.

Напряженная, замысловатая интрига создает мелодраматические повороты сюжета: внезапная разлука Кемского с молодой женой Наташей, ее мнимая смерть, появление ребенка, о котором он ничего не знает, и т. д. Роман «Черная женщина» явно ориентирован на вкусы неподготовленного читателя и представляет собой образец «формульной» беллетристики. Вот герой романа, оказавшись «в одном жидовском местечке, в Белоруссии» (с. 85 наст. изд.), обращается к старой гадалке-ворожее:

— Бабушка! Погадай мне, где ожидает меня счастье!

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять левую руку, вскрыла пиковую семерку и тихим голосом сказала:

— В гробу!

С. 86 наст. изд.

На этом жутком пророчестве повествование обрывается. Но предсказание ворожее сбывается позже, и самым неожиданным образом. Из-за плохого лечения в доме сестры князь впадает в летаргический сон. Ночью, накануне собственных похорон, Кемский приходит в себя и видит, что лежит *в гробу*. Оставаясь неподвижным, он слышит прощальные слова Наташи, из которых узнаёт, что она его любит, — и это способствует излечению героя: «Он узнал ту, которая могла составить его счастье в жизни» (с. 119 наст. изд.).

Греч-романист охотно использует типовые повествовательные мотивы европейской литературы: сиротство, тайное родство, узнавание по портрету и т. п. Его герой, Кемский, в начале романа — сирота; однако к концу про-

изведения он находит и потерянного в раннем детстве брата (художник Бериллов), и дочь, о существовании которой не знал, и, наконец, умершую (а на самом деле выжившую) жену. Это обретение семьи представляется автору знаком того, что «духовное, божественное начало преобладает в мире». На последней странице романа — призыв:

Души людей живут пищею небесною, невидимыми узами совокуплены с вечным источником жизни; здесь кажутся они в отдельных телах особыми, разными существами, но незримые нити от родных, близких душ сходятся там, в таинственном вертограде, ветвями и древами. Ищите здесь родных своих, ищите и подле себя, ищите и отдаленных горами, морями, океанами; любите их здесь любовью неземною — там Вы с ними увидите вблизи; там по пробуждении скажете: «Какой мне снился страшный, тягостный сон! Слава Богу — это была мечта! Вы здесь, со мною, милые моего сердца! Теперь мы никогда не расстанемся».

С. 356 наст. изд.

Греч резюмирует главную идею своего «метафизического» романа. Это произведение содержит внутреннее несоответствие различных смыслов, что объясняется не только эклектичностью, но и иными художественными зонами. У Греча Петербург — средоточие ценностей религии, государства и культуры. Но этот «пантеон» за своей внешней установкой таит иллюзорность. Она составляет в романе основу для соотношения Петербурга с другими мировыми столицами: на общей религиозной почве эсхатологии топосы сближаются.

<...> эпизод лиссабонского землетрясения (II часть) присоединяется к парадигме бедствий, в которую включается и революция в Париже (I часть) как вариант социально-исторической деструкции. Эту переключку столиц: Петербург — Париж — Лиссабон автор проецирует на общепризнанный сюжет метафизического характера, связанный с предопределением и испытанием души человека, с необходимостью для нее религиозной опоры (архетип Иова в сюжете романа).

Хомук 2018: 234

Роман «Черная женщина» — о том, как его герой освободился от тягостного «сна» жизненного одиночества. Сам Греч подчеркивал, что в произведении использованы многие личные впечатления. Его прабабушка Тереза Ивановна Шне «нередко предчувствовала и предвидела, что случится» (Греч 1930: 58). Тетка писателя, Христина Михайловна, имела те же черты, что Алевтина Михайловна: обладала несносным нравом и любила «только вторую дочь,

НИКОЛАЙ ГРЕЧ
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 1
Николай Греч
Худ. Т. Райт
1838 г.

НИКОЛАЙ ГРЕЧ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 2
Мария Ивановна Мюссар,
мать первой жены Н.И. Греча
Худ. Д.Г. Левицкий
1782 г.

Ил. 3
Павел Иванович Греч,
младший брат Н.И. Греча
Худ. В.Ф. Тимм
1851 г.

Ил. 4
Фаддей Булгарин
Худ. И. Фридерикс
1828 г.

Ил. 5
Осип Сенковский
Худ. А.П. Брюллов
1830-е годы

НИКОЛАЙ ГРЕЧ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 6

Рисунок с обложки альманаха «Новоселье» (ч. 1)

Худ. К.П. Брюллов

1833 г.

Стоит с бокалом в руке – Н.И. Греч.

Справа от стола – А.Ф. Смирдин.

За столом слева (*слева направо*):

Ф.В. Булгарин, А.А. Шаховской, П.А. Вяземский.

За столом справа (*слева направо*):

А.С. Пушкин, Д.И. Хвостов, И.А. Крылов.

НИКОЛАЙ ГРЕЧ
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 7
Греч и Булгарин
Худ. П.А. Каратыгин
1849 г.

Ил. 10
Сенковский, Греч и Булгарин
у книжной лавки Смирдина
Худ. Н.А. Степанов
1840-е годы

НИКОЛАЙ ГРЕЧ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 8
Грехопадение первого
человека в литературе
Худ. не установлен
Ок. 1837–1838 гг.

В образах Адама и Евы запечатлены Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч; в образе змея-искусителя – О.И. Сенковский.

Ил. 9
Булгарин и Греч
Худ. не установлен
1834 г.

Подпись: Куда идут Булгарин, Греч, | О чем ведут тихонько речь? | Разносят Пушкина! К Марлинскому хвалу | Несут... в «Пчелу»...

НИКОЛАЙ ГРЕЧ
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Ил. 11
Греч в своем кабинете
Худ. В.Ф. Тимм
1840-е годы

ПАМЯТЬ

Ил. 12
Серебряная
вызолоченная ваза
работы П.И. Сазикова,
поднесенная
Н.И. Гречу в день
празднования его
пятидесятилетней
литературной
деятельности,
27 декабря 1854 года
Худ. не установлен
1855 г.

Ваза украшена четырьмя
медальонами с надписями:
«Николаю Ивановичу Гречу»,
«1804–1854», «Сын
Отечества 1812», «Русская
грамматика». На крышке
вазы фигурка русского
парня, читающего книгу.

Ил. 13
Могила Греча
на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге
Современная фотография

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИЗДАНИЙ Н.И. ГРЕЧА

**ЧЕРНАЯ
ЖЕНЩИНА.**

РОМАНЪ

Николая Греча.

Любовь и дружба — вотъ чѣмъ должно
Себя подъ солнцемъ утѣшать!
Искать блаженства намъ не можно,
Но можно — меньше страдать.
А кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнимъ, свято чпимымъ,
Тотъ въ свѣтѣ семь не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!

Карамзинъ.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи П. Греча.

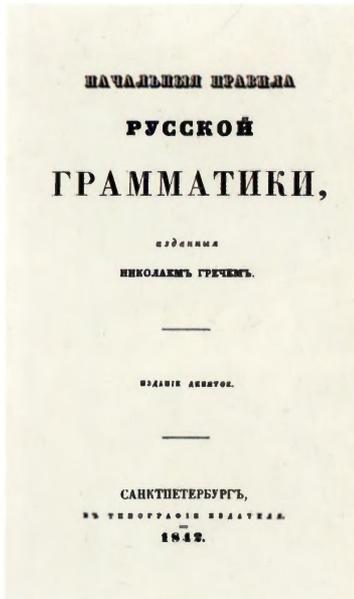
1834.

Ил. 14

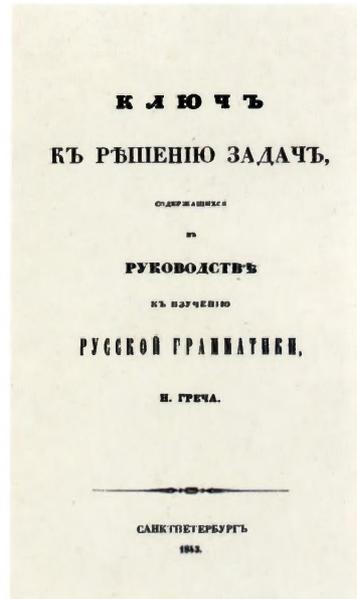
«Черная женщина»
(СПб., 1834)

Первое издание романа

ТИТУЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИЗДАНИЙ Н.И. ГРЕЧА

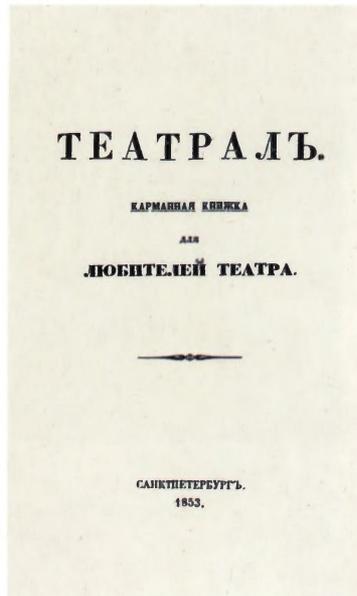
Ил. 15
«Начальные
правила
русской
грамматики»
(СПб., 1842)

Ил. 16
«Ключ
къ решению
задач,
содержащихся
в «Руководстве
къ изучению
русской
грамматики»»
(СПб., 1843)

Ил. 17
«Избранные
места
из русских
сочинений и
переводов...»
(ч. 4)
(изд. 3-е;
СПб., 1843)

Ил. 18
«Театрал.
Карманная
книжка
для
любителей
театра»
(СПб., 1853)

РОМАН
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Ил. 19
Иллюстрация к роману «Черная женщина»
(сцена из гл. VI)
Худ. А.В. Нотбек, гравёр Т. Райт
1838 г.

РОМАН
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Ил. 20
Петр Карлович Клодт
Худ. П.Ф. Соколов
Ок. 1835 г.
Один из прототипов
Андрея Берилова

Ил. 21
Николай Александрович Бестужев
Автопортрет
1825 г.
Возможный прототип
Сергея Ветлина

Ил. 22
Александр Николаевич Голицын
Худ. не установлен
Втор. четв. XIX в.
Возможный прототип
Владимира Вышатины

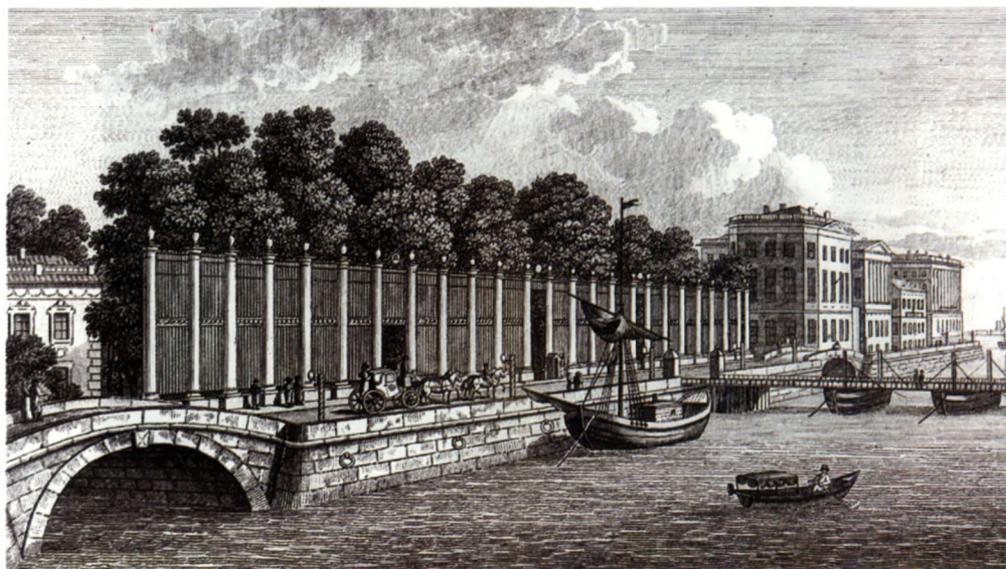

Ил. 23
Тереза Ивановна Шне (Шнее),
прабабушка Н.И. Греча
Худ. К.-Л. Христишек
1777 г.
Рассказанные ею
фамильные предания частично
отражены в романе.

МИР ГЕРОЕВ РОМАНА
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Казанский собор

Летний сад

МИР ГЕРОЕВ РОМАНА
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Императорская Публичная библиотека

Больница для бедных

Ил. 24–27

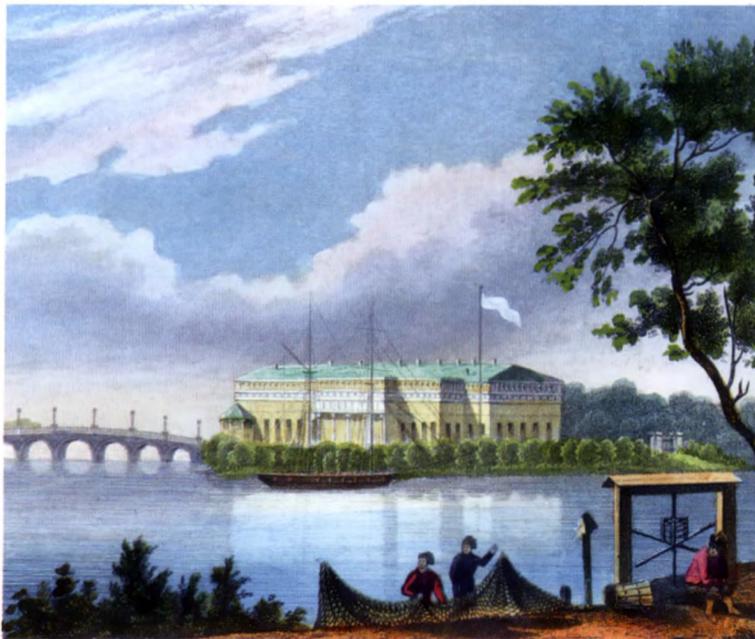
Иллюстрации из альбома
«Достопамятности Петербурга и его окрестностей»
(СПб., 1816–1826)

Худ. П. Свиньин

МИР ГЕРОЕВ РОМАНА
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Ил. 28
Полицейский мост
Худ.
Дж. Дацциано
1830-е годы

Ил. 29
Каменно-
островский
дворец
Худ.
Дж. Дацциано
1830-е годы

МИР ГЕРОЕВ РОМАНА
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Илл. 30

Кадеты Первого кадетского корпуса
третьего, первого и второго возрастов
(форма образца 1762–1796 гг.)

Худ. не установлен

Нач. XIX в.

МИР ГЕРОЕВ РОМАНА
«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»

Ил. 31
Битва при Нови
Худ. А.А. фон Коцебу
Между 1852 и 1855 гг.

Ил. 32
Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г.
Худ. не установлен
Кон. XVIII в.

а старших ненавидела и гнала, вероятно, потому, что они возрастом своим напоминали и о ее летах» (Там же: 60), а к сыну вообще проявляла «непостижимую ненависть» (Там же: 61). Мать писателя, Екатерина Яковлевна, обладала даром чувствовать будущее и «часто имела и вещие сновидения, и необыкновенные предчувствия» (Там же: 72). Насыщенный личными впечатлениями писателя, роман «Черная женщина» сохранил немало живых примет своего времени и ярких исторических типов.

Важным элементом поэтики романа является его заглавие. Словосочетание «Черная женщина» призвано возбудить читательское любопытство: оно содержит загадку и вызывает ассоциации со страшными историями (см.: Вацуро 2002: 451). Черный цвет полисемантичен. В контексте произведения — это цвет ночи, смерти, траура, темноты и пугающей неизвестности (см.: Ильченко, Киселёва 2017: 142). Черный цвет связан с мистическим и инфернальным, а в восприятии русского читателя с ним сопряжена еще одна устойчивая ассоциация — это цвет монашества. Так, оказавшаяся в монастыре возлюбленная князя Кемского Наташа внешне напоминает ему Черную женщину, его ангела-хранителя. Сходство, как водится, оказывается неслучайным. В финале романа читатель наконец узнаёт, что женщина в черной одежде, увиденная князем в детстве, является тетей Наташи: она не умерла, а ушла в монастырь, где через много лет встретилась со своей племянницей.

Роман «Черная женщина» сохраняет связь и с традицией исторического романа. Действие его датировано; так, первая глава помечена: «С.-Петербург, 1796», а последняя (LXI) — «С.-Петербург, октябрь 1817». Начинается действие в последние месяцы правления Екатерины Великой, завершается — на пике царствования Александра Благословенного. Предисловие к роману (оформленное как письмо к В.А. Ушакову) датировано временем написания: «С.-Петербург, 25-го мая 1834». Действие завершилось за 17 лет до создания романа и отражает историю России в периоды правления Павла I и Александра I. Более ранние эпохи присутствуют в тексте как экскурсии в прошлое, например, воспоминания романного «долгожителя» Петра Антоновича Алимари (восприемником которого был сам Петр Великий). Однако исторические акценты Греч расставляет по-своему и очень оригинально (см.: Давыдова 2017).

Так, с особенной тщательностью он подходит к эпохе Павла I. Кончина Екатерины II и вступление на престол Павла Петровича названы «великими

происшествиями в мире существенном»: эпоха Павла открыла «новую эру для службы, особенно военной». И если приятели Кемского «жаловались на строгость и взыскательность новых начальников, на трудность и беспокойство строгого порядка, на неприятную им форму новых мундиров и прически» (с. 82 наст. изд.), то сам герой воспринял нововведения как начало счастливого деятельного пути: основательность службы и «единообразная» воинская одежда, освободившая князя от рабства портных, сапожников и камердинеров, внутренне развили русского патриота.

В конце 18-го столетия Кемский — молодой, полный сил человек, которому приходится служить в эпоху правления Павла I — «век штиблет, кос <...>, век безотчетного самовластия, варварства и произвола» (Греч 1930: 136). Но именно в эту эпоху, во время Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова (1799 г.), герой Греча сумел проявить свои лучшие, героические черты: времена не выбирают... Эпоха Александра I (1801—1825 гг.) в «Черной женщине» изображена фрагментарно. Первые пятнадцать лет правления Александра пропущены полностью: Греч не пишет ни об Отечественной войне 1812 года, ни о заграничных кампаниях, о Наполеоне вообще говорится будто между делом (во фрагменте «Жизнь сироты» и вставной главке «Как легко можно ошибиться»), — всё это время Кемский, как сообщается, служил на Кавказе.

Социально-критические установки мотивированы или просветительской точкой зрения (система мздоимства, коррупция и злоупотребления чиновников), или обобщенной, религиозно-символической. Например, в связи с темой воспитания автор без излишней сентиментальности, мимоходом, но четко, показывает всю униженность, безотрадность и заброшенность девочек в Воспитательном доме или нравы в Морском корпусе, в котором обучается Сергей Ветлин.

Действие третьей книги романа датировано июлем 1816 года. Кемский, уже «человек лет под пятьдесят», на лице которого «начертаны были страдания многих лет», а «глаза светились темным огнем безотрадной старости» (с. 185 наст. изд.), израненный и хромающий на левую ногу, прибывает в Петербург и становится объектом насмешек молодых людей (как потом оказывается, своих племянников). Столица России между тем преобразилась: на месте ветхого Казанского собора возвышается «новый храм с величественным куполом и колоннадою» (с. 186 наст. изд.); Казанский мост, некогда крутой, тесный и грязный, превратился в широкий проезд над Екатерининским

каналом; между Большою и Малою Морскими, где были деревянные заборы, «возвышаются великолепные дома в пять этажей» (с. 187 наст. изд.) и т. д.

В Александровскую эпоху вполне сформировался и чиновничий аппарат. В романе его представляет родственник Кемского, недалекий Иван Егорович фон Драк, муж сводной сестры князя. Филологу Гречу свойственна игра с именами, в своих шутках он часто прибегал к каламбурам, словесной двусмысленности. Повторно выйдя замуж, сестра Кемского принимает немецкую фамилию своего мужа, Драк (связанную с нем. Drachen — «дракон») — и эти метафорические коннотации фамилии распространяются на всё семейство, которое стремится погубить жену, и дочь Кемского, и его самого.

Фон Драк еще в начале своей карьеры нашел внешне ничтожного помощника, писаря по фамилии Тряпицын, «гнусную, красноносую фигурку в засаленном фраке и сером галстухе» (с. 88 наст. изд.). Этот ловкий подьячий с самого начала обнаружил способность ловко проворачивать и нужным образом «переворачивать» сложные дела — и скоро стал незаменимым помощником влиятельного чиновника. При этом он и сам не оставался внакладе:

Из скудного жалованья своего сберег он, при благоразумной экономии, столько, что построил домик на Новых местах и стал приторговывать деревеньку; он бы окончательно купил ее, да мальй чин не позволял ему совершить крепость на свое имя; сверх того, это скорое благоприобретение могло бы возбудить зависть, толки и клевету неблагонамеренных: итак, он решился подождать удобнейшего случая.

С. 92 наст. изд.

На пике Александровской эпохи, в 1816 году, Тряпицын является уже важным чиновником, вершителем судеб многочисленных просителей. И выглядит совсем иначе: «Он прошел важно, пыхтя и кряхтя, в кабинет барона и не отвечал на поклоны и умильные взгляды челобитчиков» (с. 191 наст. изд.). Эти «челобитчики» в очереди жалуются, что Тряпицын «дерет с живого и с мертвого» (с. 190 наст. изд.).

Тип пройдохи-чиновника, подобный персонажу Греча, встречаем во многих произведениях 1830-х годов. Так, чуть раньше появления «Черной женщины»²⁵ Пушкин в неоконченной повести о благородном разбойнике Владимире Дубровском (1832—1833) представил «заседателя Шабашкина», спо-

²⁵ «Черную женщину» Греча Пушкин приобрел в лавке Смирдина 7 июня 1834 года (см.: Пушкин 1999—2005/4: 199; см. также: Оксман 1934: 445).

собного по заказу богатого помещика отнять родовое имение своего соседа «законным порядком»: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение» (Пушкин 1937–1959/8.1: 166). Пушкин привел даже подлинный документ, демонстрирующий «один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право» (Там же: 167).

В «Черной женщине» решения своей участи фон Драком и Тряпицыным ожидают «человек пятьдесят просителей, в том числе и несколько женщин». Они разглядывают картинки на стенах, «заимствованные из басен Езоповых: здесь волк душит овцу <...>; там осел лягает больного льва» (с. 189 наст. изд.). Аудиенция превращается в нечто подобное: люди «дежурят здесь по два раза в неделю», но «добиться толку» не могут. Чиновники распоряжаются делами надменно и прихотливо: отвергают мольбу о помощи оставшейся без крова и «хлеба насущного» матери, избавляются от честного юноши, трудившегося контролером в департаменте пять лет, но ставшего неудобным из-за того, что писал «короткие и дельные отчеты». Когда же очередь доходит до неузнанного Кемского, «государственная машина» первым делом «отсылает» его дело в «соседнюю» инстанцию.

Существо новой эпохи раскрывается Гречем на основе столкновения двух литературных мифов, показательных именно для 1816 года. Вот за обедом в доме петербургского чиновника сообщается новость: «<...> получено известие о кончине бывшего министра юстиции, действительного тайного советника Гаврила Романовича Державина» (с. 198 наст. изд.). Князь Кемский выражает сожаление о «невозвратной потере» и вызывает удивление присутствующих на обеде чиновников тем, что высоко отзывается о стихах покойного: «Кто из нас <...> не знает наизусть его стихотворений?» Оказывается, однако, что стихов Державина не знает никто из присутствующих, а Тряпицын напоминает главное: «<...> он был действительный тайный советник, александровский кавалер. Покойная императрица пожаловала ему несколько сот душ, и уж верно не за стихи» (с. 199 наст. изд.).

С последним утверждением соглашаются, и применительно к Державину принимается «примирительная» формула: «Он соединял в себе свойства двух лиц: и государственного человека, и писателя. Награждали за одно, чтли за то и за другое» (с. 199 наст. изд.). Литературная репутация поэта явно уступает «служебной».

Хозяин дома, крупный чиновник, неожиданно сетует на то, что «господ писателей балуют непомерно»:

«Не знаю, известно ли вам, князь, что одного из них недавно, вопреки указу шестого августа тысяча восемьсот девятого года, произвели без экзамена в статские советники и дали ему Анненскую ленту. Ленту — новопроизведенному статскому советнику, к которому еще накануне того дня надписывали: его высокоблагородию! <...> Да, и еще шестьдесят тысяч рублей чистогану. А что он сделал? Вот наш брат <...> трудится весь век с крайним опасением, а на старости того и смотри что с голоду по миру пойдет».

С. 199–200 наст. изд.

Чиновник, которого царская милость «задела за живое», не помнит даже фамилии писателя-«выскочки»: «Это тот самый, который написал сказку о Бедной Лизе». Князь Кемский сразу угадывает: это «Карамзин, который уже несколько лет занимается сочинением русской истории». Рядом сидящий молодой военный уточняет: этот литератор «написал и представил государю восемь томов» своего исторического труда, за что и был «награжден государем с истинно царскою щедростью!» Чиновнику щедрость императора кажется чрезмерной: «<...> удивительно, как можно было дать такую награду за восемь томов! Да наш годовой отчет будет и толще, и дельнее!» (С. 200 наст. изд.)

В отличие от Державина, Карамзин воспринимается Гречем как активный деятель, противостоящий «красивному семени» чиновников, которые «не одобряют» императора, «перехвалившего» частного человека, сочинителя «сказок», вздумавшего стать историком Российского государства. Подобный культ Карамзина оформился уже после смерти историка, в царствование Николая I: тот был воспринят в роли «мифологизированного учителя» царствующего императора и «почти святого человека», ратующего за государя и Отечество.

Канцелярские «деятели» вроде Тряпицына сплетничают, что Карамзин «испортил русский язык». Суждение Греча, знатока русской грамматики, на этот счет противоположно: Карамзин «первый заговорил чистым русским народным языком, и все сердца русские отозвались на его голос» (с. 200 наст. изд.). Ср. также с рассуждениями Греча в статье «О жизни и сочинениях Карамзина»: «Ум и вкус его проникают повсюду: и в кабинет ученого, и в будуар модной женщины, и в палатку воина, и в палату судейскую» (цит. по: Карамзин 2006: 471–472). Очевидно, что универсальность, способность угодить широкому кругу читателей, вменяемые Карамзину как основные достоинства его прозы («легкой и правильной»), определили интенцию самого Греча при создании «Черной женщины».

Участие героев в «происшествиях эпохи» мотивируется тем, что они бьются за судьбы отечества. Писатель вводит в роман и исторических лиц вроде Суворова или Багратиона, хотя и не очень стремится к сколь-либо «эпическому» изображению событий конца XVIII – первой четверти XIX века. Греч весьма категорически высказывался об исторических произведениях: «История только тогда хороша, когда говорит сущую правду, не стесняясь угождением кому-либо, не имея никакой цели, кроме изложения дел, как они были» (Греч 1909: 446). В данном случае изображенные исторические события по-своему оттеняют фантастический сюжет и обуславливают «пеструю увлекательность» романа, сделавшегося своеобразным бестселлером 1834 года.

Итак, по жанру «Черная женщина» – это исторический, нравственно-бытовой, авантюрный роман. Особую популярность у читателя он приобрел как «роман тайн», сюжетные линии которого связаны с раскрытием многочисленных загадок. Прежде всего – это традиция готического романа. Еще Белинский характеризовал «Черную женщину» как «длинный роман, начиненный разными чудесами на манер Анны Радклифф» (Белинский 1953–1959/8: 54), то есть связал его с традициями сентиментальной готики. Анна Радклифф, писательница конца XVIII века, прославилась романами вроде «Удольфских тайн» («The mysteries of Udolpho»; 1794), где читателя очаровывала атмосфера пугающих ужасов, неожиданных приключений, таинственных встреч, интриг, злодеяний. Мрачные подземелья, средневековые замки, разбойники, заброшенные могилы, призраки и духи и прочие аксессуары призваны были наводить ужас и приучать читателя к поэтике «ужасного» и «таинственного».

В начале XIX века в России был переведен ряд романов Радклифф. Популярность ее была так высока, что под ее именем было издано немало переведенных книг других авторов. Греч, бывший редактором популярного журнала «Сын Отечества», хорошо знал этот пласт готической «псевдорадклиффианы» (термин В.Э. Вацура) и даже иронически высказывался о нем («Издание третье! Это ужаснее всех ночных привидений и черных лесов!» – Сын Отечества. 1816. Ч. 23. С. 151).

На наш взгляд, роман «Черная женщина» не без основания сопоставлялся с романами А. Радклифф. В последних сюжет строился вокруг судьбы добродетельной девушки-сироты из дворянского рода. Героиня вовлечена в сеть таинственных происшествий, на ее долю выпадает множество страданий, она сталкивается с тайнами и загадками, которые, на первый взгляд, не

могут быть объяснены логически, поэтому кажутся следствием вмешательства сверхъестественных сил, но в конце получают рациональное объяснение. В финале торжествует добродетель, героиня обретает любовь, злодеев настигает заслуженное возмездие (см.: Мацапура 2013), и доказывается, что «страшное входит в суть вещей» (Берковский 2002: 132). Нетрудно убедиться, что сюжетная схема «Черной женщины» такая же, только идеальным героем становится не женщина, а мужчина.

Но при этом на Греча влиял не столько английский готический роман, сколько немецкий (Х.-Г. Шпис, К.-А. Вульпиус, Г. Цшюкке, А. Лафонтен и др.): немецким языком Греч владел свободно. Если готический роман обыкновенно давал рациональные объяснения сверхъестественных явлений, то Греч свое повествование подобных объяснений лишил. В его романе усилен интерес к теме чудесного и сверхъестественного, широко используются приемы, направленные на стимулирование читательского интереса: обрыв рассказа на «интересном месте», мотивы пророчества и мнимой смерти, укрытия героини в монастыре (который выполняет функцию убежища — но именно там происходит узнавание героини, раскрытие тайны ее рождения или происхождения).

Пристальное внимание автора к теме чудесного и сверхъестественного, к тому, что Греч назвал «вымыслами и причудами воображения», способствует возникновению эффекта «сладкого ужаса». Для его создания автор вводит в повествование ряд «страшных» новелл и исторических преданий — и даже называет в предисловии источники, подтверждающие их истинность:

Рассказы о видениях, предчувствиях, предвещениях, помещенные в этом романе эпизодами, равномерно не вымышлены мною. Все они основаны на изустных преданиях. Известие об огненном змее, пролетавшем через Петербург в сентябре 1796 года, найдете в книге П.И. Сумарокова о жизни Екатерины Великой. О странном видении шестивия из Адмиралтейства в Зимний дворец рассказывал одному моему приятелю очевидец этого случая, корреспондент Академии наук, господин Шрётер, астроном и метеоролог, умерший в 1810 году в глубокой старости. Рассказ о видении Карла XI заимствован из шведского акта, сообщенного мне П.Г. Бутковым. Анекдот о Густаве III слышал я от И.И. Козлова, которому он сообщен графом Армфельдтом. Вещий сон артиллериста приснился действительно и сбывся в 1821 году, на походе гвардии чрез Витебскую губернию. Предсказание Казотта напечатано в его сочинениях. Мне казалось, что эти и подобные рассказы не могут быть неуместными в романе, где главную роль играют вымыслы и причуды воображения.

Тема предопределения, интерпретированная в духе христианской и мasonicкой символики, возникает в беседах сослуживцев. Показательный пример: «В то самое время, как государыня подъехала к крыльцу его дома, огненный шар, или, как говорят в народе, змей пролетел чрез этот дом, потом чрез Зимний дворец за Неву и упал за крепостью» (с. 49 наст. изд.). Этот «змей, пролетающий за Неву», имеет и семантическую переключку со змеем Апокалипсиса, выходящим из моря (см.: Откр. 13: 1), и «барочную» вариацию, выражающую «низкую», плотскую природу страстей в человеке.

Эти беседы «о видениях, о предчувствиях, о предсказаниях и тому подобном» (с. 46 наст. изд.) ведутся близ Петербурга (село Токсово), в ветхом деревянном доме. Они проходят в соответствующей обстановке: «В камине пылал огонь и колеблющимся блеском освещал бревенчатые, не оклеенные обоями стены, на которых в исполинском размере рисовались тени собеседников, расположившихся вокруг приятного в осеннее время домовитого огня» (с. 44 наст. изд.). Первую скрипку в этих беседах ведет семидесятилетний старик Петр Алимари. Увлеченный сверхъестественным, он называет себя «натуралистом» и этим объясняет свой интерес к явлению «призраков и видений наяву, как во сне» (с. 50 наст. изд.). Все участники беседы (кроме Кемского) скептически воспринимают истории о духах и привидениях: с любопытством их выслушивая, они не спешат в них верить.

Открывая романтиками сфера фантастического, содержащая «порывы человеческого духа» к таинственному и высокому, к постижению непонятных сознанию человека тайных связей с «силами природы», оказывающих влияние на жизнь, мысль и чувства людей, представляла особенный «духовный мир», способствовавший самоутверждению личности. Кемский привык относиться к своим «видениям наяву» именно как к «голосу духовного мира», который внятен только тому, «кто одарен способностью его слышать» (с. 14 наст. изд.): «Мысль ли это, облеченная воображением в видимые формы, затаившееся ли в душе воспоминание бывшего случая, которое в памяти рассудка исчезло <...>» (с. 13 наст. изд.). Подобное восприятие героем жизни, предполагающее в окружающих свойственное ему благородство, чревато разочарованием: Кемский нередко попадает в тяжелые обстоятельства. Но чистота помыслов, вера в добро, сила духа — вкупе с периодическим появлением Черной женщины, предупреждающей героя об опасности, — в конечном счете помогают ему посрамить корыстолюбивых врагов своих.

Руководителем героя в мире сверхъестественного как раз и становится ученый философ Алимари, неожиданно появляющийся в самые трудные минуты жизни Кемского. «Натуралист, испытатель таинств природы», Алимари убежден, что научные изыскания откроют когда-нибудь причины того, «что казалось неизъяснимым чудом», и всё это «покажется нам в виде явления или действия природы, понятного и даже в естестве вещей необходимо» (с. 47 наст. изд.). Алимари — «итальянец по происхождению, католик по исповеданию, <...> славянин по матери и русский по месту рождения» (с. 137 наст. изд.). Но этот «гражданин мира» заявляет об особенной любви именно к России: «Я в России родился, надеюсь и умереть в России: ее слава и благоденствие мне драгоценны» (с. 140 наст. изд.).

Внешний вид старца Алимари вызывает почтение: высокий, с выразительными глазами и улыбкой спокойствия.

Выражения его были чистые русские, но часто сбивались на книжный язык. Произношение его было не иностранное, но и не обыкновенное у нас в разговоре. Выразительное движение уст, пламенное чувство, блиставшее в глазах его, голос гармонический и самая эта необычайность языка придавали речам его неизъяснимую силу и прелесть.

С. 47 наст. изд.

Алимари не похож на тех «демонических» итальянцев, которые являлись в русской словесности 1830-х годов. Персонажи романа с самого начала чувствуют к нему влечение: «<...> сердце его (Кемского. — В.К.) невольно влеклось к незнакомцу, который, с своей стороны, приметив это внимание миловидного, кроткого, умного человека, в речах своих обращался преимущественно к нему» (с. 47 наст. изд.).

Этот старец «одарен способностью» слышать «голос духовного мира» и потому кажется другим героям чародеем, духовидцем, колдуном. Он неожиданно появляется и внезапно исчезает, чувствуя себя как дома «и в Финляндии, и на берегах Адды» (с. 132 наст. изд.). Тема вмешательства таинственного в человеческую жизнь, ставшая одной из ведущих в творчестве русских и немецких романтиков, как и тема искусства и художника, традиционно связывается с Италией (см.: Ильченко 2014). Именно в Италии, например, Алимари встречается с русским офицером Двинским, который рассказывает ему свой сон, ставший потом «вещим». В древнем монастыре в Виченце Двинский увидел в лиловом гробу своего товарища Ладина в окружении

кирасирских офицеров и артиллерийского полковника Ельцова. Собравшиеся называют сон «дичью» и отказываются в него верить. Однако через две недели Алимари становится свидетелем точного воплощения сна. Он оказался в Виченце и в церкви монастыря увидел на возвышении лиловый гроб (не нашли традиционной материи малинового цвета): «Вокруг него русские кирасирские офицеры и один артиллерийский. Я приблизился к покойнику, взглянул — это был Ладин. Ужас объял меня» (с. 147 наст. изд.).

На правах «старца» Алимари представляет окружающий мир как воплощение духовного начала:

«Многие явления и случаи в жизни и в свете, кажущиеся нам теперь непостижимыми и чудесными, сделаются ясны и понятны со временем, но общие законы, по которым мир и всё в нем сущее рождается, живет и переходит, останутся тайною. <...>

Я удостоверился теперь <...>, что смерти нет в природе, что видимые нами предметы, исчезая в вещественном мире, только принимают другой вид, и дух наш, оставляя брненное тело, стремится неведомыми путями к началу, недоступному в здешнем мире».

С. 294—295 наст. изд.

Алимари дважды спасает жизнь Кемскому. Так, когда выздоравливающий после ранения герой услышал о гибели своей жены и дочери, — он не захотел жить. Алимари рассказывает об ужасной трагедии своей жизни — гибели жены и детей во время лиссабонского землетрясения 1755 года. В день гибели его семья родилась будущая королева Франции Мария-Антуанетта, но ей было суждено годы спустя погибнуть на гильотине. В конечном счете, Алимари «благословил невидимую десницу» (с. 183 наст. изд.), его «покарававшую», и уверовал в просветительскую идею «предусмотрительной гармонии», примиряющей представления о существовании Бога и о рациональном устройстве мироздания. Князь соглашается с мнением итальянца, что «должно в безмолвии и уповании на благодать Промысла с покорностью и терпением ожидать того, что нам суждено» (с. 59 наст. изд.), и в результате оказывается вознагражденным: находит брата, дочь и жену и уверяется, что «духовное, божественное начало преобладает в мире».

Окружающие воспринимают Алимари как «художника», поскольку он хорошо понимает и чувствует искусство. Не случайно именно он догадывается, что Бериллов — младший брат Кемского, которого потеряла кормилица, спасая младенца от разъяренной толпы пугачёвцев. Один из основных

мотивов романа — тайна рождения. Итальянец первым обратил внимание на необыкновенное сходство князя и художника Берилова. Доказательством их родства стала и картина, написанная по неясным детским воспоминаниям. Берилов «по какому-то таинственному чутью отгадал характер ландшафта и изобразил его с величайшею точностью, как будто бы снял с натуры» (с. 109 наст. изд.). Перед смертью Берилов говорит, что писал эту картину по «божественному видению» и отчетливо вспоминает эпизод из детства: «Вот они — бегут за нами, злодеи! Нянюшка, спаси меня! Не бросай — ах! Страшно, страшно! Падаю, лечу!» (С. 319 наст. изд.) Интуитивно свою близость с художником чувствовал и Кемский, но именно Алимари указал ему на прямое родство.

Роман завершается событиями 1816–1817 годов, и эта дата не случайна. Тема сверхъестественного в повествовании раскрывается на основе модных «околонаучных» теорий, вроде учения о «животном магнетизме» Франца Антона Месмера и веры в возможность магнетического воздействия на человеческий организм. В 1816 году вошедшие в моду магнетические сеансы вызывали пристальный интерес у публики и противоречивые мнения у врачей и ученых (см.: Богданов 2005). Греч даже поместил в «Сыне Отечества» 1816 года статью «О магнетизме»; в редакторском предисловии к ней он назвал магнетизм «чудесной силой природы», «в существовании которой никто не станет сомневаться» (Ч. 28. № 7. С. 15).

Сенковский в упомянутой выше статье о «Черной женщине» много места посвятил феномену «животного магнетизма». В самом деле: большинство персонажей романа — «духовидцы, обитают среди призраков, имеют вещие сны, предсказывают будущность», а романый мир наполнен «призраками и привидениями». Но всё это — не более как «тень, бросаемая в воздухе нашими мыслями, нашим воображением»: «Кому из нас, в сильном напряжении мысли, особенно при легкой лихорадке и позыве на сон, не случалось вдруг увидеть перед собою образ человеческий, иногда и свой собственный?» (С. 361 наст. изд.) Поневоле, по мнению критика, является вопрос «о пользе животного магнетизма для укрепления в человечестве утешительных истин» (с. 362 наст. изд.).

Далее критик как будто забывает о разбираемом романе и переходит «к теории магнетизма». Для ее представления предпринимается «краткое изображение нервной системы животного тела» (с. 364 наст. изд.) и ее связей «с мозгом, главным ее центром и правителем» (с. 365 наст. изд.). При этом ищутся материалистические объяснения всем эзотерическим эпизодам романа:

В магнетическом сне мы видим только действия животной души, волшебную игру той летучей жидкости, которая кружит в магните, кобальте, некоторых камнях и в наших нервах и которая, будучи взволнована, то образует полюсы, то возгорается и наполняет яркою молниею всю внутренность тела, то наконец отражает в себе ту же внутренность, и даже внешние предметы <...>.

С. 368 наст. изд.

Неумеренные похвалы («явление совсем необыкновенное», «сочинение, изобилующее столь многими и разнородными красотоми» (Сенковский 1834а: 49)) нейтрализовались скептическим отношением к «основной идее» произведения. Познакомившись с теорией животного магнетизма, Белинский иронически заявил, что критик «изложил теорию анатомии, физиологии, электричества и магнетизма человеческого тела <...>, не сказав ничего о романе» (Белинский 1953—1959/2: 38).

Заявление Белинского — явное преувеличение: Сенковский просто дал естественное объяснение основной повествовательной «пружине» рассматриваемого сочинения: «повторительное видение кем-то черного призрака». И в конечном счете пришел к следующей оценке «Черной женщины» — это

особенного рода сочинение, сочинение по существу своему выше романа. Предпоставив себе стремление метафизическое, решаясь защищать событиями истину, выходящую из круга гражданского и политического быта, он должен был основать повесть на частном случае и обставить ее другими происшествиями, имеющими вид личной действительности.

С. 375—376 наст. изд.

В своей «язвительно-ироничной рецензии» на роман Греча Сенковский обнажил столкновение авторской установки с художественным результатом: «метафизический» роман Греча по своей природе по-прежнему тяготел «к устаревшей модели нравоописательного романа», утратившей эффект новизны и воспринимавшейся как художественно второсортная (см.: Акимова 2006: 15). Сам Греч, ознакомившись с этой рецензией, совсем ее не оценил — и даже написал Булгарину:

Тебе не нравится статья «Библиотеки» о «Черной женщине»? Да кому она, кроме Сенковского, может понравиться? Умом умен, а иногда делает и пишет ужасную глупость. Я напрямик сказал ему, что эта статья нехороша, но забракковать не мог, потому что дело шло о моей книге (Греч в то время был редакто-

ром Сенковского в «Библиотеке для чтения». — В.К.). Впрочем, «Черная женщина» публикою принята очень хорошо, сверх моего ожидания.

Греч, Булгарин 2016: 268

Вот запись в дневнике А.В. Никитенко (29 июня 1834 года): «Вышел скучный роман Греча “Черная женщина”. Не удивительно, что Греч написал плохой роман, но удивительно, что Сенковский расхваливает его самым бессовестным образом. <...> Провинциалы этому поверят и в самом деле бросятся покупать эту книгу» (Никитенко 1955–1956/1: 147). Произведение Греча действительно нашло своего читателя; Белинский писал: «[“Черная женщина”] пошла шибко, как выражаются наши книгопродавцы» (Белинский 1953–1959/5: 200).

Когда Пушкин приобрел роман Греча (см. об этом ранее в наст. статье), его «Пиковая дама» была уже опубликована, что позволило современникам сравнить эти произведения. В обоих, отмечал критик «Маяка», авторы пытаются изобразить «связь человека с природой», а пружиной действия избрано «чудесно-естественное, хотя и необъяснимое пока». Пушкин и Греч в своих сочинениях пытаются «верно живописать внутреннюю работу духа в извечной борьбе между добром и злом, на пути к личному совершенствованию» (Бурачок 1840: 193).

«Пиковая дама» считается основой и началом петербургского текста (см.: Сидяков 1985: 168), при том, что собственно петербургские приметы там даны очень скупо. Роман «Черная женщина», максимально насыщенный петербургскими топонимами и по-своему раскрывающий тему Петербурга, долгое время игнорировался исследователями, относившими его к второсортной беллетристике. «А после “Пиковой дамы”, — заявлял критик В.Т. Плаксин, — невольно вспомнишь “Черную женщину”, умную, назидательную, хотя слишком таинственную и слишком говорливую» (ЛФ 1835/1: 30).

Критическое суждение Плаксина позволяет увидеть некоторые особенности восприятия пушкинской повести. Оценка произведений Пушкина и Греча неоднозначна. «Чудную» «Пиковую даму» критик сравнивает с романом Греча, содержащим, с его точки зрения, очевидные недостатки; однако сам переход от одного произведения к другому достаточно знаменателен: «Черную женщину» непременно стоит вспомнить «после “Пиковой дамы”», — сама возможность взаимной проверки влияния произведений друг на друга, предполагаемая этим невольным сопоставлением, вызывает естественный интерес.

Думается, что о характере представлений о «Пиковой даме» широкого читателя свидетельствует оценка «Северной пчель»: увидев в повести недоста-

ток, якобы общий всем повестям Пушкина, — «недостаток идеи», Ф.В. Булгарин в то же время признавал, что «подробности этой повести превосходны», и отмечал «очаровательность изложения», выделявшую «Пиковую даму» на фоне других повестей: «Мы не знаем в русской литературе повести, которая была бы написана так легко, приятно, правильно и отчетливо, как “Пиковая дама”» (Северная пчела. 1834. № 192. 27 авг.).

Совсем не то — романы Греча. Они, как писал Р.В. Иванов-Разумник, были в свое время «занимательным чтением» и, как всякое занимательное чтение, были забыты через несколько лет после своего появления» (Иванов-Разумник 1930: 25). Но показательно, что Пушкин в дневнике отметил именно утилитарное, практическое отношение светских читателей к его литературной фантастике: «Моя “Пиковая дама” в большой моде. — Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старухой Графиней и Кн. Н<атальей> П<етровной> и, кажется, не сердятся...» (Пушкин 1937—1959/12: 324). Подобное же восприятие отметил и П.В. Анненков, основывавшийся на рассказах современников:

«Пиковая дама» произвела при появлении своем в 1834 году всеобщий говор и перечитывалась от пышных чертогов до скромных жилищ с одинаковым наслаждением. Общий успех этого, легкого и фантастического рассказа особенно объясняется тем, что в повести Пушкина есть черты современных нравов, которые обозначены, по его обыкновению, чрезвычайно тонко и ясно.

Анненков 1984: 353

Речь, разумеется, не может идти о влиянии: «Пиковая дама» и «Черная женщина», вышедшие почти одновременно, писались, естественно, независимо. Однако, обратившись к суждению Плаксина, сблизившему оба произведения, можно найти дополнительный материал для реконструкции особенностей восприятия повести Пушкина массовым читателем его времени. Почему именно роман Греча «невольно» вспомнился критику при упоминании «Пиковой дамы»? Ответ на этот вопрос следует искать в некоторых ситуациях, связанных с фантастическим колоритом произведения.

Главный (и идеальный) герой романа, князь Кемский («добрый, но слабый до пошлости человек», по определению Белинского), предстает как духовидец, в жизнь которого вмешивается таинственная черная женщина — и во сне и наяву — в ответственные моменты его жизни, предупреждая опасности, его подстерегающие.

Сидяков 1985: 169

Греч обращается к теме, излюбленной романтиками: его сюжет использовал злободневную в 1820—1840-х годов тему животного магнетизма. Наполняя роман рассуждениями о роли духовидения в жизни человека, о соотношении этого явления с человеческой природой, о достоверности и возможности вмешательства таинственных сил в жизнь человека и т. п., он замечал, что «мало-помалу привык считать это обстоятельство принадлежностью» его природы (с. 38 наст. изд.). Родственники Кемского плетут сеть интриг, и тот, запутавшись, соглашается жениться по чужому указанию; но, признаваясь в своем желании Алевтине, он чувствует какое-то мучительное беспокойство — и вдруг, невольно взглянув на дверь темной залы — видит там Черную женщину...

Словом, внешние совпадения между произведениями Пушкина и Греча возможны, но фантастика в романе Греча принципиально отлична от природы чудесного в «Пиковой даме». Суждение Плаксина, исходившее из логики его бесхитростного восприятия их, позволяет увидеть некоторые стороны восприятия пушкинской повести ее ранними читателями, ограничивавшимися поверхностным слоем произведения. Оно раскрывает роль фантастического начала в пушкинской повести, которая прежде всего бросалась в глаза, привлекая внимание ее первых читателей, меривших повесть привычными мерками.

Е.В. Маркасова

«ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»: ПРОТОТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ

Роман «Черная женщина» был опубликован в 1834 году (см.: Греч 1834); позднее он был включен в оба собрания сочинений Греча (см.: Греч 1838/1; Греч 1855), а затем дважды переиздан в 1990-е годы (см.: Греч 1990; Греч 1997 (только первая часть)).

Как указано самим автором¹, роман был начат 12 августа 1831 года и завершен 25 мая 1834 года. В письме к Ф.В. Булгарину от 31 мая 1834 года Н.И. Греч пишет: «Я кончил наконец свою “Черную женщину”. Надоела, проклятая! Печатание уже идет, и через неделю ты будешь иметь экземпляр» (цит. по: Рейтблат 2016: 117). В первых числах июня тираж был напечатан и поступил в продажу².

После публикации романа Греч переработал текст для издания 1838 года, но при подготовке последнего прижизненного издания (1855) в основном (хотя и не полностью) вернулся к исходной версии.

Для полного описания этапов работы над «Черной женщиной» необходимо было бы иметь белой автограф, текст наборной рукописи и корректуры прижизненных изданий, но эти материалы не сохранились. Фрагмент романа (глава XXXV до слов «десницу, меня покаравшую») был издан в 1833 году в альманахе «Комета Белы» (см.: Греч 1833). Разночтения между текстом 1834 года и этим изданием несущественны.

¹ РНБ. Ф. № 218. Ед. хр. 3. Л. 51–168.

² См. заметку самого Греча о выходе книги (Северная пчела. 1834. № 126. 6 июня) и отклик на роман В.В.В. (В.М. Строева) (Там же. № 127. 7 июня).

Мы можем опираться только на черновой автограф романа, переданный в 1867 году в Императорскую Публичную библиотеку (ныне — РНБ) вдовой писателя Е.М. Греч (см.: ОПБ 1867: 148).

Свои произведения Греч писал на листах большого формата, но по-разному оформлял черновые и чистовые варианты: в черновых обычно мелкий почерк, текст сопровождается многочисленными исправлениями, вклейками, вставками, поля рукописей испещрены записями.

Текст «Черной женщины» неоднороден: в нем есть собственно авторские фрагменты и обширные цитаты объемом до нескольких страниц, — поэтому неоднороден и почерк автора. По всей рукописи прослеживаются три варианта почерка: два из них в основном тексте, третий — во вставках и вклейках. Между черновой рукописью и текстом, опубликованным в 1834 году, вероятно наличие еще одного допечатного источника. Черновая рукопись могла быть сдана переписчику: об этом говорят специальные пометы, указывающие места вставок, а также наличие большого количества переписанных листов. Так, вставная новелла «Видение Карла...» написана очень разборчивым почерком, без исправлений. Подобным образом оформлено и описание корабля «Роголод», на котором служил Сергей Ветлин. Почти нет исправлений в описании сражения при Нови.

Текст полон вклеек, исправлений, зачеркиваний, трудно читаемых слов: автором было внесено более 600 исправлений, однако невозможно сказать что-то определенное о времени их включения в текст. В рукописи многие имена и фамилии последовательно исправлены автором на полях или над строкой. Именно в исправленной версии и был издан роман. Ряд замен (графа Бальмена на генерала Пурпура, Антона Осиповича Гримальди на Петра Антоновича Алимари, графини Козероговой на княгиню Лезгинову, Усольского на Вышатица) может быть объяснен на основе сведений об окружении писателя. Для объяснения другой части замен (Алексея Ивина на Сергея Ветлина, Слепнёва на Тряпицына, Закатаева на Залетаева, Тимошки на Федьку) у нас мало сведений и нет достаточных оснований. В романе есть и персонажи, сохранившие фамилии прототипов: это Силантьев (слуга Кемского) и художник Екимов. «Я должен был почтить память человека, который пекся обо мне в младенчестве моем. Литературный монумент поставил я Афанасью Силантьеву в “Черной женщине”», — писал Греч в «Записках...» (Греч 1930: 187).

Мы предлагаем прочитать этот текст, как Шлиман читал «Илиаду», то есть безусловно доверяя сведениям, которые сообщает автор. Анализ трех

созданных Гречем текстов («Записки о моей жизни», «Поездка по Германии» и «Черная женщина»), а также сопоставление черновика и первого издания приводит к мысли о том, что роман более реалистичен, нежели принято считать.

События романа охватывают приблизительно двадцать лет: с осени 1796-го до 1817 года, но благодаря экскурсам в историю хронологический охват доходит до петровских реформ. В романе приводится немало сведений об исторических событиях, а также о жизни военных и гражданских деятелей; отражены бытовые детали, характеризующие повседневность героев романа, образ жизни дворянства, мелких и крупных чиновников, «золотой молодежи», художников, медиков, военных, ветеранов войн, которые вела Россия в XVIII — начале XIX века, иностранцев, приехавших в Россию до и после Французской революции. Роман является ценным источником информации о застройке Петербурга и его окрестностях.

Почему же в таком случае «энциклопедией русской жизни» назвали «Евгения Онегина», а «Черная женщина», выражаясь фигурально, не заслужила даже статуса «справочника»?

Долгое время в истории литературы доминировала пушкиноцентрическая картина, но Греч не входил в круг друзей Пушкина, не был ни представителем дворянской культуры, ни декабристом; он воспринимался как реакционный журналист. Кроме того, в советский период сказалось и негативное отношение к нему демократической критики (ср., напр.: «Скажи нам, немец обрусельй, | Что для России ты свершил? | Когда и в чем ты, в век свой цельй, | Любовь свою к ней проявил?» — Добролюбов 1934—1941/1: 8).

Не только идейные соображения были причиной невнимания к «Черной женщине». В романе два пласта: исторический и фантастический, но при его интерпретации основное внимание уделялось второму, а первый оставался «непрочитанным».

Преувеличение мистической компоненты текста, волновавшей умы современников, объясняется модными в то время идеями «животного магнетизма». Восприятие романа как «фантастического» восходит к рецензиям Сенковского (см. с. 359—376 наст. изд.) и В.Г. Белинского, который писал, что у Греча «разыгравшаяся фантазия», и объяснял популярность книги так: «Основная мысль целого романа есть оправдание возможности духовидений. Но этой-то мысли роман г. Греча и обязан преимущественно своим успехом» (Белинский 1953—1959/2: 536). В современной критике сохраняется традиция

исследовать этот текст как пример объединения элементов готического романа и романтической повести, а также как отражение влияния западной литературы на русскую (см.: Ильченко 2004; Мацапура 2013; Ильченко 2015; Хомук 2018 и др.). В сочинении Греча сочетаются принципы «авантюрно-дравоописательного романа из “светской” жизни с фантастическим элементом, с чудесными явлениями “черной женщины”» (Степанов 1953: 548). О неправдоподобии героев и их приключений писали Н.Л. Степанов, Ю.А. Беляев, Н.М. Ильченко, Л.В. Мацапура и др.

Однако обратим внимание на то, что в первой трети XIX века литераторов чрезвычайно интересовал феномен исторической «достоверности» (см.: Левкович 1969). «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», — писал А.С. Пушкин в рецензии на роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (Пушкин 1937–1959/11: 92). Греч не мог игнорировать эту общую тенденцию: он умел чувствовать конъюнктуру. Белинский отметил в это же время: Греч — писатель, чьи сочинения отличаются «большой современностью» (Белинский 1953–1959/1: 177).

Писатель глубоко переживал события, связанные с началом его самостоятельной жизни после смерти отца и смерти дяди, пытался писать воспоминания еще в 1821 году, но оставил эту затею (см.: Греч 1930: 37). Тем не менее соответствия между «Записками...» и «Черной женщиной» говорят о постоянстве его желания запечатлеть прошлое. Заметим, что Греч не в первый раз описывал в своем произведении знакомых — это ему свойственно³. Подобную склонность отмечали еще издатели «Записок...»: «Автобиографическое значение романов Греча очень велико и несомненно было бы отмечено в подробной биографии его, если бы Греч заслужил таковую» (Иванов-Разумник, Пинес 1930: 739).

Безусловно, построение образа персонажа — процесс сложный, ни один из них не является полным воспроизведением характера или биографии определенного исторического лица, однако выявленные нами совпадения небесполезны для понимания как реальной основы романа, так и особенностей творческого процесса Греча.

³ Так, например, в письме Булгарину от 31 августа 1832 г. он упоминал, что начальник отделения в Удельном департаменте Г.Е. Евдокимов узнал себя в романе «Поездка в Германию» и теперь «мстит» (см.: Греч, Булгарин 2016: 342–343).

Заслуживает серьезного внимания пара «Пурпур — Бальмен». В черновике Бальмен заменен на Пурпура, однако в издании 1855 года Пурпур был опять заменен на Бальмена. Генерал-поручик А.Я. Пурпур (ум. 1806) служил с 1737 года, а в 1773-м был назначен генерал-директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В 1784 году его сменил граф А.Б. де Бальмен (1741—1790) (см.: Висковатов 1832: 55, 87). Эти варианты выбора имени директора корпуса свидетельствуют о колебаниях Греча в выборе возраста героев. Если Кемский и Хвальинский учились в корпусе при Пурпуре, они могли быть старше, если при Бальмене — моложе. Точкой отсчета является чума в Москве (1770—1771 гг.): Кемскому в это время примерно три года. Следовательно, он родился в 1768 или 1769 году. Если предположить, что друзей привезли к Бальмену, это будет означать, что они прибыли в корпус не раньше 1784 года, то есть в возрасте 14—16 лет. С этим возрастом не сочетаются описание детских слез и страхов и сама практика зачисления в корпус (см. примеч. 5 к гл. I «ЧЖ»). Зачисление в корпус при Пурпуре дает больший простор для вариантов: герои попали в корпус с 1775 по 1784 год.

Замена Гримальди на Алимари, то есть одного иностранца на другого свидетельствует о желании Греча заменить «вымышленного» чужеземца реальным, немало сделавшим для России. Образ Алимари Н.М. Ильченко интерпретирует как образ таинственного незнакомца, итальянца, восходящий к образам Пеллегрини из «Записок» Греча, графа Калиостро и героя романа Г. Цшокке «Аламондей, галерный невольник» (см.: Ильченко 2014). Однако стоит обратить внимание на то, что Алимари подробно пересказывает биографию инженера Доротео Алимари, прибывшего в Россию по приглашению Петра I из Венеции в качестве шлязовых дел мастера и инженера-механика (см.: Лобин 2013). Алимари работал в России с лета 1714 года до самой кончины в Санкт-Петербурге 16 мая 1716 года. Известно, что он преподнес русскому царю экземпляр рукописной книги «Беллона»⁴. В Петербурге остался его сын Антонио, продолжавший служить по инженерной части. Следовательно, Петр Антонович Алимари — внук Доротео⁵.

⁴ Хранится в ОР БАН (Собрание иностранных рукописей. F № 108. Шифр 32.5.25). Описание прочих работ Д. Алимари см.: Лобин 2013: 9—13.

⁵ Поскольку история семьи Алимари имеет подтверждение в делах Сената и архивных документах, трудно согласиться с К.В. Давыдовой, которая видит в истории Алимари в «Черной женщине» лишь переработку «анекдотов о Петре» и использование приема «не-опознания властителя» с последующим узнаванием и «одомашнивающим смешением властителя с рядовыми персонажами» (см.: Давыдова 2017).

По приказу Петра I от 28 мая 1712 года Алимари участвовал в проектировании шлюзов на реках Ижоре, Увери и Вельгии, а также в исследовании возможности соединить реки Молога и Сясь или Молога и Мста. С этой целью была предпринята экспедиция по территории нынешних Новгородской, Вологодской и Ленинградской областей. Вместе с Доротео Алимари и его сыном Антонио Алимари этим проектом занимался флорентийский инженер и механик Антонио Джироламо Вестри (тоже с сыном). Осенью 1716 года (то есть после смерти Алимари-старшего) Вестри представил в Сенат проект и смету строительных работ (см.: Лобин 2013: 29). Антонио Алимари некоторое время, видимо, оставался с Вестри, как велел Петр I, но очень скоро начал работать самостоятельно. Так, известно, что он проектировал парк Екатериненталь в Ревеле (см.: Мурре 2017: 319). Почему сын Алимари не продолжил работать с Вестри — не установлено. Однако именно имя Вестри носит в «Черной женщине» подлый офицер, предавший Кемского. Не исключено, что Гречу были известны какие-то слухи о непростых отношениях между Алимари-младшим и Вестри, и он таким образом показал свое отношение к Вестри-инженеру.

Греч заменяет Гримальди на Алимари, потому что следует общему принципу сохранения за историческими лицами их реальных имен. Кроме того, фамилия Гримальди вызывала бы ненужные ассоциации либо с родом Гримальди — дожей Генуи, либо с Доменико Гримальди (1734—1805), итальянским ученым, философом, экономистом, пострадавшим в результате кризиса, связанного с Французской революцией. Однако соединение этой фамилии с биографией другого человека выглядело бы необъяснимым для читателей, среди которых могли быть люди, знавшие об инженере Алимари.

О Елизавете Дмитриевне Лезгиновой в романе известно довольно много, хотя она и является второстепенным персонажем. Это одинокая женщина, добрая, чадолюбивая, состоятельная. Она разошлась с мужем (он дальний родственник Вышпатина, в черновике — Уольского), «человеком добрым и почтенным», потому что «он дурно говорил по-французски и нюхал зеленый табак» (с. 326 наст. изд.); чтобы не встречаться с ним, решила жить в Эстляндии, в Ревеле. В романе у нее есть племянник, некий барон. Лезгинова приезжает заказывать портрет к художнику Бериллову, который живет в крайней бедности, несмотря на имеющиеся заказы. У воспитанницы Лезгиновой, Надежды, есть учитель Дюмон, который раньше учил детей «одного эстляндского помещика» (с. 263 наст. изд.), а затем уехал в Ревель.

Фамилию Лезгиновой ассоциативно можно связать с известной в Петербурге Екатериной Филипповной Татариновой, урожденной Буксгевден (1783—1856) (см.: Греч 1930: 554). Буксгевдены имели поместье в Эстляндии. Е.Ф. Татаринова была замужем за И.М. Татариновым, капитаном Астраханского гренадерского полка, но они расстались, после чего Татаринова жила у матери в Петербурге, а Татаринов — в рязанском имении. Вскоре после смерти сына она перешла из лютеранства в православие (1817), много занималась благотворительностью, затем ощутила дар пророчествовать и организовала «Братство во Христе» («духовный союз», «союз братства»).

Собрания «Братства...» проходили до 1822 года, их посещали вице-президент Академии художеств А.Ф. Лабзин, а также директор Департамента народного просвещения и секретарь Библейского общества В.М. Попов и министр народного просвещения и духовных дел князь А.М. Голицын. Основой учения сектантов были слова апостола Павла о пророчестве: «Держитесь любви, ревнуйте же духовным, паче же да пророчествуете» (1 Кор. 14: 1). Князь Голицын до 1825 года оказывал покровительство Татариновой. Активными участниками этого союза были ее брат П.Ф. Буксгевден, музыкант кадетского корпуса Никита Фёдоров, а также художник В.Л. Боровиковский, писавший для «Братства...» картины (ему же принадлежит портрет Е.Ф. Татариновой).

Если указанные совпадения не случайны, то они проливают свет на историю художника Андрея Берилова в «Черной женщине». В романе Берилов работает над портретами знатных особ, когда к нему приезжает Лезгинова, желающая заказать свой портрет. Упоминание в романе золотой медали, полученной Бериловым, наводит на мысль о существовании прототипа среди выпускников Академии художеств. Поиск по спискам лиц неизвестного происхождения, зачисленных с 1780 по 1790 год, получивших золотую медаль и имевших серьезные заказы, но рано умерших, приводит к имени Андрея Осиповича Жданова (1775—1811), воспитанника Академии с 1791 года (на иждивении Бецкого). Можно предположить, что сведения о нем были использованы при создании образа Берилова. Известно, что он был привезен в Академию неким дьячком и значился как сын дьячка, окончил Академию в 1794 году художником 1-й степени (см.: ЮСИАХ 1914—1915/2: 69). Жданов привез в Академию письменное послание к президенту И.И. Бецкому, подписанное атаманом Алексеем Иловайским, «непременными судьями» Дмитрием Мартыновым и Амвросием Луковкиным (см.: Бондарева 1995: 128—129).

Жданов обучался по классу исторической живописи и в 1794 году получил 1-ю золотую медаль, участвовал в росписи Эрмитажной церкви, получал заказы от графа Строганова, написал портрет графа И.Е. Ферзена (из рода Буксгевденов). Когда в июне 1797 года Академии были заказаны портреты членов императорской семьи, именно Жданову было поручено написать портрет Николая Павловича (в ту пору еще младенца); однако эскиз не был одобрен, а портрет заказали Боровиковскому, учителю Жданова (см.: Коновалов 2012: 196). В 1797 году император Павел хотел заказать официальные портреты группе живописцев из Академии художеств (в которую входили С.С. Щукин, И.Ф. Воинов, Ф.И. Яненко, Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский и А.О. Жданов). «Эскиз первоначально принят без доработок, но в окончательном выполнении заказа он не участвовал, видимо, из-за болезни, о которой он (Жданов. — *Е.М.*) пишет в уведомлении о собрании в Академии художеств» (Бондарева 1995: 129). Будучи совсем молодым, почти неизвестным, Жданов умер в бедности.

Напомним, что в романе Бериллов жил на Васильевском острове, всю жизнь «стыдился своей безродности» (с. 317 наст. изд.), а о том, что его в Академию привез старичок-священник, сообщает швейцар Академии. Кроме того, у Берилова, как и у Жданова, есть заказ на «большую <...> картину» (с. 228 наст. изд.), которая (как он надеется) должна поправить его положение, чего так и не происходит. При этом Бериллов, как и многие другие персонажи романа, имеет не один прототип. В частности, Греч писал: «Признаюсь в похищении: некоторые черты в характере простодушного художника Берилова (в “Черной женщине”) списал я прямо с моего двоюродного братца (скульптора П.К. Клодта. — *Е.М.*)» (Греч 1844: 996).

В романе Кемский посещает Волочкова и Выпштина, своих старых знакомых, сделавших успешную карьеру. Волочков, в прошлом гвардейский офицер, удивляет Кемского произошедшими с ним переменами. Раньше это был «добрый мальчик»: «<...> представлялся или был в самом деле вольнодумцем и безбожником, но в обхождении с сверстниками и приятелями был учтив, услужлив, снисходителен к слабостям ближнего, и когда имел время от беспрерывных развлечений, то делал и добро <...>» (с. 218 наст. изд.). Теперь же это другой человек: «На устах видно было выражение принужденности и лицемерия» (с. 218 наст. изд.). Волочков смеется над идеалами восемнадцатого века, фальшиво и высокопарно рассуждает: «Грешное мое тело <...> преисполнилось новою силою с тех пор, как прозрела душа моя, с тех пор, как

луч света озарил темную храмину ветхого человека» (с. 219 наст. изд.). Содержание его речей в основном сводится к идеям справедливости наказания и беспристрастия судебных решений. Кемский начинает «сомневаться в целостности его мозга» (с. 219 наст. изд.), но вынужден просить бывшего приятеля о помощи: Волочков имеет должность в суде, где будут выносить решение по делу офицера, служившего под началом Кемского.

Есть основания полагать, что в образе Волочкова запечатлены некоторые факты биографии и черты характера М.А. Магницкого, который начинал карьеру военного, затем оставил это поприще, в молодости был сподвижником М.М. Сперанского. В 1810 году он стал статс-секретарем Департамента законов в Государственном совете, служил в комиссии составления уставов и уложений Военного министерства. Вскоре Магницкий становится крайне религиозным человеком, мистиком, производящим впечатление «чуть ли не помешанного» (Мацеевич 1898: 225–226), начинает бороться с проявлениями «злонамеренности», как он ее понимает (см.: Минаков 2017: 197–199). Греч пишет о Магницком: «К ревнителям Библии, глупым и умным, присоединились злодеи и негодяи и употребили во зло слабости и заблуждения государя. Самый злой, коварный и вредный был из них Михаил Леонтьевич Магницкий» (Греч 1930: 366). «Вздумали водворять религию распространением Библии и сочинений Эккартсгаузена и Юнг-Штиллинга. <...> Вошел в моду Лабзин, Попов, Магницкий, Рунич, Кавелин, и тому подобные ханжи, лицемеры и плуты завладели Голицыным и его министерством» (Там же: 373). Не случайно на столе у Волочкова лежит книга известного мистика Эккартсгаузена — это говорящая деталь.

Косвенным доказательством этой гипотезы является фамилия Волочков: как и фамилия Усольский, она содержит географическую отсылку. М.А. Магницкий получил свою фамилию от деда, автора знаменитой «Арифметики», который в молодости провел некоторое время в качестве тещи при Иосифо-Волоцком (или Иосифо-Волоколамском) монастыре. Фамилией Волочков Греч, с одной стороны, указывает на происхождение героя, с другой же — подчеркивает его ничтожество в сравнении с великим предком.

О Выпшатице в романе известно, что он учился в корпусе, «человек умный, образованный, но светский и слишком налитанный тем, что в то время называлось философиєю» (с. 78 наст. изд.). В Петербурге он занимает высокое положение: к нему обращаются «ваше превосходительство», следовательно, он является тайным советником или действительным статским советником; хо-

дят слухи о том, что он «гордец». Примерно в 1814—1815 годах он был «в размовке с министром», поэтому все полагали, что ему придется уйти в отставку из-за «упрямства», но Вышатиин «покорился воле министра» (с. 224 наст. изд.), после чего они помирились. В романе он знаком с Лезгиновой, поскольку является дальним родственником ее бывшего мужа.

Можно предположить, что прототипом Вышатиина (в черновике — Усольского) был князь А.Н. Голицын (1773—1844), в 1803—1816 годах занимавший пост обер-прокурора, в 1816—1824 годах — министра народного просвещения и духовных дел, а с 1819 года к тому же и пост главноначальствующего над Почтовым департаментом. Фамилия Усольский сделала бы Голицына узнаваемым: Голицыны имели усадьбу Усолье (строительство продолжалось с 1815 по 1818 год) в Пермском крае, где и сейчас есть музей Голицыных. А.Н. Голицын был отдан в Пажеский корпус в Петербурге (хотя сам он был из Москвы). При Голицыне-министре получили распространение экуменистские и мистические тенденции в религии, было создано Библейское общество, имевшее целью перевод и издание Библии на языках Российской империи, в том числе и на русском, что вызвало противодействие церковных иерархов. Александр I был вынужден в 1824 году отправить Голицына в отставку с поста министра, и все считали, что он попал в опалу. Однако Голицын сохранил за собой пост главноначальствующего над Почтовым департаментом, и его продолжали принимать при дворе. Рассказ Вышатиина о том, как «канцелярская сволочь», отвернувшаяся от него в период конфликта с министром, «явилась <...> с поклонами, поздравлениями» (с. 224 наст. изд.), после того как он отобедал у министра и помирился с ним, напоминает историю, произошедшую с Голицыным.

Таким образом, в романе Греча есть не только «готический», мистический пласт, на котором в основном останавливаются его интерпретаторы, но и пласт в значительной степени сатирический, тесно связанный с реальной русской жизнью и с конкретными лицами. Часть их уже указана. Назовем также прототипы, отмеченные самим Гречем и другими исследователями.

О сходстве Алексея Кемского с дядей Греча Александром Яковлевичем Фрейгольдом (1728—1786) говорится в комментарии к «Запискам...» (см.: Иванов-Разумник, Пинес 1930: 739).

В третьей книге романа рассказана история Сергея Ветлина, воспитываемого в семье Алевтины Михайловны и Элимова. Описание биографии этого ребенка в «Черной женщине» также имеет много общего с описанием дет-

ских лет А.Я. Фрейгольда в «Записках...»: «Лишь только подрос Александр, его отдали в Инженерный кадетский (ныне 2-й) корпус. В корпусе был он большим шалуном <...>» (Греч 1930: 60). В образе Ветлина можно найти и черты Н.А. Бестужева, воспитанника Морского корпуса, с которым писатель был хорошо знаком. Кроме фактов биографии Бестужева, упомянутых Гречем (участие в сражении с англичанами, «кронштадтская любовь»), Ветлина роднит с ним и литературный талант, и «пылкость характера». В романе описана гибель корабля «Роговод», и похожий эпизод есть в «Записках...»:

Он (Бестужев. — *Е.М.*) был воспитан в Морском корпусе и уже гардемаринном был в действительном сражении при взятии англичанами 14-го августа 1808 года линейного корабля «Всеволод», бывшего под командою капитана Руднева. Корабль «Всеволод», отрезанный от эскадры, <...> был атакован двумя английскими кораблями: один бил его с носу, другой с боку. Он не сдавался и тогда, когда из тысячи человек экипажа оставалось еще только восемьдесят. Флаг его был не спущен, а сбит неприятельским ядром. Бестужев был на одном из катеров, которые завозили канат.

Греч 1930: 478; ср. с. 256–257 наст. изд.

Сам Греч в «Записках...» указывал на сходство Алевтины Михайловны и своей бабушки, Христины Михайловны Шне (род. 1747), жены «хромого майора» Якова Филипповича Фрейгольда (см.: Ильченко 2004: 7): «Я старался схватить некоторые черты ее характера в лице Алевтины Михайловны [в “Черной женщине”], но, признаюсь, далеко отстал от оригинала» (Греч 1930: 59). Это «отставание от оригинала» и сказывается на своеобразном «распределении» черт Х.М. Шне в романе между двумя героинями: Алевтиной Михайловной и Прасковьей Андреевной, ее матерью.

Княгиня Прасковья Андреевна <...> могла служить живым примером тому, что для проложения себе тропинки в мире не нужно иметь ни блистательного ума, ни отличного воспитания и что эти качества очень хорошо могут быть заменены постоянством в преследовании своей цели, сметливостью, хитростью и лицемерием. Она воспитана была по старине, грамоте знала плохо, ничего в жизни не читала, по-французски говорила только: бон-жур и бон-суар, ан-шанте и дезеспуар, а между тем умела найти себе двух хороших мужей, воспользоваться в свете блистательным именем одного, княжеством и богатством другого.

С. 15–16 наст. изд.

Ср. с описанием из «Записок...»:

<...> [Христина Михайловна] не могла приобрести больших познаний, говорила только по-русски и по-немецки; писала с умом и красноречием, с наблюдением всех форм, но без всякой орфографии. Счастье, что она не умела говорить по-французски, — тогда не было бы конца ее подвигам, а так она спотыкалась, к благу рода человеческого, на первом бонжуре.

Греч 1930: 59

И далее:

Видя очень хорошо, чего недостает ей самой (Прасковье Андреевне. — Е.М.), она старалась заменить эти недостатки воспитанием своей любезной Алевтины, единственной наследницы ее умственных и нравственных качеств. Алевтина получила образование светское: говорила по-французски и по-италиански, как уроженка Орлеана или Флоренции, танцевала как четвертая грация, играла на фортепиане и на арфе, пела как соловей, рисовала без помощи и поправок учителя.

С. 16 наст. изд.

В тексте нашла отражение история, связанная с разделом имущества в семье Фрейгольдов:

В это время произошли в нашем домашнем быту замечательные происшествия, нимало не отрадные. 4-го августа 1804 года скончался, как я уже говорил, дядюшка Александр Яковлевич. <...>

Бабушка моя наследовала всё имение сестры своей Ренкевичевой. Внук третьей сестры, Марии Михайловны Врангель (Иван Карлович Борн), остался в стороне, по нелепости тогдашних постановлений о наследстве; но бабушка объявила, что дает внуку свои десять тысяч рублей в дар. Иван Егорович Фок видел несправедливость этого выдела, но молчал, боясь своей Ксантиппы, а она надеялась, что слабым здоровьем Борн умрет до совершеннолетия от чахотки, как предсказывал в духовной своей отец его. По всем этим уважениям, прилагали о Борне всякое попечение: воспитывали его в Петровской школе, в пансионе Патины, потом определен он был в нашу Юнкерскую школу.

Греч 1886: 192–193

В романе первый муж Алевтины — собирательный образ: в его биографии, в характере и особенностях отношений с окружающими мы видим черты деда Н.И. Греча по материнской линии Якова Филипповича Фрейгольда

(этим объясняется, в частности, хромота Кемского) и Иоанна Эрнеста Греча, отца Н.И. Греча. Так, например, одинаковым образом объясняется продвижение обоих по службе.

От императрицы Елисаветы Петровны скрывали число убитых и раненых на этой войне, и никто из последних не смел перед нею показываться. Под этим условием позволили жить Фрейгольду в Петербурге. Он прятался целую зиму, но весною не мог не погреться на солнышке, пробрался в Летний сад и сел на скамью. Вдруг услышал он: «Идет государыня!» — вскочил, схватился за костыли, хотел бежать — и не мог. Императрица увидела его, ласково подозвала к себе и спросила с участием, кто он, где ранен и т. д. Узнав же, что он адъютант Румянцева, пригласила к обеду и раз навсегда на все придворные собрания. Осчастливленный сын немецкого пастора, получивший в публице название *хромого майора*, воспользовался царскою милостью, за которою последовало и благоволение всех знатных и придворных <...>, сделался светским человеком, стал разъезжать по первым домам <...>.

Греч 1886: 22–23

Образ Наташи создан Гречем на основе воспоминаний о матери, Катерине Яковлевне Фрейгольд. Ее детство прошло в Киеве, она не была любимой дочерью в семье, поэтому была отдана на воспитание Н.А. Бороздиной, уезжавшей из Киева в Петербург (видимо, отсюда и трогательные воспоминания отца Наташи в «Черной женщине» об украинских песнях). История о несостоявшемся сватовстве К.Ф. Левенштерна к К.Я. Фрейгольд (см.: Там же: 34) явно напоминает историю отношений Наташи и Хвальинского в романе. В связи с этим уместно вспомнить и диалог между этими героями с упоминанием древности рода (см. главу VI «Черной женщины»).

В романе воспроизводится и история заключения брака Христины Михайловны в 1791 году с Иваном Егоровичем Фоком (в романе это четвертый муж Алевтины, фон Драк), и интриги после этого против сына (в романе — против Кемского). В частности, совпадает способ влияния на карьеру сына:

<...> опасаясь, что сын ее вскоре сравняется чином с ее мужем, вздумала перевести его в такое место, где он мог благополучно прослужить в одном ранге десять лет. Она отправилась к директору Инженерного корпуса, генералу Петру Ивановичу Мелисину, давнишнему другу и товарищу ее (по игре в трагедиях Сумарокова), упала в обморок в его приемной зале и, очнувшись, умоляла его

вызвать единственного сына ее из армии, ибо она ежедневно опасается его лишиться. Он исполнил ее просьбу, дивясь силе материнской любви, и Фрейгольд был остановлен на своем поприще.

Там же: 78

Наконец, заслуживают упоминания мелкие совпадения: описание знакомства отца с итальянцем Пеллегрини (см.: Греч 1930: 76), гаданий на картах (см.: Там же: 77), видений и предчувствий (см.: Там же: 58, 72), которыми сопровождаются печальные события в семье Гречей — причем в «Записках» «шотландским вторым зрением» Греч наделяет мать и бабушку, упоминая и о своем знакомстве с известной ворожей Елизаветой Петровной (см.: Там же: 71, 77).

* * *

Идея издания романа «Черная женщина» принадлежит Павлу Анатольевичу Клубкову (1949–2011), филологу, преподавателю Санкт-Петербургского университета, человеку исключительной эрудиции и величия души.

Во время работы над примечаниями мне помогали сотрудники Российской национальной библиотеки Н.Г. Пушкарёва, А.Я. Лapidус, А.В. Керзум, Э.Ф. Цветкова, М.В. Сулова, О.В. Миронова, А.А. Андреева, Д.К. Равинский, которым я благодарна за высокий профессионализм и неформальное отношение к своему делу. Бесценными были для меня советы Н.Л. Елисеева, не пожалевшего времени на чтение рукописи и обсуждение примечаний к тексту.

За консультации по истории медицины я признательна Н.И. Маклашиной; за консультации по истории законодательства — А.А. Новикову; за информацию о военной истории — С.В. Полякову, В.О. Никитину, А.Н. Лобину; за помощь в поиске информации об иностранцах в Петербурге — А.В. Келлеру. За ответы на вопросы об истории портретов членов королевской семьи большое спасибо Е.В. Лошаковой. Я признательна биологу В.И. Бескровных за обсуждение проблем, связанных с историей естественных наук. Благодаря технической поддержке инженера-программиста Л.Н. Толстого многие этапы работы над этой книгой были упрощены.

Большое спасибо А.В. Крусанову за то, что он сканировал и присылал нужные мне материалы, которые недоступны в Пекине, где я сейчас работаю. Без его постоянной помощи работа не была бы завершена.

За мудрые советы и дружеское участие я благодарна коллегам-филологам: Т.В. Клубковой, С.И. Николаеву, П.В. Ключину, Л.А. Спиваковой, И.А. Делазари, С.В. Друговойко, Е.Н. Геккиной, М.Ю. Шевченко, Д.В. Облиновой.

Выражаю признательность коллегам из Пекинского университета Ван Синь, Чэнь Си Хун, Чжоу Хайянь, Ван Шуай, Чэнь Сун Яну, которые создали идеальные условия для работы над этой книгой.

Благодарю А.И. Рейтблата за внимательное чтение рукописи, исправление ошибок и недочетов, замечания и советы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Николай Греч

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Текст романа «Черная женщина» (далее также — «ЧЖ») воспроизводится по изд.: Греч 1834, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации; при этом сохранены употребляемые Гречем архаичные грамматические формы.

Далее, в разделе «Редакции», приведены разночтения, имеющиеся в изданиях 1838 и 1855 годов, в том числе касающиеся снятого курсива.

Особое внимание мы (вслед за Гречем) обращали на написания заимствований и имен собственных: вопреки современным правилам, мы сохраняли написания, которые явились результатом выбора автора, о чем говорят и тексты изданий, и правка рукописи.

Исправления собственно стилистические и грамматические в целом нельзя назвать существенными, принципиально меняющими содержание, однако в них отразились взгляды автора на некоторые проблемы орфографии, стилистики и грамматики. По этим исправлениям можно увидеть живые языковые процессы эпохи.

ИСПРАВЛЕНИЯ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Исправления можно разделить на две группы: (1) систематическая замена имен, фамилий, титулов героев романа (см. об этом текстологическую статью, с. 432–443 наст. изд.), (2) детализирующие замены и вставки, в частности:

- дополняющие характеристики персонажей, сообщающие новые мотивы их действиям: <...> принадлежу к числу людей, которых вы изумили своими *мнениями* (Л. 91 л. — познаниями); Ни от кого не слышал я столь-

ко *любопытного* (Л. 91 л. — убедительного); Алевтина, Прасковья Андреевна и Татьяна Петровна встретили его с *горьким* (Л. 83 л. — громким) плачем; *Ребенка окрестили* (Л. 57 л. — Я был, по желанию старика, крестным отцом); *Сам Эммов был его воспителем* (Л. 57 л. — нет); <...> свернув свой рисунок или отворотясь от оригинала *Рафаэлева* (1838, 1855 — Тицианова), он становился прежним простачком <...>.

- сообщающие новые детали либо говорящие о замысле автора: *Главное содержание моего романа основано на этом предании* (Л. 52 об. — нет); Мне казалось, что эти и подобные рассказы не могут быть неуместными в романе, где *главную роль играют* (Л. 52 об. — нет) вымыслы и причуды воображения <...>;
- уточняющие или меняющие фактические данные: Мне было тогда года *три* (Л. 61 л. — полтора) от роду; *В одно утро* (Л. 85 об. — Летом 1799 года) Кемский получил от полкового командира своего записку <...> Отец мой был родом из Венеции, мать *морлячка* (Л. 89 л. — рагузанка) <...>; Одаренный природною сметливостью, сын *порховского* (Л. 78 л. — екатеринбургского) целовальника; <...> *чудесное* (Л. 65 об. — нет) происшествие, которое было бы подтверждено *официальным актом* (1838, 1855 — достоверным письменным свидетельством); *Меня отправили с партией к границе, на Волынь* (Л. 95 об. — Я объявил, что умею верхом ездить, и поступил в гусарский полк); В пять часов утра явился он у *палатки* (Л. 95 об. — ставки) главнокомандующего; *Солдат* (Л. 95 л. — Гусар) взглянул на него, залился слезами <...>; *Тринадцать* (Л. 56 л. — Семнадцать) с половиною в тени.

ЯЗЫК И СТИЛЬ

В центре внимания Греча были, во-первых, порядок слов и употребление местоимений («сей», «оньй», «этот» и др.), о чем говорят и его рассуждения в «Грамматике», и его участие в дискуссии о местоимениях, и последовательность этих изменений в тексте романа. Далее на первое место вынесены именно порядок слов и употребление местоимений «сей», «оньй», а затем следует остальное: орфографические, словообразовательные, морфологические и лексико-семантические замены. Такой порядок изложения отражает логику Н.И. Греча в ходе редактирования текста. Мы не представили ниже абсолютно все варианты, ограничившись некоторыми примерами.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ

Порядок слов был большим вопросом русского синтаксиса второй половины XVIII века: варианты «книжного» словорасположения, связанные с риторической традицией, воспринимались как тяжеловесные, а периодическая организация прозы казалась явным архаизмом (см.: Ковтунова 1969: 107). Для Греча порядок стал объектом серьезных размышлений. Он утверждал, что считать порядок слов в русском языке произвольным — «странное и нелепое правило позднейших грамотеев» (Греч 1840/1: 111). Греч, характеризуя изменения в словорасположении, которые произвел Карамзин и, будучи горячим сторонником его стиля, писал: «Карамзин увидел и доказал на деле, что русскому языку, основанному на собственных своих, а не на древних началах, свойственна конструкция новых языков, простая, прямая, логическая; что выразительность его склонений и спряжений дает ему право располагать слова по требованиям смысла, а не по словоизвитиям Цицерона» (Там же/1: 127).

ПЕРЕНОС МЕСТОИМЕНИЙ
ИЗ ПОСТПОЗИЦИИ В ПРЕПОЗИЦИЮ

Уже при Карамзине формировалась система нейтрального / не нейтрального положения местоимений в зависимости от разряда:

<...> в «изящной прозе» Карамзина постпозиция притяжательных местоимений, до тех пор стилистически нейтральная, приобрела налет поэтической окраски. Позже, в XIX веке, в соответствии с двумя традициями — стилистически нейтральным употреблением притяжательных местоимений в постпозиции в любой прозаической речи и стилистически окрашенным их употреблением в «поэтической» прозе карамзинского толка — некоторое время наблюдалось также двойное их употребление: в одних случаях нейтрализованное, в других случаях — подчеркивающее поэтическую окраску постпозиции. <...> Такую же роль в ритмизации текста играли и личные местоимения, которые легко становились энклитиками.

Ковтунова 1967: 183

Вероятно, поэтому Греч заменяет все не нейтральные варианты нейтральными (1–9). Это не связано с разрядом местоимения, однако сохранены редкие исключения: так, в примере (10) во всех изданиях, кроме первого, порядок слов изменен на «страданий и наслаждений наших».

- (1) <...> но в нем всего для меня приятнее (Л. 72 об. — всего для меня приятнее в нем) нрав его.
- (2) <...> изображение ее в зеркале *меня не покидает* (Л. 63 л. — не покидает меня).
- (3) <...> ударил рукою по большой открытой книге, *перед ним лежавшей* (Л. 67 л. — лежавшей перед ним).
- (4) <...> и хочет *меня благословить* (Л. 90 л. — благословить меня).
- (5) — Нет, нет! Никогда *не покину вас!* (1838, 1855 — вас не покину).
- (6) Напрасно *он уверял* (Л. 68 л. — уверял он) ее, что она ошиблась.
- (7) <...> называла *его деревни и дома* (Л. 54 об. — деревни и дома его) своими.
- (8) Хвальынский <...> последовал за *своим другом* (Л. 55 об. — другом своим).
- (9) Ныне *эти явления* (Л. 64 об. — явления сии) разгаданы <...>.
- (10) <...> *наших страданий и наслаждений* (Л. 57 об. — страданий и наслаждений наших).

ОСОБЕННОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ГЛАГОЛА-СКАЗУЕМОГО

Обычно после сказуемого сначала следует дополнение, потом обстоятельство (так в примерах 11, 12). Глагол-связка в именных сказуемых находится в препозиции (13, 14), а инфинитив предшествует глаголу-связке (15)*.

- (11) смотрел в землю и чертил что-то *тросточкою на песке* (Л. 53 л. — на песке тросточкою).
- (12) Одного учат *музыке весь век* (Л. 53 об. — весь век музыке), а он ничего в ней не слышит <...>.
- (13) Он *был храбрый человек* (Л. 96 л. — храбрый был человек) <...>.
- (14) <...> где *был погребен* (Л. 90 л. — погребен был) ее любезный Антонио.
- (15) Он любит посмеяться, но, право, никого *обижать не станет* (Л. 56 об. — не станет обижать).

* В этом примере благодаря такой замене возникает хиазм.

Систематическая замена местоимения «сей» («сия», «сие», «сии») местоимением «этот» («эта», «это», «эти»)

В черновике Греч использовал исключительно местоимение «сей», причем без дифференциации: оно было возможно и в прямой, и в авторской речи, и в низких, и в высоких контекстах. Однако исправления внесены во все три издания. Замена «сей» в черновой рукописи на «этот» в изданиях составляет основную массу примеров (16–21).

- (16) *Эти* (Л. 54 об. — сии) прелести, *эти* (Л. 54 об. — сии) добродетели, *эти* (Л. 54 об. — сии) души пленили сердца многих <...>.
- (17) Другого чиновника, не менее важного по *этой* (Л. 119 л. — сей) части, князь также знал в молодости.
- (18) Признаюсь, иногда возникал в душе моей ропот на непостижимость судеб человеческих, но он утихал при первом взгляде моем на *этот* (Л. 106 л. — сей) свет <...>.
- (19) При *этих* (Л. 88 л. — сих) словах твердый голос Алимари задрожал <...>.
- (20) Шесть лет протекло в *этом* (Л. 55 л. — сем) браке.
- (21) Верю и не верю — смотря по тому, как вы принимаете *это* (Л. 65 л. — сие) слово.

Есть единичные примеры удаления местоимения «сей» без его замены (22) и единичные случаи замены «этот» на «сей» (23–25).

- (22) Не удивитесь (Л. 82 л. — после сего), что люди умные, образованные, опытные легко попадают в сети, расставленные женщинами ограниченного ума <...>.
- (23) <...> не удивитесь после этого, что *это* (1838, 1855 — сие) искусство доведено в свете до высшей степени совершенства!
- (24) <...> показало ей всю безнадежность *сей* (1838 — этой; 1855 — сей) любви.
- (25) Это напредки-с, — сказал Тряпицын, — а *это* (1838, 1855 — сие) дело пропало <...>.

Последние два примера говорят о том, что местоимение «сей» стало средством создания высокого стиля и средством речевой характеристики чиновничества, хотя изначально в рукописи Греча было нейтральным.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ

Орфографические замены касаются в основном двух случаев:

Во-первых, это написания предлогов и наречий (мало-помалу — мало по малу; в последствие времени — впоследствии времени; пробормотали *с просонья* (1838, 1855 — спросонья); *мало по малу* (1838, 1855 — мало-помалу) разговорились; *на зло* (1838, 1855 — назло) всем ударам судьбы шатался там несколько лет; велите себя перевязать и *потам* (1855 — по тому) можете воротиться; выбрался *по-тихоньку* (1838, 1855 — потихоньку); один их корабль бил нас *с боку* (1838, 1855 — сбоку); был *в праве* (1838, 1855 — вправо), по морскому уставу, спустить флаг; произнес *в полголоса* (1838, 1855 — вполголоса); *в последствии* (1838, 1855 — впоследствии) принуждены были; ты *не в праве* (1838, 1855 — вправо) мешать; он хлопотал *слишком* (1838, 1855 — с лишком) год; *встарину* (1838, 1855 — в старину) жили тише; с нами будет *ни весть* (1838, 1855 — не весть) что; *в следствие* (1838, 1855 — вследствие) которых князь приведен в совершенную нищету и др.

Во-вторых, это передача заимствований, среди которых можно выделить:

- слова с суффиксом *-изм* (магнитизму — магнетизму — магнетизму; католицизм — католицизм; лунатизм — лунатизм; эгоизм — эгоизм);
- слова с удвоенными согласными: панихидою — панихидою (1838, 1855), карре — каре (1838, 1855); в коммоде — комоде (1838, 1855); испортить всем нам каррьеру — карьеру (1838, 1855) и др.;
- иностранные имена и названия: Монтенотте — Монтенотти (1838, 1855); Караваджия — Караважа (1838, 1855); Робеспьера — Робеспьера (1838, 1855); Фукие-Тенвиля — Фукие-Тенвиля (1838, 1855); Вандемьера — Вандемира (1838, 1855); Севинне — Севинье (1838, 1855); Шампюнетта — Шампюнета (1838, 1855) и др.;
- разное: <...> восхищался своею *стратагемою* (1838 — стратегмою, 1855 — стратагемою); <...> как будто бы за нами гнались *корсеры* (1838, 1855 — корсары; бежать за *фрунт* (1838, 1855 — фронт) при громком смехе; с удалением *интриганта* (1838 — интригана, 1855 — интриганта); Вот добродетели *вольтеровского* (1838, 1855 — волтеровского) века; с *портфельем* (Л. 120 об. — портфелем) под мышкою; «Не вы ли *синиор* (Л. 105 об. — синьор) Алимари?»; на *эфес* (1838, 1855 — эфес) шпаги; я послал за *полициймейстером* (1838, 1855 — полицеймейстером); ненавижу французский *бульон* (1838, 1855 — булион) и др.

ПРОЧИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

1. Синонимические замены

В основном замены не обусловлены требованиями стиля. Например: ждать не будут (Л. 53 л. — станут); *опять* нахожу тебя (Л. 53 л. — нахожу тебя по-прежнему) букою; я, *как прежде* (Л. 53 л. — по-прежнему) хожу; *думаю* (Л. 91 л. — полагаю) так; *впал в беспмятство* (Л. 84 об. — забылся); с каким почтением *смотрят* (Л. 86 л. — глядят) на героев; *земля* (Л. 59 об. — грунт) возвышается; принужден был сделаться *зрителем* (Л. 109 л. — свидетелем) и слушателем; прослыл миллионщиком, *алхимистом* (1838, 1855 — алхимиком).

Однако есть случаи исправлений, избавляющих текст от неоправданных повторов (он *ощущал* (Л. 84 об. — чувствовал) возрождение чувств) или плеоназмов (дожить до *сентября месяца* (1838, 1855 — до *сентября*)).

Замены контекстуальных синонимов, на наш взгляд, традиционны: Неясные мечтания, какие-то мрачные тучи носились в его уме и воображении; ему казалось, что голова его не может вытерпеть движений *сердца* (Л. 85 об. — души); голос искреннего чувства есть голос *правды* (Л. 86 л. — истины).

Есть случаи замены церковнославянизмов: из любви к своему долгу заглушить в сердце *глас* (1838, 1855 — голос) природы; он нашел, что большой *страждет* (1838, 1855 — страдает) нервами, алчности к *злату* (1838, 1855 — золоту).

2. Грамматические замены

(а) Формы глагола

- Согласование сказуемого и подлежащего: *сидело* (1838, 1855 — сидели) несколько человек важного и строгого вида в длинных черных мантиях; Графиня Марья Александровна приехать *изволила* (1838, 1855 — изволили);
- прошедшее время заменяется настоящим: имела сведения, какие книги он *читает* (1838, 1855 — читал); В большой избе <...> *сидела* (Л. 75 об. — сидит) в углу, за столом, грязная старуха в ветхом жидовском костюме и *сбирала* (Л. 75 об. — собирает);
- настоящее время заменяется прошедшим: Воображение мое приноравливало к этим видениям все *следовавшие* (Л. 61 об. — следующие) затем случаи жизни;

- несовершенный вид заменяется совершенным: во-первых, он *лишался* (1838, 1855 — лишился) возможности видеть Наташу; Признайтесь (Л. 62 л. — признавайтесь) скорее; Кемский, *увидев* (Л. 73 об. — видя), что его заметили, перестал смотреть;
- совершенный вид заменяется несовершенным: прервался, как им *казалось* (Л. 64 л. — показалось), интересный разговор; Часовые отвечали, что он бредит, что никакого шестивия не было и чтоб он *убрался* (1838, 1855 — убирался) поздорову; какие философии нашей и во сне не *грезились* (Л. 65 л. — пригрезились); И ты не *писал* (Л. 95 об. — написал) ко мне; и др.

(б) Склонение существительных

Исправления последовательны и сводятся к следующим типам:

- отказ от изменения несклоняемых существительных: играя прекрасно на *фортепиане* (1838, 1855 — на фортепиано); Каноник советовал *Антонию* (1838, 1855 — Антонию);
- отказ от склонения фамилий, оканчивающихся на «о»: слуга, впускавший *Павленка* (1838, 1855 — Павленко);
- колебания в роде заимствованных существительных: после *одного продолжительного кадрили* (Л. 137 л. — одной продолжительной кадрили); в *танцевальной зале* (1838, 1855 — в танцевальном зале);
- колебания в окончаниях существительных-топонимов, оканчивающихся на «о»: лежит в *Токсове* (1838, 1855 — в Токсово), между *Пулковыми* (1838, 1855 — Пулковом);
- колебания в окончаниях существительных женского рода, оканчивающихся на «ь»: с *радостью* (1838, 1855 — с радостью) узнала; с *беспечностью* (1838, 1855 — с беспечностью) юных лет, восхищенная радостною *вестью* (1838, 1855 — вестью);
- колебания в окончаниях существительных в родительном падеже: круглой сироте, не имевшей никакой надежды в свете, ни даже *приюта* (Л. 79 л. — приюту); не подавал никакого *знаку* (1838, 1855 — знака);
- колебания в окончаниях форм множественного числа: пройдут *веки* (1838 — века, 1855 — веки).

(ѳ) Замены предлогов

Судя по тексту, для Греча были актуальны такие вопросы:

- конкуренция предлогов «в» / «на»: при определении его *на* (1838, 1855 – в) <...> службу; бывало, иногда *на* (Л. 53 об. – в) походе, в Польше; по восьми раз *на* (1838, 1855 – в) день; курьер был убит или ограблен *на* (1838, 1855 – в) дороге; держа *на* (1838, 1855 – в) руках детей; Что я значу *в* (1838, 1855 – на) свете и др.;
- конкуренция предлогов «в» / «во»: въезда Марии Антонии *в* (Л. 106 л. – во) Францию, лик его тонул *в* (1838, 1855 – во) мраке.

(з) Словообразование

Замена суффикса: во время ее *служения* (Л. 54 об. – службы) в светском легионе; *частенько* (1838, 1855 – частехонько) хватаюсь за сердце; коварство и *мщение* (1838, 1855 – мстительность) своей сестры; наполненных *купальницами* (1838, 1855 – купальщицами); мне *трудновато* (1838, 1855 – трудно) объясняться: *словоохотная* (1838, 1855 – словоохотливая) старушка; плащом *диогеновским* (Л. 96 л. – Диогеновым) и др.

РЕДАКЦИИ

Черновая рукопись, ред. 1838, ред. 1855

- С. 7 Тот в мире сем не даром жил / Тот в свете сем не даром жил (Л. 52 л.)
- С. 9 привольного московского досуга / приятного московского досуга (Л. 52 л.)
- С. 9 не знаю, понравится ли Вам / не знаю, как покажется Вам (Л. 52 л.)
- С. 10 сделалось его постоянным спутником / сделалось ему постоянным спутником (1838, 1855)
- С. 10 с того времени как повторилось / тогда, когда в существенности повторилось (Л. 52 об.)
- С. 10 повторилось пред глазами мечтателя в действительности. Главное содержание моего романа основано на этом предании / повторилось в глазах мечтателя. (Л. 52 об.)
- С. 10 помещенные в этом романе / помещенные все в этом романе (Л. 52 об.)
- С. 10 в романе, где главную роль играют вымыслы и причуды воображения / в романе, где вымыслы и причуды воображения (Л. 52 об.)

- С. 11 В первых числах сентября / В первых числах сентября 1799 года (Л. 53 л.)
- С. 11 тросточкою на песке / на песке тросточкою (Л. 53 л.)
- С. 12 ждать не будут / ждать не станут (Л. 53 л.)
- С. 12 и опять нахожу тебя / и нахожу тебя по-прежнему (Л. 53 л.)
- С. 12 как прозвали тебя в детстве / как в детстве прозвали тебя товарищи (Л. 1 л.)
- С. 12 к графу Бальмену / к генералу Пурпуру (то же — по всему тексту) (1838, 1855)
- С. 12 друг к другу в объятия / друг другу в объятия (Л. 53 л.)
- С. 13 о временах нашего детства / о времени нашего детства (1838, 1855)
- С. 13 что я, как прежде, хожу с тобою / что я, по-прежнему, хожу с тобою (Л. 53 л.)
- С. 13 Вот черная женщина / Вот белая женщина (Л. 53 об.)
- С. 14 отвечал князь, улыбнувшись / отвечал, улыбнувшись, князь (Л. 53 об.)
- С. 14 что такие видения / что сии видения (Л. 53 об.)
- С. 14 иногда на походе / иногда в походе (Л. 53 об.)
- С. 14 учат музыке весь век / учат весь век музыке (Л. 53 об.)
- С. 14 при первом звуке гармонии / при первом звуке мелодии (1838, 1855)
- С. 14 гармонии, родной с его душою / гармонии, близкой и родной с его душою (Л. 53 об.)
- С. 14 мачеху / мачиху (Л. 54 л.)
- С. 15 Подойдет к портрету моего покойника / Подойдет к портрету покойника (Л. 54 л.)
- С. 16 чего недостает ей самой / чего ей самой недостает (Л. 54 л.)
- С. 16 получила образование светское / получила образование самое светское (Л. 54 л.)
- С. 16 во время ее служения / во время ее службы (Л. 54 об.)
- С. 16 собственную систему нравственности / собственную систему нравственности (Л. 54 об.)
- С. 16 люди, ее окружавшие, даже те / люди, ее окружавшие, и даже те (Л. 54 об.)
- С. 17 бессердая / бессердечная (1838, 1855)
- С. 17 К тому должно прибавить / К тому же должно прибавить (1838, 1855)
- С. 17 его деревни и дома / деревни и дома его (Л. 54 об.) / его деревни и дома (1838, 1855)
- С. 17 Эти прелести, эти добродетели, эти души / Сии прелести, сии добродетели, сии души (Л. 54 об.)

- С. 17 нрав крутой, повелительный и переменчивый / нрав крутой, повелительный (1838, 1855)
- С. 17 играл самую посредственную роль / играл роль самую посредственную (1838, 1855)
- С. 17 Это открытие / Сначала это открытие (Л. 55 л.)
- С. 17 но она утешилась мыслию / но она вскоре утешилась мыслию (Л. 55 л.)
- С. 18 Высокопарные фразы Алевтины, возгласы о добродетели и бескорыстии / Великолепные фразы Алевтины, цитаты о добродетели и бескорыстии души (Л. 55 л.)
- С. 18 насмеялся над ее нравоучением / насмеялся над ее моралью (Л. 55 л.)
- С. 18 в этом браке / в сем браке (Л. 55 л.)
- С. 18 Элимов получил приказание / Вдруг Элимов получил приказание (Л. 55 л.)
- С. 18 поскакал под пули / поскакал на пули (Л. 55 л.)
- С. 18 Она очутилась вновь на свободе / Она увидела себя вновь на свободе (Л. 55 л.)
- С. 19 Не те нынче времена! / Не те ныне времена! (1838, 1855)
- С. 19 последовал за своим другом / последовал за другом своим (Л. 55 об.)
- С. 19 Михаила Федоровича / Михаила Федосеича (1838, 1855)
- С. 19 около двадцати фамильных силуэтов / около двадцати силуэтов — теней фамильных (Л. 55 об.)
- С. 19 Мебели простого дерева / Мебели были простого дерева (Л. 55 об.)
- С. 19 на спинках стульев нарисованы цветы / на спинках стульев нарисованы были цветы (Л. 55 об.)
- С. 20 пастушок млел / пастушок *млел* (1838, 1855)
- С. 20 На аркадскую сцену смотрели сбоку два китайские урода / Два китаецких урода смотрели сбоку на аркадскую сцену (Л. 55 об.)
- С. 20 при множестве офицеров / при многих офицерах (Л. 55 об., 1838, 1855)
- С. 20 на батарее / на батгарее (Л. 55 об.)
- С. 20 приподнимаясь с канапе / вскарабкиваясь с канапе (Л. 55 об.) / приподнимаясь с софы (1855)
- С. 20 подойти к ручке / подойти к руке (1838, 1855)
- С. 20 модным востроносым сапогом толкнул / толкнул модным востроносым сапогом (Л. 56 л.)
- С. 21 и другая залаяла / а другая залаяла (1838, 1855)
- С. 21 Христиана Карловича / Крестьяна Карловича (Л. 56 л.)

- С. 21 с явною досадою / с видимою досадою (Л. 56 л.)
- С. 21 топнула и взглянула на мать / топнула ногою и взглянула на мать (1838, 1855)
- С. 21 с возраставшею злобою / с возрастающею злобою (Л. 56 л., 1838, 1855)
- С. 21 не замечая, что поднимается буря / не видя, что поднимается буря (Л. 56 л.)
- С. 21 взглянула на него значительно и гневно / взглянула на него с видимою досадою (Л. 56 л.)
- С. 22 дробью пробормотал фон Драк / пробормотал дробью фон Драк (1838, 1855)
- С. 22 до принятия этой чести / до принятия сей чести (Л. 56 л.)
- С. 22 поклонился. Молодой ветреник / поклонился, а молодой ветреник (Л. 56 л.)
- С. 22 всегдашнее свое адъютантское место / обыкновенное свое адъютантское место (Л. 56 л.)
- С. 22 – Тринадцать с половиною в тени / – Семнадцать с половиною в тени (Л. 56 л.)
- С. 23 Не его вина, что скромные добродетели не находят ценителей в нынешнем мишурном свете / Скромные его добродетели в нынешнем мишурном свете не находят людей, которые умели бы их ценить (Л. 56 об.)
- С. 23 достойный капитан / почтенный капитан (Л. 56 об.)
- С. 23 укачивает моих детей / укачивает детей моих (Л. 56 об.)
- С. 23 однажды-с, да-с – однажды-с / однажды-с (1838)
- С. 23 Платона Сергеевича / Платона Павловича (Л. 56 об.)
- С. 23 руку свою к фон Драку / руку свою фон Драку (Л. 56 об.)
- С. 23 отвечала ему с злобою Алевтина / отвечала ему с явною злобою Алевтина (Л. 56 об.)
- С. 24 Князь, видя возрастающий гнев / Князь Алексей, видя возрастающий гнев (Л. 56 об.)
- С. 24 никого обижать не станет / никого не станет обижать (Л. 56 об.)
- С. 24 оборотясь к образу / обратясь к образам (1838, 1855)
- С. 24 пошла в гостиную впереди всех / пошла впереди всех в гостиную (Л. 56 об.)
- С. 24 Прочие последовали за нею / Все последовали за нею (Л. 56 об.)
- С. 24 уселись на канаве и на близстоявших креслах / уселись на софе и на близстоящих креслах (1838, 1855)

- С. 25 Хвальинский также / Хвальинский также с трудом удержался от смеха (Л. 56 об.) / Хвальинский тоже (1838, 1855)
- С. 26 лобызания / лобзания (1838, 1855)
- С. 26 чему приписать мгновенное воспаление / чему приписать это мгновенное воспаление (Л. 56 об.)
- С. 26 Сергей Борисович был человек простой / Он был человек простой (Л. 57 л.)
- С. 26 Ветлина / Ивина (то же — по всему тексту) (Л. 57 л.)
- С. 27 убитого под Измаилом / убитого под Очаковым (Л. 57 л.)
- С. 27 Ребенка окрестили. Я был, по желанию старика, крестным отцом / Ребенка окрестили. Сам Элимов был его воспитанником (Л. 57 л.)
- С. 27 По совершении обряда, поцеловав крест / Когда по совершении обряда я поцеловал крест (Л. 57 л.)
- С. 27 Я присягнул / Ты присягнул (Л. 57 л.)
- С. 27 несчастного младенца. Но мне недолго остается жить на свете. Вряд ли я дождусь того, чтоб мой крестник вырос / несчастного младенца. Помни это, мильй брат! (Л. 57 об.)
- С. 27 в первый и в последний раз я видел его плачущего / в первый и в последний раз, что я видел его плачущего (Л. 57 об.)
- С. 28 Но твоего Сережу / Но крестника твоего Алешу (то же — по всему тексту) (Л. 57 об.)
- С. 28 Он мальчик острый, резвый / Он мальчик острый, резвый, умный (Л. 57 об.)
- С. 28 благодаря доброй Наталье Васильевне! / благодаря этой доброй Наталье Васильевне! (Л. 57 об.)
- С. 28 благородное, миловидное, прелестное существо / миловидное, благородное прелестное существо (Л. 57 об.)
- С. 28 частенько / частехонько (1838, 1855)
- С. 28 на счет сердца / за счет сердца (1838, 1855)
- С. 28 в доме сестры / в доме сестрицы (Л. 57 об.)
- С. 28 о воспитаннике моем / о крестнике моем (Л. 58 л.)
- С. 28 наших страданий и наслаждений / страданий и наслаждений наших (1838, 1855)
- С. 29 Никогда не встречал я такой миловидной женщины / Редко случалось мне видеть такую миловидную женщину (Л. 58 л.) / Никогда не встречал я женщины миловиднее (1838, 1855)
- С. 29 как гремучая змея / как анаконда (Л. 58 л.)

- С. 30 радуется, что ему будет легче / радуется, что ему легче (Л. 58 л.)
- С. 30 покойного вотчима / покойного зятя (1838, 1855)
- С. 30 вселило в меня страсть / вселило мне страсть (Л. 58 л.)
- С. 30 судьба привела меня / судьба заставила меня (1838, 1855)
- С. 30 зять нумер второй / вотчим нумер второй (Л. 58 л.)
- С. 30 Алевтина выходит за самого ничтожного человека / Алевтина выходит за самого ничтожного человека, у которого, я думаю, и фон наставной, как у гусара кивер (Л. 57 л.)
- С. 30 может стать, будет и хорошим мужем / может быть и хороший муж (Л. 58 л.)
- С. 30 только что он обещает в будущем / только что за карьера в будущем (Л. 58 л.)
- С. 30 И я не могу понять / И мне трудно понять (Л. 58 л.)
- С. 31 *«точно так-с, слушаю-с».* / *«точно так-с, слушаю-с».* О нем не скажут, что он человек беспокойный (Л. 58 об.)
- С. 31 но в случае какой-нибудь неприятности / а в случае какой-нибудь неприятности (1838, 1855)
- С. 31 именно это обстоятельство / именно сие обстоятельство (Л. 59 л.)
- С. 31 об этом любопытном деле / об этом любопытном предмете (Л. 59 л.)
- С. 31 капитан Вышатин / капитан Усольский (то же — по всему тексту) (Л. 59 л.)
- С. 32 подняли коляску; оказалось, что задняя ось переломилась; подперли коляску оглоблю / подняли коляску, лишившуюся заднего колеса; оказалось, что задняя ось переломилась; подперли ее оглоблю (Л. 59 л.)
- С. 32 Тотчас по приглашению Вышатина / Вскоре по приглашению Вышатина (Л. 59 л.)
- С. 32 Приносят книги / Приносят книгу (1855)
- С. 32–33 «Всеобщая повариха», «Безысходный комплиментер и корреспондент» / «Всеобщая повариха», «Искусство ворожить на картах и кофе», «Безысходный комплиментер и корреспондент» (Л. 59 об.)
- С. 33 лежит в Токсове / лежит в Токсово (1838, 1855)
- С. 33 Пулковым / Пулковом (1838, 1855)
- С. 33 земля возвышается / грунт возвышается (Л. 59 об.)
- С. 34 опять оживит природу / опять станет оживлять природу (Л. 59 об.)
- С. 34 Мысли эти / Мысли сии (Л. 59 об.)
- С. 34 возникнет новая жизнь / возникает новая жизнь (1838, 1855)

- С. 34 при взгляде на унылую осенью землю / при взгляде на поблекшую осенью природу (Л. 60 л.)
- С. 34 когда помышляю о трудах / когда помышляю о благодатных трудах (Л. 60 л.)
- С. 35 оборота речи. / оборота речи. Он давно желал узнать мнения, догадки, наблюдения Кемского о действии мира духовного на мир физический. Сам не постигал сих явлений, не верил даже в их существование и любопытствовал знать мнение человека умного, образованного и об этом предмете. (Л. 60 л.)
- С. 35 Об отце моем ты, конечно, слышал / Об отце моем ты, слышал, конечно (Л. 61 л.)
- С. 36 Она сама кормила меня грудью, хотела учить всему / Она не могла кормить меня грудью, но сама хотела учить всему (Л. 61 л., 1838, 1855)
- С. 36 Слабая телосложением, чувствительная, раздражительная / Слабая телосложением, раздражительная, чувствительная (Л. 61 л.)
- С. 36 вижу ее, будто сквозь сон / вижу ее, как сквозь сон (Л. 61 л.)
- С. 36 когда достигнет цели своей, радуется как дитя / когда достигнет цели своей, сама радуется как дитя (Л. 61 л.)
- С. 36 как если бы я видел его вчера / как будто бы я видел его вчера (1838, 1855)
- С. 36 Мне было тогда года три от роду / Мне было тогда года полтора от роду (Л. 61 л.)
- С. 37 знакомый мне стук колес / знакомый стук колес (Л. 61 л.)
- С. 37 остановилась у нашего дома / остановилась и у нашего дома (Л. 61 л.)
- С. 37 в раздранной одежде / в раздранной одежде (1838)
- С. 37 толпились вокруг повозки, освещенные факелами / толпились вокруг повозки, освещенной факелами (Л. 61 об.) / толпились вокруг повозки при свете факелов (1838, 1855)
- С. 37 Растворилось окно / Вдруг растворилось окно (Л. 61 л.)
- С. 37 страшные люди с диким хохотом / страшные люди дико захохотали (1838, 1855)
- С. 37 женщина в черном платье / женщина в белом платье (Л. 61 л.)
- С. 37 Она глядела вниз / Она всё глядела вниз (Л. 61 л.)
- С. 37 в это самое мгновение женщина / в это самое мгновение бледная женщина (Л. 61 л.)
- С. 38 облеченное в наружный вид женщины в черном платье / облеченное в наружный вид белой женщины (Л. 61 об.)

- С. 38 эта женщина являлась мне во сне / белая женщина являлась мне во сне (Л. 61 об.)
- С. 38 болезни эти / болезни сии (Л. 61 об.)
- С. 38 по выражению лица женщины / по выражению ее лица (Л. 61 об.)
- С. 38 все следовавшие затем / все следующие затем (Л. 61 об.)
- С. 38 Расскажу тебе / Я расскажу тебе (Л. 61 об.)
- С. 39 по приглашению присланного из Петербурга чиновника / по приглашению чиновника, присланного из Петербурга (1838, 1855)
- С. 39 подвергает милых своему сердцу / подвергает бедных своих (1838, 1855)
- С. 40 появилась черная женщина / появилась белая женщина (Л. 62 л.)
- С. 40 Признайтесь скорее, до беды! / Признавайтесь скорее, до беды! (Л. 62 об.)
- С. 41 я заснул от испуга / я вскоре заснул от испуга (Л. 62 об.)
- С. 41 а бунтовщики / и бунтовщики (1838, 1855)
- С. 41 проливать в тот день / проливать в этот день (1838, 1855)
- С. 41 о младшем брате моем / о младшем брате моем Петре (Л. 62 об.)
- С. 42 Кормилица его, поспышав шум / Кормилица его, мать моего Миши, поспышав шум (Л. 62 об.)
- С. 42 Ударом в голову ее оглушило / Вдруг ударом в голову ее оглушило (Л. 62 об.)
- С. 42 она, лишась чувств, покатила в овраг / она лишилась чувств и покатила в овраг (1838, 1855)
- С. 42 пораженный этим бедствием / пораженный сим бедствием (Л. 62 об.)
- С. 42 «Так ты умер, друг мой?» / «Так ты умер, друг мой Петруша?» (Л. 62 об.)
- С. 42 что-то темное приподнялось из-за густой зелени / что-то белое приподнялось из-за густой зелени (Л. 62 об.)
- С. 42 разлилась туманом / разлилась белым туманом (Л. 62 об.)
- С. 42 глядел несколько секунд / поглядел несколько секунд (Л. 62 об.) / смотрел несколько секунд (1838, 1855)
- С. 42 и потом улыбнулся со вздохом / и улыбнулся со вздохом (Л. 62 об.) / потом улыбнулся со вздохом (1838, 1855)
- С. 42 не более недели / не далее недели (1838, 1855)
- С. 43 устремила на меня глаза свои / устремила на меня взгляд свой (Л. 63 л.)
- С. 43 а лицо подернулось / лицо подернулось (1838, 1855)
- С. 43 меня не покидает / не покидает меня (Л. 63 л.)
- С. 43 влюбляться в Наташу / влюбиться в Наташу (1838, 1855)
- С. 44 И я хотя влекусь / И я хоть влекусь (1838)
- С. 44 на черном кожаном канаве / на черной кожаной софе (1838, 1855)

- С. 45 старец лет семидесяти — исполинского роста / старец лет семидесяти — особа необыкновенная и достойная замечания, исполинского роста (Л. 64 л.)
- С. 45 Андреем Федоровичем / Иваном Сергеевичем (Л. 64 л.)
- С. 45 Петр Антонович / Антон Осипович (Л. 64 л.)
- С. 45 Алимари / Гримальди (то же — по всему тексту) (Л. 64 л.)
- С. 45 за ласку и за дружбу / за ласку и дружбу (Л. 64 л.)
- С. 46 отвечал Вышати́н, смеючись / отвечал Вышати́н, улыбаясь (Л. 64 л.)
- С. 47 эти явления меня и занимают / эти явления меня занимают (Л. 64 об.)
- С. 47 В природе ничто не делается даром / В природе ничего не делается даром (1838, 1855)
- С. 47 эти явления разгаданы / явления сии разгаданы (Л. 64 об.)
- С. 47 Пройдут веки / Пройдут века (1855)
- С. 48 принимаете это слово / принимаете сие слово (Л. 65 л.)
- С. 48 мог без особенной воли Всевышнего когда-либо или от чего-нибудь измениться / мог когда-либо или от чего-нибудь измениться (Л. 65 л.)
- С. 48 столь же многое, может быть, и более / столь же многое, а может быть, и более (Л. 65 л.)
- С. 48 истолкована и, по возможности, доказана сравнением / истолкована и, сколько можно, доказана по сравнению (Л. 65 л.)
- С. 48 деяниях самого хозяина / деяниях сего хозяина (Л. 65 л.)
- С. 48 и во сне не грезились / и во сне не пригрезились (Л. 65 л.)
- С. 48 А потом занеслися-с / А потом занеслися (1838, 1855)
- С. 48 бог знает куда-с... / бог знает куда... (1838)
- С. 49 Андрей Федорович рассказывал нам / Иван Сергеевич рассказывал нам (Л. 65 л.)
- С. 49 рассказывал нам, что в Петербурге случилось необычайное происшествие. Ты знаешь, что вчера граф Самойлов давал праздник в честь гостя нашего, молодого короля шведского. В то самое время, как государыня подъехала к крыльцу его дома, огненный шар, или, как говорят в народе, змей пролетел чрез этот дом, потом чрез Зимний дворец за Неву и упал за крепостью / рассказывал нам, что вчера пролетел над Петербургом огненный шар, или змей, как толкует простой народ (Л. 65 л.)
- С. 49 вы, Петр Антонович, хотели рассказать нам одно такое происшествие / вы, Антон Осипович, хотели рассказать нам одно такое видение (Л. 65 л.)

- С. 49 пошел к себе вверх. / пошел к себе вверх. Тишина и приятность ночи заставили меня подойти к окну (Л. 65 л.)
- С. 49 может идти из Адмиралтейства в ночное время / может идти в ночное время из Адмиралтейства (Л. 65 об.)
- С. 49 и вошла в них / и вошла в онья (Л. 65 об.)
- С. 49 деревянный / деревянным (Л. 65 об.)
- С. 50 чтоб он убрался / чтоб он убирался (1838, 1855)
- С. 50 Назовите мне подобное происшествие, которое было бы подтверждено официальным актом / Назовите мне чудесное происшествие, которое было бы подтверждено достоверным письменным свидетельством (1838, 1855)
- С. 50 Только мне трудно / Только мне трудно (1838, 1855)
- С. 50 Выпштин усмехнулся и снял со свечи / Выпштин усмехнулся и стал со свечой (Л. 65 об.)
- С. 51 Он определил права и обязанности разных сословий шведского народа / Он ограничил стеснительные для народа права дворянства, уничтожил власть Сената (Л. 66 л.)
- С. 51 можно б было ожидать / можно б было предполагать (Л. 66 л.)
- С. 51 искал развлечения своей скорби в непрерывных занятиях делами государственными / в непрерывных занятиях делами государственными искал развлечения своей скорби (Л. 66 л.)
- С. 51 возразил король с досадою / возразил с досадою король (Л. 66 л.)
- С. 52 начавший строение его / начавший строение онаго (Л. 66 л.)
- С. 52 Огромное это здание / Огромное здание сие (Л. 66 л.)
- С. 52 Но что ему было делать / Но как он очутился (Л. 66 л., 1838, 1855)
- С. 52 казалось, зала иллюминирована как для торжества / казалось, что зала иллюминирована как бы для торжества (Л. 66 л.)
- С. 52 на освещенные окна / на освещенные сии окна (Л. 66 л.)
- С. 53 галерею / галерею (Л. 66 об.)
- С. 53 привесь сюда / привести сюда (1838)
- С. 53 Спутники его, подстрекаемые любопытством / Трое спутников его, подстрекаемых любопытством (Л. 66 об.)
- С. 54 лица их светились при блеске свеч / лица их светились при блеске (1838, 1855)
- С. 54 до возведения Швеции Вазою / до возвышения Швеции Вазою (Л. 66 об.) / до возведения ее Вазою (1838, 1855)
- С. 54 сидело несколько человек / сидели несколько человек (1838, 1855)

- С. 54 никто из собрания / никто из сего собрания (Л. 67 л.)
- С. 54 смешанный ропот / смешанный шепот (1838, 1855)
- С. 54 книге, пред ним лежавшей / книге, лежавшей пред ним (Л. 67л.)
- С. 54 концы веревок / и концы веревок (Л. 67 л.)
- С. 54 в лосинном полукафтанье / в кожаном полукафтанье (Л. 67 л.)
- С. 54 как казалось, важнейший / по-видимому, важнейший (Л. 67 л.)
- С. 54 затрепетал труп / затрепетал мертвый труп (Л. 67 л.)
- С. 55 Доселе он молчал / Дотоле он молчал (Л. 67 л., 1838, 1855)
- С. 55 Эта кровь / Сия кровь (Л. 67 л.)
- С. 55 лопающей при настройвании арфы / лопающей в то время, как настраивают арфу (Л. 67 л.)
- С. 55 это произошло в течение десяти минут / это произошло в течение минут десяти (Л. 67 л.) / это произошло минут в десять (1838, 1855)
- С. 55 он вскоре сделался известным / оный вскоре сделался известным (Л. 67 л.)
- С. 55 Труп представлял Густава III / Мертвый труп представлял Густава III (Л. 67 л.)
- С. 55 отрок есть Густав IV / отрок есть Густав VI (1838)
- С. 55 Всякой швед / Всякий швед (1838)
- С. 55 истину этого предания / истину сего предания (Л. 67 л.)
- С. 56 Очень обязан вам, почтенный господин пастор, — сказал он, — за сообщение этого анекдота / Очень обязан вам, почтенный господин пастор, за сообщение этого любопытного анекдота (Л. 67 об.)
- С. 56 противоречил и самому себе / противоречил и сам себе (Л. 67 об.)
- С. 56 что в самом деле случается / что на самом деле случается (1838, 1855)
- С. 56 полученной им от короля / полученной от короля (1838, 1855)
- С. 57 в это самое время / в это время (1838)
- С. 57 старый сюртук / старый сертук (Л. 67 об.)
- С. 57 просил ее объявить / просил ворожею сказать (Л. 68 л.)
- С. 57 бумаги упали к его ногам / бумаги упали к ногам его (Л. 68 л.)
- С. 57 множество людей / много людей (1838, 1855)
- С. 58 приблизились ко дворцу, вышел / приблизились ко дворцу и готовились войти в ворота, вдруг вышел из дверей (Л. 68 л.)
- С. 58 убийца его / и убийца его (Л. 68 л.)
- С. 58 истине его слов / истине слов его (Л. 68 л.)
- С. 58 что вы от меня слышали / что вы слышали от меня (Л. 68 л.)
- С. 58 Петр Антонович / Антон Осипович (Л. 68 об.)

- С. 58 верить предсказателям / верить предсказаниям (Л. 68 об.)
- С. 59—64 вторым зрением. Позвольте мне в свидетельство этого ~ о наших обыкновенных колдуньях. Вспомните о том, что все ворожеи / вторым зрением. Разве вы не подумали о том, что все ворожеи (Л. 68 об.)
- С. 59 из Дидрота / из Дидерота (1838, 1855)
- С. 60 задыхаясь от смеха / задыхаясь от смеху (1838)
- С. 60 фанатизм / фанатисм (1838, 1855)
- С. 61 что будет со всеми вами / что пифия будет со всеми вами (1838)
- С. 61 произойдут от ней / произойдут от нее (1838, 1855)
- С. 61 Вы, господин Кондорсет / Вы, г. Кондорсет (1838, 1855)
- С. 62 приводить места из Вольтера, из Дидерота / приводить места из Вольтера (1838, 1855)
- С. 65 исследовать в них эту способность / исследовать в них сию способность (Л. 68 об.)
- С. 65 упивавшемуся небесною росой / упивающемуся небесною росой (1838, 1855)
- С. 65 эта система / сия система (Л. 69 л.)
- С. 65 одним из сих начал / одним из этих начал (1838, 1855)
- С. 66 мою Карлетту / мою Карлотту (1838, 1855)
- С. 66 Карлетта! / Карлотта! (1838, 1855)
- С. 66 Мы смотрим в свете / Мы смотрим во Франции (Л. 68 л.)
- С. 67 на возделание / на воздильвание (1838, 1855)
- С. 67 Только те вещи, которые он устроил для своего употребления, безмолвны, — безмолвны потому, что они безжизненны / Только те вещи, которые он устроил для своего употребления, безмолвны, безмолвны потому, что они безжизненны (Л. 69 об.) / Безмолвны только те вещи, которые он устроил для своего употребления (1838, 1855)
- С. 67 развалины красноречивы / но развалины красноречивы (Л. 69 об.)
- С. 68 сие стремление / это стремление (1838, 1855)
- С. 68 скрытое от нас / скрытое от нас (1838, 1855)
- С. 68 Расцветенное воображением / Облеченное цветами воображения (Л. 69 об.)
- С. 68 для выражения того другому / для выражения другому того
- С. 69 Я недавно читал книжку / Я читал недавно книжку (Л. 70 л.)
- С. 69 ты знаешь его, Хвальнский! || — Как не знать! || — Вот детина! / ты знаешь его, Хвальнский! || — Лампицкий? || — Да, он! Вот детина! (Л. 70 л.)

- С. 69 получить сведения / узнать сведения (Л. 70 л.)
- С. 69 и Робеспьера, и Фукье-Тенвиля / и Робеспьера, и Фукие-Тенвиля (1838, 1855)
- С. 69 к католицизму / к католицизму (1838, 1855)
- С. 70 католицизма / католицизма (1838, 1855)
- С. 70 видеть его совершенно в ином положении / видеть, как этого злодея везли на казнь. На лице его начертаны были малодушие и отчаяние (Л. 70 л.)
- С. 70 Расскажу вам только, что я видел / Но расскажу вам, что я видел (Л. 70 л.)
- С. 70 Вандемьера / Вандемира (1838, 1855)
- С. 70 за год пред сим / за год перед сим (1838)
- С. 70 большое стечение народа / необыкновенное стечение народа (Л. 70 л.)
- С. 70 изображались адские муки / изображались адские муки (1838)
- С. 71 стоял командовавший войсками конвента генерал / стоял генерал, командовавший войсками Конвента (Л. 70 об.)
- С. 71 сложив руки / склавши руки (Л. 70 об.)
- С. 71 неограниченным властелином / неограниченным владельцем (Л. 70 об.)
- С. 72 Монтенотте / Монтенотти (1838)
- С. 72 после бургонского / после шампанского (Л. 71 л.)
- С. 72 о молодом французском генерале / о молодом генерале (Л. 71 л.)
- С. 72 долгое время не мог уснуть / долго не мог уснуть (1838, 1855)
- С. 73 Ничто не прерывало глубокого молчания / Никто не прерывал глубокого молчания (1838, 1855)
- С. 73 не искусственная, имевшая характер народной песни / не искусственная, а имевшая характер народной песни (Л. 71 об.)
- С. 74 и приблизился к краю / и вскоре приблизился к краю (Л. 71 об.)
- С. 74 Кемский подошел к нему / Кемский приблизился к нему (Л. 71 об.)
- С. 74 не примет этой хвалы / не примет сей хвалы (Л. 71 об.)
- С. 74 Ну что здесь важного! / Ну что тут важного! (Л. 71 об.)
- С. 74 ко вреду последней / ко вреду сей последней (Л. 72 л.)
- С. 75 предметы озарились ярким дневным светом / предметы озарены были ярким дневным светом (Л. 72 л.)
- С. 75 живописец не видал и не слышал его / живописец не видел и не слышал его (Л. 72 л.)
- С. 75 остановился у пономаря / остановился у самого пономаря (Л. 72 л.)

- С. 75 ходил с флейтою в кармане по горам и по болотам / ходил по горам и по болотам (Л. 72 л.)
- С. 75 нарвал на болоте каких-то трав / нарвал в болоте каких-то трав (1838)
- С. 75 дня через три мне можно будет выйти / дня через три можно будет выйти (1838)
- С. 76 в деревянном ящичке / в деревянном ящике (Л. 72 об.)
- С. 76 но в нем всего для меня приятнее нрав его / но всего для меня приятнее в нем нрав его (Л. 72 об.)
- С. 76 Он иногда бывает в необходимости противоречить другим / Он бывает иногда и часто в необходимости противоречить другим (Л. 72 об.)
- С. 76 но он отвечал / он отвечал (1838, 1855)
- С. 77 ибо все ждали Алимари / потому что все ждали Алимари (1838, 1855)
- С. 77 сказал Вышатин почти сквозь слезы / сказал почти сквозь слезы Уольский (Л. 72 об.)
- С. 77 Барометр падает / Барометр пасторский падает (Л. 72 об.)
- С. 77 не случилось ему найти человека / не удавалось ему найти человека (1838, 1855)
- С. 78 текстом из Библии / стихом из Библии (Л. 73 л.)
- С. 78 неварения желудка / несварения желудка (1838, 1855)
- С. 78 готовый его просветить / готовый разделить сомнения онаго искателя истины, готовый его просветить (Л. 73 л.)
- С. 79 Тщетно искал Кемский / Но тщетно искал Кемский (Л. 73 об.)
- С. 79 и глядел на театр / и бессмысленно глазел на театр (1838, 1855)
- С. 79 на фортепиане / на фортепиано (1838, 1855)
- С. 79 не видала / не видела (1838, 1855)
- С. 79 пред ним оживилась мраморная Галатей / мраморная Галатей пред ним оживилась (Л. 73 об.)
- С. 80 Скажите мне, пожалуйста / Скажите мне, пожалуйста (1838, 1855)
- С. 80 Нельзя ли сказать мне, где можно его найти / Не могу ли я узнать, где можно его найти (Л. 73 об.)
- С. 80 барона Раля / барона Раля (Л. 73 об.)
- С. 80 венецианским домом / венецианским дожем (Л. 73 об.)
- С. 80 господина Петра Алимари / господина Антонио Алимари (Л. 73 об.) / господина Алимари (1838, 1855)
- С. 80 он к вам приходит / он приходит к вам (Л. 73 об.)
- С. 80 увидев, что его заметили / видя, что его заметили (Л. 73 об.)
- С. 80 сам барон приказал мне / сам барон Р. приказал мне (Л. 74 л.)

- С. 81 верит магнетизму / верит магнитизму (1838, 1855)
- С. 81 вызвал на дуэль некоторых членов Парижской Академии наук / вызвал на дуэль Вин д'Азира и некоторых членов Парижской Академии наук (Л. 74 л.)
- С. 81 Мне не до того, да и кто станет заниматься этим вздором / Мне не до того, и кто станет заниматься этим вздором (Л. 74 л.)
- С. 81 для сего должно только смотреть / для этого должно только смотреть (Л. 74 л.)
- С. 81 одушевленных взоров / одушевленных взглядов (Л. 74 л.)
- С. 81 магнетизм действует / магнетисм (1838, 1855)
- С. 81 впечатлениям пылких страстей / впечатлениям любви и дружбы (Л. 74 л.)
- С. 82 комиссии / комиссии (Л. 74 об.)
- С. 83 Дым свеч носился над нею как облако / Дым свеч как облако носился над нею (Л. 74 об.)
- С. 83 одра величия земного / одра земного величия (Л. 74 об.)
- С. 83 этим блеском, этим величием / сим блеском, сим величием (Л. 74 об.)
- С. 83 после этого рассудите / после сего рассудите (Л. 74 об.)
- С. 83 с унынием сказал Кемский / с чувством сказал Кемский (Л. 74 об.)
- С. 83 посреди людей, волнуемых страстями и пороками / посреди людей, из коих одна часть не знает, что имеет душу, а другая предпочитает душе тело и деньги душе и телу (Л. 75 л.)
- С. 84 произведение своего века / произведение своего века, и чем глубже он постигает век свой, тем более может совершить в мире (Л. 75 л.)
- С. 84 Алимари вновь подошел к эстраде / Алимари умолк, вновь подошел к подножию эстрады (Л. 75 л.)
- С. 85 и в этот раз / и в сей раз (Л. 75 л.)
- С. 85 в глубоких размышлениях... / в глубоких размышлениях... || На другой день занятия по службе, беседы с товарищами рождали грустные думы юного мечтателя. Иногда казалось ему, что прежняя задумчивость, прежние поверья и предчувствия совершенно его оставляют; он радовался мысли, что будет, подобно счастливым своим товарищам, заниматься светом и наслаждаться его удовольствиями (Л. 75 л.)
- С. 85 влекла его домой / влекла его на Север: он часто задумывался в веселом кругу и на замечания ветреных приятелей отвечал вздохами (Л. 75 л.)

- С. 85 он никого в Петербурге не любил, что называется любить, а не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения / он никого в Петербурге не любил, как называется любить, и между тем не мог вспомнить о северной столице без сердечного волнения (Л. 75 л.)
- С. 85 милого своего друга. Кемский искренне обрадовался товарищу и сообщил ему, с каким нетерпением ждет минуты отъезда: теплое дыхание полудня сделалось ему несносным; он горел мыслию воротиться на холодный Север / милого своего друга. В первые минуты свидания восторги Кемского свободно изливались с радостным восклицанием, но они мало-помалу улеглись, и он стал задумчивее прежнего. Казалось бы, что присутствие искреннего друга должно было удвоить веселость и совершенно рассеять грустные мысли Кемского, но вышло напротив: при взгляде на товарища возникли в его душе все те помыслы и тоскливые предчувствия, которые терзали его в Петербурге. Теплое дыхание полудня сделалось ему нестерпимым: он горел нетерпением воротиться на холодный Север (Л. 75 л., об.)
- С. 85 — Что это за магнитный полюс / — Где этот за магнитный полюс (Л. 75 об.)
- С. 85 мне здесь скучно, тяжело, душно / мне здесь тяжело, грустно (1838) / мне здесь тяжело, грустно, душно (1855)
- С. 86 схрапнуть до завтрашнего похода / соснуть до завтрашнего похода (Л. 75 об.)
- С. 86 сидела в углу / сидит в углу (Л. 75 об.)
- С. 86 сбирала / собирает (Л. 75 об.)
- С. 87 прочностью работ / прочностью работы (Л. 76 л.)
- С. 87 По счетам архитекторов и поставщиков плата производилась неукоснительно / По счетам архитекторов и садовников плата неукоснительно производилась (Л. 76 об.)
- С. 87 для привода рекрутской партии / за приводом рекрутской партии (Л. 76 л.)
- С. 87 причины, по каким должен был произвести / причины, по коим должен был произвести (Л. 76 л.)
- С. 87 сошелся он с товарищем / сошел он с товарищем (Л. 76 л., 1838)
- С. 87 возразил фон Драк с трепетом / возразил с трепетом фон Драк (Л. 76 л.)
- С. 88 беспечно Сайдакова / беспечного товарища (Л. 76 л.)
- С. 87 Тряпицын / Слепнев (то же — по всему тексту) (Л. 76 об.)
- С. 88 явился за квитанциею / явился в Коллегию за квитанциею (1838, 1855)

- С. 89 выждать окончания дела / выждать окончание дела (1838, 1855)
- С. 91 это дело пропало / сие дело пропало (1838, 1855)
- С. 91 а господину поручику выдать квитанцию / и господину поручику выдать квитанцию (1838, 1855)
- С. 91 квитанция была фон Драку выдана / квитанция была выдана фон Драку (Л. 77 об.)
- С. 92 механизмом работы / механизмом работы (1838, 1855)
- С. 92 клевету людей неблагонамеренных / клевету неблагонамеренных (1838)
- С. 92 чтоб его не пускали на двор / чтобы его не пускали на двор (1838, 1855)
- С. 92 И сам Тряпицын усмотрел / И сам сметливый секретарь увидел (Л. 77 об.)
- С. 93 сын порховского целовальника не замедлил догадаться / сын екатеринбургского целовальника догадался (Л. 78 л.)
- С. 93 почитает сей предмет / почитает такой предмет (Л. 78 л.)
- С. 93 сам в спор не вступает / сам не вступает в спор (Л. 78 л.)
- С. 93 Привязанность и доверие к нему / Любовь и доверенность к нему (Л. 78 л.)
- С. 93 овладел своим командиром / овладел своим начальником (Л. 78 л.)
- С. 93 Вот у меня, например: доходу до трех тысяч рублей, а я с каждым годом наживаю долги / Вот я, например: имею доходу до трех тысяч рублей, и с каждым годом наживаю долги (Л. 78 л.)
- С. 94 по четвертце / по четвертице (1838, 1855)
- С. 94 чтоб он не трудился навещать ее / чтоб он оставил дом ее (Л. 78 л.)
- С. 95 лишился возможности / лишился возможности (1838, 1855)
- С. 95 Наташу, прелестную, умную и любезную / Наташу, миловидную и любезную (Л. 78 об.)
- С. 96 Надолго ли тут имение / Надолго ли тут имения (1838, 1855)
- С. 96 совету секретаря / совету Слепнева (Л. 79 л.)
- С. 96 быть недовольными мною / быть мною недовольными (Л. 79 л.)
- С. 96 План был одобрен / План сей был одобрен (Л. 79 л.)
- С. 97 привести его в исполнение / привести оный в действо (Л. 79 л.)
- С. 97 ни даже приюта / ни даже приюту (Л. 79 л.)
- С. 97 говорила по-французски / говорила по-французски и по-немецки (Л. 79 л.)
- С. 97 пришла сперва в изумление / пришла сначала в изумление (Л. 79 л.)

- С. 97 достаточным родственникам / зажиточным родственникам (1838, 1855)
- С. 97 без труда заметила она / вскоре заметила она (Л. 79 л.)
- С. 97 достижению этой цели / достижению сей цели (Л. 79 л.)
- С. 97—98 когда эти дела / когда сии дела (Л. 80 л.)
- С. 98 не беспокоились о следствиях, зная, что эти припадки / не беспокоились о следствиях, что эти припадки (1838)
- С. 98 употреблял все силы / употребляя все силы (1838)
- С. 98 С каким искренним чувством / С каким глубоким чувством (Л. 80 л.)
- С. 99 не давал никому выговорить слова / не давал никому выговорить ни слова (Л. 80 об.)
- С. 99 от оригинала Рафаэлева / от оригинала Тицианова (1838, 1855)
- С. 99 Настасья Родионовна вымыла / Родионовна вымыла (Л. 80 об.)
- С. 99 и мало-помалу водворилась / и вскоре водворилась (Л. 80 об.)
- С. 99 на картинах своих изображал неодетых женщин и садился на извозчиков без ряду / садился на извозчиков без ряду и на картинах своих изображал неодетых женщин (Л. 80 л.)
- С. 99 без ряду / без ряды (1838, 1855)
- С. 100 К этому должно присовокупить / К сему должно присовокупить (Л. 81 л.)
- С. 100 ее питомец знаком с знатным человеком, с сиятельным князем / ее питомец знаком с князем (Л. 81 л.)
- С. 100 над анахронизмами / над анахронисмами (1838, 1855)
- С. 100 Караваджия / Караважа (Л. 81 л.)
- С. 100 но ни один рисунок не был кончен / но ничто не было кончено (Л. 81 л.)
- С. 101 Слезы прервали речь его / Слезы не позволили ему кончить (Л. 81 л.)
- С. 101 а там, вдали / а там, издали (1838)
- С. 101 гнушаюсь деньгами / гнушаюсь платою (Л. 81 л.)
- С. 101 когда князя не было дома / когда князя не бывало дома (Л. 81 л.)
- С. 102 наказал людям / объявил людям (Л. 81 л.)
- С. 102 не предупреждали его о том, что он найдет в своей комнате / не говорили о принесенной ему картине (Л. 81 л.)
- С. 102 достойными ее помощниками / достойными ее помощниками (1838, 1855)
- С. 102 какою-то новою должностью / какою-то должностью (1838, 1855)
- С. 102 холопа, услать его подальше / холопа и услать его подальше (Л. 81 об.)

- С. 103 то он мог бы сделать блистательную карьеру / он мог бы сделать блистательную карьеру (1838, 1855)
- С. 103 какие книги он читает / какие книги он читал (Л. 81 об., 1838, 1855)
- С. 104 в этих предположениях / в сих предположениях (Л. 82 л.)
- С. 104 когда сидели у нее Кемский и еще несколько человек посторонних / когда Кемский и еще несколько человек посторонних у них обедали (Л. 82 л.)
- С. 104 Сапоретти / Саноретти (1838)
- С. 104 – Нечего терять время! – воскликнула Алевтина / «Нечего терять время!» – решила после обеда Алевтина (Л. 82 л.)
- С. 105 к достижению собственной своей цели / к достижению своей цели (Л. 82 л.)
- С. 105 употребление на пользу этого таланта / употребление на пользу сего таланта (Л. 82 л.)
- С. 105 предметом и целью всей своей жизни / целью и содержанием всей своей жизни (Л. 82 л.)
- С. 105 усовершенствии этих способов / усовершенствии сих способов (Л. 82 л.)
- С. 105 посвящена употреблению природных дарований / посвящена исполнению природных талантов (Л. 82 л.)
- С. 105 сие искусство / это искусство (1838)
- С. 105 Не дивитесь, что люди умные / Не дивитесь после сего, что люди умные (Л. 82 л.)
- С. 105 об этих предметах / о сих предметах (Л. 82 л.)
- С. 105 книги, которые он читал в это время / книги, которые занимали его в сие время (Л. 82 л.)
- С. 106 эгоизму / эгоизму (1838, 1855)
- С. 106 укоренилась в его душе / укоренилась в душе его (Л. 82 об.)
- С. 106 Он долго собирался открыться в этом / Он долго хотел открыться в этом сперва сестре (Л. 82 об.)
- С. 106 Наконец он твердо решился / Однажды он твердо было решился (Л. 82 об.)
- С. 106 В последствие времени / В последствии времени (1838, 1855)
- С. 106 ради будете / рады будете (1838)
- С. 106 3-го октября 1789 / 14 ноября 1798 (Л. 82 об.)
- С. 107 задрожал и, вскричав / задрожал и вскричал (Л. 83 л.)
- С. 108 переехать к себе в дом / переехать к ней в дом (1838, 1855)

- С. 108 так опросам конца не бывает / так спросам конца не бывает (Л. 83 л., 1838, 1855)
- С. 109 с горьким плачем / с громким плачем (Л. 83 л.)
- С. 109 черную женщину / белую женщину (Л. 83 л.)
- С. 110 не стаёт дыхания / не стало дыхания (Л. 83 об.) / недостает дыхания (1838) / нестаёт дыхания (1855)
- С. 110 дыхания. / дыхания. В нем проснулось только чувство слуха, и еще глаза сквозь полуотверстые веки могли кое-как различать предметы (Л. 83 об.)
- С. 110 из этого состояния / из сего состояния (Л. 83 об.)
- С. 110 в это время / в сие время (Л. 83 об.)
- С. 110 Сережку / Алешку (Л. 83 об.)
- С. 110 Пойдем же, батюшка Сергей Иванович; дяденька уж не встанет / Пойдем же, батюшка Алексей Яковлевич, ведь дяденька уж не встанет (Л. 83 об.)
- С. 111 по восьми раз на день / по восьми раз в день (1838, 1855)
- С. 111 злодея Мишку / урода Мишку (Л. 84 л.)
- С. 111 приехать изволила / приехать изволили (1838, 1855)
- С. 112 Да разве я не хотела тебе добра / Да разве я не добра тебе хотела (1838)
- С. 112 Князь Григорью / Князю Григорью (1838)
- С. 112 Сережку / Алешку (Л. 83 об.)
- С. 113 коварство и мщение своей сестры / коварство и мстительность своей сестры (1838, 1855)
- С. 113 в эти ужасные минуты / в сии ужасные минуты (Л. 84 об.)
- С. 113 Один Сережа плакал по нем / Один Алеша плакал по нем (Л. 84 об.)
- С. 113 и он опять впал в беспамятство / и вскоре он забылся по-прежнему (Л. 84 об.)
- С. 113 Но это забвение / Но сие забвение (Л. 84 об.)
- С. 113 Он ощущал возрождение чувств / Он чувствовал возрождение чувств (Л. 84 об.)
- С. 113 слышал биение сердца / ощущал биение сердца (Л. 84 об.)
- С. 113 но боялся подать знак жизни / но побоялся подать знак жизни (1838)
- С. 114 Подь-ко сюда, поужинать / Подь-ко сюда, поужинай (1838, 1855)
- С. 114 в черном платье / в белом платье (Л. 84 об.)
- С. 114 Слезы пресекли ее голос / Слезы пресекли голос ее (Л. 84 об.)

- С. 115 вошла другая девица, жившая в доме Алевтины / вошла другая де-
вушка, бывшая при ней в услугах (Л. 84 об.)
- С. 115 Что вы это делаете, Наталья Васильевна / Что вы это делаете, ба-
рышня (Л. 84 об.)
- С. 115 Полноте терзаться / Полноте тосковать (1838, 1855)
- С. 116 сильнее, нежели эта ненависть / сильнее этой ненависти (1838, 1855)
- С. 117 Но любовь внушила мне это средство / Не любовь внушила мне это
средство (1838, 1855)
- С. 117 вынул из кармана сткляночку / вынул из кармана скляночку (1838,
1855)
- С. 118 впускавший Павленка в комнаты князя / впускавший Павленко в
комнату князя (1838, 1855)
- С. 120 безнадежность сей любви / безнадежность этой любви (1838, 1855)
- С. 120 Она решилась заглушить в себе страсть / Она решилась заглушить ее
в себе (1838)
- С. 120 Ревность и любовь заставили Наташу / Ревность и любовь заставила
Наташу (1838)
- С. 120 устранили всякие другие отношения / устранила всякие другие от-
ношения (1838)
- С. 121 да покинути / да покинуты (1838)
- С. 121 Никогда не покину вас / Никогда вас не покину (1838, 1855)
- С. 122 Благородный тон, образование, привычка к светскому обращению /
Благородный ее тон, образование, привычки к светскому обращению
(1838, 1855)
- С. 122 Первым ее делом / Первым ее старанием (1838, 1855)
- С. 122 с достождным высокопочтением / с достождным высокопочита-
нием (1838, 1855)
- С. 123 утерла глаза / утерла слезы (1838, 1855)
- С. 123 боясь, чтоб этот вопрос не возбудил в муже ее прежних мечтаний
и беспокойств / боясь, что сей вопрос возбудит в муже ее прежние
мечтания и беспокойства (Л. 85 л.)
- С. 123 – Ничего, ничего! – сказал Кемский / – Ничего, ничего! – сказал
князь (Л. 85 л.)
- С. 123 незанимательна история его счастья / неинтересна история его сча-
стья (1838, 1855)
- С. 123 он выходит на состязание / он восходит на состязание (Л. 85 л.)
- С. 124 дожить до сентября месяца / дожить до сентября (1838, 1855)

- С. 124 приводило его в умилительный восторг / приводило его в умиление (Л. 85 л.)
- С. 125 В одно утро Кемский / Летом 1799 года Кемский (Л. 85 об.)
- С. 125 по внушению какого-то неизъяснимого предчувствия / по внушению от какого-то неизъяснимого внутреннего чувства (Л. 85 об.)
- С. 126 он понял слова юной стыдливой подруги, понял, что его ожидают радости родительские / он понял, понял, что его ожидают радости родительские (1838)
- С. 127 движений сердца / движений души (Л. 85 об.)
- С. 128 несколько свертков с червонцами / несколько свертков червонцев (Л. 86 л.)
- С. 128 есть голос правды / есть голос истины (Л. 86 л.)
- С. 128 пред ним опять зачернелась та точка / пред ним зачернелась опять та точка (Л. 86 л.)
- С. 128 с каким почтением смотрят на героев / с каким почтением глядят на героев (Л. 86 л.)
- С. 129 в минуты тишины и уединения / в минуты тишины (Л. 86 об.)
- С. 129 будущих наслаждениях чистой любви супружеской / будущих наслаждениях любви и дружбы (Л. 86 об.)
- С. 129 сломилась передняя ось / сломалась передняя ось (Л. 87 л.)
- С. 129 невыразимый гул утра / неугасимый гул утра (Л. 87 л.)
- С. 129 тихо пролепетал минутный счастливец / тихо лепетал минутный счастливец (Л. 87 л.)
- С. 129 при этом напоминовении / при сем напоминовении (Л. 87 л.)
- С. 129—130 затолпилось в его сердце и уме / затолпилось в его сердце и душе (Л. 87 л.)
- С. 130 как очутились они вместе / как сошлись они вместе (Л. 87 л.)
- С. 130 нашел человека, который его знает и понимает; странно: радовался еще, что нашел человека, с которым может поговорить по-русски / нашел человека, с которым может поговорить по-русски (1838)
- С. 130 *поставить* такого-то как можно исправнее туда-то / *поставить* такого-то курьера как можно исправнее туда-то (Л. 87 л.)
- С. 131 комнату, чрезвычайно чистую / комнату, необыкновенно чистую (Л. 87 л.)
- С. 131 как бы инстинктивным изяществом всех форм / как бы изяществом всех форм (1855)
- С. 131 в этой обители / в сей обители (Л. 87 об.)

- С. 132 дороже чужой, хотя бы Кировой или Александровой / дороже чужой, хотя бы Александровой (Л. 88 л.)
- С. 133 При этих словах / При сих словах (Л. 88 л.)
- С. 133 оправился и продолжал: / оправился и продолжал: || — Но любопытнее всего была взаимная борьба этих новых союзников. Турки не могут покинуть древнего своего обычая отсекать головы у пленных неприятелей, а русские не могут вразумить их, что это противно правилам войны. Что ж делают ваши соотчичи? Они покупают пленников у турок и тем спасают им жизнь. Я сам был свидетелем, как майор морских полков Соколов удержал саблю, поднятую турецким солдатом над головою одного французского офицера. «Что тебе дадут за его голову?» — спросил он у него через переводчика. «Червопец». — «Вот тебе два — отпусти его». И не одни офицеры — солдаты спасали многих несчастных. Да сохранит Бог в вашем народе эту кротость к побежденным, эту преданность государю и Отечеству, — и Россия вознесется над всеми царствами Европы, погрязшими ныне в бедствиях и преступлениях, порожденных забвением законов Божиих! Я в России родился, надеюсь умереть в России: ее слава и благоденствие мне драгоценны. (Л. 88 об.)
- С. 133 мать морлячка / мать рагузанка (Л. 89 л.)
- С. 134 подвижную лавочку / подвижную лавку (Л. 89 л.)
- С. 134 был у Антонио брат, каноник / был у Антонио брат, священник (Л. 89 л.)
- С. 134 племянник дожа кем-то был столкнут в канал / племянник дожа кем-то столкнут в канал (1838)
- С. 134 ибо никто не подозревал ее в соучастии / потому что никто не подозревал ее в соучастии (1838, 1855)
- С. 135 одетый простее других / одетый проще других (1838, 1855)
- С. 135 сказал Антонио по-французски / сказал Антонию по-французски (1855)
- С. 135 Ударил обеденный колокол / Вскоре ударил обеденный колокол (Л. 89 об.)
- С. 135 они народ добрый и ласковый / они народ добрый (1838)
- С. 137 Родители мои оросили слезами / Мы оросили слезами (Л. 90 л.)
- С. 137 епископа тревизского / епископа тровизского (1838)
- С. 137 на родину отца / на родину отца моего (Л. 90 л.)
- С. 137 Я был привезен к дяде / Меня привезли к дяде (1838, 1855)

- С. 137 получил я от матушки известие / получил я от матушки письмо (Л. 90 л.)
- С. 137 хочет меня благословить / хочет благословить меня (Л. 90 л.)
- С. 137 об намерении / о сем намерении (Л. 90 л.)
- С. 137 охотно на сие согласился / охотно на то согласился (1838, 1855)
- С. 138 На лице незнакомца изобразилось удовольствие / Удовольствие изобразилось на лице незнакомца (Л. 90 л.)
- С. 138 сказал он с участием / сказал он с чувством (Л. 90 л.)
- С. 139 и признаюсь вам / признаюсь вам (1838)
- С. 140 храбростью — и благородством. || Мне привелось быть очным тому свидетелем ~ надеюсь умереть в России: ее слава и благоденствие мне драгоценны. / храбростью — и благородством. (Л. 90 об.)
- С. 141 человек необыкновенный, загадочный / человек необыкновенный, таинственный, загадочный (Л. 91 л.)
- С. 141 Думаю так и теперь / Полагаю так и теперь (Л. 91 л.)
- С. 141 Притом ваши познания / Притом необыкновенные ваши познания (Л. 91 л.)
- С. 141 алхимистом / алхимиком (1838, 1855)
- С. 141 вы изумили своими мнениями / вы изумили своими познаниями и мнениями (Л. 91 л.)
- С. 141 столько любопытного / столько убедительного (Л. 91 л.)
- С. 142 обладал этими знаниями / обладал сими знаниями (Л. 91 л.)
- С. 142 еще рассматривают, еще обдумывают / еще рассматривают, обдумывают (Л. 91 л.)
- С. 142 светлого своего младенчества; тогдашнее поклонение / светлого своего младенчества. Тогда поклонение (1838, 1855)
- С. 142 Кемский был поражен его словами / Кемский был глубоко поражен его словами (Л. 91 л.)
- С. 143 но эти видения / но сии видения (Л. 91 об.)
- С. 143 в душе нашей темным воспоминанием / в душе нашей тайным воспоминанием (Л. 91 об.)
- С. 143 по особенному, таинственному сочетанию / по неизвестному, таинственному сочетанию (Л. 91 об.)
- С. 143 лунатизм / лунатисм (1838, 1855)
- С. 143 При этих словах / При сих словах (Л. 91 об.)
- С. 144 следил за ее изысканиями / следовал за изысканиями (1838, 1855)

- С. 144 эта чудесная сила существа нашего / сия чудесная сила естества нашего (Л. 91 об.)
- С. 144 исследовала эту силу / исследовала сию силу (Л. 91 об.)
- С. 144 ни свидетельства / ни свидетельств (Л. 92 л.)
- С. 144 что мне узнать случилось / что мне открытъ случилось (Л. 92 л.)
- С. 145 мог бы я доставить вам без труда / доставлю вам без труда (Л. 92 л.)
- С. 145 подтвердят вам земляки ваши, офицеры двух полков / подтвердят вам офицеры двух полков (Л. 92 л.)
- С. 145 потолкуем о родной земле / потолкуем о родимой земле (1838, 1855)
- С. 145 о друзьях и родных / о друзьях и ближних (Л. 92 л.)
- С. 146 я видел эту ночь странный сон / я видел странный сон эту ночь (Л. 92 об.)
- С. 146 что мне пригрезилось / что мне привиделось (Л. 92 об.)
- С. 146 об отходе этих минутных, но искренних моих приятелей / об отходе этих минутных, но искренних моих приятелей к армии (Л. 92 об.)
- С. 147 ворота отперты / ворота открыты (1838)
- С. 147 бедный мой товарищ умер от болезни, от недостатка врачебного пособия / бедный мой товарищ умер от болезни, от недостатка... (*Далее — обрыв текста и вклейка:*) || Хозяйка дома неожиданно вошла в комнату и прервала рассказ Алимари. Он обратился к ней с вопросом. Она что-то отвечала, и по знаку, данному им, вышла. «Случай позволяет, — продолжал он, обратясь к Кемскому, исполнить и другое желание ваше — видеть сон магнетический. Неподалеку отсюда в бедной хижине лежит больная женщина, которая иногда впадает в это состояние — перехода от жизни в вечность. Она вытерпела на своем веку много несчастий, ослабела телом, но укрепила страданиями душу. За месяц пред сим была она свидетельницею ужасного сражения в обитаемой ею деревне, смерти соседа, убитого невзначай французским застрельщиком || И впадала в жестокую болезнь, которая, утихнув, превратилась в ясновидение. Я случился невзначай подле ее дома, когда она лежала в сильном судорожном припадке. Сестра несчастной, выбежав нечаянно на улицу, увидела меня и приняла за врача, просила войти в дом и помочь ей. Я исполнил ее желание, вошел, увидел мучения больной, но не имел никаких способов к поданию ей помощи. Вдруг мысль о магнетизме мелькнула в уме моем: сотворив тайную молитву к Подателю, я подошел к страдалице, лежавшей без памяти в страшных конвульсиях, и стал ее магнетизировать. Через несколько минут припад-

ки прекратились, и бедная погрузилась в тихий сон. Проснувшись по прошествии трех часов, она благодарила за лекарство, которое ей дали, и объявила, что извещает облегчение. На другой день припадок возобновился, хотя в меньшей степени. Я употребил прежнее средство; больная заснула, как накануне. Уже готовился и оставить ее, как она вдруг заговорила тихим, приятным, необыкновенным голосом: она пришла в ясновидение, и на вопросы мои о средствах на ее излечение назвала несколько трав, неизвестных мне именами. Сестра нарвала этих трав. Мы изготовили из них питье по указанию больной и лечили ее этим. Теперь сообщили мне, что она впала в сон, это случается с нею раз в сутки. Я должен навестить ее. Пойдемте вместе. || — Сходим! — отвечал Кемский. || Дорóгою осведомился он, не предлагал ли Алимари больной каких-нибудь других вопросов, кроме относящихся к ее болезни. || — Нет! — сказал он. — Не должно принуждать натуру, не должно искусственно выводить ее из круга, ею самую очерченного. Ясновидение этой больной должно быть обращено к ее собственной пользе — и этого довольно. || Они вошли в бедную хижину. За перегородкою лежала на бедном одре средних лет женщина, прекрасная собою, но чрезвычайно бледная. Длинные черные ресницы показывали, каковы должны быть ее глаза, теперь сомкнутые веками, руки ее были сложены на груди, сильно волновавшейся. Кемский увидел в ней изображение страдающей красоты. || — Вы ли это? — сказала она Алимари, когда Алимари взял ее за руку. || — Я, любезная Джульетта! — отвечал он и спросил у нее что-то на тамошнем наречии. || Она отвечала ему так же. Кемский не понимал этого разговора: он стоял в некотором отдалении, боясь подойти и встревожить больную. || — Подойдите, князь — сказал ему Алимари и, взяв его за руку, подвел его к постели, другой рукой он взял за руку больную. Вдруг яркая краска пробежала по лицу спящей, и она проворно заговорила. Алимари смутился и посмотрел на князя, желая узнать, не понимает ли он слов ее. (*Конец вклейки.*) || ...врачебного пособия (Л. 92 об. — Л. 93 об.)

С. 147 Извольте садиться. || Друзья вышли из дому / Извольте садиться. || — Тотчас! — закричал князь. || — Еще минуточку, — сказал Алимари, провел руками два раза по лицу больной, которая не переставала говорить, замолчала и вскоре тут же проснулась. || Прежде нежели

- успела она заметить присутствие незнакомца, друзья вышли из дому (Л. 93 об.)
- С. 147 С этими словами вынул он / При сих словах вынул он (Л. 93 об.)
- С. 148 могут столпиться над головою / могут сойтись над головою (Л. 94 л.)
- С. 148 внезапный отъезд мужа / внезапный отъезд друга (Л. 94 л.)
- С. 148 другое чувство — возвышеннейшее, священнейшее / другое чувство — священнейшее, возвышеннейшее (Л. 94 л.) / другое чувство — возвышеннейшее (1838, 1855)
- С. 148 это неизъяснимое в женщине ощущение / сие неизъяснимое в женщине ощущение (Л. 94 л.)
- С. 148—149 выражениями пламенной любви / пламенными выражениями любви (Л. 94 л.)
- С. 149 к другу ее сердца / к ее другу сердца (Л. 94 л.)
- С. 149 Прости!.. Ты... Муж твой... / Прости!.. Муж твой... (1838, 1855)
- С. 149 монастырь... Наташа, прости! / монастырь... дитя... Наташа, прости! (Л. 94 л.)
- С. 149 не усугубляет, а как будто утоляет ее / не усугубляет, а утоляет ее (Л. 94 л.)
- С. 149 и эти слезы / и сии слезы (Л. 94 л.)
- С. 149 воспоминании об отсутствовавшем / воспоминании об отсутствовавшем друге ее (Л. 94 л.)
- С. 149 она оставит все свои интриги / она бросит все свои интриги (1838, 1855)
- С. 149 открыл глаза простодушной / открыл глаза простодушной Наташе (Л. 94 об.)
- С. 150 Она кинулась на колени пред образом / Она кинулась пред образом (Л. 94 об.)
- С. 151 повели новопреезжего в свои палатки / повели нового знакомого в свои палатки (Л. 94 л.)
- С. 152 Солдат взглянул на него / Гусар взглянул на него (Л. 95 л.)
- С. 152 Когда прошли первые минуты / Когда миновались первые минуты (Л. 95 л.)
- С. 152 за воровство / за... воровство (1838, 1855)
- С. 152 Я ссылался на ваши милости / Я ссылался на вашу милость (Л. 95 об.)
- С. 153 на Вольнь. / на Вольнь. Я объявил, что умею верхом ездить, и поступил в гусарский полк (Л. 95 об.)
- С. 153 здорова и больна не бывала / здорова и не больна (1855)

- С. 153 коварным управителем / коварным Слепневым (Л. 95 об.)
- С. 153 «И Наташа в ее руках?» — подумал он с трепетом / «И Наташа в ее руках?» — подумал он с трепетом. — Боже! Призри и сохрани бедную!» (Л. 95 об.)
- С. 153 у палатки главнокомандующего / у ставки главнокомандующего (Л. 95 об.)
- С. 154 Тут же случился и Мишин полковник / Тут же случился и полковник Мишин (Л. 95 об.)
- С. 154 положил там голову / положил там голову за царя и Отечество (Л. 96 л.)
- С. 154 Он был храбрый человек / Он храбрый человек был (Л. 96 л.)
- С. 154 худощавый человек в гражданском мундире / худощавый человек с очками в гражданском мундире (Л. 96 л.)
- С. 155 плащом диогеновским / плащом Диогеновым (Л. 96 л.)
- С. 155 день прошел для Кемского как быстрое сновидение / день прошел в уме Кемского как быстрое сновидение (Л. 96 л.)
- С. 155 камергеры / каммергеры (Л. 96 л.)
- С. 155 подошел к нему секретарь / подошел к нему правитель канцелярии (Л. 96 л.)
- С. 156 После зари / После зори (1838, 1855)
- С. 156 Иные просили его / Некоторые просили его (Л. 96 л.)
- С. 156 Он пошел в раздумье в свою палатку / Князь пошел в раздумье в свою палатку (1838, 1855)
- С. 156 Князь рассказал ему случившееся / Он рассказал ему случившееся (1838, 1855)
- С. 156 О, люди, люди! / Люди, люди! (Л. 96 об.)
- С. 157 Это происходило / Сие происходило (Л. 97 л.)
- С. 157 отправился вперед с своим Силантьевым / отправился вперед с верным Силантьевым (Л. 97 л.)
- С. 158 поручить ему эту команду / поручить ему команду эту (1838, 1855)
- С. 158 оборотясь к фронту / обратясь к фронту (Л. 97 об.)
- С. 158 Через несколько минут храбрая дружина исчезла за кустами / Кемский с досадой видел, как храбрая дружина исчезла за кустами (Л. 97 об.)
- С. 158 Авангард прибавил шаг; пред ним открылась лощина / Авангард прибавил шаг; и вскоре пред ним открылась лощина (Л. 97 об.)
- С. 159 гром боя / бой брани (Л. 97 об.)

- С. 159 завязалось жестокое дело / завязалось жаркое дело (1838, 1855)
- С. 159 Велите себя перевязать и потом можете воротиться / Велите себя перевязать и по тому можете воротиться (1855)
- С. 159 драться до последней капли / драться до последней (Л. 97 об.)
- С. 160 отвечал лекарь / ответил лекарь (1838)
- С. 160 Новые усердные клики были ему ответом / Еще громчайшие клики были ему ответом (Л. 98 л.)
- С. 160 колонна французов / колонна вражеская (Л. 98 л.)
- С. 160 строй неприятелей / строй неприятеля (Л. 98 л.)
- С. 160 но вдруг наскакали на них два французских эскадрона / когда наскакали на них два французских эскадрона (Л. 98 л.)
- С. 161 его выслали в армию за какую-нибудь шалость / его за какую-нибудь шалость выслали в армию (Л. 98 об.)
- С. 164 положил меня на травку / положил меня на траву (1838, 1855)
- С. 164 – Посторонитесь! – вскричал провожавший их унтер-офицер. – Дайте место республиканским офицерам! / – Посторонитесь! – вскричал провожавший их унтер-офицер (1838, 1855)
- С. 164 поспешно вынесли из комнаты / поспешно вынесли их из комнаты (Л. 100 л.)
- С. 165 Что за голова! / Экая голова! (1838, 1855)
- С. 165 что она не была смертельна / что она была не смертельна (1838, 1855)
- С. 165 вдвоем с полковником они и на целой планете простора не найдут / вдвоем с полковником им и на целой планете простора не будет (Л. 100 об.) / вдвоем с полковником он и на целой планете простора не найдет (1838)
- С. 166 Проворный лекарь / Проворный доктор (Л. 101 л.)
- С. 166 Между тем Миша / Верный ему Миша (Л. 101 л.)
- С. 166 жалел о потере своей левой / жалел о потере левой (1838)
- С. 166 и в короткое время снискал знакомых / и вскоре снискал знакомых (Л. 101 л.)
- С. 166 наблюдал все его предписания / соблюдал все его предписания (1838, 1855)
- С. 166 возникало страдание в душе его / возникало в душе его страдание (Л. 101 л., 1838, 1855)
- С. 167 черной женщины / белой женщины (Л. 101 об.)
- С. 168 в невинном взгляде, в доверчивой улыбке ее / в невинном взгляде, доверчивой улыбке ее (1838, 1855)

- С. 168 у этих новых друзей / у сих новых друзей (Л. 102 л.)
- С. 168 на постройку бумажного домика / на постройку нового бумажного домика (Л. 102 л.)
- С. 169 ограблен на дороге / ограблен в дороге (1838, 1855)
- С. 169 как ему сказывали / как ему сказали (1838)
- С. 169 Явился врач, употребил некоторые средства, и больной поуспокоился / Явился врач, и больной поуспокоился (Л. 102 об.)
- С. 171 ни с кем не говорил ни слова / но ни с кем не говорил ни слова (1838, 1855)
- С. 171 на эти слова / на сии слова (Л. 103 л.)
- С. 171 Ты совершил свое земное поприще как честный человек и усердный гражданин! / Ты как честный человек и усердный гражданин совершил свое земное поприще (Л. 103 л.)
- С. 172 отдохновение во трудах / отдохновение по трудах (Л. 103 л.)
- С. 172 Кемский начал прислушиваться / Кемский начал слушать внимательно (Л. 103 л.)
- С. 172 – Какого генерала хоронят? / – Кто генерал, которого хоронят? (Л. 103 л.)
- С. 172 – Шампьонета / – Чемпионета (1838, 1855)
- С. 172 – Как, Шампьонета? / – Как, Чемпионета? (1838)
- С. 172 Покорителя Неаполя и Рима, победителя Мака? / Победитель Неаполя и Рима, победитель Мака? (Л. 103 л.)
- С. 172 – Того самого, – отвечал Алимари, – того самого / – Тот самый, – отвечал Алимари, – тот самый (Л. 103 л.)
- С. 172 он не унизился / он не упал духом (Л. 103 л.)
- С. 172 миром рабства и тления / миром тления и рабства (Л. 103 л.)
- С. 172 презреть Провидение, восстать против своего Творца / презреть Провидение и восстать против своего Творца (Л. 103 л.)
- С. 173 – Но неужели / – Неужели (1838, 1855)
- С. 173 глас природы / голос природы (1838, 1855)
- С. 173 приведу я еще пример / приведу еще пример (1838)
- С. 174 Сказав эти слова / Сказав сии слова (Л. 103 об.)
- С. 174 причина эта была любовь / причина сия была любовь (Л. 104 л.)
- С. 174 алчности к злату / алчности к золоту (1838, 1855)
- С. 175 читал с ним авторов, поэтов греческих / читал с ним, поэтов греческих (Л. 104 л.)
- С. 175 отнюдь его не огорчало / отнюдь не огорчало его (Л. 104 л.)

- С. 176 нашед во мне / нашедши во мне (1838, 1855)
- С. 176 ученика прилежного и страстного / ученика страстного и прилежного (Л. 104 л.)
- С. 176 пред алтарем / пред главным алтарем (Л. 104 об.)
- С. 176 этих мгновенных мечтаний / сих мгновенных мечтаний (Л. 104 об.)
- С. 177 Все греческие буквы старинных манускриптов казались мне обведенными красною каемкою / Мне казалось, все греческие буквы старинных манускриптов обведены красною каемкою (Л. 104 об.)
- С. 177 огорчился этим / огорчался этим (1838, 1855)
- С. 177 Я извинился в неосторожном выражении / Я извинился в неосторожности выражения (1838)
- С. 178 дрожащим, но верным голосом / дрожащим голосом (1838, 1855)
- С. 178 Голос был так же чист / Голос сей был так же чист (Л. 105 л.)
- С. 178 Голос невидимки проник глубоко в мою душу / Голос невидимки глубоко проник в мою душу (Л. 105 л.)
- С. 178 стратагемою / стратегмою (1838) / стратегмой (1855)
- С. 178 оба мои идеала / мои идеалы (1838)
- С. 178 по-прежнему не встречал нигде / по-прежнему нигде не встречал (Л. 105 л.)
- С. 179 дом его был неприступен / дом был неприступен (1838)
- С. 179 но в этот раз / но в сей раз (Л. 105 л.)
- С. 179 «Отца Валентина!» — отвечал я / «Отца Валентина!» — сказал я (1838, 1855)
- С. 179 сегодня хоронят его / сегодня его хоронят (Л. 105 л.)
- С. 179 не привык еще к тратам / не привык еще к утратам (1838, 1855)
- С. 179 синиор Алимари / синьор Алимари (Л. 105 об.)
- С. 179 мы воротились в город / мы безмолвно воротились в город (Л. 105 об.)
- С. 180 пела строфы Анакреона / пела стихи Анакреонта (Л. 105 об.)
- С. 180 Не стану говорить вам / Не буду говорить вам (1838)
- С. 181 иногда молитва моя бывает услышана / иногда молитва бывает услышана (1838, 1855)
- С. 181 Странные мечты / Странные мечты (1838)
- С. 182 держа на руках детей / держа в руках детей (1838, 1855)
- С. 182 из-под груди камней / из-под груди развалин (1838, 1855)
- С. 182 о премудрости, правосудии / о правосудии, премудрости (Л. 106 л.)
- С. 182 на этот свет / на сей свет (Л. 106 л.)

- С. 183 въезда Марии Антонии в Францию / въезда Марии Антонии во Францию (Л. 106 л.)
- С. 183 Я отжил век свой / Я отжил свой век (1838, 1855)
- С. 184 Вы можете ехать в свое отечество когда угодно / Вы можете ехать когда угодно в свое отечество (Л. 106 об.)
- С. 185 поворотила она направо / поворотила она налево (Л. 107 л.)
- С. 186 дом был уже не тот, которого искал наш странник / дом был уже не тот, который надеялся увидеть наш странник (Л. 107 л.)
- С. 186 Казанский мост, крутой, тесный, грязный / Казанский мост, тесный, грязный, крутой (Л. 107 л.)
- С. 187 между Большою и Малою Морскими / между Большою и Малою Морскою (Л. 107 л.)
- С. 187 Не одни улицы / Но не одни улицы (Л. 107 об.)
- С. 187 вдруг ватага молодых, хорошо одетых людей его окружила / вдруг окружила его ватага хорошо одетых молодых людей (1838, 1855)
- С. 188 Он остановился и глядел вслед за ними / Он остановился и глядел за ними (1838)
- С. 188 на Аптекарском острове / на Каменном острове (Л. 107 об.)
- С. 188 при определении его на службу / при определении его в службу (1838, 1855)
- С. 189 Один сидел на стуле, устремив неподвижные глаза в паркет / Один сидел на месте, устремив неподвижные глаза в пол (Л. 108 л.)
- С. 189 здесь волк душит овцу; тут лисица лакомится осиротевшими птенцами, там осел лягает больного льва / здесь волк душит овцу; там осел лягает больного льва (1838)
- С. 190 дает обеды и балы / дает обеды (1838, 1855)
- С. 190 и не такое дельцо / и не такое дельце (1838, 1855)
- С. 190 нет ли в канцелярии кого / нет ли кого в канцелярии (Л. 108 об.)
- С. 191 В это время явился и Тряпицын / В это время явился и сам Тряпицын (Л. 108 об.)
- С. 191 Жадность, бессовестность, шампанское и подагра / Бессовестность, жадность, шампанское и подагра (Л. 108 об.)
- С. 191 Толпы расступились / Толпа расступилась (Л. 108 об.)
- С. 192 двери распахнулись, и оттуда вышел размеренными, важными шагами барон Иван Егорович фон Драк, нагудренный, во фраке со звездою / двери распахнулись, и вышел барон Иван Егорович фон

- Драк, напудренный, во фраке с двумя звездами, с крестом на нем, с лентою (Л. 108 об.)
- С. 192 лоб его лоснился / лоб его съезжился (Л. 108 об.)
- С. 192 Проситель, обыкновенно, поклонится и замолчит / Проситель, обыкновенно, замолчит и поклонится (Л. 109 л.)
- С. 192 принимал объяснение на себя / принимал на себя объяснение (Л. 109 л.)
- С. 192 принужден был сделаться зрителем и слушателем / принужден был сделаться свидетелем и слушателем (Л. 109 л.)
- С. 194 взглянув на Кемского, остолбенел. — || — Я не к Тряпищину пришел, — возразил Кемский / взглянув на Кемского, остолбенел. — || — И ты еще здесь, гнусный злодей! — воскликнул князь. — И ты осмеливаешься смотреть на меня! Вон отсюда! (Л. 109 об.)
- С. 194 изразившееся на лице ее / изобразившееся на лице ее (1838)
- С. 194 утишить ее волнение / успокоить ее волнение (Л. 109 об.) / утишить ей волнение (1838, 1855)
- С. 194 Слабый и чувствительный / Слабый и слишком чувствительный (Л. 109 об.)
- С. 194 удивлялся уму, ловкости и присутствию духа / удивлялся ловкости, уму и присутствию духа (Л. 109 об.)
- С. 195 страстная к занятиям, наукам / страстная к занятиям наукою (1838, 1855)
- С. 196 Кемскому стало жаль сестры / Кемскому так было жаль сестры (Л. 110 л.)
- С. 196 вы будете сегодня у нас обедать / вы будете сегодня обедать у нас (Л. 110 л.)
- С. 197 филагограмовая / филиграновая (1838, 1855)
- С. 197 по обоим берегам Невы / дачи по обеим сторонам Невы (Л. 110 л.)
- С. 197 на эту очаровательную панораму / на сию очаровательную панораму (Л. 110 л.)
- С. 197 господствовала тишина / господствовала тишина, редко прерывавшаяся (Л. 110 об.)
- С. 197 В час обеда Кемский воротился на дачу фон Драка. В гостиной были Алевтина, муж ее, дочь, Тряпищын и несколько человек ему неизвестных. Алевтина между тем успела / Гостиная была наполнена людьми, когда Кемский воротился к Алевтине. Она между тем успела (Л. 110 об.)
- С. 198 дождались мы счастья вас видеть / дождались мы счастья (Л. 110 об.)

- С. 198 сервированы со вкусом и великолепием / сервированы со вкусом (Л. 110 об.)
- С. 198 с унынием сказал Кемский / с уважением сказал Кемский (1838)
- С. 199 Григорий Сергеевич / Григорий Павлович (Л. 110 об.)
- С. 199 с презрительною усмешкою / с злобною усмешкою (Л. 111 л.)
- С. 199 Он соединял в себе / Он соединил в себе (1838, 1855)
- С. 199 свойства двух лиц / свойство двух лиц (1838)
- С. 199 такого позора не бывало ему давно / такого позора не было ему давно (1838, 1855)
- С. 199 не могли удержать смеха / не удерживались смеха (Л. 111 л.)
- С. 201 Если б вы были свидетелями / Но если б вы были свидетелями (Л. 111 об.)
- С. 201 *животные* свои действия / *животные* свои действия (1838)
- С. 202 не могла принять участия / не могли принять участия (1838)
- С. 202 жаром и бранчивостью / жаром и бранчливостью (1838)
- С. 202 самыми усердными и страстными игроками / самыми внимательными и страстными игроками (Л. 112 л.)
- С. 203 на его приветствие не отвечали / на его приветствие не отвечали ему (Л. 112 л.)
- С. 204 На Неве свежий ветерок / Свежий ветерок на Неве (Л. 112 л.)
- С. 204 разнощиков / разносчиков (1838, 1855)
- С. 204 с той самой точки / с той самой минуты (1838, 1855)
- С. 204 оставаться за раною в Ницце / оставаться в Ницце за раною (Л. 112 л.)
- С. 204 По возвращении в Россию / По возвращению в Россию (1838, 1855)
- С. 204 Чрез несколько месяцев поручено было / Вскоре поручено было (Л. 112 об.)
- С. 205 сколько душ он спас / и сколько душ он спас (Л. 112 об.)
- С. 206 людей просвещенных и благородных / людей просвещенных и доброжелательных (Л. 112 об.)
- С. 206 поддерживал общую беседу и, давая всякому полную свободу / поддерживая общую беседу и давая всякому полную свободу (1838, 1855)
- С. 206 Плоды сих благородных трудов вскоре оказались / Плоды сих благородных трудов вскоре сказались (1838)
- С. 206 слава его полка / слава его полку (1838)
- С. 206 и был тяжело ранен / и получил тяжелую рану (Л. 113 л.)
- С. 207 исключение из своих правил / исключение из правил своих (Л. 113 л.)
- С. 207 закричал подполковник / закричал полковник (1838)

- С. 207 бежать за фронт / бежать за фронт (1838, 1855)
- С. 207 Не желая огорчить Кемского / Между тем, не желая огорчить Кемского (Л. 113 л.)
- С. 208 Но можно ли быть воином и в то же время трусом / Но можно ли быть трусом и в то же время воином (1838, 1855)
- С. 208 в русской армии трусов нет и быть не может / в русской армии нет и быть не может трусов (Л. 113 л.)
- С. 208 Советую вам оставить наш круг как можно скорее / Советую вам как можно скорее оставить наш круг (Л. 113 об.)
- С. 209 интриганта / интригана (1838)
- С. 209 но особой команды ему не дали / особой команды ему не дали (1838, 1855)
- С. 210 с добычею своею / с добычей своею (1838, 1855)
- С. 210 оказался виноватым / оказался виновен (Л. 113 об.)
- С. 210 Полковник князь Алексей тебя обидел? / Полковник, князь Алексей тебя обидел? (1838, 1855)
- С. 211 содержан в тяжкой неволе / содержал в тяжкой неволе (1838)
- С. 212 были прерваны приходом обоих его племянников / были прерваны появлением обоих его племянников (Л. 115 л.)
- С. 212 выражал это почтение по-своему / выражал его почтение по-своему (1838)
- С. 212 При этих словах / При сих словах (Л. 115 л.)
- С. 213 штабс-капитан Залетаев / штабс-капитан Закастаев (то же — по всему тексту) (Л. 115 л.)
- С. 213 Сергея Ветлина / Алексея Ивина (Л. 115 л.)
- С. 213 в ребяческих летах / в ребяческих его летах (Л. 115 л.)
- С. 213 по возвращении в Россию откомандировать как можно дальше / по возвращении в Россию откомандировать его в Ревель (Л. 115 л.)
- С. 213 «Жестокая судьба! — прибавил он про себя. — Души живой для меня на свете не осталось!» / «Жестокая судьба! Души живой для меня на свете не осталось!» — прибавил он про себя (Л. 115 л.)
- С. 214 бросил огарок в чайное блюдечко / бросил огарок на блюдечко чайное (Л. 115 л.)
- С. 216 отрекомендую тебя жене моей / отрекомендую тебя жене (1838, 1855)
- С. 217 у вас есть дельцо / у вас есть дельце (1838, 1855)
- С. 218 важного по этой части / важного по сей части (Л. 119 л.)

- С. 218 выражение принужденности и лицемерия / выражение принужденности и лицемерия притворства (Л. 119 л.)
- С. 219 вникнет в это дело / вникнет в сие дело (Л. 119 об.)
- С. 219 Бог вознаградит его / Бог вознаградит его, ибо лучше погубить тело, нежели душу (Л. 119 об.)
- С. 220 без надежды на выздоровление Волочкова. Последним, решительным ответом Волочкова было: || — Не хочу знать и имени изверга, за которого вы просите: я должен сохранить в сем деле величайшее беспристрастие. / без надежды на выздоровление Волочкова (Л. 119 об.)
- С. 220 и отправился от него / и отвратился от него (1838)
- С. 220 Когда князь вышел из гостиной / Когда он вышел из гостиной (Л. 119 об.)
- С. 220 втерся в знакомство к одному человеку / втерся в знакомство к одному знатному человеку (Л. 119 об.)
- С. 220 всякой платит дань / всякий платит дань (1838)
- С. 221 Досканцов / Даров (то же — по всему тексту) (Л. 120 л.)
- С. 221 слыл в мире другом правды и чести, Катонном и Сократом / слыл в мире Катонном, другом правды и чести, и Сократом (Л. 120 л.)
- С. 221 хотевший отличать слабости от порока / хотевший отличить слабости от порока (1838, 1855)
- С. 222 жил барином в просторном великолепном доме / жил барином в великолепном просторном доме (Л. 120 об.)
- С. 222 роскошь и удобство / роскошь и удобства (1838, 1855)
- С. 222 прежний его сюртук / прежний его синий сюртук (Л. 120 л.)
- С. 223 от мучительных сцен, которые на каждом шагу поражали его в свете / от мучительных сцен, которые поражали его в свете на каждом шагу (Л. 120 об.)
- С. 223 с портфейлем / с портфелем (Л. 120 об.)
- С. 224 выйду в отставку / пойду в отставку (1838)
- С. 224 старавшиеся до того по глазам угадать мои мысли / старавшиеся по глазам до того угадать мои мысли (Л. 121 л.)
- С. 224 с поклонами, поздравлениями и доносами / с поклонами, комплиментами и доносами (Л. 121 л.)
- С. 224 Как и теперь: недружелюбно, гордо, жестоко / Как и теперь: гордо, жестоко, недружелюбно (Л. 121 л.)
- С. 225 Ваш камердинер Федька / Ваш камердинер Тимошка (Л. 121 об.)
- С. 225 Пришлось отпустить экипаж / Надежало отпустить экипаж (Л. 122 л.)

- С. 225 казалось ему слишком дорогим / казалось ему слишком дорого (1838, 1855)
- С. 226 На ветхом канапе / На ветхой софе (1838, 1855)
- С. 227 – Потеше, сударь / – Потеше, господин (Л. 122 об.)
- С. 227 Князь вынул деньги / Князь вынул три красных бумажки (Л. 123 л.)
- С. 228 добрый Гаврило Григорьевич / добрый Гаврила Григорьевич (1838, 1855)
- С. 228 высокая, худощавая старуха / высокая, сухощавая старуха (Л. 123 л.)
- С. 228 кончу большую мою картину / кончу мою большую картину (Л. 123 л.)
- С. 229 При помощи Акулины Никитичны, коротко знакомой со всеми петербургскими предместьями, отыскали удобную квартиру на Выборгской стороне, на месте старинного Самсоньевского кладбища, в доме, построенном посреди сада, разведенного на древних могилах. Дом этот имел два выхода и в верхнем ярусе большую светлую комнату, как будто нарочно построенную для помещения в ней мастерской живописца / При помощи Акулины Никитичны, которая знала квартал еще лучше Гаврила Григорьевича, отыскали удобную квартиру с двумя выходами на Выборгской стороне (Л. 123 л.)
- С. 229 Князь уступил большую часть нижнего жилья Бериллову / Князь уступил большую ее часть Бериллову (Л. 123 л.)
- С. 231 где ожидают его муки и терзания / где муки и терзания ожидают его (Л. 123 об.)
- С. 231 Освободившись от ненавистных лиц / Очувившись один, освободившись от ненавистных лиц (Л. 123 об.)
- С. 231 из Ниццы в Триест. Его провожал верный друг, Алимари, дважды спасший ему жизнь: в первый раз сообщив условное восклицание, по которому всякой масон (а их было очень много во французской армии) должен был непременно подать ему помощь; в другой раз – исторгнув его из бездны отчаяния... / из Ниццы в Триест. (Л. 123 об.)
- С. 232 Алимари стоял подле него / Подле него стоял Алимари (Л. 123 об.)
- С. 232 даль, исчезающую на западе / даль, теряющуюся на западе (1838, 1855)
- С. 232 На лице ее изобразилось внутреннее движение тоски / На лице ее изобразилось движение тоски (1838, 1855)
- С. 232 Страдалица поутихла / Больная поутихла (Л. 124 л.)
- С. 233 томное сердце. / томное сердце. Видишь ли? (Л. 124 л.)
- С. 233 исказили прекрасное лицо / исказили прекрасное лицо страдалицы (Л. 124 л.)

- С. 233 Явление это / Явление сие (Л. 124 л.)
- С. 233 влекло его к ней непонятною силою / влекло его к ней с непонятною силою (1838, 1855)
- С. 233 люби, верь и надейся / верь, люби и надейся (Л. 124 л.)
- С. 233 с печальною на устах улыбкою / с горестною улыбкою на устах (Л. 124 л.)
- С. 234 сим словом, как воззванием к Заступнице своей у Небесного Престола / сим словом, как к Заступнице своей у Небесного Престола (Л. 124 л.)
- С. 234 Но эта светлая тень, эта посланница с того света / Но эта сия светлая тень, сия посланница с того света (Л. 124 л.)
- С. 234 на Кавказе неразлучная подруга стала являться к нему реже / на Кавказе сия неразлучная подруга стала являться к нему реже (Л. 124 л.)
- С. 234 болезненное забвение / болезненное забытье (Л. 124 об.)
- С. 234 он открыл глаза / он раскрыл глаза (Л. 124 об.)
- С. 235 лик его тонул в мраке / лик его тонул во мраке (1838, 1855)
- С. 235 над письменным его столиком / над письменным его столом (1838, 1855)
- С. 235 а не головою. Под сельским видом повесил он собственный свой портрет с подписью своего же сочинения: || «Князю из людей, человеку из князей, благодарный до гроба || *Андрей Бериллов*» / а не головою. (Л. 124 об.)
- С. 236 Минута недоумения бегло пролетела / Минута недоумения быстро пролетела (1838, 1855)
- С. 236 пришед домой / пришедши домой (1838, 1855)
- С. 237 чрез несколько дней исчезал опять / чрез несколько дней опять исчезал (Л. 125 об.)
- С. 237 князь укрылся. / князь укрылся. Иногда навещал он Вышатица (Л. 125 об.)
- С. 238 Прелестные наряды красавиц / Прелестные свежие наряды красавиц (Л. 127 л.)
- С. 238 возбудила в сердце его чувство грустное, томительное / возбудила в сердце его томительное грустное чувство (Л. 127 л.)
- С. 238 Он вспоминал о прежних днях / Он вспомнил о прежних днях (1838, 1855)
- С. 238 волнуемый грустными помыслами, он, сделав несколько шагов в зал, остановился / волнуемый грустными мыслями, он остановился, сделав несколько шагов в зале (1838, 1855)

- С. 239 по отдалении сей комнаты / по отдалении этой комнаты (1838, 1855)
- С. 239 Слуга в богатой ливрее / Маркёр в богатой ливрее (Л. 127 л.)
- С. 239 Сергей Ветлин на бале! / Ивин на бале! (Л. 127 л.)
- С. 239 обратиться с вопросом к незнакомцам / обратиться с вопросом к незнакомым (1838, 1855)
- С. 240 вступать в разговор / вступать в разговоры (1838, 1855)
- С. 240 С ним наравне возрастало внимание офицера / Внимание к офицеру возрастало с ним наравне (Л. 127 об.)
- С. 240 Надинька / Наденька (1838, 1855)
- С. 241 посмотрел на нее внимательно, потом испустил глубокий вздох / испустил глубокий вдох, потом посмотрел на нее внимательно (Л. 127 об.)
- С. 241 Надинька / Наденька (1838, 1855)
- С. 241 удалился в другую комнату / вышел в другую комнату (Л. 127 об.)
- С. 241 Сергей Иванович / Алексей Васильевич (Л. 127 об.)
- С. 241 здесь нам не место толковать / здесь нам толковать не место (Л. 127 об.)
- С. 241 с чувством пожал ему руку / с чувством пожал ему руку, казалось, прослезился (Л. 127 об.)
- С. 242 догадался о причине. || Ивин не мог понять, отчего благодетель его детства живет так скромно, можно сказать, так бедно. Софа и кресло простого дерева, крытые черной кожей; перед софой ветхий столик, над нею во всю стену картина, представляющая сельский вид. По другую сторону комнаты письменный столик с бумагами и книгами, над ним небольшая картина, завешенная кисейным платком. В углу стенные деревянные часы. / догадался о причине. (Л. 128 л.)
- С. 242 Вам странно, Сергей Иванович / Вам странно, Алексей Васильевич (Л. 128 л.)
- С. 242 любезный Сергей Иванович / любезный Алексей Васильевич (Л. 128 л.)
- С. 243 участие, уважение, а там и любовь / участие, а там и любовь (1838, 1855)
- С. 243 вся наружная жизнь Ветлина / вся наружность жизни Ветлина (1838, 1855)
- С. 244 как менуэт в «Дон-Жуане» / как музыка «Дон-Жуана» (1838, 1855)
- С. 244 небесного своего младенца. / небесного своего младенца. Ангельский лик улыбался, протягивая ручки (Л. 128 об.)
- С. 245 Откуда вы его достали / Откуда вы его взяли (1838, 1855)

- С. 245 взял князя за руку и посмотрел ему в глаза / взял князя за руку, посмотрел ему в глаза (Л. 129 л.)
- С. 245 в котором смешивались боязнь и любовь / в котором сливались боязнь и любовь (Л. 129 л.)
- С. 246 переписана с тщанием / переписана тщательно (1838, 1855)
- С. 246 с первого взгляда / по первому взгляду (Л. 129 л.)
- С. 246 но *суд* произносите / но *суд* о людях произносите (Л. 129 л.)
- С. 246 столкнули с пути добродетели и правды / столкнули с пути к добродетели и правде (Л. 129 л.)
- С. 246 когда над ним сжалится Небо / когда сжалится над ним Небо (Л. 129 л.)
- С. 247 благотворительность — мотовством / благотельность — мотовством (Л. 129 л.)
- С. 247 в совместников и врагов / в врагов и совместников (Л. 129 л.)
- С. 247 и, менее того, требовать правосудия / и, кто дерзнет, требовать правосудия (1838, 1855)
- С. 247 Прихода его ждал я с нетерпением / Прихода его ждал я с нетерпением и тоскою (Л. 129 л.)
- С. 248 уехал на войну и не возвращался / уехал на войну и там погиб (Л. 129 об.)
- С. 248 моей доброй маменьки / моей доброй матери (Л. 129 об.)
- С. 248 оставило впечатление на всю мою жизнь и имело важное влияние на всю мою судьбу / оставило впечатление на всю мою жизнь (1838, 1855)
- С. 248 Я не знал, что со мною делается / Не понимал, что бы это было (1838, 1855)
- С. 248 Мучительница моя / Гонительница моя (Л. 129 об.)
- С. 248 не на один только этот обед / не на один этот обед (Л. 129 об.) / не на один только обед (1838, 1855)
- С. 248 с служанками и слугами. Меня одели как крепостного мальчика, на ночь отвели мне место в темном чулане, на грязной, жесткой постеле / с служанками и слугами. И если бы судьба сжалилась надо мной! Если б она заронила искру человеколюбия и сострадания в этих людей! (Л. 129 об.)
- С. 250 сердисься на барыню / сердисься на генеральшу (Л. 129 об.)
- С. 250 нет прощения ни у людей, ни у Бога / нет ни у людей, ни у Бога прощения (Л. 130 л.)
- С. 251 стали служить мне / стали мне служить (1838, 1855)

- С. 251 заслуживать внимание и похвалу / заслуживать внимания и похвалы (1838, 1855)
- С. 251 и объявил одному офицеру / и сказал одному офицеру (1838, 1855)
- С. 252 я этим воспользовался и, быв несколько раз наказан за леность, получил место / я этим воспользовался и был несколько раз наказан за леность, получил место (1838)
- С. 253 иногда и учителей / иногда и учителя (1838, 1855)
- С. 253 стихи на товарищей и на офицеров / стихи на товарищей и офицеров (1838, 1855)
- С. 253 что и безграмотный Хлыстов / что безграмотный Хлыстов (1838, 1855)
- С. 255 Товарищи меня не любили / Товарищи не любили меня (Л. 130 об.)
- С. 256 корабль бил нас с боку / корабль бил нас сбоку (1838, 1855)
- С. 257 купальницами / купальщицами (1838, 1855)
- С. 258 не смел поднять глаз / не смел оглянуться (Л. 132 л.)
- С. 258 корсеры / корсары (1838, 1855)
- С. 258 Что ты это, Ветлин? / Что это ты, Ивин? (Л. 132 л.)
- С. 258 увидел тонущего ребенка / увидел тонувшего ребенка (1838, 1855)
- С. 258 На меня посыпались эстонские благословения / На меня посыпались финские благословения (Л. 132 л.)
- С. 259 начал смотреть на женщин со вниманием, участием, уважением / начал смотреть на женщин с участием, вниманием, уважением (Л. 132 об.)
- С. 260 Неужели прошло время учиться? А как приступить к этому? / Неужели прошло время учиться, неужели ум, память, воображение мое притупились? Но как приступить к этому? (Л. 132 об.)
- С. 261 признание было жестоко / признание было тяжело (1838, 1855)
- С. 261 сказав: «Вам теперь недосуг, вот мой адрес!» — вышел из комнаты / сказав: «Вам теперь недосуг, вот мой адрес!» — поклонился и вышел из комнаты (Л. 132 об.)
- С. 261 не поведут меня к добру / не поведут меня к доброму (1838, 1855)
- С. 261 не имел духу / не имел духа (1838)
- С. 261 Задыхаешься в ней, а выйти на свободу нет сил / Задыхаешься в ней, а выйти из нее нет сил (Л. 133 л.)
- С. 261 и просила подождать / и попросила подождать (1838, 1855)
- С. 262 Я никогда не видал его угрюмым, нетерпеливым, праздным / Я никогда не видал его угрюмым, нетерпеливым (1838, 1855)
- С. 262 выступал на свежий воздух / выступил на свежий воздух (1838)

- С. 262 Другой стал бы меня чуждаться, презирать, ненавидеть. Дюмон этого не сделал! / Другой стал бы меня чуждаться, презирать, ненавидеть. Нет! Дюмон этого не сделал! (Л. 133 л.)
- С. 263 наслаждался зрелищем, о каком дотоле не имел понятия / наслаждался картиною, о какой дотоле не имел понятия (Л. 134 л.)
- С. 264 А Петров что в нем нашел? / А Петров что нашел в нем? (Л. 134 л.)
- С. 264 Петров провел в Ревеле неделю / Петров провел у своего друга неделю (Л. 134 л.)
- С. 264 в тоске по единственному друге / в тоске по единственному своем друге (Л. 134 л.)
- С. 264 не проникли ее насквозь / не проникали ее насквозь (1838, 1855)
- С. 264 С тех пор как я узнал гнусность порочной жизни и рачительно занялся делом / С тех пор как я познакомился с Дюмоном, как стал рачительно заниматься делом (Л. 134 л.)
- С. 265 Мужчины на приветствия мои отделялись сухими поклонами / Мужчины от приветствий моих отделялись сухими поклонами (1838, 1855)
- С. 265 что я ныне их понимаю / что я теперь их понимаю (1838, 1855)
- С. 265 Удовольствие, которое я ощутил вначале, вскоре исчезло / Удовольствие прежнее мое вскоре исчезло (Л. 134 об.)
- С. 265 деревенский недоросль / эстляндский недоросль (Л. 134 об.)
- С. 265 С сими словами / С этими словами (1838, 1855)
- С. 265 мой недоросль / мой юнкер (Л. 134 об.)
- С. 265 мой жар простыл / жар мой простыл (1838, 1855)
- С. 265 Я кинулся искать моего сопостата / Я кинулся искать моей жертвы (Л. 134 об.)
- С. 266 в одном кадриле / в одной кадрили (Л. 134 об.)
- С. 266 в том же кадриле / в той же кадрили (Л. 135 об.)
- С. 266 во всем моем составе / во всем составе моем (Л. 135 об.)
- С. 266 тер мне льдом виски / тер мне виски льдом (Л. 135 об.)
- С. 266 в танцевальной зале / в танцевальном зале (1838, 1855)
- С. 267 кажется вам дерзостью / вам кажется дерзостью (Л. 135 об.)
- С. 267 Здесь особенно один молодой офицер отличается / Здесь особенно отличается один молодой офицер (Л. 135 об.)
- С. 267 Пришед в себя чрез несколько времени / Образумившись чрез несколько времени (1838, 1855)
- С. 268 но их уж не было / но их уж там не было (1838, 1855)

- С. 268 не видал ее в этот вечер / не видал ее во весь вечер (1838, 1855)
- С. 268 всё переменялось в моих чувствах / всё перемешалось в моих чувствах (1838, 1855)
- С. 269 пожилым бароном / пожилым барином (1838, 1855)
- С. 269 Лезгинова / Козерогова (то же — по всему тексту) (Л. 136 л.)
- С. 270 два-три свои сочинения / два-три сочинения свои (Л. 136 л.)
- С. 270 продолжал говорить о ней: рассказывал о ее уме / продолжал говорить о ней: рассказывать о ее уме (1838, 1855)
- С. 270 доходил до меня / доходит до меня (1838, 1855)
- С. 270 мне это было неизвестно / мне это не было известно (1838, 1855)
- С. 270—271 Почерк ровный, приятный, но старательный и не педантский / Почерк ровный, приятный и не педантский (1838, 1855)
- С. 271 Это Севинне! / Это Севинье! (Л. 136 об.)
- С. 271 младшие братия / младшие братья (1838, 1855)
- С. 272 Мы жили в Гапсале беззаботно и весело / Мы жили в Гапсале весело и беззаботно (Л. 137 л.)
- С. 272 Мы ездили в море большою компаниею / Мы ездили в море большою компаниею купальниц (Л. 137 л.) / Мы ездили в море большою Компанией (1838, 1855)
- С. 273 А мы думали / А мы подумали (Л. 137 л.)
- С. 273 обижать бедных женщин / обижать слабых женщин (1838, 1855)
- С. 274 и не подумал бы жениться / и не вздумал бы жениться (1838, 1855)
- С. 274 мне должно оставаться дома / мне должно остаться дома (1838)
- С. 274 охотнее всего шла танцевать / охотнее всегда шла танцевать (1838, 1855)
- С. 274 После одного продолжительного кадрили / После одной продолжительной кадрили (Л. 137 л.)
- С. 275 Офицер исчез из глаз моих / Ветлин исчез из глаз моих (Л. 137 л.)
- С. 275 Но он на нас и не оглянулся / Но он и не оглянулся на нас (Л. 137 л.)
- С. 275 эгоизма / эгоисма (1838, 1855)
- С. 275 не помню, не знаю, не постигаю / не знаю, не помню, не постигаю (Л. 137 об.)
- С. 276 за погубление моей души, моего счастья / за погубление моего счастья, моей души (Л. 137 об.)
- С. 276 искушения меня оставили / искушения оставили меня (Л. 137 об.)
- С. 276 теперь я чувствовал, что желанием / а теперь чувствовалось, что желанием (Л. 137 об.)

- С. 276 члены одной военно-судной комиссии / члены военно-судной комиссии (1838, 1855)
- С. 276 я занялся делом / я принялся за дело (1838, 1855)
- С. 276 в продолжение года томились / целый год томились (1838, 1855)
- С. 276 судиями / судьями (1838, 1855)
- С. 277 потому что он решал их скоро / потому что решал их скоро (1838, 1855)
- С. 277 нашел, что все подсудимые / нашел, что подсудимые (1838, 1855)
- С. 277 встает с постели / встает с постеле (1838, 1855)
- С. 277 играла на устах его / играла на его устах (1838, 1855)
- С. 278 вселили в меня теплую веру / вселяли в меня теплую веру (1838, 1855)
- С. 279 Через месяц отправился я / Вскоре отправился я (Л. 138 л.)
- С. 280 Сергей Иванович / Алексей Васильевич (Л. 138 об.)
- С. 280 брат Сергей / брат Алексей (Л. 138 об.)
- С. 280 Мне объявили / Мне поведали (Л. 138 об.)
- С. 281 стены непроницаемые. Вскоре, на рассвете, небо помрачилось / Вскоре, на рассвете, небо помрачилось (Л. 138 об.) / стены непроницаемые. (1838, 1855)
- С. 281 в свою подпольную темницу / в свою подземную темницу (Л. 138 об.)
- С. 282 обращения были на графиню / обращения были на старушку (1838, 1855)
- С. 282 по дороге в Брюссель / по дороге к Брюсселю (Л. 139 л.)
- С. 283 французский бульон / французский буlion (1838, 1855)
- С. 283 вошел в комнату, с бранью и ругательствами, мокрый кондуктор дилижанса / вошел в комнату мокрый кондуктор дилижанса с бранью и ругательствами (Л. 139 л.)
- С. 284 Путешественницы дремали / Путешественники дремали (1838)
- С. 284 черный картуз / кожаный картуз (Л. 139 л.)
- С. 284 Что-то завертелось / Не знаю, что завертелось (Л. 139 л.)
- С. 284 и заняли мое дыхание / и занимали мое дыхание (1838, 1855)
- С. 284 Труд этот был напрасный / Труд этот был напрасен (1838, 1855)
- С. 284 взгляды обращены были / взгляды обратились (1838, 1855)
- С. 284 прикрыла ее салопом / прикрыла ее салопом (1838, 1855)
- С. 285 которого почитала извергом человечества / которого почитала злодеем, извергом человечества (Л. 139 об.)
- С. 285 Графиня, дав ответ / Княгиня, дав ответ (Л. 139 об.)
- С. 285 у графини / у княгини (Л. 139 об.)

- С. 285 Графиня пустилась бежать / Княгиня пустилась бежать (Л. 139 об.)
- С. 286 у ней в памяти / у нее в памяти (1838)
- С. 286 ничего не оставил / ничего не оставлял (1838, 1855)
- С. 286 прогуливаться по аллее / погулять по аллее (1838, 1855)
- С. 286—287 останавливали экипажи, ехавшие из Франции, в надежде пожить / останавливали ехавшие из Франции экипажи в надежде поживиться (1838, 1855)
- С. 287 при их свете мы увидели / при свете мы увидели (1838, 1855)
- С. 287 Успокойтесь, сударьни / Успокойтесь, сударыня (1838, 1855)
- С. 287 Руски-муски! / Рускимуски! (1838, 1855)
- С. 287 К карете подскочил человек / К карете подскакал человек (1838, 1855)
- С. 288 разврат в молодых годах / разврат молодых лет (1838, 1855)
- С. 288 тамошних морских бань / тамошних морских вод (Л. 140 л.)
- С. 288 Взаимная клятва / Клятва взаимная (Л. 140 л.)
- С. 288 жила врозь с своим мужем / жила врозь с мужем (1838, 1855)
- С. 289 и нашел там Вас / и нашел Вас (1838, 1855)
- С. 289 на всё мое существование / на мое существование (1838, 1855)
- С. 289 *Сергей Ветлин / Алексей Ветлин* (Л. 140 л.)
- С. 290 Статья не может / Не может статья (1838, 1855)
- С. 290 бросил свое дитя / бросил свое дите (1838, 1855)
- С. 290 платят дань слабости своей природы в одном каком-нибудь пункте / в одном каком-нибудь пункте платят дань слабости своей природы (Л. 141 л.)
- С. 291 эту историю зимою / эту историю зимой (1838, 1855)
- С. 291 с горестным чувством / с чувством умиления (Л. 141 л.)
- С. 292 истек кровью / истек кровью (1838, 1855)
- С. 292 не испытал бы много горя / не испытал бы много горя (1838, 1855)
- С. 292 Ужаснейшее из терзаний есть одиночество и разочарование в людях / Ужаснейшие из терзаний суть одиночество и разочарование в людях (1838, 1855)
- С. 293 Употреблю все свои силы / Употреблю все силы (1838, 1855)
- С. 293 развратили было его душу / развратили его душу (Л. 141 об.)
- С. 293 обратясь к портрету / оборотясь к портрету (1838, 1855)
- С. 294 не оставляет его ни в шуме светской жизни, ни в тиши уединения / не оставляет его ни среди шума светского, на пустынном тернистом пути жизни (Л. 141 об.)

- С. 296 существование произведшей ее, соразмерной с нею силы / существование произведений ее, соразмерной с нею силы (1838, 1855)
- С. 297 наростов грубых, телесных / наростов грубых, животных (1838, 1855)
- С. 297 Слова Алимари были прерваны шумом / Беседа друзей была прервана шумом (Л. 146 л.)
- С. 297 узнать о причине этого нарушения / узнать и причину этого нарушения (Л. 146 л.)
- С. 298 страждет нервами / страдает нервами (1838, 1855)
- С. 300 орангутан / орангутанг (1838, 1855)
- С. 301 от чего и началось расстройство / отчего и началось расстройство (1838, 1855)
- С. 302 производил это дело с согласия брата и сестры / производил это дело без ведома своих родных, кроме согласия брата и сестры (Л. 147 л.)
- С. 302 Бериллов слышал всё это, потому что нынешнее совещание / Всё слышал Бериллов, ибо нынешнее совещание (1838, 1855)
- С. 304 старание исполнять долг / старание исполнить долг (1838, 1855)
- С. 304 в следствие этого / вследствие этого (1838, 1855)
- С. 304 Что я значу в свете? / Что я значу на свете? (1838, 1855)
- С. 305 всего более оскорбляло / более всего оскорбляло (1838, 1855)
- С. 305 нахлобучил шляпу и вышел со двора / нахлобучил шляпу и пошел сам не зная куда (Л. 148 об.)
- С. 306 проводил его до кельи / проводил его в келью (1838, 1855)
- С. 306 открыть ему всё и испросить у него прощение / открыть ему всё, испросить у него прощение (1838, 1855)
- С. 307 и он сбирался отправиться / он сбирался отправиться (1838, 1855)
- С. 307 не составлял этого завещания / не оставлял этого завещания (1838, 1855)
- С. 308 с трудом убедили его не губить их / его с трудом убедили не губить их (Л. 149 л.)
- С. 308 в случае его смерти / в случае смерти (1838, 1855)
- С. 310 недосужно было-с. Следовало бы, по надлежащем исправлении, переписать на основании узаконений по счетной части, да, ей-богу-с, не могли удосужиться. Извините великодушно-с. / (Далее – вписано на полях:) Следовало бы, по надлежащем исправлении, переписать на основании узаконений по счетной части, да, ей-богу-с, не могли удосужиться (Л. 149 об.)
- С. 310 причиненных родинами / причиненных родами (1838, 1855)

- С. 310 бывший на ней платок / бывший на ней салоп (Л. 149 об.)
- С. 311 Ей-богу, не помню-с / Ей-богу-с, не помню-с (1838, 1855)
- С. 311 или я за себя не отвечаю / или за себя не отвечаю я (Л. 149 об.)
- С. 311 так и решились / этак и решились (1838, 1855)
- С. 313 если она не согласится или не сделает, отдать сына ее в солдаты / если она не согласится или не сделает, грозила отдать сына ее в солдаты (1838, 1855)
- С. 314 в учение к парикмахеру / в ученье к парикмахеру (1838, 1855)
- С. 315 повторил трепещущий фон Драк / повторил фон Драк с трепетом (1838, 1855)
- С. 315 Отдав Мише фуражку и шинель / Отдав Мише шинель и фуражку (Л. 151 л.)
- С. 315 никакого знаку / никакого знака (1838, 1855)
- С. 315 тягостном забьгьи / тягостном забвении (1838, 1855)
- С. 316 прекрасное дитя лет трех / прекрасное дитя лет трех, лицом похожее на художника (Л. 151 л.)
- С. 316 оживление души / ожидание души (1838, 1855)
- С. 316 Не очень хорош / Не очень хорошо (1838, 1855)
- С. 316 во всей чистоте своей / во всей своей чистоте (1838, 1855)
- С. 317 с горячностью / с горячностью (1838, 1855)
- С. 317 не зная почему / не знаю почему (1838, 1855)
- С. 318 Я радовался счастию бедной сироты и плакал / Я от души радовался счастию бедной сироты (1838, 1855)
- С. 318 Графиня оставила меня / Меня графиня оставила (Л. 159 л.)
- С. 318 проклиная глупую мою запальчивость / проклиная глупую мою запальчивость в суждениях о художествах (Л. 159 об.)
- С. 318 на это бы и согласился / на это и согласился бы (1838, 1855)
- С. 318 человек умный и ученый / человек умный, ученый (1838, 1855)
- С. 318 Она уведомила меня / Она уведомляла меня (1838, 1855)
- С. 320 производимого неожиданным жестоким ударом / произведенного неожиданным жестоким ударом (1838, 1855)
- С. 320 конченных и неконченных / конченных и неоконченных (1838, 1855)
- С. 322 письмо Ваше, котормь Вы / письмо Ваше, в котором Вы (1838, 1855)
- С. 323 Вашею любовью / Вашею любовью (1838, 1855)
- С. 324 между картиною и окошком / между картинкою и окошком (1838, 1855)
- С. 325 спеленатый ребенок / спеленутый ребенок (1838, 1855)

- С. 325 положили в корзинку / положили в корзину (1838, 1855)
- С. 326 Прошло три недели / С того времени прошло три недели (Л. 155 л.)
- С. 326 муж ее был Вышпатуна дальний родственник / муж ее был ему родственник (Л. 155 л.)
- С. 326 еще более обращала внимания на внешность / еще более обращала внимание на внешность (1838, 1855)
- С. 327 страшилась, чтоб артист не вздумал / страшилась, что артист вздумает (Л. 155 л.)
- С. 327 не умевший войти в комнату / который не умеет войти в комнату (1838, 1855)
- С. 327 засовывавший салфетку за галстук и плевавший на паркет / засовывает салфетку за галстук и плюет на паркет (1838, 1855)
- С. 327 воспоминание. Родственники графа Лезгинова знали, что жена его воспитывает бедную сироту, но имя и порода ее были им неизвестны. Тщеславная барыня подавала вид, что Надежда дочь дворянина, офицера, убитого на войне / воспоминание. (Л. 156 л.)
- С. 328 хотел сдержатъ данное тебе слово / хотел держать данное тебе слово (1838, 1855)
- С. 328 то есть Пелагея Сергеевна / то есть Пелагея Степановна (1838, 1855)
- С. 328 порадовались образумлению / обрадовались образумлению (1838, 1855)
- С. 328 но Пелагея Сергеевна / но Пелагея Степановна (1838, 1855)
- С. 329 Основательность суждений и поэтическая мечтательность / Основательность суждений, поэтическая мечтательность (1838, 1855)
- С. 330 нет еще ответа. / нет еще ответа. Это значит что-нибудь недоброе, говорил он: князь и по одним правилам учтивости не заставил бы меня дожидаться ответа. (Л. 157 л.)
- С. 330 В заключение письма он писал / В заключение он писал (1838, 1855)
- С. 331 дочь, оплакиваемая с минуты рождения / дочь, оплаканная с минуты рождения (Л. 157 об.)
- С. 331 Свет в глазах ее переменился / Свет в глазах ее изменился (1838, 1855)
- С. 332 благородными выражениями описывала она / благородными выражениями описала она (1838, 1855)
- С. 332 изображала сладостное чувство / изобразила сладостное чувство (1838, 1855)

- С. 333 Слышится — отворяют дверцы, опускают ступеньки / Слышится — отворяют дверцы (Л. 157 об.)
- С. 333 заключает дочь в свои объятия / заключает дочь свою в объятия (1838, 1855)
- С. 334 Надежда с любовью и благоговением смотрела на отца своего / Надежда смотрела на отца своего с любовью и благоговением (1838, 1855)
- С. 334 сохранил сироту / призрел сироту (1838, 1855)
- С. 334 скоро уступили место / вскоре уступили место (1838, 1855)
- С. 334 остроумие и прямота душевная восхищали старика / остроумие и прямота душевная восхищала старика (1838, 1855)
- С. 335 улыбкою недоверчивости и жалости / улыбкою жалости и недоверчивости (Л. 159 л.)
- С. 335 сказал Тряпицын трепещущим голосом / сказал трепещущим голосом Тряпицын (Л. 159 л.)
- С. 335 вы у него заграбили / вы у него забрали (1838, 1855)
- С. 336 Григорий за ним последовал / Платон за ним последовал (Л. 159 об.)
- С. 336 — Господин Дрек! / — Господин Драк! (1838, 1855)
- С. 336 Сибирь / Сибирь (1838, 1855)
- С. 337 объявили ей, что она выходит замуж / объявили, что она выходит замуж (1838, 1855)
- С. 337 жертва тщеславия родителей и жадности мужа / жертва тщеславия и жадности (Л. 159 об.)
- С. 338 помышляла о друге своего сердца, плавающем по морю действительности / помышляла о друге сердца, плававшем по морю действительности (1838, 1855)
- С. 338 Мария Петровна / Марья Петровна (Л. 160 л.)
- С. 338 не позволявшие уступить имения / не позволявшие уступить имение (1838, 1855)
- С. 338 подружилась с Мариною / подружилась с Марьею (Л. 160 л.)
- С. 338 отдает беспрекословно / отдаст беспрекословно (1838, 1855)
- С. 338 того, что графине причиталось / того, что причиталось графине (Л. 160 л.)
- С. 338 ездила с нею в общества / ездила с нею в общество (1838, 1855)
- С. 339 прыгавшую в кадриле / прыгавшую в кадрили (Л. 160 об.)
- С. 339 княжна, слушая ее внимательно, смеялась от души / княжна смеялась от души, слушая ее внимательно (Л. 160 об.)

- С. 339 посматривал на Надежду, наклонялся / посматривая на Надежду, наклонился (1838, 1855)
- С. 340 с пороком, злобою и коварством / с злобою, пороком и коварством (Л. 161 л.)
- С. 340 бежать из этого дома / бежать из этого дому (1838, 1855)
- С. 340 увидев вас, бежит отсюда / увидевши вас, бежит отсюда (1838, 1855)
- С. 340 вольтеровского века / волтеровского века (1838, 1855)
- С. 340 к счастью / к счастью (1838, 1855)
- С. 340 перед хозяевами / перед хозяином (1838, 1855)
- С. 340 узнала в эти минуты / узнала в эту минуту (1838, 1855)
- С. 340 Ночь была ненастная и бурная / Ночь была бурная и ненастная (Л. 161 л.)
- С. 341 В тумане, окружавшем его, долго чудились ему страшные видения / В тумане, окружавшем его, чудились ему страшные видения (1838, 1855)
- С. 341 действие его пламенной речи / действие пламенной речи (1838, 1855)
- С. 341 смотрел на нее с гордостью и презрением / смотрел на нее с презрением и гордостью (Л. 161 об.) / смотрел на нее с гордостью и презрением (1838, 1855)
- С. 342 предметом клеветы и жертвы злодеев / предметом клеветы и жертвою злодеев (1838, 1855)
- С. 342 Счастье, что его нет в Петербурге / Счастье, что его не было в Петербурге (1838, 1855)
- С. 342 видел недоумение и страдания / видел недоумения и страдания (1838, 1855)
- С. 342 Там мы увидимся наверное / Там мы наверное увидимся (Л. 161 л.)
- С. 342 спокойствие отца ее зависит от ее доброй воли / спокойствие отца зависит от ее доброй воли (1838, 1855)
- С. 342 Через неделю / Через месяц (1838, 1855)
- С. 343 нежели на берегах Невы / нежели в Петербурге (Л. 162 л.)
- С. 343 Марьи Петровны / Марии Петровны (1838, 1855)
- С. 343 она ездила по городу / ездила она по городу (1838, 1855)
- С. 343 переселяло воображение в давно минувшие времена / переселяло воображение в времена (1838, 1855)
- С. 344 в кельях / в келиях (1838, 1855)
- С. 344 не были так очарованы и восхищены / не были так очарованы (1838, 1855)

- С. 344 в средние веки / в старину (1838, 1855)
- С. 344 ласково и радушно / с ласкою и радушием (Л. 162 л.)
- С. 344 при сих звуках / при звуках (1838, 1855)
- С. 344 воссылали хвалы / возвысили хвалы (1838, 1855)
- С. 344 выходя с сестрами из церкви, взглянула еще раз / выходя с сестрами, взглянула еще раз (1838, 1855)
- С. 345 удовлетворили этому желанию хозяйки своей / удовлетворили этому желанию хозяйки (1838, 1855)
- С. 345 обращаться с нею запросто, как с другою / обращаться с нею запросто, как с другою девицею (Л. 162 об.)
- С. 345 Словоохотная старушка / Словоохотливая старушка (1838, 1855)
- С. 347 с радостию узнала / с радостью узнала (1838, 1855)
- С. 347 посадил дочь свою к себе на колени / посадил дочь свою себе на колени (1838, 1855)
- С. 347 с беспечностию / с беспечностью (1838, 1855)
- С. 347 выглянул в окно на улицу / выглянул в окно на улицу, на противоположный дом (Л. 164 об.)
- С. 347—348 пошел на улицу / вышел на улицу (1838, 1855)
- С. 348 в ущелия / в ущелья (1838, 1855)
- С. 348 раненых / раненных (1838, 1855)
- С. 348 в разных сражениях этой знаменитой кампании / в разных сражениях знаменитой кампании (1838, 1855)
- С. 348 ефес шпаги / эфес шпаги (1838, 1855)
- С. 348 явился к Алевтине Михайловне за приказаниями / явился за приказаниями к Алевтине Михайловне (Л. 165 л.)
- С. 348 вскричала она в радостном изумлении / вскричала она в изумлении радостном (Л. 165 л.)
- С. 349 посылали в командировку / послали в командировку (1838, 1855)
- С. 349 просила у нее позволения / просила у княгини позволения (1838, 1855)
- С. 349 радостною вестию / радостною вестью (1838, 1855)
- С. 349 на зло всем ударам судьбы / на зло всем ударам судьбы (1838, 1855)
- С. 350 томным взором / темным взором (1838, 1855)
- С. 350 поднявшись в постеле / поднявшись в постели (1838, 1855)
- С. 350 С необычайною твердостью / С сверхъестественною твердостью (Л. 166 л.)
- С. 351 не шла ей на ум / не шла на ум ей (Л. 166 об.)

- С. 351 теткою ее, монахиною / теткою ее, монахиною, когда она с отцом своим посещала ее в укромной тихой обители (Л. 166 об.)
- С. 351 она достигла конца своего странствия / она достигла конца своего странствия сама не зная и не помня как (Л. 166 об.)
- С. 352 чувство благодарения Богу: Он даровал ей / чувство благодарения Богу, даровавшему ей (Л. 166 л.)
- С. 352 Прошло три года / Прошли три года (1838, 1855)
- С. 353 Годы иссушили мое тело / Старость иссушила мое тело (Л. 167 л.)
- С. 353 чувствую, что не достойна их хвалы / чувствую, что не достойна их хвалы и уважения, и горькими слезами, сердечным раскаянием тщетно испрашиваю себе у самого Бога прощения в тяжком грехе (Л. 167 л.)
- С. 353 в эту минуту / в сию минуту (1838, 1855)
- С. 353 чумный лазарет / чумной лазарет (1838, 1855)
- С. 354 Наталия повиновалась страдалице. Не давая вечного обета, она облеклась / Наташа повиновалась страдалице, но, не давая вечного обета, облеклась (Л. 167 л.)
- С. 354 Протекли семнадцать лет / Протекли осьмнадцать лет (Л. 167 л.)
- С. 354 с непонятною любовию / с непонятною любовью (1838, 1855)
- С. 354 слушала наименование матери из уст ее / слушала из уст ее наименование матери (1838, 1855)
- С. 355 с молодою своею женою / с молодою женою (1838, 1855)
- С. 355 но незримые нити от родных, близких душ сходятся / но нити от родных, близких душ, незримые, сходятся (Л. 168 л.)
- С. 355 Вы здесь, вы со мною / Вы здесь, со мною (1838, 1855)
- С. 356 Теперь мы никогда не расстанемся / Теперь мы не расстанемся никогда (Л. 168 л.)

* * *

В примечаниях к роману мы стремились охватить все реалии, знание которых обогащает понимание текста. Термин «реалия» понимается широко: это и предмет, объект, факт, событие, и слово как единица языка (см., напр.: Мосиенко 2005: 155–161). Особое внимание уделено реалиям, упоминание которых в тексте имеет явный коннотативный компонент, поскольку именно коннотации помогают понять логику и мотивы поведения героев, но обычно скрыты от взгляда современного читателя.

Комментарии энциклопедического характера (исторические, общественно-политические, культурные, бытовые и др.) основаны на данных справоч-

ной литературы, документов, мемуаров, художественных, публицистических и научных текстов. Комментарий лингвистического характера строится на основе словарей и нашем анализе материалов «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). В редких случаях мы предпочитаем существующим словарным формулировкам собственные выводы (напр., «держа пальцы по квартирам», см. примеч. 10 к гл. III).

К сожалению, не все детали текста, достойные внимания, освещены в комментариях. Однако темные места отмечены в разделе «Примечания» в надежде на то, что исследователи романа впоследствии смогут найти информацию, не обнаруженную нами.

Примечания имеют сплошную нумерацию внутри глав. Все даты приводятся по старому стилю. Сведения о времени написания глав, имеющиеся в рукописи, даны в соответствующих преамбулах.

¹ *Любовь и дружба! вот чем должно ~ Недаром землю бременил!* Карамзин. — Эпиграф взят из карамзинского «Послания к Д***». В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность щастливой молодости». В 1793 г. И.И. Дмитриев написал «Стансы к Н... М... К***»; ответ был впервые опубликован Н.М. Карамзиным в сборнике «Мои безделки» (1794, ч. II) (см.: Карамзин 1964: 35). До 1834 г. текст «Послания...» неоднократно перепечатывался, но точно сказать, какое издание цитирует Н.И. Греч, невозможно, так как эпиграф не совпадает ни с одним из имеющихся вариантов Карамзина. Очевидно, Греч был знаком с одним из первых трех изданий (1794, 1795, 1797), так как только в них есть строка «Был другом нежным, свято чтимым» (см.: Карамзин 1797), в издании 1801 г. замененная Карамзиным на «Хранящим другом и хранимым», а в издании 1803, 1814, 1820 гг. — на «Был другом нежным, другом чтимым».

[ВСТУПЛЕНИЕ]

¹ *Василий Аполлонович Ушаков* (1789–1838) — беллетрист, воспитанник Пажеского корпуса, участник походов 1813–1814 гг.; печатался в «Сыне Отечества», «Северном архиве», «Северной пчеле», «Полярной звезде», «Московском телеграфе», «Библиотеке для чтения».

² *За два тома, приписанные мне Вашето дружескою благосклонностью ~ за свежую, оригинальную, поэтическую повесть сына степей Киргиз-Кайсацких...* — Речь идет о повести В.А. Ушакова «Киргиз-кайсак» (в 2 ч.; М., 1830), которую

высоко оценили Н.А. Полевой и В.Г. Белинский. В предисловии к первому изданию Ушаков признавался, что не хочет уподобиться некоторым литераторам, которые пишут слишком медленно и издают произведения по частям, вызывая недовольство читателей; скорее, ему ближе Булгарин, который пишет легко, печатает много и быстро. Сообщая о своих симпатиях, Ушаков, однако, все-таки посвятил книгу Гречу, который к этому времени не написал ни одного значительного прозаического произведения (см.: Ушаков 1830/1: I—III).

³ *Всё кажется в других ошибкой нам, | А примешься за дело сам, | Так напраказишь вдвое хуже.* — Цитата из басни И.А. Крылова «Обоз» (1812).

⁴ *...во время московской чумы.* — Подразумевается эпидемия 1770—1772 гг.

⁵ *Рассказы о видениях, предчувствиях, предвещаниях... не вымышлены мною.* — В романе воспроизведены предания семьи Гречей, описанные в «Записках о моей жизни» (опубл. 1886) (см.: Греч 1930), а также заимствованные из других источников (см. ниже, примеч. 6—11).

⁶ *Известие об огненном змее, пролетавшем чрез Петербург в сентябре 1796 года, найдете в книге П.И. Сумарокова о жизни Екатерины Великой.* — Имеется в виду труд писателя и государственного деятеля Павла Ивановича Сумарокова (1767—1846) «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой» (в 3 ч.; 1832). Упомянутое событие Сумароков описывает так:

На праздник у последнего (у графа Самойлова. — *Е.М.*), когда пред окнами толпились любопытные, необыкновенное явление послужило к общему изумлению. Под вечер летнего жаркого дня пролетел, почти горизонтально, мимо дома какой-то метеор, и Екатерина сказала тогда <...>: «Подобное случилось пред кончиною Елисаветы Петровны, и мне это тоже предвещает». К несчастью, предчувствие ее исполнилось!

Сумароков 1832/3: 219

Описание этого происшествия Греч приводит в главе VII.

⁷ *...г. Шрётер, астроном и метеоролог, умерший в 1810 году...* — Имеется в виду Иоганн Иероним Шрётер (1745—1816; дата смерти указана Гречем неверно), немецкий астроном, основатель Лилиентальской обсерватории, член шведской Королевской академии наук и иностранный член Петербургской академии наук.

⁸ *Рассказ о видении Карла XI заимствован из шведского акта, сообщенного мне П.Г. Бутковым.* — Рассказ о видении Карла XI, вложенный Гречем в уста Алимари (глава VIII), полностью воспроизводит сюжет новеллы П. Мериме «Видение Карла XI, короля шведского» (см. с. 377—383 наст. изд.). Петр Гри-

горьевич Бутков (1775—1857) — русский историк, военный и государственный деятель, член Петербургской академии наук; считался знатоком источников по истории Руси.

⁹ *Анекдот о Густаве III слышал я от И.И. Козлова, которому он сообщен графом Армфельтом.* — Имеются в виду соответственно Иван Иванович Козлов (1779—1840), русский поэт и переводчик, и Густав Мориц Армфельт (1757—1814), приближенный шведского короля Густава III (1746—1792; правил с 1772 г.), участник антиправительственного заговора в Швеции, в 1811 г. принявший российское подданство и в 1812 г. поступивший на военную службу в чине генерала от инфантерии.

¹⁰ *Вещий сон артиллериста приснился действительно и сбывся в 1821 году, на походе гвардии чрез Витебскую губернию.* — Имеется в виду рассказ артиллерийского ремонтера об «истинном приключении своего дяди в Польше», встречающийся в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (впервые опублик. под псевдонимом А.М. в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (1830. № 38—41)). Гвардейский корпус проходил через Витебскую губернию, направляясь в Минскую и Виленскую губернии, где он располагался в 1821—1822 гг., ожидая приказа направиться в Западную Европу на подавление революций в Испании и Италии, который, однако, так и не последовал.

¹¹ *Предсказание Казотта напечатано в его сочинениях.* — Речь идет о Жаке Казоте (1719—1792), французском писателе, мистике, авторе знаменитой повести «Влюбленный дьявол» (см. о нем примеч. 14 к гл. IX). Пророчество Казота, пересказанное Гречем в гл. IX, впервые приведено в посмертных сочинениях Лагарпа (см.: La Harpe 1806). Этот рассказ записан после случившихся событий, то есть можно считать его легендой о прорицательском даре Казота (см.: Asselineau 1868). На русском языке «Пророчество...» впервые было опубликовано в 1806 г. (см.: Вестник Европы. 1806. № 19. С. 201—209), а затем переиздано (см.: НЛПС 1829: 222—236; Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 19. С. 722—724). См. об этом также: Фёдоров 1967: 337—338.

КНИГА ПЕРВАЯ

[ГЛАВА] I

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «12 августа 1831».

¹ *Летний сад*. — Этот парковый ансамбль, заложенный в 1704 г. по повелению Петра I, стал местом встречи героев романа не случайно: после 1752 г. он сделался излюбленным местом прогулок жителей Петербурга; кроме того, именно сюда было принято выводить на прогулки по выходным и праздничным дням воспитанников кадетских корпусов.

² *...чертил что-то тросточкою на песке*. — Трость как аксессуар стала модной в России в нач. XVIII в.; особую роль в формировании этой моды сыграл Петр I, который дарил трости подданным. Во второй половине столетия трость заменяется тросточкой и как атрибут знатного человека (в «ЧЖ» ею чертит по песку князь) фигурирует в художественных произведениях, напр., у А.П. Сумарокова («Чудовищи»; 1750), а позже — у В.Т. Нарезного («Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова»; 1814), М.Н. Загоскина («Рославлев, или Русские в 1812 году»; 1830; «Москва и москвичи»; 1842–1850) и др. В «Записках» Греча трость является постоянной деталью описаний; ср.: «<...> Пеллегрини подарил отцу моему трость с золотым набалдашником <...>» (Греч 1930: 76); «Каждую субботу после обеда надевал он (А.А. Безбородко, князь, российский государственный деятель. — *Е.М.*) синий сюртук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман» (Там же: 120); «<...> вышел приказ, сняв верхушки с набалдашников, наполнить пустоту их сургучом и сверху отпечатать на нем свой герб, и когда, при представлении государю или другому начальнику, он спросит у офицера: “Из дворян ли вы?” — следует, не говоря ни слова, поднять трость и показать свой герб» (Там же: 137).

³ *...придется выслушать длинную рацею твоей мачехи...* — В литературе этого периода слово «рацея» использовалось в прямом значении («проповедь, назидательная речь, поученье») и иронически («лицемерное наставление, вызывающее протестную реакцию») (см.: Даль 1912–1914/III: стб 1660). Ср., напр., у М.Н. Загоскина в рассказе «Нежданные гости» (1835): «<...> приказный <...> отпустил такую рацею, что покойный батюшка, хотя был человек речистый и за словом в карман не ходил, а вовсе стал в тупик <...>» (Загоскин 2014: 6).

⁴ *Таврический сад* — сад, разбитый английским мастером Уильямом Гулдом в 1783–1800 гг. за Таврическим дворцом (отсюда и его название); ограничен с четырех сторон Кирочной, Потёмкинской, Шпалерной и Таврической улицами.

⁵ *...если б не был свидетелем твоей задумчивости в корпусе...* — Имеется в виду Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, основанный при Анне Иоанновне в 1732 г. В корпус принимали воспитанников не старше шести лет, в первую очередь — детей «небогатых родителей и сирот, отцы которых погибли на войне, а также тех, кто проживает в отдаленных областях Империи» (Шторх 1955: 19); именно в эту категорию входил Кемский (мать героя умерла, и его привезли в корпус из Симбирской губернии). Обучение начиналось с шести лет и продолжалось в течение пятнадцати (см.: Меньшов 2003/1: 31). Хвальнский и Кемский обучались в корпусе после 1773 г.

⁶ *...о дифференциалах и интегралах.* — Данное сочетание слов как метонимическое обозначение элитарных, сухих, антипоэтических знаний, судя по всему, было впервые употреблено именно в этом романе Греча.

⁷ *...когда нас привезли в корпус, к графу Бальмену...* — Имеется в виду граф Антон Богданович де Бальмен (1741–1790). На посту директора в 1784 г. его сменил Андрей Яковлевич Пурпур (ум. 1806), генерал-поручик (1774), директор Сухопутного шляхетного корпуса с 1773 г. (см.: Висковатов 1832: 55, 87). В изд. 1855 г. Бальмен был заменен на Пурпура; это свидетельствует о колебаниях Греча в выборе возраста героев (замены есть и в черновике); см. также ниже, примеч. 11.

⁸ *Симбирск* (до 1780 г. — Синбирск, с 1924 г. — Ульяновск) — город в европейской части России, на берегах рек Свияги и Волги, основанный в 1648 г.

⁹ *...в кофейном камзальчике, потам в голубам, а наконец и в мундире.* — Ср. описание формы воспитанников, которые приводит преподаватель кадетского корпуса А.К. Шторх в сочинении «Картина Санкт-Петербурга» («Gemählde von St. Petersburg»; 1794):

По поступлении кадеты зачисляются в 1-й возраст, их одевают в коричневые, вроде морских, бушлаты с синим поясом и поручают женщинам, директрисе, десяти гувернанткам и многим нянькам. Через три года мальчики переводятся во 2-й возраст, где они получают форму, похожую на предшествовавшую, но синего цвета, и поручаются заботам 8 гувернеров с инспектором во главе. В этом «возрасте» кадеты уже более предоставлены самим себе. После трехлетнего пребывания они переводятся в 3-й возраст, в котором носят форму серого цвета и попадают под надзор офицеров полевых войск. Отбыв опять трехлетний срок, они переводятся в 4-й возраст, или в так называемый 1-й военный возраст, и надевают военную форму.

Storch 1793–1794: 283–284.

Пер. Д.В. Облиновой

¹⁰ *...я думаю, в человеке есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да вряд ли и впредь разгадают.* — Аллюзия на слова трагедии Шекспира «Гамлет»: «There are more things in heaven and earth, Horatio, | Than are dreamt of in your philosophy» — «И в небе и в земле сокрыто больше, | Чем снится вашей мудрости, Горацио» (Акт I, сц. 5. *Пер. М.А. Лозинского*).

¹¹ *...иногда на походе в Польше...* — Герои не могли участвовать в военных действиях до окончания учебы в корпусе; следовательно, если ориентироваться на их возраст и на упоминание Бальмена в качестве директора Первого кадетского корпуса (ср. выше, примеч. 7), то речь идет либо о Русско-польской войне 1792 г., когда русские войска под командованием генерал-аншефов графа М.Н. Кречетникова и М.В. Каховского вторглись на территорию Польши (см. об этом: ВД 1908), либо об осенних событиях 1794 г., когда под предводительством генерал-аншефа графа А.В. Суворова русская армия подавила восстание Тадеуша Костюшко (см. также примеч. 16 к гл. II).

[ГЛАВА] II

¹ *...генерала Астионова, убитого в первую турецкую войну.* — Имеется в виду Русско-турецкая война 1768–1774 гг. при Екатерине II, закончившаяся Кучук-Кайнарджийским миром. В комментариях к изданию «ЧЖ» 1990 г. сказано: «Первая турецкая война (1735–1739 гг.) — имеется в виду война, которую вела Россия против Турции за выход к Черному морю и чтобы прекратить набеги на приграничные земли» (см.: Троицкий 1990: 562). Это примечание ошибочно: Астионов был награжден Георгиевским крестом, а во время кампании 1735–1739 гг. этой награды еще не существовало.

² *...князь Кемский оставил четыре тысячи душ... объявив падчерицу свою наследницею имени и фамилии князей Кемских, если б сын его умер бездетным.* — До четырнадцати лет над несовершеннолетним устанавливалась опека, а затем, до двадцати одного года, — попечительство. Несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет имел право распоряжаться своим имуществом только с согласия попечителя, а впоследствии, до окончания срока опеки, это согласие было необходимо для операций с недвижимым имуществом. Родовое недвижимое имущество нельзя было передать чужому роду, если существовал законный наследник (то есть дочь генерала Астионова не могла унаследовать имущество отчима). Прямым наслед-

ником родового имущества князя Кемского-старшего был именно Алексей, а формулировка «если б сын его умер бездетным» означала, что в действительности вдова и ее дочь могли вовсе не получить наследства, в котором Прасковья Андреевна, безусловно, была заинтересована. Подробнее см.: Неволин 1857/3: 93–99, 393–404, 409–431; Загоровский 1902; Новицкая 2007.

³ ...с Георгиевского креста... — Имеется в виду орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденный Екатериной II 26 ноября 1769 г. Согласно указу, этой наградой жаловались генералы, штаб- и обер-офицеры, отличившиеся «особливым мужественным поступком» (ВЭ 1911–1915/7: 251) или пробывшие на полевой службе двадцать пять лет с момента производства в первый офицерский чин. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. орден Святого Георгия получили многие высшие чины (см. также выше, примеч. 1).

⁴ ...говорила только: бон-жур и бон-суар, ан-шанте и дезеспуар... — Бон-жур (*фр.* bonjour — «добрый день») и бон-суар (*фр.* bon soir — «добрый вечер») — пожелания при встрече и при расставании. Ан-шанте (*фр.* enchanté — «очарован», «обворожен») — типичная формула при знакомстве. Дезеспуар (*фр.* désespoir) — «отчаяние», «безутешность». Ирония по поводу минимальных знаний этикетных выражений — общее место в русской литературе XIX в.

⁵ ...говорила по-французски и по-итальянски, как уроженка Орлеана или Флоренции... — Греч имеет в виду, что его героиня знала упомянутые языки в их литературной форме. В основе литературного французского языка лежал центральный диалект (распространенный в регионе от Тура до Орлеана), в основе итальянского же — тосканский диалект (на котором говорят во Флоренции).

⁶ ...танцевала как четвертая грация... — В древнеримской мифологии было три грации (*лат.* Gratia) — богини веселья; они соответствовали древнегреческим харитам (*гр.* χάριτες) — Аглае (*др.-греч.* Ἀγλαΐα — «блеск»), Галии (*др.-греч.* Θάλια — «цветущее счастье») и Эвфрозине (*др.-греч.* Εὐφροσύνη — «радостное настроение», «веселье»). Грации являлись воплощением духовной красоты и радости жизни, а сходство с ними злобной Алевтины сводится лишь к умению танцевать и внешней красоте. Сравнение возлюбленной с грацией, как и ироничное именование кого-либо ею (или, как вариант, «четвертой грацией»), — общее место в русском языке втор. пол. XVIII — пер. пол. XIX в.

⁷ ...ножки — их никто не видал: Алевтина не любила короткого платья... — Коротким считалось платье, длина которого позволяла увидеть обувь и щи-

колотки. Мода на такие наряды распространилась в 1780–1790 гг. вместе с модой на античные платья с декольте и с высокой талией.

Обувь к античному наряду полагалась без каблуков. Дамские туфли шили из атласа белого, голубого и розового цветов без каблука с острыми, длинными носками в форме лодочки, на утолщенной кожаной подошве. <...> Платья делали не совсем длинными, поэтому туфельки и щиколотки были видны.

Короткова 2008: 147

⁸ *...замечит в модном журнале...* — В 1779 г. журналист Николай Иванович Новиков (1744–1818) начал издавать первый в России модный женский журнал — «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» (просуществовавший, однако, весьма недолго и в том же году закрывшийся), а в 1791 г. увидело свет издание «Магазин английских, французских и немецких новых мод, описанных ясно и подробно и представленных гравированными на меди и иллюстрированными рисунками». Вполне вероятно, что Алевтина читала и французские модные журналы — «Galerie des modes et costumes francais» (1778), «Cabinet des modes ou les modes nouvelles» (1785), «Journal des Dames et des Modes» (1797) и др.

⁹ *...княгиня управляла в звании опекуниши... имением своего пасынка и пользовалась его доходами как собственными...* — В царствование Екатерины II опекуны были обязаны отчитываться перед дворянской опекой; при этом «опекун осуществлял свою обязанность возмездно, имея право на 5% от доходов малолетнего, полученных в результате хозяйственной деятельности; на него возлагался учет приходов и расходов средств опекаемого в специальных книгах» (Макарова 2006: 15).

¹⁰ *Генерал-поручик* (после 1798 г. — генерал-лейтенант) — чин III класса в Табели о рангах.

¹¹ *...в Александровской ленте...* — В XVIII и нач. XIX в. наградные знаки носили на орденских лентах: Андреевской, Анненской, Александровской и проч. Александровская лента была красного цвета, изготавливалась из муара (полушелковая ткань с переливами) и предназначалась для ношения ордена Святого Александра Невского, одной из высших наград Российской империи (учрежден в 1725 г.).

¹² *Генерал-губернатор* — военно-административный начальник генерал-губернаторства (в Российской империи — единица административно-террито-

риального деления, состоявшая из одной или нескольких губерний). В описываемый период в России было всего пять генерал-губернаторов: петербургский, московский, киевский, кавказский и литовский.

¹³ ...только малая часть имения князя Кемского достается жене его... — Наследование имущества в кон. XVIII в. происходило по закону или по завещанию. Согласно закону о наследовании вдове доставалась лишь $\frac{1}{7}$ часть недвижимого имущества и $\frac{1}{4}$ движимого, остальное отходило детям. История с завещанием Кемского была историей обмана законного наследника. Об этом говорят многие детали: в частности, написать завещание в пользу падчерицы при наличии родного сына старик Кемский вполне мог, однако этот документ не признали бы действительным. Ср.: «Наследование по закону основывалось на принципе сохранения родовой собственности в роду» (Новицкая 2005: 506); «Завещать родовое имение тому из родственников, кого назначил наследодатель, можно, если воля последнего будет высочайше утверждена. Естественно, такое завещание и отменено могло быть лишь с высочайшего повеления. Однако даже перераспределение долей или отдача предпочтения одному из наследников одной степени родства нуждалось в утверждении. <...> В случае если не было родственников, наследодатель не мог свободно распорядиться своим наследством» (Там же: 523); «По смерти наследодателя завещание должно быть предъявлено в присутственных местах, в зависимости от сословной принадлежности завещателя — магистрате или верхнем земском суде» (Там же: 526). Соответственно, если бы молодой Кемский умер бездетным, вопрос о судьбе имущества решался бы органами власти, а не Алевтиной. Завещание, предполагавшее отдачу родовой собственности падчерице при таких обстоятельствах, могло стать действительным только после прохождения через высшие инстанции (см.: ПСЗРИ 1830/20; Неволин 1857/1: 400; Загоровский 1902: 52—53).

¹⁴ ...ездил в Английский клуб... — В Санкт-Петербурге Английский клуб (Английское собрание) был учрежден в 1770 г.; впоследствии он неоднократно менял адреса: первоначально был расположен в доме К. Кюзеля (Ново-Исаакиевская ул. — ныне Малая Морская, 17), с 1774 г. — у Синего моста (наб. Мойки, 54), с 1778 г. — в доме графини Скавронской неподалеку от Красного моста (см.: Головин 1870: 8; Завьялова 2004).

¹⁵ Вист — коммерческая карточная игра; в кон. XVIII — XIX в. она не попричалась обществом, в отличие от азартных игр; играющему в вист в клубе, а не в других заведениях, была гарантирована относительная безопасность:

клуб регламентировал отдачу долгов, не допускал к игре мошенников или игроков с плохой репутацией и т. п. О разнице между коммерческими и азартными играми см. также примеч. 16 к гл. XXXIX.

¹⁶ *...приказание ехать к армии, стоявшей тогда в Польше.* — В 1793 г., в результате Второго раздела Польши, Россия получила, помимо собственно польских территорий вместе с Варшавой, Литву, часть белорусских земель с Минском и Правобережную Украину. На захваченные земли были введены русские войска, а 6 апреля 1794 г. началось восстание под началом Т. Костюшко, которое охватило Краков, Варшаву и Вильно (см. также примеч. 11 к гл. I).

[ГЛАВА] III

¹ *...в старушечьем чепчике с крыльями...* — Чепчик с крыльями, или крылатый чепец (*нем.* Flugelhaube), в России распространился при Екатерине II; такой головной убор имел по бокам особые наставки, внешне напоминающие поднятые крылья птицы (см.: Кибалова, Гербенова, Ламарова 1987: 361).

² *...вязала сетку на палочке.* — «Сеткой» называли плетенный ячейками головной убор, покрывающий волосы на затылке.

³ *...в высокой прическе семидесятых годов...* — В России пик подражания высоким европейским прическам пришелся на 1770-е годы. Для создания причесок использовали шиньоны, подкладки-подушечки, лаки, помады, сало и бараний жир, пудру (серебряную, белую, палевую, розовую), шпильки и проч.

⁴ *...в бортах стенной живописи извивались арабески...* — Покрытие стен клеевыми красками было известно в России с кон. XVIII в. Арабеска (от *ит.* arabesco — «арабский») — сложный орнамент из стилизованных листьев, цветов, животных, изогнутых линий и т. п., возникший в подражание восточным средневековым орнаментам; обрел популярность в Европе начиная с эпохи Возрождения. Борт (*фр.* bord, *нем.* Borte) — край, окаймление, бордюр.

⁵ *Миткалевый* — сделанный из миткаля, тонкой бумажной ткани полотняного переплетения.

⁶ *...эклога Александра Сумарокова: фарфоровый пастушок млеет у ног фарфоровой пастушки.* — Видимо, подразумевается пасторальная эклога «Дориза» (1768) поэта и драматурга Александра Петровича Сумарокова (1717–1777), описывающая любовь пастушки Доризы и пастушка Дамона.

⁷ ...*два китайские уroda*. — Имеются в виду кивающие головами фигурки болванчики, привезенные из Китая. Увлечение китайским стилем началось в Европе еще с кон. XVII в.; фарфоровые статуэтки вошли в моду несколько позже, в пер. пол. XVIII в. Об оформлении «китайской комнаты» в русском интерьере XVIII в. см.: Ю-Фанг 2000.

⁸ ...*в модном утреннем неглиже...* — В XVIII в. существовала мода на одежду «неглиже» («небрежно», «по-домашнему») для дома, для загородных поездок, для выезда в город и т. п. (см.: МОЗ 1795). Изначально это слово обозначало мужской и женский костюм для прогулок и путешествий (первоначально — только для верховой езды); позже так стали называть легкую утреннюю домашнюю одежду, преимущественно женскую (см.: ЭМ 1997: 256).

⁹ ...*играла в рулетку*. — Имеется в виду так называемая «тирольская рулетка»: квадратная деревянная дощечка шириною ок. 20 см с круглым углублением посередине, с цветными лунками и числами в нем. В углубление кладутся небольшие шарики и запускается маленький (ок. 3 см) волчок, загоняющий шарики в лунки или за пределы круга. Эта игра упоминается также в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834): «По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом» (Пушкин 1937–1959/8.1: 240).

¹⁰ ...*держа пальцы по квартирам...* — Редко встречающееся описание позы, при которой пальцы одной руки заложены за борт верхней одежды с опорой на застегнутые пуговицы. Такое положение руки можно увидеть на «Портрете мальчика в охотничьем костюме» работы Л. Каравакка кон. 1720-х — нач. 1730-х годов (Государственный Русский музей, СПб.); аналогичным образом расположены рука князя И.Т. Мещерского на портрете работы неизвестного художника (1756), рука И.В. Лихачёва на портрете работы А. Чащина (1769) и др. Не противоречат такому объяснению и описания в литературе; ср., напр.:

Усатые, бригоголовые паны <...> грозно держась за саблю, другие в расшитых кафтанах и кунтушах, миролюбиво *размещая пальцы по квартирам* между алмазных пуговиц, беспечною своею физиономиею и двойным подбородком невольно возбуждали апшетит <...>

Вечер на кавказских водах в 1824 году (1830).

Цит. по: Бестужев-Марлинский 1995: 158. Курсив наш. — Е.М.

Толкование А.А. Петрова («<...> *пальцы по квартирам*, вероятно, означает “в перчатках”». — Петров 2010: 333) ошибочно, как и описание значения в «Словаре галлицизмов»: «По швам, там, где положено по уставу» (ИСГ 2010: сл. ст. «квартира»).

¹¹ ...у «*Всех Скорбящих*» всю *францию обедню отстояла*... — Имеется в виду икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» (названа по начальной строке одной из богородичных стихир), написанная предположительно в 1683—1685 гг. Образ долгое время находился в домовой церкви Воскресения Христова при дворце Натальи Алексеевны на Шпалерной улице; императрица Екатерина II ходила молиться к иконе в 1768 г., во время эпидемии оспы. В 1932 г. храм был закрыт, и дальнейшая судьба образа неизвестна. Подробнее об истории этой иконы см.: Комашко 2005.

¹² ...*самого лучшего парижского порошку, чтоб вычистить зубы. Румян и белил у ней довально*. — Зубной порошок был изобретен французским дантистом Пьером Фошаром (1678—1761), издавшим в 1723 г. книгу о стоматологии, после чего возникла традиция чистить зубы. Ирония Хвальнского обусловлена тем, что «новой княгине», привыкшей к косметике, чужды европейские гигиенические привычки: в описываемое время в России еще существовала традиция чернить зубы; ср., напр., у А.Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790): «<...> Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь» (Радищев 1992: 34).

¹³ ...*сколько сегодня градусов тепла? — Тринадцать с половиною в тени*... — В описываемое время в России применялись все четыре температурные шкалы — Фаренгейта, Делиля, Реомюра и Цельсия. Фон Драк, очевидно, называет градусы по одной из последних двух, схожих в среднем диапазоне.

¹⁴ — *А барометр каков? — Поднялся на три линии со вчерашнего вечера*. — Барометр поднялся на 7,62 мм, то есть установилась ясная погода. Дюйм, равный 2,54 см, делился в английских барометрах на десять линий; в России же «до 1870 года <...> барометры для метеорологических наблюдений делились на *русские полулинии*, то есть на $\frac{1}{20}$ части английского дюйма, или $\frac{1}{2}$ части английской линии» (ЭСБЕ 1890—1907/3: 87—88). Таким образом, можно утверждать, что в доме Алевтины висит английский барометр.

¹⁵ ...*сколько вы клали померанца на бутылку в этот бишоф*... — Бишоф — напиток, приготовленный из виноградного вина и настоянной на померанцах водки. Ср. описание его рецепта в книге Н.П. Осипова «Российский хозяй-

ственный винокур, пивовар, медовар, водочный мастер, квасник, уксусник и погребщик» (1792): «Возьми поморанцев <...>, налей французскою водкою <...> и дай стоять в водке 7 дней, по том по желанию разводи красным или белым французским вином, будет вино Бишеф» (цит. по: ИСГ 2010: сл. ст. «бишоф»).

¹⁶ *Она зубы делает...* — Имеется в виду, что у ребенка режутся зубы.

¹⁷ — *Познай, колико я тобою страстен! | Познай, колико я несчастен, | Став пленник красоты твоей!* — Хвальинский комически обыгрывает слова Вельмира из трагедии П.А. Плавильщикова «Рюрик» (1816): «Пламира! Ах, познай, колико страстен я <...>» (Д. II, явл. 3).

[ГЛАВА] IV

¹ *Превосходительство и благородие!* — В соответствии с формулами титулования в Табели о рангах военные чины II–IV классов (генерал-майоры и выше) именовались «превосходительство», а IX и ниже (то есть с капитана) — «благородие».

² *...убитого под Измаилом...* — Турецкая крепость Измаил была взята русскими войсками под командованием А.В. Суворова 11 декабря 1790 г.; потери с обеих сторон были очень большими.

³ *...крестник покойного князя Потёмкина...* — Имеется в виду Григорий Александрович Потёмкин-Таврический (1739–1791) — русский государственный деятель, руководивший присоединением к России южных территорий (Новороссии), генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II.

⁴ *Я сделал глупость: подарил ей в именины пару бриллиантовых серег ~ Наташа... не могла отказаться от подарка, но приняла его как горькую обиду...* — Дорогой подарок, сделанный девушке, как повод для обиды — общее место. Ср., напр., у П.П. Вяземского в «Письмах и записках Оммер де Гель» (написаны в 1840-е годы):

Я спросила ее, от кого она получила эти бриллиантовые серьги.

— Их дал мне князь.

Я была этим сильно оскорблена.

Вяземский 1990: 185

⁵ *«Всякий человек есть ложь»...* — Эта цитата из Книги Псалтыри (Пс. 115: 2) встречается и художественных произведениях кон. XVIII в., напр., в оде «Фе-

лица» (1782) Г.Р. Державина: «Кто сколько мудростью ни знатен, | Но всякий человек есть ложь» (Державин 1957: 100).

⁶ *Чтение военных книг...* — В корпусной библиотеке, организованной одновременно с кадетским корпусом в 1732 г., хранились в основном книги на русском, французском и немецком языках (см.: Геринг 1973: 15; Ридер 2003).

⁷ *...мог поступить офицером в гвардию, и все советовали мне это сделать... Только Алевтина и Прасковья Андреевна... советовали пойти по армии.* — В гвардейские полки, которые давали возможность быстро сделать карьеру, стремились попасть представители богатых и знатных семей. Противопоставление армейской и гвардейской службы — общее место в русской литературе втор. пол. XVIII — нач. XIX в. Так, в комедии Я.Б. Княжнина «Хвастун» (1784/1785) диалог Честона и Верхолета о гвардии и армии (Д. III, явл. 6), по сути, является спором о нравственной позиции героев. В «Капитанской дочке» (1836) А.С. Пушкина Гринёв-старший отправляет сына, записанного в Семёновский гвардейский полк, в армию, желая спасти его от духа «злонравия» и «шаматонства».

⁸ *...между тем как гвардия пошла под шведы...* — Имеется в виду кампания 1788–1790 гг., завершившаяся подписанием Верельского мирного договора 3 августа 1790 г. В 1789 г. основные военные силы русских были представлены гвардейскими полками (см. также пред. примеч.).

⁹ *Флигельман.* — По уставу 1796 г. так назывался «правофланговый унтер-офицер роты, который во время ученья выходил вперед и проделывал темпы ружейных приемов, а по его темпам исполняла приемы вся рота» (ЭСБЕ 1890–1907/26: 133).

[ГЛАВА] V

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «20 августа 1831».

¹ *Выборгская дорога* (Старая Выборгская дорога, Большая Выборгская дорога) — в описываемые времена ездовой тракт, берущий начало в Санкт-Петербурге (у Сампсониевского собора) и уходящий в северо-западном направлении, с окончанием в городе Выборге (на берегу Финского залива, неподалеку от границы с Финляндией). Название укрепилось в 1742 г. и существовало до 1836 г., когда дорога была переименована в Выборгский тракт.

² *Сярки* (Сярьи, Сарки; от фин. Särki — «плотва») — деревня на Выборгской дороге; располагается к западу от села Токсова (см. след. примеч.), на правом берегу реки Охты. Согласно этнографической карте П.И. Кёпшена, в пер. пол. XIX в. в ней жили преимущественно ингерманландцы-эурямейсет (см.: Кёрпен 1867: 54).

³ *...понесли его в пасторат, или село Токсово, известное петербургским любителям загородных прогулок.* — Токсово (от фин. tuoksuva — «пахнущее», «благоухающее») — село в 20 км к северу от Санкт-Петербурга, населенное ингерманландцами-эурямейсет. Во времена написания романа «ЧЖ» Токсово называли «Петербургскою Швейцариею» (Пушкарёв 1843: 466). Токсовская лютеранская община основана в 1625 г., а в 1757 г. в селе была построена деревянная кирха (см.: Пюккенен 2007). См. также примеч. 4 к гл. VII.

⁴ *«Всеобщая повариха».* — Поваренные книги на немецком языке издавались многократно; ко многим из них можно было бы применить упомянутое название (см., напр.: KVGK 1734; Watel 1828).

⁵ *«Безысходный комплиментер и корреспондент».* — Сведений об издании обнаружить не удалось.

⁶ *...Балтазара Грациана «Придворный человек».* — Грациан Балтазар (Грасиан Бальтасар; 1601–1658) — испанский мыслитель, теоретик литературы барокко. Его сочинение «Карманный оракул, или Наука благоразумия» («Osculo manual y Arte de Prudencia»; 1647) в XVIII в. дважды переводилось на немецкий язык (1711, 1723); в 1741 г. оно было также переведено на русский (с французского переложения) под названием «Придворный человек» (см.: Бальтасар 1741) и выдержало несколько переизданий (1742, 1760); опубликовано в серии «Литературные памятники» (см.: Бальтасар 1984).

⁷ *...дно большого водоема, простиравшегося в старые незапамятные времена между... берегами Финского залива, Дудергофом, Пулковом и возвышениями парголовскими и токсовскими.* — Речь идет о поселках и мызах, расположенных в описываемые времена в окрестностях Санкт-Петербурга (в настоящее время некоторые из них входят в черту города). Дудергоф (*швед.* Duder Hoff) — в кон. XVIII в. мыза к юго-западу от Санкт-Петербурга; ныне входит в состав Красносельского района. Пулково (или Пулковская) — мыза в 20 км к югу от Санкт-Петербурга; во втор. пол. XVIII в. через нее был проложен тракт Санкт-Петербург — Царское Село. Парголово и Токсово в описываемые времена находились на Выборгском тракте (см. также выше, примеч. 3). В разное время при отступлении ледника на территории, о которой говорит Греч, были Литориновое море и Анциловое озеро.

⁸ *...простудная горячка...* — Имеется в виду болезнь, связанная с воспалительными процессами, высокой температурой и т. п. Определение «простудная» указывает на то, что для языка этого периода существенна разница между двумя значениями слова: (1) лихорадка, жар; (2) психическое расстройство, сопровождающееся бредом. В романе упоминаются также нервическая и белая горячки; их описание стало достижением медицины нач. XIX в. (см. примеч. 1, 5 и 6 к гл. XVIII).

[ГЛАВА] VI

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «4 сент.».

¹ *Низовые губернии* — губернии в низовьях Волги (Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Астраханская).

² *«Это чума, друг мой!* — См. примеч. 4 к «Вступлению».

³ *Возгорелся бунт Пугачёва.* — Имеется в виду крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством донского казака Емельяна Ивановича Пугачёва (1742–1775). В низовые губернии Пугачёв пришел весной–летом 1774 г., когда его войска начали отступать к Казани. Выданный царским войскам своими казаками, Пугачёв был доставлен в Симбирск в сентябре 1774 г.

⁴ *Позорище* — здесь: поле деятельности (см.: СДЯ 1988: сл. ст. «позорище»).

⁵ *Штаб-лекарь* — воинское звание старшего (полкового) врача. Его можно было получить, лишь имея высшее медицинское образование и только после «продолжительной и беспорочной службы» (Богоявленский 1980: 531).

⁶ *Род Хвальынских не блестит в бархатных книгах...* — Имеется в виду составленная в 1687 г. родословная книга, в которую были включены знатные боярские и дворянские роды России. «Бархатная книга» была издана Н.И. Новиковым в 1787 г. под названием «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих», хотя и отражала не все знатные фамилии; Кемские в ней действительно упомянуты, поэтому не случайно главный герой, намекая на себя, говорит Хвальынскому: «<...> тебя не тяготит полученное от родителей титуло <...>» (с. 43 наст. изд.).

[ГЛАВА] VII

¹ *...в щегольском халате...* — Греч не случайно предпочитает слово «халат» (от *араб.* khil'at — «одежда») другим названиям — шлафор, шлафрок,

моргенфрок, спальный кафтан и проч. В описываемые времена халат имел богатую семантику (см.: Кулакова 2011). Он мог символизировать беззаботность и приватность, а также быть знаком нестандартного, независимого поведения интеллектуала, для которого повседневные условности ничего не значат. Литературный образ халата восходит к прозаической миниатюре Дени Дидро (1713–1784) «Сожаление о моем халате, или Совет тем, у кого больше вкуса, чем денег» («*Regrets sur ma vieille robe de chambre, ou Avis à ceux, qui ont plus de goût que de fortune*»; 1772); П.А. Вяземский опубликовал этот текст в переводе на русский язык в «Сыне Отечества» (1821. № 37); см. об этом также: Стефанович 1966: 88–89. После 1762 г. приобретает популярность стеганый халат на вате (см.: Кирсанова 1995: 308), а с кон. XVIII в. входит в моду восточный халат.

² ...на черном кожаном канapé... — Во время работы над романом Греч колебался в выборе слова для обозначения дивана со спинкой и подлокотниками, заменяя «софу» на «канapé» и «канapé» на «софу» по всему тексту (не только в разных изданиях, но и в черновике; см. раздел «Варианты», с. 457, 458, 462, 491 наст. изд.). Вероятно, это было обусловлено выбором между восточным и европейским колоритом интерьера: софа связана с ориенталистской окраской, а канapé — со стилем эпохи Людовика XV и Людовика XVI.

³ ...в черном однóбóртном сюртуке... — Сюртук (от фр. *surtout* — «поверх всего») появился в России в нач. XIX в. и был предназначен — в отличие от фрака, визитки, смокинга — для повседневного ношения. В кон. XVIII в. были более распространены двубóртные сюртуки, однóбóртная модель начинает распространяться позже, в 1810–1830-х годах. Как отмечает Л.В. Беловинский, «дворяне продолжали носить халаты дома, хотя в 1830-е годы “приличным” утренним домашним нарядом в идеале считался застегнутый доверху черный сюртук» (Беловинский 1995/1: 87). Журнал «Московский телеграф» рекомендовал читателям иметь в гардеробе сюртук «утренний с одним рядом пуговиц» (МТ 1825: 103). Сказанное означает, что включение в словарные описания сюртука определения «двубóртный» неправомерно (ср. соответствующие сл. ст. в изд.: Ушаков 1935–1940; Ожегов 1992; ИСГ 2010).

⁴ ...нетрудно было узнать сельского пастора. — Самая большая в Северной Ингерманландии, Токсовская волость имела лютеранский приход, созданный в 1625–1628 гг. Церковь (вместо прежней, сгоревшей) была построена в 1757 г., разобрана в 1800-е годы. В описываемое время пастором был Микаэль Топшелиус (1778–1810). См. также примеч. 3 к гл. V.

⁵ *Доктор Джонсон утверждает, что люди, отвергающие действительность привидений устами, признаются в ней своею боязнию.* — Имеется в виду Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский поэт, лексикограф, литературный критик и публицист. Приводимая Алимари цитата заимствована из его повести «История Расселаса, принца абиссинского» («The History of Rasselas, Prince of Abissinia»), написанной в 1759 г.; сочинение это было переведено на русский язык в 1798 г. и публиковалось в разных переводах (см.: Джонсон 1798; Джонсон 1875).

⁶ *И вы, Алимари, натуралист, испытатель таинств природы, можете утверждать это?* — Называя Алимари «натуралистом», Вышпатын имеет в виду, что его собеседник является последователем натурализма как мировоззрения, исключающего всё «сверхъестественное» и объясняющего сущее на основе фактов природы.

⁷ *Явления электричества, магнетизма и другие в течение тысячелетий изумляли народ и казались сверхъестественными самым умным и просвещенным людям тех времен. Ныне эти явления разгаданы.* — В XVIII в. было сделано много научных открытий в изучении электричества. Так, англичанин Стефен Грей доказал возможность передачи электричества на расстоянии, обнаружил различия в электропроводности материалов (1729); голландец Питер Ван Мушенбрук создал лейденскую банку — первый электрический конденсатор (1745); в России Г. Рихман и М.В. Ломоносов изучали атмосферное электричество. Бенджамин Франклин, рассматривавший электричество как «нематериальную жидкость», или флюид, в 1747 г. создал первый молниеотвод, а в 1791 г. Луиджи Гальвани описал электрический ток в мышцах животных.

⁸ *...признаемся с Шекспиром, что под солнцем много таких вещей, какие философии нашей и во сне не фрезились!* — Цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (см. примеч. 10 к гл. I) приводится в переводе, которого нет в русских переложениях, существовавших во время написания романа. Переводы А.П. Сумарокова (1747) и С.И. Висковатова (1811) данного фрагмента не содержат вовсе; в переводе М.П. Вронченко (1827) он выглядит так: «Есть многое в природе, друг Горацио, | Что и не снилось нашим мудрецам» (Шекспир 1828: 49); ср. также в переводе Н.А. Полевого: «<...> есть многое и на земле, и в небе, | О чем мечтать не смеет наша мудрость» (Шекспир 1837: 53).

⁹ *...с огненного змея-с.* — См. примеч. 6 к «Вступлению».

¹⁰ *...граф Самойлов...* — Греч имеет в виду генерал-прокурора Александра Николаевича Самойлова (1744–1814), племянника Г.А. Потёмкина-Тавриче-

ского (см. примеч. 3 к гл. IV). Титул графа в 1795 г. был пожалован Самойлову Екатериной II (см.: Иванов 1863: 57).

¹¹ *...в честь гостя нашего, молодого короля шведского.* — Речь идет о Густаве Адольфе IV (1778–1837; правил в 1792–1809 гг.), который приезжал в Россию в августе–октябре 1796 г. Предполагалось, что Густав IV обвенчается с внучкой Екатерины II, однако договоренности не были достигнуты, поскольку великая княжна Александра желала сохранить православное вероисповедание, с чем не был согласен семнадцатилетний шведский король (см.: Ростопчин 1887: 96–97). См. также примеч. 15 к гл. VIII.

¹² *...последнем году царствования императрицы Анны Ивановны.* — Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица из династии Романовых, правила в 1730–1740 гг.

¹³ *...в доме, где теперь трактир «Париж» на Дворцовой площади...* — В 1740 г. участок дома № 16 (также известен как дом С.М. Тедески, дом Л.Я. Овцына) по Невскому проспекту входил в состав Адмиралтейского луга, откуда можно было увидеть происходящее у входа в Адмиралтейство и около Зимнего дворца Анны Иоанновны.

¹⁴ *...на углу Ледокольного переулка.* — Имеется в виду неширокая улица, в описываемые времена пролежавшая между Синим мостом и Почтамтским переулком.

¹⁵ *...тогдашние итальянские арии.* — В России история оперы начинается с 1736 г. Благодаря приглашенным итальянским труппам и композиторам (Б. Галуппи, Дж. Паизиелло, Дж. Сарти, Д. Чимароза и др.) при Анне Иоанновне становится популярной опера-буфф, а в Санкт-Петербурге открывается первый оперный театр.

¹⁶ *...средние ворота Адмиралтейства, идущие к Гороховой улице.* — Участок дороги от Адмиралтейского проспекта до реки Фонтанки именовался Гороховой улицей (см.: Владимирович, Ерофеев 2009: 109). Упоминание о Гороховой улице впервые появляется в номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 1770 г.; однако в 1775–1829 гг. она именовалась Адмиралтейским проспектом. На планах пер. пол. XIX в., как правило, встречается двойное название — Адмиралтейский проспект, или Гороховая улица (см.: Там же: 110).

¹⁷ *...процессия, обогнув угол Адмиралтейского вала, направилась к средним воротам дворца и вошла в них...* — Речь идет о Зимнем дворце, точнее, о так называемом Третьем Зимнем дворце, или о Зимнем дворце Анны Иоанновны,

построенном к 1735 г. по проекту Б.-К. Растрелли, с окнами, выходящими на здание Адмиралтейства.

¹⁸ *Слуга воротился и объявил, что он пробежал до угла Адмиралтейства... между тем поднялся сильный ветер, сорвал с него шляпу и унес ее к набережной.* — Слуга огибал Адмиралтейство справа, следовательно, он выбежал на улицу, современное название которой — Дворцовая набережная.

[ГЛАВА] VIII

¹ — *Карл XI, отец знаменитого Карла XII, был один из самых умных королей шведских.* — Карл XI (1655–1697; правил с 1672 г.) имел репутацию мудрого правителя, так как при нем в Швеции были проведены реформы, способствующие процветанию страны: заключен мирный договор с Данией, построена военная гавань Карлсруна, восстановлен Лундский университет, принят закон о Церкви, введено много нового в торговле и промышленности. Его сын, Карл XII, вззошел на трон в возрасте пятнадцати лет, а с восемнадцати начал военные кампании, целью которых было усиление позиций Швеции в Европе, поэтому имел репутацию воина и полководца, а не мудрого правителя.

² *Он лишился супруги своей, Ульрики Элеоноры, и хотя при жизни обращался с нею сурово, но грустил о ее кончине более, нежели как можно было ожидать.* — Речь идет об Ульрике Элеоноре Датской (1656–1693), королеве-консорт Швеции (с 1680 г.), супруге короля Карла XI. Ульрика была любима подданными и много занималась благотворительностью.

³ *...перед камином в кабинете стокальмского дворца.* — Речь идет о дворце Врангеля (*швед.* Wrangelska palatset) на острове Риддархольмен (*швед.* Riddarholmen — букв.: «Рыцарский остров»). Дворец был построен в 1652–1670 гг. по проекту архитектора Никодемуса Тессина; с 1697 по 1754 г. там находилась резиденция королевской семьи.

⁴ *Браге Пер (1602–1680) — шведский генерал-губернатор Финляндии (1630-е годы), один из опекунов Карла XI. В действительности он умер до, а не после королевы Элеоноры (см. выше, примеч. 2).*

⁵ *...лейб-медик Баумгартен...* — Сведений о таком враче Карла XI не обнаружено.

⁶ *...вспоминая о своей супруге, посмотрел на портрет ее...* — В настоящее время известны четыре портрета Ульрики Элеоноры Датской — а именно работы Ж. д'Агара (1677), П. Синьяка (1682), Д. Клёкера-Эреншталя (1681,

1686); ни один из них не является прижизненным. Другие портреты Ульрики Элеоноры могли быть во дворце Врангеля (см. выше, примеч. 3), однако не сохранились из-за пожаров. Благодарю за эту информацию сотрудника Национальной портретной галереи Швеции Е.-Л. Карлссона.

⁷ *Нынешний королевский дворец в то время еще не был кончен, и Карл XI... жил в старом дворце, на оконечности Риттергольма, вдающейся в Мелар.* — Под «нынешним королевским дворцом» подразумевается Стокгольмский дворец (*швед.* Kungliga slottet), заложенный в 1690 г. (по проекту Н. Тессина-младшего), но достроенный лишь в 1760-м. Мелар (Меларен, *швед.* Mälaren) — одно из крупнейших озер Швеции, на восточном берегу которого расположен Стокгольм. Об острове Риттергольм (Риддархольмен) и «старом дворце» (то есть дворце Врангеля) см. выше, примеч. 3.

⁸ *Трабант* (драбант) — член почетной стражи короля.

⁹ *«Государь!» — отвечал граф, отступив от двери. — Прикажите мне броситься на пушку датскую или немецкую, я буду повиноваться без замедления, но здесь действуют силы адские.* — Ср. в «Видении...» П. Мериме в переводе И. Д-ча: «Государь, — сказал граф, сделавши шаг назад, — пусть ваше величество прикажет мне лезть прямо в жерло датской или немецкой пушки, я пойду не раздумывая; но здесь ведь надо сражаться с адом» (с. 381 наст. изд.). Упоминание немецких и датских пушек обусловлено тем, что Швеция в описываемую эпоху вела войны с Германией и Данией (сражения при Бранденбурге и Фербелинге (1675 г.), битва при Лунде (1676 г.)).

¹⁰ *...добытые Густавом Адольфом трофеи, знамена врагов Швеции.* — Густав Адольф II (1594—1632) — король Швеции (с 1611 г.), сын Карла IX. Он вошел в историю как полководец: в его правление Швеция участвовала в Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.), а также воевала с Польшей, Данией и Россией. В частности, Русско-шведская война (1610—1617 гг.) завершилась подписанием Столбовского мирного договора, согласно которому шведы получили Ям, Ивангород, Копорье, Нотебург и Кексгольм.

¹¹ *...до возведения Швеции Вазою на степень королевства.* — Шведский король Густав I Ваза (правильнее — Васа; 1496—1560; правил с 1523 г.) в 1530—1540-х годах возглавил борьбу за независимость Швеции, подчинявшейся Дании, и в 1544 г., после заключения Шпейерского мирного договора, стал первым королем независимой Швеции.

¹² *Горе, горе, горе крови Вазы!»* — Династия Вазы прервалась в 1654 г. (до восшествия на престол Карла XI), в связи с отречением королевы Кристи-

ны (1626—1689); следовательно, пророчество призрака не имело буквального смысла (см.: Авессаломова 1959: 84—85).

¹³ *...обои, легко колеблемые ветром.* — Речь идет о тканевых обоях.

¹⁴ *...вспомните смерть Густава III и суд над Анкарстрёмом, его убийцею.* — В 1792 г. дворянство, недовольное внутренней политикой Густава III (см. примеч. 9 к «Вступлению»), составило против него заговор. В ночь с 15 на 16 марта 1792 г., на костюмированном балу, король был смертельно ранен шведским вельможей Якобом Юханом Анкарстрёмом (1762—1792) выстрелом из пистолета. 27 апреля Анкарстрём был казнен, а его сообщники (представители аристократической оппозиции) отправлены в изгнание. Густав III был пятым по счету монархом (если считать Карла XI) со времени происхождения в старом дворце, и, таким образом, предсказание призрака сбылось.

¹⁵ *...отрок есть Густав IV, нынешний король, а старец — герцог Зюдерманландский ~ Они теперь находятся в Петербурге.* — До совершеннолетия (до 1796 г.) регентом Густава IV был его дядя, Карл Сёдерманландский, который в 1792—1794 гг. являлся губернатором Сёдерманланда (*швед.* Södermanlands län) — лена на Балтийском берегу Швеции. В 1796 г. король Густав IV приехал в Петербург как жених Александры Павловны, внучки Екатерины (см. примеч. 11 к гл. VII). Вероятно, в данном случае речь идет о визите 24 августа — 1 октября 1796 г., так как в тексте романа упоминается осень (см.: ПЕ 1879; Ростопчин 1887; Сексте 2010).

[ГЛАВА] IX

¹ *...был статс-секретарем при покойном шведском короле Густаве III.* — Речь идет о Густаве Морице Армфельте (1757—1814), который в 1792—1793 гг. был послом в Неаполе, а в 1794—1796 гг., будучи приговорен к смерти в Швеции, скрывался в России под чужим именем, о чем Алимари не мог знать. За сведения благодарю шведского историка литературы Ларса Клеберга.

² *«Извольте посоветоваться с ворожеею. Я знаю такую женщину, она чухонка и чудесно ворожит на картах и на кофе».* — Гадания на кофейной гуще и картах были в моде у современников Н.И. Греча; по ним выходило множество обучающих книг и пособий («Игра искусство узнавать человеческие мысли остроумная» (СПб., [б. г.]); «Ворожея в пользу и удовольствие молодых девиц» (СПб., 1795); «Гадать новейшее открытое таинство и легчайший способ раскладывать на картах и проч.» (СПб., 1808) и т. д.).

³ *...и пошли к Сибилле.* — Упоминание слова «Сибилла» применительно к гадалке является общим местом в русской литературе кон. XVIII — нач. XIX в.; однако использование его связано не только с образом греческих пророчиц, которые в состоянии экстаза предсказывали судьбу, но и с популярностью в России руководств к гаданиям, так называемых «Сивиллиных книг» (см.: СП 1793; УРС 1839 и т. п.). Кроме того, участники диалога знакомы с современной им литературой и реалиями Петербурга, о которых упоминают и другие современные Н.И. Гречу авторы; так, ряд лексических совпадений (сибилла, чухонская колдунья, кофейница) свидетельствует о том, что образ гадалки в «ЧЖ», возможно, связан с повестью Ф.В. Ростопчина «Ох, французы!» (1812):

В продолжение нерешимости Луки Андреича тетка, погруженная в тяжкое сомнение, соблазнилась словами короткой своей знакомой Маремьяны Бобровны Набатовой, которая веровала в одну славную кофейницу, точно как древние в сибилл или оракула Апполона [*sic!*] Дельфийского, превозносила до небес чухонскую колдунью и, тысячью примерами поколебав дух Степаниды Кузьминишны, взялась привести кофейницу...

Ростопчин 1992: 129

Возможно также восприятие присоединенной к России Финляндии как места, связанного с волшебством и магией (Наина и Финн в «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкина).

⁴ *Король и граф взглянули ему в лицо и узнали любимца королевского — камергера графа А.* — Речь идет о Карле Понтусе Лильегорне (1758—1820), камергере Густава III, который благодаря расположению короля довольно быстро получил звание офицера лейб-гвардии, однако впоследствии принял участие в заговоре оппозиции и в итоге вел двойную игру: будучи заговорщиком, написал анонимное предупреждение королю о возможном покушении. В 1792 г., после убийства Густава III, Лильегорна приговорили к смертной казни, но мера наказания была заменена изгнанием из страны, и он поселился в Германии (см.: SBL 1917—2011/23: 153).

⁵ *Это какой-то инстинкт, какое-то чутье; в Шотландии оно называется вторым зрением.* — Второе зрение, или ясновидение, нередко упоминается в связи с магнетизмом и порой воспринималось современниками Греча как психическое заболевание. Ср., напр., следующий пассаж из романа В.Ф. Одоевского «Косморама» (1839):

Между тем, размышляя о всех странных случаях, происходивших со мною, я запылся всеми возможными книгами о магнетизме; Пюсегор, Делёз, Вольфарт, Кизер не сходили с моего стола; наконец, казалось мне, я нашел разгадку моего психологического состояния, я скоро стал смеяться над своими прежними страхами, удалил от себя все мрачные, таинственные мысли и наконец уверился, что вся тайна скрывается в моей физической организации, что во мне происходит нечто подобное очень известному в Шотландии так называемому «второму зрению»; я с радостью узнал, что этот род нервической болезни проходит с летами и что существуют средства вовсе уничтожить ее.

Одоевский 1989: 216

Термин «второе зрение» не был широко распространен в России во время написания романа «ЧЖ»; в современном же русском языке словосочетание утратило терминологическое значение: оно уже не связывается с идеями магнетизма и служит синонимом «интуиции», «чутья».

⁶ *Лагарп* Жан Франсуа де (1739–1803) — французский писатель, литературный критик, член Французской академии; первоначально был страстным сторонником Французской революции, но быстро разочаровался в ней (см. также ниже, примеч. 21).

⁷ *...членом Французской академии.* — Французская академия, учрежденная в 1625 г., а в 1635 г. получившая официальный статус и королевскую субсидию, занималась нормированием французского языка, созданием его словаря, изучением литературы; существует до настоящего времени.

⁸ *Шамфор прочел к общему удовольствию одну из своих вальных и безбожных сказок.* — Имеется в виду Себастьян-Рош Николя де Шамфор (1741–1794) — французский писатель, мыслитель, моралист, член Французской академии, участник штурма Бастилии; автор эпиграмм, комедий, афоризмов, писем, эссе. В России кон. XVIII — нач. XIX в. этот автор был хорошо известен (см., напр., следующие изд.: Шамфорт 1774; Шамфор 1780; Шамфор 1819 и т. п.).

⁹ *...один читал стихи из Вольтеровой поэмы...* — Подразумевается известная в России сатирическая поэма Вольтера (подлинное имя: Франсуа-Мари Аруэ; 1694–1778) «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans»; 1752), при жизни автора печатавшаяся анонимно из-за ироничного отношения автора к Жанне д'Арк, французским рыцарям и Церкви.

¹⁰ *...любимые места из Дидрота...* — Имеется в виду Дени Дидро, французский философ и писатель (см. о нем также примеч. 1 к гл. VII). Ср. его

«философские стихи», упоминаемые в «Пророчестве...» Ж.-Ф. Лагарпа: «Кишкой последнего попа | Последнего царя удавим» (Лагарп 1967: 244. *Пер. А.С. Пушкина*).

¹¹ *Я так же уверен в несуществовании Бога, как в том, что Гомер был дурак!*» — Ср.: Лагарп 1967: 244. Грубое выражение «Гомер был дурак» — стилистически сниженный синоним афоризма «И Гомер ошибался» («quandoque bonus dormitat homerus» — букв.: «даже Гомер иногда дремлет (*варианты пер.*: засыпает, клюет носом)»). Это выражение принадлежит древнеримскому поэту Квинту Горацию Флакку (65—8 до н. э.), в сочинении «Наука поэзии» («Ars Poetica»; 24/10 до н. э.) писавшему о фактических ошибках, которые есть даже у Гомера. Таким образом, для «третьего» участника беседы «несуществование Бога» — такой же неоспоримый факт, как и то, что Гомер ошибался.

¹² *Иллюминаты*, или «просветленные» (от лат. Illuminatus — «просветленный») — обобщающее название различных тайных обществ и сект, ставивших целью совершенствование человечества на основе нравственного просвещения и нередко противостоявших политическим и религиозным властям. Наиболее известен основанный в 1776 г. немецким профессором юриспруденции Адамом Вейсгауптом (1748—1830) Орден баварских иллюминатов.

¹³ *«Скажите, скажите, — вскричал Кондорсет ~ вы умрете от яда, который... всегда будете носить с собою».* — Речь идет о Мари Жане Антуане Николя де Карита, маркизе де Кондорсе (1743—1794) — французском философе, математике, политическом деятеле, члене Французской академии наук. Кондорсе был активным участником Французской революции, погиб во время политических репрессий: приговорен якобинцами к смертной казни и отравился ядом, который носил в перстне.

¹⁴ *«Влюбленный черт».* — Имеется в виду повесть Ж. Казота «Влюбленный дьявол» («Le Diable amoureux»; 1772), по сюжету которой дьявол влюбился в человека и верно ему служил в образе очаровательной блондинки Бьондетты.

¹⁵ *Вам придется так умереть именов философии, человечества и свободы ~ вы нанесете себе двадцать две раны бритвою по жилам и умрете чрез несколько месяцев после того».* — 21 июля 1793 г. французский писатель и философ Себастьян-Рош Николя де Шамфор был посажен в тюрьму Ле Маллонет, но через несколько дней выпущен. Пребывание там было для него настолько тя-

желым, что он поклялся покончить с собой в случае нового ареста. В конце августа, когда его снова пытались арестовать, он дважды выстрелил себе в голову, повредив глаз и нос, затем несколько раз ударил себя по шее ножом для бумаги и, наконец, попытался вскрыть вены, но выжил; умер он лишь 13 апреля 1794 г., от нагноения одной из нанесенных себе ран. Ср. также слова, которые он продиктовал вскоре после предпринятой им попытки самоубийства:

Я, Себастьян-Рок-Никола Шамфор, заявляю, что предпочитаю умереть свободным человеком, чем рабом отправиться в арестный дом; заявляю также, что, если меня, в моем теперешнем состоянии, попытаются потащить туда, у меня еще останется сил успешно завершить то, что я начал. Я свободный человек.

Цит. по: Корнеев, Линецкая 1966: 250.

¹⁶ *«Вы, господин Вик д'Азир... велите пустить себе кровь шесть раз в день в припадке подагры и умрете в следующую ночь.* — Вик-д'Азир Феликс (1746—1794) — французский анатом, врач; в 1774 г. за исследования в области анатомии был избран членом Французской академии наук; скончался 20 июня 1794 г., причина смерти точно не установлена (туберкулез или пневмония).

¹⁷ *...господин Николай...* — Казот обращается к маркизу де Кондорсе (см. выше, примеч. 13).

¹⁸ *Бальи* (Байи, Байе) Жан Сильвен (1736—1793) — астроном, член Французской академии, иностранный член Шведской академии наук; входил в мазонскую ложу «Девять Сестер»; во время Французской революции являлся первым президентом Учредительного собрания и мэром Парижа; после прихода к власти якобинцев был казнен.

¹⁹ *Мальзерб* Кретьен Гийом де Ламуаньон де (1721—1794) — французский государственный деятель, автор работ, посвященных политическим проблемам; в 1792 г. защищал на суде Людовика XVI, впоследствии был обвинен в заговоре против республики и казнен.

²⁰ *«Ну, слава Богу!» — воскликнул господин Руше. — Кажется, что господин Казотт хочет только известить Академию, а нас помилует.* — «И вы погибнете на эшафоте». — Французский поэт Жан-Антуан Руше (1745—1794), хотя и поддержал революцию, придерживался умеренных взглядов, возглавлял антиякобинский клуб, а в 1792 г. опубликовал на страницах газеты «Journal de Paris» ряд статей против террора и тирании. 4 октября 1793 г. он был арестован как один из подстрекателей к мятежу в тюрьме Сен-Лазар и казнен на

гильотине в один из последних дней эпохи Террора — 25 июня 1794 г. Благодаря за комментарий А.А. Новосёлова.

²¹ «С вами сбудется чудо необычайное: вы тогда сделаетесь христианином». — В 1794 г. Ж.-Ф. Лагарп провел в тюрьме четыре месяца в качестве подозреваемого в противодействии Революции, после чего принял католичество и начал критиковать своих бывших единомышленников. См. также выше, примеч. 6.

²² *Герцогиня де Граммон*. — Имеется в виду Женевьева де Грамон (по мужу графиня, затем — маркиза д'Оссён; 1751—1794) — придворная дама, приближенная королевы Марии-Антуанетты; была гильотинирована в эпоху Террора, 26 июля 1794 г.

²³ *...Иосифово описание осады Иерусалима? ~ В это самое мгновение ограмный камень, брошенный из стана неприятельского, поразил и размогзил его*. — Ср.: *Иосиф Флавий*. Иудейская война. VI.5.3. Описывая смерть Иешуа бен Анана, предсказавшего гибель Иерусалима, Казот отвечает на вопрос «Что же вы ничего не говорите о самом себе?» — и, таким образом, предрекает собственную кончину (был растерзан толпой во время сентябрьских убийств аристократов 25 сентября 1792 г.). Сам текст «Пророчества...», по легенде, был написан в 1788 г., то есть за четыре года до смерти Казота, что усиливало сходство между ним и юношей, который начал предсказывать «горе Иерусалиму» за четыре года до начала войны.

²⁴ *Павия* (Pavia) — город на севере Италии.

²⁵ *Брауншвейгский коллегиум*. — Имеется в виду Карловский коллегиум, или Коллегиум Каролиnum (Collegium Carolinum) в Брауншвейге, открытый в 1745 г.; там изучались гуманитарные и технические дисциплины, а также прикладные искусства.

²⁶ *Мы смотрим в свете на суеверие только с смешной его стороны ~ Бенжамен Констан де Ребекк!* — Речь идет об Анри Бенжамене Констане де Ребекке (совр. написание — Ребек; 1767—1830), франко-швейцарском писателе, философе и политическом деятеле, авторе популярного тогда в России романа «Адольф» («Adolphe»; 1816), изданного в переводе П.А. Вяземского (см.: Констан 1831). Алимари зачитывает отрывок из статьи Констана «Размышления о трагедии “Валленштейн” и о немецком театре» («Réflexions sur la tragédie de “Wallstein” et sur le théâtre allemand»; 1809), написанной как предисловие к его переводу соответствующей трагедии (совр. перевод этой статьи см. в изд.: ЭРФР 1982: 257—279). Благодарю В.А. Мильчину за данное указание.

[ГЛАВА] X

¹ *Я недавно читал книжку, написанную им о нынешней политике.* — По видимому, речь идет о брошюре А.-Б. Констана де Ребека «О последствиях террора» («Des effets de la Terreur»; 1796).

² *Четы-Минеи* — собрание житий христианских святых, предназначенных для чтения по месяцам и дням в соответствии с днями памяти каждого святого.

³ *Лебон* Гюисман-Франсуа-Жозеф (1765—1795) — священник Ордена ораторианцев (см. ниже, примеч. 6), профессор риторики; был мэром Арраса и администратором в Па-де-Кале. В качестве председателя революционного трибунала в Камбре Лебон проявил большую жестокость в борьбе с контр-революционерами; был казнен за злоупотребление властью (см.: Мишье 2006: 341—342).

⁴ *Робеспьер* Максимильен де (1758—1794) — лидер наиболее радикальных участников Французской революции. Считая, что диктатура «чистых патриотов» спасет революцию, Робеспьер казнил собственных последователей, подозреваемых в отступлении от революционных идеалов (см.: Манфред 1978: 338—362). В августе 1794 г. он был свергнут умеренными якобинцами и казнен.

⁵ *Фукье-Тенвиль.* — Имеется в виду Антуан Кантен Фукье де Тенвиль (1746—1795), деятель Французской революции, общественный обвинитель Революционного трибунала.

⁶ *...учился в семинарии оратористов...* — Оратористы (ораторианцы), точнее, Конфедерация ораторианцев святого Филиппа Нери — католическое общество апостольской жизни, объединяющее верующих, которые живут в автономно организованных общинах-ораториях (*лат.* oratorium — «молельный дом», «молельня»), занимаясь совместной молитвой, религиозным просвещением и благотворительностью. Было создано в 1588 г. по инициативе итальянского священника Филиппа Нери (1515—1595; канонизирован в 1622 г.).

⁷ *Афрас* (Atras) — город во Франции на реке Скарп.

⁸ *...как вы думаете, чем кончатся все эти волнения во Франции ~ восстановится ли трон Бурбонов или удержится республика?* — В результате Французской революции династия Бурбонов лишилась власти: король Людовик XVI был казнен 21 января 1793 г., его сын Луи-Шарль Капет (Людовик XVII) умер в тюрьме в Тампле 8 июня 1795 г. Вероятно, разговор связан с надеждой

на войну Первой коалиции против революционной Франции (1792–1797 гг.), целью которой была реставрация монархии — однако последняя произошла лишь после свержения Наполеона: в 1814 г. королем стал Людовик XVIII, которого с 1795 г. французские монархисты считали единственным законным претендентом на престол.

⁹ *Гревская площадь* (place de Grève) — площадь на правом берегу Сены; на ней стояли виселица и позорный столб, происходили публичные казни, а в 1792 г. была впервые применена гильотина.

¹⁰ *...это было тринадцатого Вандемьера...* — С 1793 г. во Франции был республиканский календарь с новыми названиями месяцев. В названный день (5 октября 1795 г.) правительственные войска, возглавляемые Наполеоном Бонапартом и Баррасом, подавили в Париже восстание роялистов.

¹¹ *Национальная гвардия* — милиция, созданная в 1789 г. из представителей коммун Учредительным собранием для поддержания порядка на улицах Парижа; просуществовала до 1827 г.

¹² *...появляется везомаля тощими лошадьми тележка: на ней сидят приговоренные к смерти — человек пять ~ Вот Лебон! Смерть извергу!*» — Греч смешивает два события и неточно указывает даты: Лебон принял активное участие в подавлении Вандемьерского мятежа (см. выше, примеч. 10), а казнен был после термидорианского переворота, 16 октября 1795 г.

¹³ *Национальный конвент* — высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики (с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г.).

¹⁴ *Пале-Рояль* (Palais Royal — букв.: «Королевский дворец») — дворец в Париже, построенный в 1629–1634 гг. по проекту архитектора Жака Лесермье.

¹⁵ *...у церкви Святого Рока...* — Имеется в виду церковь Сен-Рош (Святого Роха), расположенная западнее Пале-Рояля.

¹⁶ *На папёрти стоял командовавший войсками Конвента генерал с своим штабом ~ Нетрудно мне было узнать в нем... уроженца того острова, с которого римляне не хотели брать рабов в службу свою.* — Алимари узнал Наполеона Бонапарта (1769–1821), родившегося на острове Корсика. Римляне не хотели брать рабов с этого острова, поскольку обитатели его, как сообщает Страбон в «Географии» (I в. н. э.), были известны своей «звериной и скотской натурой», «бесчувственностью и тупостью» (V.2.7. Пер. Г.А. Стратановского).

¹⁷ *Сен-Никез* (Saint-Nicaise) — улица в Париже.

¹⁸ *Сент-Оноре* (Saint-Onore) — парижская улица, на которой стояла церковь Святого Роха (см. выше, примеч. 15).

¹⁹ *Монтенотте*. — Речь идет о лигурийской коммуне Кайро-Монтенотте (Северная Италия); 10–12 апреля 1796 г., во время итальянской кампании Наполеона, на ее территории произошло сражение, в котором было разбито австрийское войско.

²⁰ *Лоди* (Lodi) — город в Ломбардии (Северная Италия), где 10 (25) мая 1796 г. Наполеон Бонапарт перешел через реку Адда, после чего австрийцы были разбиты.

²¹ *Арколе* (Arcole) — местечко в итальянской провинции Верона, где в ноябре 1796 г. происходил трехдневный бой между войсками французской армии под командованием Наполеона и австрийской армией.

[ГЛАВА] XI

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «2 декабря 1831».

¹ *Кемскому казалось, что он стоит над одним из озер дикой Канады*. — «Озера Канады» — образ, понятный русскому читателю 1820–1830-х годов благодаря изданиям романов Джеймса Фенимора Купера (1789–1851), действие которых разворачивается в Северной Америке, в том числе и в Канаде, вблизи Великих озер: «Поселенцы, или Источники реки Саскуиханны» («The Pioneers, or The Sources of the Susquehanna»; 1823, рус. пер. — 1832); «Последний из могикиан» («The Last of the Mohicans»; 1826, рус. пер. — 1833), «Прерия» («The Prairie»; 1827, рус. пер. — 1829, под назв. «Американские степи») и «Долина Виш-тон-Виш» («The Wept of Wish-ton-Wish»; 1829, рус. пер. — 1831, под назв. «Американский пуританин»). Подробнее см.: Попова 1982.

² — *А это прекрасное место, конечно, не сто́ит вашей картины? — спросил Кемский, ожидая, что художник не примет этой хвалы и скромно отдаст преимущество природе. Не тут-то было*. — Возможно, что при работе над описанием дискуссии о превосходстве искусства над природой Греч использовал аргументы трактата Роже де Пиля (1635–1709) «Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев и примечание о портретах» (СПб., 1789). Глава 5 этого текста называется «Почему можно сказать, что искусство превосходит натуру», и в ней есть следующие слова:

<...> живописец <...> должен смотреть на видимую натуру, как бы на собственный свой предмет, и разуметь оную не только в таком виде, какою она случайно представляется в частных ея предметах, но и в таком, какою она должна быть по своему совершенству и каковою бы действительно казалась, ежели б не была повреждена каким-либо случаем.

Письм 1789: 1

И далее:

Каждый, кто расположит свое учение с творений великих художников, найдет в том две выгоды: во-первых, увидит он там натуру, очищенную от многого такого, что в подражании ей отменить должно; во-вторых, научится через то делать хороший натуры выбор, почерпать из нее токмо превосходное и поправлять оной недостатки.

Там же: 25

³ *В натуре случайное слияние предметов — на картине обдуманное, рассмотренное со всех сторон, отделанное в малейших подробностях целое!* — Противопоставление природы и искусства — общее место в литературе этого периода. В монологах Берилова последовательно повторяются высказывания йенских романтиков о превосходстве искусства над природой, о свободе художника и др. (ср., напр.: «Романтики не призывают игнорировать действительность, но считают необходимым возвышаться над нею». — Маркович 1989: 7). Несчастье, физические муки, психические заболевания для художника — благо, они дают ему особое зрение и силы творца; ср.: «Физический изъян, отъединяющий от внешнего мира, в глазах романтика лишь возвышает творческую личность» (Там же: 18). Именно так Греч показывает жизнь Берилова: от несчастья — к творческой одержимости и болезни, а затем — к безумию и смерти.

⁴ *...я видел у него картину, мадонну Карлина Дольче...* — Имеется в виду картина работы итальянского художника Карло Дольчи (1616–1686), флорентийского художника, автора многочисленных полотен на религиозные темы.

⁵ *— А настоящий-то Сократ ~ разве не верил своему демону, разве не советовался с ним? ~ Сократ не отвергал богов своего отечества, но умел отличить божество от истукана.* — Древнегреческого философа Сократа (470–399 до н. э.) афиняне неоднократно обвиняли в том, что он не верит в антропоморфные божества и вводит «новых демонов» (имелся в виду рассказ Сократа о «даймоне», который является к нему в знаках и звуках и удерживает от плохих поступков, подталкивая к хорошим).

⁶ *Всё исполнено было по диспозиции.* — То есть в соответствии с предварительно разработанным планом.

[ГЛАВА] XII

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «4 декабря».

¹ *Надворный советник* — гражданский чин VII класса в Табели о рангах; до реформы 1856 г. дослужившиеся до этого чина получали потомственное дворянство.

² *...старался объяснить бытие мира сравнением его с деревянными часами...* — Сравнение устройства мира с механизмом (в частности, с часами) — распространенное телеологическое доказательство существования Бога, которое встречается у многих авторов Нового времени: Р. Декарта, И. Ньютона, Б.-Б. де Фонтенебля, Ж.-Ж. Руссо и проч. Но деревянные часы были курьезом, диковиной, хотя подобные устройства иногда изготавливали: так, в сер. XVIII в. такой механизм создал И.П. Кулибин; Ф.Н. Глинка в «Письмах русского офицера...», опубликованных в 1815 г., писал о народном умельце из Ржева Терентии Волоскове, тоже смастерившем часы из дерева (см.: Глинка 1990: 61). Следовательно, аналогию, которую проводит профессор, можно воспринимать только с иронией.

³ *Бедный мечтатель походил на странствующего рыцаря, ищущего пропадшей Дульцинеи.* — Отсылки к образу Дон Кихота (известному в России еще с XVII в.) являются общим местом в русской литературе втор. пол. XVIII — нач. XIX в.: они есть у А.Н. Радищева, И.А. Крылова, И.И. Дмитриева, Я.Б. Княжнина, В.А. Левшина, Н.М. Карамзина и др. (см.: Багно 1988: 285—310; Багно 2009).

⁴ *...в итальянском театре. Играли любимую его оперу, «Il matrimonio segreto».* — Речь идет об опере итальянского композитора Доменико Чимарозы (1749—1801) «Тайный брак» (либретто Дж. Бертати, по пьесе Дж. Колмана и Д. Гэррика «The Clandestine Marriage»). Опера была впервые поставлена в Вене в 1792 г. и имела успех в Европе, однако в Петербурге прозвучала лишь 12 мая 1822 г., следовательно, Кемский слышать ее не мог.

⁵ *Кемский был в третьем небе...* — Фразеологизм «в третьем небе» (со значением «в состоянии абсолютного блаженства») имеет тот же смысл, что и распространенный позднее фразеологизм «на седьмом небе». Понятие «третье небо» восходит к тексту Священного Писания (см.: 2 Кор. 12: 2—4). См. также: *Августин Аврелий.* О Книге Бытия. Кн. 12. Гл. 1.

⁶ *...перед ним оживилась мраморная Галатея.* — Галатея — статуя, созданная легендарным древнегреческим скульптором Пигмалионом и оживленная по его просьбе богиней Афродитой (см.: МНМ 1991—1992/2: 312).

⁷ *...в конторе банкира барона Ралья...* — Имеется в виду Александр Александрович (Александр Франц фон) Раль (1756—1833), российский придворный банкир (до 1817 г.), меценат. Контора придворных банкиров и комиссионеров «Воут, Вельо, Раль и К^о», созданная по указу Павла I в 1798 г., была связана с банкирскими домами многих городов Европы. Раль, живший в России с 1788 г., был ценителем музыки, и его дом (Английская набережная, 72) посещали многие иностранные музыканты. В 1800 г. император Павел I пожаловал его титулом барона (см.: Козырева 1999; Березовский 2002: 33—36; Аняныч 1991: 13).

⁸ *Принципал* — глава, хозяин по отношению к своим служащим (книжн., устар.).

⁹ *Парижская Академия наук* (официальное название: Французская академия наук) — организация, основанная в 1666 г. в Париже по инициативе Жан-Батиста Кольбера (1619—1683), главы французского правительства в царствование Людовика XIV. Не следует смешивать с Французской академией (см. примеч. 7 к гл. IX).

¹⁰ *...доказавших лживость и нелепость учения Месмера.* — Речь идет о теории магнетизма (также известна как месмеризм, или животный магнетизм), разработанной австрийским врачом Антоном Францем Месмером (1733—1815) и крайне популярной в посл. четв. XVIII — пер. пол. XIX в. Деятельность Месмера встретила жесткое противодействие: в 1784 г. для исследования животного магнетизма в Париже была создана комиссия Академии наук и Королевского врачебного общества, которая оценила опыты Месмера как не имеющие научных оснований, а результаты — как обусловленные состоянием нервной системы пациентов (см.: Богданов 2005: 179—180).

[ГЛАВА] XIII

¹ *...на неприятную им форму новых мундиров и прически...* — Речь идет об изменениях в обмундировании в ноябре 1796 г., введенных Павлом I по прусскому образцу.

² *...фраки, произведения бессмертного Кроя...* — Модный петербургский портной; упоминается в сатире И.И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), в драма-

тическом фрагменте «Разговор о том, как всякий член общества необходимо обязан служить ему, отправляя в нем какую-нибудь должность» (1797), предположительно атрибутируемом В.А. Жуковскому (см.: Жуковский 1999–2016/7: 516), и его же стихотворении «К П.А. Вяземскому» («Князь Петр, жилец московский...»; 1812): «И так пусть твой сертук, | Сиятельный мой друг, | Для Кроля или Грея | Послужит образцом» (Там же/1: 211; в т. 1 опечатка: «Для Проля или Грея»; исправлена в т. 7, см.: Там же/7: 748). Благодарю за эту информацию А.В. Келлера.

³ *...в ночной караул в Зимнем дворце, при печальной комиссии.* — Ритуалы, связанные с погребением, находились в ведении Печальной комиссии, созданной при Петре I.

⁴ *...я был свидетелем прибытия государыни в Россию...* — Принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (будущая императрица Екатерина II) прибыла в Россию с матерью из Пруссии в 1744 г., а 21 августа 1745 г. ее обвенчали с наследником престола, Петром Федоровичем.

⁵ *...в день восшествия своего на престол...* — 22 сентября 1762 г. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская была коронована в Успенском соборе Московского Кремля и стала российской императрицей Екатериной II.

⁶ *Блистательные карусели.* — Так назывались своеобразные «рыцарские турниры» при Екатерине II, заключающиеся в демонстрации мастерства конной езды и владения оружием; проводились в Царском Селе, в Санкт-Петербурге и в Гатчине.

⁷ *...отголоски дней Кагула и Чесмы...* — Речь идет о ключевых сражениях Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., завершившихся победами русских войск: битве при реке Кагул 21 июля (1 августа) 1770 г. и морском сражении 24–26 июня (5–7 июля) 1770 г. в Чесменской бухте и возле нее.

⁸ *...новые законы будут опираться на премудрые уставы великой законодательницы...* — Имеется в виду «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии (1767); по решению Комиссии к ее имени стали добавлять титул «Великая».

⁹ *...гимны певцов Екатерины!* — Имеются в виду оды М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и Г.Р. Державина.

¹⁰ *...поездка в полуденные губернии...* — «Полуденными» именовались южные губернии (в тот период — Новороссийская, Малороссийская, Слободско-Украинская, Саратовская).

¹¹ *...в рождавшейся тогда Одессе.* — 27 мая 1794 г. Екатерина II распорядилась основать город на месте татаро-турецкого поселения Хаджибей, отошедшего России в 1791 г.; в 1795 г. город получил имя Одесса.

¹² *...под шведом ранили...* — То есть во время Русско-шведской войны 1788—1790 гг.

¹³ *Гривняга.* — То есть гривенник, монета номиналом в 10 коп.

¹⁴ *...достанется в ундера!* — Солдат хочет узнать, скоро ли он станет унтер-офицером («верхнее» из двух званий младших чинов; ниже были рядовые солдаты).

¹⁵ *...дала ему снять левою рукою, вскрыла пиковую семерку...* — Тот, кому гадают, снимает карты левой рукой, чтобы гадание было «верное», «от сердца». Пиковая семерка — карта, интерпретация значения которой (как и у всех мелких карт) варьируется в зависимости от того, между какими картами она лежит, и от того, с какой картой отождествляется тот, кому гадают. Для бубнового короля (которым при этом гадании является Кемский) пиковая семерка означает позднее свидание (см.: Егоров 1965; Лекомцева, Успенский 1965).

[ГЛАВА] XIV

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «11 декабря 1831».

¹ *...успела вывести его в подполковники.* — Чин подполковника относился к VII классу Табели о рангах и до 1856 г. давал право на потомственное дворянство.

² *...определен в смотрители при построении разных казенных зданий.* — Смотритель осуществлял надзор за порядком в здании, следил за исправностью дверей и окон, фиксировал возникающие при строительстве нарушения и ведал наказанием виновных в неполадках и неоправданных тратах.

³ *Прогонные деньги* — плата за проезд по почтовым дорогам, зависевшая от расстояния и количества лошадей.

⁴ *Шнуровая книга* — канцелярская книга для ведения отчетов, через листы которой продевают шнур, прикрепляемый к последней странице сургучной печатью.

⁵ *Военная коллегия* — высший орган военного управления в Российской империи, учрежденный Петром I в 1719 г. и в 1802 г. преобразованный в Военное министерство.

⁶ *Синенькая* (синица, синюха) — пятирублевая банкнота.

⁷ *Есть начетец...* — Речь идет о начете — внеплановом и не утвержденном начальством расходе средств должностным лицом, подлежащем возмещению за счет растратчика.

⁸ *...изречение государя императора Петра Великого: «Вотще законы писать, если по ним не исполнять?»* — Существовали два схожих высказывания: афоризм Петра I: «Все законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти <...>» (указ Сенату от 17 апреля 1722 г.; цит. по: ПСЗРИ 1830/6.3: 656) и афоризм Екатерины II: «Все законы писать, когда их не исполнять» (Екатерина Великая 1996: 11). Подробнее об этом см.: МАШЗМ 2011: 122.

⁹ *Коллежский регистратор* — самый низший чин (XIV класса) в Табели о рангах.

¹⁰ *...на Козьем Болоте.* — Так в XVIII в. называли заболоченное место на Выборгской стороне, которое с 1849 г. (с начала строительства церкви Воскресения Христова) стало именоваться Воскресенской площадью.

¹¹ *Экзекутор* — чиновник при канцелярии, заведующий хозяйственной частью.

¹² *...изгнанного из академии за дурное поведение семинариста...* — Греч имеет в виду либо духовную Александро-Невскую академию, учрежденную в декабре 1798 г., либо, что более вероятно, медико-хирургическую академию, учрежденную в декабре 1799 г., среди студентов которой преобладали выпускники семинарий.

¹³ *...домик на Новых местах...* — Так называли район 1-го и 2-го Новых переулков, пролегающих от реки Мойки, между Синим и Красным мостами, неподалеку от Летнего сада. В описываемые времена этот район начали застраивать, и довольно долго он именовался Новые Места. Предположительно дом находился в нынешнем Ревельском переулке (проходит от Курляндской улицы до Рижского проспекта); первоначально, с 1798 г., он именовался Новой улицей, а с 1808 г. — Новым переулком.

¹⁴ *...стал приторговывать деревеньку; он бы окончательно купил ее, да малый чин не позволял ему совершить крепость на свое имя...* — Принятая в 1785 г. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» устанавливала исключительное право дворян покупать деревни, а Тряпицын, не будучи дворянином, такое приобретение сделать не мог.

¹⁵ *Синий мост* — мост через реку Мойку, соединяющий Исаакиевскую площадь с бывшим Новым переулком (ныне — переулок Антоненко) и Вознесенским проспектом.

¹⁶ *...он нюхал табак рульный...* — Рульным, или рулетным, называли дешевый крепкий табак низкого качества, продававшийся в рулях (свертках).

¹⁷ *Тавлинка* — плоская табакерка, сделанная из бересты.

¹⁸ *...булажной табакерки с изображением турецкого султана...* — Табакерки с изображением исторических лиц были в ходу в XVIII в., причем состоятельные люди заказывали эти изделия ювелирам. После заключения в 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мирного договора, выгодного для России (см. примеч. 1 к гл. II), табакерку с портретом султана Абдул-Гамида заказала сама Екатерина Великая, и это, возможно, вызвало интерес подражателей (см.: Тройницкий 1915).

¹⁹ *...сын порховского целовальника...* — Целовальник — здесь: должностное лицо, занимавшееся сбором пошлин; целовальники избирались в рамках местного самоуправления и в подтверждение клятвы честно исполнять свои обязанности целовали крест, что и послужило причиной такого названия. Порхов — в описываемые времена уездный город в составе Псковской губернии.

²⁰ *...в бостон играет по четвертце...* — Бостон — коммерческая карточная игра, популярная в России в кон. XVIII — пер. четв. XIX в. Четвертца — самая мелкая монета Московского царства, вышедшая из обращения в XVIII в. В данном случае имеется в виду, что игра идет с очень маленькими ставками. См. также примеч. 16 к гл. XXXIX.

²¹ *...неутамимое животное стран полуденных...* — Имеется в виду верблюды.

²² *Клеврет* — приспешник, приверженец, пресмыкающийся перед своим покровителем.

²³ *Ландкарты* — географические карты.

[ГЛАВА] XV

¹ *...со страхом и трепетом...* — Это словосочетание неоднократно встречается в Библии (см.: 2 Кор. 7: 15; Еф. 6: 5; Флп. 2: 12 и т. п.).

² *...что говорил... А.Е. Измайлов о хорошей дворовой собаке:* предобрая, презлая! — Подразумевается басня А.Е. Измайлова (1779–1831) «Собака и вор», в которой есть следующие строки:

Жила-была собака пребольшая,
 Предобрая, презлая
 Ласкала всех своих,
 Бросалась на чужих —
 И только что бросалась,
 А не кусалась,
 Затем что на цепи привязана была.

Цит. по: СОРС 1822/3: 310.

Греч цитирует эту басню и в «Записках о моей жизни»: «Тетка жены Булгарина, известная в свете и литературе под названием *танты*, как говорит Измайлов о дворовой собаке: предобрая, презлая!» (Греч 1930: 713, сноска 1).

³ ...*садился на извозчиков без ряду*. — То есть не торгуясь; ср. также: «рядиться» (см.: Даль 1912–1914/III: стб 1779–1780).

⁴ ...*знакам... с сиятельным князем...* — То есть с князем, который является потомком удельных или великих князей.

⁵ ...*от оскорбления, нанесенного памяти Караваджия...* — Имеется в виду Микеланджело Меризи да Караваджо (1571–1610), итальянский художник эпохи барокко.

⁶ *Цыганить* — насмехаться, передразнивая; подымать на смех, глумиться, издеваться над кем- или чем-нибудь (иноск.).

⁷ ...*Андрей Петрович Екимов за вас рисовал на экзамен глазки и носики!* — Речь идет об А.П. Екимове (ок. 1772–1820), русском гравере на меди, «сыне фонтанного подмастерья», учившемся в Императорской Академии художеств с 1764 г. (см.: Ровинский 1895/1: стб 297–298).

⁸ *Андреевский рынок* — бывший Меншиковский рынок на Васильевском острове, перенесенный сначала с участка между 2-й и 3-й линиями к 20-й, а затем — к церкви Андрея Первозванного (ближе к 5-й и 6-й линиям); совр. адрес: Большой проспект Васильевского острова, 18А.

[ГЛАВА] XVI

¹ *Медор*. — Имя камердинера имеет непосредственное отношение к имени персонажа второй редакции сатиры А.Д. Кантемира (1708–1744) «На хулящих учение. К уму своему» (1737) (см.: Кантемир 1956: 110).

² ...*нравится мне певича... Саноретти, Гаспарини...* — Алевтина перечисляет певиц Итальянской оперы в Петербурге. «Старинную певицу» Санорет-

ти Н.И. Гнедич упоминал в письме к В.В. Капнисту, примерно датированном 1809–1810 гг. (см.: Державин 1864–1883/6: 374); певица Итальянской оперы в Петербурге Джулия Гаспарини де Купис упоминается в письме М.И. Голенищева-Кутузова к жене, датированном 23 января 1800 г. (см.: Голенищев-Кутузов 1870: 512). Кроме того, сам Греч в «Записках о моей жизни» писал: «<...> [я] бывал несколько раз в итальянской опере и теперь еще очень хорошо помню <...> певиц Сапоренти [*sic!*] и Гаспарина [*sic!*] <...>» (Греч 1930: 110).

[ГЛАВА] XVII

¹ *...отправился к разводу...* — Поскольку Кемский служил в армии, развод личного состава (поверка, смотр с элементами ритуала и строевых упражнений) был постоянным элементом службы.

² *...аки на лоне Авраамлем.* — То есть в Раю (см.: Лк. 16: 22–23).

[ГЛАВА] XVIII

¹ *...признаки жесточайшей нервической горячки.* — См. примеч. 8 к гл. V.

² *Геральдия* — созданное при Петре I (1722) государственное учреждение, занимавшееся составлением дворянских списков, составлением и толкованием гербов и т.п.

³ *Фуфо* (от фр. *fousteau* — «узкое прямое платье») — фасон нарядного женского платья; ср. следующее описание из книги М.И. Пыляева «Старый Петербург» (1887):

Лиф старых фуфо был очень длинный и весь на китовых усах; рукава были до локтя и обшитыя блондами, перед роскошной, юбка из той же материи, из которой фуфо, чтобы платье казалось полнее, надевали фижмы из китовых усов и еще стеганые юбки.

Цит. по: ИСГ 2010: сл. ст. «фуфо».

⁴ *Пожалуй, еще вздумаешь требовать седьмой доли из наследства!* — Седьмая доля наследства по закону переходила вдове, но, конечно, не «нареченной жене».

⁵ *...в желтый дом свезут его!* — В Петербурге первый приют для душевнобольных был открыт в 1779 г. при Обуховской больнице, сюда же помещали и страдающих белой горячкой. Приют был упразднен после открытия

в 1832 г. на Петергофской дороге больницы «Всех Скорбящих» (см.: Каннабих 1928: 286–287).

⁶ *...как в белой горячке!* — В России систематическое изучение этого заболевания началось в 1820-х годах; первое его описание в Европе появилось в 1813 г., в России — в 1828 г. (см.: Чаруковский 1828; Чаруковский 1829).

⁷ *Плерезы* (плюзеры, презеры, плерези; от фр. pleurer — «плакать») — нашивки на одежде, обычно по рукавам (широкие манжеты) и воротнику, служащие знаком глубокого траура (см.: ИСТ 2010: сл. ст. «плерез»).

⁸ *...извольте ехать в Лавру да похлопочите, чтоб погребение было приличное нашему званию.* — Речь идет о самом старом кладбище Петербурга, Лазаревском. Оно возникло почти одновременно со зданиями Александро-Невского монастыря (статус Лавры монастырь получил в 1797 г.), с 1713 г. оно было местом погребения представителей привилегированных слоев общества.

[ГЛАВА] XIX

В начале главы Греч поставил дату начала работы над ней: «23 декабря 1831».

¹ *...множество докторов, лекарей, подлекарей...* — Слово «лекарь» во времена Н.И. Греча не имело отрицательной коннотации и являлось синонимом слова «врач», которое в царствование Павла I (в 1800 г.) было исключено из официального употребления (см.: Богоявленский 1980: 531), но вошло в употребление в сер. XIX в. на гражданской службе. Низшую учено-практическую медицинскую степень лекаря получали выпускники высших медицинских учебных заведений (медико-хирургических академий и университетов); для получения высшей учено-практической медицинской степени доктора необходимо было защитить диссертацию. Подлекарями называли лиц с незаконченным медицинским образованием, имеющих небольшой практический опыт.

[ГЛАВА] XX

¹ *Хочешь меня старенького да покинути!* — Строчка из малороссийской народной песни «Ой під вишенькою під черешенькою...». Песня эта упоминается в описании вечеров, на которых собирались М.А. Максимович, Н.В. Гоголь, Д.М. Велланский и другие выходцы из Малороссии; там же приводится ее полный текст (см.: Гоголь 1952: 721–723).

[ГЛАВА] XXI

¹ *Тафтичка* (уменьш. от «тафта») — глянцева́я тонкая ткань из туго скрученных нитей шелка или хлопка.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ *Блажен, кто поу́тру проснется | Так счастливым, как был вчера!* — Цитата из стихотворения Г.Р. Державина «К первому соседу» (1780).

[ГЛАВА] XXII

¹ *Гатчина* — город приблизительно в 40 км к югу от Санкт-Петербурга, где с 1783 г. до воцарения в 1796 г. жил великий князь Павел Петрович. Здесь размещались так называемые «гатчинские войска» (в этом небольшом гарнизоне он регулярно проводил воинские учения).

² *...явиться к генерал-адъютанту* ****. — Возможно, имеется в виду Николай Осипович Котлубицкий (1775—1849), любимец императора, генерал-адъютант с января 1797 г.

³ *...отправиться в Италию и свезти к главнокомандующему нашей армией важные бумаги.* — Речь идет о событиях Итальянского похода русско-австрийской армии под командованием А.В. Суворова против французских войск в апреле—августе 1799 г.

⁴ *Фельдъегерь* — военный или правительственный курьер, доставляющий важные документы. Фельдъегерский корпус был учрежден в 1796 г. Павлом I, состоял из одного офицера и тринадцати фельдъегерей и постоянно увеличивался за счет чинов гвардии (см.: ЭСБЕ 1890—1907/35: 443—444). Фельдъегерь имел право обгонять любой транспорт в дороге, оправданием такого поведения был девиз «Промедлить — значит потерять честь!» (см.: Бураков 2005).

⁵ *Генерал-прокурор* — глава Правительствующего сената, наблюдающий за законностью деятельности правительственных учреждений. В указанное время этот пост занимал Петр Васильевич Лопухин (1753—1827).

⁶ *Фельдъегерь Соколович* — реальное лицо (см.: АКВ 1870—1895/28: 184).

⁷ *...на котором записывали имена свои посетители низших классов, не имеющие права оставлять визитные карточки.* — При Екатерине II в дворянской среде начали использовать визитные карточки. При этом существовал обы-

чай приезжать перед праздниками к вышестоящим начальникам, знакомым и родственникам с визитом. Если хозяин дома отсутствовал, то гость оставлял свою визитную карточку. Мелких же чиновников, купцов и т. п. не принимали, они просто вписывали свою фамилию в специальных визитных листах.

⁸ — Босом теремтете! — Фельдъегерь использует непристойное бранное выражение, «проклятие, усвоенное из венг. *basszam (azt) a kutya teremtette fattyát*» (Аникин 2007–2019/2: 245).

⁹ *Юнак* — молодец, удалец (*сербск.*).

¹⁰ *...мимо колонны на Коннетабле.* — Имеется в виду площадь с обелиском в Гатчине, созданная в 1793 г. по проекту В. Бренна.

¹¹ *Брюни* — немецкое и устаревшее русское название города Брно в Чехии.

¹² *...явился к русскому послу...* — В 1799 г. (до 25 сентября) русским послом в Австрии был граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836).

[ГЛАВА] XXIII

¹ *Ломбардия* — провинция между Альпами и долиной реки По (на севере совр. Италии); в 1797 г. стала частью образованной Наполеоном Цизальпийской республики.

² *Адда* (*Adda, Addua*) — река на севере Италии.

³ *Баркарола* — народная песня венецианских гондольеров; жанр, вызывавший интерес музыкантов в эпоху романтизма.

⁴ *...опыт физики, в котором от разбития одного стеклянного сосуда другой, настроенный в одном с ним тоне, разлетается вдребезги...* — Алимари говорит о явлении акустического резонанса; однако конкретный опыт, описываемый им, невозможен: если разбить один сосуд, со вторым ничего не произойдет, так как будет наблюдаться целый спектр частот, и явление резонанса не возникнет. За помощь в составлении примечания благодарю физиков И.И. Демидова и Н.А. Трусова.

⁵ *...заговорил с нею тамошним народным наречием...* — Имеется в виду восточноломбардское (оробийское) наречие — группа диалектов ломбардского языка, употребляемых в восточной части Ломбардии.

⁶ *...в совершенстве знал язык Метастазия и Альфиери.* — То есть владел тосканским диалектом (см. примеч. 5 к гл. II), на основе которого сформировался итальянский литературный язык. Пьетро Метастазियो (1698–1782) — итальянский либреттист и драматург; граф Витторио Альфиери (1749–1803) — итальянский поэт и драматург, «отец итальянской трагедии».

⁷ ...вообразить себе древнюю... этруску... — Этруски — древний народ, в I-м тысячелетии до н. э. населявший северо-запад Апеннинского полуострова; к началу н. э. был ассимилирован римлянами.

⁸ ...что отвечал один член голландских Генеральных штатов, когда его разбудили в собрании и спросили, согласен ли он сдать город французскому королю: «Да разве король требовал сдачи?» — Генеральные штаты, высший орган словесного представительства в Голландии, возникли в XV в. Анекдот, рассказанный Алимари, относится к временам Голландской войны 1672—1678 гг., в которой участвовали с одной стороны Франция, Англия и др. страны, а с другой — Голландия, Испания и др.; первые два года война велась исключительно на территории Голландии.

⁹ ...хотя бы Кировой или Александровой! — Имеются в виду знаменитые правители и полководцы античности Кир II Великий (ок. 593—530 до н. э.) и Александр Македонский (356—323 до н. э.).

[ГЛАВА] XXIV

¹ — Отец мой был родом из Венеции... — В основу истории отца персонажа легла биография Доротео Алимари, приглашенного Петром I в Россию из Венеции в конце 1698 г. в качестве шлязовых дел мастера и инженера-механика. Подробнее о нем см. статью, с. 436—437 наст. изд., а также ниже, примеч. 14.

² ...мать морлачка... — Морлаки — этнографическая группа восточно-романского происхождения, занимавшая горные регионы на западе Балканского полуострова и придерживавшаяся патриархального образа жизни.

³ Местре (Mestre) — в описываемые времена город в Италии; ныне утратил самостоятельный статус и входит как один из районов в состав Венеции.

⁴ ...до Тревизы. — Имеется в виду Тревизо (Trevise), город в Италии, приблизительно в 25 км к северу от Местре (см. пред. примеч.); центр одноименной провинции.

⁵ Каноник — в Католической церкви священник кафедрального собора, член капитула.

⁶ Дожд — глава Венецианской республики.

⁷ ...в селении Пор-Марли, неподалеку от машины марлийской. — Имеется в виду инженерное устройство для водоснабжения прудов и фонтанов, созданное в начале 1680-х годов при дворце Марли по заказу французского короля Людовика XIV (1638—1715; правил с 1643 г.).

⁸ *...регента Франции*. — Имеется в виду Филипп II, герцог Орлеанский (1674—1723) — регент Французского королевства при малолетнем короле Людовике XV в 1715—1723 гг.

⁹ *Адмиральский* (адмиралтейский) *час* — то есть полдень, время обеденного перерыва в работе, о котором в нач. XVIII в. извещал выстрел пушки Адмиралтейства, а с 1730-х годов — Петропавловской крепости. Выражение «адмиральский час» было введено Петром I и впоследствии сделалось распространенным шутливым фразеологизмом.

¹⁰ *...хотят освободить всех наших земляков от ига турецкого*. — Балканский полуостров был завоеван турками еще в XIV в. и оставался под властью Османской империи вплоть до нач. XX в.

¹¹ *...подле Арсенала...* — Имеется в виду парижский Арсенал (Arsenal), построенный в XIV в. как склад оружия, но уже в XVII в. использовавшийся как частная резиденция: в описываемые времена здесь находилась квартира главного начальника артиллерии Франции.

¹² *...спросите Петра Михайлова...* — Под этим именем Петр I путешествовал по Европе.

¹³ *...дал им письмо к Меншикову...* — Имеется в виду Александр Данилович Меншиков (1673—1729), сподвижник Петра I, государственный деятель.

¹⁴ *...при постройке шлюзов на реках Ижоре и Увере*. — 28 мая 1712 г. Петр I приказал создать шлюзовое сообщение на реках Уверь, Вельгия, а также исследовать возможность соединения рек Молога и Сясь или Молога и Мста. Возможности осуществления этих технических работ исследовал флорентийский инженер и механик Антонио Джироламо Вестри, который осенью 1716 г. представил в Сенат проект и смету строительных работ. Вместе с Вестри этим проектом занимался Доротео Алимари (см.: Лобин 2003: 8—9). См. также выше, примеч. 1.

[ГЛАВА] XXV

¹ *...на степень епископа тревизского...* — С XIV в. до 1797 г. епархия Тревизо находилась на территории Венецианской республики. В действительности в описываемые времена епископом этой епархии был Аугусто Антонио Цакко (1662—1739).

² *...на могилу отца, за Невою, у церкви Самсония ~ читал надгробные надписи — итальянские, французские, латинские*. — Речь идет о Самсониевской (Сампсониевской) церкви, открытой через пять месяцев после Полтавской

битвы, состоявшейся в День святого Сампсония (27 июня 1709 г.). В 1710 г. по указу Петра I при этой церкви было создано первое общегородское кладбище для православных, а рядом — «немецкое», для иноверцев; оба они просуществовали до 1772 г. (см.: Кобак, Пирютко 2011: 691–714).

³ *...приходи в Невскую лавру и спроси там Селлия, учителя семинарии.* — Имеется в виду Адам Бурхард Селлий (1695–1746), историк и библиограф, урожденный датчанин; в 1732 г. он прибыл в Россию преподавателем латинского языка в Александро-Невское духовное училище, где был потом инспектором; незадолго до кончины принял православие под именем Николай, а затем стал монахом, с именем Никодим.

⁴ *Павийский университет* — учебное заведение, открывшееся в 1361 г. в городе Павии (см. примеч. 24 к гл. IX).

⁵ *...представлял мне в отдалении тиару и ключи святого Петра.* — Имеются в виду атрибуты папской власти.

⁶ *Бадахос (Badajoz)* — испанский город на границе с Португалией.

⁷ *...это сделано по его завещанию года за четыре пред сим, когда французская армия приблизилась к границам Венеции.* — Речь идет о событиях 1796 г. (см. примеч. 1 к гл. XXVII).

⁸ *...на одном из венецианских островов, отнятых у французов соединенными силами россиян и турок.* — Речь идет о завоевании силами русского (под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова) и турецкого флотов острова Видо (1799 г.), одного из Ионических островов, которые входили в состав Венецианской республики до 1797 г., когда были захвачены Францией.

⁹ *Турки не могут покинуть древнего своего обычая отсекать головы у пленных неприятелей, а русские не могут вразумить их, что это противно правилам войны.* — Ср. следующее описание, сохранившееся в мемуарах капитан-лейтенанта Е.П. Метаксы, участника нескольких войн (в том числе — Русско-турецкой 1787–1791 гг.):

Турки со свойственной им азиатской запальчивостью, не дождавшись полевых пушек и не доплыв до берега, вспрыгнули в воду по поясу и, держа кинжалы во рту, а сабли в руках, с бешенством бросились на батарею. Застав французские войска залегшими в лошину, они вступили с ними в бой и всех попадавшихся им в руки резали без пощады. Тотчас за ними подоспели и наши войска, и после малого сопротивления французы были разбиты и взяты в плен. Ожесточение турок не имело пределов: они хватали французов живьем и, несмотря на жалостные крики «пардон», «...», влекли их к берегу и отсекали им головы.

Не было возможности остановить жестокость раздраженных турок, русские принуждены были оборонять своих неприятелей, обращая прижнутые штгики не к французам, а к союзникам своим. <...> Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов — турки не пощадили бы, конечно, ни одного.

Метакса 1915: 213

[ГЛАВА] XXVI

¹ *...я то появляюсь, то исчезаю в одном месте, как Аполлоний Тианский?* — Согласно легенде, философ Аполлоний Тианский провел жизнь в странствиях, обладал даром предсказывать события и исцелять страждущих и мог творить чудеса (в частности, умел находиться одновременно в разных местах). Подробнее о нем см. в изд.: Флавий Филострат 1985.

² *...верите ли вы существованию фигур... представляемых... волшебным фонарем на белой стене?* — Волшебный фонарь — прибор, позволяющий проецировать изображение на вертикальную поверхность при помощи источника света и линзы, прообраз кинематографа; изобретен в XVII в., в описываемые Гречем времена пользовался популярностью, упоминался в литературе (ср., напр., перевод басни Флориана «Мартышка, показывающая китайские тени», выполненный В.А. Жуковским в 1806 г.).

³ *Душа наша, по словам великого вашего Державина, есть гостья мира...* — Отсылка к строкам из стихотворения Г.Р. Державина «Ласточка» (1792): «Душа моя! гостья ты мира: | Не ты ли перната сия?» (Державин 1957: 208).

⁴ *Академия ли открыла Коперникову систему...* — Речь идет о гелиоцентрической астрономии Николая Коперника (1473—1543), который согласовал идею движения звезд вокруг Солнца с идеей смещения космических тел в поле зрения человека, вращающегося вместе с Землей, и описал их в работе «О вращении небесных сфер» («De revolutionibus orbium coelestium»; 1543). Алимари говорит о Парижской академии наук (см. примеч. 9 к гл. XII), но не о Французской академии, к которой, в частности, принадлежали Корнель и Расин (см. ниже, примеч. 10 и 11).

⁵ *...Ньютоново учение о притяжении...* — Алимари упоминает теорию тяготения, сформулированную английским ученым Исааком Ньютоном (1642—1727).

⁶ *...Кеплеровы законы небесной механики...* — В нач. XVII в. немецкий математик Иоганн Кеплер (1571—1630) установил, что движение планет вокруг

Солнца осуществляется по эллиптическим орбитам; свои соображения он сформулировал в книге «Новая астрономия» («Astronomia Nova»), опубликованной в Праге в 1609 г.

⁷ *...порох, книгопечатание, зрительные трубы, громовые отводы?* — Греч перечисляет анонимные изобретения и открытия, приписываемые разным ученым (см., в частности, примеч. 7 к гл. VII).

⁸ *«Филиппики»* — гневные речи, название которых обычно связывают с афинским оратором Демосфеном, выступавшим против царя Филиппа Македонского. Однако, если иметь в виду современный Гречу период в истории риторики, уместнее считать, что подразумеваются филиппики Цицерона.

⁹ *«Освобожденный Иерусалим»* («La Gerusalemme liberata») — рыцарская поэма итальянского стихотворца Торквато Тассо (1544—1595), написанная в 1575 г.; в основе ее лежат события Первого крестового похода (1096—1099 гг.), завершившегося взятием Иерусалима.

¹⁰ *«Сид»* («Le Cid»; 1636) — трагикомедия Пьера Корнеля (1606—1684), французского поэта и драматурга, члена Французской академии.

¹¹ *«Аталия»* («Athalie»; 1691) — трагедия французского драматурга Жана Расина (1639—1699).

¹² *Когда молчат люди, тогда красноречивы камни...* — Библейская аллюзия: «И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют» (Лк. 19: 39—40).

[ГЛАВА] XXVII

¹ *Верона* (Verona) — город на северо-востоке Италии; с 1405 г. принадлежал Венеции, в 1796 г. был захвачен наполеоновской армией, в 1797 г. отошел к Австрии.

² *Виченца* (Vicenza) — город на северо-востоке Италии, с 1404 по 1797 г. принадлежавший Венеции.

³ *...кирасирские офицеры...* — Кирасир — солдат или офицер тяжелой кавалерии, элементом защитного снаряжения которого была кираса (железный или стальной доспех, прикрывавший грудь и спину человека). Кирасирские полки являлись главной ударной силой в сражениях.

[ГЛАВА] XXVIII

¹ *С ними приключился удар.* — В этот период медицина не диагностировала виды апоплексических ударов более точно.

[ГЛАВА] XXIX

¹ *Нови (Novi)* — город в Италии, около которого 4 (15) августа 1799 г. в результате крупнейшего сражения русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разбили французскую армию под началом генералов Бартелеми Катрина Жубера (1769—1799) и Жана Виктора Моро (1763—1813).

² *Боккета* — проход через Апеннины из Генуэзской Ривьеры, который «вел по шоссе из Генуи в долину реки Скриви к Алессандрии и замыкался крепостцею Гави и фортом Серравалле» (Орлов 1892: 53).

³ *...как звуки арфы эоловой...* — Эолова (или воздушная) арфа не требует игры музыканта: звуки возникают благодаря дуновению ветра, который касается струн. Образ приобрел популярность в русской литературе под влиянием немецкого и английского романтизма (см., напр.: Махов 2017: 114—128).

⁴ *Сотский* — крестьянин, выбиравшийся сельским сходом для выполнения общественных обязанностей, надзора за порядком и проч.

⁵ *...к границе, на Вольнь.* — Вольнь перешла к Российской империи в 1793 г. после Второго раздела Польши. Под «границей» в данном случае имеется в виду граница с Австрией.

⁶ *Бригадир* — армейский чин между полковником и генерал-майором; с 1796 г. не присваивался.

⁷ *...когда он не прикрывался плащом диогеновским.* — Метафорическое выражение, означающее, что Суворов не играл роль простеца, а действительно был искренен и откровенен. Философ-киник Диоген Синопский, проповедник аскетизма, ходил в плаще, который служил ему и одеждой, и постелью.

⁸ *Нихтбештимтзагер* — окказионализм; слово образовано от нем. «Ich kann nicht bestimmt sagen» и буквально означает «немогузнайка». Сам Греч давал к нему следующий комментарий: «*Нихтбештимтзагер*, или немецкая “немогузнайка” — известное выражение Суворова» (Греч 1838в/4: 126).

⁹ *Унтеркунфтшицк* — неологизм, приписываемый А.В. Суворову; образован от нем. *Unterkunft* и буквально значит «Тот, кто хорошо устроился».

¹⁰ *...князя Петра Ивановича Багратиона...* — П.И. Багратион (1765—1812), генерал от инфантерии, командовал авангардом союзной армии в 1799 г.,

в Итальянском походе Суворова, в сражениях на реках Адда и Треббия, а также в битве при Нови.

[ГЛАВА] XXX

¹ *Суворов, поразив на Треббии Макдональда...* — А.В. Суворов выиграл сражение на реке Треббии 6–8 (17–19) июня 1799 г. у командовавшего французскими войсками маршала Этьена-Жака-Жозефа-Александра Макдональда (1765–1840).

² *...разъяренный (тенётами гофкригсрата) лев...* — Гофкригсрат (нем. Hofkriegsrath) — придворный военный совет Австрийской империи. Совет жестко регламентировал действия армейских военачальников, что было неприемлемо для А.В. Суворова.

³ *...броситься на Жубера...* — См. примеч. 1 к гл. XXIX.

⁴ *...спускался с Пеннинских Альпов на северного Аннибала.* — А.В. Суворов сравнивается здесь с карфагенским военачальником Ганнибалом (247–183 до н. э.), одним из величайших полководцев в истории. Ганнибал совершил переход через Альпы во время Второй Пунической войны (208–201 гг. до н. э.).

⁵ *Моро.* — См. примеч. 1 к гл. XXIX.

⁶ *...услышит пальбу австрийского генерала барона Края...* — Имеется в виду Пауль Край фон Крайова унд Топола (1735–1804) — австрийский полководец, в 1799 г. — временный главнокомандующий австрийскими войсками в Италии.

⁷ *...прикомандирован к егерскому князя Багратиона полку...* — Егерские полки — стрелковые подразделения легкой пехоты — существовали в Российской армии с кон. XVIII в. до 1834 г. С 1797 г. по январь 1799 г. одним из них, 7-м егерским полком, командовал П.И. Багратион (см. примеч. 10 к гл. XXIX), а в феврале 1798 г. полк получил название 7-го егерского полковника (с февраля 1799 г. — генерал-майора) князя Багратиона. С января 1799 г. по июнь 1800 г. (в том числе в описываемое время) Багратион был шефом полка (см. след. примеч.).

⁸ *...получил приказание стать в шефской роте.* — С кон. XVIII в. каждый полк помимо командира имел еще шефа полка (в чине генерала), который занимался обеспечением, обмундированием и хозяйством. В кон. XVIII — нач. XIX в. роты в полках были не номерные, а именные. Их называли по

фамилиям командиров рот: «рота капитана такого-то». Из общего правила было два исключения: первая рота первого батальона называлась шефской, поскольку в ней числился шеф полка, а первая рота третьего батальона, по той же причине, — командирской, хотя в обоих подразделениях были свои ротные командиры. Я глубоко признательна за этот комментарий военному историку А.А. Подмазо.

⁹ *Штабс-капитан* — обер-офицерский чин X класса Табели о рангах.

¹⁰ *Застрельщик* (стрелок, штуцерный) — солдат линейной и егерской пехоты, предназначенный для ведения стрельбы в рассыпном строю (см.: ВЭ 1911—1915/10: 486—487).

¹¹ *...появился Суворов верхом, в каске австрийского гренадера, без мундира, с голубою лентою по рубахе ~ Чего жалеть супостатов: перекрестясь, да и в штыхи!* — Греч описывает четвертую атаку Багратиона, перед которой Суворов лично обратился к солдатам (см.: ВЭ 1911—1915/17: 21—24). Под голубой лентой имеется в виду Андреевская (см. также примеч. 11 к гл. II).

¹² *Дерфельден* Вилим (Вильгельм) Христофорович фон (1735—1819) — генерал-аншеф русской армии, соратник А.В. Суворова, генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств. Во время Итальянского похода командовал 10-тысячным корпусом и был наделен полномочиями заменить А.В. Суворова в случае его гибели.

¹³ *Милорадович* Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал, соратник А.В. Суворова, отличившийся в Итальянском походе.

¹⁴ *...приккнул к ослабевшим батальонам Багратиона.* — Багратион трижды атаковал Нови с большими потерями, пока ему на помощь не пришли свежие силы под командованием В.Х. фон Дерфельдена, корпус которого взял Нови.

[ГЛАВА] XXXI

¹ *Каре* — построение пехоты прямоугольником или квадратом (середина остается пустой) для отражения атак неприятеля (в основном кавалерии) с четырех сторон.

² *Австрийцы убили Жубера, а вы — нашего Гаро!* — Б.-К. Жубер 4 (15) августа 1799 г. был убит в сражении при Нови. Луи Гаро (1769—1813) в 1799 г. имел звание бригадного генерала. Слух о его смерти распространился на основе сообщения об этом в письме А.В. Суворова к Ф.Ф. Ушакову (см.: Суворов 1986: 350); впоследствии этот слух оказался ложным.

³ *Все мои егеря были в мундирах с зелеными воротниками; он один с красными.* — В сражении принимали участие три егерских полка, но только у полка под шефством Багратиона был воротник с красной отделкой.

⁴ *...рядовой мушкетерского Барановского полку.* — Имеется в виду Низовский мушкетерский полк; с января 1799 г. по январь 1801 г. его шефом был генерал-майор Михаил Семенович Барановский (1760—1805). У рядовых этого полка воротник, как и у полка Багратиона, тоже был отделан красным (см. пред. примеч.).

⁵ *Эти пленные находятся под покровительством законов!* — В кон. XVIII — нач. XIX в. не было законов, оговаривающих условия содержания пленных и их права, однако существовала традиция «разменивать» военнопленных по окончании или во время кампании.

⁶ *Хоть бы все пять директоров...* — Имеется в виду правительство первой Французской республики (директория, которая состояла из пяти членов).

⁷ *Уде Жак-Жозеф (1772—1809)* — участник революционных войн (у Греча анахронизм: чин полковника он получил только в 1809 г.), один из организаторов масонского общества Филадельфов.

⁸ *...взмостился, как говорится по-французски, кроликом (en lapin)...* — Французское выражение «aller en lapin» означает «ехать на козлах» (возле кучера).

⁹ *Фурлейт* (от нем. Führleiter) — солдат при военных фурах, больших телегах для клади (см.: Даль 1912—1914/IV: стб 1156).

¹⁰ *...упрям как бретонец.* — Греч обыгрывает поговорку «tête comme un Breton», распространенную в ряде регионов Франции, прежде всего в Бретани.

¹¹ *Бонапарту и одному тесно было во Франции, так отправился в Египет...* — Речь идет о Египетском походе Наполеона (1798—1801 гг.), целью которого было завоевание Египта и расширение влияния Франции в Азии и Северной Африке.

[ГЛАВА] XXXII

¹ *Лживые бюллетени, издаваемые тогдашним... правительством Франции...* — Речь идет о «Бюллетене Великой армии» — издании, выходившем без определенной периодичности в 1805—1812 гг. при французской правительственной газете «Le Moniteur universel». Копии текста бюллетеней рассылались на места и расклеивались на стенах общественных зданий.

² *...северный лев, брошенный... в непроходимые дебри, проложил себе... путь к свободе и дорого заставил заплатить тех, которые дерзнули мыслить, что могут*

его остановить, стеснить, уничтожить. — Речь идет о вынужденном Швейцарском походе А.В. Суворова, состоявшемся 10 (21) сентября — 27 сентября (8 октября) 1799 г.

[ГЛАВА] XXXIV

¹ *Шампюнет* (Шампионне) Жан-Этьен Вашье (1762–1800) — французский генерал, участник войн революционной Франции; в 1799 г. из-за конфликтов с комиссарами Французской республики был арестован по обвинению в превышении полномочий, но оправдан и назначен командующим альпийской армией. В том же году войска Шампионне были разбиты русскими и австрийцами в битвах при Фоссано и Савильяно.

² *...победителя Мака?* — Имеется в виду Карл Мак фон Лейберих (1752–1828) — барон, австрийский фельдмаршал-лейтенант, который 22 ноября (5 декабря) 1798 г. потерпел поражение от французского генерала Шампионне (см. пред. примеч.) в битве при Чивита-Кастеллана и был взят в плен.

³ *Пример этот представляет вам генерал Моро. В то время, когда он, сражаясь за Францию, оборонял ее от натиска сильных врагов, неистовые изверги, называвшиеся правителями его отечества, казнили... его отца.* — Отец генерала Моро, адвокат Габриэль-Луи Моро (1730–1794), был осужден по обвинению в финансовой поддержке эмигрантов и казнен 13 июля 1794 г. О самом генерале см. примеч. 1 к гл. XXIX.

[ГЛАВА] XXXV

¹ *...повесть о... веке Астреи...* — То есть о так называемом «золотом веке», во время которого Астрея (в древнегреческой мифологии — дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости) жила среди людей (см.: МНМ 1991–1992/1: 118).

² *...писал уставом...* — Подразумевается греческий устав (младший унциал) — маюскульный (то есть состоящий лишь из прописных букв) почерк сер. 1-го — нач. 2-го тысячелетия н. э., на основе которого были созданы готское письмо и кириллица.

³ *Общество святого Игнатия* (Общество Иисуса, Societas Jesu), или Орден иезуитов — мужской духовный орден Римско-католической церкви, созданный для борьбы с Реформацией; назван по имени основателя — Игнатия Лопеса де Лойолы (1491–1556).

⁴ ...утверждал, что нашел истинное греческое произношение и открыл настоящую мелодию древнего напева эллинов. — Попытки выяснить, как звучали эллинские напевы, предпринимались неоднократно, но не дали никаких результатов (см., напр.: Герцман 1995: 301–302).

⁵ ...язык Греции, язык Платона и Демосфена, Гомера и Софокла, язык Божественного Откровения — ты называешь мертвым! Он жив, как живо солнце Адама!» — Перечисление именно представителей древнегреческой культуры обусловлено участием Н.И. Греча в обсуждении вопросов, связанных с преподаванием древних языков в России. У этой дискуссии было два основных аспекта: место русского языка в связи с преподаванием языков древних (надо ли преподавать родной язык и в каком объеме) и выбор между греческим и латынью как образцовым (см. также примеч. 11 к гл. XXXIX).

⁶ «Продолжай, Антигона!» — Выбор имени связан с тем, что образ Антигоны, старшей дочери фиванского царя Эдипа, был воплощением верности и любви: согласно легенде, Антигона последовала за слепым отцом в его добровольном изгнании. Впоследствии она против воли правителя Фив похоронила своего брата, Полиника, пошедшего войной на родной город: хотя это было запрещено под страхом смертной казни, Антигона погребла Полиника и была казнена (см.: МНМ 1991–1992/1: 118).

⁷ Женский голос начал читать Софоклова «Эдипа в Колоне», именно приветствие хора несчастному слепцу. — Имеется в виду обращение хора к Эдипу (в трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (401 до н. э.)) после того, как он говорит о желании умереть в Афинах. Мотив смерти на чужбине встречается и в «Черной женщине».

⁸ Антистрофа — композиционная форма в хорах и песнях античной трагедии, где ритм первой строфы повторяется и во второй строфе (называемой также антистрофой) (см.: Квятковский 1966: 39–40).

⁹ ...я перенесся... в глубокую древность, в то судилище, которое, выслушав эти стихи Софокла, отфинуло донос неблагодарных детей, обвинявших его в безумии. — Имеется в виду легенда, описанная в античных анонимных свидетельствах о жизни Софокла. Драматург много времени отдавал творчеству, не думая о быте, но человек, не способный заботиться о домашнем имуществе, мог быть лишен имущества, чем и воспользовались сыновья Софокла, объявившие его безумным. На суде Софокл прочел парод из «Эдипа в Колоне» со слов: «В землю гордых коней, мой гость, | Ты пришел...» (Пер. Ф.Ф. Зелинского). «Стихи эти вызвали такое восхищение, что его проводили из суда, словно из театра, рукоплесканиями и восторженными возгласами» (Софокл 1990: 444).

¹⁰ *...началось чтение прозы Демосфеновой.* — Демосфен (384—332 до н. э.) — древнегреческий оратор.

¹¹ *Стратегема* (стратегема) — древнегреческий термин, обозначающий военную или дипломатическую хитрость.

¹² *Анакреон* (Анакреонт; 570/559—485/478 до н. э.) — древнегреческий поэт; его стихи, посвященные радостному, счастливому восприятию жизни, были предназначены для сольного пения или декламации на ионийском диалекте греческого языка.

¹³ *...под начальство министра Помбалья...* — Речь идет о Себастьяне Жозе ди Карвалью-и-Мелу, 1-м маркизе де Помбале (1699—1782), португальском политическом деятеле, с 1750 г. — главном министре короля Жозе I (1714—1777; правил с 1750 г.). Маркиз де Помбаль руководил восстановлением Лиссабона после землетрясения 1755 г. (см. след. примеч.)

¹⁴ — *Первого ноября пятьдесят пятого года...* — Алимари называет дату Лиссабонского землетрясения, произошедшего в католический праздник День всех святых. Землетрясение отразилось в литературе и философии обсуждением «жестокости» Бога и Провидения и стало причиной полемики между Лейбницем и Вольтером, запечатленной в философской повести последнего «Кандид, или Оптимизм» («Candide, ou L'Optimisme»; 1758).

¹⁵ *...великая государыня... Мария Терезия, дала жизнь принцессе, рожденной со всеми правами и надеждами на счастье в мире.* — Имеются в виду соответственно Мария-Терезия (1717—1780), эрцгерцогиня австрийская, римско-германская императрица, королева венгерская и богемская, и ее дочь Мария-Антуанетта (1755—1793), с 1770 г. — жена дофина, будущего короля Франции Людовика XVI.

¹⁶ *Я был свидетелем торжественного въезда Марии Антонии в Францию...* — Имеется в виду торжественный въезд дофины Марии-Антуанетты в Париж 8 июня 1773 г.

¹⁷ *...помещицы трианонской...* — Речь идет о Малом Трианоне (Petit Trianon), дворце, который был в 1774 г. подарен Людовиком XVI его жене, девятнадцатилетней королеве Марии-Антуанетте.

¹⁸ — *Республика Французская заключила мир с империей Российской. Первый консул, чтя вашего императора, уважая храбрость русских, возвращает всем пленным свободу.* — Первый консул — Наполеон Бонапарт. Мирный договор между Россией и Францией был подписан 28 сентября (10 октября) 1801 г. в

Париже. После Швейцарского похода в Швейцарию осталось много русских раненых, которые смогли вернуться в Россию в мае 1801 г., до заключения этого договора.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В начале книги Греч поставил дату начала работы над ней: «10 ноября 1832».

[ГЛАВА] XXXVI

¹ *Московская застава* — одна из городских застав Петербурга, созданных в XVIII в., при пересечении Саарской (Царской, Царскосельской) перспективы (Царскосельского проспекта; ныне — Московский проспект) с Лиговским каналом.

² «*Подвись!*» — приказ в качестве салюта поднять в руке шашку или саблю за эфес до уровня подбородка, обернув клинок лезвием влево, острием вверх и назад.

³ *Обухов мост* — мост через реку Фонтанку по Саарской перспективе, построенный в 1717 г.; народное именование (Обухов, Обуховский) связано с фамилией строителя Обухова.

⁴ *Аничков мост* — мост через Фонтанку, построенный по указу Петра I в 1716 г.; название связано с фамилией инженера-подполковника М. Аничкова, который руководил строительством.

⁵ — *Ступай с экипажем в трактир «Лондон»...* — «Гейденрейхский трактир, город Лондон именуемый», с 1771 по 1820-е годы располагался на Невском проспекте, в первом доме по правой стороне, и был одной из лучших петербургских гостиниц.

⁶ *...посмотри, какую аллею насадили... посреди проспекта.* — Имеется в виду аллея на Невском проспекте; иных сведений о ней не обнаружено.

⁷ *Князь не последовал за экипажем, а пошел по левой стороне проспекта, от моста к Литейной улице, считая дамы: первый — старый знакомец времен Петра Великого, второй, вот и третий.* — Герой вышел из экипажа после того, как денщик повернул на Невский проспект, и пошел по левой (ныне нечетной) стороне проспекта, через Аничков мост. Первый дом в перспективе, открывающейся перед взором героя («старый знакомец времен Петра Великого»), — Шереметевский дворец на Фонтанке (Фонганский дом), следующие два (на

углу Невского проспекта) были впоследствии перестроены и сейчас представляют единое здание (см.: Кириков, Кирикова, Петрова 2004: 305–307).

⁸ *За двадцать лет пред сим стоял тут небольшой зеленый деревянный домик, принадлежавший русскому серебрянику; теперь на месте его возвышались огромные палаты.* — Ныне это дом 70 по Невскому проспекту; во втор. пол. XVIII в. он принадлежал серебрянику Трофимову, а позднее в нем провел детские годы Н.И. Греч (см.: Кириков, Кирикова, Петрова 2004: 308, 326–327). В нач. XIX в. на этом участке был построен каменный дом купца А. Шемякина.

⁹ *«Вот Аничковский дворец ~ как он теперь чист, красив, великолепен: за семнадцать лет оставил я его почти в совершенном запустении. А сад!»* — Кемский покинул Санкт-Петербург в 1799 г., когда велись строительные работы на территории Аничкова дворца.

Двадцать второго июня 1776 года Екатерина II подарила Г.А. Потёмкину купленный у Разумовского Аничков дом с садом в знак признания его заслуг в Русско-турецкой войне. В 1776–1780 годах архитектор И.Е. Старов перестроил ансамбль. Были пристроены Зимний сад и терраса, галереи и каменная ограда были разобраны; гавань и пруд засыпаны. Вместо регулярного сада разбит пейзажный парк с прудом и островом в центре. <...> на месте Александринского театра построен Итальянский дом с галереей, предназначенный для маскарадов и празднеств, ближе к Садовой – театр и колоннада. На Садовую выходили жилые флигели и лавки <...>. В 1793 году Екатерина II выкупила дворец и приказала архитектору Е.Т. Соколову составить проект его переделки под кабинет. <...> В 1794 году Соколов, приспособив дворец для нужд кабинета, разобрал Зимний сад и террасу, а в 1796–1801 годах на углу Невского и Садовой возвел здание Публичной библиотеки.

Демичева, Аксельрод 2002: 106–111

¹⁰ *Какое это странное, широкое здание посреди двора? Это должен быть театр.* — Имеется в виду здание, построенное для итальянской оперной труппы А. Казаси в 1801 г., позднее выкупленное в казну и названное Малым театром. Впоследствии, в 1828–1832 гг., на этом месте было воздвигнуто здание Александринского театра (см.: Демичева, Аксельрод 2002: 112).

¹¹ *На полуразрушенной стене уцелела еще колоннада, написанная Гонзагою...* — Петр Федорович (Пьетро ди Готтардо) Гонзаго (1751–1831) — итальянский декоратор, театральный художник и архитектор; с 1792 г. был декоратором императорских театров, оформлял торжественные церемонии при дворе.

¹² *Гостинный двор — старый знаменитый, но исчезли... шляпные лавки, теперь на их месте великолепный портик.* — Каменный Гостинный двор был построен по проекту архитектора Ж.-Б. Валлена-Деламота в 1761—1785 гг. Портик создан в 1805—1806 гг. по проекту Л. Руска.

¹³ *На месте Казанского собора, здания простого и ветхого, возвышается новый храм с величественным куполом и колоннадой ~ каким образом странник наш очутился у Казанского собора, не переходив через Казанский мост, крутой, тесный, грязный? Мост... превратился в широкий проезд над Екатерининским каналам...* — Старая деревянная церковь, построенная в 1733—1737 гг. по проекту архитектора М.Г. Земцова, была в нач. XIX в. разобрана, и на ее месте в 1801—1811 гг. по проекту архитектора А.Н. Воронихина был воздвигнут Казанский собор; в связи с работами по его строительству в 1805—1806 гг. по проекту архитектора Л. Руска был расширен Казанский мост.

¹⁴ *Прекрасный старинный дом графа Строганова...* — Дворец Строгановых был построен по проекту архитектора Б.-Ф. Растрелли в 1753—1754 гг. (ныне — Невский проспект, 17 / наб. Мойки, 46; филиал Русского музея).

¹⁵ *...за Полицейским мостом, который из зеленого деревянного превратился в чугунный с прекрасною балюстрадой...* — Имеется в виду мост через реку Мойку, соединяющий Казанский и 2-й Адмиралтейский острова; это первый чугунный транспортный мост в Петербурге, построенный в 1806 г. по проекту В. Гесте, разработавшего новую конструкцию.

¹⁶ *...между Большою и Малою Морскими, где были деревянные заборы, возвышаются великолепные дома в пять этажей.* — Пятиэтажных домов в это время на Большой Морской улице не было, но если принять во внимание маршрут Кемского, то можно предположить, что он увидел четырехэтажный дом, возведенный в 1804—1806 гг. по проекту архитектора В.И. Беретти, и, вероятно, посчитал высокий подвал как еще один этаж. Дом выходил фасадом на Невский проспект и Большую Морскую.

¹⁷ *А Адмиралтейство? Вот оно. Уцелел только... шиш его, главное же строение... похожее на фабрику, преобразилось в здание величественное, оригинальное.* — В 1806 г. по указу Александра I здание Адмиралтейства было решено перестроить, что и произошло в 1806—1823 гг., по проекту архитектора А.Д. Захарова, после чего оно стало грандиозным сооружением (длина главного фасада — 408 м), украшенным скульптурами античных богов и героев.

¹⁸ *Позвольте спросить ~ кто шьет на вас? Буту, Люйлье, Фромм, Зеленков?* — Петр Семенович Зеленков — известный портной, впоследствии от-

купщик, купец 1-й гильдии; Буту и Люиле — модные портные; сведений о Фромме не обнаружено. Ср. также следующий пассаж из «Воспоминаний» Ф.Ф. Вигеля:

Швальная же знаменитость Занфтлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мне очень памятны: молодые франты моего времени ими только и клялись. <...> И, кажется, даже сам мусью Буту, перед которым гораздо позднее так благоговела молодежь <...>.

Вигель 1891—1893/2: 92

¹⁹ *Кемский догадался, с кем встретился случайно...* — По-видимому, «молодые генералы» — великие князья Николай и Михаил Павловичи (см.: Давыдова 2017: 32).

[ГЛАВА] XXXVII

¹ *...госпожа действительная статская советница баронесса фон Драк изволит квартировать в Большой Садовой улице...* — Садовая улица расположена между 1-м Садовым мостом через Мойку и местом слияния канала Грибоедова и Фонтанки. В нач. XIX в. жить в доме на Садовой до Никольского собора считалось престижным, а дальше Никольского (где квартировали мелкие чиновники, мастеровые) или в окрестностях Апраксина двора — нет; следовательно, дом Алевтины располагался, вероятно, между совр. Сенной площадью и Никольским собором.

² *...имеет пребывание на даче, на Аптекаарском острове.* — Аптекаарский остров располагается в северной части дельты Невы и отделяется от Петроградского острова рекой Карповкой, от Каменного и Крестовского островов — Малой Невкой, а от Выборгской стороны — Большой Невкой. Свое название он получил в 1726 г., потому что здесь находился Аптекаарский огород, где выращивали лекарственные растения (ныне — Ботанический сад). В кон. XVIII — пер. четв. XIX в. (при императорах Павле I и Александре I) на острове начали строить дачи, и он стал местом летнего отдыха петербургских аристократов.

³ *...фон приклеен к его прозвищу по ошибке...* — Семейная приставка «фон» означала принадлежность к дворянскому роду.

⁴ *...разглядывал картинки на стенах, заимствованные из басен Езоповых: здесь волк душит овцу; тут лисица лакомится осифотевишими птенцами; там осел лягает больного льва.* — Речь идет о трех сюжетах, известных русским чи-

тателям благодаря И.А. Крылову. Греч указывает, что все они восходят к Эзопу, что, однако, не совсем точно. Так, басня «Добрая Лисица» И.А. Крылова (1814) связана с произведениями Флориана («Лиса-проповедница», «Молодая Курица и старая Лисица»), Ж. Лафонтена («Петух и Лиса») и И.И. Дмитриева («Лиса-проповедница»), а басня «Лев состаревшийся» (1829) — с одноименным произведением Лафонтена, сюжет которого восходит к басне Федра «Старый Лев, Вепрь, Вол и Осел»; этот сюжет в русской литературе знаком благодаря В.К. Третьяковскому, А.П. Сумарокову, И.С. Баркову, Ф.П. Ключареву, Г.Р. Державину и А.Е. Измайлову. «Волк и ягненок» — басня Лафонтена, сюжет которой действительно восходит к басням Эзопа, а также Федра; кроме переложения Крылова (1807) читателю были знакомы тексты Третьяковского, Сумарокова и Державина.

⁵ *...сыннок метит в камер-юнкеры...* — Придворное звание камер-юнкера соответствовало V классу Табели о рангах.

⁶ *...платит ее превосходительству кварту с аренды.* — Имеется в виду, что Тряпицын отдает четвертую часть доходов, получаемых в качестве взяток на месте правителя дел.

⁷ *...пришла весть, что он взят в плен и убит черкесами на Кавказской линии.* — Кавказская укрепленная линия — система пограничных фортификаций русских войск на Кавказе в XVIII—XIX вв., включавшая Кизлярскую, Моздокскую, Кубано-Черноморскую и другие линии. Подробнее о ней см., напр.: Дебу 1829.

⁸ *...как Лотова жена в пустыне...* — Фразеологизм, восходящий к библейской легенде о жене праведника Лота, превращенной в соляной столб (см.: Быт. 20: 15—26).

⁹ *— Я был контролером при департаменте... и вдруг меня перечислили в архив.* — Контролер при департаменте следил за документооборотом, приходо-расходными счетами, сметами, то есть имел полномочия, позволявшие брать взятки и завязывать полезные знакомства. Служба в архиве не предполагала таких возможностей, так как заключалась в аналитической деятельности, переписьвании, переводах и т. п. Кроме того, место в архиве не позволяло продвигаться по карьерной лестнице.

¹⁰ *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса в Табели о рангах.

¹¹ *...Комитет восемнадцатого августа!* — Речь идет об организованном в Санкт-Петербурге благотворительном комитете, существовавшем в 1814—1918 гг. и занимавшемся оказанием помощи военнослужащим-инвалидам, семьям погибших или умерших от ран.

[ГЛАВА] XXXVIII

¹ *...вбежала с ужасным лаем английская охотничья собака.* — Возможно, это отражение моды на «английских» собак — левреток, которые в дворянских домах являлись не охотничьими, а декоративными.

² *...слово «сэр», а не «сир», присоединяется к имени, а не к фамилии: сэр Уильям, а не сир Горс.* — Алевтина демонстрирует незнание английского языка: она не знает, что «сир» — обращение к монарху.

³ — *На старости трудно привыкать к новым языкам и манерам, — отвечала Алевтина, краснея от стыда и досады.* — Англomania начала развиваться в России с кон. XVIII в. (подробнее см., напр.: Бильбасов 1893; Боборькин 1895; Алексеев 1944). Конфликт галломании и англomanии в доме Алевтины показан как конфликт «отцов и детей».

⁴ *Большой Каменноостровский проспект* — улица, пролегающая от совр. Троицкого моста и Троицкой площади до Каменноостровского моста (см. след. примеч.).

⁵ *Вышед на берег Невы, он очутился на прекраснейшем мосту, какой только случилось ему видеть.* — Греч имеет в виду Каменноостровский (Бетанкуровский) мост — деревянную арочную конструкцию на деревянных опорах, возведенную в 1811—1813 гг. по проекту инженера А.А. Бетанкура на месте бывшего плашкоутного моста. Бетанкуровский мост имел семь пролетов, соединял Аптекарский (см. примеч. 2 к гл. XXXVII) и Каменный острова.

⁶ *Филагратовая* — то есть филигранной, искусной работы (о литье, тонкой резьбе, изготовлении драгоценностей и т. п.).

⁷ *...алый дом барона Колокольцева с резным бельведером...* — Имеется в виду трехэтажный дом сенатора Федора Михайловича Колокольцова [*sic!*] (1732/1736—1818), принадлежавший ему до 1818 г.; совр. адрес — Вознесенский проспект, 36.

⁸ *Крестовский остров* — остров в западной части Санкт-Петербурга, ограниченный с севера Средней Невкой, с юга — Малой Невкой, с северо-востока — рекой Крестовкой, с запада — Финским заливом.

⁹ *Каменноостровский дворец* — дворцовый комплекс на наб. Малой Невки, 1 и наб. Большой Невки, построенный в 1770-е годы по проекту архитекторов Ю.М. Фельтена, Дж. Кваренги, В. Бренна, Л. Руска и др.

¹⁰ *...направо — чья-то прелестная дача на островку — белый дом, опушенный густою зеленью...* — Имеется в виду дача светлейшего князя П.В. Лопухина (1753—1827) на Аптекарском острове.

¹¹ *Сад Строганова* (Строганов(ский) сад, Строганов(ский) парк; также: мыза Мандурова) — парковый комплекс, расположенный при впадении Черной речки в Большую Невку; с юга ограничен Большой Невкой, с востока и севера — Черной речкой; назван по имени Александра Сергеевича Строганова (1733—1811) — обер-камергера, сенатора, президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки. Здесь Н.И. Греч обычно снимал дачу на лето (см.: Каменская 1991: 68—69).

¹² ...*Геркулес и Флора по сторонам крыльца, Нептун посреди пруда...* — Ср. описание этого сада, приводимое в книге М.И. Пыляева:

<...> в саду у Строганова хранились замечательные произведения искусства: две большие статуи Геркулеса и Флоры Фарнезских, стоявшие по сторонам террасы дома <...> При входе на дачу лежали два сфинкса, а по бокам ступеней — два больших кентавра, затем несколько ваз, а на пруду — фигура Нептуна с трезубцем.

Пыляев 1996: 21

¹³ *Гомерова гробница* (гробница Гомера, гробница Ахиллеса). — Имеется в виду римский саркофаг с барельефом «Ахилл на Скиросе» (II—III вв. н. э.); в описываемые времена находился в Строгановском саду на берегу круглого пруда, а сейчас хранится в Государственном Эрмитаже, в зале Юпитера.

Из прежних украшений Строгановского сада до сих пор сохраняется гробница, о которой рассказывают, что это гробница Гомера, или уверяют, что под ней похоронена собачка графа. Вот объяснение этого памятника, сделанное рукою самого графа в каталоге его картинной галереи: «В первую турецкую войну 1770 года, когда русское оружие торжествовало на морях, Домашнев, русский офицер, командовавший десантом, нашел на одном из архипелажских островов этот саркофаг, привез в Россию и подарил его мне. При виде такого памятника я не мог не воскликнуть: “Не гробница ли это Гомера?” Это восклицание начало переходить из уст в уста, и без всякого основания все заключили, что я владею гробницею Гомера».

Пыляев 1996: 22

¹⁴ *Черная речка* — река протяженностью ок. 8 км, впадающая в Большую Невку в районе Аптекарского острова.

[ГЛАВА] XXXIX

¹ *...ньюмаркетская конская физиономия.* — Эпитет образован на основе названия города Ньюмаркета (графство Саффолк, Великобритания), известного как центр английского коннозаводства и место скачек.

² *...известие о кончине бывшего министра юстиции, действительного тайного советника Гаврилы Романовича Державина.* — Г.Р. Державин скончался 8 июля 1816 г. в селе Званка Новгородской губернии. В 1802–1803 гг. он занимал пост министра юстиции. Действительный тайный советник — гражданский чин II класса Табели о рангах.

³ *...он был... александровский кавалер.* — Державин был награжден орденом Александра Невского за государственную службу в 1801 г.

⁴ *Покойная императрица пожаловала ему несколько сот душ, и уж верно не за стихи.* — В феврале 1777 г. Державину были пожалованы триста крепостных душ в Витебской губернии как компенсация за утрату доходов во время Пугачёвского бунта.

⁵ *...вопреки указу шестого августа тысяча восемьсот девятого года...* — Указом Александра I «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. было запрещено присваивать чины коллежского ассессора (VIII класса) и статского советника (V класса) лицам, не имеющим документа об окончании курса в университете (ранее эти чины присваивались и за выслугу лет). Если человек не имел такого образования, он мог сдать в университете экзамен по программе, приложенной к указу.

⁶ *...произвели без экзамена в статские советники и дали ему Анненскую ленту.* — Статский советник — гражданский чин V класса в Табели о рангах. Анненская (Аннинская) лента, красная с золотистыми краями, предназначалась для ношения ордена Святой Анны первой степени, а также Анненской медали и медали «За полезное» (учреждена в 1801 г.) (см.: БСП 2016: 53). Н.М. Карамзин (1766–1826), о котором идет речь, в 1816 г. был произведен в статские советники и награжден орденом Святой Анны 1-го класса, а в 1824 г. стал действительным статским советником.

⁷ *...к которому еще накануне того дня надписывали: его высокоблагородию!* — «Ваше высокоблагородие» — обращение к лицам в чинах VI–VIII классов Табели о рангах; к статскому же советнику следовало обращаться «ваше высочородие».

⁸ ...написал сказку о Бедной Лизе. — Имеется в виду повесть «Бедная Лиза», написанная Н.М. Карамзиным в 1792 г.

⁹ Карамзин, который уже несколько лет занимается сочинением русской истории. Так, видно, он ее кончил? — Написал и представил государю восемь томов... — Н.М. Карамзин в 1804 г. начал писать «Историю государства Российского» и завершил работу над 8 томами в 1816 г. Первое издание было профинансировано императором и издано в 1818 г.

¹⁰ ...Карамзин испортил русский язык. — В спорах сторонников А.С. Шишкова и сторонников Н.М. Карамзина Н.И. Греч с самого начала своей литературной деятельности в 1805 г. был на стороне последнего.

¹¹ Нелепая мысль, будто латинский язык есть корень, основание и образцу всех прочих, убивала дух языка русского. — Все описания грамматики в этот период ориентировались на описания грамматики латинского языка, однако терминология, принятая в этих грамматиках, не всегда подходила для описания грамматических категорий славянских языков. В частности, в нач. XIX в. самым дискутируемым вопросом в русской лингвистике был вопрос о виде русского глагола. Вопрос о статусе языков (латыни, греческого и русского) в системе образования в России остро стоял именно в нач. XIX в.: сказывалось увлечение всеобщей грамматикой, поэтому начинается так называемая «эпоха классического образования», предполагавшего знание латыни, греческого и новых европейских языков (немецкого и французского). Таким образом, Греч в романе выражает свою позицию по поводу этой дискуссии. См. также примеч. 5 к гл. XXXV.

¹² ...Лейбниц в свое время не знал, что существует планета Уран. — Уран, седьмая по удаленности от Солнца планета Солнечной системы, была открыта в 1781 г. английским астрономом У. Гершелем, а название в честь римского бога Урана получила только в 1823 г. Г.-В. Лейбниц, умерший в 1716 г., не мог знать о ее существовании.

¹³ ...первыми книжками «Московского журнала»! — Кемский имеет в виду ежемесячный литературный журнал, издававшийся в Москве Н.М. Карамзиным в 1791–1792 гг. и перепечатанный в 1801–1803 гг.

¹⁴ ...не замечал, что проповедует в пустыне. — Выражение «проповедовать в пустыне» восходит к Библии (см.: Мф. 3: 1; Мк. 1: 4; Лк. 3: 3); в русском языке оно означает доказывать или рассказывать что-либо адресату, который не способен оценить услышанное.

¹⁵ *Кемскому подали трубку; он совестился приняться за нее, но увидел, что почти все молодые люди, в том числе безбородые недоросли, взялись курить... — Курить в присутствии дам в нач. XIX в. в России считалось неприличным.*

В наше время редкий не нюхал, а курить считали весьма предосудительным, а чтобы женщины курили, этого и не слыживали; и мужчины курили у себя в кабинетах или на воздухе, и ежели при дамах, то всегда не иначе, как спросят сперва: «Позвольте».

В гостиной и в зале никогда никто не курил даже и без гостей в своей семье <...>.

Курение стало распространяться заметным образом после 1812 года <...>.

РБ 1989: 96

¹⁶ *Они играют в коммерческую ~ Уж по мне, если играть, то лучше в банк... — Речь идет о разделении карточных игр на коммерческие и азартные: вторые характеризуются накалом страстей и корыстным интересом, а успех в них связан с везением, тогда как в первых результат зависит исключительно от способностей и опыта играющего.*

[ГЛАВА] XL

¹ *...батальон Измайловского полка... — Измайловский полк, основанный в 1730 г., являлся полком гвардии.*

² *Он завел при полку библиотеку отборных русских книг... — Полковые библиотеки начали создаваться в России в 1810 г., вначале в гвардии (в Семёновском и Преображенском полках), а потом и в армии.*

³ *...на штурме Ленкорана... — Речь идет о взятии Ленкорани 1 января 1813 г. во время Русско-персидской войны 1804—1813 гг.: под предводительством генерала от инфантерии П.С. Котляревского (1777—1851) русские войска захватили крепость, где находился четырехтысячный гарнизон.*

⁴ *Фрунт — строй, шеренга.*

⁵ *...узнал в нем одного из узденей... — Слово «уздень» имело разные значения у разных горских народов: у чеченцев оно значило «независимый человек», у кабардинцев — представитель знати. Слово «чеченцы» нередко употреблялось в этот период как собирательное для обозначения всех народов Северного Кавказа.*

⁶ *Аббас-Мирза (1789—1833) — второй сын Фет-Али-Шаха (1772—1834), правителя Ирана из династии Каджаров; в 1806—1812 гг., во время Русско-персидской войны, командовал частью персидских войск.*

⁷ *...отправить... в Думу...* — Имеется в виду Дума ордена Святого Георгия, или Георгиевская Дума, состоявшая из георгиевских кавалеров.

[ГЛАВА] XLII

¹ *Морской корпус.* — Имеется в виду Морской кадетский шляхетский корпус, созданный в 1752 г. и предназначенный для лиц дворянского происхождения; размещался на Васильевском острове (угол наб. Большой Невы и 12-й линии).

² *...в приемной зале морского министра.* — Должность морского министра была учреждена в 1802 г., одновременно с созданием Морского министерства. В указанный в тексте период морским министром был или П.В. Чичагов (1802—1811), или И.И. де Траверсе (1811—1828).

³ *...арию из «Жоконда»...* — Имеется в виду «Жоконд, или Искатели приключений» («*Joconde ou Les couveurs d'aventures*»; 1814), одна из популярных опер французского композитора Никола Изуара (1775—1818) о легкомысленном дворянине, стремящемся соблазнить как можно больше женщин (см.: Wahl 1911). В Санкт-Петербурге она исполнялась с 1815 г.

[ГЛАВА] XLIII

¹ *«Новая Элоиза».* — Речь идет о романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» («*Julie ou la Nouvelle Héloïse*»; 1761); на русский язык в XVIII в. он переводился П.С. Потёмкиным (1769) и П. Андреевым (1792—1793).

² *Геснер* Соломон (1730—1788) — швейцарский поэт и художник; его сочинения были изданы в России в 1780-е годы.

³ *Флориан* Жан Пьер Клари де (1755—1794) — французский писатель; в кон. XVIII — нач. XIX в. его сочинения неоднократно издавались в России.

⁴ *...в сенгилеевском селе...* — Имеется в виду село Сенгилеевского уезда Симбирской губернии (ныне — Ульяновская область).

⁵ *Настольный реестр.* — В учреждениях существовало три типа реестров: входящих бумаг, исходящих бумаг и настольный. В последнем отмечалось, «когда какое дело поступило, какое имело движение, когда сделано распоряжение об исполнении» (ЭСБЕ 1890—1907/51: 473).

⁶ *...за шляпкою к мадам Мегрон...* — Модный магазин мадам Мегрон размещался на углу Невского проспекта (д. 15) и реки Мойки (д. 59), у Зеленого моста.

⁷ *...толковала дежурному о неподскабливании бумаг в титуле...* — Имеется в виду титул на имущество, или правовой титул, — юридический документ, свидетельствующий о праве собственности на имущество. В титуле воспрещалось подскабливать и исправлять любые числа (дни, месяцы, годы, количество денег), подписи и т. п.

⁸ *Эккартсгаузен Карл фон (1752–1803)* — немецкий писатель, автор натур-философских и мистических сочинений, популярных в России в кон. XVIII — нач. XIX в. («Наставления Мудрого испытанному другу» (СПб., 1803); «Религия, рассматриваемая как основание всякой истины и премудрости» (М., 1818); «Благодарзумые, соединенное с добродетелями, или Политика Мудрого» (Орел, 1823) и др.).

⁹ *...луч света озарил темную хранину ветхого человека.* — В новозаветных посланиях апостолов «ветхим человеком» именуется человек невоцерковленный, обуреваемый греховными желаниями и привычками, не желающий обратиться к христианству (см.: Рим. 6: 6; Еф. 4: 22; Кол. 3: 9). Божественная мудрость как «луч света» неоднократно упоминается в Библии; ср., напр.: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 4–5).

¹⁰ *В свете господствовали по-прежнему четыре темперамента... сангвиников, холериков, флегматиков и меланхоликов.* — Имеется в виду учение о четырех темпераментах человека, разработанное еще врачами античности — Гиппократом и Галеном.

¹¹ *По-прежнему три любия разделяли людей на классы: сребролюбия, честолюбия, сластолюбия.* — Речь идет о богословской концепции трех пагубных страстей (своекорыстие, самовозношение, любовь к наслаждениям), которые провоцируют другие страсти, ведут человека к потере веры и разума; основа этих страстей — самолюбие.

¹² *...смыл... Катонам и Сократам.* — Имеется в виду один из Катонов: либо Марк Порций Катон Старший (234–149 до н. э.) — римский писатель, консул, известный как борец с роскошью и против упадка морали; либо Марк Порций Катон Младший (95 до н. э. — 46 до н. э.) — римский политический деятель, правнук Марка Порция Катона Старшего (Цензора), имевший репутацию абсолютно честного человека. Сократ — древнегреческий философ-моралист, который учил добродетельному поведению и сам следовал своим принципам.

¹³ ...*после каждой подписи засыпал ее песком...* — Чтобы чернила не растекались и быстрее сохли, написанный текст засыпали мелким песком, который хранился в особой песочнице, входившей, наряду с чернильницей, в набор обязательных канцелярских принадлежностей; песочницу использовали с XVII до сер. XIX в.

[ГЛАВА] XLIII

¹ *Билет* — здесь: письменное или печатное объявление.

² *И квартального позвали.* — Имеется в виду квартальный надзиратель — служащий городской полиции, следивший за порядком во вверенном ему квартале. Должность существовала в России с 1782 г. до сер. XIX в. и соответствовала XI (в столицах — X) классу Табели о рангах.

³ *Съезжий двор* (съезжий дом) — административное здание, включающее в себя полицейскую управу с помещением для арестованных и пожарную часть.

⁴ *Частный пристав* — представитель городской полиции, подчинявшийся полицмейстеру и обер-полицмейстеру, руководивший квартальными надзирателями «части» города, обычно от 200 до 700 дворов. Должность существовала в России с 1782 по 1866 г.; в столицах частный пристав причислялся к VII классу Табели о рангах, в нестоличных городах — к IX классу.

⁵ *Сидельцу* — приглашенный продавец, подчиняющийся хозяину и приказчику.

⁶ ...*мальчишками.* — Так назывались малолетние служащие, бывшие в подчинении у хозяина, приказчиков и сидельцев, выполнявшие функции прислуги, поручения, связанные с доставкой товара, его складированием и т. п.

⁷ ...*начал торговать битыми бутылками...* — Скупка битой и использованной посуды и продажа ее на вес на стеклянный завод была распространенным способом добывания средств к существованию (см.: Пушкарёв 1841/3: 21). Благодарю за информацию А.В. Келлера.

⁸ ...*чуть в головы не выбрало?* — Имеется в виду городская голова.

⁹ ...*на месте старинного Самсоньевского кладбища...* — Самсоньевское (Сампсониевское) городское кладбище возникло в 1710 г. и просуществовало до 1770-х годов. См. также примеч. 2 к гл. XXV.

[ГЛАВА] XLIV

¹ *...перестал ездить четверткою...* — Содержание четверки лошадей обходилось дорого; кроме того, за перемещения в личных экипажах по городу (и — отдельно — через мосты) необходимо было платить налог, который зависел в том числе от количества лошадей, поэтому не очень состоятельные люди не могли себе этого позволить.

² *Матадор* — здесь: важная особа, туз (устар., шутл.).

[ГЛАВА] XLV

¹ *Триест* (Trieste) — портовый город в северо-восточной части Италии, на берегу Триестского залива Адриатического моря; для того, чтобы попасть туда из Ниццы по воде, необходимо обогнуть весь Апеннинский полуостров.

² *...ливорнский...* — То есть из итальянского города Ливорно (Livorno), расположенного в Тоскане, крупнейшего порта этой провинции.

[ГЛАВА] XLVI

¹ *Билия* (биль) — шар, положенный ударом кия в лузу.

² *Ластовой*. — Так назывались служащие ластовых судов (малотоннажных плавсредств, используемых при транспортировке грузов для боевых кораблей). Командный состав ластовых судов формировался из матросов и унтер-офицеров, которые по состоянию здоровья или возрасту не были годны к службе на военном флоте.

³ *Гардемарин* (от фр. *gardemarine*) — воспитанник старшей роты Морского кадетского корпуса или же его выпускник, выполняющий на судне обязанности матроса. Чтобы стать гардемарином, кадет должен был сдать экзамен по математике (см.: Кротков 1901: 118). После двух плаваний гардемарин имел возможность получить звание мичмана (см. примеч. 8 к гл. XLVIII).

⁴ *Кемский посматривал на все якорные воротники.* — Воротник с якорем мог быть только у морских офицеров.

⁵ *Нет, этот уж слишком стар. Осмнадцати кампаний Ветлин не сделал.* — Морская кампания — это пребывание в море не менее шести месяцев (без перерывов). За участие в восемнадцати кампаниях морских офицеров награждали орденом Святого Георгия 4-й степени. Вероятно, Кемский увидел на груди одного из офицеров такой орден и понял, что это не Ветлин, который

не мог по молодости провести в море столько времени (с учетом перерывов между плаваниями). Благодарю за предоставленную информацию сотрудника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи В.О. Никитина.

⁶ *Экарте* (от фр. *écarté* — «отброшенный») — азартная карточная игра рода преферансовых, рассчитанная на двух игроков.

[ГЛАВА] XLVII

¹ *...понимал музыку, знал толк и в других изящных искусствах...* — Речь идет об искусствах, которые ориентированы на эстетическое восприятие и не связываются с практической деятельностью. Шарль Баттё в трактате «Изящные искусства, сведенные к единому принципу» («*Les beaux arts réduits à un même principe*»; 1746) в числе таковых назвал поэзию, красноречие, музыку, танец, живопись, скульптуру, архитектуру на основании того, что они подражают «прекрасной природе».

² *Пластические* (пространственные) *искусства*. — То есть искусства, произведения которых являют собой предметы, существующие в пространстве, не меняющиеся во времени. Пластические искусства делятся на изобразительные (живопись, скульптура и т. п.) и неизобразительные (архитектура, декоративно-прикладное искусство и т. п.).

³ «*Дон-Жуан, или Наказанный развратник*» («*Don Giovanni ossia Il dissoluto ripreso*») — опера-буфф в 2-х действиях В.-А. Моцарта (либретто Лоренцо да Понте), созданная в 1787 г.; в России впервые была поставлена в 1828 г. в Санкт-Петербурге.

⁴ *Шетландские острова* (Shetland Islands) — архипелаг на северо-востоке Шотландии, включающий около ста островов.

[ГЛАВА] XLVIII

ЖИЗНЬ СИРОТЫ

¹ *...не мог читать без слез истории младенца, дофина французского, которого из великолепных палат версальских бросили в мрачный вертеп, из рук попечительных наставников отдали во власть пьяного сапожника...* — Речь идет о Луи-Шарле (1785—1795), малолетнем наследнике французского престола, брошенном в тюрьму, а затем в 1793 г. отданном в семью сапожника Антуана Симона для «революционного воспитания».

² *...продать в Шлюшин на фабрику*. — Речь идет о ситценабивной фабрике Христиана Лимана в Шлиссельбурге (простонародное название — Шлюшин).

³ *Он был одиннадцать лет кадетом...* — Обыкновенно срок кадетства составлял шесть лет. Неуставные отношения между Хлыстовым и другими кадетами описаны так же, как и в изд.: Кротков 1901: 112–116. Возможно, в «ЧЖ» отразились и рассказы о «дедовщине», изложенные В.Б. Броневским, с которым Греч был лично знаком (см.: Броневский 1908: 545–555).

⁴ *...сидел на ленивой скамье...* — Ленивой называли статью для нерадивых учащихся. В кадетских корпусах мерой поощрения и наказания была процедура пересаживания на определенную скамью в зависимости от количества набранных кадетом баллов. В начале нового учебного года всех рассаживали по результатам прошлогодних переводных экзаменов. При хорошей успеваемости можно было получить место выше, а при плохой — ниже (см.: Бооль 1904).

⁵ *Адмиралтейств-Коллегия* — высший орган управления военным флотом, учрежденный Петром I в 1718 г.; с 1802 г. входила в состав Морского министерства.

⁶ *Мы отправились в кампанию на учебном фрегате*. — Речь идет о трехмачтовом 38-пушечном фрегате «Богоявление», парусном военно-морском корабле, построенном в 1798 г. и переданном Морскому кадетскому корпусу для учебных плаваний. Кроме «Богоявления», в учебных целях в описываемое время использовался бриг «Ласточка», но Ветлин упоминает именно фрегат.

⁷ *Три кампании кончились. Мне досталось в офицеры*. — Сергей Ветлин получил офицерское звание лишь после трех плаваний, а не после двух, как это было принято, — очевидно, из-за плохого поведения.

⁸ *Мичман* — первый обер-офицерский чин в русском флоте, соответствующий чину подпоручика сухопутных войск. Для получения звания мичмана гардемарин должен был сдать экзамены.

⁹ *Меня отправили в Ревель, тогдашнее место ссылки флотских удальцов*. — К началу 1808 г. боеспособный корабельный флот состоял из девяти кораблей, семи фрегатов и двадцати пяти малых судов, которые дислоцировались в Кронштадте и Ревеле (совр. Таллин); большая часть же гребного флота базировалась в Петербурге, Вильманстранде и Риге (см.: Михайловский-Данилевский 1841: 135–137). Ревель считался непрестижным местом службы.

¹⁰ *...между дерптскими реномистами...* — Реномист — забияка, дерзкий и самонадеянный человек, склонный к безрассудным поступкам и «нарушению благочиния»; такую репутацию имели студенты Дерптского университета.

¹¹ *Я был на корабле «Розволоде», составлявшем часть Балтийской эскадры ~ Вдруг одно неприятельское ядро разорвало пополам лейтенанта и переломило флагшток. Флаг упал сам собою, и пальба неприятелей в ту же секунду прекратилась.* — Речь идет о подвиге команды корабля Балтийской эскадры «Всеволод» 14 августа 1808 г. во время Русско-шведской войны 1808—1809 гг. Ср. его описание, которое приводит военный историк: Ниве 1910: 233—234.

¹² *Гапсаль* (с 1917 г. — Хаапсалу; н е м. Naarsal, э с т. Naapsalu) — город в Эстляндской губернии, порт Балтийского моря.

¹³ *Война с шведами и с англичанами кончилась.* — Русско-шведская война 1808—1809 гг. между Россией и Швецией, которую поддержала Великобритания, закончилась заключением Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия (ранее — часть Швеции) вошла в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское.

¹⁴ *...эстляндки...* — То есть жительницы Эстляндской губернии, имевшей разнородный национальный состав.

¹⁵ *...нацией алзатец...* — То есть эльзасец, житель Эльзаса, области на северо-востоке Франции с преимущественно немецким населением, что объясняет хорошее знание Дюмоном и немецкого, и французского языка.

¹⁶ *...он жил на Даме, или в так называемом Вышгороде...* — Вышгород (нем. Domberg — букв.: «соборный холм») — возвышенная часть Старого города в Ревеле.

¹⁷ *...портреты Людовика XVI и Марии Антонии.* — То есть Людовика XVI, французского короля из династии Бурбонов, и его супруги Марии-Антуанетты (см. также примеч. 8 к гл. X, примеч. 15 и 17 к гл. XXXV).

¹⁸ *...всё его семейство истреблено было страсбургским Робеспьером, расстригою Эвлогием Шнейдером...* — Имеется в виду Евлогий (Иоанн Георг) Шнайдер (1756—1794) — монах-францисканец, противник христианского милосердия; один из наиболее жестоких преследователей контрреволюции и сторонников монархии. Шнайдер был мэром Страсбурга, президентом революционного трибунала, затем — генеральным обвинителем при нем; был обвинен в злоупотреблении властью и казнен.

¹⁹ *Пиллава* (Пиллау, Pillau) — город на севере Балтийской косы, Пиллауском полуострове; ныне — Балтийск (Калининградская обл.).

²⁰ *Данциг* (Danzig) — город-порт на Балтийском море; ныне — Гданьск (Польша).

²¹ ...у тогдашнего военного губернатора, принца Ольденбургского. — Имеется в виду Август Павел Фридрих (1783—1853), великий герцог Ольденбургский (с 1829 г.). В 1811 г., когда Ольденбург оккупировали французские войска, он эмигрировал с отцом в Россию, был принят на российскую службу и назначен ревельским военным губернатором.

²² *Фермуар* (фр. fermoir, от fermer — «закрывать») — украшение из драгоценных камней, служащее застежкой для ожерелья.

²³ ...*Je sais seulement qu'il y a du Berry là-dedans, и поэтому, думаю, она еще более мне нравилась.* — Фамилия Бериллов созвучна титулу герцога Беррийского (фр. duc de Berry), который носил до вступления на престол будущий король Людовик XVI. Благодарю за комментарий Г.А. Велигорского.

²⁴ *«Это Севинье!»* — Имеется в виду мадам де Севинье (наст.: Мари де Рабутен Шанталь, маркиза де Севинье; 1626—1696) — французская писательница, получившая известность благодаря посмертному изданию писем (1726), которые отличают психологизм, наблюдательность, легкость стиля.

²⁵ *Меня отправили еще по зимнему пути в Свеаборг.* — Свеаборг (Sveaborg) — бастионная система укреплений на островах близ Гельсингфорса (ныне — на территории города Хельсинки). «По зимнему пути» — то есть по льду.

²⁶ *Военно-судная комиссия* — орган военной юстиции в Российской империи в 1719—1865 гг. Военно-судные комиссии были временными: они создавались в связи с конкретными преступлениями военнослужащих.

²⁷ *Презус* — председатель военно-судной комиссии.

²⁸ *Нерчинские рудники* (Нерчинская каторга) — существовавшая с 1738 г. каторжная тюрьма в юго-восточной части Забайкалья, куда отправляли по политическим и уголовным статьям.

²⁹ *Потомок святого Людовика на прародительском престоле.* — Людовик IX Святой (1214—1270) — французский король с 1226 г., из династии Капетингов, канонизированный в 1297 г. В 1814 г. королем Франции стал Людовик XVIII (Бурбоны — ветвь Капетингов), то есть власть династии была восстановлена.

³⁰ *Простите, Мишель, Надежда!»* — Здесь слово «простите» употреблено в значении «прощайте» (А.Р.).

³¹ ...спустились в Гревсенд... — Имеется в виду Грейвзэнд (Gravesend), портовый город в юго-восточной части графства Кент; он расположен в 35 км к юго-востоку от Лондона, вниз по течению Темзы, поэтому Ветлин говорит, что они туда «спустились».

³² Шканцы — часть палубы, где находился вахтенный.

³³ Марсовые — матросы, находящиеся на мачтах, саллингах, по марсам во время управления парусами.

³⁴ Констпельша — жена констпеля, младшего офицера морской артиллерии.

³⁵ Салинг — на корабле рамная конструкция, часть рангоута.

³⁶ Тексель (Тексел, Тессел, Texel) — остров в Нидерландах, в провинции Северная Голландия, самый крупный из Западно-Фризских островов.

³⁷ Кобленц (Coblenz) — город на западе Германии.

³⁸ *Всё бежало из Парижа.* — Речь идет о восстановлении власти Наполеона, наполеоновских «100 дней», то есть о периоде между 1 марта 1815 г. (возвращение к власти Наполеона) и 7 июля 1815 г. (ропуск правительственной комиссии после отречения Наполеона от власти).

³⁹ Ла-Капель (Ла-Капель, La Capelle) — коммуна на севере Франции, в 19 км от границы с Бельгией.

⁴⁰ Монс (Mons) — город в Бельгии, в 50 км к юго-западу от Брюсселя и в 70 км к северу от Ла-Капеля (см. пред. примеч.).

⁴¹ ...сержан-майор Самбр-Мёзской армии... — Сержан-майор (старший сержант) — звание во французской армии, аналогичное русскому званию фельдфебеля (в описываемые времена последнее соответствовало XIII классу Табели о рангах). Самбр-Маасская армия была создана в июне 1794 г., активно участвовала в войне Первой коалиции, отличилась во время форсирования Рейна в 1797 г.

⁴² *Волтижер* (фр. voltigeur) — здесь: солдат французской пехоты, бывший в авангарде и в стрелковой цепи; застрельщик.

⁴³ ...на империяле и в кабриолетах... — То есть соответственно на крыше дилижанса и на переднем его отделении, с одним рядом сидений.

⁴⁴ Почталъон — здесь: служитель, сопровождающий почтовую карету.

⁴⁵ Схевелинген (правильно — Схевенинген, Scheveningen) — морской курорт в Нидерландах, на побережье Северного моря; ныне — один из районов Гааги.

⁴⁶ *Параф* (фр. paraphe) — росчерк в подписи.

[ГЛАВА] L

¹ *Коллежский ассессор* — гражданский чин, соответствовавший VIII классу Табели о рангах; обращение — «ваше высокоблагородие». Коллежские ассессоры служили в должности регистраторов, секретарей или советников в Сенате, Синоде, надворных и губернских судах, губернских правлениях.

² *Дормез* — карета для многодневных путешествий, имеющая выдвижной столик и сиденья, которые можно трансформировать в кровать.

³ *Пензель* (от нем. Pinsel) — кисть для живописи.

⁴ *...в партикулярной шинели...* — То есть в штатской шинели.

[ГЛАВА] LI

¹ *...благотворительный комитет в пользу разорившихся в России французов...* — Благотворительный комитет, имеющий такие цели, не существовал. В Петербурге в 1812 г. было учреждено общество «Сословие призрения разоренных от неприятеля» (см.: Назарян 2012), но оно помогало русским.

² *Рапортчика* — краткий отчет с отметками о выполнении каких-либо дел за определенный период.

³ *...называл его... не иначе, как «господин Дрек».* — Игра слов, имеющая целью оскорбление; ср. *англ.* dreck — «мусор», «хлам».

⁴ *...увидел себя подле паперти католической церкви.* — Имеется в виду базилика Святой Екатерины, строительство которой по проекту П.-А. Трезини было завершено в 1782 г., а в 1783 г. она была освящена в честь святой Екатерины Александрийской, покровительницы императрицы Екатерины II. Ныне располагается по адресу: Невский проспект, 32–34.

⁵ *Катафалк* — здесь: возвышение в церкви, на которое ставится гроб во время панихиды.

⁶ *«Только добрый человек свободен. Злые томятся в цепях, которые они сами на себя сковали!»* — Перефразированная цитата из Аврелия Августина (см.: О граде Божьем. Гл. 3).

⁷ *...подле Литейного двора...* — Литейный двор (Пушечный Литейный двор) был основан в 1711 г., при въезде на Литейный мост, на южном (левом) берегу Невы, за Фонтанкой.

⁸ *...на отвезение младенца в Воспитательный дом 50 копеек; за труды при сем случае Пелагее — 2 рубль.* — Воспитательный дом — учреждение для призрения незаконнорожденных детей, сирот и детей бедняков, открытое в 1772 г. по инициативе И.И. Бецкого. С 1798 г. оно было переведено в купленный у графа К.Г. Разумовского дворец на Мойке (совр. адрес: Набережная реки Мойки, 48) (см.: Егорова 2007–2012). В описываемое Гречем время отдать младенца в Воспитательный дом, не предъявляя документов, мог любой человек, даже не имеющий к ребенку никакого отношения.

⁹ *К тому же в то время подтверждены были новые штаты для Воспитательного дома...* — По указу императора Павла I от 2 мая 1797 г. воспитательные дома в Москве и Петербурге были переданы в ведение императрицы Марии Федоровны. При ней был расширен штат сотрудников, а система распределения по классам выстроена с учетом уровня знаний учеников: воспитанники могли не только обучаться ремеслам (столярному, слесарному, сапожному, ткацкому и др.), но и получить образование художника, врача, гувернера.

¹⁰ *Кемский приехал к начальнику Воспитательного дома и просил его справиться по книгам, что случилось с младенцем женского пола, принесенным в дом такого-то числа, месяца и года.* — Книги учета, составлявшиеся в воспитательных домах, содержали минимальную информацию о «приносных» детях:

Ни один из воспитанников Петербургского и Гатчинского Воспитательного дома не носил фамилии, за исключением тех детей, которым за особое прилежание в науках фамилии присваивала сама императрица Мария Федоровна. Дети назывались по имени и отчеству, например — Петров или Сергеев. Кроме того, дети различались между собою по году, в котором они были принесены в Воспитательный дом, и по порядковому номеру, под которым они были записаны в Общую книгу. Эти цифры, однажды присвоенные воспитаннику, были изображены на костяном медальоне, который он носил вместе с крестиком на шею; на платье, белье и других личных вещах воспитанника также был изображен его личный порядковый номер.

Никитина 2007: 61

¹¹ *Красный мост* — мост через Мойку в Адмиралтейском (Центральном) районе Санкт-Петербурга, построенный по проекту В.И. Гесте и соединяющий Казанский и 2-й Адмиралтейский острова; название получил по цвету крашеного деревянного моста, находившегося на этом месте в XVIII в.

¹² *Церковь Спаса на Сенной*. — Имеется в виду Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, заложенная в 1753 г. на Сенной площади в Санкт-Петербурге; в 1961 г. была взорвана.

[ГЛАВА] LII

¹ *Меня отдали в Академию на седьмом году...* — В Императорскую Академию художеств, высшее учебное заведение в области изобразительных искусств в России, обыкновенно принимали детей 5–6 лет.

[ГЛАВА] LIII

¹ *На просьбе была и резолюция И.И. Бецкого: «Принять»*. — Зачисление было невозможно без резолюции Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795), который с 1762 по 1779 г. занимал пост президента Императорской Академии художеств.

² *Президент наш, осматривая выставку предварительно, остановился перед этими портретами...* — В это время (с 1800 по 1811 г.) президентом Императорской Академии художеств был А.С. Строганов (1733–1811), страстный собиратель картин: в его галерее имелись полотна художников флорентийской, римской, ломбардской, венецианской, испанской, голландской школ. Он помогал русским художникам Варнеку, Егорову, Иванову, Шебуеву, Щукину и др.

[ГЛАВА] LIV

¹ *...нюхал зеленый табак*. — То есть дешевый неблаговонный табак низкого качества (см.: РБ 1989: 96).

[ГЛАВА] LV

¹ *...в Ревельской гостинице*. — Ревельский герберг (постоялый двор) находился в старинном двухэтажном домике по адресу: Новый переулок, 8 (ныне — переулок Антоненко); здание не сохранилось (см.: Иванов 2008: 33).

² *Троицкий мост*. — Анахронизм Греча: в описываемый период на месте Троицкого моста находился (с 1803 г.) плашкоутный мост, называвшийся

Петербуржским. Название Троицкий появилось в 1827 г., по названию одноименной площади и расположенного на ней собора. Троицкий (ныне разводной) мост соединяет Петроградский и 1-й Адмиралтейский острова.

³ *Петербургская* (Петроградская) *сторона* — исторический район Санкт-Петербурга, включающий в себя Аптекарский, Заячий, Петроградский и Петровский острова.

[ГЛАВА] LVII

¹ *...за подделку акта законы определяют ссылку в Сибирь?* — Подлог актов состояния (в «ЧЖ» это составление фальшивых свидетельств о смерти человека) и подлог частных документов на право владения имуществом карались ссылкой «на поселение или на житье»; лжесвидетели наказывались как сообщники.

² — *Но земская давность, — произнес вполголоса Тряпичын.* — Десятилетняя давность по гражданским делам была введена императрицей Екатериной II в манифесте 28 июня 1787 г. Если за давностью иска истец утрачивал право отыскивать некий объект владения, то он автоматически терял на него право; в этом случае объект считался бесхозным и им мог владеть тот, кто заявил на него право.

³ *...за продажу и залог чужого имени, за составление фальшивых свидетельств о смерти человека... положено... то же наказание.* — Подлог со стороны должностного лица мог повлечь за собой не только ссылку в Сибирь, но и исправительные работы (см.: ЭСБЕ 1890—1907/24: 88—91).

⁴ *...это всё равно в России: Сибирь или кнут?* — В Жалованной грамоте дворянству (ст. 6 и 15) от 21 апреля 1785 г. говорилось о неприменении телесных наказаний к лицам благородного происхождения. В случае лишения дворянского звания эта привилегия утрачивалась.

[ГЛАВА] LVIII

¹ *...как дракон Лаокоона, обвил змеинными головами своими его и всё его семейство...* — Лаокоон — герой древнегреческого мифа, жрец Аполлона, который пыгался не дать троянцам втащить в город оставленного греками деревянного коня с греческими воинами; в отмщение за это боги наслали на

Лаокоона гигантских змей, удушивших его и его сыновей (см.: МНМ 1991–1992/2: 37).

² ...она влеклась к ней, как птичка в пасть удава. — Этот образ традиционно возводится к поэме П.-Б. Шелли «Восстание Ислама» («The Revolt of Islam»; 1818): «Направит в мир людей шаги свои, | Как птичка мчится прямо в пасть змеи» (*Пер. К.Д. Бальмонта*). Благодарю за эту информацию Г.А. Велигорского.

³ ...отправился на Выборгскую сторону, но Воскресенский мост был разведен... — Воскресенский наплавной мост (мост на баржах), сооруженный в 1786 г. и наводившийся ежегодно в течение 63 лет, соединял центральную часть Санкт-Петербурга с Выборгской стороной; в 1803 г. он был смещен на место Троицкого моста, ближе к Летнему саду.

⁴ ...мостовой унтер-офицер... — То есть унтер-офицер, отвечавший за работу подъемника.

[ГЛАВА] LIX

¹ ...пламенная патриотка... — Это распространенное теперь словосочетание, судя по всему, было впервые использовано на русском языке именно Н.И. Гречем. В XVIII — нач. XIX в. слово «патриот» чаще всего сопровождалось эпитетом «истинный» (другие варианты: «всякий», «благородный», «русский», «немецкий», «турецкий» и проч. сравнительно редки). Лишь у двух авторов есть эпитеты на основе метафоры огня: это Н.А. Бестужев («жарчайший», «горячий») и Н.И. Греч («пламенный»). Вероятно, это калька с французского «le ardent patriote».

² ...об Успенском и Архангельском соборах... — Находящиеся на территории Московского Кремля соборы были построены по проектам итальянских архитекторов: Успенский (1475–1479 гг.) возведен Аристотелем Фиораванти, Архангельский (1505–1508 гг.) — Алевизом Новым.

³ ...о Новодевичьем монастыре... — Новодевичий монастырь основан в 1524 г. в Москве великим князем Василием III (1479–1533; правил с 1505 г.).

⁴ ...о большой московской пушке. — Имеется в виду Царь-пушка в Московском Кремле, отлитая в 1586 г. мастером Андреем Чоховым (ок. 1545–1629).

⁵ ...в Вознесенском монастыре, в Кремле... — Ныне не существующий Вознесенский женский монастырь был основан в XIV в. и находился близ Спасской башни. Монастырь упомянут в «ЧЖ» не случайно: по преданию, он зало-

жен именно на том месте, где княгиня Евдокия расставалась с князем Дмитрием (Донским) перед Куликовской битвой, а впоследствии — встречала его с победой; таким образом, упоминание этой обители — знак скорой встречи Наташи и Кемского.

⁶ *София Алексеевна* (1657—1704) — русская царевна, правительница Русского государства в 1682—1689 гг. при двух царях, ее малолетних братьях — Иване V и Петре I; в 1689 г. была свергнута последним и заключена в Новодевичий монастырь.

⁷ *Евдокия Федоровна* (1669—1731) — дочь боярина Лопухина, первая жена Петра I, расставшегося с ней вскоре после женитьбы; мать царевича Алексея Петровича; в 1698 г. была насильно пострижена в монахини.

[ГЛАВА] LX

¹ *Мальтийский крест* — орден Российской империи; также известен как орден Святого Иоанна Иерусалимского; при Павле I был высшим знаком признания гражданских и военных заслуг. При Александре I награждения орденом были прекращены, а в 1817 г. вышел указ «О недозволении получающим в нынешнее время орден Святого Иоанна Иерусалимского носить оный».

² *Шлиссельбургская дорога*. — Так назывался с 1733 г. почтовый тракт, ведший из Санкт-Петербурга на Шлиссельбург и далее — на Тихвин и Архангельск; пролегал на месте нынешнего проспекта Обуховской обороны.

³ *...к Фарфоровым заводам!* — Имеется в виду существовавший с 1744 г. Императорский фарфоровый завод, располагавшийся в 10 верстах от города по Шлиссельбургской дороге, на левом берегу Невы (см.: ТВСП 2007/2: 218—227).

⁴ *Монастырь... посреди густых лесов и непроходимых дебрей, на границе Курской губернии*. — Возможно, имеется в виду Борисовский Богородицко-Тихвинский женский монастырь.

⁵ *В двенадцатом году... молебствие благодарственное раздавалось в стенах церкви монастырской*. — 7 января 1812 г. Александр I издал Манифест об изгнании французов, в соответствии с которым, начиная с 1814 г., праздник «Освобождение Церкви и державы Российской от нашествия галлов» отмечали 7 января: молебен ежегодно совершался во всех храмах после Рождественской литургии.

Дополнения

Осип Сенковский

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА
И ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ

По поводу романа «Черная женщина» Н. Греча (1834)

Публ. по изд.: Сенковский 1834б; представляет собой фрагмент рецензии Сенковского на роман «Черная женщина», опубликованной в «Библиотеке для чтения» за 1834 год (см.: Сенковский 1834а).

¹ *Бриджватерская премия* — премия, названная по имени Фрэнсиса Эджертонна, герцога Бриджватерского (Бриджуотерского; 1756—1829). Получив в 1823 г. наследство, он завещал часть этих денег Королевскому научному обществу. Благодаря Эджертону были изданы «Бриджватерские трактаты» (1833—1836). Фонд Эджертона также финансировал приобретение рукописей Библиотекой Британского музея.

² *...Карлом IX или Густавом III...* — См. соответственно примеч. 1 к гл. VIII и примеч. 14 к гл. VIII «ЧЖ».

³ *...протокол, который... мы сами читали в каком-то повременном издании...* — Имеется в виду перевод новеллы П. Мериме «Видение Карла XI, короля Шведского», опубликованный в 1833 г. в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (см.: Мериме 1833); текст воспроизводится на с. 377—383 наст. изд.

⁴ *...статьи того ученого шведа, который так явно обнаружил подлог этого странного акта.* — Возможно, О.И. Сенковский имеет в виду следующее:

Появление новеллы Мериме во французском журнале озадачило шведскую дипломатию. Шведский посол граф де Ловенхельме (правильно — Густав Лвенгельм. — *Е.М.*) с раздражением заявил, что с точки зрения исторической достоверности новелла не выдерживает никакой критики, и смущенным редакторам «Revue de Paris» (1833. Т. 60. Р. 249) пришлось оправдываться. Однако новелла Мериме не претендовала ни на роль достоверного документа, ни на роль руководства по практической политике.

⁵ ...известного анекдота о Казотте... — См. примеч. 11 к «Вступлению» к «ЧЖ».

⁶ ...астрономом и метеорологом Шрётерам... — См. примеч. 7 к «Вступлению» к «ЧЖ».

⁷ ...ночное шествие из Адмиралтейства в Зимний дворец... — См. примеч. 17 к гл. VII «ЧЖ».

⁸ ...вещий сон артиллериста. — См. примеч. 10 к «Вступлению» к «ЧЖ».

⁹ ...любой том Барония... — Речь идет о Цезаре Баронии (1538–1607), монахе-ораторианце, историке Церкви и, вероятно, о двенадцатитомном издании его «Церковных анналов» («Annales ecclesiastici a Christo nato. R.»; 1588–1607), работа над которыми продолжалась и после смерти Барония; переведено на русский язык (см.: Бароний 1719).

¹⁰ ...«Символика снов» почтенного Шуберта... — Имеется в виду Готтхильф Генрих фон Шуберт (1780–1860), немецкий естествоиспытатель, философ, мистик, писатель-романтик, автор романа «Церковь и боги» (1804), трактатов «Взгляды на ночную сторону науки о природе» (1808), «Символика сна» (1814), «История души» (1830). Его труд «Lehrbuch der Naturgeschichte für Schulen und zum Selbstunterricht» (1-е изд. — 1823; 21-е изд. — 1871) переведен на русский язык под заглавием «Руководство к познанию естественной истории и т. д.» (Дерпт, 1841).

¹¹ ...все магнетические журналы Вольфарта и Кизера. — Вольфарт Карл Христиан (1778–1832) — немецкий медик, писатель, сторонник месмеризма, с 1817 г. читал курс животного магнетизма в Берлинском университете; был учеником К.-А. Клюге, автора сочинений о животном магнетизме: «Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus als Heimittel von Alexander Fred Kluge» (Vienna, 1811; 2-е изд. — 1815; рус. пер. — 1818). Под Кизером имеется в виду Дитрих Георг фон Кайзер (1779–1862), один из главных представителей натурфилософского направления в медицине, военный врач, хирург, с 1847 г. — заведующий психиатрической клиникой в Йене; автор труда «Начала психиатрии» («Elemente der Psychiatrik»; 1855), биограф Мессмера. Журнал «Архив животного магнетизма» («Archiv für den thierischen Magnetismus») Кайзер издавал с 1817 по 1824 г. Вольфарт издавал журнал «Асклепий» («Asklaepeion»; полное название: Jahrbücher für den Lebens-Magnetismus oder neues Asklaepeion: allgemeines Zeitblatt für die gesammte Heilkunde nach den Grundsätzen des Mesmerismus / Hrsg. K.C. Wolfart. Leipzig: Brockhaus, 1818–1822/1823).

¹² *Non ignarus mali!* — Сокращенная цитата из «Энеиды» Вергилия: «Non ignara mali, miseris succurrere disco» — «Познав несчастье, я научилась помогать страдальцам» (1.630. Пер. С.А. Ошерова).

¹³ *...не считая принадлежащих к школе кавалера Барбарена...* — Речь идет об «Обществе гармонии» в Остенде, членом которого был Ле Шевалье де Барбарен.

Проспер Мери́ме

ВИДЕНИЕ КАРЛА XI,
КОРОЛЯ ШВЕДСКОГО

Впервые опубл. в изд.: Мери́ме 1833.

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА*

1787

3 (14) августа

В семье надворного советника, обер-секретаря Сената Ивана Ивановича (Иоганна Эрнста) Греча (1754—1803) и Катерины Яковлевны Греч (урожд. Фрейгольд; 1769—1843) рождается первый ребенок — сын Николай. Позднее у них родится еще пятеро детей: Александр (1789—1812), учившийся во 2-м кадетском корпусе и служивший в артиллерии; Павел (старший), умерший в детстве (1791—1795); Павел (младший) (1797—1850), дослужившийся до чина генерал-майора и занимавший должность второго коменданта Санкт-Петербурга; Екатерина (род. 1793), сведений о которой не сохранилось; и Елизавета (1795—1832), вышедшая замуж за выпускника 2-го кадетского корпуса А.Я. Ваксмута (1791—1849).

Семья Гречей живет с этого года в доме на Сергиевской улице (ныне — ул. Чайковского, 31)**.

1797

Первое упоминание о новом месте жительства семьи Гречей на Литейной улице в доме Бькова***.

Отец Греча приглашает французского гувернера Делagarда, «умного, любезного, образованного, но неопытного и не сведущего в деле воспитания

* За основу Хроники взяты сведения из формулярных списков Греча 1836 г. и 1843 г. (РГИА. Ф. 18. Оп. 9. Ед. хр. 195; Ф. 560. Оп. 8. Ед. хр. 512), а также следующих изд.: Греч 1839а; Греч 1847; Висковатов 1854; Полевой 1855; СГЧ 1866; Греч 1886; Венгеров 1910; Греч 1930; Греч 1960. Неоценимую помощь в поиске информации оказали сотрудники Российской национальной библиотеки Н.Г. Пушкарева, Н.А. Елисеев, А.Я. Лapidус, А.Н. Каштаньер, А.П. Керзум.

** Адрес предполагаемый; подробнее об этом см.: Бройтман, Дубин 2003: 177.

*** Точный адрес не установлен.

и обучения», которого вскоре сменяет де Моренкур, «любитель чарочки и порядочный невежда», также быстро уволенный; потом образованием братьев занимается Д.М. Кудлай, «не весьма грамотный, но по крайней мере добрый и усердный к делу», большой поклонник Карамзина (Греч 1930: 161–162).

1798

С Н.И. Гречем занимается частный учитель Я.М. Бородкин, получивший образование в Сухопутном корпусе. Впоследствии Греч считал, что именно ему он обязан знанием французской грамматики.

Май

Семья Гречей переезжает в дом барона Людвиг (принадлежавший впоследствии Коростовцову) на Большой улице (позднее – Ново-Исаакиевская улица, д. 14).

1800

Лето

Н.И. Греч посещает публичные лекции в залах Академии наук и в Кунсткамере, которые читают академики: высшую математику – С.Е. Гурьев, химию – Я.Д. Захаров, минералогию – В.М. Севергин, зоологию и ботанику – Н.Я. Озерецковский.

Сентябрь

И.И. Греч уволен со службы.

Октябрь

Мать с младшими сестрами и братом Павлом уезжает в Пятую Горю*. Отец с двумя старшими сыновьями (Николаем и Александром) переселяется на Фурштатскую улицу, дом Крузе**, и безуспешно пытается получить новую должность.

* Пятая Гора (*фин.* Куlämäki) – мыза Пятигорская; ныне – деревня в Волосовском районе Ленинградской области.

** Вероятно, в д. 55, принадлежавший коллежской ассессорше Крузе; совр. предполагаемый адрес – Фурштатская ул., участок д. 11 (см.: СПбАК 1809: 88; Дубин 2005: 49).

1801*Май*

Н.И. Греч в чине титулярного юнкера начинает обучаться правоведению в Юнкерской школе при Сенате (с 1803 года – Юнкерский институт), возглавляемой в этот период А.Н. Олениным. Немецкий язык преподавал лектор П.Х. Шлейснер, о котором Греч писал: «Сколько раз благословляю память незабвенного моего учителя за то, что он основательно выучил меня немецкому языку» (Письма с дороги // Северная пчела. 1853. № 165).

Учителем русской грамматики, арифметики и катехизиса в младшем классе был Григорий Федорович Оралов, человек не дальний, простой, но знаток своего дела, трудолюбивый, усердный и предобродушный. Во втором классе русский язык и словесность преподавал Борис Иванович Иваницкий, воспитанник учительской семинарии, молодой человек лет двадцати пяти, очень хорошо образованный, знающий и одаренный благородным вкусом. <...> В третьем классе преподавал логику и красноречие Павел Петрович Острогорский, человек неглупый, умеющий красно говорить и внушивший ученикам уважение и необходимый страх.

Греч 1930: 221–222

1803*5 марта*

Умирает И.И. Греч.

1804

В Юнкерском институте Н.И. Греч участвует в деятельности литературного кружка воспитанников (в который входили уже печатавшийся в то время поэт И.Г. Аристов, а также И.К. Буйницкий, А.С. Милорадович), руководимого преподавателем словесности, писателем и переводчиком А.И. Левандой (1765–1812). С конца 1804 года участники кружка собираются в Лещиковом переулке: там живет А.Н. Варенцов, издатель «Журнала для пользы и удовольствия» (1805), в котором они тогда же начинают печататься.

3 июля

Поступает учителем русского языка, географии и истории в частный пансион Г.Г. Бочкова для мальчиков.

По утрам ходил он (Н.И. Греч. – *Е.М., А.Р.*) на лекции института, после обеда занимался преподаванием сам, для содержания себя и для доставления воспитания двум сестрам.

Полевой 1855: 2

17 ноября

Завершает обучение в Юнкерском институте, получив чин коллегии юнкера. Чуть позже снимает комнату у инспектора Юнкерского института барона Ф.О. Вильденшгейна (в «Записках о моей жизни» Греча он назван Вальденшгейном) и поступает вольнослушателем в Педагогический институт (впоследствии – Санкт-Петербургский Императорский университет).

1805

В доме Н.П. Брусилова, издателя и редактора «Журнала российской словесности», знакомится с В.М. Фёдоровым, К.Н. Батюшковым, Н.Ф. Остолоповым, А.Е. Измайловым, И.П. Пниньм.

Лето

Начинает преподавать русскую словесность в девичьем пансионе госпожи М.Х. Ришар.

Публикует статьи «Синонимы. Чувство и чувствование» (Ч. 2. № 5) и «Синонимы. Счастье, благополучие, блаженство» (Ч. 2. № 7) в «Журнале российской словесности» (вторую сопровождает похвальный отзыв издателя).

1806

Живет в бывшем доме генерала Лещано, на Мойке (за Полицейским мостом). Поступает учителем в девичий пансион М.И. Мюссар.

26 июня

Поступает на службу (канцелярским служителем) в Санкт-Петербургский цензурный комитет.

31 декабря

Произведен в чин титулярного советника.

ИЗДАЕТ: «Некоторые мысли о современных происшествиях. Сочинение господина Шрёдера (пер. с немецкого оригинала Н. Греча)»*. В награду за перевод получает от императора золотые часы.

* Это и все последующие издания Н.И. Греча, упоминаемые в наст. разделе, печатались в Санкт-Петербурге; иное оговаривается.

1807

Завершает обучение в Педагогическом институте.

Июнь

Совместно с библиотекарем 1-го кадетского корпуса Ф.А. Шрёдером начинает редактировать журнал «Гений времен» (просуществует до сентября 1809 года).

ИЗДАЕТ: «Германия в глубоком унижении своем (пер. с нем.)» (в книге переводчик не указан, Гречу принадлежит и анонимно опубликованное предисловие; см.: Письма с дороги // Северная пчела. 1853. № 240); «Политические рассуждения о происшествиях 1806 года (соч. Ф. Шрёдера, пер. с нем. оригинала Николая Греча)».

В указателе В.С. Сопикова зарегистрировано издание осуществленного Гречем перевода сочинения немецкого писателя-сентименталиста А. Лафонтена «Die Gewalt der Liebe in Erzählungen» (In 4 Bd. Berlin, 1791—1794): *Лафонтен А.* Могущество любви / Пер. с нем. Н. Греча. СПб., 1807 (см.: Сопиков 1813/3: № 6260); однако подобная книга отсутствует в библиотеках страны и не зарегистрирована в справочнике: СКРК 2000/1.

1808

Переводит драму Г. Цшюкке «Ишполит и Розеида» для бенефиса А.Д. Каратыгиной, состоявшегося 17 января (см.: Полевой 1855: 29); рукопись хранится в Санкт-Петербургской театральной библиотеке.

ИЗДАЕТ: «Леонтина. Сочинение Августа фон Коцебу (пер. с нем. [Н.И. Греча])» (в 4 ч.).

1809

Принят старшим учителем русской словесности в Главное немецкое училище при евангелической церкви Святого Петра (Петришуле), где учился его отец.

ИЗДАЕТ: «Фараонова дочь: в 1 действии. Соч. Коцебу (пер. с нем. Н. Греча)»; «Новое всеобщее землеописание для употребления в училищах: первый курс, с принадлежащим к оному атласом, из 14 карт состоящим. Сочинение Адам Християна Гаспари, профессора Дерптского университета (пер. с нем. Н. Гр.)».

1810

Женится на Варваре Даниловне Мюссар (1787—1861). Совместно с Ф.А. Шрёдером издает еженедельный журнал «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов». Избран членом-сотрудником III разряда «Беседы любителей русского слова».

26 ноября

Избран членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ).

1811

Получает должность смотрителя уездных и приходских училищ в Петербурге. Состоит учителем М.А. Шумского, сына Аракчеева (см.: Отто 1875: 295). Пожалован орденом Святого Владимира (4-й степени).

Брат Александр умирает от ран, полученных во время Бородинского сражения.

3 июня

Входит в состав комитета ВОЛСНХ и избран его секретарем (членами комитета были также А.Х. Востоков, Т.С. Борноволокнов, Д.В. Дашков, А.А. Писарев, А.Е. Измайлов). Впоследствии выступает на заседаниях ВОЛСНХ с рецензиями, сообщениями о новых литературных произведениях и переводах.

4 июня

Рождение дочери Софьи.

ИЗДАЕТ: «Опыт о русских спряжениях. С таблицею».

1812

Знакомится с М.Я. фон Фоком, начальником III отделения (см.: Греч 1930: 411).

Рождение дочери Ольги.

Октябрь

Получив по ходатайству А.Н. Оленина субсидию от императора (1000 рублей), основывает (как редактор-издатель) еженедельный «исторический и политический» журнал патриотического содержания «Сын Отечества».

Печатается в органе ВОЛСНХ «Санкт-Петербургский вестник» (1812), в частности в № 37 анонимно опубликовал эпиграмму на А.С. Шишкова (см.: *Эрмион [Греч Н.И.] Газетные заметки // Северная пчела. 1857. № 125*). По инициативе С.С. Уварова переводит и издает сочинение Э. Арндта «Глас истины».

Издает: «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творчестве писателей, которых труды помещены в сем собрании».

1813

30 марта

Получает должность секретаря Санкт-Петербургского цензурного комитета и оставляет должность учителя в Главном немецком училище.

Начинает издавать в качестве приложения к «Сыну Отечества» прибавления политического содержания (1–3 раза в неделю); приложение просуществует до середины 1818 года.

1814

В «Сыне Отечества» создан литературный отдел.

10 января

Переходит с должности смотрителя училищ на должность старшего учителя российской словесности в Санкт-Петербургской гимназии.

6 сентября

Рождение сына Алексея.

1815

Избран членом и секретарем масонской ложи «Избранный Михаил» (в 1817–1819 годах — наместный мастер ложи, в 1820–1821 годах — член 3-й степени) (см.: Серков 2001: 1065). В ложу входят многие его друзья и знакомые: Г.С. Батеньков, Н.А. Бестужев, А.Я. Ваксмут, Ф.П. Толстой, Ф.Н. Глинка, Р.М. Зотов и др.

2 января

На торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки читает «Обозрение русской литературы 1814 года».

4 ноября

Увольняется с должности секретаря Санкт-Петербургского цензурного комитета.

Публикует «Обозрение русской литературы 1814 года» в «Сыне Отечества» (№ 1–4).

1816

Конец года

Покупает у Ф. Дрекслера типографию; с 1817 года она действует под названием «Типография Николая Греча».

1817

Вместе с семьей проживает по адресу: Кирпичный пер., 3 (ныне — ул. Большая Морская, 13) (см.: ЛПТЭ 1994: 103; Гордин 1995: 103; Бройтман, Краснова 2005: 73, 151).

2 января

На торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки читает «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов».

13 января

Увольняется из Петербургской гимназии.

14 мая

Определен в Императорскую Публичную библиотеку на должность почетного библиотекаря, которая предполагает безвозмездное исполнение поручений.

14 мая — 17 октября

Предпринимает поездку во Францию и Германию с поручением «осмотреть знаменитейшие библиотеки в чужих краях» (Полевой 1855: 30); во время отсутствия Греча журнал «Сын Отечества» редактирует А.Е. Измайлов. В Германии знакомится с И.-В. Гёте и Л. Тиком, посещает Ф.-А.-Ф. Коцебу (кто-

рого знает с 1812 года); встречается с И.К. Борном, своим «первым другом в мире» (Греч 1930: 411) и вместе с ним совершает путешествие по Швейцарии. В Париже изучает ланкастерскую систему взаимного обучения, посещает одно из таких училищ.

Публикует «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 годов» в «Сыне Отечества» (№ 1–2).

Излагает впечатления от поездки во Францию и Германию в «Письмах издателя “Сына Отечества” к редактору» (см.: *Сын Отечества*. 1817. № 28, 29, 32, 34, 38, 39, 41, 42; 1819. № 1), «Записках о Париже» (см.: *Сын Отечества*. 1817. № 49, 50; 1818. № 34) и «Воспоминаниях о Германии» (см.: *Сын Отечества*. 1824. № 52).

1818

Вместе с Ф.Н. Глинкой, Ф.П. Толстым, А.Я. Ваксмутом и В.И. Григоровичем создает «Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», тесно связанное с «Союзом благоденствия», и занимается составлением учебных пособий и таблиц для преподавания, издает описание системы взаимного обучения (см.: Греч 1818).

14 января

Прикомандирован к военной Комиссии составления учебных пособий кантонистам поселенных войск.

18 февраля

Избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности.

30 марта

Избран членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Конец года

Начальник штаба Гвардейского корпуса Н.М. Сипягин поручает Н.И. Гречу создать центральную школу для обучения солдат Гвардейского корпуса.

Публикует в «Сыне Отечества» статьи «О произведениях русской словесности в 1817 году» (№ 1), «Ланкастерские школы» (№ 31–33; без подписи).

1819

Произведен в надворные советники.

1 апреля

Получает (по указанию императрицы Марии Федоровны) поручение устроить классы взаимного обучения в императорских Санкт-Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и управлять ими.

Публикует в «Сыне Отечества» «Ответ на письмо к г. редактору “Вестника Европы” [по поводу языка книги А.И. Галича “История философских систем”]» (№ 7) и рецензию на третье издание «Российской грамматики, сочиненной Императорской Российской академией» (№ 31–33).

Издает: «Руководство ко взаимному обучению»; «Учебная книга российской словесности или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности» (ч. 1).

1820

Начинают проходить еженедельные «четверги» Греча, «на коих, бывало, видишь и слышишь первых художников столицы» (Луганский 1834; см. также: Бурнашев 1871; Каллаш 1901); просуществовали до конца 1830-х годов.

Рождение сына Николая.

Январь

Открывает классы взаимного обучения в Санкт-Петербургском воспитательном доме и в Гатчинском воспитательном доме, в Училище для солдатских дочерей гвардейских полков, а также школу Вольного общества училищ взаимного обучения в доме купца Шабишева на углу Вознесенского и Садовой (Садовая ул., 55–57).

5 февраля

Знакомится с Ф.В. Булгариным (см.: Булгарин 1838: XII); вскоре они становятся друзьями.

27 апреля

Назначен директором полковых училищ Гвардейского корпуса.

8 июня

На заседании ВОЛРС прочитывается и одобряется сочинение Греча «Люди. Письмо к Ф.Н. Глинке».

Середина года

Приглашает А.Ф. Воейкова в качестве соредатора литературного отдела «Сына Отечества».

16–18 октября

Восстание в Семёновском полку. Полк расформирован, а у Александра I появляются подозрения, что семёновские события обусловлены либо влиянием масонов, либо воздействием взаимного обучения (хотя в Семёновском полку ланкастерская метода не применялась). По указанию императора за Гречем установлено наблюдение.

12 декабря

Умирает С.Д. Мюссар, «любезная» свояченица Н.И. Греча (см.: Греч 2002: 285).

Издаёт: «Учебная книга российской словесности...» (ч. 2, 3); «Таблицы для взаимного обучения чтению, письму и арифметике».

1821

Вместе с семьёй переезжает на Большую Морскую ул., 14 (ныне – Невский пр., 15) (см.: ЛППЭ 1994: 386). Начинают выходить «Литературные прибавления к “Сыну Отечества”» (будут издаваться по 1824 год).

11 января

Умирает И.К. Борн.

20 января

Уволен с должности директора полковых училищ Гвардейского корпуса «по случаю упразднения должности».

21 мая

Предпринимает попытку писать воспоминания, но «написал не более пяти страниц и остановился» (Греч 1930: 37).

Конец года

Заявляет А.Ф. Воейкову о прекращении сотрудничества с ним (чего тот не может простить до конца жизни и в своих изданиях постоянно нападает на Греча).

Публикует в «Сыне Отечества» «Замечания на письмо к редактору “Вестника Европы”...» (№ 21), представляющие собой ответ на критику изданной им «Учебной книги российской словесности».

1822*13 апреля*

Получает чин коллежского советника.

4 октября

Празднование десятилетия «Сына Отечества», где К.Ф. Рылеев знакомит Греча с Н.И. Тургеневым.

Сообщу средства, какими эти господа вербовали рекрут, в которых предполагали законный по ним рост. Однажды Рылеев сидел у меня вечером в кабинете один со мною и толковал о разных неинтересных предметах. <...>

— Вот, — сказал он, вперив в меня свои вечнодвижущиеся маленькие глаза. — Если бы вам открыли, что существует заговор против правительства, и пригласили бы в него вступить? А? Что бы вы сделали?

— Это решить нетрудно, — отвечал я хладнокровно и вовсе того не подозревая, что он говорит это с каким-либо намерением. — Я поступил бы с приятелем, как советовал граф Раstopчин поступать с французским шпионом: за хохол да и на съезжую.

Греч 1930: 117–118

Публикует в «Сыне Отечества» ответы на критические замечания на изданный им «Опыт краткой истории русской литературы» (№ 13, 19, 21, 37).

Издает: «Учебная книга российской словесности...» (ч. 4). Эта часть, представляющая собой первую попытку написать историю русской литературы, также публикуется отдельно (см.: Греч 1822).

1823

Произведен в коллежские советники.

Принят в члены С.-Петербургского Английского собрания (Английского клуба).

3 августа

Уволен от управления классами взаимного обучения.

Публикует в «Сыне Отечества» ответ (без названия) на критические выпады А.Ф. Воейкова в своей газете «Русский инвалид» (№ 37).

ИЗДАЕТ: «Корректурные листы русской грамматики: первая тетрадь».

1824

По доносу архимандрита Фотия Александру I Комитетом министров отданы под суд переводчики книги немецкого теолога и проповедника И.-Е. Госснера «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всём Новом Завете», а также одобрившие перевод цензоры и Н.И. Греч (как содержатель типографии, где печаталась книга). 11 мая Госснер выслан за границу.

Греч и Булгарин получают разрешение с 1825 года вместо изданий Греча («Сын Отечества», «Литературные приложения к “Сыну Отечества”») и изданий Булгарина («Северный архив» и приложения к нему «Литературные листки») выпускать совместно в качестве редакторов-издателей те же два журнала и «Северную пчелу» — единственную в это время в России частную газету, которая имела право печатать политические известия (поскольку соответствующий раздел был в «Сыне Отечества»).

24 апреля

Рождение дочери Александры; смерть дочери Ольги.

14 августа

По прошению уволен из училища солдатских дочерей гвардейских полков.

Публикует в «Сыне Отечества» статью «Нечто о нынешней русской словесности» (№ 2) и «Антикритику на замечания господина В[оейкова] <...> в № XX “Новостей литературы”, издаваемых при “Русском инвалиде”» (№ 25).

1825

Вместе с семьёй переезжает на новую квартиру: Исаакиевская пл., 3 (см.: ЛПШЭ 1994: 103).

Январь

Совместно с Булгариным начинает издавать газету «Северная пчела».

Весна—осень

Ожесточенная полемика Булгарина с издателем журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевым, в которой Греч поддерживает Булгарина, но в целом занимает примирительную позицию (см. его «Письмо к г. Полевому» в № 22).

Публикует в альманахе Булгарина «Русская Талия» (СПб., 1825) статью «Исторический взгляд на русский театр до начала XIX столетия», а в «Сыне Отечества» — статьи в защиту Булгарина от нападок А.Ф. Воейкова (№ 11, 17) и некролог поэту и переводчику В.И. Красовскому (№ 4)

1826

Начинает (вместе с Булгариным) издавать журнал «Детский собеседник», который будет выходить до 1828 года.

Середина мая

Дает большой обед в честь французского писателя Ф. Ансело; на обеде присутствуют: И.А. Крылов, Ф.В. Булгарин, А.Е. Измайлов, Ф.П. Толстой, О.М. Сомов и др.

1827

Июнь

На обеде у П.П. Свиньина встречается с А.С. Пушкиным.

21 ноября

Вместе с А.С. Пушкиным, О.И. Сенковским, О.М. Сомовым, М.Я. фон Фокком и другими лицами обедает у Булгарина.

6 декабря

Торжественный обед у Греча по поводу выхода в свет его «Практической русской грамматики» и «Пространной русской грамматики» (т. 1), приуроченный к его именинам. На нем присутствовали А.С. Пушкин, Ф.В. Булгарин и еще несколько десятков писателей и ученых.

Декабрь

За поднесенную императору «Практическую русскую грамматику» пожалован бриллиантовым перстнем.

Вместе с Пушкиным обедает у шведского посланника при русском дворе Н.Ф. Пальмшерны (см.: Черейский 1989: 118—119).

Издает: «Практическая русская грамматика» (за эту книгу избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук); «Пространная русская грамматика» (впоследствии выдержит одиннадцать переизданий).

1828

Январь

Процесс по делу Госснера завершается оправданием всех подсудимых.

25 марта

Совместно с Пушкиным посещает П.П. Свиньина.

22 апреля

Принят новый, более мягкий, цензурный устав, в разработке которого участвует Греч.

Публикует в «Сыне Отечества» некролог императрице Марии Федоровне (№ 17).

Издает: «Начальные правила русской грамматики» (сочинение не раз переиздавалось, с 10-го изд. — под названием «Краткая русская грамматика»).

1829

С начала года «Сын Отечества» объединен с «Северным архивом» и выходит теперь под названием «Сын Отечества и Северный архив».

Ф.-И. Рейф, хороший знакомый Греча, переводит его «Пространную русскую грамматику» на французский язык (см.: Reiff 1828).

Январь

Основывает «Журнал Министерства внутренних дел» и редактирует его в 1829—1830 годах.

15 февраля

Произведен в статские советники.

26 августа

Определен чиновником особых поручений Министерства внутренних дел по Хозяйственному департаменту.

1830

1 января

Начинает выходить «Литературная газета» (1830—1831) А.А. Дельвига и А.С. Пушкина, направленная против Греча и Булгарина.

Публикует цикл обращенных к Булгарину «Писем с Каменного острова в Карлово» (см.: Северная пчела. 1830. № 67...101*) и полемический ответ на критику со стороны «Литературной газеты» (см.: Сын Отечества. 1830. № 14).

1831

Приобретает дом на Набережной реки Мойки, 83; дом не сохранился (ср.: Гордин 1995: 386; Васильева 2004: 218; Иванов 2009: 175—176).

19 февраля

Причислен к Канцелярии министра внутренних дел с назначением состоять при министре (без жалования).

10 июня

Отправляет письмо попечителю Московского учебного округа С.М. Голицыну с жалобой на выпады Н.И. Надеждина против Ф.В. Булгарина в московском журнале «Телескоп» (1831. № 9). Голицын пересылает письмо в Московский цензурный комитет, откуда приходит ответ с доводами о безосновательности утверждений Греча и просьбой передать этот вопрос на решение министру народного просвещения К.А. Ливену. Ливен докладывает о письме Николаю I, а тот 29 июля распоряжается:

<...> призовите его (Греча. — *Е.М., А.Р.*) к себе, вымойте голову и объясните, что ежели впредь осмелится дерзко писать, то вспомнил бы, что журналисты сиживали уже на гауптвахтах и что за подобные дерзости можно и под суд отдать.

Цит. по: Стасов 1903: 324

Начало июля

Выступает в печати в защиту Булгарина (см.: Сын Отечества. 1831. № 27), на что А.С. Пушкин откликается двумя памфлетами, направленными против Греча и Булгарина: «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Ан

* Здесь и далее при указании на цикл статей стоит многоточие, если статьи печатались с перерывами.

фимович Орлов» (см.: Телескоп. 1831. № 13) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (см.: Телескоп. 1831. № 15).

Публикует в «Северной пчеле» (№ 5) статью «Письмо родственнику на походе».

Издает: «Поездка в Германию. Роман в письмах» (в 2 ч.).

1832

Знакомится с В.И. Далем.

Благодарная память о Николае Ивановиче живет во мне с 1832 года, когда впервые его увидел. Он первый, если не один, ободрил меня <...> и сказал с убеждением: «Трудитесь, работайте, не уступайте, направление ваше доведет вас до самостоятельного труда».

Письмо В.И. Даля к Е.И. Греч от 9 июля 1867 года;
цит. по: ИРЛИ. Ф. 590. № 221. Л. 1.

19 февраля

Обед литераторов по случаю переезда книжной лавки А.Ф. Смирдина в новое помещение; на обеде присутствуют: А.Ф. Воейков, П.А. Вяземский, Ф.В. Булгарин, Н.В. Гоголь, Н.И. Греч, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, В.Ф. Одоевский, П.А. Плетнёв, А.С. Пушкин, Е.Ф. Розен и др.

Март

Умирает Елизавета Ивановна Ваксмуг, младшая сестра Греча.

Март—июнь

Переговоры Греча и Булгарина с издателем А.Ф. Смирдиным о передаче ему «Северной пчелы» и «Сына Отечества и Северного архива» (с тем чтобы Греч и Булгарин остались лишь редакторами), которые не завершились успехом (см.: Рейтблат 2016: 338).

Конец мая

Переговоры Пушкина с Гречем о редактировании Гречем газеты «Дневник», на издание которой Пушкин получил разрешение (см.: Пиксанов 1907).

Конец августа

Продолжение переговоров Пушкина с Гречем, теперь уже о совместном издании газеты.

2 сентября

Пушкин посещает Греча и просит передать ему «Сын Отечества».

4 сентября

На новой встрече с Гречем Пушкин заявляет, что передумал и хочет все-таки издавать газету совместно с Гречем и печатать у него в типографии. Из-за несогласия Булгарина на этот альянс Греч отвечает отказом, и Пушкин в середине ноября отказывается от своих издательских планов.

Начало ноября

Присутствует по приглашению директора императорских театров С.С. Гагарина на чтении новых пьес (совместно с Н.И. Гнедичем, А.А. Шаховским и переводчиком пьес Д.Н. Барковым).

Публикует в «Северной пчеле» статью «Письмо к В.А. Ушакову» с описанием обеда литераторов 19 февраля (№ 45).

Издает: «Практические уроки русской грамматики»; «Ключ к практическим урокам русской грамматики».

1833

Совместно с О.И. Сенковским начинает редактировать журнал «Библиотека для чтения».

3 февраля

Присутствует на похоронах Н.И. Гнедича, который в 1820-х годах публиковался в «Сыне Отечества».

19 февраля

Присутствует на литературном обеде в книжной лавке А.Ф. Смирдина с участием Булгарина, Пушкина и др. писателей.

23 мая – вторая половина июня

Совершает поездку в Москву, где встречается с С.Н. Глинкой, И.И. Дмитриевым, М.Т. Каченовским, Н.И. Надеждиным, М.П. Погодиным, Н.А. Полевым, В.А. Ушаковым, С.П. Шевырёвым, П.И. Шаликовым, книгопродавцем А.С. Ширяевым и др. (см.: Греч 1833б: № 124, 142).

Публикует статьи «О Своде законов Российской империи» (см.: Северная пчела. 1833. № 49; без подписи, об авторстве Греча см.: Рейтблат 2016: 355) и «Выставка 1833 года» (см.: Северная пчела. 1833. № 111–115).

1834

16 марта

Издатель А.А. Плюшар предлагает Гречу стать главным редактором Энциклопедического лексикона; на совещании в квартире Греча, посвященном предстоящему изданию, присутствует более ста ученых и писателей, в том числе А.С. Пушкин.

16 декабря

В Прибавлении (№ 10) к «Северной пчеле» содержание впервые поставленной в этот день в Петербурге оперы Дж. Мейербера изложено по французским газетам, хотя в России она, по указанию императора, игралась в значительно измененном виде. После этого Николай I «велел сказать <...>, что еще один такой случай – и Греч будет выслан из столицы» (Никитенко 1955–1956/1: 166).

ИЗДАЕТ: «Черная женщина: роман» (в 4 ч.; с посвящением В.А. Ушакову).

1835

Изданы первые четыре тома Энциклопедического лексикона под редакцией Греча.

Январь

В последнем томе «Библиотеки для чтения» за 1834 год в переводе стихотворения В. Гюго усмотрено неуважение к религии; в наказание за это цензор А.В. Никитенко по распоряжению императора восемь дней проводит на гауптвахте, после чего Греч отказывается от редактирования журнала.

20 июня – 18 августа

Совершает поездку в Берлин и Гамбург.

ИЗДАЕТ: «Биография Императора Александра I».

1836

Изданы еще два тома Энциклопедического лексикона.

26 июня

Переходит из Министерства внутренних дел в Министерство финансов членом общего присутствия Департамента мануфактур и внутренней торговли (без жалованья). Вскоре после этого командировается за границу (Англия, Франция, Германия) с поручением осмотреть технологические и ремесленные учебные заведения (см.: Полевой 1855: 32); в Германии встречается с писателями Т. Мундтом и Э. Раупахом, лингвистом Ф. Бошпом, географами К. Риттером и Г.-В.-Г. Эрманом, астрономом Ф. Бесселем и др.

Конец сентября

Приглашен в III отделение: в статье о Бонапарте в Энциклопедическом лексиконе император нашел «предосудительные места» и приказал разыскать автора и наказать его. Статья являлась переводом, но Греч скрывает имя переводчика и берет ответственность на себя; в итоге ему делают предупреждение (см.: Греч 1930: 605–606).

Конец сентября — начало октября

П.А. Корсаков временно (из-за отсутствия А.Ф. Шенина, помощника Греча по редактированию) заведует редакцией Энциклопедического лексикона; по его распоряжению в седьмом томе печатается перевод статьи «18 брюмера». В конце сентября Греч отправляет письмо попечителю Петербургского учебного округа М.А. Дондукову-Корсакову (брату П.А. Корсакова), в котором сообщает, что «статья эта неблагонамеренная, либеральная и вредная для России, потому что в ней говорится о революциях и конституциях» (Никитенко 1955–1956/1: 186). Однако 7 октября он получает ответ, что Петербургский цензурный комитет не нашел в статье ничего предосудительного и что она одобрена министром (см.: Греч 1930: 604–611).

12 октября

Пишет письмо Пушкину с похвалами стихотворению «Полководец»; на следующий день Пушкин посылает ответное письмо с благодарностью за высокую оценку произведения.

4 декабря

На праздновании именин жены Греча и дня рождения дочери Софьи присутствует Пушкин.

30 декабря

Посещает годичный акт в Академии наук. Встретив там Пушкина, выражает ему восхищение «Капитанской дочкой».

Публикует в «Северной пчеле» (№ 234) заметку, в которой сообщает о прекращении участия в издании Энциклопедического лексикона; в «Библиотеке для чтения» (т. 6) — рассказ «Отсталое. Будущая повесть».

Издано: *Grech N.I. Biographie de l'empereur Alexandre I / Trad. André Bodisco. Stockholm, 1836* (перевод биографии Александра I на французский язык).

1837

Вместе с военным историком, генерал-лейтенантом Л.И. Зедделером начинает издавать Военный энциклопедический лексикон и становится его редактором (до 1840 г.). К работе над первыми пятью томами Лексикона привлечен А.Н. Греч.

26 января

В возрасте 17 лет умирает сын Николай (похоронен на лютеранском Волковом кладбище).

Февраль

Греч получает строгий выговор от Бенкендорфа за слова в некрологе Л.А. Якубовича в «Северной пчеле» (№ 24): «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности» (см.: Никитенко 1955–1956/1: 196).

Апрель–июль

Совершает поездку за границу (Англия, Франция, Германия); вместе с С.И. Конрад (которая впоследствии переведет роман «Черная женщина» на французский язык) посещает Версаль, Марли, Фонтенбло. Встречается с П.-Ш.-М. де Талейраном, писателями Фр.-А. Лёве-Веймаром, В. Гюго, Ш. Нодье, В.-Э.-Ф. Шалем, А.-Ж.-Б. Карром, Л. Жюно (герцогиней д'Абрантес), критиком Ш.-О. Сент-Бёвом, историками Ф.-П.-Г. Гизо и А.-Ф. Вильменом, публицистом Н.-А. де Сальванди, ирландским поэтом Т. Муром, испанским политическим деятелем М. Годоем. Вместе с историком С.М. Строевым посещает в Реймсе инженера Друане (который участвовал в проектировании газового освещения Зимнего дворца), писателя и философа барона

Ф. Экштейна. В Потсдаме встречается с А. фон Гумбольдтом, посетившим в 1829 году Санкт-Петербург (см.: Греч 1837: 220).

В Германии опубликовано сочинение немецкого критика и писателя Г. Кёнига «Литературные картины России» (см.: König 1840), написанное со слов русского литератора Н.А. Мельгунова и содержащее резкие критические отзывы о Грече и Булгарине.

Излагает впечатления от поездки за границу в «Путевых письмах» (см.: Северная пчела. 1837. № 114...249; 1838. № 23, 24, 231–233) и в статье «Заграничные театры» (см.: Сын Отечества и Северный Архив. 1838. Т. 1).

В Лейпциге публикуется перевод романа «Черная женщина» на немецкий язык (см.: Gretsch 1837).

ИЗДАЕТ: «28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию, 1835» (2-е изд. – 1838).

1838

Греч и Булгарин заключают договор с А.Ф. Смирдиным о том, оставаясь формальными издателями и редакторами, они с января 1838 г. отдают ему в аренду «Северную пчелу» и «Сын Отечества и Северный архив» за 60 тыс. рублей ассигнациями в год каждому (редактировать журналы должен был Н.А. Полевой, за исключением отдела политики, остающегося в ведении Греча). «Северную пчелу» Греч и Булгарин через несколько месяцев возвращают под свой полный редакторский контроль; «Сын Отечества и Северный архив» в 1838–1840 годах редактировал Н.А. Полевой.

По прошению переведен с должности члена общего присутствия Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов на неоплачиваемую должность чиновника особых поручений министра финансов. В течение года издает и редактирует ежемесячный журнал «Новое детское чтение».

18 сентября

По ходатайству министра финансов Е.Ф. Канкрин получает чин действительного статского советника.

Опубликован перевод романа «Черная женщина» на французский язык (см.: Gretsch 1838).

Издает: «Литературные пояснения: о “Библиотеке для чтения”»; «О четырнадцатом томе Энциклопедического лексикона, изданном О.И. Сенковским (прибавление к “Северной пчеле”)»; «Сочинения Николая Греча» (в 5 ч.); «Учебная всеобщая география» (в 3 ч.).

1839

Прикомандирован на месяц к Комитету для устройства выставки отечественных изделий.

1 декабря

Начинаются публичные чтения Греча о русском языке (будут проходить еженедельно по пятницам до 29 марта 1840 года).

Публикует в «Северной пчеле» воспоминания «Начало “Сына Отечества”» (№ 28, 29) и статью «Жан-Поль» (№ 85), а в альманахе «Новогодник» — «Воспоминания юности».

Издает: «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (в 3 ч.).

1840

Гречу дается право получать газеты, не пропускаемые иностранной цензурой, для опровержения заграничных толков о России.

Публикует в «Северной пчеле» статьи, содержащие критику языка и правописания современных изданий: «Литературное пояснение» (№ 19) и «Нынешняя орфография» (№ 34, 35).

Издает: «Чтения о русском языке».

1841

Начинает издавать и редактировать ежемесячный журнал «Русский вестник» (просуществует до 1844 года; в редактировании принимали участие Н.В. Кукольник и Н.А. Полевой). В конце года передает журнал Н.А. Полевому, формально оставаясь его издателем и редактором.

Январь—апрель

Переносит тяжелую болезнь.

10 мая — вторая половина октября

Путешествует по Германии (с остановкой на лечение в Эмсе), Швейцарии и Италии; во время поездки встречается с немецкими писателями И.-К.-А. Левальдом и Г. Цюкке.

В Риме встречается с художником А.А. Ивановым.

Публикует в «Северной пчеле» (№ 117...265) путевые впечатления в «Письмах с дороги»; в «Русском вестнике» — статью «Взгляд на произведения литературы русской, французской и немецкой в 1840 году» (т. 1); в «Северной пчеле» (№ 243) — «Письмо из Рима Ф.В. Булгарину» о работах русских и иностранных скульпторов и живописцев, вызвавшее негативную реакцию А.А. Иванова.

1842

Сентябрь

Начинает преподавать русский язык «в верхнем классе Пажевского Его императорского величества корпуса, не поступая на службу и не получая жалованья» (Полевой 1855: 33).

Публикует в «Северной пчеле» (№ 137) негативный отзыв о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»; в «Русском вестнике» (Т. 1) — очерк «Венеция».

1843

30 апреля

Уволен с государственной службы по прошению.

20 мая

Вместе с женой, тремя дочерьми и сестрой уезжает в путешествие по Дании, Германии, Голландии, Бельгии, Франции, а затем долго живет в Париже (по апрель 1844 года). Встречается с В. Гюго, Ш. Нодье, П. де Коком; в Эмсе — с В.А. Жуковским и Н.В. Гоголем.

Излагает путевые впечатления в «Письмах с дороги» (см.: Северная пчела. 1843. № 124...217) и «Парижских письмах» (см.: Северная пчела. 1843. № 218...292; 1844. № 2...65).

Издает: «Руководство к изучению русской грамматики»; «Ключ к решению задач, содержащихся в “Руководстве к изучению русской грамматики”»; «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (в 3 т.); «Справочное место русского слова: четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы “ять”» (2-е изд., пересмотр. и доп.)

1844

Опубликовано сочинение Ф.И. Буслаева, содержащее принципиальную критику подходов Н.И. Греча и А.Х. Востокова к преподаванию русского языка (см.: Буслаев 1844).

Июнь—сентябрь

Безуспешно хлопочет в III отделении о получении разрешения печатать объявления в «Северной пчеле».

3 октября

Отправляется с семьей в Германию и Францию, а потом долго живет в Париже.

Декабрь

А.Н. Греч женится на Эмилии Федоровне Тимм, бывшей жене К.П. Брюлова и сестре художника В.Ф. Тимма.

Излагает путевые впечатления в публикациях «Дорожная всякая всячина» (см.: Северная пчела. 1844. № 247–249, 261–263), «Из Парижа» (см.: Северная пчела. 1844. № 276, 277) и «Парижские письма» (см.: Северная пчела. 1844. № 281–285; 1845. № 1...280; 1846. № 1...101).

Выпускает с согласия III отделения за рубежом опровержение книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» на французском и немецком языках (см.: Gretsch 1844a; Gretsch 1844b).

1845

Н.И. Греч вместе с семьей проживает в Париже.

1846

12 июня

Возвращается из зарубежной поездки.

Публикует в «Северной пчеле» «Воспоминания о графе Е.Ф. Канкрине» (№ 14—16) и рецензию на «Воспоминания Фаддея Булгарина» (№ 147).

Издает: «Русская азбука».

1847

9 августа

Подает прошение о разрешении передать свою долю в издании «Северной пчелы» сыну Алексею.

14 августа

Министр народного просвещения отвечает Гречу согласием.

16 августа

Отправляется в поездку во Францию, проживает в Париже.

Конец года

Конфликт с Булгариным.

В конце 1847 года, когда мне минуло шестьдесят лет, вздумал я сложить с себя бремя издания «Северной пчелы» и передать мои права сыну моему Алексею. Для этого обратился я с просьбой о позволении на сию передачу к министру просвещения графу Уварову и шефу жандармов А.Ф. Орлову и получил от них письменное на то согласие. Засим написал я о том к Булгарину, который тогда находился в Дерпте, в твердом уповании, что и он согласится, но я ошибся в расчете: он <...> не хотел признать в сыне моем равного себе, требовал себе звания главного редактора и, в случае моей смерти и перехода половины «Пчелы» в полное обладание моего сына, уплаты ему (Булгарину) десяти тысяч рублей серебром. Видя такое непостижимое и дерзкое упорство, мы с сыном решились оставить дело в прежнем положении.

Греч 1930: 723

Излагает путевые впечатления в публикациях «Допарижские письма» (см.: Северная пчела. 1847. № 199, 211), «Парижские письма» (см.: Северная пчела. 1847. № 220...290; 1848. № 3...43) и «Путевые заметки» (см.: Северная пчела. 1848. № 85, 86).

Издает: «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии».

1848

Конец марта

Возвращается в Петербург из зарубежной поездки.

Публикует в «Северной пчеле» (№ 257) рецензию на книгу П.А. Вяземского «Фон Визин».

ИЗДАЕТ: «Латинский самоучитель: руководство к скорому и легкому изучению латинского языка» (в 2 т.)

1849

Возобновляет работу над воспоминаниями «Записки о моей жизни».

1850

Март

Умирает сын Алексей.

16 марта

Умирает младший брат Павел; похоронен на Волковом кладбище*. Греч публикует ему некролог (см.: Греч 1850).

Публикует в «Северной пчеле» (№ 88, 89) статью «Стратегическое движение генерала Линдерса от Сегесвара к Германштадту» (о подавлении русскими войсками венгерского восстания 1849 года).

1851

ИЗДАЕТ: «Жизнеописание Василия Михайловича Головнина: разные сведения о роде его и собрание старинных фамильных актов дворян Головнинных»; «Руководство к преподаванию по учебной русской грамматике (для учащихся)»; «Учебная русская грамматика (для учащихся)».

* См.: Извещение о похоронах П.И. Греча 16 марта 1850 г. // ИРЛИ. Ф. 590. № 220. Л. 1.

1852*2–10 июня*

Совершает поездку в Москву (попутчиком был П.И. Мельников-Печерский). Встречается с А.Ф. Вельтманом, М.Н. Загоскиным, М.П. Погодиным; осматривает Кремль, Оружейную палату, посещает Английский клуб.

Публикует в «Северной пчеле» статью «Поездка в Москву» (№ 157–160).

ИЗДАЕТ: «Задачи учебной русской грамматики»; «Начальная русская грамматика».

1853

Посещает литературные понедельники Ф.Н. Глинки (который в 1853–1856 годах живет в Петербурге).

9 мая – сентябрь.

Совершает поездку в Германию, Францию и Австрию.

Публикует в «Северной пчеле» путевые впечатления в «Письмах с дороги» (№ 115...273).

ИЗДАЕТ: «Театрал. Карманная книжка для любителей театра».

1854

Удостоен звания почетного члена Императорской Публичной библиотеки.

27 декабря

Празднование пятидесятилетия литературной деятельности Греча, «первое в своем роде в России, после юбилея, данного в 1838 году И.А. Крылову» (Полевой 1855: 1). Торжество проходит в здании Первого кадетского корпуса, во Дворце Меншикова; на праздновании присутствует триста семнадцать человек, приобретших входные билеты. По воле императора Н.И. Гречу была преподнесена серебряная вызолоченная ваза работы известного скульптора-серебряника И.П. Сазикова (см.: Там же: 2).

Восемнадцатого июня 1855 года Н.А. Добролюбов сообщал М.И. Благобразову:

Я написал пасквиль («На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча». — *Е.М., А.Р.*) на случай его юбилея, и стишки разошлись по городу весьма быстро. Их читали на литературных вечерах, их хвалили профессора наши, не зная еще автора <...>.

Добролюбов 1934–1941/6: 743

1855

Разрывает отношения с Булгариньм; бывшие друзья «перестали видаться и говорить друг с другом» (Усов 1883: 320).

Некролог Греча Николаю I под названием «18 февраля 1855 года», начиншийся словами «Плачь, русская земля! Не стало у тебя отца...» (см.: Северная пчела. 1855. № 39), служит поводом для анонимного письма, посланного ему Н.А. Добролюбовым (под псевдонимом Анастасий Белинский). Н.И. Греч жалуется управляющему III отделением Л.В. Дубельту; начинается следствие, которое ни к чему не приводит.

Начинает писать «Воспоминания старика».

13 сентября — 5 октября

Совершает поездку за границу (в частности, посещает Австрию и Германию).

Издает: «Черная женщина» (в 3 ч.; изд. третье); «Сочинения Николая Греча» (в 3 т.).

1856

Публикует в «Морском сборнике» (№ 7) статью «Заметки о преподавании русского языка и словесности», которая вызывает полемические отклики Ф.И. Буслаева (см.: О преподавании русского языка и словесности // Отечественные записки. 1856. № 12) и А.Д. Галахова (см.: Мнение о статье г. Греча «Заметки о преподавании русского языка и словесности» // С.-Петербургские ведомости. 1856. № 266–268; Дополнительные объяснения г-ну Гречу // Отечественные записки. 1857. № 4); в «Северной пчеле» публикует рецензию на повесть А.П. Глинки «Графиня Полина» (№ 30) и статью «Литературные заметки» (№ 101) о ее творчестве.

Издает: «Рассмотрение книги: Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением имп. Академии наук. Изд. 3-е. СПб., 1854» с критикой книги И.И. Давыдова; в ответ Давыдов публикует «Записку о книге “Рассмотрение опыта общесравнительной грамматики русского языка”» (см.: С.-Петербургские ведомости. № 263–264), после чего Греч печатает «Ответ автору “Общесравнительной грамматики русского языка”» (см.: Северная пчела. 1857. № 7–8).

1857

Участвует в чествовании Я.И. Ростовцева (см.: Лебедев 1857).

Печатает в «Северной пчеле» под псевдонимом Эрмион фельетонный цикл (включающий в том числе воспоминания) «Газетные заметки» (№ 68...285).

1858

Публикует рассказ «Первая любовь Виланда» в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти <...> книгопродавца-издателя А.Ф. Смирдина» (т. 1).

Продолжает печатать в «Северной пчеле» фельетонный цикл «Газетные заметки» (№ 4...285), в том числе в № 236 пишет о «ничтожности современной литературы» и о «благодетельной пользе цензуры».

1859

20 мая

Булгарин продает свои права на издание и редактирование «Северной пчелы» многолетнему секретарю редакции газеты П.С. Усову, после чего Греч передает последнему свои редакторские права (с тем, что редактором газеты он станет в следующем году). Кроме того, Греч предоставляет Усову свою типографию с правом нанимать работников.

Продолжает печатать в «Северной пчеле» фельетонный цикл «Газетные заметки» (№ 3...226).

Издает: «Русская грамматика первого возраста: ученическая»; «Русская грамматика первого возраста: учительская».

1860

Начинается публикация воспоминаний Греча (см.: Отечественные записки. 1860. № 7; Полярная звезда. 1860. Кн. 7, вып. 2), которые позже будут изданы под названием «Записки о моей жизни».

Издает: «Замечания на книгу “Опыт русской грамматики К. Аксакова”»; «Воспоминание о Дмитрие Максимовиче Княжевиче».

1861

Умирает жена Греча В.Д. Мюссар. Греч женится; его супругой становится Евгения Ивановна Швидковская (1811–1885).

1862

Опубликованы «Выдержки из записок одного декабриста» без указания автора (см.: Греч 1862). По предположению Н.Я. Эйдельмана, рукопись была передана через мужа дочери декабриста А.Ф. Бриттена.

1863

Получает чин тайного советника.

1864

В последние годы жизни помогает В.И. Далю в работе над «Толковым словарем живого великорусского языка».

Публикует предисловие к роману В.С. Миклашевич «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (см.: Миклашевич 1864) и некролог «Памяти Александра Христофоровича Востокова» (см.: Весть. 1864. № 15).

1865

Переезжает в другую квартиру: Гороховая ул., 18.

1866*28 марта*

Запись в «Дневнике» А.В. Никитенко:

Утром был у Греча. Ему уже 80 лет, но он еще довольно бодр духом, с замашками на прежнее остроумие. Жалуется на слабость ног. Его теперь содержит жена, Евгения Ивановна, которая сделана инспектрисою института глухонемых <...>.

Никитенко 1955–1956/3: 21

ИЗДАЕТ: «О способах охранения народного здоровья (мнение постороннего, предлагаемое земским собраниям и управам)».

1867*12 января*

Умирает в Санкт-Петербурге; похоронен на Волковом лютеранском кладбище. На похоронах присутствуют: поэт и переводчик А.Н. Струговщиков, цензор А.В. Никитенко, государственные деятели и литераторы братья А.М. и В.М. Княжевичи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЕССАЛОМОВА 1959

Авессаломова Г.С. Новелла Проспера Мериме «Видение Карла XI» // Ученые записки ЛГУ. Серия «Филологические науки». 1959. Вып. 54. № 276. С. 82–95.

АКВ 1870–1895

Архив князя Воронцова: В 40 кн. / Ред. П.И. Бартнев. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1870–1895.

АКИМОВА 2006

Акимова Н.Н. Пространство и время в русском беллетристическом романе первой трети XIX века (Н.И. Греч «Черная женщина») // XI Пушкинские чтения: материалы международной научной конференции, 6 июня 2006 года / Под ред. В.Н. Скворцова. СПб.: Издательство ЛГУ, 2006. Т. 1. С. 11–16.

АЛЕКСЕЕВ 1944

Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки Ленинградского университета. Серия «Филология». 1944. Вып. 9. № 72. С. 77–137.

АНАНЬИЧ 1991

Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991.

АНИКИН 2007–2019

Аникин А.Н. Русский этимологический словарь: В 13 вып. (издание продолжается). М.: Языки славянских культур, 2007–2019.

АННЕНКОВ 1984

Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / Подгот. текста и коммент. А.А. Карпова. М.: Современник, 1984. (Библиотека «Любителям русской словесности»).

АРХАНГЕЛЬСКИЙ 1916

Архангельский А.С. Введение в историю русской литературы. Пг.: Типо-литография акционерного общества «Самообразование», 1916. (История литературы как наука).

БАГНО 1988

Багно В.Е. Дорогами Дон Кихота. М.: Книга, 1988.

БАГНО 2009

Багно В.Е. Дон Кихот в России и русское донкихотство. СПб.: Пушкинский дом: Наука, 2009.

БАЛЬТАСАР 1741

Бальтасар Грасиан-и-Моралос. Придворный человек / С французского на русский язык переведен Канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб.: При Академии наук, 1741.

БАЛЬТАСАР 1984

Бальтасар Г. Карманный оракул. Критикон / Изд. подгот. Е.М. Лысенко, Л.Е. Пинский. М.: Наука, 1984. (Литературные памятники).

БАРОНИЙ 1719

Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские / Пер. на ц.-слав. яз. М.: Печатный двор, 1719.

БЕЛИНСКИЙ 1953—1959

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953—1959.

БЕЛОВИНСКИЙ 1995

Беловинский Л.В. История русской материальной культуры: учебное пособие. М.: Издательство МГУК, 1995.

БЕРЕЗОВСКИЙ 2002

Березовский Б.А. Филармоническое общество Санкт-Петербурга. История и современность. СПб.: КультИнформПресс, 2002.

БЕРКОВСКИЙ 2002

Берковский Н.Я. Лекции и статьи по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, 2002. (Academia).

БЕСТУЖЕВ 1991

Письмо А.А. Бестужева к А.А. Андрееву от 9 апреля 1831 г. // Письма [А.А. Бестужева] // Декабристы: Эстетика и критика / Сост. и примеч. Л.Г. Фризмана; подгот. текста и вступ. статья Г.Г. Назарьяна, Л.Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991. С. 194–195. (История эстетики в памятниках и документах).

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ 1995

Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести / Изд. подгот. Ф.З. Казунова. М.: Наука, 1995. (Литературные памятники).

БИЛЬБАСОВ 1893

Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // Русская старина. 1893. Т. LXXX. Вып. 10. С. 1–37.

БОБОРЫКИН 1895

Боборыкин П.Д. Английское влияние в России // Северный вестник. 1895. № 10. С. 177–185.

БОГДАНОВ 2005

Богданов К.А. Магнетизм и черепословие // Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. С. 178–196.

БОГОЯВЛЕНСКИЙ 1980

Богоявленский Н.А. Лекарь // Большая медицинская энциклопедия / Глав. ред. академик Б.В. Петровский. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 12. С. 531–532.

БОНДАРЕВА 1995

Бондарева Н.А. Дон и Петербургская Академия художеств // Возрождение казачества: история и современность. Сборник статей к V Всероссийской (международной) научной конференции. Изд. 2-е, испр. и доп. Новочеркасск: Новочеркасский государственный технический университет, 1995. С. 127–131.

Бооль 1904

Бооль В.Г. Воспоминания педагога // Русская старина. 1904. Т. СХVII. Вып. 3. С. 615–630; Вып. 4. С. 111–123.

БРАНДНЕР 2000

Бранднер А. Всеобщие философские грамматики в России // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university. Brno, 2000. Vol. 49. Iss. A48. P. 147–154.

БРАНДТ 1853

Брандт Л.В. Заметки и воспоминания о русской журналистике двадцатых и тридцатых годов // Пантеон. 1853. № 7. Паг. IV. С. 7.

БРОЙТМАН, ДУБИН 2003

Бройтман Л.И., Дубин А.С. Улица Чайковского. М.; СПб.: Центрполиграф: МиМ-Дельта, 2003.

БРОЙТМАН, КРАСНОВА 2005

Бройтман Л.И., Краснова Е.И. Большая Морская улица. М.; СПб.: Центрполиграф: МиМ-Дельта, 2005.

БРОНЕВСКИЙ 1908

Броневский В.Б. Из воспоминаний // Русская старина. 1908. Т. СXXXIV. Вып. 6. С. 545–555.

БСП 2016

Благотворительность в Санкт-Петербурге, 1703–1918: историческая энциклопедия / Сост. А.П. Керзум, О.Л. Лейкинд, Д.Я. Северюхин; Фонд им. Д.С. Лихачёва. СПб.: Лики России, 2016.

БУЛАХОВ 1976—1978

Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды: библиографический словарь: В 3 т. Минск: Издательство Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина, 1976—1978.

БУЛГАРИН 1838

Булгарин Ф.В. К портрету Николая Ивановича Греча // Сочинения Николая Греча: В 5 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1838. Ч. 5. С. I—XX.

БУЛГАРИН 1846—1849

Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: В 6 ч. СПб.: М.Д. Ольхин, 1846—1849.

БУРАКОВ 2005

Бураков А. Фельдъегеря // Военно-исторический журнал «Рейгар». 2005. № 16. С. 198—214.

БУРАЧОК 1840

[*Бурачок С.*] Очерки из портфеля ученика натурального класса. Соч. Башуцкого // Маяк. 1840. Вып. 1. С. 176.

БУРНАШЕВ 1871

В.Б. [*Бурнашев В.П.*] Четверги у Н.И. Греча (из воспоминаний петербургского старожила) // Заря. 1871. № 4. С. 3—45.

БУСЛАЕВ 1844

О преподавании отечественного языка / Соч. Ф. Буслаева. М.: Университетская типография, 1844.

БУТУРЛИН 1901

Записки графа М.Д. Бутурлина. 1839 год // Русский архив. 1901. № 12. С. 384—471.

ВАСИЛЬЕВА 2004

Васильева И.Э. Греч Николай Иванович // Санкт-Петербург: энциклопедия / Науч. ред. Б.Ю. Иванов и др. М.; СПб.: РОССПЭН, 2004. С. 218.

ВАЦУРО 2002

Вацуро В.Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. (Философское наследие).

ВЕНГЕРОВ 1910

Венгеров С. Греч Николай Иванович // Источники словаря русских писателей: В 4 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. Т. 2. С. 102–106.

ВД 1908

Военные действия в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 году // Хронологический указатель военных действий русской армии и флота: В 5 т. СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1908–1913. Т. 1 (1908). С. 195–201.

ВИТЕЛЬ 1891–1893

Вигель Ф.Ф. Записки: В 7 ч. М.: В Университетской типографии, 1891–1893.

ВИДОК ФИГЛЯРИН 1998

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

ВИНОГРАДОВ 1958

Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: От Ломоносова до Потемнина и Фортунатова. М.: Издательство Московского университета, 1958.

ВИСКОВАТОВ 1832

Висковатов А.В. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб.: Печатано в военной типографии Главного штаба Его Императорского Величества, 1832.

ВИСКОВАТОВ 1854

Висковатов А.В. Николай Иванович Греч: биографический очерк. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854.

ВЛАДИМИРОВИЧ, ЕРОФЕЕВ 2009

Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д. Петербург в названиях улиц: Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. СПб.: АСТ: Астрель-СПб.: ВКТ, 2009.

ВЭ 1911–1915

Военная энциклопедия: В 18 т. / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912.

ВЯЗЕМСКИЙ 1990

Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.С. Немзера. М.: Художественная литература, 1990. (Забывтая книга).

ГАЛАХОВ 1836а

Галахов А.Д. Как прежде учили и как еще учат грамматике // Телескоп. 1836. Ч. XXXIII. № 11. С. 339–374.

ГАЛАХОВ 1836б

Галахов А.Д. [Рецензия на изд.:] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Издание второе. СПб., 1835 // Телескоп. 1836. Ч. XXXIV. № 13. С. 108–128; № 15. С. 248–274.

ГАЛАХОВ 1856

Галахов А.Д. Мнение о статье Н. Греча «Заметки о преподавании русского языка и словесности» (помещенной в № 7-м «Морского сборника» за 1856 г.) // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 266. С. 1498–1500; № 267. С. 1506–1507; № 268. С. 1511–1512.

ГАЛАХОВ 1857

Галахов А.Д. Дополнительные объяснения г-ну Гречу // Отечественные записки. 1857. Т. CXI. Отд. II. С. 89–119.

ГАЛАХОВ 1867

[*Галахов А.Д.*] Николай Иванович Греч: некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. 133. Отд. 3. С. 240–247.

ГАСПАРИ 1809

Новое всеобщее землеописание для употребления в училищах: первый курс, с принадлежащим к оному атласом, из 14 карт состоящим / Сочинение Адама Християна Гаспари, профессора Дерптского университета / Пер. с нем. Н. Гр. СПб.: Печатано в типографии Правительствующего Сената, 1809.

ГЕРИНГ 1973

Геринг А. Библиотека Первого кадетского корпуса // Военная быль. 1973. № 121. С. 15.

ГЕРЦМАН 1995

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. (Античная библиотека. Исследования).

ГОГОЛЬ 1952

Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) // Литературное наследство: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ред. А.М. Еголин, Н.Ф. Бельчиков, И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин. М.: Издательство АН СССР, 1952. Т. 58. С. 721—723.

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ 1870

Архив князя М.Н. Голенищева-Кутузова-Смоленского, 1745—1813, ныне принадлежащий правнуку его Ф.К. Опочнину. [Часть] III // Русская старина. 1870. Т. II. Вып. 11. С. 498—514.

ГОЛИЦЫН 1890

Заметки из воспоминаний князя Н.С. Голицына // Русская старина. 1890. Т. LXVI. Вып. 6. С. 706—712.

ГОЛОВИН 1870

Головин В.И. Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770—1870. Исторический очерк: Воспоминания. Список Старшин. Списки почетных членов и членов. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1870.

ГОРДИН 1995

Гордин А.М. Пушкинский век. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. (Былой Петербург: панорама столичной жизни).

Греч 1818

Ланкастерские школы: отрывок из путевых заметок издателя «Сына Отечества» [Н. Греча] // *Сын Отечества*. 1818. № 31–33.

Греч 1819

Руководство ко взаимному обучению / Изд. Н. Гречем. СПб.: В тип. издателя, 1819.

Греч 1822

[Греч Н.И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В тип. Н. Греча, 1822.

Греч 1827

Греч Н.И. О жизни и сочинениях Карамзина // «Северные цветы» на 1828 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1827. С. 186–204.

Греч 1828

Греч Н.И. [Ответ критикам] // *Северная пчела*. 1828. № 25. 28 февраля.

Греч 1832а

Греч Н.И. Ключ к практическим урокам русской грамматики. СПб.: Тип. издателя, 1832.

Греч 1832б

Греч Н.И. Практические уроки русской грамматики. СПб.: Тип. издателя, 1832.

Греч 1833а

Греч Н. Воспоминания // *Новоселье*. СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 409–435.

Греч 1833б

Греч Н. Поездка в Москву // *Северная пчела*. 1833. № 142. 27 июня. С. 567–568.

Греч 1833в

Греч Н.И. Эпизод из нового романа // *Комета Бельи: альманах на 1833 год* СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833. С. 334–357.

ГРЕЧ 1834

Греч Н.И. Черная женщина: роман: В 4 ч. / С посвящением В.А. Ушакову. СПб.: Тип. Н. Греча, 1834.

ГРЕЧ 1837

Греч Н.И. 28 дней за границею, или Действительная поездка в Германию, 1835. СПб.: Тип. Н. Греча, 1837. (2-е изд. — 1838).

ГРЕЧ 1838

Сочинения Николая Греча: В 5 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1838. (2-е изд. — 1855; 3-е — 1858).

ГРЕЧ 1839а

Греч Н.И. Воспоминания юности // Новогодник: Собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей / Изданный Н. Кукольниковом. СПб.: В типографии издателя «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара, 1839. С. 218—235.

ГРЕЧ 1839б

[*Греч Н.И.*] Начало «Сына Отечества» // Северная пчела. 1839. № 28, 29.

ГРЕЧ 1839в

Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции: В 3 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839.

ГРЕЧ 1839г

[*Греч А.Н.*]. Справочное место русского слова: Четыреста поправок. СПб.: [В типографии Н. Греча], 1839.

ГРЕЧ 1840

Греч Н.И. Чтения о русском языке / Соч. Николая Греча. СПб.: В тип. Н. Греча, 1840.

ГРЕЧ 1843а

Греч Н.И. Руководство к изучению русской грамматики. СПб.: Тип. Н. Греча, 1843.

Греч 1843б

Греч Н.И. Ключ к решению задач, содержащихся в «Руководстве к изучению русской грамматики». СПб.: [б. и.], 1843.

Греч 1843в

Греч Н.И. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии: В 3 т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1843.

Греч 1843г

[*Греч А.Н.*] Справочное место русского слова: Четыреста пятьдесят поправок с руководством к употреблению буквы «ять». 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. Н. Греча, 1843.

Греч 1844

Греч Н.И. Дорожная всякая всячина (окончание) // Северная пчела. 1844. № 249. 1 ноября. С. 994—995.

Греч 1846

Греч Н.И. Русская азбука. СПб.: Тип. В. Гаспера, 1846.

Греч 1847

Греч Н.И. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб.: П.И. Мартынов, 1847.

Греч 1850

Греч Н.И. Генерал-майор Павел Иванович Греч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1850.

Греч 1851а

Греч Н.И. Руководство к преподаванию по учебной русской грамматике: (Для учащихся). СПб.: Тип. Н. Греча, 1851.

Греч 1851б

Греч Н.И. Учебная русская грамматика: (Для учащихся). СПб.: Тип. Н. Греча, 1851.

Греч 1852а

Греч Н.И. Задачи учебной русской грамматики. СПб.: Тип. Н. Греча, 1852.

Греч 1852б

Греч Н.И. Начальная русская грамматика. СПб.: Тип. Н. Греча, 1852.

Греч 1855

Черная женщина: роман Николая Греча: В 3 ч. Изд. третье. СПб.: А. Смирдин, 1855. (Полное собрание сочинений русских авторов).

Греч 1859а

Греч Н.И. Русская грамматика первого возраста: ученическая. СПб.: Тип. Гаспера, 1859.

Греч 1859б

Греч Н.И. Русская грамматика первого возраста: учительская. СПб.: Тип. Гаспера, 1859.

Греч 1862

[*Греч Н.И.*] Выдержки из записок одного декабриста // Полярная звезда. 1862. Кн. VII. Вып. 2. С. 85–123.

Греч 1886

Греч Н.И. Записки о моей жизни. СПб.: А.С. Суворин, 1886.

Греч 1909

Письма Н.И. Греча, 1839, 1840 и 1857 гг. // Шукинский сборник. М.: Отделение Императорского Российского исторического музея им. императора Александра III: Музей П.И. Щукина, 1909. Вып. 8. С. 437–457.

Греч 1930

Греч Н.И. Записки о моей жизни / Текст по рукописи под. ред. и с коммент. [Р.В.] Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л.: Academia, MCMXXX [1930]. (Памятники литературного быта).

Греч 1960

Греч Н.И. Письма о Швейцарии (к А.Е. Измайлову) // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В.А. Архипов, В.Г. Ба-

занов, Я.Л. Левкович. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. (Литературные памятники). С. 78–104.

Греч 1990

Греч Н.И. Черная женщина // Три старинных романа: В 2 кн. / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. В.Ю. Троицкого. М.: Современник, 1990. Кн. 2. С. 5–318.

Греч 1997

Греч Н.И. Черная женщина [Часть I] // Страшное гадание: антология / Сост. Ю.М. Медведев. М.: Русская книга, 1997. (Библиотека русской фантастики. Т. 7). С. 281–374.

Греч 2002

Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002.

Греч, Булгарин 2016

Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. (Научная библиотека). С. 327–484.

Греч, Дубельт 1878

Сношения Греча с Дубельтом (из портфеля редактора) // Древняя и новая Россия. 1878. № 6. С. 264–265.

Греч, Дубельт 1922

Письма Л.В. Дубельта к Н.И. Гречу // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 194–197.

Грин 1995

Грин Ц.И. Греч Н.И. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь: В 4 т. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 1995. Т. 1. С. 175–178.

Грунский 1910

Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков: В 2 т. СПб.: Сенатская типография, 1910.

ДАВЫДОВА 2017

Давыдова К.В. Концепция истории в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3(20). С. 30–33.

ДАЛЬ 1912–1914

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 4-е изд., испр. и значит. доп., под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1911–1914.

ДАНИЛЕНКО 2009

Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. М.: Флинта: Наука, 2009.

ДЕБУ 1829

Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах: С 1816 по 1826 год. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829.

ДЕЙКИНА 1998

Дейкина А.Д. Великий учитель Федор Иванович Буслаев (К 180-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1998. № 3. С. 56–60

ДЕМИЧЕВА, АКСЕЛЬРОД 2002

Демичева Н.Н., Аксельрод В.И. Зодчие и строители дворца // Дворцы Невского проспекта. СПб.: Белое и черное, 2002. С. 106–111.

ДЕРЖАВИН 1864–1883

Державин Г.Р. Собрание сочинений: В 9 т. / С объяснительными примеч. и предисл. Я. Грота. СПб.: Имп. Академия наук, 1864–1883.

ДЕРЖАВИН 1957

Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. статья, подгот. и общ. ред. Д.Д. Благого; примеч. В.А. Западова. Л.: Советский писатель, 1957. (Библиотека поэта).

ДЖОНСОН 1798

Расселас, принц Абиссинский, восточная повесть. Сочинение славного доктора Джонсона: В 2 ч. / Пер. с аглинского [*sic!*]. М.: [б. и.], 1798.

ДЖОНСОН 1875

История Расселаса, принца Абиссинского С. Джонсона / В новом пер. с англ. Л-ы Б-вой. СПб.: Д. Фёдоров, 1875.

ДОБРОЛЮБОВ 1934—1941

Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.: Гослитгиздат, 1934—1941.

ДУВИН 2005

Дубин А.С. Фурштатская улица. М.; СПб.: Центрполиграф: МиМ-Дельта, 2005.

ДУБРОВИН 1900

Н.И. Греч и его журнал «Сын Отечества» / Сообщил Н. Д[убровин] // Русская старина. 1900. Т. СШ. Вып. 9. С. 568—571.

ЕГОРОВ 1965

Егоров Б.Ф. Простейшие семиотические системы и типология сюжетов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: [б. и.], 1965. Вып. 181. С. 106—116. (Труды по знаковым системам. Т. 2).

ЕГОРОВА 2007—2012

Егорова Т.Г. Санкт-Петербургский Воспитательный дом // Энциклопедия благотворительности. Санкт-Петербург / Фонд им. Д.С. Лихачёва; рук. проекта О.Л. Лейкинд. СПб., [2007—2012]. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/start.do> (дата обращения: 08.10.2020).

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ 1996

Екатерина Великая. Наставление к воспитанию внуков. М.: Фонд развития отечественного книгоиздания, 1996. (Тяжела ты, шапка Мономаха).

ЕЛЬНИЦКИЙ 1997

Е[льниц]кий А. Греч Николай Иванович // Русский биографический словарь: В 25 + 5 т. М.: Аспект Пресс, 1997. Дополнительные тома. Т. 2: Гоголь — Гюне. С. 437—444.

ЖУКОВСКИЙ 1999–2016

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки славянских культур, 1999–2016 (издание продолжается).

ЗАВЬЯЛОВА 2004

Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб, 1770–1918: очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

ЗАГОРОВСКИЙ 1902

Загоровский А.И. Об опеке над несовершеннолетними // Русская мысль. 1902. Кн. 4. С. 44–85.

ЗАГОСКИН 2014

Загоскин М.Н. Нежданные гости. М.: Директ-Медиа, 2014. (Художественная литература).

ЗДСК 1925

Записка о «Донесении Следственной комиссии» / Публ. Б.Л. Модзалевского // Декабристы: Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1925. С. 44–50.

ИВАНОВ 1863

Иванов П.И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. Приложение к Журналу Министерства юстиции. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1863.

ИВАНОВ 2008

Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. М.; СПб.: Центрполиграф, 2008.

ИВАНОВ 2009

Иванов А.А. Дома и люди: Из истории петербургских особняков. М.; СПб.: Центрполиграф, 2009.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК 1930

Иванов-Разумник Р.В. Н.И. Греч и его «Записки» // Текст по рукописи под ред. и с коммент. [Р.В.] Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л.: Academia, МСМХХХ [1930]. (Памятники литературного быта). С. 9–32.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК, ПИНЕС 1930

Иванов-Разумник Р.В., Пинес Д.М. Комментарии // Греч Н.И. Записки о моей жизни / Текст по рукописи под редакцией и с комментариями [Р.В.] Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л.: Academia, 1930.

ИЛЬЧЕНКО 2004

Ильченко Н.М. «Черная женщина» Н.И. Греча: К проблеме цветовой символики // Русская речь. 2004. № 2. С. 6–12.

ИЛЬЧЕНКО 2014

Ильченко Н.М. Итальянский миф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Русско-зарубежные литературные связи. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2014. Вып. 6. С. 93–101.

ИЛЬЧЕНКО 2015

Ильченко Н.М. Образ Белой Дамы в интерпретации русских романтиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 89–98.

ИЛЬЧЕНКО, КИСЕЛЁВА 2017

Ильченко Н.М., Киселёва Е.В. Роль эпиграфа к роману Н.И. Греча «Черная женщина» // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 140–144.

ИСГ 2010

Исторический словарь галлицизмов русского языка / Сост. Н.И. Епишкин. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.

КАЛЛАШ 1901

Каллаш В. Пушкин на литературном вечере у Греча // Русский архив. 1901. № 2.

КАМЕНСКАЯ 1991

Каменская М.Ф. Воспоминания / Подгот. текста, сост., вступ. статья и коммент. В.М. Боковой. М.: Художественная литература, 1991. (Забывая книга).

КАННАБИХ 1928

Каннабих Ю.В. История психиатрии. Л.: Государственное медицинское издательство, 1928.

КАНТЕМИР 1956

Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / Вступ. статья Ф.Я. Приймы; примеч. З.И. Гершковича. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта).

КАРАМЗИН 1797

Карамзин Н.М. Послание к Д***. В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность счастливой молодости // Карамзин Н.М. Мои безделки. Изд. второе. М.: В Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1797. Ч. 2. С. 73–74.

КАРАМЗИН 1964

Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. / Вступ. статья П. Беркова и Г. Макогоненко. М.; Л.: Художественная литература, 1964.

КАРАМЗИН 2006

Карамзин: pro et contra / Сост. и вступ. статья Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.

КАРПОВ 1992

Карпов А.А. Н.И. Греч // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь: В 6 т. (издание продолжается). М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 18–21.

КВЯТКОВСКИЙ 1966

Квятковский А.П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966.

КИБАЛОВА, ГЕРБЕНОВА, ЛАМАРОВА 1987

Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды / Пер. с чеш. И.М. Ильинской и А.А. Лосевой. Praga: Artiq, 1987.

КИРИКОВ, КИРИКОВА, ПЕТРОВА 2004

Кириков Б.М., Кирикова Л.А., Петрова О.В. Невский проспект: архитектурный путеводитель. М.; СПб.: Центрполиграф, 2004.

КИРСАНОВА 1995

Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX в.: опыт энциклопедии / Под ред. Т.Г. Морозовой, В.Д. Синюкова. М.: Большая российская энциклопедия, 1995.

КЛЕЙМЁНОВА 2002

Клеймёнова Р.Н. Вклад любителей российской словесности в изучение языка и фольклора. 1811–1830 // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб.: Златоуст, 2002. С. 83–85.

КОБАК, ПИРЮТКО 2011

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. СПб.: Центрполиграф, 2011.

КОВТУНОВА 1969

Ковтунова И.И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в.: пути становления соврем. нормы. М.: Наука, 1969.

КОЗЫРЕВА 1999

Козырева М.Г. Придворный банкир А. Раль // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 205–211.

КОМАШКО 2005

Комашко Н.И. «Всех скорбящих Радость», икона Божией Матери // Православная энциклопедия: В 75 т. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 707–717.

КОНОВАЛОВ 2012

Коновалов Э. Новый полный биографический словарь русских художников. М.: ЭКСМО, 2012. (Шедевры мирового искусства).

КОНСТАН 1831

Констан Б. Адольф / Пер. с фр. К. Вяземского. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1831.

КОРНЕЕВ 1996

Корнеев А.В. Греч Н.И. // Русские писатели, XIX век: библиографический словарь: В 2 ч. 2-е изд., дораб. / Под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1996. Ч. 2. С. 192–194.

КОРНЕЕВ, ЛИНЕЦКАЯ 1966

Корнеев Ю.Б., Линецкая Э.Л. Шамфор и его литературное наследие // Шамфор С.-Р.-Н. Максимы и мысли; Характеры и анекдоты / Изд. подгот. П.Р. Заборов, Ю.Б. Корнеев, Э.Л. Линецкая. М.; Л.: Наука, 1966. (Литературные памятники). С. 245–259.

КОРОТКОВА 2008

Короткова М.В. Традиции русского быга: энциклопедия. М.: Дрофа-плюс, 2008. (Исторический альбом).

КОЦЕБУ 1808

Леонтина. Сочинение Августа фон Коцебу: В 4 ч. / Пер. с нем. [Н.И. Греча]. СПб.: В типографии. Фр. Дрехслера, 1808.

КОЦЕБУ 1809

Фараонова дочь: в 1 действии / соч. Коцебу; пер. с нем. Н. Греч. СПб.: В типографии Иверсена, 1809.

КРОТКОВ 1901

Кротков А.С. Морской кадетский корпус: краткий исторический очерк. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1901.

КУЛАКОВА 2011

Кулакова И.П. О халате как атрибуте интеллектуального быга россиян XVIII – первой половины XIX века // Новое литературное обозрение. Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Весна 2011. № 19. С. 11–35.

ЛАГАРП 1967

Лагарп Ж.-Ф. Пророчество Казотта / Пер. с фр. А.Л. Андрес // Уолпол. Казот. Бекфорд. Фантастические повести / Изд. подгот. В.М. Жирмунский, Н.А. Сигал. Л.: Наука, 1967. С. 244–248. (Литературные памятники).

ЛАПАТУХИН 1963

Лопатухин М.С. Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России: дореволюционный период. Калинин: [б. и.], 1963.

ЛЕБЕДЕВ 1857

Лебедев П.С. Празднование по случаю двадцатипятилетия службы генерал-адъютанта Ростовцева по управлению военно-учебными заведениями / С приложением речей Билярского, де-Роберти, Греча Н.И., приветственных писем и стихотворений. [СПб.:] Военная типография, 1857.

ЛЕВКОВИЧ 1969

Левкович Я.Л. Принципы документального повествования в исторической прозе пушкинской поры // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969. Т. 6. С. 171–196.

ЛЕКОМЦЕВА, УСПЕНСКИЙ 1965

Лекомцева М.И., Успенский Б.А. Описание одной системы с простым синтаксисом // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: [б. и.], 1965. Вып. 181. С. 94–105. (Труды по знаковым системам. Т. 2).

ЛЕМКЕ 2014

Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения Собственного Его Императорского Величества канцелярии: репринтное издание. 3-е изд. М.: ЛЕАНД, 2014. (Академия фундаментальных исследований. История).

ЛОБИН 2013

Лобин А.Н. Инженер Доротео Алимари и начало строительства государственной резиденции в Стрельне // Константиновский дворец: садово-парковый ансамбль в Стрельне: исследования и материалы / Ред. и подгот. текстов О.М. Гаркуша. СПб.: Государственный комплекс «Дворец конгрессов», 2013. С. 8–31.

ЛОВОЙКО 2013

Лобойко И.Н. Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 2013. (Россия в мемуарах).

ЛППЭ 1994

Литературный Петербург пушкинской эпохи: адресный указатель / Сост. В.Ф. Шубин // *Дома у Пушкина: сборник статей.* СПб.: Арсис, 1994. С. 100–111.

ЛУТАНСКИЙ 1834

Луганский В. [*Даль В.И.*] Письмо к издателю из Оренбурга // Северная пчела. 1834. № 6. 9 января. С. 3–4.

ЛУКИН 2018

Лукин О.В. Работы С.-Г.-А. Герлинга в парадигме немецкой рациональной грамматики и лингводидактики XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. Т. 4. С. 137–143.

ЛФ 1835

Летопись факультетов на 1835 год, изданная в А. Галичем и В. Плаксиным: В 2 кн. СПб.: В типографии Глазунова, 1835.

МАКАРОВА 2006

Макарова В.С. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1(6). С. 12–15.

МАНФРЕД 1978

Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции: Жан-Жак Руссо; Оноре-Габриэль Рикетти де Мирабо; Максимилиан Робеспьер / Предисл. В. Далина. М.: Мысль, 1978.

МАРКОВИЧ 1989

Маркович В.М. Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сборник произведений. М.; Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. С. 5–42.

МАХОВ 2017

Махов А.Е. Реальность романтизма: Очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула: Аквариус, 2017.

МАЦАПУРА 2013

Мацапура Л.В. Традиции А. Радклиф в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Вісник Дніпропетровського університету ім. А. Нобеля. 2013. № 2(6). С. 118–124.

МАЦЕЕВИЧ 1898

Мацевич Л.С. Одесские заметки о Магницком // Русский архив. 1898. № 2. С. 225–226.

МАШЗМ 2011

Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин / Отыскал, перевел и привел в систему К. Душенко. 6-е изд., перераб. М.: Эксмо, 2011.

МЕНЬШОВ 2003

Меньшов В.М. Российские кадеты: В 5 т. СПб.: Береста, 2003.

МЕРИМЕ 1833

Мериме П. Видение Карла XI, короля шведского / Пер. И. Д-чъ // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1833. № 104. С. 827–831.

МЕТАКСА 1915

Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах российской эскадры, покорившей, под начальством адмирала Ф.Ф. Ушакова, Ионические острова, при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах / С предисл. и примеч. В. Ильинского. Пг.: Тип. Морского министерства, 1915.

МИЛЬЧИНА, ОСПОВАТ 2000

Мильчина В.А., Осповат А.А. Комментарии // Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фрр. В. Мильчиной, И. Стаф; общ. ред. и статья В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной, А. Осповата. М.: ТЕРРА, 2000. (Двуязыкая Клио: Версии и факты). Т. 1. С. 495–638.

МИНАКОВ 2017

Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I и Николая I // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 199.

МИНЬЕ 2006

Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 г. / Пер. с фр. И.М. Дебу, К.И. Дебу; под. ред. Ю.И. Семенова. М.: Государственная Публичная историческая библиотека России, 2006.

МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ 1841

Михайловский-Данилевский А.И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1841.

МНМ 1991—1992

Мифы народов мира: энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991—1992.

МОЗ 1795

Магазин общепользных знаний и изобретений с присовокуплением модного журнала, раскрашенных рисунков и музыкальных нот. СПб.: Тип. И. Шнора, 1795. Ч. 1 (январь—июнь).

МОСИЕНКО 2005

Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 155—161.

МТ 1825

[*Аноним.*] Модные обычаи // Прибавление к Московскому телеграфу. Март 1825. № V. С. 88—126.

МУРРЕ 2017

Мурре А. Система каналов и фонтанов Екатерининского дворца. Существенные и неосуществленные замыслы Николо Микетти и Петра I // *A maximus ad minima.* Малые формы в историческом ландшафте: Сборник

статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2017. С. 318–327.

НАЗАРЯН 2012

Назарян Е.А. Деятельность «Сословия призрения разоренным от неприятеля» по оказанию помощи пострадавшим в войне 1812 года (к постановке вопроса) // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых): Исследования и материалы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. Сб. 5. Кн. 1. С. 303–308.

НЕВОЛИН 1857

Неволин К.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857.

НИВЕ 1910

Ниве П.А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб.: Военная типография, 1910.

НИКИТЕНКО 1955–1956

Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955–1956. (Литературные мемуары).

НИКИТИН 2017

Никитин О.В. Лингвистические взгляды Н.И. Греча в контексте филологической традиции его времени (К 230-летию со дня рождения ученого) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 6. С. 59–68.

НИКИТИНА 2007

Никитина Е. Санкт-Петербургский Воспитательный дом под ведомством Императрицы Марии Федоровны, 1797–1828 гг. // Фонтанка: культурно-исторический альманах. 2007. № 2. С. 56–64.

НИКОЛИНА 2013

Николина Н.А. Грамматика Н.И. Греча. URL: <https://chast-re4i.livejournal.com/6897.html> (дата обращения: 30.07.2020).

НЛПС 1829

Некоторые любопытные приключения и сны из древних и новых времен. М.: В Университетской типографии, 1829.

Новицкая 2005

Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало, 2005.

Новицкая 2007

Новицкая Т.Е. Проблемы правового регулирования имущественных отношений в России во второй половине XVIII века // Вестник Московского университета. М.: Издательство Московского университета. 2007. № 2. С. 84–108.

ОА 1899–1913

Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. (6 вып.) / Изд. графа С.Д. Шереметьева; под ред. и с примеч. В.И. Саягова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899–1913.

Одоевский 1989

Одоевский В.Ф. Косморама // Русская и советская фангастика: повести и рассказы / Сост. В. Греков. М.: Правда, 1989. С. 175–244.

Ожегов 1992

Толковый словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. М.: Азъ, 1992.

Оксман 1934

Оксман Ю. К истории библиотеки Пушкина // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орлова. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1934. С. 443–447.

ОПБ 1867

Отчет Публичной библиотеки. 1867. № 11.

Орлов 1892

Орлов Н.А. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. СПб: Склад издания у В.А. Березовского, 1892.

ОСТРОГЛАЗОВ 1892

Остроглазов И.М. История одной редкой и замечательной книги // Библиографические записки. 1892. № 3–5, 8, 10.

ОТТО 1875

Отто Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 95–102, 293–302, 375–394; № 2. 165–182; № 3. 161–186.

ПЕ 1879

Письма Екатерины к герцогу Зюдерманландскому, регенту Швеции. 1792–1794 гг. // Русский архив. 1879. Т. 24. С. 533–538.

ПЕРЕТЦ 1924

Перетц В.Н. К столетию «истории» русской литературы: (По поводу «Опыта краткой истории русской литературы» Н.И. Греча. 1822 г.) // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1924. Т. 28. С. 200–213.

ПЕТРОВ 2010

Петров А.А. Примечания [к «Письмам В.Д. Олсуфьева В.А. Жуковскому»] // Русский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Русский Архив, 2010. [Т. XIX]. С. 328–337.

ПИКСАНОВ 1907

Пиксанов Н.К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831–1832) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1907. Вып. 5. С. 30–74.

ПИЛЬ 1789

Пиль Р. де. Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев, и примечание о портретах / Переведены первый с итальянского, а второй с французского коллежским ассессором Архиепом Матвеевичем Ивановым. СПб.: Печатано у Вильковского, 1789.

ПОЛЕВОЙ 1855

Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча 27-го Декабря 1854 г. / Составлено Кс. Полевым. СПб.: В типографии Академии наук, 1855.

ПОЛЕВОЙ 1990

Полевой Н.А. Взгляд на некоторые журналы и газеты русские // Полевой Н.А., Полевой К.А. Литературная критика: статья и рецензии, 1825–1842 / Сост., вступ. статьи и коммент. В. Березиной и И. Сухих. Л.: Художественная литература, 1990. С. 55–66.

ПОПОВА 1982

Попова И.М. Д.-Ф. Купер в России (1825–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 1982.

ПОРОХ 1975

Порох И.В. Еще раз по поводу записки о «Донесении Следственной комиссии» // В сердцах отечества сынов: декабристы в Сибири / Сост. и ред. С.Ф. Коваль; предисл. акад. М.В. Нечкиной; вступ. статья Ф.А. Кудрявцева. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975. (Декабристы в Сибири. Т. 3). С. 226–230.

ПСЗРИ 1830

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.

ПУШКАРЁВ 1841

Пушкарёв И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии: С виньеткой и планом С.-Петербур., испр. ком. гидравл. работ и гор. строений: В 4 ч. СПб.: В типографии Н. Греча, 1841.

ПУШКАРЁВ 1843

Пушкарёв И.И. Путеводитель по Санктпетербургу [*sic!*] и окрестностям его. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1843.

ПУШКИН 1937–1959

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1959.

ПУШКИН 1999–2005

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 5 т. / Сост. М.А. Цвяловский, Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999–2005.

ПЫЛЯЕВ 1996

Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга / Вступ. статья В.А. Витязевой, О.В. Миллер; авт. коммент. Л.И. Бройтман и др. СПб.: Лен-издат, 1996.

ПЫПИН 1916–1918

Пыпин А.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: В 3 т. Пг.: [б. и.], 1916–1918.

ПЮККЕНЕН 2007

Пюккенен А.Ю. Токсово — приход и поселок // Из истории Токсовского евангелическо-лютеранского прихода и его земель. СПб.: Инкери, 2007.

РАДИЩЕВ 1992

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В.А. Западов. СПб.: Наука, 1992. (Литературные памятники).

РБ 1989

Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1989. (Литературные памятники).

РЕЙТБЛАТ 2016

Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. (Новое литературное обозрение: научное приложение. Вып. 154).

РЕЙТБЛАТ 2018

Рейтблат А.И. Наблюдательный Наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164.

РИДЕР 2003

Ридер Г.Р. Библиотека Первого Кадетского корпуса: ее история и создание библиографической базы данных // Международный научно-практический семинар по машиночитаемой каталогизации старопечатной книги, 11 сент. 2003 г. СПб., 2003. URL: <http://www.nlr.ru/tus/110903/reader.html> (дата обращения: 30.08.2020).

РОВИНСКИЙ 1895

Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.: В 2 т. / Сост. Д.А. Ровинский (посмертное издание). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895.

РОСТОПЧИН 1887

Ростопчин Ф.В. 11-го сентября 1796. Записка современника графа Ростопчина, составленная для графа С.Р. Воронцова // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 96–97.

РОСТОПЧИН 1992

Ростопчин В.Ф. Ох, французы! М.: Русская книга, 1992.

РЫБАКОВ 1925

Рыбаков И.Ф. Тайная полиция в «Семёновские дни» 1820 г. // Былое. 1925. № 2. С. 69–86.

РЫЛЕЕВ 1954

Рассказы о Рылееве рассыльного «Полярной звезды» / Публ. Ю.Г. Оксмана // Литературное наследство. Т. 54: Декабристы-литераторы. М.: Издательство АН СССР, 1954. С. 251–256.

СВЕРБЕЕВ 2014

Свербеев Д.Н. Мои записки / Изд. подгот. М.В. Батшев, Б.П. Краевский, Т.В. Медведева. М.: Наука, 2014. (Литературные памятники).

СГЧ 1866

Греч Николай Иванович // Список гражданским чинам первых III-х классов / Исправлен по 1-е июня 1866 г. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1866.

СДЯ 1988

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988.

СЕКСТЕ 2010

Сексте Я.А. Густав IV и великая княжна Александра Павловна: История несостоявшегося брачного союза // Скандинавские чтения 2008 года / Сост. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 118–127.

СЕНКОВСКИЙ 1834а

[*Сенковский О.И.*] [Рецензия на изд.:] «Черная женщина». Роман Николая Греча, в четырех частях. Санктпетербург [sic!], 1834 // Библиотека для чтения. 1834. Т. 4. Отд. V: Критика. С. 17–54.

СЕНКОВСКИЙ 1834б

Сенковский О.И. Черная женщина и животный магнетизм: По поводу романа «Черная женщина» Н. Греча, 1834 // Русская словесность. 1834. С. 83–108.

СЕРКОВ 2001

Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001.

СИДЯКОВ 1985

Сидяков А.С. «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н.И. Греча: Из истории раннего восприятия повести Пушкина // Болдинские чтения – 1985. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1985. С. 164–173.

СКРК 2000

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М.: Пашков дом, 2000.

СОКОЛОВА 2008

Соколова Т.И. «Пространная русская грамматика» Н.И. Греча // Русская речь. 2008. № 3. С. 92–96.

Соколова 2009

Соколова Т.И. Морфологические концепты и терминологическая система их воплощения в грамматических исследованиях Н.И. Греча. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2009.

Соловьёв 1916—1917

Соловьёв Д.В. Греч. Его жизнь и литературно-журнальная деятельность // Филологические записки. 1916. № 1—6; 1917. № 1.

Сопиков 1813

Сопиков В.С. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках, от начала заведения типографий, до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних и новых редких книгах и их изданиях, и с краткими из оных выписками: собр. из достовер. источников. СПб.: В типографии Императорского театра, 1813.

СОРС 1822

Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, исправленное, умноженное и содержащее историю словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности: В 6 ч. СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1822.

Софокл 1990

Античные свидетельства о жизни и творчестве Софокла / Пер. В.Н. Чемберджи // Софокл. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского; изд. подгот. М.Л. Гаспаров, В.Н. Ярхо. М.: Наука, 1990. (Литературные памятники). С. 442—462.

СП 1793

Сивиллы правда: Астролог, предвозвещающий по планетам судьбу каждого человека, или Древняя гадательная книга Сивиллы с картами, недавно изобретенная по наблюдению течения небесных планет / Сост. С. Лебедев. М.: Тип. Исаака Н. Зедербана, 1793.

СПБАК 1809

Санктпетербургская [*sic!*] адресная книга на 1809 год. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1809.

СТАСОВ 1903

[*Стасов В.В.*] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Т. СХШ. Вып. 2. С. 305–328, 571–591.

СТЕПАНОВ 1953

Степанов Н.Л. Прозаики двадцатых–тридцатых годов // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. Т. 6: Литература 1820–1830 годов. С. 501–562.

СТЕФАНОВИЧ 1966

Стефанович В. Французские просветители XVIII века в переводах Вяземского // Русская литература. 1966. № 3. С. 82–92.

СУВОРОВ 1986

Суворов А.В. Письма / Изд. подгот. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1986. (Литературные памятники).

СУМАРОКОВ 1832

Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия Павлом Сумароковым, почетным членом Императорского Виленского университета: В 3 ч. СПб.: В типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1832.

ТВСП 2007

Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2009.

ТЕМПЕСТ 1989

Темпест Р. Философ-наблюдатель маркиз де Кюстин и грамматист Николай Греч // Символ. Париж, 1989. Июль. № 21. С. 195–211.

ТЕРПИГОРЕВ 1870

Терпигорев Н.Н. Николай Иванович Греч: рассказы о нем // Русская старина. 1870. Т. II. Вып. 7. С. 92–93.

Толстой 2001

Записки графа Федора Петровича Толстого / Сост. А.Е. Чекунова, Е.Г. Горохова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.

ТРЕТЬЯКОВА 2011

Третьякова О.В. Межкультурный диалог в романе Н.И. Греча «Поездка в Германию» (лингвокультурологический аспект) // Политическая лингвистика. 2011. № 1(35). С. 234–237.

Троицкий 1990

Троицкий В.Ю. Примечания // Греч Н.И. Черная женщина. Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году / Сост., подгот. текста и примеч. В.Ю. Троицкого // Три старинных романа: В 2 кн. М.: Современник, 1990. Кн. 2. С. 560–574.

Тройницкий 1915

Тройницкий С. Табакерка Императрицы Екатерины II с портретом султана // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. СПб.: Издание П.П. Вейнера; Типография Сириус. Март 1915. № 8. С. 43–44.

ТРОСТЕНЦОВА 1997

Тростенцова Л.А. Николай Иванович Греч (К 210-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1997. № 3. С. 55–58.

УРС 1839

Сивилла, или Утренняя рассказчица снов, выбранная из сочинений многих иностранных и в сногатадельной науке известных мужей, как то: Платона, Птолемея, Алия и др.: В 2 ч. М.: Тип. Кириллова, 1839.

Усов 1883

Усов П.С. Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни. (1850–1859 гг.) // Исторический вестник. 1883. № 8. С. 284–331.

УШАКОВ 1830

Ушаков В.А. Киргиз-кайсак: В 2 ч. М.: В типографии Н. Степанова, при Императорском театре, 1830.

УШАКОВ 1935–1940

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

ФЕДОРОВ 1967

Фёдоров А.В. Лермонтов и литература его времени. Л.: Художественная литература, 1967.

ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ 1985

Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подгот. Е.Г. Рабинович. М.: Наука, 1985. (Литературные памятники).

ХОМУК 2018

Хомук Н.В. Петербургский текст в романе Н.И. Греча «Черная женщина». Статья I // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2018. № 52. С. 231–244.

ЧАРУКОВСКИЙ 1828

Чаруковский П.А. Горячка от пьянства // Военно-медицинский журнал. 1828. Ч. 10. № 2/3. С. 201–228.

ЧАРУКОВСКИЙ 1829

Клинические наблюдения и замечания проф. П. Чаруковского: Белая горячка: *fabris metisthica* // Военно-медицинский журнал. 1829. Ч. 13. № 3. С. 395–431.

ЧЕРЕЙСКИЙ 1989

Черейский Л.А. Греч Н.И. // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. / АН СССР. Отделение литературы и языка Пушкинской комиссии; отв. ред. В.Э. Вацуро. Л.: Наука, 1989. С. 118–119.

ЧЕРНОВ 1994

Чернов А.В. Магницкий // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь: В 7 т. (издание продолжается). М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 448–449.

ШАМФОР 1780

Шамфор. Смирнинский купец / Пер. с нем. [В.В. Лазаревича]. СПб.: [б. и.], 1780.

ШАМФОРТ 1774

Молодая индианка. Комедия в 1-м действии г. Шамфорта / Пер. с нем. СПб.: В тип. Морского кадетского корпуса, 1774.

ШАНФОР 1819

Речь Шанфора об академиях / Пер. с фр. Д.А. СПб.: В тип. Н. Греча, 1819.

ШЕКСПИР 1828

Гамлет: Трагедия в пяти действиях. Соч. В. Шекспира. / Пер. с англ. М.В. СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1828.

ШЕКСПИР 1837

Шекспир В. Гамлет, принц датский: драматическое представление / Пер. с англ. Н. Полевого. М.: Тип. Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1837.

ШТОРХ 1955

[*Шторх Г.*] Императорский сухопутный шляхетный Кадетский корпус в царствование Императрицы Екатерины II-й / [Пер.] с нем. В. фон Рихтера // Военная быль. Париж, 1955. № 12. С. 21.

ЭМ 1997

Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. (Энциклопедия Литеры).

ЭРФР 1982

Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Мильчиной. М.: Искусство, 1982.

ЭСБЕ 1890—1907

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 + 4 доп.) / Под. общ. ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1890—1907.

ЮСИАХ 1914—1915

Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914 / Сост. С.Н. Кондаков. СПб.: Т-во Голике и Вильборг, 1914—1915.

Ю-ФАНГ 2000

Бу Ю-Фанг. Стилистические тенденции «шинуазри» в русском искусстве второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения; [С.-Петербург. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архит. им. И.Е. Репина, Рос. акад. художеств]. СПб., 2000.

ASSELINEAU 1868

Asselineau Ch. La Prédiction de Cazotte // Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire. 1868. P. 661–666.

GRETSCH 1837

Gretsch N. Die Schwarze Frau. Ein Roman: In 4 Bd. / Aus dem Russ. übers. von C.I. Schulz. Leipzig: C.E. Kollmann, 1837.

GRETSCH 1838

Gretsch N. La Femme Noire: In 2 vol. / Trad. du russe par Mme Sophie Conrad. P.: Bellizard, 1838.

GRETSCH 1844a

Gretsch N. Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine, intitulé «La Russie en 1839» / Trad. du russe par A. Kouznetzoff. P.: Au Comptoir des Imprimeurs-Unis, 1844.

GRETSCH 1844b

Gretsch N. Ueber das Werk «La Russie en 1839» par le marquis de Custine, aus dem Russischen übersetzt von W.v. Kozebue. P.; Heidelberg: [s. n.], 1844.

KÖNIG 1840

König H. N. Gretsch und die russische Leteratur in Deutschland. Hanau: Friedrich König, 1840.

KÖPPEN 1867

Köppen P. von. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St. Petersburg: [s. n.], 1867.

KVGK 1734

Die in ihrer Kunst vortrefflich geübte Köchin; oder Auserlesenes und vollständig vermehrtes allgemeines Koch-Buch: In 8 vol. 4 Aufl. Nürnberg: L. Bieling für W.M. Endters Erben, 1734.

LA HARPE 1806

La Harpe J.-F. de. Prophétie de Cazotte // *Laharpe J.-F. de.* Œuvres choisies et posthumes: En 4 vol. P.: Chez Migneret, 1806. Vol. 1. P. LXII–LXVIII.

REIFF 1828

Reiff C.Ph. Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire: En 2 vol. Saint-Petersbourg: Impr. de N. Gretsch, 1828.

SBL 1917–2011

Svenskt biografiskt lexicon. Stockholm: A. Bonnier, 1917–2011.

STORCH 1793–1794

Storch H. Gemählde von St. Petersburg. Riga: Bey Johann Friedrich Hartknoch, 1793–1794.

WAHL 1911

Wahl E. N. Isouard, sein Leben und sein Schaffen auf dem Gebiet der Opera-Comique. München: [s. n.], 1911.

WATEL 1828

Watel Th. Allgemeines deutsches Kochbuch; oder Leicht faЯliche Anleitung wie man auf die gesundeste und wohlfeilste Art sowohl die Einheimischen als auch die beliebtesten Nationalgerichte anderer Lnder schmackhaft zubereiten kann. Mit einem Anh. und einem erklärenden Wortreg. Hamm: Wundermann, 1828.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. на с. 5

Н.И. Греч. Карандашный рисунок. *Худ. В. Шертль*. 1840-е годы. М.: Государственный литературный музей, Серия открыток «К столетию смерти А.С. Пушкина (1837–1937)». № 25.

Ил. 1

Николай Греч. Гравюра. *Худ. Т. Райт* (Thomas Wright; ок. 1792 – ок. 1850). Публ. по изд.: Сочинения Николая Греча: В 5 ч. СПб.: В типографии Н. Греча, 1838. Ч. 5. Фронтиспис.

Ил. 2

Мария Ивановна Мюссар, мать первой жены Н.И. Греча. *Худ. Д.Г. Левицкий* (1735–1822). 1782 г. Холст, масло. 57 × 45 см.

Ил. 3

Павел Иванович Греч, младший брат Н.И. Греча. Гравюра. *Худ. В.Ф. Тимм* (1820–1895). Публ. по изд.: Греч Н.И. Генерал-майор Павел Иванович Греч: [некролог]. СПб.: Тип. Н.И. Греча, 1851. Фронтиспис.

Ил. 4

Фаддей Булгарин. Гравюра. *Худ. И. Фридерик*. 1828 г. Частная коллекция (далее – ЧК).

Ил. 5

Осип Сенковский. *Худ. А.П. Брюллов* (1798–1877). 1830-е годы. Бумага, акварель. ЧК.

Ил. 6

Рисунок с обложки альманаха «Новоселье» (ч. 1), изданного в типографии А.Ф. Смирдина. *Худ. К.П. Брюллов* (1799–1852). Публ. по изд.: Новоселье. СПб.: В типографии вдовы Плюшар с сыном, 1833.

Ил. 7

Греч и Булгарин. *Худ. П.А. Каратыгин* (1805–1879). 1849 г. Бумага, акварель, гуашь, лак.

Ил. 8

Грехопадение первого человека в литературе. *Худ. не установлен.* Ок. 1837–1838 гг. Публ. по изд.: Русская старина. 1898. Т. ХСШ. Вып. 2. С. 325.

Ил. 9

Булгарин и Греч. *Худ. не установлен.* 1834 г. Публ. по изд.: *Мордовченко Н. Белинский в борьбе за натуральную школу* // Белинский И. М.: Издательство АН СССР, 1948. С. 211. (Литературное наследство. Т. 55, кн. 1).

Ил. 10

Сенковский, Греч и Булгарин у книжной лавки Смирдина. *Худ. Н.А. Степанов.* 1840-е годы. Бумага, акварель, тушь.

Ил. 11

Греч в своем кабинете. Гравюра. *Худ. В.Ф. Тилл.* 1840-е годы. ЧК.

Ил. 12

Ваза, поднесенная Н.И. Гречу в день празднования его пятидесятилетней литературной деятельности, 27 декабря 1854 года. Гравюра. *Худ. не установлен.* Публ. по изд.: Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности Николая Ивановича Греча 27-го Декабря 1854 г. / Составлено Кс. Полевым. СПб.: В типографии Академии наук, 1855. С. Ш.

Ил. 13

Могила Греча на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге. *Современная фотография.*

Ил. 14

Титульная страница изд.: *Греч Н.И.* Черная женщина: Роман: В 4 ч. / С посвящением В.А. Ушакову. СПб.: Тип. Н. Греча, 1834.

Ил. 15

Титульная страница изд.: Начальные правила русской грамматики, изданные Николаем Гречем. 9-е изд. СПб.: Тип. Императорского Санктпетербургского (*sic!*) воспитательного дома, 1842.

Ил. 16

Титульная страница изд.: Ключ к решению задач, содержащихся в «Руководстве к изучению русской грамматики» Н. Греча. СПб.: [Типография Н. Греча], 1843.

Ил. 17

Титульная страница изд.: Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем: В 4 ч. 3-е изд., испр. и пополн. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1844. Ч. 4.

Ил. 18

Титульная страница изд.: Театрал: Карманная книжка для любителей театра. СПб.: Тип. Н. Греча, 1853.

Ил. 19

Иллюстрация к роману «Черная женщина» (сцена из гл. VI). *Худ. А.В. Нотбек* (1802–1866), *гравёр Т. Райт*. 1838 г. Публ. по изд.: Сочинения Николая Греча. 1838. Ч. 1. Фронтиспис.

Ил. 20

Петр Карлович Клодт. *Худ. П.Ф. Соколов* (1787–1848). Ок. 1835 г. Бумага, акварель.

Ил. 21

Николай Александрович Бестужев. *Автопортрет*. 1825 г. Бумага, гуашь.

Ил. 22

Александр Николаевич Голицын. *Худ. не установлен*. Втор. четв. XIX в. Холст, масло. 68 × 59,5 см. Алупкинский музей-заповедник.

Ил. 23

Тереза Ивановна Шне (Шнее), прабабушка Н.И. Греча. *Худ. К.-Л. Христи-нек* (Carl Ludwig Johann Christineck; 1732/1733—1792/1794). 1777 г. Холст, масло. ЧК.

Ил. 24—27

Публ. по изд.: Достопамятности Петербурга и его окрестностей (= Description des objets les plus remarquables de St. Petersbourg et de ses environs) / Сочинение П. Свинына (= Par P. Svignine). СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1816—1826.

Ил. 24 Казанский собор.

Ил. 25 Летний сад.

Ил. 26 Императорская Публичная библиотека.

Ил. 27 Больница для бедных.

Ил. 28

Полицейский мост. Литография. *Худ. Дж. Дазиано* (Joseph Daziario; 1806—1865). 1830-е годы. Публ. по изд.: *Daziario J. Souvenir de St. Petersbourg* (= Воспоминание о Санкт-Петербурге). СПб.; М.: Печатано в типографии Фельтен в Петербурге и Карлсруе, [1850].

Ил. 29

Каменноостровский дворец. Литография. *Худ. Дж. Дазиано*. 1830-е годы. Публ. по изд.: *Daziario J. Souvenir de St. Petersbourg*...

Ил. 30

Кадеты Первого сухопутного корпуса третьего, первого и второго возрастов (форма образца 1762—1796 гг.). *Худ. не установлен*. Нач. XIX в. ЧК.

Ил. 31

Парусное вооружение, боковой вид и вид сверху фрегата «Богоявление». *Автор не установлен*. Ок. 1798 г. ЦГАВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1749, 1681. URL: <http://www.shipslib.com/lit/spp/spp8.html> (дата обращения: 03.10.2020).

Ил. 32

Битва при Нови. *Худ. А.Е. фон Коцебу* (1815–1899). Между 1852 и 1855 гг.
Холст, масло. 35,5 × 21,5 см.

Ил. 33

Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г. Гравюра. *Худ. не установлен.*
Кон. XVIII в. ЧК.

Содержание

Николай Греч

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Василию Аполлоновичу Ушакову..... 9

Книга первая

I.....	11
II.....	14
III.....	19
IV.....	26
V.....	31
VI.....	35
VII.....	44
VIII.....	51
IX.....	56
X.....	69
XI.....	73
XII.....	78
XIII.....	82
XIV.....	86
XV.....	96
XVI.....	102
XVII.....	105
XVIII.....	109
XIX.....	113
XX.....	119
XXI.....	121

Книга вторая

XXII.....	125
XXIII.....	129
XXIV.....	133
XXV.....	137

XXVI.....	141
XXVII	145
XXVIII.....	148
XXIX.....	151
XXX.....	157
XXXI.....	161
XXXII	166
XXXIII	169
XXXIV	171
XXXV.....	174

Книга третъа

XXXVI.....	185
XXXVII	188
XXXVIII	194
XXXIX.....	197
XL	204
XLI	212
XLII.....	215
XLIII	225
XLIV.....	229
XLV.....	231
XLVI	237
XLVII.....	242
XLVIII.....	246
XLIX	289
L	297
LI.....	303
LII.....	315
LIII	320
LIV	326
LV.....	329
LVI.....	333
LVII.....	335
LVIII	337
LIX.....	342
LX	348
LXI.....	355

ДОПОЛНЕНИЯ

<i>Осип Сенковский. Черная женщина и животный магнетизм. По поводу романа «Черная женщина» Н. Греча (1834)</i>	359
<i>[Простер Мериме.] Видение Карла XI, короля шведского. Пер. с фр. И. Д-ча</i>	377

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А.И. Рейтблат, Е.В. Маркасова, В.А. Кошелев. Журналист, филолог, педагог Николай Греч и его роман «Черная женщина»</i>	387
<i>Е.В. Маркасова. «Черная женщина»: прототипы персонажей</i>	432
<i>Примечания. Сост. Е.В. Маркасова</i>	447
<i>Краткая хроника жизни и деятельности Николая Ивановича Греча. Сост. Е.В. Маркасова, А.И. Рейтблат</i>	589
<i>Список сокращений</i>	621
<i>Список иллюстраций. Сост. Е.В. Маркасова</i>	659

Греч, Николай

Черная женщина / Изд. подгот. Е.В. Маркасова. — М.: Ладомир: Наука, 2020. — 668 с., илл. (Литературные Памятники / РАН).

ISBN 978-5-94451-059-4

ISBN 978-5-86218-593-5

Роман «Черная женщина» (1834) — главное произведение писателя, публициста, журналиста и филолога Николая Ивановича Греча (1787—1867), одно из незаурядных явлений Пушкинской эпохи. Грандиозный по замыслу, роман охватывает три десятилетия русской жизни рубежа двух великих веков и вслед за «Евгением Онегиным» достоин быть назван «энциклопедией русской жизни».

Оглядываясь на немецкую готическую традицию (Шпис, Вульпиус, Цшокке), Греч перенимает ее идеи и образы — и умело приживляет на русской почве. Налицо все главные составляющие готического романа: чудесные встречи, пророчества, наваждения, масонские тайны, месмерические опыты и животный магнетизм — главная мода эпохи, а в центре сюжета — история человека, которому было предсказано, что счастье он обретет не где-нибудь, а «в гробу». Многочисленные персонажи втянуты в круговорот событий, за которыми нависает образ Черной женщины — нечто трудноуловимое: не то олицетворение детского ужаса, не то добрый гений-хранитель, а может статься, и воплощение всеведущего Провидения. Мастерски скроенный сюжет влечет читателя по лабиринту загадочных событий, истории о которых вставными новеллами искусно вплетены в ткань повествования: вещие сны, прозрения, предсказания, молва об огненном змее, пролетевшем в полночь над Петербургом, предчувствие скорой смерти...

Размах «Черной женщины» впечатляет: бунт Пугачёва, землетрясение в Лиссабоне, уход из жизни Екатерины II, Французская революция, войны в Италии, схватки на кавказской границе

В раздел «Дополнения» вошло эссе О.И. Сенковского с анализом животного магнетизма в романе и первый русский перевод новеллы П. Мериме о видении Карла XI, на который опирался Греч.

Погрузиться в историю жизни и творчества Греча позволит подробная хронология, насыщенная цитатами и воспоминаниями о нем современников.

Публикация «Черной женщины» продолжает линию готических романов, начатую в серии «Литературные памятники» в 1967 году томом «Фантастические повести» («Замок Отранто» Г. Уолпола, «Влюбленный дьявол» Ж. Казота, «Ватек» У. Бекфорда) и продолженную «Рукописью, найденной в Сарагоссе» Я. Потоцкого (1968), «Мельмотом Скитальцем» Ч.-Р. Метьюрина (1970), «Итальянцем» А. Радклиф (2009), «Духовидцем» Фр. Шиллера, «Гением» К. Гроссе, «Абеллино» Г. Цшокке (2009), «Франкенштейном» и «Последним человеком» М. Шелли (2011), и, наконец, совсем недавней публикацией (2019) — романом Н.И. Гнедича «Дон-Коррадо де Геррера» и трагедией В.Т. Нарезного «Мертвый замок», стоящих у истоков русской готической традиции.

Удивительный и, несомненно, самый популярный роман Н.И. Греча, впервые столь тщательно изданный, сопровождаемый подробнейшим комментарием, с полным правом возвращается к русскоязычному читателю.

Научное издание

НИКОЛАЙ ГРЕЧ
ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»*

Редактор *Г.А. Велигорский*
Корректоры *О.Г. Наренкова, Е.В. Серов*
Макет *А. Наумов*
Компьютерная верстка *В.Г. Курочкин*

Подписано в печать 16.10.2020
Формат 70×90/16. Печать офсетная
Гарнитура «Баскервиль». Печ. л. 43.
Тираж 500 экз. Зак. № К-10585

Научно-издательский центр «Ладомир»
при участии ООО «ВРС»
124365, Москва, Зеленоград, ул. Заводская, 4
Телефон склада: +7 499 729 9670
e-mail: ladomirbook@gmail.com

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в АО «ИПК «Чувашия»»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

Информацию о новинках «Ладомира»
(в том числе о лимитированных коллекционных изданиях),
условиях их гарантированного и льготного приобретения,
интервью с авторами и руководством издательства,
прочие интересные сообщения можно оперативно получать,
если зарегистрироваться в «Твиттере» «Ладомира»:
<https://twitter.com/LadomirBook>

